

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

63

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2018 Issue 63

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2018 Выпуск 63

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет
Мехико

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 63

М.: ИВИ, 2018. — 400 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

ISSN 2073-7564

Эл. № ФС 77-53624

DIALOGUE WITH TIME 63

Moscow: IWN, 2018. — 400 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Подписной индекс
в общероссийском каталоге «Роспечать»
36030

© Общество интеллектуальной истории, 2018
© Институт всеобщей истории, 2018
© Журнал «Диалог со временем», 2018

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

КОНСТАНС БЛЭКВЕЛЛ

С глубоким прискорбием сообщаем о кончине Констанс Блэквелл (15.12.1934 – 29.03.2018), основателя и первого председателя Международного Общества интеллектуальной истории (ISIH).

Констанс Блэквелл — уроженка Чикаго. Начав свои исследования с изучения истории историописания и философии ренессансной Европы в Колумбийском университете под руководством П. Кристеллера, она сохранила живой интерес к интеллектуальной культуре раннего Нового времени на протяжении всего своего пути. Во многом ее жизнь была связана с образовательной деятельностью: она преподавала в университете Нью-Йорка (Queens College, CUNY); в начале 1970-х годов была советником мэра Нью-Йорка по образованию. С тех пор и до конца жизни ею руководило стремление поддерживать молодых ученых, делавших первые шаги на избранном ими пути. Переехав в Лондон в середине 1970-х гг., Констанс Блэквелл продолжала свои исследования, фокус которых сместился к истории аристотелевской традиции в европейской мысли XVI–XVIII вв. Ее статьи, посвященные анализу трудов Ф. Каэтано, М. Зимары, Б. Перейры и Дж. Забареллы, всегда вызывали неизменный интерес у научной общественности, привлекая внимание историков поздней схоластики. Она активно участвовала в работе Общества Ренессансных исследований и в 1984–1988 гг. редактировала издаваемый Обществом Бюллетень.

Констанс Блэквелл собирала вокруг себя исследователей, заинтересованных в междисциплинарном и международном диалоге. Созданный ею в 1988 г. Фонд Интеллектуальной истории предоставлял стипендии молодым ученым, давая им возможность участвовать в конференциях, поддерживал организацию семинаров по истории философской и научной мысли раннего Нового времени в Варбургском институте (Лондон), Вольфенбюттельской библиотеке (Германия), Фолгеровской библиотеке (США, Вашингтон). Из дружеского обмена мнениями в ходе таких семинаров, а также в стенах ее гостеприимного лондонского дома выросла реализованная Констанс Блэквелл в 1994 г. идея создания Международного Общества Интеллектуальной истории. Общество регулярно проводило конференции, посвященные проблемам интеллектуальной истории, издавало бюллетень *Intellectual News* (в 1996–2006 гг. Констанс Блэквелл была бессменным ее редактором), позднее возник журнал *Intellectual History Review*.

Констанс Блэквелл была большим другом Российского Общества интеллектуальной истории с момента его основания. Она многократно участвовала в работе его конференций. Ее поддержка, душевная щедрость, дар общения и дружеского участия навсегда останутся в памяти тех, кто знал и любил ее.

И. М. САВЕЛЬЕВА

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ: «RETURN TO THE REAL»¹

Теория исторической науки претерпевает сегодня очередную трансформацию. На смену завершившемуся лингвистическому и культурному поворотам идет новая парадигма, которую с необходимой осторожностью можно назвать «возвращением к реальному». Происходящая смена эпистемологических ориентиров отличается беспрецедентным интересом историков к проблемам исторического времени, причем она позволяет говорить о радикально новом видении не только исторического времени, но и исторического пространства. В первой части данной статьи представлены некоторые направления радикальных новаций в теории истории, наметившиеся буквально в последние годы, вторая часть содержит анализ новых подходов к историческому времени.

Ключевые слова: «поворот к реальному», история и теория, реализм, антиреализм, историческое время, модерн, прошлое, мультитемпоральность

От сциентизма к «культурным войнам»

В истории идей трудно проводить границы даже ретроспективно, но применительно к исторической науке XX в. представляется возможным определить разрывы по десятилетиям. Первый такой водораздел в XX в. – настоящая научная революция в историографии. 1960–1970-е гг. оказались необычайно динамичным периодом для социальной науки в целом и для истории в частности. Это было время, когда происходила активная сциентизация истории с опорой на структурно-функциональный анализ и системный подход: когда теории были эксплицитными, законы универсальными, подходы макроисторическими, методы точными, «нарративы большими». Представление о научности исследования отсылало к таблицам, схемам, статистике и точным наукам и, соответственно, к математическим методам (клиометрика). Во всяком случае, в той части историографии, которая считалась и называлась «новой научной» – само определение свидетельствует о многом².

Однако период доминирования «новой научной истории» оказался недолгим, *Zeitgeist* установился постмодернистский и постструктура-

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

² Репина 2011; Савельева 2017.

листский, на смену «новой научной» пришла культурная история. Она существовала в очень разных изводах (лингвистический и визуальный повороты – важнейшие из них), но уводила от строгой научности. В связи с этим в конце 1970-х появился диагноз о «прогрессирующей деменции» дисциплины, данный Тони Джадом³. Но настоящие «культурные войны» разгорелись на рубеже 1990-х. В это время ожесточение представителей противостоящих лагерей было велико, и, как написал много лет спустя Джеф Эли, «пространство эффективных раздумий о действительно важных проблемах безнадежно сузилось из-за взаимоисключающего эпистемологического выбора, который стремились навязать сторонники и противники постструктурализма»⁴. Представление о накале страстей дают дебаты на страницах ключевых исторических журналов⁵, а также некоторые автобиографические сочинения ведущих историков, появлявшиеся с конца 1990-х и до последнего времени⁶.

«Культурная» историческая программа реализовала сдвиг от макро к микро, от причинности к случайности, от универсального к индивидуальному, от реального к релятивному, от дуалистических оппозиций (буржуазия/рабочие, аристократия/простонародье, город/деревня, модернизация/традиция) к изучению социальных траекторий, культурных обменов, множественных идентичностей. При этом теоретического обновления истории, сколько-нибудь сопоставимого даже с любым из десятилетий второй половины XX в., на рубеже веков не происходило – ни на уровне внедрения новых «сильных» концепций, ни в сфере теоретической рефлексии. Развернутое обоснование этого тезиса содержится в моей статье «Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронтир»⁷, предлагавшей ревизию теоретического состояния исторической науки за 1990–2000-е годы.

Мой анализ начинался с обзора журнала “*History and Theory*”, который для историков служит главным ориентиром в высоких сферах «теории истории». Следует подчеркнуть, что речь идет не просто о ведущем журнале по теории истории, но о международном издании, которое отражает ситуацию не только в англоязычном мире, что под-

³ Judt 1979. P. 89.

⁴ Elye 2005. P. 158.

⁵ См.: Scott 1986; Stone 1991. P. 217–218, с последующей полемикой на страницах журналов «*American Historical Review*» и «*Social History*»: Joyce 1991 204–209, Kelly 1991. P. 209–213; Stone 1992. P. 189–194, Spiegel 1992. P. 194–208; Mayfield, Thorne 1992. P. 165–188; Lawrence, Taylor 1993. P. 1–15; Joyce 1993. P. 81–85; Joyce 1995. P. 73–91; Joyce 1996. P. 96–98; Mayfield, Thorne 1993. P. 219–233; Easthope 1993. P. 235–249; Vernon 1994. P. 81–97; Kirk 1994. P. 221–240; Boyd 1995. P. 93–100; Eley, Nield 1995. P. 355–364; Steinberg 1996. P. 193–214.

⁶ Steedman 1986; Davis 1997; LaCapra 2004; Eley 2005; Spiegel 2007; Lerner 2009.

⁷ Савельева 2012.

тверждается и его высоким импакт-фактором (I квартиль WoS) и интернациональным составом авторов. В целом ведущие научные журналы в любой области являются прекрасными индикаторами состояния дисциплины и ее отдельных направлений, как и состояния сообщества, господствующих в нем конвенций относительно критериев производства и признания нового знания. Названия тематических номеров, проблематика статей, стилистика вводных «обращений от редактора» позволяют быстро расставить маркеры на поле теоретических поисков, указывают на новые области исследования, обозначают междисциплинарные перекрестки. Журнал “*History and Theory*”, проанализированный за 1990–2000-е гг., указал на происходившую с 1990-х смену тематических приоритетов и даже на размывание границ между научной и не вполне научной историей. Поражало изобилие статей о кино, опере, фотографии, сериалах, исторической памяти, «неконвенциональной истории» и прочих сюжетах, типичных для «культурных исследований». Красноречивым свидетельством был и читательский интерес к этим темам, зафиксированный в списках самых популярных статей. Столь же очевидным было отступление на второй план и даже исчезновение традиционных «больших» теоретических тем, таких как историческое время, историческая истина, исторический нарратив, традиция, социальные структуры и институты, историческая личность и т.д. Последовавшее внимательное изучение большого массива литературы за те же примерно 20 лет (1990–2000-е гг.) подтвердило наблюдения, сделанные на основе материалов “*History and Theory*”, хотя занятия социальной историей и размышления о том, является ли история социальной наукой, привели в последние годы к более оптимистичным выводам.

Все же недавно я вернулась к вопросам теории в истории, просмотрев выпуски “*History and Theory*” с 2010 по 2017 гг. Решение оказалось своевременным, а результаты стимулирующими. Уже названия тематических номеров за эти годы показали совершенно новую картину (или возвращение к старым важным темам теории исторической науки).

Вставка 1

Названия и номера (в обратном порядке) тематических выпусков за 2010–2015

Theme Issue 54: 2015	Words, Things, and Beyond: Foucault’s Les mots et les choses at 50
Theme Issue 53: 2014	History and Theory in a Global Frame
Theme Issue 52: 2013	Does History Need Animals?
Theme Issue 51: 2012	Tradition and History
Theme Issue (Virtual Issue): 2012	Forum on Metaphysics of Time
Theme Issue 50: 2011	Historical Distance: Reflections on a Metaphor
Theme Issue 49: 2010	History and Theory: The Next Fifty Years

Среди важнейших для журнала историко-теоретических проблем в последние годы нет исторической памяти, фотографии, гендера, неакадемических форм истории, зато вернулись традиционные историко-философские сюжеты и появились новые, связанные с «естественно-научным» поворотом в социальных науках. Новая ориентация журнала достаточно ясно декларирована в словах его очередного редактора Этана Клейнберга во введении к знаковому номеру о метафизике времени: «Авторы этих работ стремятся компенсировать те недостатки, которые они усматривают в чрезмерном внимании к проблематике «языка» и репрезентации, из-за чего мы перестаем ясно видеть свою цель – познание прошлого – и двигаться к ней, подменяя задачу изучением того, какими средствами мы подходим к ее решению. Если же учесть еще и растущий интерес к материальной культуре, к путям развития естественных наук и к природе тела, то едва ли останется сомнение в том, что происходит возвращение к реальному»⁸. Слово «*teal*» в рассуждении Клейнберга является ключевым. И, если обратиться к семантике понятия «*teal*», то здесь подходят многие смыслы: реальный, действительный, вещественный, фактический, настоящий, а для историков-реалистов приемлемым будет также: истинный и сущий.

Конечно, факт смены редактора означает немало. Для ведущего журнала это особенно важно⁹. Но ведь новым редактором стал не теоретик исторической памяти Элко Руниа, и не Алайда Ассман. Им стал историк Этан Клейнберг директор Центра гуманитарных наук Уэслейнского университета, автор *Generation Existential: Martin Heidegger's Philosophy in France, 1927-61*¹⁰ и составитель тома *Presence: Philosophy, History, and Cultural Theory for the Twenty-First Century*.

Если посмотреть на списки самых читаемых статей из «*History and Theory*» по данным журнальной базы Scopus за 2010–2017 гг., то ситуация становится еще нагляднее.

Вставка 2. Top highlights “History and Theory” 2010–2017, Scopus

Год публикации	Название документа	Авторы	Том	№.
2010	The history of emotions: An interview with William Reddy, Barbara Rosenwein, and Peter Stearns	Plamper J.	49	2

⁸ History and Theory 2012.

⁹ См. также «Беседу о прошлом, настоящем и будущем журнала *History and Theory* Этана Клейнберга с его непосредственным предшественником Брайаном Фэйем». URL: <https://vimeo.com/36502249>

¹⁰ В 2006 г. книга получила присуждаемую Journal of the History of Ideas премию (Morris D. Forkosch prize) как лучшая книга по интеллектуальной истории.

2012	Are emotions a kind of practice (and is that what makes them have a history)? A bourdieuan approach to understanding emotion	Scheer M.	51	2
2012	Against periodization: Koselleck's theory of multiple temporalities	Jordheim H.	51	2
2010	The return of universal history	Christian D.	49	4
2011	Forum: Holberg prize symposium doing decentered history: 1. Decentering history: Local stories and cultural crossings in a global world	Davis N.Z.	50	2
2011	Performing history: How historical scholarship is shaped by epistemic virtues	Paul H.	50	1
2012	The pasts	Roth P.A.	51	3
2014	What is a scholarly persona? Ten theses on virtues, skills, and desires	Paul H.	53	3
2014	Entangled memory: Toward a third wave in memory studies	Feindt G. et al.	53	1
2010	A strange career: The historical study of economic life	Sewell Jr. W.H.	49	4
2011	Distance and self-distanciation: Intellectual virtue and historical method around 1900	Paul H.	50	4
2012	The incommensurability of psychoanalysis and history	Scott J.W.	51	1
2011	American history in a global age	Neem J.N.	50	1
2010	Koselleck, Arendt, and the anthropology of historical experience	Hoffmann S.-L.	49	2
2013	At home and in the workplace: A historical introduction to the "spatial turn"	Kumin B., Usborne C.	52	3
2013	From secret agents to interagency	Despret V.	52	4
2011	Why historical distance is not a problem	Bevir M.	50	4
2010	When the monograph is no longer the medium: Historical narrative in the online age	Rigney A.	49	4
2010	Challenging certainty: The utility and history of counterfactualism	Kaye S.T.	49	1
2013	The torturer's horse: Agency and animals in history	Shaw D.G.	52	4

Анализ самых читаемых, а значит самых востребованных научно-актуальных статей позволяет идентифицировать узловые направления трансформации исторической науки:

- Переосмысление категории «историческое время»;
- Глобальная история и пространственный поворот;
- «Естественная история» (холистический взгляд на историю природы и человека);
- Содержание исторической профессии и эпистемические ценности;
- Интервенционистская биография.

Поворот к реальному в разных направлениях представлен в разной степени, но то, что новый редактор Этан Клейнберг назвал «return to the real», возможно, самое главное в происходящем с исторической наукой и не только на передовых рубежах («тылы» не были столь тотально затронуты лингвистическим поворотом, релятивизацией и пр.).

«Поворот к реальному» вовсе не означает возвращения к историческому реализму, суть которого состоит в представлении, что прошлые «ищутся и находятся, а не создаются» (*pasts as made and not found*)¹¹. Пол Рот в своих лекциях для характеристики прошлого с позиций исторического реализма использует образ «обросшего шерстью мамонта» (*woolly mammoth*). Об этом доисторическом животном долго судили по костным останкам, пока однажды в Арктике не обнаружили полностью сохранившегося мамонта, вмёрзшего в лед. «Реалисты мыслят аналогично: как будто бы события прошлого навсегда вмёрзли в какую-то зафиксированную структуру, дожидаясь прихода историка, который разгребет напластования времен и представит прошлое во всем его былом великолепии»¹². От такой грубой интерпретации реальности прошлого историческая наука в целом ушла (хотя имплицитно эта идея в сочинениях части историков еще присутствует), но сегодня она уходит и от антиреализма с его абсолютным лингвистическим конструктивизмом, господствовавшим в последние десятилетия XX века.

Новая «руководящая линия» для дисциплины может быть суммирована в старой максиме «нет построения, нет референции» (*no constitution, no reference*). Последнее означает, что наполненное событиями историческое прошлое существует только как результат нашего теоретизирования: мы имеем дело не с «прошлым», а с «парадигмой прошлого», неким конвенциональным в каждый данный период теоретическим построением, возникающим на основе имеющихся сведений и знаний и заключающим в себе потенциал для ответа на вопрос: что говорят о прошлом новые сведения? Утверждение, что исторические

¹¹ Roth 2012. P. 313.

¹² Ibid. P. 314.

вопросы имеют смысл только в контексте теории, предполагает выведение событий и фактов из свидетельств согласно логике существующих конвенциональных исторических конструкций, а не произвольное конструирование, подчиняющееся лишь законам построения нарратива. Если не существовало бы «строения прошлого», опирающегося на существующие следы и размещенного в актуальном контексте, задавать новые вопросы свидетельствам было бы бессмысленно.

Время истории

Самым интересным, с моей точки зрения, в происходящем развороте является активное переосмысление проблематики «исторического времени», причем «времени», понимаемого как ключ к новым интерпретационным моделям (подходам). Время является важнейшей эпистемической категорией для исторической науки, и от его истолкования зависит любая, даже самая локальная, историческая конструкция. Два тематических выпуска в ведущем журнале за пять лет – это невиданная плотность, но и помимо тематических номеров в журнале «*History and Theory*» много материалов о времени.

Вставка 3. Статьи по проблемам исторического времени, опубликованные в "History and Theory" за 2002–2016 гг.

- Spiegel G.M. Memory and History: Liturgical Time and Historical Time // *History and Theory*. 2002. Vol. 41. No. 2. P. 149–162.
- Runia E. Spots of Time // *History and Theory*. 2006. Vol. 45. No. 3. P. 305–316.
- Bentley M. Past and 'Presence': Revisiting Historical Ontology // *History and Theory*. 2006. Vol. 45. No. 3. P. 349–361.
- Domanska E. The Material Presence of the Past // *History and Theory*. 2006. Vol. 45. No. 3. P. 337–348.
- Pollock S. Pretextures of Time // *History and Theory*. 2007. Vol. 47. No. 3. P. 366–383.
- Chekuri C. Writing Politics Back into History // *History and Theory*. 2007. Vol. 47. No. 3. P. 384–395.
- Mantena R. The Question of History in Precolonial India // *History and Theory*. 2007. Vol. 47. No. 3. P. 396–408.
- Rao V.N., Shulman D., Subrahmanyam S. A Pragmatic Response // *History and Theory*. 2007. Vol. 47. No. 3. P. 409–427.
- Hoffmann S.-L. Koselleck, Arendt, and the Anthropology of Historical Experiences // *History and Theory*. 2010. Vol. 49. No. 2. P. 212–236.
- Mitrović B. Attribution of Concepts and Problems with Anachronism // *History and Theory*. 2011. Vol. 50. No. 3. P. 303–327.
- Vieira R.A. Connecting the New Political History with Recent Theories of Temporal Acceleration: Speed, Politics, and the Cultural Imagination of fin de siècle Britain // *History and Theory*. 2011. Vol. 50. No. 3. P. 373–389.
- Kellner H. Beyond the Horizon: Chronoschisms and Historical Distance // *History and Theory*. 2011. Vol. 50. No. 4. P. 38–50.

- History and Theory. 2012. Virtual Issue 1: The New Metaphysics of Time. URL: [http://onlinelibrary.wiley.com/store/10.1111/\(ISSN\)1468-2303/asset/homepages/1EthanIntro.pdf?v=1&s=7076aadf13c353a42bd5fcdf775f1b0dfe33abaa&isAguDoi=false](http://onlinelibrary.wiley.com/store/10.1111/(ISSN)1468-2303/asset/homepages/1EthanIntro.pdf?v=1&s=7076aadf13c353a42bd5fcdf775f1b0dfe33abaa&isAguDoi=false).
- Forum: Multiple Temporalities // History and Theory. 2014. Vol. 53. No. 4. P. 498–518.
- Riecken N. History, Time, and Temporality in a Global Frame: Abdallah Laroui's Historical Epistemology of History // History and Theory. 2015. Vol. 54. No. 4. P. 5–26.
- Jansen H. Time, Narrative, and Fiction: The Uneasy Relationship between Ricoeur and a Heterogeneous Temporality // History and Theory. 2015. Vol. 54. No. 1. P. 1–24.
- Xupeng Zh. In and out of the West: On the Past, Present, and Future of Chinese Historical Theory // History and Theory. 2015. Vol. 54. No. 4. P. 46–63.
- Bouton C. The Critical Theory of History: Rethinking the Philosophy of History in the Light of Koselleck's Work // History and Theory. 2016. Vol. 55. No. 2. P. 163–184.
- Griffioen S. Modernity and the Problem of its Christian Past: The Geistesgeschichten of Blumenberg, Berger, and Gauchet // History and Theory. 2016. Vol. 55. No. 2. P. 185–209.
- Cardoso H.R. Peirce and Foucault on Time and History: The Tasks of (Dis)Continuity // History and Theory. 2016. Vol. 55. No. 1. P. 25–38.
- Jansen H. In Search of New Times: Temporality in the Enlightenment and Counter-Enlightenment // History and Theory. 2016. Vol. 55. No. 1. P. 66–90.

Тема времени – вовсе не специфический уклон в публикационной политике журнала. Картину стремительного нарастания интереса историков к анализу темпоральности мы наблюдаем и в монографическом сегменте. В середине 1990-х существовало всего несколько книг об историческом времени, написанных послевоенными историками: среди них самые известные – труды Фернана Броделя и Райнхарда Козеллека. Именно поэтому мы назвали свою книгу, опубликованную в 1997 г., «История и время: в поисках утраченного»¹³, подчеркнув тем самым, что историки не занимаются анализом темпоральных категорий, хотя справедливо считают себя специалистами по прошлому. Тогда работа с этой темой требовала прочтения огромного массива философских сочинений о времени, а также не столь многочисленных, но важных для понимания специфики исторического времени, социологических, экономических и антропологических исследований.

Бродель установил отношения истории с социологией времени и антропологией времени, а Козеллек связал темпоральность с филологией и лингвистикой, продемонстрировав замечательные примеры автономного рассуждения историка о прошлом, настоящем и будущем.

¹³ Савельева, Полетаев 1997.

(Интересно, что из немногих самостоятельных исторических теорий второй половины прошлого века – две важнейшие посвящены времени.) Что было после Броделя и Козеллека? Было достаточно работ, которые можно назвать запоздалым комментарием к Козеллеку. Но было и другое. Несколько историков, среди них Уильям Сьюэлл, Луциан Хёлшер, Франсуа Артог и Петер Фрицше – развивая Козеллека, начали историзировать концепции времени, которые прежде воспринимались как само собой разумеющиеся. Потому в начале 2000-х книги Артога о режимах историчности и Сьюэлла о механизмах исторических трансформаций¹⁴ произвели такое впечатление¹⁵. Еще в 2011 г. Крис Лоренц говорил только о «ряде историков и философов», которые в последние пару лет обращались к проблеме исторического времени «все более изощренным способом»¹⁶. Сегодня речь идет о потоке работ, в которых «все более изощренным способом», в т. ч. историки, пишут о направлениях, скоростях и ритмах истории, о механизмах периодизации и разрывах¹⁷. Динамику растущего интереса историков к концептуализации исторического времени можно проследить и по числу монографий, посвященных проблемам исторического времени с 1979 по 2016 г.

**Вставка 4. Книги и тематические выпуски
по проблемам исторического времени (выборка)**

1979–1995

- De Certeau M. L'écriture de l'histoire. Paris: Gallimard, 1975.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 2 тт. / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля; 2-е изд. М.: Весь мир, 2006 [1979].
- Koselleck R. Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979.
- Pomian K. L'ordre du temps. Paris: Gallimard, 1984.
- Rotenstreich N. Time and Meaning in History. Dordrecht: D. Reidel Publ. Co., 1987.
- Wilcox D.J. The Measure of Times Past: Pre-Newtonian Chronologies and the Rhetoric of Relative Time. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1987.
- Carr D. Time, Narrative, and History. Bloomington, IN: Indiana Un-ty Press, 1991.

1996–2004

- Chesneaux J. Habiter le temps: Passé, présent, futur: esquisse d'un dialogue politique. Paris: Bayard, 1996.

¹⁴ Hartog 2003; Hölscher 1999; Sewell Jr. 2005.

¹⁵ А книга Луциана Хёлшера на немецком языке незаслуженно осталась незамеченной. – Hölscher 1999; См. также: Савельева, Полетаев 1997.

¹⁶ Bevernage, Lorenz 2013. P. 8.

¹⁷ См.: History and Theory 2011; Schiffman 2011; Eley 2011; Bösch 2012; Landwehr 2012; Kleinberg 2012; Assmann 2013; Multiple Temporalities (Forum) 2014; History and Theory 2015. О постколониальном подходе к множественности времен см.: Bhabha 1994; Chakrabarty 2000.

- Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997.
- Hölscher L. Die Entdeckung der Zukunft. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1999.
- Leduc J. Les Historiens et le Temps. Conceptions, problématiques, écritures. P.: Seuil, 1999.
- Raulff U. Der unsichtbare Augenblick: Zeitkonzepte in der Geschichte. Göttingen: Wallstein Verlag, 1999.
- King P. Thinking Past a Problem: Essays on the History of Ideas. London: Frank Cass Publishers, 2000.
- Rüsen J. Zerbrechende Zeit. Über den Sinn der Geschichte. Cologne: Böhlau, 2001.
- Daedalus. Theme issue on time. 2003. Vol. 132. No. 2.
- Huyssen A. Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory. Stanford, CA: Stanford University Press, 2003.
- Hartog F. Régimes d'historicité Présentisme et expériences du temps. P.: Seuil, 2003.
- Fritzsche P. Stranded in the Present: Modern Time and the Melancholy of History. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.
- Time and History / Ed. F. Stadler, M. Stöltzner. Kirchberg am Wechsel: De Gruyter, 2005.
- Forum: Histories of the Future // The American Historical Review. 2012. Vol. 117. No. 5. P. 1402–1461.

После 2004

- Forum on 'Presence' // History and Theory. 2006. Vol. 45. No. 3. P. 305–375.
- De Graaff B. Op de klippen of door de vaargeul: De omgang van de historicus met (genocidaal) slachtofferschap. Amsterdam: Uitgeverij SWP, 2006.
- Davis K. Periodization and Sovereignty: How Ideas of Feudalism and Secularization Govern the Politics of Time. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 2008.
- Hunt L. Measuring Time, Making History. Budapest: Central European University Press, 2008.
- Huyse L. All Things Pass Except the Past. Kessel-Lo: Van Halewyck, 2009.
- Goschler C., Rüdiger G. Europäische Zeitgeschichte seit 1945. Berlin: Akademie Verlag, 2010.
- Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe / Ed. by K. Tilmans, F. van Vree, J. Winter. Amsterdam: Amsterdam U.P., 2010. P. 67–105.
- Forum: The 1970s and 1980s as a Turning Point in European History? // Journal of Modern European History. 2011. Vol. 9. No. 1. P. 8–26.
- History and Theory. Historical Distance: Reflections on a Metaphor. 2011. Vol. 50. No.4.
- Schiffman Z.S. The Birth of the Past. Baltimore, MD: Johns Hopkins U.P., 2011.
- Landwehr A. Von der 'Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen' // Historische Zeitschrift. 2012. Bd. 295. No. 1. P. 19–20.
- History and Theory. The New Metaphysics of Time. 2012. Virtual Issue. URL: [http://onlinelibrary.wiley.com/store/10.1111/\(ISSN\)1468-2303/asset/homepages/1Ethan_Intro.pdf?v=1&s=7076aadf13c353a42bd5fcd775f1b0dfe33abaa&isAguD oi=false](http://onlinelibrary.wiley.com/store/10.1111/(ISSN)1468-2303/asset/homepages/1Ethan_Intro.pdf?v=1&s=7076aadf13c353a42bd5fcd775f1b0dfe33abaa&isAguD oi=false).

- Assmann A. Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne. Munich, 2013.
- Breaking Up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future / Ed. by Chris Lorenz and Berber Bevernage. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 2013.
- Forum: Multiple Temporalities // History and Theory. 2014. Vol. 53. No. 3. P. 498–518.

Более всего в развитии этого тренда поражает дерзкая попытка создать новую метафизику времени¹⁸, предпринятая многими авторами, в работах которых очевидна попытка уйти от акцентов на языке и репрезентации, но не возвращаться к грубому варианту объективизма или эмпирицизма, а попытаться пересмотреть саму природу прошлого и механизмы его конструирования. Конечно, главную роль здесь играют философы, но что поразительно, впервые в процессе размышлений о режимах времени активно участвуют историки. Заметим, что в отличие от традиции двух прошлых веков эти исторические труды достаточно оторваны от текущей философии времени (там эксплицитно, и тем более имплицитно, всегда обнаруживались Гегель, Бергсон или Хайдеггер). В “History and Theory” 1960–1970-х гг. тема времени тоже в основном была представлена философами, например, статьями Артура Данто, Патрика Новелл-Смита или Леона Голдстейна¹⁹, хотя там же в 1966 г. опубликована прекрасная статья историка Арнальдо Момильяно о не существовании «одного времени» для таких цивилизаций как иудейская и древнегреческая²⁰, а значит и для их историков.

Сейчас в качестве философских ориентиров называют Леона Голдстейна и Яна Хакинга, но их, даже имманентное, присутствие в трудах историков, посвященных времени, достаточно сложно уловить²¹. Историки уже создали собственное поле штудий темпоральности и стали ссылаться на историков. Оценка столь очевидной автономизации от философии на этом этапе еще не может быть произведена. С одной стороны, неизбежный уход от метафизического дискурса позволяет предвидеть упрощения, поскольку вопрос о природе исторического времени и, в частности, прошлого, связан с философскими вопросами о познаваемости, истине и пр. С другой стороны, как показывают великие примеры Броделя и Козеллека, никто как историк, не чувствует пластичность и неоднозначность прошлого, специфику его следов.

Активное обращение к анализу и пересмотру структур исторического времени может трактоваться как ответы на 1) постмодерное со-

¹⁸ History and Theory 2012.

¹⁹ Danto 1962; Nowell-Smith 1977; Goldstein 1977.

²⁰ Momigliano 1966.

²¹ Goldstein 1976; Goldstein 1996; Hacking 1995.

мнение в осмысленности различий прошлого, настоящего и будущего, да и любых принятых темпоральных дистинкций; 2) фокус на пролонгированном настоящем (extended present); 3) утопические мечты о модернизации в глобальном масштабе и, наоборот, 4) постколониальные нарративы сопротивления модерности²². И нельзя не заметить, что постколониальная критика и memory studies²³ много способствовали исследованию исторического времени историками. Отсюда прочерчиваются две магистральные линии проблематизации: **глобализация исторического времени и новое отношение к современности (present)**.

Важное наблюдение состоит в том, что сегодня исследования исторического времени ведутся уже не в рамках постмодернистской философии. Главный вопрос, который обычно поднимают современные мыслители, и историки в частности: как отделяют прошлое от настоящего и будущего, как конструируются и артикулируются отношения времен и переходные периоды? В пределе: есть ли «будущее» в картине мира современного человека и, если нет, то как это видоизменяет взаимозависимость прошлого и настоящего. Эти поиски конкретизировались в дискуссиях о направленности времени, образах прошлого, настоящего и будущего, темпоральных границах и соотношениях/соподчинениях между ними, исторических конструкциях темпоральных разрывов и периодизаций, политических и научных основаниях (смыслах) темпоральных разграничений.

Традиционная дихотомия, которая подвергается анализу в начале XXI в., “modern” vs “presentism”. В проекте модерна всемирная история выстраивалась как европоцентричная в линейном, гомогенном или гетерогенном времени, с такими характеристиками как прогресс, регресс, циклы, стадии, ступени, синхрония и диахрония, каузально нейтральное или каузально-эффективное время, разрывы, Sattelzeit и пр., а граница между прошлым и настоящим четко концептуализировалась²⁴. Эти представления о темпоральном единстве исторического универсума были уничтожены опытом войны и колониализма. Им на смену пришли две разные, но взаимосвязанные темпоральные модели. Одна охватывает дискретное время, в котором многие моменты настоящего следуют независимо друг от друга (каузально-нейтральное время – в терминах Савельевой, Полетаева), и в такой трактовке у каждого события настоящего есть собственное прошлое и будущее. Другая интерпретация учитывает историю ожиданий и историю памяти, которые уравнивают традицию историографии, укорененной в настоящем²⁵. Уже

²² Lianeri 2014.

²³ Huyssen 2003; Conan, Rouso 2009; Wole 1999.

²⁴ Савельева, Полетаев 1997.

²⁵ Lianeri 2014.

для Артога новый режим историчности означал, что на смену режиму модерности идет *un présent monstre*, «монструозное настоящее»²⁶. У Алайды Ассман, которая, как представляется, сильно запоздала со своей книгой²⁷, наоборот, обнаруживается не только апология презентизма, но и, особенно в финале, вопреки декларации об исчезновении будущего, звучит идея активного участия агента в формировании грядущего мироустройства. Однако сегодня на повестке дня уже другое. Тезис о режимах исторического времени модерна, предполагавший отдельность прошлого, настоящего и будущего (*pastness of the past, presentness of the present*) и одновременно каузальный тип их взаимозависимости (в т.ч. через цепи значимых событий), сегодня активно переоценивается и критикуется с позиций статуса исторической науки в настоящем. Новизна состоит в развитии идеи множественности времен как жизнеспособной теоретической и исторической альтернативы господствующим на протяжении долгого времени режимам темпоральности, таким как «модерн» и «презентизм»²⁸. При этом мультитемпоральность понимается не как броделианские уровни или «протяженности» (*longue durée*, циклическое время и время событий), связанные с социальными событиями и институтами, а как «распределенное время».

Поскольку время по Гринвичу (универсальное время всеобщей истории) отменяется (Европа провинциализируется), то *времена* (во множественном числе) распределяются в географическом, культурном, историческом пространствах: исламские времена, колониальные времена, постколониальные времена, революционные времена, индустриальное время, стандартизированное время, дигитальное время и т.д.²⁹. Конечно, эти времена рассматриваются в соотношении с властным дискурсом: «сосуществует множество прошлых, поскольку конституирование прошлого всегда в определенной степени зависит от социально опосредованных переговоров, вырабатывающих соответствие между описаниями и опытом»³⁰. В современных подходах к историческому времени принципиально важен агент действия. Известную фразу Йонаса Ларсена «*space as performed rather than preformed*»³¹ можно переформулировать: «*time as performed rather than preformed*».

Наглядное представление о структуре и временных координатах дает последнее издание «Кембриджской всемирной истории»³².

²⁶ Harto 2003. P. 217.

²⁷ Assmann 2013.

²⁸ Jordheim 2014. P. 502.

²⁹ Fillafer 2017; Ranjan 2017; Reddy 2016.

³⁰ Roth 2012.

³¹ Larsen 2005. P. 416.

³² The Cambridge World History 2015.

Вставка 5. The Cambridge World History. 7 vols. in 9 books

- Vol. 1: Introducing World History, to 10,000 BCE / Ed. by D. Christian;
- Vol. 2: A World with Agriculture, 12,000 BCE – 500 CE / Ed. by G. Barker, C. Goucher;
- Vol. 3: Early Cities in Comparative Perspective, 4000 BCE – 1200 CE / Ed. by N. Yoffee;
- Vol. 4: A World with States, Empires, and Networks, 1200 BCE – 900 CE / Ed. by C. Benjamin;
- Vol. 5: Expanding Webs of Exchange and Conquest, 500 CE – 1500 CE / Ed. by B.Z. Kedar, M.E. Wiesner-Hanks;
- Vol. 6: Pt. 1. The Construction of a Global World, 1400–1800 CE: Foundations / Ed. by J.H. Bentley, S. Subrahmanyam, M.E. Wiesner-Hanks; Pt. 2. The Construction of a Global World, 1400–1800 CE: Patterns of Change;
- Vol. 7: Pt. 1. Production, Destruction, and Connection, 1750 – present: Structures, Spaces, and Boundary Making / Ed. by J.R. McNeill, K. Pomeranz; Pt. 2. Production, Destruction, and Connection, 1750 – present: Shared Transformations / Ed. by J.R. McNeill, K. Pomeranz.

Даже в названиях томов «Кембриджской всемирной истории» мы видим принципиально иной способ деления прошлого на периоды, а именно мультитемпоральность, порожденную новым тематическим членением. Это не привычные привязанные к временной оси очерки истории Междуречья, Древнего Египта, Античности и т.д., ведущие к истории Европы, и опоясанные историями Индии, Китая и других восточных цивилизаций. Это и не «Всемирная история», состоящая из томов: «Древний мир», «Средневековые цивилизации», «Мир в раннее новое время», «Мир в XVIII веке», и т.д., где в книгах, построенных по хронологическому принципу, авторы пытаются «охватить все основные события и факты рассматриваемой эпохи и показать, что происходило примерно в одно и то же время в разных уголках земного шара»³³ (синхронизация диахронии). Вариант «Кембриджской всемирной истории» принципиально иной: это истории мировой Деревни, древнего Города, социальных сетей, политических контактов и завоеваний, производства, культурных обменов и трансферов знания, ведущих к возникновению глобального мира с его структурами, пространствами и взаимосвязями. У разных феноменов и процессов разное время.

Разрывы (разломы, смена) времен изучаются историками и как основополагающая политическая операция. Авторы показывают (или, во всяком случае, заявляют о таком намерении), что обсуждать темпоральные разрывы – значит обсуждать способность договариваться о границах прошлого, настоящего и будущего, которые актуальны в настоящем, включая границу, которая защищает дисциплинарную суверенность самих историков, сфокусированную на изучении автономной и самодостаточной прошлости прошлого (*pastness of the past*). «Историки, защищая дисциплинарные границы, патрулируют границы между прошлым

³³ Всемирная история в 6-ти томах. Т. 3. 2015.

и настоящим, потому что именно эта дистинкция легитимирует их профессию»³⁴. Авторы метафоры о патрулировании темпоральных границ Крис Лоренц и Бербер Биверидж остроумно развивают ее, иронизируя по поводу непоследовательности историков, претендующих на нейтральность наблюдателей, в следующем пассаже:

«...примеры также показывают, что историки, весьма недвусмысленно провозглашая необходимость в ‘пограничной службе’, куда менее ясно высказываются по поводу того, в чем на самом деле должна состоять эта охрана границ и как относится к самим границам, которые историки патрулируют. В самом деле... из их аргументов непонятно, применим ли к ним самим образ наблюдателей, глядящих поверх границ существующих ‘суверенных’ государств, или образ активистов, агрессивно участвующих в политике репатриации, подобных тем, кто намеревается защищать ‘крепость Европы’ против ‘нелегальных’ мигрантов, или перекраивать границы, создавая новые государства... Когда дело доходит до соотнесения прошлого и будущего, историки все очевиднее мечутся между подчеркнуто созерцательной и активной позициями, в одних случаях определяя свою задачу как ‘понимание’ дистанции между прошлым и настоящим, в других же описывая свою задачу как ‘установление дистанции’ (‘putting the past at a distance’))»³⁵.

Исследователи различают темпоральные режимы для исторической памяти и научного исследования, как и для разных ареалов глобального мира, для событий и процессов прошлого. Множественные линии водоразделов предполагают мультитемпоральность, и в целом все это означает, что общее время модерна завершилось. Исследования и дискуссии о разных способах концептуализации множественных времен в терминах несинхронности, уровней времени, природного и исторического времени сопровождаются попытками проследить, как эти множественные времена в разные периоды истории могут сравниваться, объединяться и адаптироваться посредством искусных и сложных концептуальных и материальных “практик синхронизации”³⁶.

К темпоральной проблематике можно отнести и вопрос о хранилищах «прошлого», прежде всего, об архиве, который тоже был радикально реконцептуализирован в прошедшие несколько десятилетий³⁷. Размышления о том, чем является «архив» для историка, что за прошлое хранится там на самом деле, были инициированы М. Фуко: введенной им философской метафорой «архив» и его великими примерами открытия и реконструкции «забытых мест» взаимодействия знания и власти (клиника, тюрьма, дом умалишенных). Проблематизировав «архив» в расширительном смысле и заставив историков задуматься о фундаментальных основаниях познания прошлого, Фуко спровоцировал и

³⁴ Bevernage, Lorenz 2013. P. 22.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Jordheim 2014. P. 498.

³⁷ Steedman 2002; Archives, Documentation... 2006; Blouin, Rosenberg 2011.

переосмысление природы эмпирического «архива» – места физического хранения свидетельств прошлого. Новому взгляду на архив, конечно, способствовала и общая релятивизация знания, утверждение идеи конструктивизма, равно как и открытие колониальных архивов постколониальными историками, которые наглядно увидели «дискурс власти» в селекции подлежащих хранению документов³⁸. Стало очевидным, что реально существующие архивы, с какой бы целью и на каком уровне они бы ни создавались, не представляют собой нейтральных хранилищ доступных остатков прошлого, как это подразумевалось презумпцией объективистской науки. Но их наполнение нельзя интерпретировать исключительно в логике властного дискурса. Напротив, архивы представляют собой удивительно пристрастные по интенциям и одновременно случайные собрания, они организованы по разнообразным программам и принципам селективности, отдающим приоритет одним документам, не принимающим во внимание другие и трансформирующим третьи. О сочетаниях преднамеренности и случайности в отборе и поиске архивных документов хорошо писала Кэролайн Сидмен:

«Архив состоит из тщательно и сознательно отобранных свидетельств прошлого, но также и из сумасбродных фрагментов, которые никто не собирался сохранять, но которые тем не менее закончили там свой путь... Одни документы индексируются и каталогизированы, другие нет, а третьи потеряны в недрах архива. И все это лежит там как материалы, пока их не прочитают, не используют и не превратят в нарратив»³⁹.

Приведенный отрывок – хорошее свидетельство в пользу реально го подхода, далеко отстоящего от метафоры Фуко. По существу, Сидмен уже довольно давно сказала о том, что архивы в той же мере разрушают и деформируют прошлое, в какой сохраняют его, и произвольность «хранения прошлого» далеко не абсолютна.

Наконец, продолжая тему исторического времени, нужно упомянуть направление *Big History* (универсальная история)⁴⁰, претендующее не только на «весь мир», но и на «все время», т.е. на время за пределами социального – «время Земли». Это направление тоже утвердилось в исторической дисциплине в последние десятилетия и быстро активизируется. Благодаря дигитализации, появилась возможность обрабатывать огромные массивы данных, а развитие технических процедур хронометрии позволяет датировать не только феномены предистории, но и данные палеонтологии, геологии и даже космологии с точностью, ранее возможной только в отношении цивилизаций⁴¹. В хронологическом

³⁸ Stoler 2009.

³⁹ Steedman 2002. P. 68.

⁴⁰ См.: Spier 1996; Spier 2008. P. 1–12; Christian 2004; Brown C.S. 2007; Chaisson 2006; The Evolutionary Epic: Science's Story and Humanity's Response 2009.

⁴¹ Christian 2010. P. 18.

смысле быть доисторическим больше не означает быть а-историческим. Тем самым, пусть и в узкой области, но происходит смена смысла истории в значении знания, выработанного в период модерна (история как знание о прошлой *социальной* реальности) и возвращение к временам, когда история осмысливалась как знание о природной и социальной реальности (правда, и божественной, но здесь речь не об этом). Сегодня существует уже и специализация по Big History, и международная ассоциация (International Big History Association)⁴², и основатель (Дэвид Кристиан), и свои классики, и свои праотцы, и методы исследования, и методики обучения. Ну, а уж междисциплинарна универсальная история дальше некуда, поскольку использует сведения и методы из естественных и точных наук. Утверждению ее, бесспорно, способствуют историзация естественных наук и оживление эволюционных подходов, неodarвинизм, трактующий культурную эволюцию как в значительной степени биологическую эволюцию, хотя и не сводимую к ней. Но я бы сказала, повторяя с другим акцентом название книги Д. Кристиана, что пока *Big History* остается между Всем и Ничем⁴³.

В начале статьи я зафиксировала возвращение к большим темам исторической науки и назвала некоторые из них, остановившись подробнее, хотя все равно по необходимости бегло, на новациях в интерпретации исторического времени. Ведь понимание исторического времени, его режимов, структуры, ритма и темпа, задает матрицу для работы историка с любым материалом. Как писал Ф. Бродель: «Историк ни на минуту не может выйти за пределы исторического времени. Время липнет к его мысли, как земля к лопате садовника»⁴⁴. Дискуссии о темпоральности, соответствующие представлениям современного мира, открывают новые перспективы для ответов на «большие вопросы», к которым историки, кажется, снова почувствовали вкус.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность [1958] / Философия и методология истории. Сб. Переводов / Ред.: И.С. Кон. М.: Прогресс. 1977. С. 115–142. [Braudel F. Istoriya i obshhestvennye nauki. Istoricheskaya dlitel'nost' [1958] / Filosofiya i metodologiya istorii. Sbornik perevodov. Red.: I.S. Kon. M.: Progress.]
- Всемирная история в 6-ти томах. Т. 3. Мир в раннее новое время / Ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука. 2015. [Vsemirnaya istoriya v 6-ti tomah. T. 3. Mir v rannee novoe vremya / Red. A.O. Chubar'yan. M.: Nauka. 2015]
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг. 2011. [Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaja praktika. M.: Krug#, 2011]

⁴² <http://www.ibhanet.org/>

⁴³ Christian, Brown, Benjamin 2014.

⁴⁴ Бродель 1977 [1958] С. 134.

- Савельева И.М. Историческая наука в XXI веке: ключевые слова // Диалог со временем. 2017. Вып. 58. С. 5–24. [Savelieva I.M. Istoricheskaya nauka v XXI veke: klyuchevyye slova // Dialog so vremenem. 2017. Vyp. 58. S. 5–24]
- Савельева И.М. Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронтир // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 25–53. [Savelieva I. M. Istoricheskie issledovaniya v XXI veke: teoreticheskij frontir // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 38. S. 25–53]
- Савельева И.М., Поletaев А.В. История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. [Savelieva I.M., Poletaev A.V. Istoriya i vremja: v poiskah utrachennogo. M.: Jazyki russoj kul'tury. 1997]
- A conversation about the past, present and future of the «History and Theory» Journal. URL: <https://vimeo.com/36502249>.
- Archives, Documentation and Institutions of Social Memory / Ed. by F.X. Blouin, W.G. Rosenberg. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2006.
- Assmann A. Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne. Munich: Carl Hanser Verlag, 2013.
- Bevernage B., Lorenz C. Introduction // Breaking Up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future / Ed. by C. Lorenz, B. Bevernage. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 2013. P. 7–38.
- Bhabha H. The Location of Culture. L.: Routledge, 1994.
- Blouin F.X., Rosenberg W.G. Processing the Past: Contesting Authority in History and the Archives. N.Y.: Oxford University Press, 2011.
- Bösch F. Umbrüche in die Gegenwart: Globale Ereignisse und Krisenreaktionen um 1979 // Zeithistorische Forschungen. 2012. Bd. 9. No. 1. P. 8–32.
- Boyd K., McWilliam R. Historical Perspectives on Class and Culture // Social History. 1995. Vol. 20. No. 1. P. 93–100.
- Brown C.S. Big History: From the Big Bang to the Present. N.Y.: The New Press, 2007.
- Chaisson E. Epic of Evolution: Seven Ages of the Cosmos. N.Y.: Columbia Un-ty Press, 2006.
- Chakrabarty D. Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Christian D. “Maps of Time”: An Introduction to “Big History”. Berkeley: University of California Press, 2004.
- Christian D. The Return of Universal History // History and Theory. 2010. V. 49. No. 4. P. 6–27.
- Christian D., Brown C.S., Benjamin C. Big History: Between Nothing and Everything. N.Y.: McGraw-Hill Education, 2014.
- Conan E., Rousso H. Vichy, un passé qui ne passe pas. Paris, 1994.
- Danto A. Narrative Sentences // History and Theory 1962. Vol. 2. No. 2. P. 146–179.
- Davis N.Z. A Life of Learning // American Council of Learned Societies Occasional Paper. 1997. Vol. 39. P. 1–26.
- Easthope A. Romancing the Stone: History-Writing and Rhetoric // Social History. 1993. Vol. 18. No. 2. P. 235–249.
- Eley G. The Past under Erasure? History, Memory, and the Contemporary // Journal of Contemporary History. 2011. Vol. 44. No. 3. P. 555–573.
- Eley G., Nield K. Starting Over: The Present, the Post-Modern and the Moment of Social History // Social History. 1995. Vol. 20. No. 3. P. 355–364.
- Eley G.A. Crooked Line: From Cultural History to the History of Society. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2005.
- Fillafer F.L. A World Connecting? From the Unity of History to Global History // History and Theory. 2017. Vol. 56. No. 1. P. 3–37.
- Goldstein L. Historical Knowing. Austin: University of Texas Press, 1976.
- Goldstein L. History and the Primacy of Knowing // History and Theory. 1977. Vol. 16. No. 4. P. 29–52.
- Goldstein L. The What and the Why of History. N.Y.: Brill, 1996.
- Hacking I. Rewriting the Soul. Princeton: Princeton University Press, 1995.
- Hartog F. Regimes d'historicité: Présentisme et expériences du temps. Paris: Seuil, 2003.

- History and Theory. 2015. Vol. 54. No. 4.
- History and Theory. Historical Distance: Reflections on a Metaphor. 2011. Vol. 50. No. 4.
- History and Theory. The New Metaphysics of Time. 2012. Virtual Issue 1. URL: [http://onlinelibrary.wiley.com/store/10.1111/\(ISSN\)1468-2303/asset/homepages/1EthanIntro.pdf?v=1&s=7076aadf13c353a42bd5fcd775f1b0dfe33abaa&isAguDoi=false](http://onlinelibrary.wiley.com/store/10.1111/(ISSN)1468-2303/asset/homepages/1EthanIntro.pdf?v=1&s=7076aadf13c353a42bd5fcd775f1b0dfe33abaa&isAguDoi=false)
- Hölscher L. Die Entdeckung der Zukunft. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1999.
- Huysse L. All Things Pass Except the Past. Kessel-Lo: Van Halewyck, 2009.
- Huyssen A. Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory. Stanford, CA: University of California Press, 2003.
- Jordheim H. Introduction: Multiple Times and the Work of Synchronization // History and Theory. 2014. Vol. 53. No. 3. P. 498–518.
- Joyce P. History and Post-Modernism // American Historical Review. 1991. Vol. 133. No. 4. P. 204–209.
- Joyce P. The End of Social History? // Social History. 1995. Vol. 20. No. 1. P. 73–91.
- Joyce P. The End of Social History? A Brief Reply to Eley and Nield // Social History. 1996. Vol. 21. No. 1. P. 96–98.
- Joyce P. The Imaginary Discontents of Social History: A Note of Response to Mayfield and Thorne, and Lawrence and Taylor // Social History. 1993. Vol. 18. No. 1. P. 81–85.
- Judt T.A. Clown in Regal Purple: Social History and the Historians // History Workshop Journal. 1979. Vol. 7. P. 66–94.
- Kelly C. History and Post-Modernism, II // American Historical Review. 1991. Vol. 133. No. 4. P. 209–213.
- Kirk N. History, Language, Ideas and Post-Modernism: A Materialist View // Social History. 1994. Vol. 19. No. 2. P. 221–240.
- Kleinberg E. The New Metaphysics of Time // History and Theory. 2012. Virtual Issue 1. [http://onlinelibrary.wiley.com/store/10.1111/\(ISSN\)1468-2303/asset/homepages/1EthanIntro.pdf?v=1&s=7076aadf13c353a42bd5fcd775f1b0dfe33abaa&isAguDoi=false](http://onlinelibrary.wiley.com/store/10.1111/(ISSN)1468-2303/asset/homepages/1EthanIntro.pdf?v=1&s=7076aadf13c353a42bd5fcd775f1b0dfe33abaa&isAguDoi=false)
- LaCapra D. Tropisms of Intellectual History // Rethinking History. 2004. V. 8. No. 4. P. 499–529.
- Landwehr A. Von der 'Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen' // Historische Zeitschrift. 2012. Bd. 295. No. 1. P. 19–20.
- Larsen J. Families Seen Sightseeing: Performativity of Tourist Photography // Space and Culture. 2005. Vol. 8. No. 4. P. 416–431.
- Lawrence J., Taylor M. The poverty of protest: Gareth Stedman Jones and the Politics of Language – a Reply // Social History. 1993. Vol. 18. No. 1. P. 1–15.
- Lerner G. Living with History / Making Social Change. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2009.
- Lianeri A. Resisting Modern Temporalities: Toward a Critical History of Breaks in Time // History and Theory. 2014. Vol. 53. No. 4. P. 603–615.
- Mayfield D., Thorne S. Reply to 'the Poverty of Protest' and 'the Imaginary Discontents' // Social History. 1993. Vol. 18. No. 2. P. 219–233.
- Mayfield D., Thorne S. Social History and Its Discontents: Gareth Stedman Jones and the Politics of Language // Social History. 1992. Vol. 17. No. 2. P. 165–188.
- Momigliano A. Time in Ancient Historiography // History and Theory. 1966. Vol. 5. B. 6. P. 1–23.
- Multiple Temporalities (Forum) // History and Theory. 2014. Vol. 53. No. 4. P. 498–518.
- Ranjan R. Postcoloniality and the Two Sites of Historicity // History and Theory. 2017. Vol. 56. No. 1. P. 38–53.
- Ranke L. von. Weltgeschichte. 9 Teile in 16 Banden. Leipzig: Duncker & Humblot, 1881–1888.
- Reddy W.M. The Eurasian Origins of Empty Time and Space: Modernity as Temporality Reconsidered // History and Theory. 2016. Vol. 55. No. 3. P. 325–356.
- Roth P.A. The Pasts // History and Theory. 2012. Vol. 52. No. 3. P. 313–339.
- Schiffman Z.S. The Birth of the Past. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2011.
- Scott J.W. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // American Historical Review. 1986. Vol. 91. No. 1. P. 1053–1075.

- Sewell Jr. W.H. *Logics of History: Social Theory and Social Transformation*. Chicago: University of Chicago Press, 2005.
- Spiegel G.M. France for Belgium // *Why France? American Historians Reflect on an Enduring Fascination* / Ed. by L.L. Downs, S. Gerson. Ithaca, NY: Cornell U.P., 2007. P. 89–98.
- Spiegel G.M. History and Post-Modernism, IV // *American Historical Review*. 1992. Vol. 135. No. 2. P. 194–208.
- Spier F. Big History: The Emergence of a Novel Interdisciplinary Approach // *Interdisciplinary Science Reviews*. 2008. Vol. 33. No. 2. P. 1–12.
- Spier F. *The Structure of Big History: From the Big Bang until Today*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1996.
- Steedman C. *Dust: The Archive and Cultural History*. New Brunswick, N.J.: Rutgers U.P., 2002.
- Steedman C. *Landscape for a Good Woman: A Story of Two Lives*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1986.
- Steinberg M.W. Culturally Speaking: Finding A Commons between Post-Structuralism and the Thompsonian Perspective // *Social History*. 1996. Vol. 21. P. 193–214.
- Stoler A.L. *Along the Archival Grain: Epistemic Anxieties and Colonial Common Sense*. Princeton: Princeton University Press, 2009.
- Stone L. History and Post-Modernism // *Past and Present*. 1991. Vol. 131. No. 2. P. 217–218.
- Stone L. History and Post-Modernism, III // *American Historical Review*. 1992. Vol. 135. No. 2. P. 189–194.
- The Cambridge World History*. 7 vols. in 9 books / Ed. by M.E. Wiesner-Hanks. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015.
- The Evolutionary Epic: Science's Story and Humanity's Response* / Ed. by C. Genet, B. Swimme, R. Genet, L. Palmer. Santa Margarita, CA: Collins Foundation Press, 2009.
- Vernon J. Who's Afraid of the 'Linguistic Turn'? The Politics of Social History and Its Discontents // *Social History*. 1994. Vol. 19. No. 1. P. 81–97.
- Wole S. *The Burden of Memory, the Muse of Forgiveness*. Oxford: Oxford University Press, 1999.

Савельева Ирина Максимовна, доктор исторических наук, директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поletaева, ординарный профессор, НИУ «Высшая школа экономики»; isavelieva@yandex.ru

History and Theory: “Return to the Real”

The theory of history is again undergoing yet another transformation. Linguistic and cultural turns have occurred and have been completed. A new paradigm which, with certain precaution, could have been named “back to reality” is on its way. The ongoing metamorphose of epistemological foundations is characterized by unprecedented interest of historians to the problems of historical time. At the same time, this change allows a discussion not only about considerably new vision of historical time but also that of historical space. In the first part of this article we discuss several indicators of radical innovations in the theoretical history which occurred just in the past few years. In the second part we analyze new approaches to historical time.

Keywords: “return to the real”, history and theory, realism, antirealism, historical time, modern, past, multitemporality

Irina Savelieva, Prof. of History, Director of the Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University Higher School of Economics (Moscow), Russian Federation, Visiting Professor, Faculty of Artes Liberales University of Warsaw

С. В. АЛЕКСЕЕВ

ЛЕГЕНДА О ЦАРЕ СЕЛЕВКЕ В БОЛГАРСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КНИЖНОСТИ (ПРИМЕР ВСТРЕЧИ ПИСЬМЕННОЙ И УСТНОЙ ТРАДИЦИИ)¹

В статье рассматривается история легендарного сюжета о царе Селевке в болгарской средневековой литературе как пример взаимодействия устной и письменной традиции. Сюжет появляется впервые в апокрифическом «Сказании о Крестном Древе» пресвитера Иеремии (X в.), где он основан на пересказе библейской книги Товит с переносом действия в евангельское время. Затем мифический царь Селевк появляется в практически несвязанном сюжете в «Болгарской апокрифической летописи» (конец XI в.) и в русском апокрифе «Легенда о братстве», сюжетно повторяющем «Сказание». Переключки трех источников образует своеобразный «треугольник», существование которого необъяснимо в рамках одной литературной традиции. В статье показано, что легенда о Селевке может служить примером конвергенции и «круговорота» мотивов между письменной и устной традицией. Книжные и религиозные мотивы в ней переплетались со сказкой и мифом, создавая до и после появления «Сказания» новые единства.

Ключевые слова: устная традиция, средневековая литература, южнославянская литература, апокрифы, письменное и устное, «Сказание о Крестном Древе», «Болгарская апокрифическая летопись»

История взаимодействия устной и литературной традиций за последние десятилетия обогатилась как новым богатым эмпирическим материалом, так и новыми методологическими подходами. Уходят в прошлое представления о четком разграничении сюжетов устного и книжного происхождения, о фольклоре и «фэйклоре», а применительно к древней и средневековой словесности – предпочтение поисков одностороннего влияния устного на книжное или наоборот. На смену им в мировой науке приходит гораздо более основательный взгляд о непрерывном взаимном обогащении, «круговороте» сюжетов, неразрывной связи устного и письменного².

К проблематике взаимодействия письменного и устного в средневековой литературе обращаются и отечественные исследователи³ (как

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Устная историко-эпическая традиция в древнейших памятниках славяноязычной литературы» (№ 17-06-00008А).

² См.: Signs of Orality 1999; Epic Adventures 2004; Newall 1987.

³ См.: Белова, Петрухин 2008; Слово устное 2009; Устное и книжное 2013; Памятники книжного эпоса 2017.

на конкретных примерах, так и на уровне методологическом). В современных социокультурных условиях изучение устно-письменной коммуникации, своеобразия интерпретации писаного слова в ориентированном на устное общение сознании получает новую актуальность. Фольклористы обращают внимание на чрезвычайное сходство механизмов интерпретации и распространения информации в Интернете с предметом их исследований⁴. С другой стороны, наиболее благодатным, привлекающим внимание историков и филологов полем для исследования взаимодействия письменного и устного остается древняя и средневековая литература. Представление об устной традиции как об одном из ее источников – и все более ясное осознание ее самой как источника устной традиции, – неисчерпаемая тема научных дискуссий.

Представление об устном и письменном как отдельных, изолированных друг от друга планетах, абсолютно самостоятельных «источниках» какой бы то ни было традиции, откровенно устарело и основано на научных презумпциях XIX в. С другой стороны, исследование древних и средневековых памятников с точки зрения современных представлений о взаимной коммуникации письменного и устного наталкивается на практически непреодолимое препятствие. От древности и средневековья мы не располагаем надежными образцами «устного» – у нас есть только образцы «письменного». В последних мы можем выявлять более или менее надежные свидетельства об «устном» – прямые сведения о бытовании, ссылки на устные рассказы и песни. Наконец, какой-либо «закрытый» фольклорный жанр может прорваться в писаную литературу – как записанная эпическая песня или заклинание. Однако в этом случае остается комплекс вопросов о мотивах, обстоятельствах, авторстве записи, степени авторского вклада и литературных влияний.

Все эти сложности, однако, не должны приводить к противоположной повсеместным поискам «устного» крайности – а именно, к отказу рассматривать вопрос об устном посредничестве при выявлении тех или иных литературных источников текста либо, как чаще бывает, параллелей к нему. О непосредственном литературном источнике того или иного текста можно говорить с уверенностью только в случае дословного заимствования и цитирования. Наличие предполагаемого неявного, например, библейского парафраза, вошедшего в «плоть» того или иного сюжета, не может ничего сказать о непосредственном источнике самого сюжета. Нет никаких противопоказаний к тому, чтобы сюжет был передан грамотным носителем устной традиции – либо даже неграмотным, но достаточно внимательным к церковной проповеди и службе. Тем более не может быть противопоказаний к предположе-

⁴ См.: Интернет и фольклор 2009; Foley 2012.

нию об интерпретации полученных из устной традиции данных самим автором через призму своего мировоззрения и своих познаний. Но это другой вопрос. Здесь же отметим – с момента появления письменности письменная традиция стремительно становится одним из источников устной, и при любом анализе источников ранней повествовательной литературы это следует иметь в виду.

На материале славянских средневековых литератур эти процессы иллюстрировались и анализировались неоднократно. Еще в 1920-х гг. И. Иванов показывал круговорот апокрифических сюжетов между письменной и устной формой, взаимодействие еретических и архаических представлений в фольклоре и литературе на примере богомильских апокрифов⁵. Широкие возможности открывает в последнее время новый уровень обобщения т.н. «фольклорной Библии» – космогонических и этиологических легенд, записывавшихся в новое время⁶. Именно на фактах ее бытования взаимную коммуникацию устного и письменного можно видеть особенно ясно. Иногда в «фольклорной Библии» предлагается видеть даже преимущественно устную традицию, параллельно письменной перешагивавшую этнические границы с распространением христианства⁷. Весьма сходную картину непрерывного взаимодействия фольклорного и литературного процессов показывает новейшее исследование чрезвычайно популярного до нового времени заклинательного текста – «Сисиниевой легенды»⁸.

В то же время сохраняется и противоположная тенденция – при наличии литературных источников сюжета, мотива или даже словоупотребления в средневековом тексте рассматривать его как сугубо книжный конструкт, не имеющий источников фольклорных. Особенно часто одно время применялся такой подход к раннему историописанию. Далее, и фольклорные тексты с библейскими корнями могут видаться как исключительно книжные (пусть давние) по происхождению. Часто такой вывод противоречит наличию у них международных параллелей далеко вне библейского культурного круга. Иногда в подобных построениях российских специалистов заметно стремление минимизировать влияние догосударственной архаики на позднейшую культуру, как реакция на преувеличенные поиски таких влияний во второй половине XX в. Думается, однако, что такая мотивация внеаучна.

Магистральной темой исследования, в рамках которого подготовлена данная статья, являются следы историко-эпической традиции в древнеславянской повествовательной литературе. В то же время

⁵ См.: Иванов, 1970.

⁶ Народная Библия 2004; У истоков 2014; Бадаланова-Геллер 2017.

⁷ Бадаланова-Геллер 2017. С. 17–20.

⁸ Сисиниева легенда 2017.

представляется, что рассматриваемый ниже сюжет, – не относящийся ни к эпосу, ни к историческому преданию, но определенно имеющий отношение к устной традиции, – очень хорошо характеризует явления, оказывавшие прямое воздействие и на историописание.

«Сказание о Крестном Древе» пресвитера Иеремии⁹ – апокрифическое сочинение, относящееся к древнейшему этапу истории болгарской литературы. Время его создания на основе свидетельств позднейших списков «отреченных» книг определяется в пределах середины – второй половины X в. Источником вдохновения для автора послужило переводное и также апокрифическое «Слово о Крестном Древе», приписанное Григорию Богослову. Но миф о происхождении Креста Господнего в «Сказании» существенно отличается. Иеремия скомпилировал мотивы существующих апокрифов с заимствованиями из Писания и собственными дополнениями. «Сказание» сохранилось в болгарской, русской и сербской рукописной традиции. В средние века оно было достаточно широко известно.

В списках отреченных книг Иеремия именуется еретиком-богомилем, более того – учеником или даже сыном Богомила, легендарного основателя ереси, а иногда и отождествляется с ним. Хронологически первое вероятно, однако, начиная с М.И. Соколова, как правило, отвергается в науке. Аргумент «за» – использование мифа Иеремии о происхождении Крестного Древа в «Тайной книге», латинском апокрифе, две редакции которого восходят к славяно-болгарскому оригиналу. Но явных следов богомилства в «Сказании» нет. В отличие от богомилов, Иеремия почитает и ветхозаветного Бога, и Крест.

Библейские сюжеты Иеремии были сравнительно неплохо известны до царя Соломона включительно – после этого он заполняет незнание даже не сведениями из апокрифов, а откровенными, не имеющими греческих прототипов вымыслами. Крайне плохо знал он и канонические Евангелия, а точнее, знал только отдельные фрагменты (благодаря церковным чтениям), не всегда представляя контекст. Потому кажется, что Священную историю Иеремии заменяла какая-то компиляция вроде позднейшей древнерусской Толковой Палеи. Ее старейшая редакция (собственно Палея Толковая) доведена как раз до времен Соломона. С Палеей «Сказание» имеет целый ряд в том числе и текстуальных параллелей. Мог он знать и переводы византийских хроник (Иоанна Малалы?), либо извлечения и компиляции на их основе.

Иеремии приписывается также авторство «Сисиниевой легенды», апокрифических заговорных текстов от болезней, восходящих к греческому оригиналу. Вернее, следовало бы сказать, что имя Иеремии ока-

⁹ Соколов 1888. С. 84–107.

залось единственно известным или наиболее удобным из связанных с «Сисиниевой легендой» для составителей списков уже с конца X века. Вряд ли происхождение столь разветвленной и изначально, видимо, бытовавшей на славянской почве в различных вариантах традиции могло быть связано с одним человеком. Скорее всего, Иеремия перевел или переложил какую-то версию «легенды»-заклинания, – из чего можно сделать вывод, что при явно недостаточной своей образованности, он все-таки сносно знал греческий язык.

Среди апокрифических сюжетов, вводимых Иеремией, как уже говорилось, есть впервые появляющиеся в известной нам литературе – именно благодаря ему. Некоторые имеют лишь побочное значение для основного сюжета – хранения неизвестными доселе «разбойниками» будущего Крестного Древа для грядущего Христа. Такие отступления характеризуют недюжинную фантазию писателя и способность его переплетать самые странные вымыслы с отрывочными выдержками из Писания, – вполне заслуженно обеспечившие ему место в списках запрещенных книг.

Самое пространное из этих повествований – рассказ о царе Селевке и его сыне Прове¹⁰. Имена заимствованы из античной истории (Селевк – имя ряда царей из сиро-македонской династии Селевкидов, Пров – римский император III в. Проб), но ничего общего с «прототипами» эти персонажи не имеют. Селевк предстает как преемник Августа (но правит в Иерусалиме) и современник Христа. Рассказ же о нем – довольно близкий местами пересказ библейской книги Товит (линии излечения отца), причем Селевк заменяет в нем Товита, Пров – Товию, а Христос – Рафаила. В изложении Иеремии в сюжет вплетаются евангельские события. Например, фразу «Отдайте кесарю кесарево...» Христос у него произносит, когда сопровождает Прова при сборе налогов! Наряду с этим вплетен и этиологический мотив – получив от Христа совет к исцелению отца, Пров называет спутника братом. Этим автор обосновывает обычай братания между христианами. В конце исцеленный от слепоты Селевк исповедует встреченного сыном Иисуса как давно чаемого им Христа – мотив ожидания Христа для «Сказания» центральный.

Мифический царь по имени Селевк упоминается и в «Болгарской апокрифической летописи» – богомильском сочинении конца XI в.¹¹ Селевкия якобы восстановил Болгарию после нашествия «исполинов»

¹⁰ Соколов 1888. С. 97–101.

¹¹ См.: Иванов 1927: 273–287; Тьпкова-Заимова, Милтенова 1996. С. 192–206; Алексеев 2006. С. 55–84. Здесь он именуется «Селевкия Симеклит». Сведения о нем совершенно иные. – Тьпкова-Заимова, Милтенова 1996. С. 197.

(за которыми угадываются русы князя Святослава) при царе Петре, т.е. в X в., построил несколько болгарских городов. Его современником был император Константин (в фантастическом мире «Летописи» совмещающий черты Константина I Великого и Константина VII Багрянородного). Именно при Селевкии он обрел в Иерусалиме Крестное Древо, что может служить единственной и зыбкой связкой между «Летописью» и «Сказанием».

Можно было бы счесть Селевка «Сказания» и Селевкию «Летописи» за простое совпадение, вызванное стремлением заимствовать имена выдуманных царей из греческой истории. Но этому препятствует русская позднесредневековая «Легенда о братстве», передающая историю из «Сказания». Здесь царь, отец Прова, именуется «Семиклея». При этом имеются и иные отличия в сюжете, которые не позволяют возвести русский апокриф к «Сказанию» напрямую¹².

Этот «треугольник» версий легенды анализировался в науке. С одной стороны, их пытались объяснить исключительно через литературную традицию. «Семиклея» рассматривалось как искажение от «Селевк»; предполагался несохранившийся греческий или переводной с греческого источник, общий для русского и болгарского апокрифов. С другой стороны, в болгарской науке отмечены и толкования в русле «исторической школы»: предполагается связь с деятельностью Селевка I во Фракии в начале III в. до н.э.¹³ Это кажется маловероятным и во всяком случае не объясняет всей совокупности фактов.

Все странности бытования сюжета о Селевке Семиклите становятся ясны только при одном допущении: что мы имеем дело с уникальным для столь древнего этапа истории славянской литературы взаимопроникновением устной и литературной традиции. В греческой или даже уже в болгаро-славянской среде сюжет библейской книги Товит был воспринят и переосмыслен как комбинация широко известных сказочных мотивов¹⁴. Товит и Товия превратились в стандартных персонажей сказки о поиске лекарства для больного отца – царя и царевича. Рафаил же был заменен Иисусом по тоже достаточно характерной логике фольклорной религиозной легенды. Уже в этом виде сюжет достался Иеремии. Степень его авторского вклада и наличие у него письменных источников установить трудно, а скорее невозможно. Можно допустить, что при первой записи в произведение типа «легендарной сказки» добавились нарочито античные имена Селевка и Проба. Автор мог и почерпнуть их из хроники Малалы или иного пе-

¹² См.: Соколов 1888. С. 169–172.

¹³ См.: Тьпкова-Займова, Милтенова 1996. Р. 78–79.

¹⁴ K83 и K100A по указателю фольклорно-мифологических мотивов Ю.Е. Березкина: Березкин, Эл. ресурс.

реводного сочинения, и по случаю узнать из древних надписей – оба действительно активно действовали на землях будущей Болгарии. Иеремия поставил историю в контекст «Сказания о крестном древе» и, возможно, добавил мотивы из Евангелия (хотя и интерпретация фразы «кесарю кесарево» производит впечатление скорее восходящей к «фольклорной Библии»). Этиологический мотив, оправдывающий обычай побратимства, мог восходить и к «легендарной сказке».

Благодаря широкой популярности «Повести» сюжет уже в этом виде вновь стал обращаться устно. Средой его обращения был тот круг, из которого вышел Иеремия, и тот, к которому он обращался, – малообразованная (не знающая даже Писания) и притом вольнодумная часть низшего духовенства и вовсе необразованная ее паства. Церковные писатели не вполне, возможно, справедливо определяли все эти круги как богомильские. Но, с другой стороны, и аргументы против отнесения Иеремии к богомилам недостаточны. Во-первых, «Сказание» богомилы использовали (как это видно из «Тайной книги») и интерпретировали по-своему. Во-вторых, оно явно было памятником экзотерическим (в отличие от эзотерической «Тайной книги»), который мог содержать богомильскую мифологию и теологию лишь в виде намеков и подступов. «Апокрифическая летопись» – памятник богомильский по теологии и этике, но почитание Креста в нем не отрицается. В-третьих, и это главное, нет никаких оснований полагать, что богомилы X века имели сколько-нибудь цельные и продуманные мифологию и теологию, принимаемые и понимаемые ими всеми.

Кажется странным приписывать широкому еретическому движению, родившемуся в полуграмотной среде новокрещеной страны, ортодоксальность и последовательность, сопоставимую с догматическим учением Церкви. «Богомильство» скорее являлось рамочным понятием и способом самоидентификации для действительно широкого круга людей, негативно настроенных к «греческому» христианству, высшему духовенству и светской элите. Этот круг включал и полужыгичников, и поверхностно начитанных или даже вовсе неграмотных приверженцев «народного христианства» с его «фольклорной Библией». Твердые последователи привнесенного извне в Болгарию малоазийского павликианства всегда составляли в этом движении меньшинство – хотя активное и стремившееся быть организационным ядром. Подобная гетеродоксальность характерна и для возникших под влиянием богомильства западных дуалистических ересей – являясь одновременно и сильной, и слабой их стороной.

Именно из такой среды, в конечном счете, почерпнули сведения о Селевке создатели русского апокрифа (возможно, уже на Руси) и «Апокрифической летописи». Псевдоантичное, совершенно неясное

имя Симеклит (Семиклей) появилось именно в устном бытовании. Видимо, изначально это было просто искажение от «Селевк», как и считало большинство ученых. Но что искажение это вряд ли произошло в рукописной традиции, явствует из присутствия в «Летописи» обоих имен: Селевкия Симеклит. Кроме того, на пути к русскому апокрифу жена царя обрела явно славянское имя «Купава», отсутствующее в обоих болгарских памятниках. При этом в другом русском апокрифическом тексте XVI века происхождение названия кануна праздника св. Иоанна «Купальница» связывается с событиями библейской книги Товит¹⁵. Эта странная переключка довольно четко указывает на то, что все называемые русские и болгарские тексты отражают имевшую широкое хождение, но никогда, похоже, не зафиксированную целиком в письменном виде традицию.

Автор «Апокрифической летописи» знал (или рассчитывал, что его читатели и слушатели знают), что Селевк как-то связан с Крестным Древом и что он был известным древним царем. Сам ли богомилский «летописец» поместил его в Болгарию, или уже в устные предания о каких-то перечисленных в памятнике городах попало имя сказочно-легендарного персонажа, неизвестно. В «Летописи» остался лишь весьма смутный отголосок присутствия Селевка в преданиях о Кресте Господнем – лишнее свидетельство того, что сюжет «Сказания» достался «летописцу» со слуха, а не от прочтения.

Данный пример практически уникален в том смысле, что позволяет хотя бы частично проследить процесс взаимодействия устной и письменной традиции в столь древний исторический период. Другим, может быть, более выразительным, но и более сложным для анализа примером, являются сюжеты дуалистической космогонии, также известные из апокрифической литературы и сочетающие воздействие еретических учений с глубокой архаикой¹⁶.

Эти случаи позволяют прийти к выводам, которые могут быть важны при анализе и раннеисторических повествований. Прежде всего – круговорот сюжетов между устной и письменной традицией не сводился к заимствованиям в ту или иную сторону. Речь скорее должна идти о конвергенции, о взаимопроникновении книжных (часто условно) и уже присутствующих в устном бытовании мотивов и элементов. А, следовательно, и значение «книжных» сюжетов и мотивов для изучения устной традиции, в том числе реконструкций ее дописьменного состояния, не следует принижать.

¹⁵ Соколов, 1890.

¹⁶ См.: Кузнецова 1998.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев С.В. Предания о дописьменной эпохе в истории славянской культуры XI–XV вв. М., 2006.
- Бадаланова Геллер Ф. Книга сушая в устах: Фольклорная Библия бессарабских и таврических болгар. М., 2017.
- Белова О.В., Петрухин В.Я. Фольклор и книжность: Миф и исторические реалии. М., 2008.
- Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог [Эл. ресурс] URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>
- Интернет и фольклор / сост. А.В. Захаров. М., 2009
- Иванов Й. Богомилски книги и легенди. София, 1970.
- Кузнецова В.С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск, 1998.
- «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой. М., 2004.
- Памятники книжного эпоса Запада и Востока: коллективная монография / Неклюдов С.Ю., Гринцер Н.П., Михайлова Т.А. и др. М., 2017.
- Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы: колл. монография / А.Л. Топорков, А.К. Лявданский и др. М., 2017.
- Слово устное и слово книжное / сост. М.А. Гистер. М., 2009
- Соколов М.И. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. Вып. 1. М., 1888.
- Соколов М.И. Отчего канун Иванова дня (23 июня) называется купальницей и считается днем урочным? // Живая старина. 1890. № 2. С. 137–138.
- Тыпкова-Займова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996.
- У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды / сост. и коммент. О.В. Беловой. М., 2014.
- Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О.В. Белова. М., 2013.
- Epic Adventures: Heroic Narrative in the Oral Performance Traditions of Four Continents. Munster, 2004.
- Foley J.M. Oral Tradition and the Internet: Pathways of the Mind. Urbana; Chicago; Springfield, 2012.
- Newall V.J. The Adaptation of Folklore and Tradition (Folklorismus) // Folklore. 1987. 98 (2). P. 131–151.
- Signs of Orality: The Oral Tradition and Its Influence in the Greek and Roman World. Leiden; Boston; Koln, 1999.

REFERENCES

- Alekseev S.V. Predaniya o dopis'mennoj ehpohe v istorii slavyanskoj kul'tury XI–XV v. M., 2006.
- Badalanova Geller F. Kniga sushchaya v ustah: Fol'klornaya Bibliya bessarabskih i tavrisheskih bolgar. M., 2017.
- Belova O.V., Petruhin V.YA. Fol'klor i knizhnost': Mif i istoricheskie realii. M., 2008.
- Berezkin YU.E., Duvakin E.N. Tematicheskaya klassifikaciya i raspredelenie fol'klornomifologicheskikh motivov po arealam: Analiticheskij katalog [EHlektron-nyj resurs] URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>
- Internet i fol'klor / sost. A.V. Zaharov. M., 2009.
- Ivanov J. Bogomilski knigi i legendi. Sofiya, 1970.
- Kuznecova V.S. Dualisticheskie legendy o sotvorenii mira v vostochnoslavyanskoj fol'klornoj tradicii. Novosibirsk, 1998.
- «Narodnaya Bibliya»: Vostochnoslavyanskije ehtiologicheskie legendy / Sost. i komment. O.V. Belovoj. M., 2004.

- Pamyatniki knizhnogo ehposa Zapada i Vostoka: kolektivnaya monografiya / Neklyudov S.YU., Grincer N.P., Mihajlova T.A. i dr. M., 2017.
- Sisinieva legenda v fol'klornyh i rukopisnyh tradiciyah Blizhnego Vostoka, Balkan i Vostochnoj Evropy: kolektivnaya monografiya / Toporkov A.L., Lyavdanskij A.K. i dr. M., 2017.
- Slovo ustnoe i slovo knizhnoe / sost. M.A. Gister. M., 2009.
- Sokolov M.I. Materialy i zametki po starinnoj slavyanskoj literature. Vyp. 1. M., 1888.
- Sokolov M.I. Otchego kanun Ivanova dnya (23 iyunya) nazyvaetsya kupal'niceyu i schitaetsya dnem urochnym? // Zhivaya starina. 1890. № 2. S. 137-138.
- T'pkova-Zaimova V., Miltenova A. Istoriko-apokaliptichnata knizhnina v"v Vizan-tiya i v srednevekovna B"lgariya. Sofiya, 1996.
- U istokov mira: Russkie ehtiologicheskie skazki i legendy / sost. i komment. O.V. Belovoj. M., 2014.
- Ustnoe i knizhnoe v slavyanskoj i evrejskoj kul'turnoj tradicii / otv. red. O.V. Belova. M., 2013.
- Epic Adventures: Heroic Narrative in the Oral Performance Traditions of Four Continents. Munster, 2004.
- Foley J.M. Oral Tradition and the Internet: Pathways of the Mind. Urbana; Chicago; Springfield, 2012.
- Newall V.J. The Adaptation of Folklore and Tradition (Folklorismus) // Folklore. 1987. 98 (2). P. 131–151.
- Signs of Orality: The Oral Tradition and Its Influence in the Greek and Roman World. Leiden; Boston; Koln, 1999.

Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Московского гуманитарного университета, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»; ipo1972@mail.ru

The Legend of Tsar Seleucus in Bulgarian medieval literature (an example of the interaction between the written and oral traditions)

The article considers the history of the legend of Tsar Seleucus in Bulgarian medieval literature as an example of the interaction between the oral and written traditions. The story appears for the first time in the apocryphal *Legend of the Cross* by Presbyter Jeremiah (10th c.), where it is based on a retelling of the Bible book of Tobit, although action took place in the time of the Gospel. Then the mythical king Seleucus appears in the *Bulgarian Apocryphal Chronicle* (late 11th c.) and in the Russian apocrypha *The Legend of Brotherhood*, which re-tells *The Legend of the Cross* as a narration. The roll-call of the three sources forms a kind of "triangle" whose existence is inexplicable within the framework of one literary tradition. The article shows that the legend of Seleucus can serve as an example of convergence and 'circulation' of motives between written and oral traditions. Literary and religious motifs in it are interwoven with fairy tale and myth, creating new entities before and after the appearance of *The Legend*.

Keywords: oral tradition, medieval literature, Southern Slavic literature, apocrypha, the written and the oral, the *Legend of the Cross*, the *Bulgarian Apocryphal Chronicle*

Sergey Alexeyev, Dr. Sc. (History), Professor, President of the Historical and educational society "Radetel"; ipo1972@mail.ru

АРИСТОТЕЛЕВСКАЯ МЫСЛЬ, КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО И СОКРЫТИЕ ИСТИНЫ В ЕВРОПЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Рефлексия по поводу лжи, введения в заблуждение и сокрытия истины сопровождала человечество на протяжении большей части его истории, однако дискуссии, связанные с концепциями уклончивого высказывания (*equivocatio*) и мысленных оговорок (*mentalis restrictio*) обычно ассоциируются с ранним Новым временем, а точнее, с XVI в. Применительно к Англии речь идет о полемике между иезуитами и протестантскими богословами и юристами рубежа XVI–XVII вв., но доводы, которые использовали полемисты XVI в., были сформулированы практически целиком гораздо раньше, еще в XV в., и в любом случае разрыв между позднесредневековой традицией и XVI в. в области морального богословия и политической мысли является творением историков в их стремлении сконструировать цезуру между культурой Средневековья и эпохой Возрождения и Реформации. В статье рассматриваются античные и средневековые истоки упомянутых концепций. В фокусе исследования – сочетание в развитии этих идей традиции позднеантичной и средневековой мысли, которые условно можно назвать августиновской и аристотелевской.

Ключевые слова: уклончивое высказывание, мысленная оговорка, каноническое право, ложь, истина, Доминго де Сото, Наваррец, Парсонс, Бл. Августин, Аристотель, Св. Фома Аквинский, номинализм, Габриель Биль, Сильвестр Приерий

Дискуссии XVI столетия были вызваны ситуацией, сложившейся в Испании, когда юрисдикция инквизиции в делах, касавшихся членов других орденов, оспаривалась многими учеными клириками. Дело известного богослова архиепископа Толедского Бартоломе Каррансы (1559)¹, обвиненного в ереси (и позднее оправданного), сопровождавшееся допросами его многочисленных друзей и последователей, вызвало большое недовольство в Испании и привлекло внимание к границам юрисдикции инквизиции, а также к праву инквизиторов в рамках своих полномочий требовать показаний от исповедников, т.е. раскрывать то, что относилось к тайне исповеди.

В 1570-е – начале 1580-х гг. новый конфликт столкнул интересы Инквизиции и Ордена иезуитов в Испании. Папская диспенсация давала право исповедникам-иезуитам отпускать тяжкие грехи, в т.ч. грех ереси, что было сделано для облегчения возможности проповедовать католичество в затронутых протестантским учением странах. Испан-

¹ Бартоломео Карранса (1503–1576), богослов-доминиканец, архиепископ Толедский; в 1559 г. был арестован испанской инквизицией по обвинению в ереси; в 1566 г., после апелляции к понтифику, был отправлен в Рим, где пребывал в заключении еще десять лет. В конце концов, Карранса оправдан, хотя в его сочинениях и были обнаружены ошибочные суждения.

ская инквизиция считала дела о ереси исключительно своей прерогативой, оспаривала право исповедников отпускать этот грех и требовала от исповедников доносить на кающихся еретиков. Тем самым исповедники-иезуиты были поставлены в незавидное положение: отказываясь раскрывать тайну исповеди, хранить которую они были обязаны, они одновременно нарушали закон и сами рисковали оказаться в застенках инквизиции. Таким образом, появившиеся в Испании в XVI в. сочинения, затрагивавшие вопрос о сокрытии истины, которое не стало бы при этом ложью, были напрямую связаны с практической задачей: как законным образом ввести в заблуждение инквизитора.

Первым подробным анализом этой сложной темы стало сочинение доминиканского богослова из Саламанки Доминго де Сото² *De ratione tegendi et detegendi secerum* (1541). Сото рассматривал ситуацию, когда исповедник подвергается допросу, имея при этом два кажущихся взаимоисключающими обязательства: не солгать и не раскрыть тайны.

Сото подробно анализировал слова, которыми оперируют задающие вопросы и отвечающие на них. По его мнению, если вопрос допускает ответ «не знаю», то это можно сделать законно. Ведь «знать» можно было лишь то, что было некогда выучено собственными усилиями и сохранилось в уме. Знание, полученное не собственными усилиями и личным свидетельством, а со слов других, не являлось настоящим знанием, и, следовательно, на вопрос о нем можно было ответить «не знаю». Однако Сото утверждал, что в тех случаях, когда прямой вопрос касался действий спрашиваемого, подобное свободное истолкование оказывалось невозможным – ведь невозможно не знать, делал ли ты что-либо или нет, и тогда уклонение от истины оказывалось ложью, даже если намерения лгущего (напр., защитить подвергающегося преследованию) похвальны с моральной точки зрения. Сото развил эти положения в трактате *De justicia et jure* (1556), добавив рассуждения о том, что подобные игры со значениями слов и мысленными оговорками возможны только в случае несправедливого преследования, т.е., если допрашивающий не обладает полномочиями это делать, случай не подпадает под его юрисдикцию, или же само дело оказывается нарушением естественного и божественного закона. В таком случае можно было ответить: «не знаю», имея в виду «не знаю на столько, чтобы сказать», «не имею истинного знания об этом»³. Глагол *facere* не подразумевал такой свободы интерпретации, поэтому вопрос о действиях требовал прямого ответа. Таким образом, предложенное Доминго де Сото истолкование ограничивало допустимые в речи двусмысленности.

² Доминго де Сото (1494-1560) – богослов-доминиканец, профессор теологии в университете Саламанки.

³ Tutino 2014. P. 16-17, 18-19.

Более широкую их интерпретацию предложил в 1580-х гг. знаменитый испанский канонист Мартин де Аспилькуэта, более известный по месту своего рождения как Наваррец⁴. Изданный им в 1584 г. (по просьбе друга-иезуита из Вальядолида) *Commentarius in Cap. Humanae Aurea* рассматривал случай судебной клятвы, данной с мысленной оговоркой (*mentalis restrictio*), задаваясь вопросом о том, был ли при этом совершено клятвопреступление, лжесвидетельство, или какой-либо иной грех⁵.

В своем рассуждении Наваррец использовал положение Аристотеля о смешанном утверждении (*oratio*) в том виде, в котором оно транслировалось средневековой риторикой. В тексте говорится: согласно Аристотелю, утверждения бывают устными, письменными или мысленными, или же сочетанием этих трех видов (*amphibologia*). Подробнее об источнике этого утверждения будет сказано ниже. Здесь же нужно отметить вывод Наваррца: поскольку рассматривается полное высказывание (состоящего из устного утверждения и мысленной оговорки), а оценивается оно по тому, насколько высказывание, взятое целиком, соответствует тому, что содержится в уме говорящего, ложью и тем более клятвопреступлением такое утверждение не является, хотя и вводит в заблуждение слушающего. Греховность же этого обмана, или же отсутствие таковой определяется намерениями говорящего и обстоятельствами дела, т.е. являются ситуативными⁶.

Английские сочинения рубежа XVI–XVII вв., посвященные уклончивым высказываниям и мысленным оговоркам, были адресованы английскому католическому сообществу, которое с середины XVI в. существовало в условиях гонений. Священники находились в стране нелегально и в любой момент могли быть арестованы, высланы из Англии или казнены; укрывательство их грозило мирянам тюремным заключением, конфискацией имущества, а с 1585 г. – и казнью. Таким образом, и священники, и их паства оказывались перед вполне реальной перспективой ареста и допроса, в ходе которого им пришлось бы как минимум скрывать то, что они знают о единоверцах (во имя спасения их жизни и свободы), а то и просто лгать⁷.

Составленный в конце 1590-х гг. иезуитом Генри Гарнетом⁸ рукописный памфлет имел заглавие, которое достаточно точно описывало

⁴ Наваррец – Мартин де Аспилькуэта (1491–1586), богослов, профессор канонического права, преподавал в Тулузе, Саламанке и Коимбре; с 1571 г. находился в Риме, где защищал в суде инквизиции своего друга, Бартоломео Каррансу.

⁵ Tutino 2014. P. 20

⁶ Tutino 2014. P. 20–24; Zagorin 1990. P. 165–180.

⁷ Серегина 2006. С.40–44.

⁸ Генри Гарнет (1555–1606) – английский иезуит, получивший образование в колледже Винчестера, а после эмиграции в 1571 – в Римской коллегии ордена. В 1582–1584 гг. преподавал там древнееврейский язык. В 1584 г. вернулся в Англию

его содержание: «*Может ли католик, или любой другой человек, когда магистрат требует под присягой показать, находится ли в определенном месте священник, или нет, ответить 'нет' (несмотря на то, что прекрасно об этом знают), не совершив клятвопреступления и со спокойной совестью, с тем мысленно оговоренным тайным смыслом, что священник не находится там с тем, чтобы кто-либо был обязан это разгласить*»⁹. В этом памфлете Гарнет обнаружил знакомство с теориями континентальных богословов, о которых шла речь выше.

Рассуждая о смешанных утверждениях, Гарнет, как и Наваррец, опирался на Аристотеля. Он писал, что поскольку истинность утверждения определяется его соответствием тому, что содержится в уме говорящего, все утверждение полностью (т.е. его произнесенная часть и мысленная оговорка вместе) составляют истинное утверждение¹⁰. Он также считал, что поскольку такое утверждение не является ложью, его можно использовать в случае незаконного допроса – тем, кто, либо не имеет соответствующих полномочий, либо юрисдикции, либо дело его противоречит закону божественному и человеческому (напр., преследования католиков в Англии)¹¹. Гарнет перечислял уже знакомые нам способы уклонения от ответа на вопрос в таком случае: двусмысленные слова, предложения, которые можно истолковать по-разному, и смешанные утверждения¹². Признавая, что не все католические богословы убеждены в законности использования таких утверждений, он оправдывал его, опираясь на теорию пробабиллизма (не слишком распространенную у английских иезуитов): даже менее вероятное мнение (о допустимости мысленных оговорок) должно стать руководством к действию, если благодаря этому удастся защитить невинных от преследований¹³. То, что в результате таких действий, не считавшихся ложью, спрашивающие вводились в заблуждение, не было грехом.

Гарнет оговаривал, в каких случаях использование двусмысленностей и мысленных оговорок (они не разграничивались и охватывались одним термином – *equivocation*) являлось незаконным. Во-первых, запрещалось отрицать свою веру, прежде всего, в тех случаях, когда это могло привести к скандалу – например, ввести в искушение других католиков, услышавших о том, как их арестованный собрат словно бы отрекся от католической религии. Использовать любые виды сокрытия

в качестве миссионера, в 1586–1606 гг. возглавлял иезуитов, работавших в стране, занимая пост superior. Казнен за соучастие в организации Порохового заговора (а точнее, за недонесение информации о нем, полученной на исповеди).

⁹ Garnet 1851. P. 4. См. о рукописи и издании текста: Серегина 2016. С. 70.

¹⁰ Garnet 1851. P. 9.

¹¹ Garnet 1851. P. 62-67.

¹² Garnet 1851. P. 48-52.

¹³ Garnet 1851. P. 44-45.

истины запрещалось в светских делах, когда арестованный предстал перед законным магистратом, обладавшим юрисдикцией в отношении данной группы лиц и типа дел (по умолчанию из их числа изымались дела арестованных миссионеров, не подпадавших под светскую юрисдикцию, хотя Гарнет подробно об этом не пишет)¹⁴. Если же условия законности действий магистрата не были выполнены, на допросе католик мог использовать перечисленные способы сокрытия истины.

Особо оговаривались случаи, когда допрос велся под присягой. Гарнет подчеркивал, что если законный магистрат требовал законной клятвы (т.е. такой, содержание которой не противоречило бы законам божественным и человеческим), то ее необходимо давать без уверток и мысленных оговорок. Если же магистрат обладал законной властью, но клятва оказывалась незаконной (например, раскрыть местонахождение священников, что привело бы к их гибели и ущербу для укрывавших их католиков), то и давать ее было бы смертным грехом. Выходом из положения в таких случаях становилось использование мысленных оговорок при принесении присяги¹⁵. Гарнет подчеркнул, что такая присяга, данная с мысленными оговорками, удовлетворяет критериям законной клятвы: она истинна, так как содержит в себе истинное утверждение (см. выше), она справедлива, поскольку только использование *equivocation* делает незаконную клятву (которая требует раскрыть сведения, угрожающие гибелью другим) приемлемой, наконец, она разумна и осмотрительна, так как способствует защите невинных¹⁶.

Трактат Гарнета оказался в фокусе публичного обсуждения после раскрытия Порохового заговора 1605 года (так как рукопись была конфискована у одного из заговорщиков)¹⁷, вызвав настоящую волну обличений в адрес католиков, которых именовали мятежниками и недостойными доверия. Особенно усердствовал Томас Мортон, настоятель собора в Глостере. Его перу принадлежал длинный памфлет «*Полная сатисфакция в отношении двойного римского нечестия*» (1606), в котором он обвинял католиков в отрицании монархической власти, не подчиненной Риму, мятеже и лживости¹⁸. Часть 3 этого сочинения была посвящена теории сокрытия истины и мысленным оговоркам, которые Мортон приписывал еретикам-арианам.

Ответом на труд Мортон стал «*Трактат, призывающий к смирению к подданным-католикам в Англии*» (1607)¹⁹ иезуита Роберта Пар-

¹⁴ Garnet 1851. P. 57-58.

¹⁵ Ibid. P. 67-68.

¹⁶ Ibid. P. 88-102.

¹⁷ Серегина 2016. С. 75.

¹⁸ Morton 1606.

¹⁹ Persons 1607.

сонса²⁰; основными темами этого сочинения стали защита католиков от обвинений в мятеже и обоснование теории сокрытия истины, принятой католическими богословами. Последней теме была посвящена вся вторая часть трактата (почти 300 страниц), таким образом, он был гораздо длиннее сочинения Гарнета и представлял собой труд ученого с длинными цитатами из писания, трудов Отцов церкви, богословов и канонистов, а подход к проблеме был, в отличие от Гарнета, скорее теоретическим. Тем не менее, толкование Парсонса показывает, что в целом английские иезуиты придерживались общего мнения.

Парсонс начал свои рассуждения с определения лжи: ложь есть утверждение, не соответствующее истине как она понимается говорящим, произнесенное с целью либо навредить ближнему (и в данном случае она является смертным грехом), либо получить преимущество для себя, либо в шутку (в последних случаях это грех прощительный)²¹. Соответственно, двусмысленные утверждения и утверждения, содержащие мысленные оговорки, являются истинными, так как не противоречат тому, что говорящий считает истиной, не имеют намерения навредить кому-то или приобрести что-то для себя, но, напротив, имеют похвальное намерение защитить себя и близких от угрозы (напр., преследований). В отличие от Гарнета, Парсонс, следуя испанским собратьям, использовал термин *equivocation* по отношению к двусмысленным утверждениям и понятие «амфибология» (*amphibology*) – к мысленным оговоркам²². Как и другие богословы, он ограничивал употребление разных способов сокрытия истины ситуациями, когда человек оказывался перед лицом магистрата, не обладавшего законной властью, соответствующей юрисдикцией, или задававшего противозаконный вопрос. В таких случаях допрашиваемые вовсе не обязаны были отвечать, или же могли использовать оговорки²³, а введение в заблуждение спрашивающего было законным делом, а не обманом, или ложью.

Парсонс посвящает несколько глав перечислению случаев, когда использование мысленных оговорок допустимо: это, во-первых, ситуации, когда исповедника вынуждают раскрыть тайну исповеди (что напрямую касалось Гарнета, хотя его имя и не было упомянуто)²⁴; во-вторых, государственная тайна (*secrets of the state*)²⁵; в-третьих, уже

²⁰ Роберт Парсонс (1546–1610) – английский иезуит, автор политических памфлетов и религиозных наставлений, префект Английской миссии ордена иезуитов в 1598–1610 гг. Подробнее о нем см. Долеман 2013. Введение. Роберт Парсонс: биография. С. 5–31.

²¹ 1607. P. 338–339.

²² Ibid. P. 317–318.

²³ Ibid. 340–342.

²⁴ Persons 1607. P. 406–411.

²⁵ Ibid. P. 411–413.

упомянутые случаи незаконности власти или действий допрашивающего²⁶. Отдельно были рассмотрены случаи, когда человек должен был давать показания против других. Оговаривалось, что показания, данные против другого человека в несправедливом деле, являются смертным грехом, а использование мысленных оговорок – способом защитить его²⁷. Наконец, рассматривался и вопрос о присяге. Парсонс утверждал, что присяга, принесенная добровольно и без оговорок, обязывает принесящего ее поступать в соответствии с ней (например, говорить правду). Присяга, данная под принуждением, не обязательна к выполнению; кроме того, можно было приносить ее с мысленными оговорками (говорить правду настолько, насколько это возможно сделать законно)²⁸.

В своих рассуждениях о лжи и сокрытии истины средневековые богословы и канонисты и их наследники XVI в. опирались на определение лжи, сформулированное еще Бл. Августином (*De Mendacio*, IV. 4): ложью является утверждение, не соответствующее сформированному в уме говорящего представлению о предмете, при этом говорящий сознает наличие такого несоответствия, т.е., имеет намерение ввести в заблуждение (*falsa significatio vocis cum intentione fallendi*). Два аспекта этого определения оказали решающее влияние на последующие рассуждения о данном вопросе. Во-первых, анализу подвергались лишь взаимоотношения между словами и образом в уме говорящего, а также его намерения, но не интерпретация произнесенных слов тем, к кому они обращены; таким образом, в контексте размышлений о лжи реакция слушателя не является значимой. Во-вторых, ложь всегда считалась грехом; впоследствии это обстоятельство и привело к настоятельной потребности католических полемистов доказать, что допускаемые ими слова ни в коем случае ложью не были.

Рассуждения Августина стали основой выводов папы Григория I Великого²⁹ (*Moralia*, lib. 26, c. 7)³⁰, а это сочинение, в свою очередь, вошло в состав *Decretum* Грациана³¹ (с. 22, q.5)³². Григорий подчеркивал, что Бог оценивает не произнесенные слова, но стоящее за ними намерение, волю. Впоследствии эту интерпретацию воспроизводили все канонисты. Августиновское определение лжи (слова, не соответствующие мысли, произнесенные с намерением обмануть) вошло и в состав

²⁶ Ibid. P. 414-425.

²⁷ Ibid. P. 425-427.

²⁸ Ibid. 427-430.

²⁹ Папа Григорий I Великий (ок. 540-604) – христианский богослов, один из латинских отцов церкви.

³⁰ Zagorin 1990. P.169.

³¹ Декрет Грациана (*Decretum Gratiani* или *Concordia discordantium canonum*) – первый свод канонического права католической церкви, составленный в I пол. XII в.

³² Zagorin 1990. P. 169; Sommerville 2002. P. 170.

“Сентенций” Петра Ломбардского³³, и затем – в многочисленные комментарии к ним. Таким образом, это определение можно найти как в многочисленных руководствах для исповедников, так и в богословских трудах. Это позволяет ряду исследователей заключить, что средневековая традиция толкования понятий лжи и введения в заблуждение – полностью августиновская³⁴. Как мы увидим ниже, такой вывод представляется слишком большим упрощением и требует уточнения.

Св. Фома Аквинский также использовал рассмотренную выше августиновскую формулу, добавив к ней свои оговорки (*Summa Theologica, Secunda Secundae, quaestio 109*): ложь всегда греховна, не всякая ложь есть смертный грех. Ведь правдивость – равновесие между тем, что человек считает истинным, и тем, что он говорит. Правдивый человек не произносит лжи (т.е. того, что считает неистинным). Обман (не ложь!) не является смертным грехом, так как может иметь благие причины и намерения (напр., спасение невинных)³⁵. Это определение перекликается с комментарием Фомы Аквинского к «Никомаховой Этике» (4.7)³⁶. Здесь Аристотель говорил о таких видах лжи как ложь о самом себе через преувеличение или преуменьшение (хвастовство или самоуничижение). В своем комментарии Фома Аквинский рассматривает мотивацию такой лжи. Если мотив отсутствовал, речь шла о простой глупости; если мотивом было прославление себя, этот грех мог считаться простительным (поскольку от него никто не пострадал); если же мотивом оказывалась личная выгода, грех оказывался гораздо страшней³⁷. Таким образом, квалификация лжи по степени греховности зависела, в его глазах, от того, в какой степени ложь противоречила любви к ближнему. Ложь с целью повредить ближнему безусловно относилась им к числу смертных грехов; ложь с целью возвеличить себя, не наносящая при этом ущерба другим, была менее плоха, тогда как ложь, сказанная в шутку, оказывалась и вовсе простительной.

После Фомы Аквинского появляется важная традиция, проводящая различие между намеренной ложью и введением в заблуждение. Если первое было смертным грехом, то второе – допустимо при определенных обстоятельствах. Таким образом, речь шла уже не только о говорящем и соответствии его слов его суждению, но и о слушателе, который слышит и интерпретирует высказывание. Соответственно, рас-

³³ «Сентенции в четырех книгах» (*Sententiarum libri IV*) – первое систематическое изложение католического богословия, составленное в XII в. и оставшееся стандартным университетским учебным текстом вплоть до XVI в. и позднее. Ее автор, Петр Ломбардский (ум. 1160) – уроженец Ночеры, преподавал в Париже.

³⁴ Zagorin 1990. P.176. Craun 1997. P. 32, 46.

³⁵ Thomas Aquinas. *Summa Theologiae*. IIa IIae. 109.1-4.; Idem, 2014, p. 254.

³⁶ Aristot. *Nic. Eth.* 1127a-1127b. Русский перевод: Аристотель 1997.

³⁷ Flannery 2013. P. 136-139.

суждение о допустимом обмане перешло от рассмотрения намерения говорящего к собственно словам и фразам. Этот переход подразумевал обращение к аристотелевским текстам, которые были хорошо знакомы средневековому читателю, поскольку на них опиралась вся система преподавания логики и риторики. И именно из истолкования этих текстов вырастают концепции *equivocatio* и *mentalis restrictio*.

Во-первых, это *De interpretatione* [«Об истолковании»³⁸], 1: Произнесенные слова суть символы или знаки представлений души [мыслей]; написанные слова суть знаки слов произнесенных. Эта фраза понималась как существование трех видов высказывания – устного, устного и письменного. К началу XVI в. сформировалось представление о том, что высказывание может сочетать два или все три вида и лишь в полном виде являться истинным. На этом основывается идея *mental reservation*. Во-вторых, *De sophisticis Elenchis* [«О софистических опровержениях»³⁹], 7, 16920-25a, где Аристотель идентифицировал 13 логических ошибок: в ошибках, связанных с уклончивой речью и двусмысленными высказываниями обман возникает из неспособности провести различие между разными значениями понятия. Именно здесь и находится основа для представлений о *equivocatio* и амфиболии. Амфиболия имеет место, когда предложение имеет больше одного смысла, а *equivocatio* – когда используется одно и то же слово с разными значениями, хотя бы одно из которых является ложным в рассматриваемом контексте.

Ссылки на эти тексты присутствуют у позднесредневековых канонистов (авторов покаянных сумм, *Summae penitantiarum*) и комментаторов «Сентенций» Петра Ломбардского. В них августиновское определение лжи сочетается со сделанными Фомой Аквинским оговорками о допустимых видах обмана, причем последние рассматриваются как многозначные (и вводящие в заблуждение) фразы, следуя аристотелевской традиции⁴⁰. Уже в XIII в. Св. Раймунд Пеньяфортский⁴¹, привел пример такой вводящей в заблуждение фразы, которая стала знаменитой и цитировалась в течение нескольких веков (в т.ч. в XVI в.): в ответ на вопрос о человеке, которому угрожают преследователи, говорится: “Non est hic”, что может означать: «его здесь нет», или «он не ест здесь», при этом говорящий имеет в виду второй смысл фразы и таким образом избегает греха лжи⁴². Рассуждения подобного рода можно обнаружить

³⁸ Русский перевод см.: Аристотель 1978. С. 91-116.

³⁹ Аристотель 1978. С. 533-593.

⁴⁰ Примеры такого рода собраны в монографии П. Загорина, который, впрочем, только этим и ограничился, не предложив никакого объяснения, и далее рассматривал *equivocatio* как феномен раннего Нового времени. Zagorin 1990. P. 169-171.

⁴¹ Св. Раймунд Пеньяфортский – (ок. 1175–1275, канонизирован в 1601), католический богослов и канонист, составитель «Декреталий», генерал ордена доминиканцев.

⁴² Penafort 1603. P. 100.

и в XV в.: у Джона Мейра⁴³, Сильвестра Приерия (Сильвестро Мадзолини да Приерио)⁴⁴, Габриеля Биля⁴⁵. Похожий комментарий мы находим у Ангела де Клавазио (Анджело Карлетти де Кивассо) [Angelus de Clavasio, *Summa de casibus conscientiae*, 1488]: человек, подвергнутый незаконному допросу, может сказать то, «что истинно в его представлении, даже если это ложь в представлении его слушателя»⁴⁶.

В XV в. уже можно усмотреть и очертания идеи *mentalis reservatio*: хотя она еще не сформулирована во всех деталях. Так, Биль в комментариях к «Сентенциям» пишет: «произнесенные вслух слова не связывают говорящего без внутреннего согласия. Поэтому тот, кто внутренне не собирается связывать себя обязательством, не связан ими перед Богом»; «утверждение, сделанное с мысленной оговоркой, может не быть ложью, если не противоречит тому, что на уме у говорящего»⁴⁷. Итак, рассматриваемые идеи опирались на аристотелевские представления об истинных и неистинных высказываниях и, как видим, уже присутствовали в XV в.; их, таким образом, нельзя отнести к произведениям раннего Нового времени. Вопрос о хронологии имеет и еще одно важное измерение, которое ранее никогда не рассматривалось.

Почему именно в это время августиновская теория лжи как намерения стала сочетаться с дискуссией о допустимости намеренного введения в заблуждение при помощи игры слов или умолчания, т.е. переместилась в поле аристотелианской мысли? Это смещение невозможно объяснить, только исходя из распространения корпуса аристотелианских текстов после XIII в.: *De interpretatione* был переведен на латынь Боэцием и оставался основой преподавания логики на протяжении всего Средневековья. Что же сделало такой поворот событий возможным?

Если присмотреться к авторам приведенных выше комментариев, выясняется, что почти все они оказываются номиналистами (Биль, Мейр, Сильвестр Приерий и др.). Цитированное место у Биля – из его комментария к труду Оккама, одного из основателей этого направления мысли. Номиналистская традиция уделяла колоссальное внимание логике; Оккам был автором одного из самых влиятельных комментариев к *De interpretatione* и в целом часто обращался к Аристотелю.

⁴³ Джон Мейр (1467–1550) – шотландский богослов, преподаватель университетов Парижа и Сент-Эндрюса.

⁴⁴ Сильвестр Приерий, Сильвестро Мадзолини да Приерио (1457–1527) – католический богослов-доминиканец, уроженец Приерио в Пьемонте. Преподавал богословие в Болонье, Падуе и Риме.

⁴⁵ Zagorin 1990. P. 171; Sylvester 1518. F.275b. Габриель Биль (1420/25–1495) – немецкий богослов, каноник-августинец; профессор теологии университета Тюбингена.

⁴⁶ Angelus de Clavasio. 1515. F. 139a. Ангел де Клавазио (Анджело Карлетти де Кивассо, 1411–1495) – канонист-францисканец, викарий францисканцев-обсервантов.

⁴⁷ Biel G. 1508. Lib. 3, dictio 39, q.1, sig. Riiv.

Таким образом, становление теорий *mentalis restrictio* и *equivocatio* произошло в рамках позднесредневековой номиналистской традиции. Этот вывод можно было сделать, только рассматривая античные источники и их средневековые интерпретации, не пытаясь останавливаться на воображаемой границе между Средневековьем и ранним Новым временем. Сделанный нами вывод вписывается в картину, созданную исследованиями историков философии, которые подчеркивают влияние позднесредневекового номинализма на испанскую мысль XVI в., а также на иезуитов и на развитие морального богословия и казуистики. Необходимо также отметить влияние номиналистской традиции на политическую мысль XVI в. Долгое время было принято считать, что номиналисты, связанные с соборным движением, были предшественниками теорий «народного согласия»⁴⁸ в их протестантском варианте. Исследования последних лет, включая мои собственные, посвященные политической мысли английских католиков XVI в., показывают, что их труды были не менее важны для католических теорий сопротивления тирану и теорий абсолютизма⁴⁹. В этом контексте выстраивается линия, связывающая номиналистскую казуистику (основанную на аристотелианской логике)⁵⁰ с ее оправданием заведомого введения в заблуждение и представлениями раннего Нового времени о необходимости для хорошего правителя уметь как минимум скрывать истину во имя государственного интереса⁵¹. Но это – тема отдельного исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аристотель. Никомахова этика / пер. Н. Брагинской. М., 1997. [Aristotel. Nikomakhova etika / per N. Braginskoi. M., 1997]
- Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 2. Органон / под ред. З.Н. Микеладзе. М., 1978. [Aristotel. Sochineniia v 4-kh tomakh. T. 2. Organon / pod red Z.N. Mikeladze. M., 1978]
- Долеман Р. (Роберт Парсонс). Рассуждение о наследовании английского престола. Перевод с англ., вступительная статья и комментарии А.Ю. Серегинной. М., 2013. [Doleman R. Robert Parsons Rassuzhdenie o nasledovanii angliiskogo prestola / Perevod s angl. vstupitelnaia statia i kommentarii A.IU. Sereginoi M 2013]
- Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII в. СПб., 2006. [Seregina A.IU. Politicheskaiia mysl angliiskikh katolikov vtoroi poloviny XVI – nachala XVII v. SPb., 2006]
- Серегина А.Ю. Единжды солгав: католики перед лицом английского правосудия в XVI–XVII вв. // Обман как повседневная практика. Индивидуальные и коллективные стратегии поведения / Под ред. О.И. Тогоевой и О.Е. Кошелевой. М., 2016. С. 60–92. [Seregina A.IU. Edinozhdy solgav katoliki pered litsom angliiskogo pravosudiia v XVI–XVII vv. Obman kak posvednevnaia praktika Individualnye i kollektivnye strategii povedeniia / Pod red. O.I. Togoevoi i O.E. Koshelevoi. M., 2016. S. 60–92]

⁴⁸ Классическое выражение данной точки зрения: Oakley 1962. P. 1–32.

⁴⁹ О новых подходах см.: Brett A., Tully J. 2006. P. 149–170 [Ch. 7. Resistance Theories]; см. также Серегина 2006. С. 140–145.

⁵⁰ Vereecke 1990. P. 653; Alonso-Lasheras 2011. P. 91–92.

⁵¹ Об этом упоминал Роберт Парсонс в своем трактате. См. примеч. 29.

- Alonso-Lasheras D. Luis de Molina's De Iustitia et Iure: Justice as Virtue in an Economic Context. Leiden, 2011.
- Angelus de Clavasio. Summa. Strasbourg, 1515.
- Biel G. Epitomo et Collectorium ex Occamo circa Quatuor Sententiarum Libros. Basel, 1508.
- Brett A., Tully J. (eds.) Rethinking the Foundations of Modern Political Thought. Cambridge, 2006.
- Craun E.D. Lies, Slander, and Obscenity in Medieval English Literature, Pastoral rhetoric and Deviant Speech. Cambridge, 1997.
- Flannery K., S.J. Being Truthful with (or Lying to) Others about Oneself // Aquinas and the Nichomachean Ethics / T. Hoffmann, J. Muller, M. Perkams. Cambridge, 2013. P. 129-145.
- Garnet H. A Treatise Against Lying and Fraudulent Dissimulation / Ed. D. Jardine. L., 1851.
- Morton T. A Full Satisfaction concerning a Double Romish Iniquitie. London, 1606.
- Oakley F. On the Road from Constance to 1688: the Political Thought of John Major and George Buchanan // Journal of British Studies. Vol. 2. 1962. P. 1-32.
- Persons R. A treatise tending to mitigation towards Catholicke-subiectes in England. StOmer, 1607.
- Sommerville J. "The New Art of Lying": Equivocation, Mental Reservation, and Casuistry // Conscience and Casuistry in Early Modern Europe / Ed. E. Leites. Cambridge. 2002. P. 159-184.
- S. Raymondi de Penafort. Summa. Roma, 1603.
- Sylvester. Summa Summarum. Strasbourg, 1518.
- Thomas Aquinas's Summa Theologiae. A Guide and commentary / Ed. B. Davis. Oxford, 2014.
- Tutino S. Shadow of Doubt: Language and Truth in Post-Reformation Catholic Culture. Oxford, 2014.
- Vereecke L. Saggi di storia della teologia merale moderna, 1300-1357. De Guglielmo d'Ockam a sant' Alfonso de Liguori. Cisinello Balsano, 1990.
- Zagorin P. Ways of Lying: Dissimulation, Persecution and Conformity in Early Modern Europe. Cambridge, Mass., 1990.

Серегина Анна Юрьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; aseregina73@yandex.ru

Aristotelian thought, canon law, and the concealment of truth in the Early Modern Europe

The article explores some medieval interpretations of Aristotelian ideas of true and false statements and, consequently, of lying and the concealment of truth (which was not considered a mortal sin, unlike the former). The author looks into text by the late medieval theologians and canonists and traces their links to the 16th century Catholic philosophers and pamphleteers – Domingo de Soto, Navarrus, and English Jesuits. It has been shown that medieval reception of Aristotelian ideas, particularly active within the Nominalist philosophical tradition helped develop the early Modern moral theology, and the concepts of mental reservation and equivocation, which were important to the history of philosophy, political theory and religious practice in the 16th – 17th cc.

Keywords: equivocation, mental reservation, canon law, falsehood, truth, Domingo de Soto, Navarrus, Robert Persons, St. Augustine, Aristotle, St. Thomas Aquinas, Nominalism, Gabriel Biel, Sylvester Prierias

Anna Seregina, Dr Sc. (History), leading researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; aseregina73@yandex.ru

РАЗВИТИЕ БРИТАНСКОГО ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО КАНОНА ПОЗДНЕГО ПРОСВЕЩЕНИЯ I. МИКРОСТРУКТУРА МАКРОИСТОРИЙ В. РОБЕРТСОНА

В статье анализируются особенности микроструктуры исторических трудов В. Робертсона. Выделенные в комплексах рубрик на полях его книг повторяющиеся, однотипные, кросс-сегментарные рубрики рассматриваются в качестве маркеров целенаправленных усилий Робертсона по систематизации исторических фактов.

Ключевые слова: историографический канон позднего Просвещения, микроструктура, повторяющиеся (ПР), однотипные (ОР), кросс-сегментарные (КСР) рубрики

Британский историографический канон, основы которого заложил Д. Юм, получил дальнейшее развитие в трудах В. Робертсона, предопределив в перспективе специфику структурирования Н.М. Карамзиным «Истории государства Российского». В статье продолжен анализ комплексов рубрик на полях британских макроисторий позднего Просвещения, начатый автором в работе о микроструктуре «Истории Англии» Юма¹. **Повторяющиеся** (ПР или П-рубрики) и **однотипные** (ОР или О-рубрики) как маркеры целенаправленной систематизации исторических фактов выявляются в границах монархического, элитарного, управленческо-правового, конфессионального, конфликтного, этнокультурного сегментов и комплекса рубрик о положении дел. Выделены, кроме того, **кросс-сегментарные рубрики** (КСР или КС-рубрики), то есть П-рубрики и О-рубрики **обобщающего** характера, встречающиеся в **нескольких** сегментах.

В монархическом сегменте микроструктуры трудов Робертсона рубрики о рождении монархов редки², среди рубрик о браках есть КСР-рубрики о **первом** событии, его **следствиях**³, рубрики о переговорах и браке⁴. За рубриками о смерти⁵ следовали рубрики о характере реген-

¹ Рудковская 2017.

² **ОР:** «Birth of Mary, and state of the kingdom» / «Birth of James VI». *Robertson*. The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI. Vol. I. P. 100. Vol. II. P. 166. **ОР:** «Birth of Charles V» / «Birth of Ferdinand afterwards Emperor». *Robertson*. The History of the reign of the Emperor Charles V. Vol. II. P. 1, 5.

³ **2КСР:** «**The first** of these events was the marriage of the heiress of the house of Burgundy. - The importance of this to the state of Europe»; «**The effect** of this, the marriage of Maximilian with the heiress of Burgundy. - The influence of that on the state of Europe». *Robertson*. The History of the reign... Vol. I. P. 104 (2), 107 (2). Здесь и далее ключевые слова, позволяющие отнести рубрики к КСР, выделены жирным шрифтом.

⁴ **ПР:** «Negotiations with regard to the Queen's marriage» (2). **2ОР:** «Negotiations for a marriage between Elizabeth and the Duke of Alengon». *Robertson*. The histo-

тов и венценосных особ⁶, но характер правителей упоминался и вне связи со смертью⁷. Историк выделил КС-рубрики о **происхождении** разлада между Марией Стюарт и Елизаветой Тюдор, **начале** соперничества Карла V и Франциска I, **положении дел**, **первых мерах**, **новой** лиге, **причинах** новой войны⁸, **воздействии** побед, **мотивах** поступков, **обстоятельствах** деятельности, **новых** привилегиях⁹. Рубрики информировали об избрании регентов¹⁰, о встречах, переговорах правителей¹¹, видах государей и народов¹², размышлениях и планах¹³, мерах,

ry of Scotland... Vol. II. P. 88, 98, 389. **OP**: «Charles projects a marriage between his son and Mary of England... – The marriage treaty concluded... – The marriage celebrated». *Robertson. The History of the reign...* Vol. III. P. 297, 300, 303.

⁵ **2OP**: «Death of Isabella» / «Death of Philip» / «Death of Henry»; «Death of the Emperor Maximilian» / «Death of the King of Hungary» / «Death of Mary of England». *Robertson. The History of the reign...* Vol. II. P. 5, 14, 48, 467. Vol. III. P. 421, 430. **OP**: «Death of Prince Henry» / «Death of Isabella». *Robertson. The History of America. Vol. I.* P. 70, 239.

⁶ **3ПП**: «His death» (2); «His character» (2); «Her character» (2); **2OP**: «He is murdered there» / «But he is murdered»; «Mary's behaviour at her death» / «Elizabeth's last illness and death». *Robertson. The history of Scotland...* Vol. II. P. 20. 193, 194, 313, 315, 355, 401. Vol. III. P. 61, 67, 179, 182. **OP**: «Death of Francis, and reflections on his character and rivalry with Charles» / «Death of Charles V... – His character». *Robertson. The History of the reign...* Vol. III. P. 132, 412, 417.

⁷ **KCP**: «**The first** openings of his character»; **OP**: «His (of Henry VIII – I.R.) character». *Robertson. The History of the reign...* Vol. II. P. 23, 70. **KCP**: «**Character** of the monarch». *Robertson. The History of America. Vol. II.* P. 267.

⁸ **KCP**: «**Origin** of the discord between her and Elizabeth». *Robertson. The history of Scotland...* Vol. II. P. 48. **5KCP**: «**Rise** and progress of the rivalryship between Charles and Francis I»; «**State of affairs** between Charles and Francis»; «**A new** league against the French King»; «**First** measures of the French King...»; «**The causes** of a new war between Emperor and Francis». *Robertson. The History of the reign...* Vol. II. P. 67, 126, 189, 264, 378.

⁹ **3KCP**: «**Effect** of this victory upon Charles»; «**Effects** of this victory at Pavia on Henry VIII, – On the Italian powers»; «**The motives** of his (of Emperor – I.R.) resignation»; «**Circumstances** which contributed to deceive the Emperor, – and his ministers» / «**Circumstances** which had retarded it...» / «**Circumstances** which prevented the immediate effects...». *Robertson. The History of the reign...* Vol. II. P. 229, 231, 234. Vol. III. P. 235 (2), 350, 353, 440. **2KCP**: «**Circumstances** in Elizabeth's reign unfavourable to colonization»; «**New** privileges granted by Charles». *Robertson. The History of America. Vol. IV.* P. 165, 225.

¹⁰ **OP**: «Earl of Arran chosen Regent» / «Lennox elected Regent» / «Mar chosen Regent» / «Morton chosen Regent». *Robertson. The history of Scotland...* Vol. I. P. 102. Vol. II. P. 325, 340, 356.

¹¹ **3OP**: «Interview between Henry and Francis» / «Interview between the Pope and Francis» / «Interview between Charles and Francis...»; «Negociations between Charles and Francis» / «Negociations of a peace between Charles and Francis»; «The Emperor's negotiations with Henry VIII» / «Francis's negotiations with Solymán» / «Charles's negotiations with Denmark and England». *Robertson. The History of the reign...* Vol. II. P. 75, 312, 344, 412, 414. Vol. III. P. 11, 13, 28.

приготовлениях к войнам¹⁴, поиске союзников, объединении сил¹⁵, политике в Америке¹⁶, об освобождении государей и договорах¹⁷. Продублирована структура фрагментов об экспедициях Карла V в Африку¹⁸.

Политической элите посвящены КС-рубрики-**обзоры** о благоприятных для знати событиях во время малолетств королей, о ее партиях, КС-рубрику-**рассмотрение** о партиях, КС-рубрики о **начале** взлета фаворитов, **новых** заговорах¹⁹, **происхождении** юрисдикции знати и рыцарства²⁰, О-рубрики о малочисленности знати в Шотландии²¹, ее планах, о попытках королей ограничить ее влияние, попытках пред-

¹² **2OP**: «Views of Leuis XI with respect to it» / «Views of the Italian states with respect to Charles and Francis»; «Views... of other states – Of the Swiss. - Of the Venetians. – Of Henry VIII. – Of Leo X... - Views of the Electors». *Robertson*. The History of the reign... Vol. I. P. 104. Vol. II. P. 52, 53 (3), 54, 56, 214.

¹³ **3OP**: «The Emperor's deliberations concerning...» / «Charles's deliberations concerning...» / «Elizabeth's deliberations concerning...»; «Francis's plan of the defence of his kingdom» / «Charles's plan of procuring the Imperial crown to his son»; «The Emperor's shemes with respect to Germany» / «The Pope's schemes against the Emperor» / «Cosmo de Medici's schemes with regard to Siena». *Robertson*. The History of the reign... Vol. II. P. 236, 398, 437. Vol. III. P. 45, 186, 204, 310, 422.

¹⁴ **2OP**: «His (of Emperor – I.R.) measures with respect to the malcontents» / «Francis's vigorous measures in opposition to it» / «Henry's measures for the defence of his kingdom» / «Cosmo di Medici's measures for obtaining Siena»; «The Emperor's preparations for war» / «Charles's preparations for war». *Ibid.* Vol. II. P. 163, 190, 212, 264, 270, 390. Vol. III. P. 389, 394.

¹⁵ **IP**: «Charles courts the Protestants» (2). **2OP**: «The Emperor courts Henry» / «The Emperor courts the Protestants» / «Henry and Filip court Elizabeth...» / «Octavio Farnese courts the assistance of France» / «Maurice courts the protection of the French King»; «The Pope's troops join the Emperor» / «The Flemish troops join the Emperor». *Ibid.* Vol. II. P. 137, 336, 420, 465. Vol. III. P. 23, 92, 97, 209, 228, 421.

¹⁶ **OP**: «Reign of Elizabeth auspicious to discovery» / «Reign of James favourable to the establishment of colonies». *Robertson*. The History of America. Vol. IV. P. 146, 167.

¹⁷ **3OP**: «Francis set at liberty» / «The Emperor sets the Pope at liberty» / «The Emperor sets the Elector of Saxony at liberty»; «A treaty between Ferdinand and Philip» / «A treaty of peace between the Pope and Philip». *Ibid.* Vol. II. P. 11, 253, 298. Vol. III. P. 245, 392.

¹⁸ **2OP-IP**: «The Emperor's expedition to Africa, and state of that country... – His preparation for the expedition. – Lands in Africa»; «His expedition against Algiers, and motives of it. – His preparations. – Lands in Africa». *Ibid.* Vol. II. P. 363, 370-371, 471, 473-474.

¹⁹ **3KCP**: «**Review** of the events favourable to the nobles during each minority» / «**Review** of the character of both parties»; «**The rise** of Rizio's favour» / «**The rise** of Bothwell's favour»; «**New** conspiracy against Elizabeth» / «**A new** conspiracy of the Popish lords». *Robertson*. The history of Scotland... Vol. I. P. 35. Vol. II. P. 114, 163, 368. Vol. III. P. 7, 101.

²⁰ **KCP**: «**Origin** of the supreme and independent jurisdiction of the nobility» / «**Origin** of chivalry». *Robertson*. The History of the reign... Vol. I. P. 57, 69.

²¹ **OP**: «The small number of the cities... – The small number of the nobles». *Robertson*. The history of Scotland... Vol. I. P. 27-30.

ставителей знати противостоять им²², о ее активности²³. В «Истории Америки» представители короны упомянуты в КС-рубриках об **успехах**, П-рубриках о бедствиях²⁴, О-рубриках об экспедициях и приговорах к ним²⁵, назначениях²⁶, смерти, убийствах в среде элиты²⁷.

Проблемы управления рассматривались историком в КС-рубриках о **происхождении** феодального правления, монархии в Мексике, гражданской политики²⁸, об **общих** причинах ограниченности власти монархов, **общих** идеях политики Испании в колониях²⁹, **успехах** королевской власти, **положении** с престолонаследием, **начале** его обсужде-

²² **2OP**: «Schemes of Darnley and Murray...» / «Schemes of the confederate nobles» / «The schemes of the conspirators»; «The attempts to humble the nobles successful in France and in England» / «An attempt of Bothwell's against the King». *Robertson. The history of Scotland...* Vol. I. P. 40. Vol. II. P. 124, 236. Vol. III. P. 35, 97. **2OP**: «His (of Louis XI – I.R.) measures for humbling the nobility» / «Ferdinand's different schemes for abridging the privileges and power of the nobility»; «His schemes (of Ximenes – I.R.) for extending the prerogative – By depressing the nobility». *Robertson. The History of the reign...* Vol. I. P. 97, 160. Vol. II. P. 29-30.

²³ **2OP**: «The nobles combine against her and Bothwell... – The nobles march against them»; «Popish nobles conspire against the King» / «Popish lords driven out of the kingdom» / «Popish lords pardoned»; «Throk Morton's conspiracy against Elizabeth» / «Parry's conspiracy against Elizabeth» / «Essex's conspiracy against Elizabeth». *Robertson. The history of Scotland...* Vol. II. P. 222, 225. Vol. III. P. 1, 15, 89, 114, 133, 167. **2OP**: «The German nobility acquire independent and sovereign authority» / «The nobility of Castile declare for Philip»; «The nobles oppose his measures» / «The nobles attack the army of the Junta». *Robertson. The History of the reign...* Vol. I. P. 174, Vol. II. P. 12, 33, 176.

²⁴ **KCP**: «**Progress** of Balboa in Darien» / «**Progress** of Vaca de Castro; **2ПР**: «Distress of Columbus» (2); «Distress of Pizarro» (2). *Robertson. The History of America.* Vol. I. P. 122, 137, 274. Vol. III. P. 178, 196, 206.

²⁵ **3OP**: «Voyage of Bartolomey Diaz» / «Second voyage of Columbus» / «Third voyage of Columbus»; «Voyage of Alonso Nigno. – Of Vincent Yanes Pinzon»; «Preparations for another voyage» / «Preparations for a second voyage» / «Preparations for another expedition». *Ibid.* Vol. I. P. 76, 78, 153, 156, 187, 206-207, 336.

²⁶ **2OP**: «Ovando appointed governor of Hispaniola» / «Diego Columbus appointed governor of Hispaniola» / «Pedrarias appointed governor of Darien» / «Pizarro recalled by the governor of Panama» / «Lord Delaware appointed governor» / «Sir Tomas Dale appointed governor» / «Sir W. Berkely appointed governor». *Ibid.* Vol. I. P. 219, 258, 283. Vol. III. P. 109. Vol. IV. P. 186, 192, 224.

²⁷ **OP**: «Death of Chievers, the Emperor's favourite and minister» / «Death of the chevalier Bayard». *Robertson. The History of the reign...* Vol. II. P. 130, 203. **3OP**: «Death of Columbus»; «Almagro tried, - condemned, - and put to death»; «Pizarro deserted by his troops, - taken, - and put to death». *Robertson. The History of America.* Vol. I. P. 240. Vol. III. P. 185, 186 (2), 252, 253 (2).

²⁸ **KCP**: «**Origin** of the feudal government and its aristocratical genius». *Robertson. The history of Scotland...* Vol. I. P. 15. **KCP**: «**Origin** of the Mexican monarchy» / «**Origin** of their civil policy». *Robertson. The History of America.* Vol. III. P. 274, 324.

²⁹ **KCP**: «**General** causes which limited the power of the feudal monarchs». *Robertson. The history of Scotland...* Vol. I. P. 17-19, 21. **KCP**: «**General** ideas of the policy of Spain in its colonies». *Robertson. The History of America.* Vol. IV. P. 11.

ния³⁰, новом регулировании³¹, в КС-рубриках-рассмотрениях об управлении в Турции, о политике, торговле испанских колоний³². О-рубрики информировали об утверждении феодального правления, неспособности поддерживать порядок, ограниченности власти монархов, усилении ее в Англии и Испании³³, об устройстве ряда европейских стран³⁴, о недостатках управления Папской областью, Венецией, Германией³⁵, политических институтах Нового Света³⁶. Микроструктура включала рубрики о парламентах в Англии и Шотландии³⁷, представительных органах Франции и Испании³⁸, деятельности Имперского Сейма³⁹, КС-рубрику о

³⁰ **3КРР**: «**The progress** of the royal power under Charles VII – Under Louis XI»; «**State** of the dispute concerning the right of succession to the crown... – **State of** the duchy of Milan, and the right of succession to it. – **Rise** and progress of the dispute concerning this». *Robertson. The history of the reign...* Vol. I. P. 96-97, 138, 140-141.

³¹ **КРР**: «**A new** mode of settlement established» / «**New** regulations established» / «**New** regulations for this purpose» / «**New** regulations concerning the government of the Colonies» / «**New** distribution of government» / «**New** vice-royalty, on Rio de la Plata» / «**New** government in provinces of Sonora». *Robertson. The History of America.* Vol. I. P. 196, 221. Vol. III. P. 214. Vol. IV. P. 105, 107 (2), 109.

³² **КРР**: «**View** of the Turkish government». *Robertson. The history of the reign...* Vol. I. P. 187. **КРР**: «**View** of the policy and trade of the Spanish colonies». *Robertson. The History of America.* Vol. IV. P. 1.

³³ **4ОР**: «The feudal government gradually established among them» / «The feudal government defective in its provisions for interior order in society»; «The power of Monarchs very limited»; «Steps taken towards extending the power of the crown in England. – And in Spain». *Robertson. The history of the reign...* Vol. I. P. 13, 15, 85, 101, 103.

³⁴ **2ОР**: «Constitution of the republic of Venice, with its rise and progress» / «The constitution of Florence»; «The constitution and government of Spain» / «The constitution and government of Aragon» / «Constitution and government of Castile» / «Constitution and government of France» / «Constitution and government of the German Empire». *Ibid.* Vol. I. P. 132, 135, 144, 150, 154, 165, 172.

³⁵ **2ОР**: «Defects in the nature of ecclesiastical dominion» / «Defects in its (of Venice – I.R.) government, particularly with respect to its military operations»; «The defects in the constitution of the Empire. – Arising from the limited power of the Emperors. – From the nature of their titles and pretensions. – From the manner in which they were elected. – From the different forms of government established in the states which composed the Germanich body. – From the opposition between the secular and ecclesiastical members. – From the unequal distribution of wealth and power among the members». *Ibid.* Vol. I. P. 129, 133, 181-182, 183 (2), 184, 185 (2).

³⁶ **2ОР**: «Political institutions» / «Political institutions arising from this state». *Robertson. The History of America.* Vol. II. P. 108, 125.

³⁷ **2ПР**: «A Parliament» (2); «A Parliament held» (4). **ОР**: «A Parliament in Scotland». *The history of Scotland...* Vol. II. P. 28, 94, 203, 248, 273, 428. Vol. III. P. 28.

³⁸ **2ОР**: «Power of the General Assemblies under the first race of Kings. – Under the second. – Under the third»; «Cortes held at Valladolid» / «Cortes of Castile held at Toledo». *Robertson. The history of the reign...* Vol. I. P. 165, 166 (2). Vol. II. 43, 428.

³⁹ **3ОР**: «Diet called to meet at Worms» / «Diet held at Augsburg» / «Diet at Spire» / «Diet at Worms»; «Proceedings of the diet at Worms» / «Proceedings of the diet at Spire»; «Diet of Nuremberg propose a general council as the proper remedy» /

первой всеобщей ассамблее представителей в Америке⁴⁰. Правовой сегмент представлен КС-рубриками о **возрождении** римского права, вызвавших его **обстоятельствах**, **новых** хартиях и конституции Нового Света⁴¹, рубриками о слушании дел⁴², недостатках судопроизводства в средние века и законодательства в Америке⁴³.

КС-рубрики о **положении** есть в микроструктуре всех трудов Робертсона⁴⁴. Близки к ним обобщающие КС-рубрики-**обзоры**, КС-рубрики-**рассмотрения**⁴⁵, КС-рубрики о **делах**, **положении дел**, о **начале** противостояния по поводу независимости Шотландии, о **значимых обстоятельствах**, **первых** из ключевых событий и **первых** опы-

«The diet present a list of an hundred grievances to the Pope» / «The diet of Augsburg petitions for the return of the council to Trent» / «A diet of Augsburg enforce the Interim» / «The diet resolve to make war on the city of Magdeburg». Ibid. Vol. II. P. 77, 121, 208-209, 325. Vol. III. P. 24, 47, 162, 168, 193, 200

⁴⁰ **KCP**: «**First** general assembly of representatives». *Robertson*. The History of America. Vol. IV. P. 202.

⁴¹ **2KCP**: «**The revival** of the Roman law contributed more liberal ideas concerning justice and order»; «**The circumstances** from which the Roman law fell into oblivion. – **Circumstances** which favoured the revival of it». *Robertson*. The history of the reign... Ibid. Vol. I. P. 65-66. **KCP**: «**A new** charters granted» / «**New** charter issued to the colony...» / «**New** constitution given to the colony». *Robertson*. The History of America. Vol. IV. P. 185, 194, 203.

⁴² **IP**: «Proceedings in England against Mary» (2). **OP**: «Proceedings of the Regent against the Queen's adherents» / «Proceedings of Parliament against the conspirators». *Robertson*. The history of Scotland... Vol. II. P. 269, 340, 350. Vol. III. P. 164.

⁴³ **OP**: «Defects in the judicial proceedings of the middle ages. – These introduced the practice of appealing to heaven... – Particularly by judicial combat». *Robertson*. The history of the reign... Vol. I. P. 48, 50 (2). **OP**: «Defects of this charters» / «Defects in the first constitution of the colonies». *Robertson*. The History of America. Vol. IV. P. 173, 217.

⁴⁴ **KCP**: «**State** of the Kingdom when Bruce began his reign» / «**State** of Europe at the beginning of the sixteenth century» / «**State** of the kingdom at this time» / «**State** of the factions». *Robertson*. The history of Scotland... Vol. I. P. 14, 89. Vol. II. P. 58, 336. **2KCP**: «**State** of the countries from which they issued» / «**State** of society greatly improved at the beginning of the fifteenth century» / «**The state** of Italy» / «**State** of the duchy of Milan...» / «**State** of Spain requires a vigorous administration»; «**State** of the republic of Venice. – Of Tuscany. – Of the duchy of Savoy. – Of the United Provinces. – Of Russia. – Of Denmark and Sweden». *Robertson*. The history of the reign... Vol. I. P. 4, 83, 124, 140. Vol. II. P. 23. Vol. III. P. 452-455, 456 (2). **IP-KCP**: «**State** of the colony in Hispaniola» (2). «**State** of Hispaniola on his (of Columbus – I.R.) arrival there» / «**State** of the Mexican empire at that period» / «**State** of the Peruvian empire»; «**State** of the colony till the Revolution in 1688» / «**State** of the colonies at this period». *Robertson*. The History of America. Vol. I. P. 192, 243, 293. Vol. II. 265. Vol. III. P. 123. Vol. IV. P. 244, 305.

⁴⁵ **2KCP**: «**A review** of the third era»; «**A view** of the political causes which contributed towards that» / «**A view** of the Revolutions in the constitution of Scotland since the accession of James VI». *Robertson*. The history of Scotland... Vol. I. P. 7, 150. Vol. III. P. 188. **KCP**: «**A general** review of the whole period». *Robertson*. The history of the reign... Vol. III. P. 430. **KCP**: «**View** of the institutions and manners of each» / «**View** of the latter». *Robertson*. The History of America. Vol. III. P. 270, 367.

тах заселения Америки⁴⁶, о **прогессе** Австрийского дома, Англии, турок, открытий, колоний, **новых** открытиях и экспедициях⁴⁷. Они дополнялись рубриками о событиях⁴⁸, открытиях, территориях Нового Света⁴⁹, об уровне цивилизации, ситуации в Вирджинии⁵⁰.

Конфессиональный сегмент в «Истории Шотландии» представлен вариативными рубриками о **делах**⁵¹, КС-рубриками о **новом** регулировании доходов церкви, об **успехе** Реформации, КС-рубрикой-**рассмотрением** о причинах успехов, рубрикой о Ноксе⁵². В труде о Карле V выделены КС-рубрики о **прогессе** узурпаций духовенства, Реформации, ордена иезуитов⁵³, об **обстоятельствах**, помогавших главе ордена

⁴⁶ **2ПР-2КР:** «Affairs of Germany» (4); «The affairs of Hungary» (2); «State of affair, civil and religious, in Germany»; «Affairs of Italy». *Robertson*. The history of the reign... Vol. II. P. 255, 324, 461, 466. Vol. III. P. 19, 222, 309, 325. **КР:** «Rise of the controversy concerning the independence of Scotland». *Robertson*. The history of Scotland... Vol. I. P. 7. **2КР:** «The circumstances which occasioned the downfall of the Roman Empire» / «The circumstances which contributed to the success of the barbarous nations»; «The first of this (events - I.R.) was the depriving the English of their territories on the continents» / «The first of this events was the marriage of the heiress of the house of Burgundy». *Robertson*. The history of the reign... V. I. P. 6, 8, 91, 104. **КР:** «First attempts to settle on the northern coast» / «First attempts to settle at Massachusetts Bay». *Robertson*. The History of America. Vol. IV. P. 248, 264.

⁴⁷ **3КР:** «The progress of the house of Austria. – Particularly in Spain. – Also in other parts of Europe»; «Progress of the German branch of the house of Austria» / «Progress of the Turks towards dominion»; «Progress of England with respect to its interior state. – With respect to the affairs of the continent. – With respect to Scotland». *Robertson*. The history of the reign... Vol. I. P. 191. Vol. III. P. 433-436, 440, 442-443. **2КР:** «Progress of the discovery» / «Progress of the colony»; «New discoveries and settlements» / «New voyages» / «New discoveries» / «New discoveries towards the west». *Robertson*. The History of America. Vol. I. P. Vol. I. P. 218, 251, 257, 262, 292, 326.

⁴⁸ **ОР:** «Events happened during the 15th century...» / «Events happened which called the several monarchs to exert the new powers...». *Robertson*. The history of the reign... Vol. I. P. 90, 103.

⁴⁹ **4ОР:** «Discovery of Porto Santo» / «Discovery of Florida» / «Discovery of Virginia»; «Other dominions of Spain in America» / «Other territories of Spain»; «Colonies of Virginia and New England» / «Confederacy of the New England states»; «Colony of Connecticut. – Of New Hampshire and Maine». *Robertson*. The History of America. Vol. I. P. 61, 271. Vol. III. P. 352, 369. Vol. IV. P. 156, 174, 292, 294, 307.

⁵⁰ **2ОР:** «Facts, which prove their progress in civilization» / «Facts indicating a small progress in civilization»; «Virginia flourishes under the new government» / «Virginia is forced to acknowledge the commonwealth». *Ibid.* Vol. III. P. 277, 303. V. IV. P. 227, 229.

⁵¹ **ПР:** «Church affairs» (4). **КР-ОР:** «Affairs of the church» / «Ecclesiastical Affairs». *Robertson*. The history of Scotland... V. II. P. 137, 185, 311, 357, 405. V. III. P. 29.

⁵² **3КР:** «Progress of Reformation»; «A view of the political causes which contributed towards that»; «A new regulation concerning the revenues of the church». *Ibid.* Vol. I. P. 140, 150. Vol. II. P. 69. **ОР:** «Death and character of Knox». *Ibid.* Vol. II. P. 359.

⁵³ **КР-ПР:** «The progress of ecclesiastical usurpation»; «Progress of the power and influence of the order. – Progress of its wealth»; «Progress of the Reformation» (2); «The progress of Luther's opinions» / «Progress of his opinions»; «Progress of the

иезуитов, о **начале, положении** Реформации, об **общем** восстании против церкви⁵⁴, **результатах** влияния книгопечатания на церковь и характер Пап, КС-рубрика-**размышление**⁵⁵, рубрика-исследование о причинах прогресса Реформации, рубрики о ее распространении⁵⁶, о Вселенских Соборах⁵⁷, об избрании Пап Римских, их характере⁵⁸ и кончине⁵⁹. В «Истории Америки» есть рубрики о влиянии религии перуанцев на политику, военную систему⁶⁰, о спорах, преследованиях эпохи Реформации, нетерпимости старой и новой церкви⁶¹.

Конфликтный сегмент микроструктуры трудов Робертсона отмечен КС-рубриками о **гражданских** войнах, **фатальных** следствиях гражданской войны в Кастилии, о **новом** разрыве с Англией, **мотивах** вторжений варваров, **положении** войск, **успехах** и **обстоятельствах**, им препятствовавших, о **новых** конфликтах⁶², рубриками о беспоряд-

reformation in Germany». *Robertson*. The history of the reign... Vol. I. P. 25, 63. Vol. II. P. 87, 101, 124, 204, 290, 421, 451-452.

⁵⁴ **KCP**: «**Circumstances** which enable him to exercise it with the greatest advantage». Ibid. Vol. II. P. 449. **4KCP**: «**Rise** of the Reformation»; «**State** of the Reformation when Charles arrived in Germany»; «**The general** revolt against the doctrines of the church of Rome, and the power of the Popes». Ibid. Vol. II. P. 78, 97 (2).

⁵⁵ **2KCP**: «**The effect** of the invention of printing on the progress of the Reformation» / «**The effects** of it extend to the character of the Popes themselves»; «**Reflections** upon the conduct of the court of Rome, - and upon the conduct of Luther». Ibid. Vol. II. P. 115. Vol. III. P. 444-445, 451.

⁵⁶ **2OP**: «An inquiry into the causes which contributed to the progress of the Reformation... - The united effect of all this causes»; «Reformation in Switzerland» / «Reformation established in every part of Saxony» / «The Reformation of the Palatinates». Ibid. Vol. II. P. 94, 101, 114, 426. Vol. III. P. 55.

⁵⁷ **2OP**: «Negotiations concerning a general council» / «Negotiations and intrigues with respect to a general council»; «The council assemblies at Trent» / «The council summoned to re-assemble at Trent» / «The council of Trent breaks up in great consternation». Ibid. Vol. II. P., 339, 421. Vol. III. P. 56, 201, 245.

⁵⁸ **3OP**: «Adrian elected Pope» / «Marcellus II elected Pope»; «Election of Clement VII» / «Election of Paul III» / «The election of Julius III» / «The election of Paul IV»; «His (of Julius III – I.R.) character and conduct» / «His rise (of Paul IV – I.R.) and character». Ibid. Vol. II. P. 145, 197, 347. Vol. III. P. 190 (2), 338, 339 (2).

⁵⁹ **OP**: «Death of Leo X» / «Death of Adrian VI» / «Death of Clement VII» / «Death of Julius III». Ibid. Vol. II. P. 144, 197, 347. Vol. III. P. 328.

⁶⁰ **OP**: «Mild genius of their religion – Its influence on civil policy, – and on their military system». *Robertson*. The History of America. Vol. III. P. 329, 331(2).

⁶¹ **2OP**: «Religious disputes give rise to the New England» / «Religious persecutions by Mary»; «Intolerant spirit of the church» / «Intolerance of the new church». Ibid. Vol. IV. P. 250, 253, 256, 276.

⁶² **2KCP**: «Civil war in Castile... – Fatal effects of this civil war». *Robertson*. The history of the reign... Vol. II. P. 154, 182. **KCP**: «Civil war, and first success of Almagro». *Robertson*. The history of America. Vol. III. P. 175. **KCP**: «New breach with England». *Robertson*. The history of Scotland... Vol. I. P. 127. **4KCP**: «**The motives** of their first excursions»; «**State** of both armies»; «**Progress** of the French» / «**Progress** of the Imperialists» / «**Progress** of the French army»; «**Circumstances** which retard the progress

ках, недовольствах⁶³, о восстаниях, бунтах⁶⁴, битвах⁶⁵, осадах⁶⁶, операциях, приготовлениях к ним⁶⁷, о войнах⁶⁸, военных действиях⁶⁹, о диспозиции императорского и французского войск⁷⁰, о восстановлении свободы⁷¹ и заключении мира⁷².

of it» / «**Circumstances** which retard it». *Robertson*. The history of the reign... Vol. I. P. 5. Vol. II. P. 132, 142, 305. Vol. III. P. 98, 240, 256. **KCP**: «**New conflicts**». *Robertson*. The history of America. Vol. III. P. 24.

⁶³ **OP**: «Disorder occasioned by the Regent's death» / «Disorders in the kingdom». *Robertson*. The history of Scotland... Vol. II. P. 317. Vol. III. P. 96. **OP**: «Discontent of the Castilians, and the causes of it» / «Discontent and apprehensions of the English». *Robertson*. The history of the reign... Vol. II. P. 43. Vol. III. P. 301. **OP**: «Discontent of his followers» / «The discontent it occasions». *Robertson*. The history of America. Vol. I. P. 161. Vol. III. P. 261.

⁶⁴ **3OP**: «An insurrection in Valencia» / «Insurrection at Ghent»; «Insurrection of Toledo. – Of Segovia»; «Mutiny in the Imperial army» / «A mutiny of the Imperial troops». *Robertson*. The history of the reign... V. II. P. 62, 154-155, 235, 427, 431. **OP**: «An insurrection of the Peruvians» / «Insurrection of Centeno» / «An insurrection in Virginia, headed by N. Bacon». *Robertson*. The history of America. VI. III. P. 168, 247. V. IV. P. 238.

⁶⁵ **OP**: «Battle of Pinkey» / «Battle of Langside» / «Battle of Glenlivat». *Robertson*. The history of Scotland... Vol. I. P. 129. Vol. II. P. 256. Vol. III. P. 112. **OP**: «Battle of Pavia» / «Battle of Cherisoles» / «Battle of Mulhausen» / «The battle of Marciano» / «The battle of St. Quintin». *Robertson*. The history of the reign... Vol. II. P. 226. Vol. III. P. 31, 141, 313, 385. **OP**: «Battle of Otumba». *Robertson*. The history of America. Vol. III. P. 82.

⁶⁶ **OP**: «Seize of the castle of Edinburgh» / «Seize the King's person at Ruthven». *Robertson*. The history of Scotland... Vol. II. P. 366, 410. **OP**: «Siege of Mezieres by the Imperialists» / «The siege of Magdeburg». *Robertson*. The history of the reign... Vol. II. P. 135. V. III. P. 214. «Siege of Cuzco». *Robertson*. The history of America. V. III. P. 171.

⁶⁷ **2IP**: «Operations in the Milanese» (2); «Operations in the Low-Countries» (2). **2OP**: «Operations in Picardy» / «Operations in Piedmont»; «Preparations for another campaign» / «Preparations for a new campaign». *Robertson*. The history of the reign... Vol. II. P. 219, 312, 404. Vol. III. P. 9, 15, 19, 33, 319.

⁶⁸ **OP**: «War in the Milanese» / «War renewed in the Milanese» / «War continues between France and England». *Robertson*. The history of the reign... Vol. II. P. 141, 146. Vol. III. P. 43. **OP**: «War with them» / «War with the Indians» / «War with the Pequot tribes». *Robertson*. The history of America. Vol. I. P. 172, 245. Vol. IV. P. 298.

⁶⁹ **IP-OP**: «Hostilities in the Low Countries» (2). **OP**: «Hostilities begun in the Low Countries» / «Hostilities in Italy». *Robertson*. The history of the reign... Vol. II. P. 134, 139. Vol. III. P. 285, 379. **OP**: «The Indians take arms against the Spaniards» / «The Mexicans take arms against the Spaniards». *Robertson*. The history of America. Vol. I. P. 170. Vol. III. P. 14.

⁷⁰ **4OP**: «The Imperialists enter Provance» / «The Imperialists invade Picardy»; «Imperial army ready to take the field early» / «The Imperial army reinforced»; «French invade the Milanese» / «French besiege Naples»; «The French army marches into Italy» / «The French army received out of Italy». *Robertson*. The history of the reign... Vol. II. P. 195, 201, 216, 275, 296, 305. Vol. III. P. 309, 391.

⁷¹ **OP**: «The Florentines recover their freedom» / «Genoa recovers its liberty» / «The city of Geneva recovers its liberty». *Ibid.* Vol. II. P. 294, 310, 386.

⁷² **2IP**: «Peace concluded» (2); «Articles of the treaty» (2). **OP**: «A treaty concluded». *Robertson*. The history of Scotland... *Ibid.* Vol. I. P. 118, 137, 192. Vol. II. P.

Рубрик, посвященных нравам, обычаям, образованию, науке, искусству в «Истории Шотландии» нет. В труде об эпохе Карла V Робертсон ввел КС-рубрики об **успехах** науки и коммерции, о **первых** литературных усилиях, об **обстоятельствах**, препятствовавших их распространению⁷³, о **гибельном** влиянии феодальных порядков на просвещение, искусство, веру и нравы, о **позитивном** влиянии крестовых походов и **духа** рыцарства⁷⁴. В «Истории Америки» он выделил КС-рубрики об **общем**, касавшиеся оценки характера американцев и проведенного им исследования, о **положении** искусства⁷⁵, рубрики о несовершенстве навигации и знаний географии у древних народов⁷⁶, об интеллектуальных способностях, о традициях коренного населения Америки⁷⁷, об их искусстве и о способе измерения времени⁷⁸.

Сопоставляя специфику микроструктуры «Истории Англии» Д. Юма и нарративов В. Робертсона, нельзя не видеть, что рубрики, сыгравшие в тексте Юма роль исходных маркеров нового историографического канона, определили и особенности организации текстов Робертсона, хотя предпочтения последнего не вполне совпадали с предпочтениями его предшественника. Компаративный анализ выборки из 25 одинаково начинавшихся рубрик (преимущественно КС-рубрик, в соотношении 20/5), отобранных как с учетом частоты их введения в микроструктуру, так и значимости в связи с презентацией исторических обобщений, позволил выделить 3 группы рубрик:

24, 365. **20P**: «A peace concluded with France» / «The peace of Religion concluded in Passau»; «A truce for ten years concluded at Nice» / «A truce concluded». *Robertson*. The history of the reign... Vol. II. P. 38, 413. Vol. III. P. 259, 360.

⁷³ **3KCP**: «**The progress** of science has great influence on the manners and character of men» / «**The progress** of commerce had great influence on manners and government»; «**The first** literary efforts ill-directed, and the causes of this... - **A circumstance** which prevented their being more extensive». *Robertson*. The history of the reign... Vol. I. P. 72-73, 75, 76.

⁷⁴ **3KCP**: «**The fatal** effects of this state of society on sciences and arts. – Upon religion. – Upon the character and virtues of the human mind»; «**The beneficial effects** of the Crusades on manners»; «**The spirit** of chivalry introduces more liberal sentiments, and more generous manners». *Ibid.* Vol. I. P. 18-20, 25, 69.

⁷⁵ **2KCP**: «**General** estimate of their character» / «**General** caution with respect to this inquiry»; «**State** of arts». *Robertson*. The history of America. Vol. II. P. 218, 236. Vol. III. P. 335.

⁷⁶ **0P**: «Imperfection of navigation among the ancient» / «Imperfection of geographical knowledge among the ancient». *Ibid.* Vol. I. P. 5, 30.

⁷⁷ **30P**: «Powers and qualities of their minds... – Intellectual faculties very limit. – No abstract ideas»; «Mode of subsistence. – By fishing. – By hunting. – By agriculture»; «Detached custome. – Love of dancing. – Passion for gaming». *Ibid.* Vol. II. P. 86-87, 91, 109-110, 112, 114, 206 (2), 210.

⁷⁸ **11P**: «Their arts» / «Their art». **20P**: «Their art of war» / «Their mode of computing time». *Ibid.* Vol. II. P. 144, 172. Vol. III. P. 293, 302.

- рубрики, приоритетные и для Юма, и для Робертсона: КС-рубрики о **положении, о новом, об общем**⁷⁹;
- рубрики, встречавшиеся чаще у Юма либо только у Юма: КС-рубрики о **делах, положении дел, о гражданском, о нововведениях**, КС-рубрики-**отступления**, П-рубрики о парламенте, О-рубрики об урегулировании⁸⁰;
- рубрики, встречавшиеся чаще у Робертсона либо только у Робертсона: КС-рубрики о **прогессе (успехах), о первом, о начале, происхождении, причинах, основаниях, мотивах, следствиях (воздействиях), обстоятельствах, духе**, КС-рубрики-**рассмотрения и обзоры**, О-рубрики о переговорах, приготовлениях, планах⁸¹.

Данные 1-й группы обнаруживают стремление авторов к обобщениям и выделению нового, данные 2-й убеждают в приоритетности для Юма проблем гражданского общества и представительных институтов. Данные 3-й группы позволяют говорить о значительном расширении палитры кросс-сегментарных рубрик, о высокой концентрации КС-рубрик в пределах отдельных трудов Робертсона, перекрывающих показатели микроструктуры труда Юма, о стремлении Робертсона обратить внимание читателей на причинно-следственные связи. Компаративный анализ свидетельствует не только о принятии им предложенной Д. Юмом модели систематизации исторического материала на уровне микроструктуры, но и о значительном ее развитии.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Рудковская И.Е. Микроструктура «Истории Англии Д. Юма: Специфика «отображения предмета». // Диалог со временем. 2017. № 61. С. 204-215. [Rudkovskaya I.E. Microstruktura «Istorii Anglii» D. Uma: spetsifika «otobrazheniya predmeta». // Dialog so vremenem. 2017. № 61. S. 204-215]
- Hume D. The history of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. Vol. I-VI. London, 1830.
- Robertson W. The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI. Vol. I-III. // Robertson W. The works of W. Robertson in twelve volums. Vol. I-III. Edinburgh; London, 1819.
- Robertson W. The History of the reign of the Emperor Charles V. Vol. I-III. London. 1769.
- Robertson W. The history of America. Vol. I-IV. // Robertson W. The works... Vol. VIII-XI. Edinburgh; London, 1819.

⁷⁹ **3КРП:** «**State of...**» (31 у Юма /23 – у Робертсона); «**New...**» (21 /34; 24 из 34 – в «Истории Америки») «**General...**» (7/12).

⁸⁰ **5КРП:** «**Affairs of**» (15/8); «**State of Affairs...**» (6/2); «**Civil...**» (11/2); «**Innovation (s) in...**» (3/0); «**Digression concerning...**» (2/0); **ПР:** «**A Parliament**» (53 /2); **ОР:** «**Settlement of...**» (10/4).

⁸¹ **12КРП:** «**Progress of...**» (5/29; 23 из 29 – об эпохе Карла V); «**First...**» (4/23; 14 из 23 – в «Истории Америки»); «**Rise...**» (3/8); «**Origin of...**» (2/11); «**Reason(s)...**» (3/6); «**Causes of...**» (2/10); «**Motives of...**» (0/17); «**Effect(s) of...**» (0/25); «**Circumstance(s)...**» (0/13); «**Spirit of...**» (0/7); «**Review...**» (0/3); «**View...**» (1/6). **3ОР:** «**Negotiations**» (5/17; 11 из 17 – в труде об эпохе Карла V); «**Preparations...**» (3/10; 8 из 11 – в «Истории Америки»); «**Schemes of...**» (0/14; 8 из 14 там же).

Рудковская Ирина Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет; iri-rudkovskaya@yandex.ru

**Microstructure of the macrohistories of W. Robertson:
development of the British historiographical canon of the late Enlightenment**

The article analyzes the peculiarity of the microstructure of the historical works by W. Robertson. Duplicate, similar, cross-segmental rubrics, which are distinguished in the complexes of rubrics in the fields of books by W. Robertson, considered as markers of the dedicated efforts of the researcher to systematize historical facts.

Keywords: historiographical canon of the late Enlightenment, microstructure, duplicate (DR), similar (SR), cross-segmental (CSR) rubrics

Irina Rudkovskaya, PhD (History), Associate Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University; iri-rudkovskaya@yandex.ru

ИДЕОЛОГИЯ КОНСЕРВАТИВНОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ РЕФОРМЫ АНГЛИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ В XVIII ВЕКЕ

Авторы анализируют трактат «Размышления об исполнительном производстве относительно наших уголовных законов, в особенности на выездных судебных сессиях» (1784), принадлежащий перу известного английского общественного деятеля XVIII в. Мартина Мэдана. Его интеллектуальное наследие является важным элементом дискуссии о путях и методах реформирования уголовно-исполнительной системы Англии XVIII в. уже после принятия Пенитенциарного акта 1779 г. В статье также реконструируется биография М. Мэдана, показано его профессиональное становление сначала как юриста, а затем блестящего методистского проповедника. Именно доскональное знание им английских правовых норм и виртуозное владение теологической риторикой стало тем фактором, который обеспечил его трактату широкое общественное признание, выразившееся не только в коммерческом успехе, но и конкретной юридической практике. Анализ трактата Мэдана в рамках современного ему историко-правового контекста с опорой на методологический аппарат «социальной истории культурных практик» и «интеллектуальной истории» позволил рассмотреть проблему общественного отношения к преступности на трех уровнях исследования: юридических механизмов отправления правосудия, институциональных отношений и общественного дискурса.

Ключевые слова: Англия, XVIII век, уголовное правосудие, кальвинизм, пенитенциарные реформы, публицистика, смертная казнь

Английское уголовное правосудие XVIII века завоевало примечательное реноме равно как юридического, так и социально-культурного феномена. «Брендом» правоохранительной системы Англии Нового времени стал «Кровавый кодекс» – уголовное законодательство, по которому высшая мера (смертная казнь через повешение) применялась как панацея против всех совершенных проступков, начиная от кражи носового платка стоимостью в пять шиллингов, заканчивая жестоким убийством. В свое время знаменитый судья Верховного суда Великобритании, автор внушительного труда «Общий обзор уголовного законодательства Англии» (1863) сэр Джеймс Стивен оценивал законодательство XVIII века как «самое нелепое, самое безответственное и самое жестокое, которое когда-либо позорило цивилизованную страну»¹. Британский писатель и журналист Артур Кёстлер, размышляя о «родословной Кровавого кодекса» выделяет три причины его появления: во-первых, *утверждение промышленной революции*, когда «внезапное распространение крайней бедности, в сопровождении – как и должно было случиться – проституции, детского труда, пьянства и пре-

¹ Stephen 1863.

ступности, совпадало с беспрецедентным накоплением богатств, что само по себе было дополнительным стимулом к преступлениям». Во-вторых, *отвращение англичан к власти, что помешало созданию эффективной полиции*: «если бы это было сделано веком ранее, наша страна была бы избавлена от великого стыда и не менее великих ужасов»². Третья причина – *особенности английского «прецедентного» права*, когда судебное решение определенного должностного лица, вынесенное в отношении конкретных частных обстоятельств, регистрировалось и в дальнейшем служило прецедентом, на которые опирались последующие приговоры³. Все эти факторы в совокупности привели к тому, что XVIII столетие Англия встретила с уголовным кодексом, в котором смертная казнь полагалась за 50 видов преступлений, завершился же век списком, возросшим более чем в четыре раза! Так, например, в начале века смертная казнь за преступления имущественного характера полагалась в случае вооруженного грабежа со взломом, а цепочка прецедентов, на которые опирались в дальнейшем новые приговоры, привела к тому, что в последней четверти века смертная казнь вменялась за кражу мелких предметов дороже 12-ти пенсов.

Юридический феномен состоял в том, что количество отступлений от «кровавых кодексов» росло в геометрической прогрессии от числа «кровавых статутов», расширявших сферу применения смертной казни. По справедливому замечанию Дж. Тревелльяна, «для уголовных преступников было легко с помощью мудрых законодателей ускользнуть на основе чисто формальных юридических ухищрений из сетей старинной и хорошо разработанной процедуры. Из шести воров, приведенных в суд, пять могли тем или иным путем спастись, тогда как одного несчастного вешали»⁴. Историк окрестил этот феномен «нелогичным хаосом английских законов», когда «следствием возрастающей строгости законов в этом постепенно становившемся более гуманным веке было то, что присяжные часто отказывались признавать людей виновными в небольших преступлениях, которые привели бы их на эшафот»⁵. Известный английский правовед У. Блэкстон в своих «Комментариях к законам Англии» (1765) приводит пример: английские присяжные при решении дел о воровстве в 40 шилл., за которое закон грозил смертной казнью, объявляли, что обвиняемый виновен в воровстве 39 шилл., чтобы таким образом избавить его от высшей меры.

Историки права досконально описали юридический дискурс эпохи «Кровавых кодексов». Необходимость кардинальной реформы уго-

² Кёстлер. Размышления о виселице.

³ См. напр.: Radzinowicz 1948; Кросс 1985.

⁴ Тревельян 2002. С. 376.

⁵ Там же.

ловного законодательства «витала в воздухе» с предыдущего столетия, когда основатель религиозного движения квакеров Джордж Фокс обратился к парламенту с петицией, призывая к отмене смертной казни за имущественные преступления⁶, а его последователь Дж. Беллерс в памфлете «Некоторые доводы в пользу отмены смертной казни» заклеил «высшую меру как «пятно на религии» и «позор для нации»⁷. В ожидании реформы, ход которой существенно замедляли как раз особенности британского Common Law (общее, или прецедентное право), единственным способом борьбы с бурным ростом преступности оказалось как раз усиление «кровавости» уголовного кодекса.

Современная история, однако, идет значительно дальше нормативистских концепций в понимании и оценке исторических событий. Изучение социально-культурного контекста эпохи значительно усложняет понимание коллизий английского законодательства и уголовно-исполнительной практики XVIII в. По признанию современного британского историка Малколма Гаскилла в предисловии к изданию труда «Преступление и ментальность англичан раннего Нового времени»: «...мы пришли к аргументированному согласию в вопросе о том, *как* действовал уголовный закон, но вопрос: *почему* он был именно таким, все еще остается открытым»⁸. «Коллеги» Гаскилла «по цеху» – приверженцы методологии новой культурной истории – восприняли его призыв к пересмотру нормативистских концепций в оценке эпохи «Кровавых кодексов» и глубинному изучению ее социально-культурного фона. В последнее десятилетие появляются интересные исследования социальных, культурных, религиозных и личностных детерминант преступности эпохи Нового времени⁹.

Авторы статьи попытались реконструировать часть социальных и культурных практик рассматриваемой эпохи путем исследования интеллектуального наследия видного деятеля эпохи, активного участника дискуссии о путях и методах реформирования уголовно-исполнительной системы Англии XVIII в. – Мартина Мэдана. Следование перспективной модели «новой культурно-интеллектуальной истории» предполагает особый интерес к изучению интеллектуальной деятельности и продуктов человеческого интеллекта в рамках общекультурной парадигмы¹⁰. Коллизии уголовного правосудия вызывали бурную общественную полемику, выразившуюся в многообразии и массовости памфлетов, эссе и размышлений на предмет назревшей кардинальной

⁶ Fox G. To the Parliament of the Common-Wealth of England...

⁷ См. подробнее: Васильева 2015.

⁸ Gaskill 2000. P. 19.

⁹ См. напр.: Hardman 2007; Throness 2008.

¹⁰ См.: Репина 2011. С. 339-343.

реформы системы исполнения наказаний. Первое десятилетие правления Георга III ознаменовалось началом «памфлетной войны»: «первое, что мы берем в руки утром – это пасквиль; последнее, что мы берем в руки вечером – это пасквиль», – признавался современник¹¹. Однако, «памфлетная война» (курсив наш) втянула ораторов проправительственных и оппозиционных кругов в риторику вокруг определенных внутриполитических вопросов. Изучение интеллектуального дискурса ожидаемой реформы уголовного правосудия позволяет говорить скорее о «памфлетных поединках» (курсив и термин наш) в презентации проектов анонимных и именитых социальных реформаторов.

Оспорив категоричное утверждение Кёстлера об «отвращении англичан к власти», выдвинем предположение: большинство этих памфлетов и проектов объединяет тот самый загадочный английский патриотизм, которому чужда «пылкость и помпезная выпренность», а свойственно не восхваление монархии или власти, а врожденная любовь к отечеству¹², гордость за величие своей нации и мучительная сопричастность к ее несовершенствам. Дж. Тревельян, размышляя о складывании национального характера англичан Нового времени выделил черту, «игнорировать которую могут только фанатики»: «англичанин всюду, куда бы он ни попал, несет с собой чувство долга»¹³. Именно чувство долга в сочетании с привычкой к добровольному действию (когда англичанин ничего не ждет от «государства» и не передает свои дела на усмотрение правительству, а все делает сам или в содружестве с такими же людьми как он¹⁴) закрутили мощный водоворот движения за реформу системы уголовного правосудия. Остро осознавая современную им практику уголовных наказаний как «недостойную великой и состоятельной империи, развращающую национальную мораль и порочащую национальный характер»¹⁵, парламентарии, общественные деятели, публицисты, филантропы, представители разных религиозных движений взывали к изменению существующих методов борьбы с эскалацией преступности. «Мы не уступаем ни одной нации в отношении своих законов и правительства, – рассуждал автор проекта перехода от виселицы и высылки преступников к длительному одиночному тюремному заключению Джонас Хэнвей, – но, по странной фатальности, стране, достигшей такого величия, угрожает опасность изнутри: не из дремучих лесов и далеких гор, а из самого сердца мегаполиса»¹⁶.

¹¹ The Parliamentary History of England... Vol. XVI. 1765– 1771. P. 1165–1166.

¹² См., напр.: Соколов 2012. С. 77.

¹³ Тревельян 2002. С. 385.

¹⁴ Соколов 2012. С. 65.

¹⁵ Buxton 1818. P. 139.

¹⁶ Hanway J. Solitude in Imprisonment... P. 10.

Вниманию читателя представляется биография и часть интеллектуального наследия популярного в свое время, но до сих пор малоизвестного в историографии, общественного деятеля второй половины XVIII в. Мартина Мэдана. Краткие биографические сведения о Мэдане содержатся в энциклопедических изданиях¹⁷, а также на страницах тематических интернет-проектов¹⁸, однако исследования, в котором в полной мере были бы отражены его политические, социальные и философско-религиозные взгляды, пока не представлено. Поэтому главным, а точнее единственным источником при анализе его взглядов послужили оригинальные произведения Мэдана, полнотекстовые версии которых доступны для исследователей¹⁹. Мартин Мэдан родился 5 октября 1725 года в Лондоне на Бонд-стрит. Его отец сделал равно удачную карьеру в военно-политической и придворной сферах, дослужившись до чина полковника, будучи лицом, приближенным к Фредерику, принцу Уэльскому, и представляя Хертингфордбери (графство Хертфордшир) и Уоттон Бассет (графство Уилтшир) в парламенте. Джудит Мэдан, урожденная Купер, незаурядная женщина, приобрела известность в литературных кругах благодаря своим поэтическим экзерсисам и стала одним из респондентов Александра Поупа.

Мэдан получил степень бакалавра права в Оксфорде и успел приступить к осуществлению честолюбивых замыслов на адвокатском поприще, где он, несомненно, добился бы успеха, если бы судьба не совершила неожиданный поворот. Визит в модную лондонскую кофейню в компании молодых повес обернулся глубоким душевным потрясением, направившим энергию амбициозного и перспективного юриста в совершенно ином направлении. Вот как описывает этот эпизод А.К. Сеймур, биограф герцогини Селины Хантингтон, на протяжении долгого времени оказывавшей покровительство Мэдану: «Как и у многих других его обращение произошло при обыденных обстоятельствах. Проповеди первых методистов привлекали всеобщее внимание и заставляли многих очнуться от оцепенения тупости и равнодушия. Как-то вечером мистер Мэдан оказался в кофейне в компании таких, как он сам, беззаботных друзей, которые предложили ему отправиться в расположенную поблизости церковь, где проповедовал Джон Уэсли, и по возвращении воспроизвести его речи и манеру изложения для развле-

¹⁷ Encyclopædia Britannica, 11th ed. // URL: http://encyclopedia.jrank.org/LUP_MAL/MADAN_MARTIN_1726_1790_.html; Dictionary of National Biography // <http://www2.le.ac.uk/library/find/databases/o/oxforddictionaryofnationalbiographyonline>

¹⁸ Everton-cum-Tetworth's History Page // URL: <http://www.bernardoconnor.org.uk/Everton/Index.htm>; The Cyber Hymnal Dedicated to the Glory of God // http://www.hymntime.com/tch/bio/m/a/d/madan_m.htm

¹⁹ https://books.google.ru/books?id=K0DAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbg_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false.

чения легкомысленной молодежи»²⁰. От Мэдана ожидали язвительной пародии на проповедь Джона Уэсли, но ораторский талант последнего покорило молодого человека, который вернувшись из кофейни, признался коллегам, что «старый методист положил его на лопатки»²¹. С юридической деятельностью и прежним образом жизни было покончено, Мэдан становится священником и «переходит в другой лагерь».

Опекаемый самыми влиятельными евангелистами в Лондоне Дэвидом Джонсом и Уильямом Ромэйном, а также герцогиней Хантингтон, наиболее влиятельной представительницей кальвинистского течения в методизме (согласно Сеймуру, она стала его «первым другом и наставницей в делах веры»), Мэдан с пылом неопита приступает к новой деятельности. «Обладея глубоким знанием Священного Писания, мистер Мэдан начал сеять семена веры в души своих последователей... Так как он обладал солидным состоянием, дававшим ему финансовую независимость, никто не мог упрекнуть его в корысти и личной заинтересованности, и, несмотря на то, что его брат Спенсер Мэдан был епископом Бристоля и Питерборо, никто не мог его упрекнуть в симпатии к Высокой церкви и, тем более, получении от нее каких-либо привилегий»²². Вскоре после рукоположения в сан, Мэдан произносит первую проповедь в церкви Всех святых на Ломбард-стрит. «Юрист, ставший священником, был у всех на устах», и лондонцы, которых привело праздное любопытство, стали свидетелями первого триумфа Мэдана. «Его красноречие завоевало и бедняков, внимавших с радостью, и богачей... И те, и другие были преисполнены восхищения. Хриплый глас предрассудков и невежества потонул в шуме аплодисментов и приветствий истинных друзей веры, которые вновь соприкоснулись с заветами Реформации, защищаемыми умелым адвокатом, чьи знания были равноценны рвению и пылу. Подобно Боанергесу²³, он провозглашал истины, раскаленной лавой изливавшиеся с пылающей вершины Сиона». Столь гипнотическое воздействие на слушателей Мэдан оказывал хорошо поставленным, богатым модуляциями голосом, не последнюю роль играли и внешние данные: правильные черты лица, живая мимика, высокий рост и статная фигура. «Его язык был прост и выразителен, доводы рациональны и логически выверены, его откровения проистекали из родника святости, ...а сам он был мастеровым, чей тяжелый труд заключался в том, чтобы вести людей в мир истины»²⁴.

²⁰ Seymour 1839. P. 165.

²¹ Ibid. P. 166.

²² Ibidem.

²³ Боанергес (дословно с арамейского «сыновья грома») – прозвище, данное Иисусом апостолам Иоанну и Иакову. Данный термин означает «многооречивый, громкоголосый проповедник».

²⁴ Seymour 1839. P. 167.

Мэдан становится капелланом венерологической больницы для раскаявшихся проституток на площади Гайд-Парк-Корнер. Его деятельность была столь успешной, а проповеди пользовались такой популярностью, что в 1762 г. к больнице была пристроена новая часовня. Ораторский талант и энтузиазм Мэдана сделали его персонажем, известным как в Лондоне, так и за его пределами: он проповедовал на модных курортах Бата, Челтнема, Танбриджа-Уэллса, совершал деловые поездки по городам и графствам Великобритании вместе со своими единомышленниками. К тому же Мэдан открыл в себе талант композитора. Собрание гимнов и псалмов, впервые вышедшее в свет в 1760 г., выдержало 13 изданий к 1790 г., а в течение XIX в. его произведения стали классическими, как, например, знаменитый рождественский гимн «Hark! The Herald Angels Sing». Последние годы жизни он провел в Эпсоме, занимаясь переводами поэзии Ювенала и Авла Персия Флакка: двухтомное издание увидело свет за год до смерти Мэдана в 1790 г.

Трактатом «Размышления об исполнительном производстве относительно наших уголовных законов, в особенности на выездных судебных сессиях»²⁵, опубликованным в 1784 г., Мэдан вновь углубляется в сферу юриспруденции, и не случайно объектом его интереса становится система уголовного правосудия. «Размышления...» подобно ручью органично влились в бурный поток общественной полемики, вызвал громкий резонанс. Трактат имел весомые последствия: в 1783 г., за год до его публикации, в Лондоне были преданы смертной казни 51 преступник, а в 1785, через год после триумфальных тиражей памфлета, исполнения приговоров к высшей мере возросли почти вдвое – до 97 чел.²⁶ Идеальный оппонент Мэдана, парламентарий, организатор и вдохновитель движения за ограничение смертной казни Самуэль Ромилли с горечью отмечал «маленький трактат, в котором... он [Мэдан] вздорно настаивает на целесообразности жесткого следования нашему Уголовному кодексу, кровавому и варварскому по своей сути, в каждом случае без исключения»²⁷. В ответном эссе «Замечания по поводу недавней публикации «Размышления об исполнительном производстве»²⁸ Ромилли возложил на Мэдана ответственность за «возрождение отвратительного спектакля». Однако, в отличие от ошеломляющего воздействия на публику трактата Мэдана, эссе Ромилли не имело успеха (было продано не более ста экземпляров). Возникает вопрос: какая магия убеждения была заключена в сравнительно небольшом сочинении (объемом 170 страниц текста крупным шрифтом), что, по свидетель-

²⁵ Madan M. Thoughts on executive justice...

²⁶ Romilly 1841. P. 65.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Romilly 1786. Vol. 1. P. 66.

ству С. Ромилли «некоторые судьи, и даже правительство, на время вооружились им [трактатом Мэдана] в своих рассуждениях»²⁹?

«Достоинство и процветание королевства в целом, как безопасность и счастье ее жителей, в частности, зависят от надлежащего исполнения законов»³⁰, – уже первый тезис, выдвинутый Мэданом, и само его обращение к этой теме, показали, что годы теологических дискуссий и миссионерской деятельности не умалили его интерес к, казалось бы, благополучно забытой первой профессии. Закон является гарантом неприкосновенности собственности, и неисполнение или частичное исполнение буквы закона ведет к хаосу и дестабилизации, что выражается и в ухудшении криминогенной ситуации. «Ни одна цивилизованная нация так не страдает, как мы, от ежедневно совершаемых преступлений: мы не можем спокойно путешествовать, спать в своих домах, держать скот в полях без нависшей над нами угрозы разбоя и хищения имущества... Случаи оного так возросли в количественном отношении, что и день не более безопасен, чем ночь, и суровая действительность изобилует примерами варварской жестокости в отношении тех несчастных, которые попали в руки злостных нарушителей общественного порядка»³¹. Любопытно, что патетика автора почти дословно совпадает с мыслями, высказанными его «коллегой по цеху» интеллектуалов-реформаторов Джонасом Хэнвеем: «Мы склонны преувеличивать опасность, но в данном случае не будет преувеличением утверждать, что мы живем в стране, где человек не чувствует себя в безопасности от пистолета, приставленного к груди, ни в собственном доме, ни в экипаже, ни на улицах города. Можно, безусловно, удалиться в поместье за несколько миль от столицы, но и этого не сделаешь без хорошо вооруженной охраны или готовности в случае нападения заплатить, сколько потребуют ради сохранения жизни... Так как же после этого мы можем утверждать, что мы – свободная нация?»³²

Сложившаяся ситуация, по убеждению Мэдана, буквально вызывает к исправлению, при этом он, как трезвый реалист, в пикку любителям поностальгировать о «старой доброй Англии» отдает отчет, что «лекарство» надо искать не в прошлом: «Я далек от того, чтобы призывать читателя вернуться во времена короля Альфреда, чьи мудрые постановления возлагали на подданных равный груз ответственности за общественную безопасность... прошло слишком много времени и от прежних учреждений остались только названия»³³. Мэдан не претен-

²⁹ Romilly 1842. P. 65.

³⁰ Madan M. Thoughts on executive justice... P. 1.

³¹ Ibid. P. 4-5.

³² Hanway J. Solitude in Imprisonment... P. 63.

³³ Madan M. Thoughts on executive justice... P. 6-7.

дует на оригинальность и не углубляется в дебри юриспруденции, предлагаемый им рецепт прост и незатейлив, сводясь к следующей максиме: *неукоснительно соблюдать существующие и действующие на данный момент законы* (курсив наш). Жалобы на суровость уголовного законодательства вызывают у Мэдана недоумение, ведь, по его убеждению, «добродетельным и благоразумным гражданам более приличествует не сетовать о суровости законов, а уповать на нее», как на защиту от посягательств на жизнь и собственность от тех, кто стоит по другую сторону баррикад. Полемизируя по вопросу еще одной распространенной претензии к содержанию «кровавых кодексов» – их крайней избыточности, Мэдан вновь переходит на менторский тон: «Разбойники прячутся на городских улицах и сельских дорогах и словно ядовитые гадюки выжидают, чтобы выпустить смертоносное жало; взломщики, подобно злым духам, не оставляют в покое дома мирных жителей; овец похищают из полей, быков и лошадей – прямо из стойла, даже не дожидаясь темноты.... И это только малая часть преступлений, которыми переполнены судебные протоколы, что несомненно является национальным позором и притчей во языцех для иностранцев»³⁴. Прежде чем жаловаться на избыточность законов, – в ответ на аргументацию Ромилли и его единомышленников парирует памфлетист, – логично было бы поразмышлять о количестве поводов, которые вызывают к жизни эти драконовские меры.

Концептуальное ядро критики трактата Мэдана сосредоточено на фигуре представителей правоохранительной системы – судей и присяжных заседателей. Комментируя эссе Мэдана, Ромилли заметил: «это мощное и неистовое порицание судей и министров за процедуру отправления правосудия, и частоту помилований, которые они допускают»³⁵. Мэдан вспоминает разговор с неким «известным барристером», который поведал ему весьма занимательный анекдот: на выездной сессии в Норфолке он беседовал с ветераном криминального мира, в очередной раз приговоренным к смертной казни. На вопрос, почему тот всякий раз возвращался к преступному ремеслу, преступник отвечал примерно следующее: «О, сэр, ведь существуют так много разных обстоятельств в нашу пользу, и так мало в пользу тех, кто против нас. Во-первых, маловероятно, что нас обнаружат, еще меньше – что схватят, еще меньше – что приговорят к смерти, и, я ставлю двадцать против одного, что приговор приведут в исполнение»³⁶.

Бывалый «ветеран» практически воспроизвел статистику, которую последующие поколения историков-правоведов скрупулезно восста-

³⁴ Ibid. P. 8.

³⁵ Romilly 1842. Vol. 1, 65.

³⁶ Madan M. Thoughts on executive justice... P. 37.

навливали по крупицам: российский юрист А.Ф. Кистяковский в диссертационном исследовании о смертной казни приводит такие данные: в Лондоне с 1749 по 1772 г. было приговорено к смертной казни 1 тыс. 121 чел., из них действительно казнены 678 чел.³⁷ Британская историография доверяет исследованиям историка права В. Гэтрелла: по его подсчетам, в Англии в период между 1780 и 1830 гг. к смертной казни были приговорены 35 тыс. чел., но фактически в исполнение была приведена только пятая часть приговоров³⁸. Для «накала страстей» Мэдан цитирует монолог персонажа комедии У. Шекспира «Мера за меру»:

«Имеем мы суровые законы,
Узду для необъезженных коней,
Но дремлют лет четырнадцать они,
Как дряхлый лев, который из пещеры...
Так законы наши,
Мертвы в возмездье, сами омертвели;
И вольность водит правосудье за нос...»³⁹

В собственных нелестных метафорах в отношении уголовно-исполнительной практики Мэдан не щадит чувства и репутацию законодателей и исполнителей: «уголовные законы – ни что иное, как огордное чучело, которое пугает только вначале, а когда его вид станет привычным, не вызывает и тени страха у самых робких представителей племени пернатых»⁴⁰. Несколько страниц спустя не менее сильный образ: «Наши уголовные законы подобны гадюкам, у которых вырвали ядовитые клыки, они не причинят ни малейшего вреда тем, кто бросает им вызов»⁴¹. Обращаясь к практике отправления правосудия, Мэдан приводит многочисленные, вопиющие с его точки зрения, случаи, когда преступники отпускались на свободу. В одном из них пострадавшей стороной оказались три юные леди, которых ограбили на большой дороге среди белого дня, в другом пожилая супружеская чета, ставшая жертвой ночного взлома. И в обоих случаях смертный приговор был отменен, а преступники были отпущены на свободу, где благополучно вернулись к прежнему образу жизни. «Два вышеописанных случая – есть прямое доказательство того, что бездумное злоупотребление властью подрывает всю систему уголовного правосудия и ставит общественное благо в зависимость от волеизъявления отдельных людей»⁴². Таким образом, для Мэдана причина падения авторитета закона напрямую зависит от человеческого фактора. Возвращаясь к персонажу

³⁷ Кистяковский 2000.

³⁸ Gatrell 1994. P. 9.

³⁹ Шекспир У. Мера за меру / Пер. М.А. Зенкевича...

⁴⁰ Madan M. Thoughts on executive justice... P. 19.

⁴¹ Ibid. P. 36.

⁴² Ibid. P. 60.

анекдота «известного барристера» Мэдан уверяет своих читателей: «Доводы этого негодяя вполне созвучны мыслям всех преступников королевства, что побуждают их упорствовать в своих злодеяниях, а газеты лишь поддерживают их уверенность в том, что их освободят, едва судьи покинут город»⁴³.

Логика рассуждений обнажает в авторе проповедника с блестящей юридической подготовкой. Мэдан настаивает на том, что различие между законом и волей тех, кто исполняет закон, исключительно пагубное явление, нарушающее баланс законодательной и исполнительной власти: «То, что судья имеет право помилования – справедливо, но то, что он этой прерогативой злоупотребляет, неправильно и нецелесообразно». Судьи ставят себя выше закона, позволяя эмоциям возблудать над должностными обязанностями магистрата, а между тем «сочувствие судьи должны вызывать не преступники, а общество, которому причинен вред»⁴⁴. Для Мэдана любая форма помилования – извращение Божьего повеления и начало гибели нации. Колебания судей, «ложно принимаемые за совесть», приводят к отсрочке исполнения наказания, что наносит двойной вред обществу. В юридическом плане нарушается принцип «неотвратимости наказания», продвигаемый Ч. Беккариа: «малое наказание, которое обязательно к исполнению, эффективней более сурового, но которого можно с высокой долей вероятности избежать». В пример автор приводит «варварскую» для утонченных англичан Шотландию, где, несмотря на то, что значительная часть населения промышляет воровством, ситуация на дорогах не в пример лучше, чем в цивилизованной Англии *в силу неукоснительного исполнения уголовного законодательства* (курсив наш). «Какая дикость, – восклицает он, – в торговой стране, граждане которой совершают постоянные деловые поездки, никто не может отъехать от дома на расстояние больше мили без риска быть ограбленным и убитым»⁴⁵.

В религиозном ракурсе отсрочка или отмена исполнения судебного решения трактуется Мэданом как вызов теологии небесного воздаяния, которое также оскорблено промедлением. Не будем забывать, что в богословском плане Мэдан тяготел к кальвинистскому методизму. Утвердившаяся с XVI в. кальвинистская догма об изначальной избранности одних и вечном проклятии, предопределенном для других, позволяла рассматривать жестокость наказания как очищение от преступления, искупление вины и примирение с Богом. Таким образом, для Мэдана кальвинистское учение о вечном наказании – неотъемлемая часть теологии судебного разбирательства, а любые отсрочки в испол-

⁴³ Ibid. P. 37.

⁴⁴ Madan M. Thoughts on Executive Justice, 46.

⁴⁵ Ibid. P. 73.

нении приговора, соответственно, нарушают принцип возмездия, а значит и Божественный порядок в целом. Подобными доводами Мэдан, по-видимому, оспаривал «вероятность судебной ошибки», которую как аргумент в пользу отсрочки смертной казни приводили Ромилли и его коллеги, доказывая, что нет большей несправедливости для правосудия, чем отправить на виселицу невиновного.

По замечанию американского исследователя Д. Коухена, для пуританских богословов, особенно тех, кто избрал миссионерство в колониях, многие невиновные были виновны только в юридическом плане. С точки зрения ортодоксального пуританизма у любого юридически невиновного человека найдется достаточно прегрешений, чтоб вывести его на эшафот, а оттуда к вечной смерти и адovým мукам⁴⁶. Интересно, что фактически аналогичное высказывание мы находим у Ж. де Местра: «В высшей степени вероятно, что мы заблуждаемся <...> ведь тот, кого мы считаем преступником, может и не быть таковым на самом деле. Но, с другой, стороны, столь же вероятно, что человек, осужденный на казнь за преступление, которое он не совершал, действительно заслуживает наказание, – но за другое злодеяние, нам абсолютно неизвестное»⁴⁷. Отметим удивительное совпадение взглядов апологета католицизма и ортодоксальных пуритан относительно неотвратимости наказания – с точки зрения божественного провидения и предопределения. Таким образом, казалось бы, средневековое предубеждение – если толпу не может обуздать проповедь, то пусть ужас террора проникнет в сердца, – явило поразительную «живучесть», перед которой оказался бессилён просветительский оптимизм в отношении возможностей усовершенствования человеческой природы.

Подводя итог трактату и его «громким» последствиям, попробуем избежать, однако, его односторонней оценки. Несомненно, эффект, произведенный «Размышлениями...» Мэдана был обусловлен несколькими обстоятельствами, в числе которых его блестящая репутация и высокий авторитет равно в вопросах теологии и юриспруденции, а также готовность влиятельных социальных групп к восприятию изложенных им идей. Будучи ярким представителем наиболее консервативного крыла идейных «генераторов» назревшей реформы, Мэдан не просто радел за жесткость и жестокость закона, как это может показаться на первый взгляд. Развивая свою максиму неукоснительного соблюдения существующих законов, Мэдан восходит к формулированию базовых целей уголовного права: охранительной, регулятивной, превентивной и воспитательной: «Предупреждение преступлений является желанным итогом суровой юридической процедуры [смертной казни]: допуская

⁴⁶ Cohen 1988.

⁴⁷ де Местр 1998. С. 35.

эту суровость в отношении виновного, законодатель не имеет другого намерения, кроме удержания от подобного преступления других, именно так достигая профилактической цели. Если не следовать этому до конца, смысл приговора будет утрачен, наказание станет бесполезным, и, в то же время, свершится несправедливость в отношении потерпевшей стороны. Но если суровая справедливость настигнет виновных, они, расплачиваясь за свое насилие и беззаконие, примером своих страданий послужат двум великим целям уголовного права: предотвращение подобного зла и гарантии безопасности обществу»⁴⁸.

Несмотря на подчеркнутую светскость трактата и превалирование в нем юридической составляющей, взгляды автора вполне созвучны духу ортодоксального кальвинизма: любое зло должно быть обуздано карой, выступающей в земной жизни в форме государственного правосудия, на неукоснительном исполнении которого покоится величие и мощь государства. Представление Мэдана о статичной безусловности государственного законодательства и недопустимости его трактовки и исполнения с точки зрения человеческого разума и психоэмоционального состояния конкретных индивидов вполне коррелирует с центральным догматом кальвинизма о Священном писании как единственном и непогрешимом стандарте вере и жизни, не нуждающемся ни в комментариях, ни в рациональных доказательствах. Как обычный человек подчиняется в мирских и духовных делах авторитету веры, так и колебания судьбы в момент вынесения приговора должны быть подвластны духу и букве закона, служителем которого он является.

Из факторов, играющих ключевую роль в генерировании *преступления*: безразлично-снисходительная позиция общества, несовершенство законов и извращенная логистика их исполнения, Мэдан акцентирует внимание на последнем. Английское уголовное законодательство, по его мнению, не является ни избыточным, ни излишне жестоким, а напротив, соответствующим напряженной криминогенной ситуации. Но государство должно реагировать на рост преступности не наращиванием корпуса законодательных актов, а неусыпным контролем над системой судопроизводства и исполнения наказаний как одним из действенных инструментов управления и социального контроля.

Центральное звено в логической цепочке «преступление – суд – наказание» является тем «слабым звеном», которое грозит потопить корабль общественного баланса в океане криминального разгула, по мнению Мэдана, буквально захлестнувшего улицы городов и сельскую местность. При этом, сбой в системе Мэдан объясняет с психологических позиций, справедливо указывая на подмену профессиональной

⁴⁸ Madan, Thoughts on Executive Justice, 11.

этики эмоциональными эффектами, пригодными в приватной жизни, но едва ли уместными в сфере уголовного правосудия. *Неуместными*, в первую очередь, в силу специфики английского прецедентного права, делающего чисто человеческие слабости служителей Фемиды источником новых правовых норм, совершенно неадекватных главной из стоящих перед ними задач – охране жизни и собственности граждан.

Современному читателю аргументы, неоднократно воспроизводимые на страницах трактата и подкрепляемые примерами из криминальной хроники XVIII века, вероятно, покажутся громоздкими, но на свою аудиторию Мэдан произвел отрезвляющее впечатление, подобное эффекту ледяного душа, с удивительной прозорливостью предугадав потенциальные пагубные последствия либерализации уголовного правосудия, как силы, защищающей свободы и интересы граждан.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Васильева С.А. «Общество друзей» и трансформация системы исполнения наказаний в XVIII веке // Диалог со временем. 2015. Вып. 53. С. 239-247.
- Кёстлер А. Размышления о виселице // URL: <http://e-libra.ru/read/220634-razmyshleniya-oviselice.html>
- Косых Т.А. Дискуссия о патриотах и патриотизме в Британии 60–70-х гг. XVIII в. // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3 (154). С. 241–249.
- Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни / Воспр. по изд. 1867 г., Киев. Тула: Автограф, 2000.
- Кросс Р. Прецедент в английском праве / под ред. Ф.М. Решетникова; пер. Т.В. Апарова. М.: Юридическая литература, 1985. 238 с.
- Местр Ж. де. Санкт-Петербургские письма. СПб: Алетейя, 1998. 731 с.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круть, 2011. 560 с.
- Соколов А.Б. Английский характер: немецкий травелог XVIII века в зеркале современной культурной антропологии // Диалог со временем, 2012. Вып. 39. С. 77. С. 59-78.
- Треvelьян Дж.М. Социальная история Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск: Русич, 2002. 624 с.
- Шекспир У. Мера за меру / Пер. М. А. Зенкевича // Шекспир В. Полн. собр. соч.: В 8 т. / Под ред. А. А. Смирнова. М.; Л.: Academia, 1949. Т. 7. С. 377–504.
- Buxton T.F. An inquiry, whether crime and misery are produced or prevented by our present system of prison discipline, 3rd ed., L.: J & A Arch 1818.
- Cohen D.A. In Defense of the Gallows: Justifications of Capital Punishment in New England Execution Sermons, 1674–1825 // American Quarterly 40, no. 2 (1988). P. 147–64.
- Gaskill M. Crime and Mentalities in Early Modern England. Cambridge, 2000. 396 p.
- Gatrell V.A.C. The Hanging Tree: Execution and the English People 1770–1868. Oxford, 1994. 634 p.
- Fox G. To the Parliament of the Commonwealth of England. Fifty nine Particulars laid down for the Regulating things, and the taking away of Oppressing Laws, and Oppressors, and to ease the Oppressed. L.: Printed for Thomas Simmons, at the Bull and Mouth near Aldersgate, 1659 / URL: <http://universalistfriends.org/quf2002.html>
- Hanway J. Solitude in Imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, Or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutary Prevention. L., 1776.

- Hardman Ph.J. The origins of late eighteenth-century prison reform in England. PhD thesis, University of Sheffield. 2007. 236 p.
- Madan M. Thoughts on executive justice with respect to our criminal laws, particularly on the circuits. L.: Printed for J. Dodsley in Pall-Mall. 170 p.
- Stephen J.F. A General View of the Criminal Law of England. L.; Cambridge, 1863. 500 p.
- Radzinowicz L. A history of English criminal law and its administration from 1750. Vol. 1. L., 1948.
- Romilly S. Memoirs of the Life of Sir Samuel Romilly, Written by Himself. L., 1842. Vol. 1. 460 p.
- Romilly, Observations on a Late Publication, Intituled, Thoughts on Executive Justice. L.: T. Cadell, 1786 162 p.
- Seymour A.C. The life and times of Selina, countess of Huntington. Vol. 1. L.: William Edward Painter, 1839.
- Throness L. A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779. Aldershot, 2008. 390 p.
- The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the year 1803. Vol. XVI. 1765–1771 / ed. by W. Cobbett, J. Wright. L.: T.C. Hansard, Peterborough-court, Fleetstreet, 1813. P. 1165–1166.

REFERENCES

- Vasil'eva S.A. «Obschestvo druzej» i transformatsija sistemy ispolnenija nakazaniy v XVIII veke // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 53. S. 239–247.
- Kjostler A. Razmyshleniya o viselitse // [Electronic resource] Mode of access: <http://e-libra.ru/read/220634-razmyshleniya-o-viselice.html>.
- Kosyh T. A. Diskussija o patriotah i patriotizme v Britanii 60–70-h gg. XVIII v. // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. 2016. T. 18. № 3 (154). S. 241–249.
- Kistjakovskij A.F. Issledovanie o smertnoj kazni / Vosproizvoditsja po izdaniju 1867 g., Kiev. Tula: Avtograf, 2000.
- Kross R. Pretsedent v anglijskom prave / pod red. F.M. Reshetnikova; per. Aparova T.V. M.: Juridicheskaja literatura, 1985. 238 s.
- Mestr. Zh. Sankt-Peterburgskie pis'ma – SPb: Aletejja, 1998. 731 s.
- Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i isto-riograficheskaja praktika. M.: Krug#, 2011. 560 s.
- Sokolov A.B. Anglijskij karakter: nemetskij traveolog XVIII veka v zerkale sovremennoj kul'turnoj antropologii // Dialog so vremenem, 2012. - Vyp. 39. - S. 77. C. 59–78.
- Trevel'jan Dzh. M. Sotsial'naja istorija Anglii ot Chosera do korolevy viktorii. Smolensk: Rusich, 2002. 624 c.
- Shekspir U. Mera za meru / Per. M.A. Zenkevicha // Shekspir V. Poln. sobr. soch.: V 8 t. / Pod red. A. A. Smirnova. M. ; L.: Academia, 1949. T. 7. S. 377–504.
- Buxton T.F. An inquiry, whether crime and misery are produced or prevented by our present system of prison discipline, 3rd ed., London, J & A Arch 1818.
- Cohen D.A. In Defense of the Gallows: Justifications of Capital Punishment in New England Execution Sermons, 1674–1825 // American Quarterly 40, № 2 (1988). Pp. 147–64.
- Gaskill M. Crime and Mentalities in Early Modern England. Cambridge, 2000. 396 p.
- Gatrell V.A.C. The Hanging Tree: Execution and the English People 1770–1868. Oxford. 1994. 634 p.
- Fox G. To the Parliament of the Commonwealth of England. Fifty nine Particulars laid down for the Regulating things, and the taking away of Oppressing Laws, and Oppressors, and to ease the Oppressed, London, Printed for Thomas Simmons, at the Bull and Mouth near Aldersgate, 1659.[Electronic resource: <http://universalistfriends.org/quf2002.html>
- Hanway J. Solitude in Imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, Or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutory Prevention. L., 1776.

- Hardman Ph. J. The origins of late eighteenth-century prison reform in England. PhD thesis, University of Sheffield. 2007. 236 p.
- Madan M. Thoughts on executive justice with respect to our criminal laws, particularly on the circuits. , L., Printed fir J. Dodsley in Pall-Mall. 170 p.
- Stephen J.F. A General View of the Criminal Law of England. L.; Cambridge, 1863. 500 p.
- Radzinowicz L. A history of English criminal law and its administration from 1750. Vol. 1. London, 1948.
- Romilly S. Memoirs of the Life of Sir Samuel Romilly, Written by Himself. L., 1842. Vol 1. 460 p.
- Romilly, Observations on a Late Publication, Intituled, Thoughts on Executive Justice. L.: T. Cadell, 1786. 162 p.
- Seymour A. C. The life and times of Selina, countess of Huntington. Vol. 1. L.: William Edward Painter, 1839.
- Throness L. A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779. Aldershot, 2008. 390 p.
- The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the year 1803. Vol. XVI. 1765–1771 / ed. by W. Cobbett, J. Wright. L.: T. C. Hansard, Peterborough-court, Fleet-street, 1813., pp. 1165–1166.

Эрлихсон Ирина Мариковна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина; i.erlihson@rsu.edu.ru

Васильева Светлана Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии и истории Академии ФСИН России; vasi-svetlana@yandex.ru

The ideology of conservative alternative to the English criminal justice reform in the 18th century

The article presents the analysis of the treatise by Martin Madan, a famous English public figure of the 18th century, under the title “Thoughts on Executive Justice: With Respect to Our Criminal Laws, Particularly on the Circuits. Dedicated to the Judges of Assize; ...By a Sincere Well-wisher to the Public” (1784). Madan’s intellectual heritage, factually unstudied in Russia, is a crucial element of the discussion on ways and methods to reform English criminal and penal system after the adoption of the Penitentiary act in 1779. The article reconstructs the biography of Madan, shows his professional formation, at first as a lawyer, and then as a brilliant Methodist preacher. In fact, it was his thorough knowledge of English legal regulations and virtual skills in theological rhetoric, that brought him public recognition, commercial success and profitable law practice. Madan’s treatise is analyzed in its modern historical and legal context on the base; methodological instruments of social history of culture practices and intellectual history have been used. This led us to observe the issue of public attitude to criminality on several research levels: law mechanisms of administration of justice, institutional relations and public discourse.

Keywords: England, 18th century, criminal justice, Calvinism, penitentiary reforms, journalism, death penalty

Irina Erlihson, Dr.Sc. (History), Professor, Department of World History and International Relations, Ryazan State University named after S.A. Yesenin; i.erlihson@rsu.edu.ru
Svetlana Vassilyeva, PhD, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Philosophy and History of the Academy of Penal Service of Russia; vasi-svetlana@yandex.ru

МОРАЛИЗАТОРСТВО КАК ФЕНОМЕН МЫСЛИ И КУЛЬТУРЫ БЕНГАЛЬСКОГО РЕНЕССАНСА¹

Феномен морализаторства в мысли и культуре Бенгальского Возрождения XIX – первой трети XX в. описан как результат трансформации идеи морали, морального сознания и моральной жизни в религиозной философии и реформаторской практике Раммохана Рая, мыслителей Брахмо Самаджа (Дебендронатх Тагор, Кешобчондро Сен) и неиндуизма (Бонкимчондро Чоттопадххай, Свами Вивекананда). Процессы переосмысления традиционной морали индуизма и создания новой нормативной этики в общественной мысли и культуре Бенгалии рассматриваются с позиций концепции П. Рикёра, различающего этическое (благое) и моральное (обязательное). Показано, что возникновение феномена морализаторства во второй половине XIX в. вызвано этической революцией в сознании реформаторов и мыслителей первых поколений эпохи – представлением о моральной жизни как следовании обязанностям сообразно идее блага и ценностям. В морализаторстве различимы два вектора – создание и обоснование нормативной этики как неотъемлемой части индуизма и морализирование – оценка происходящего в обществе с позиций соответствия нормам должного и этическому идеалу. Первый больше выражен в публицистике и социальной мысли, второй – в культуре. С наибольшей силой воздействия на общество морализаторство воплощено в художественной литературе и драматургии и имеет гуманистический характер. Результатом описанных процессов стали формирование направления мышления о вопросах этики и морали и складывание общей модели морализирования в художественной культуре Индии.

Ключевые слова: Бенгальское Возрождение, морализаторство, религиозная мысль, «этическая революция», нормативная этика, морализирование в художественной литературе

Интеллектуалов-творцов культуры Бенгальского Ренессанса XIX – начала XX в. – национально-культурного возрождения в наиболее вовлечённом в модернизационные процессы регионе Британской Индии – отличало особое внимание к этике и морали² – это стало практически аксиомой и часто объясняется просветительским характером их целей и усилий, которые, в свою очередь, были инициированы влиянием западной философии эпохи Просвещения (особенно Шотландского) и европейской литературы и культуры в целом. Интеллектуалы Бенгалии – действительно моралисты, доказывающие современникам необходимость следования моральным принципам и нормам высокой религиозной этики *индуизма* ради усовершенствования как личности, так и об-

¹ Исследование поддержано грантом Российского научного фонда «Индийская философия в контексте истории мировой философии: проблема трансляции смыслов», проект № 16–18–10427.

² Из последних работ об этой эпохе см.: Dasgupta 2011, Dasgupta 2012.

щества, ради решения его актуальных проблем. Но само возникновение морализирования как оценки явлений сообразно этическим идеалам, как и субьектов-моралистов для Индии – явление новое и нетрадиционное.

Нирад Чоудхури убеждён, что индуистскому сообществу всегда недоставало этических ценностей: «моральные заповеди составляют только часть во внушительной массе запретов, которые регулируют каждый аспект жизни индуса. Для него – если он верен своей религии – есть цыплёнок – не меньшее преступление, чем мошенничество, бесстыдное насилие над девушкой не более предосудительно, чем взгляд на лицо жены младшего брата, допустить гибель коровы из-за несчастного случая не менее пагубно, чем сбить человека во время быстрой езды. Если неумышленное убийство вовлечёт его в хитросплетения гражданского суда, то непредумышленное убийство быка опутает его сетями жреческого возмездия»³. Н. Чоудхури считает индуизм этически незрелым, что выражается в неразвитости морального сознания и чувства личной ответственности у его адептов. Причина тому – недостаточность самой идеи воздаяния и «всеобщее и неискоренимое допущение, что боги – подкупны (*venal*), что допускает и погрешимость божественного порядка, что позволяет людям в этом подражать богам»⁴. Подлинное моральное сознание в Индии, по мнению культуролога, создавали, хотя и без долговременного успеха, мыслители Индийского Ренессанса, а именно брахмоисты и неоиндуисты.

Мораль индуизма существует как освящённая вероучением система нравственных норм. Дхарма задаёт нормы поведения для человека, но всеобщий религиозный закон подробнейшим образом дифференцирован для каждого сообразно всему комплексу его социальных статусов и ролей, что законодательно закреплено в дхармаштрах. Представления о благом и дурном деянии и поведении и, соответственно, нормативной этики связаны с законом *кармы*, и хотя они указывают на идеал должного и смысл жизни, не утверждают прямой зависимости *мокиши* (освобождения) от добродетельного поведения человека.

Метафизическое основание этики связано с представлением о характере Абсолюта, и в индуизме, в отличие от христианства или ислама, нет строгого определения этического характера Брахмана – в Упанишадах он скорее сверхэтичен⁵; в Бхагавадгите появляется мотив этичности Бога; этика *бхакти* требует нравственного поведения на основе признания этичности личного Бога. Такая вариативность представлений сама по себе не способствовала распространению и культивированию универсальных для индуистов ценностей этики.

³ Chaudhuri 2003, P. 523.

⁴ Ibid. P. 529.

⁵ Швейцер 2002: С. 50.

В философских школах индуизма – шести *даршанах* – присутствуют этические компоненты, но особая дисциплина, анализирующая мораль, моральное сознание и поведение, в этой традиции не сложилась. Этика в традиционном обществе существовала как указание на должное, идеал и смысл жизни, как универсальное представление о дхарме человека, и потому была частью обоснования практики жизни, однако дхармашастры вывели в морали на первый план статусные правила (предписания и запреты), и брахманы позаботились о разветвлённой системе разнообразных санкций за их нарушение. Так был создан механизм торможения развития морального сознания ортодоксального индуиста, который держится за правила как основу своей праведности, но не видит особой беды в дурном обращении с ближними.

Традиционная мораль индуизма неоднократно оспаривалась неортодоксальными духовными движениями, однако проблема несоответствия морального поведения индуистов этическим идеалам священных текстов (в первую очередь Упанишад и Бхагавадгиты) была поднята в Новое время. Из осознания этой проблемы выросло два события. Первое – этическая революция в религиозной мысли родоначальника эпохи Раммохана Рая (1772–1833), которая способствовала появлению этической мысли как нового для индийской философии направления, а также воздействовала на сознание нескольких поколений интеллектуалов Бенгалии. Второе событие – появление феномена морализаторства в мысли и культуре.

Для описания этих событий методологически плодотворной представляется концепция Поля Рикёра, различающего этическое и моральное. К первому относится всё, что оценивается как благое, ко второму – всё, что навязывается в качестве обязательного. Рикёр называет этикой стремление к совершенной жизни, а моралью – соединение этого стремления с нормами, которым одновременно свойственно притязание на универсальность и принудительность. При этом этика включает в себя мораль, в которой превалирует деонтология – следование нравственным обязательствам – долгу. Долг же напрямую связан с целью этики, которую Рикёр формулирует как «цель благой жизни с другим и для другого в справедливых институтах»⁶.

Феномен морализаторства в бенгальской мысли и культуре стал следствием трансформации идеи морали, морального сознания и моральной жизни в трудах Раммохана Рая, по-новому истолковавшего метафизические основы индуизма. Это произошло под влиянием двух факторов – осмысления учения Христа и христианства и осмысления священных текстов индуизма. Наставления Христа Раммохан нашёл «наиболее соответствующими моральным принципам и наиболее при-

⁶ Рикёр 2008, С. 205, 207.

способленными для применения разумными существами, чем любые другие мне известные»⁷. Вместе с тем он убеждён в глубинном родстве всех религий и потому находил моральные принципы этического монотеизма в Упанишадах и Бхагавадгите и считал, что «Веды содержат те же уроки морали», что и заповеди Иисуса, но «в разрозненном виде»⁸.

На этический характер Абсолюта – Брахмана, единого Бога – Раммохан обращает внимание в первом теологическом трактате «Дар верующим в единого Бога» («Тухфат-ул-Мувахиддин», 1804)⁹ – Бог наделяет человека «интуитивной способностью отличать добро от зла»; ему угодна не только «чистая преданность», но и «союз сердец во взаимной любви и чувстве ко всем созданиям»¹⁰. В «Кратком изложении Веданты» появляется идея этического монотеизма: следование нравственным принципам – обуздание страстей и благие дела «объявлены в Веде совершенно необходимыми для приближения сознания к Богу»¹¹.

В интерпретации Упанишад Раммохан по-новому истолковывает этику индуизма, отсылая к авторитету священных текстов, а традиционную этику подвергает бескомпромиссной критике. Особенно хорошо это выражено в переводе «Иша-упанишады»¹² – Предисловии и Введении к нему. Иша, как и другие священные тексты, «проповедует не только просвещённое служение Богу, но и чистейшие принципы морали». Среди них первым является для Раммохана золотое правило: «великий и всеобщий принцип – “Поступай с другими так, как ты желаешь, чтобы поступали с тобой”»¹³. В переводе-пересказе упанишады установлена связь между почитанием Верховного духа и этикой благого поведения – отречения от эгоизма и зависти (1–3 шлоки), описаны этические характеристики Верховного Сущего, который «извечно определяет для всех созданий сообразные им цели»¹⁴ и требует от человека доброго отношения ко всем созданиям Творца (4–8 шлоки). В перевод «вживляется» золотое правило как должное, общечеловеческий смысл этики в родной традиции. Новая этика у Раммохана Рая подаётся как подлинная этика индуизма – естественное продолжение религии: следование высшим ценностям любви и милосердия, обуздание страстей для противодействия пороку. В метафизическом основании этики Раммохан противопоставляет этический монотеизм – возвышенную веру в Бога – политеизму, моральные изъяны которого разрушительны для

⁷ Collet 1962, 71.

⁸ Цит. по: Datta 1988, P. 97.

⁹ Рай 2010.

¹⁰ Там же, С. 167; Roy 1982 IV, 957.

¹¹ Рай 2014, 144.

¹² См.: Рай 2016.

¹³ Roy 1982, Vol. I, P. 74.

¹⁴ Ibid. P. 76.

общества и человека. Этика традиционного индуизма для Раммохана замещает добро злом, так как считает грехом отступление от ритуальных и кастовых правил. Коренной порок существующей в индуистской общине морали реформатор видит в попрании всех человеческих и социальных чувств из-за соблюдения многочисленных предписаний и жестоких обычаев – всё во имя чистоты касты. Эта система не считает злом действительно аморальные поступки против человека и допускает их искупление бессмысленными ритуалами. В этом Раммохан видит «моральное унижение расы» явно достойной лучшей доли¹⁵. В «Ишаупанишаде» он описывает следствия соблюдения ритуалов, которые отделяют верующего от постижения Бога, искупления греха и праведного пути. Единственный выход он видит в изменении морального сознания соотечественников – на совершенствование моральных качеств человека и поддержание гуманности в отношениях между людьми.

В социально-реформаторских трудах и деятельности Раммохана явно выражено этическое измерение – реализация «цели благой жизни» (П. Рикёр), которую философ связывает с «нашим утешением и счастьем»¹⁶ в трёх аспектах. 1) *Жизнь с другим*: «Истинная система религии ведёт... к дружественному отношению к своим ближним, воздействуя на их сердца одновременно со смирением и милосердием...»¹⁷. Это основа морального сознания – представление о счастье и интересах ближнего и возвышение над эгоизмом. 2) *Жизнь для другого* – следствие преодоления эгоизма и развития моральных качеств, которые в условиях Индии подавлены «моральным поощрением преступных отношений между полами, самоубийств, убийств женщин и человеческих жертвоприношений»¹⁸. Поэтому моральным императивом должно стать признание ценности земной жизни каждого человека и следующее из него сострадание и милосердие. В жизни самого Раммохана воплощением его моральных чувств стала борьба за запрет *сати* – саможжения индусских вдов. 3) *Жизнь в справедливых институтах* выступает у Раммохана как смысл его реформаторских трудов: моральная жизнь обеспечивается естественным сочувствием к страданиям и несчастьям ближних и сознанием долга – «сделать всё, что в моих силах, чтобы избавить их [соотечественников] от обмана и рабства и содействовать их утешению и счастью»¹⁹. Принципы человеколюбия обеспечивают совершенствование отношений в обществе благодаря их интеграции в нормах человеческого общежития и институтах.

¹⁵ Ibid. P. 74.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibid. P. 37.

¹⁸ Ibid. P. 21.

¹⁹ Ibid. P. 116.

Благодаря этической революции в сознании Раммохана Рая у него самого и у его духовных наследников появляется представление о моральном сознании, моральных чувствах и моральной жизни, которые подчинены идее долга – следования обязанностям сообразно идее блага.

Морализаторство как феномен появилось во II половине XIX века в виде вектора интеллектуальной деятельности значимых фигур общественной жизни Бенгалии. Субъекты морализаторства – интеллектуалы, принадлежащие либо к брахмоизму – реформированной версии индуизма, либо к неоиндуизму – течению мысли, предпринимающему попытки обосновать достоинства индуизма в его целостности и многообразии течений и культов. И те, и другие мотивированы желанием способствовать пробуждению, усовершенствованию и возрождению индийского социума, преодолению социальных пороков и решению насущных проблем, и считают развитие морального сознания соотечественников одним из ключевых условий движения и развития в современной ситуации. При этом среди бенгальских интеллектуалов нет «чистых» моралистов – их труды не ограничены рамками однообразной проповеди морали; напротив, идеи нормативной этики и оценка явлений реальности составляют только часть их размышлений и присутствуют в ненавязчивой форме, в т.ч. в беллетристическом дискурсе.

В феномене морализаторства мне видится два вектора – попытки создания и обоснования нормативной этики как неотъемлемой части индуизма (в разном его понимании) и морализирование – оценка реальных явлений и процессов в бенгальском обществе с позиций их соответствия нормам должного (дхармы) и этическому идеалу. Первый вектор больше выражен в публицистике или социально-философских трудах, второй – в культуре эпохи, прежде всего – художественной литературе и драматургии.

Феномен морализаторства начинается с осмысления и новой интерпретации морали индуизма, которая должна разбудить моральное сознание соотечественников. На первый план выводится представление о праведности как моральном поведении на благо других, не связанном с исполнением ритуалов и предписаний. Его целью было обоснование идеала моральной жизни, истолкованной преимущественно как следование долгу, который в свою очередь тесно связывался с религией. Ключевым методом формирования нормативной этики стала интерпретация священных текстов индуизма сквозь призму представления о Боге как источнике этики. Упанишады, Бхагавадгита и дхармашастры служат фундаментальным обоснованием этики (блага) и морали (долга). Этот метод впервые появился у Раммохана Рая, и его применяют и брахмоисты, и неоиндуистские мыслители. Раммохан Рай в трактатах против обычая сати («Беседы сторонника и противника сожжения вдов заживо») аргументировал необходимость отказа от ритуальной смерти,

ссылаясь на законы Ману и Яджнавалкьи, а также Бхагавадгиты. Он цитирует шлоки Бхагавадгиты, где осуждается приверженность «букве Вед», ритуализму и желание воздаяния за жертву, но поощряется сoterиологически ценное действие без привязанности к результату. Согласно его трактовке, стяжание награды за обряд или ритуальное действие продиктовано эгоизмом, и только глупцы выбирают его в жажде наслаждений. Мудрый выбирает веру, и его задача – предотвратить неправедные действия: «Зачем же тогда вы постоянно вводите в заблуждение женщин, ... чтобы они следовали низким путём, ищущая их будущим удовольствием ... и просто поощряете невежество?»²⁰.

В 1848 г., создавая «Книгу Брахмо Дхармы», лидер религиозно-реформаторского общества Брахмо Самадж Дебендронатх Тагор ориентировался на цель обоснования идеала, излагая главы «морального кодекса брахмоиста»: «Только те, чьи сердца очищены добрыми деяниями, могут стремиться к поклонению Брахману, и это самоочевидная истина. Что есть добродетель и каковы её заповеди? Несомненно, что брахмоистам необходимо знать их, чтобы исполнять свою ежедневную обязанность – совершенствовать свой характер в соответствии с этими заповедями»²¹. Сердцевиной этого вектора был этический подход к явлениям общественной жизни и бытию личности с позиций их соответствия благу, истолкованному как связь с Богом и отождествлённому с дхармой. Этот подход рельефно выражен в «Книге Брахмо Дхармы»: «Друзья отвернутся и уйдут, оставив мёртвое тело, словно спиленное дерево на земле. *Дхарма*, или добродетель, позволит ему пробудиться. Пусть привычно и постепенно возникнет изобилие добродетели во имя твоей пользы. С помощью дхармы человек способен преодолеть крошечную тьму этого мира»²². Почти по христианской модели здесь добродетель в земной жизни обуславливает посмертное пробуждением – хотя непосредственного влияния христианства на Д. Тагора не было.

Дебендронатх Тагор, составляя свод нормативных этических правил – поведения домохозяина, взаимоотношений и обязанностей в семье и моральных предписаний – соответствия слова и дела, свидетельства, добродетели, проявлений милосердия, самоконтроля, избегания злословия, контроля над чувствами, речью и разумом, отречения от греха – активно использовал смрити. Отчасти он описал свой метод: «Я продолжил чтение Махабхараты, Гиты, Манусмрити и других книг, и отбирал стихи из них, чтобы составить собрание предписаний. В этой работе огромную помощь мне оказала книга Манусмрити. В книге Брахмо Дхармы содержались стихи из других смрити – Тантры, Ма-

²⁰ Roy 1982, Vol. II, P. 327–328, 329, 341–342, 350; цит. – с. 340.

²¹ Tagore 2007. С. 188; Tagore 1909. P. 83.

²² Ibid. P. 84.

хабхараты и Гиты. Мне пришлось усердно потрудиться, чтобы написать эти заповеди»²³. Центральной идеей нормативной этики, созданной Д. Тагором из текстов традиции, стало отношение к каждому ближнему как к Богу – видение в человеке божественного создания и вытекающие отсюда терпимость, уважение, снисхождение к поведению ближних и неприятие насилия в человеческих отношениях.

Отклонение от правила этической экзегетики текста индуистской традиции совершил Кешобчондро Сена, находившийся под сильным влиянием личности и учения Христа. Исходя из идеи Бога как морального управителя вселенной, реформатор вводит в круг этических идей понятие греха, которое определяет как «ужасное проклятие, отвратительную и противную болезнь, укоренённую в глубинах человеческого существа» и «ужасно нечистую вещь»²⁴. Проблема моральной жизни заключена в том, что и человек, и общество заняты очищением её внешних проявлений и форм («надстройки» – *superstructure*), тогда как корни греха лежат в самом основании человеческого существа и в глубинах общества. Каждый грех – это оскорбление величия Небес, нарушение закона Бога – его заповедей, поэтому он не идентичен человеческим преступлениям, наказываемым в соответствии с правом; так как все грехи исходят из плотской природы человека; и в ней лежат корни преступлений. «Бог судит похоть и слабость сердца, а не внешние преступления. Он не выясняет, виновны ли мы в настоящем убийстве, лжесвидетельстве, подлоге, присвоении чужого или прелюбодеянии, но виновны ли в плотских желаниях и расположенности к этим преступлениям, страстях, из которых они происходят и присутствуют в сердце»²⁵. При этом человек появляется на свет безгрешным, однако добровольно и сознательно склоняется к дурному, следуя «животной», плотской природе. Главная идея нормативной этики Кешобчондро – самопожертвование ради усовершенствования и личности, и общества.

Если брахмоистские лидеры предложили новую интерпретацию морали в первую очередь своим единомышленникам в Брахмо самадже (хотя и с желанием распространять её в обществе как таковом), то неоиндуистские мыслители интерпретируют индуизм как религию, главное место в которой отведено этике и моральному поведению – прежде всего потому, что дхарма отождествляется с моралью. Бог/Абсолют определяется как «Моральный правитель вселенной, постоянно судящий нас по нашим деяниям», как «этичный Бог, который любит человечество и делает для него добро»²⁶.

²³ Ibid. P. 83; Тагор 2007, С. 188.

²⁴ Sen 1954, P. 272.

²⁵ Ibid. P. 274.

²⁶ Bankim's Hinduism 2011, P. 184; Vivekananda 1998–2000. Vol. II. P. 110.

Бонкимчондро Чоттопаддхай трактует этическое содержание индуизма в духе определения цели этики – «благая жизнь с другим и для другого», и поэтому из двух индусов – скрупулёзно следующего правилам и ритуалам и аморально действующего эгоиста и другого, нарушающего кастовые правила, но работающего на благо других и следующего добродетели, «истинным индусом» является второй, так как религия превыше обычаев и практик²⁷. Сущность индуизма, без которого его не может быть – *читташуддхи*, «моральное очищение души», т.е. следование моральным принципам – контроль над чувствами ради их правильного применения, отказ от эгоизма и забота о других – и почитание Бога²⁸.

Нормативная этика в публицистике Бонкимчондро выстроена вокруг идеи долга, вытекающего из понимания дхармы как морали, добродетели и соответствующего им действия²⁹. Дхарма как благо и должное связана у него с целостным развитием человека и его действиями в мире – в первую очередь морального характера. Бонкимчондро видит в единой дхарме императивную обязанность в двух аспектах: по отношению к себе и к другим людям. Она осуществляется в виде общественного долга человека, личными усилиями содействующего прогрессу, который понимается как продвижение дхармы³⁰. Императивная обязанность исполняется как незаинтересованное действие, санкционированное священным авторитетом Бхагавадгиты. Моральные заповеди должного поведения Бонкимчондро выводит из объяснения дхармы. Они даны Кришной в Махабхарате – в «Гите» и других книгах.

Вкратце принципы нормативной этики выглядят следующим образом: 1) постоянное соотнесение с дхармой любого действия через понимание его как способствующего благополучию людей; 2) постоянное развитие (*онушиллон*) физических (*шарирака-вритти*) и интеллектуальных (*маношик-вритти*) способностей для наилучшего исполнения своих обязанностей³¹; 3) следование *свадхарме* – личному долгу сообразно своим общественным обязанностям (подобно Арджуне – кшатрию, исполнявшему *свадхарму*), ради поддержания морального порядка общества³². Пути *свадхармы* могут быть разными – *джняна*, *карма* и *бхакти*, но суть её остаётся неизменной; 4) всемерное поддержание справедливости: «обязанность каждого человека – защищать всё то, что справедливо», – говорит Бонкимчондро, приводя в пример Пан-

²⁷ Bankim's Hinduism 2011, P. 17.

²⁸ Ibid. P. 176–178.

²⁹ Ibid. P. 147–148.

³⁰ Ibid. P. 155–156, 194.

³¹ Ibid. P. 23, 169, 188.

³² Ibid. P. 238–239.

давов, которым ради этого пришлось вступить в войну³³. И хотя дхарма и дхармическое действие связаны с поддержанием жизни и ненасилием³⁴, ради справедливого порядка вполне моральным будет выбор в пользу насильственного действия (подобно битве на Курукшетре).

Бонкимчондро, отстаивая императивный характер этики индуизма, тем не менее, учитывает свободу выбора личности между дхармой и адхармой – и потому в словах главного для него учителя этики Кришны слышит «голос свободы», хотя он и советует выбирать образ действий сообразно истине (например, нарушить добродетель правдивости, если нужно сохранить чью-либо жизнь)³⁵.

Свами Вивекананда в интерпретации этики индуизма исходит из идеи развития кодексов любых религий, из отречения и отношения к Другому: «Этика всегда говорит: “Не я, но ты”. Её формула – “Не Я, но не-Я”. Тщетные идеи индивидуализма, за которые человек цепляется, пытаясь обрести Безграничную Власть или Безграничное Наслаждение, должны быть отброшены, – говорят законы этики. Вы должны ставить себя последним, а других – перед собой. Чувства говорят: “Мне – первому”. Этика говорит: “Я должен удержаться и быть последним”. Таким образом, все этические кодексы основаны на отречении... Совершенное освобождение от эгоизма – идеал этики»³⁶. Отречение (о котором Бонкимчондро и не упоминал) – *вайрагья* рассматривается как начало и этики, и религии: «Как может религия или мораль начаться без самоотречения? Альфа и Омега – это отречение. “Отрекись, – говорит Веда, – отрекись. Это единственный путь”. <...> “Не через богатство, не через потомство, но только через отречение достигается бессмертие”, – этому учат индийские книги»³⁷. Разумеется, отречение Вивекананда называет «знаменем Индии» и сутью индуизма, проявляющейся во всех сферах деятельности и указывающей на ответственное нравственное чувство и сознание субъекта. В жизни отречение выражается в видении Бога в каждом человеке и следовании его нуждам и требованиям как своим собственным. Мораль Вивекананда описывает через термин *ачара* – «чистота внутренняя и внешняя», как основу индуизма, при этом более значима для него внутренняя чистота, обеспечиваемая отказом от «произнесения лжи, пьянства, свершения аморальных деяний и – деланием добра другим»; это последнее – долг. На этом фоне предписания относительно пищи и питья, совместных трапез, общения между представителями разных каст и подобные обычаи

³³ Ibid. P. 236.

³⁴ Ibid. P. 151–152.

³⁵ Ibid. P. 165–166.

³⁶ Vivekananda 1998–2000. Vol. II. P. 62–63.

³⁷ Ibid. Vol. III. P. 343.

Вивекананда считает «несчастьем нашей страны», несмотря на их соотнесённость с предписаниями *шастр*. Внутреннее очищение – задача намного более серьёзная: она включает правдивость, служение бедным, помощь нуждающимся и т.д.³⁸

Вивекананда выстраивает нормативную этику индуизма, отчасти продолжая идеи Бонкимчондро: говоря о читташуддхи («будь чист и помогай любому, кто приходит к тебе, всем, чем только можешь. И это – благая карма. С её силой сердце станет чистым (*читташуддхи*)»³⁹), о следовании долгу через исполнение своих обязанностей – и потому карма как труд в миру ради труда без привязанности к результату понимается философом как первостепенно значимая в современной Индии⁴⁰, а также идея свободы, реализуемой через посвящение Богу всех своих действий. «Карма-йога – это обретение посредством незаинтересованного труда свободы (freedom), которая есть цель всей природы человека. ...Есть лишь одно определение того, что такое мораль: всё эгоистическое – аморально, всё бескорыстное – морально»⁴¹. Но у Вивекананды намного отчётливее выражен аспект этической жизни «в справедливых институтах», хотя он и говорит преимущественно о персональной этике в контексте идеи «мы помогаем себе, а не миру» (что восходит к идеям Рамакришны) и «каждый велик на своём месте»⁴². Этика индуизма в трактовке философа сакрализует социальные отношения: «устройство общества, институт брака, любовь к детям, наши добрые дела, мораль, этика есть различные формы отречения»⁴³. Нормативная этика Вивекананды включает такие требования, как любовь к ближним и альтруистическую им помощь⁴⁴, служение другим и противостояние злу, которое проявляется в разных формах в обществе, – для Индии это «вечное подчинение индивида обществу и насильственное самопожертвование посредством институтов и дисциплины»⁴⁵, предрассудки и обычаи, связанные с представлениями о кастовой иерархии и ритуальной нечистоте, неприкасаемость, угнетённое положение женщин и т. д.

В нормативной этике бенгальских интеллектуалов очевиден синтез трёх пластов – выборочно реинтерпретированных положений традиционных текстов, идей неортодоксальных средневековых движений внутри индуизма (и отчасти буддизма), а также усвоенных христиан-

³⁸ Ibid. P. 360–363.

³⁹ Ibid. P. 142.

⁴⁰ Ibid. Vol. I, P. 115.

⁴¹ Ibid. P. 110.

⁴² Ibid. P. 72, 38.

⁴³ Ibid. Vol. VI. P. 378.

⁴⁴ Ibid. Vol. III. P. 142–143.

⁴⁵ Ibid. Vol. IV. P. 488.

ских этических представлений. Нормативная этика, представленная в трудах брахмоистов и неоиндуистов как *подлинная этика* индуизма, существенно расходилась с традиционным представлением о должной жизни. На это позже указывал Р. Тагор: «Наше общество жидилось на том, что Ману называл “праведной жизнью”. В сущности, это была система обычаев, которых в древности придерживались на очень небольшой территории, — писал Рабиндранат Тагор в конце жизни. — <...> Праведная жизнь плохо совмещалась со свободой духа (!). Постепенно идеалы этой “праведной жизни <...> стали олицетворять собой косность»⁴⁶. Новая этика строилась вокруг идеи человечности, человеческого отношения к людям и свободы личности, понятия блага как основания праведной жизни и соотнесённости с истиной.

На нормативных положениях этики, явно или скрыто присутствующих у реформаторов и деятелей культуры, строится морализирование — оценка явлений, процессов и проблем общества, которые с позиций ортодоксии никогда не были бы расценены как проблемы или пороки. Новое понятие о должном представляет в совершенно ином свете сущее — как поведение людей, так и общепринятые традиционные практики и институты. Оценки индийских реалий с позиции нового представления о должном встречаются в трактатах и памфлетах реформаторов и в художественной литературе. Ишшорчондро Биддешагор, доказывавший в памфлетах (1855) допустимость и необходимость вторичного замужества вдов, в первую очередь молодых, признаёт всеокупающую власть обычая над индусской общиной. Обычай оценивается как зло, которое не позволяет видеть подлинные добро и поощрять добродетель. «Обычай — самый ненадёжный авторитет по сравнению с Ведами и Смрити, — аргументирует Биддешагор. — ...Когда обычай противоречит священным книгам, ему нельзя следовать. Тем более что в шастрах есть различные указания на замужество вдов»⁴⁷. Он заключает памфлет гневным указанием на пожизненное вдовство как причину того, что «Индия, бывшая когда-то землёй добродетели, захлёбывается в потоке прелюбодеяния и убийства неродившихся детей», чему потворствуют те, кто потерял честь и религию и неспособен сострадать несчастным юным вдовам. «Вы, возможно, думаете, что, потеряв мужа, женщина перестаёт быть человеческим существом и больше не подвержена влиянию страстей. Но сколько на каждом шагу примеров тому, как вы жестоко ошибаетесь!»⁴⁸ Похожие моральные оценки Биддешагор даёт детским бракам и полигамии брахманов-кулинов, и главным основанием морализирования выступает не ссылка на шастры и священные

⁴⁶ Тагор 1965, 376.

⁴⁷ Vidyasagara 1976, P. 104–105.

⁴⁸ Ibid. P. 108–109.

тексты, которых у реформатора предостаточно, а сострадание к человеку – женщине, находящейся под гнётом традиционных предписаний.

Художественная литература Бенгалии XIX – начала XX в., возможно, воплощает феномен морализаторства с большей силой воздействия на общество, нежели даже деятельность реформаторов-брахмистов и неоиндуистов – по причине образного выражения идей новой этики и моральных императивов и стремления писателей воспитывать и просвещать читателей. На мой взгляд, бенгальская литература от Перичанда Митро и до Рабиндраната Тагора и далее стала живым олицетворением совершённой Раммоханом Раем этической революции, так как сознание творцов было пропитано представлениями новой гуманистической нормативной этики о должном поведении. К тому же они были убеждены в решающей силе просвещения, и всеми доступными средствами ему содействовали. Литература стала наилучшим из них.

Этот момент хорошо виден в эссе Бонкимчондро Чоттопаддхай «Полигамия», посвящённом реформаторской кампании И. Биддешагора. Писатель безусловно согласен с реформатором в том, что полигамия – «очень плохой обычай», противоречащий естественному праву, вредный для общества, и потому от неё следует отказаться. Однако, отрицательно оценив обычай, он отмечает, что Биддешагор и его противники избрали один и тот же метод – апелляцию к шастрам, в которых каждая сторона находит опору в противоречащих друг другу аргументах. Поскольку обычай в обществе сильнее шастр, ссылки на последние вряд ли будут способствовать отмене полигамии⁴⁹. Вместе с тем, благодаря распространению современного образования, европейским законам и общему прогрессу представители высших каст уже постепенно отказываются от полигамии. «Вероятно, что в короткое время это полностью исчезнет... – пишет Бонкимчондро. – Уверен, что это исчезновение произойдёт *в результате хорошего образования* (курсив мой. – Т.С.)»⁵⁰.

В социально-бытовых романах Бонкимчондро поднял те же проблемы, решить которые взялся Биддешагор. В «Ядовитом дереве» писатель показал сложность решения проблемы пожизненного вдовства через вторичное замужество – в семейной трагедии образованного заминдара Ногендро, который женился на юной вдове Кундонондини при жизни первой жены Шурджомукхи. Разлад с женой и трагическая смерть Кундо в романе позволили писателю выразить базовые идеи его этики: невозможность счастья, если несчастен другой человек, и моральная небезупречность забвения долга ради личной выгоды⁵¹. При этом Бонкимчондро удаётся осудить и пожизненное вдовство, и поли-

⁴⁹ Chatterjee 1986, P. 77, 71–72.

⁵⁰ Ibid. P. 77.

⁵¹ Чоттопаддхай 1962, 111–112.

гамию, и одновременно пробудить в читателе *сострадание* к героям-жертвам несправедливого порядка. Похожая коллизия – в «Завещании Кришноканто», где героиня-вдова Рохини гибнет от руки любимого человека, оставившего ради неё свою жену. «Если благополучие общества зависит от вдовства женщин, то почему не существует закон о длительном вдовстве мужчин по смерти их жён?»⁵² – для Бонкимчондро это и нравственная, и социальная проблема.

Феномен морализаторства в художественной литературе Бенгалии XIX – начала XX в. представлен в литературе и драматургии такими известными именами, как Перичанд Митро, Калипрошонно Шинхо, Динобондху Митро, Рамнарайон Торкоротно, Умешчондро Митро, Майкл Модхушудон Дотто и Бонкимчондро Чоттопаддхай; в новом веке традицию морализирования продолжает Шоротчондро Чоттопаддхай. При всём несходстве и разнообразии сюжетов, тем и форм произведений, в них обнаруживаются ключевые характеристики феномена, общие для всех авторов и их творений. (См. таблицу на с. 92-93).

Наиболее ярко морализаторство воплощено в жанрах социально-бытового романа, сатирической драмы и комедии. Преобладающий объект морализирования (оценки) – индуистская община и её институты, прежде всего семья, а также молодое поколение; кроме того, это моральный облик простого народа, угнетаемого колонизаторами и местными заминдарами – здесь заведомо присутствует известная идеализация, обусловленная самим фактом сострадания автора к их положению (Д. Митро) и восходящая к высокой оценке Р. Раем нравственных качеств простых индийцев⁵³. Предметом морализирования в художественной форме являются прежде всего такие темы, как обычаи и традиции, связанные с заключением брака (кулинизм, полигамия, детские браки, пожизненное вдовство), положением женщины, кастовыми правилами, чуть позже (у Б. Чоттопаддхая) появляется тема любви, брака и семейного счастья. Особая тема – последствия восприятия западных идей в виде имитации английского образа жизни, а также стяжательство и угнетение народа. Тема традиционализма и стремления хранить незыблемыми обычаи прошлого не менее важна – как обратная сторона «вестернизации». На фоне обеих тенденций – имитации западного образа жизни и традиционализма поднимает тему достойного воспитания детей (П. Митро). Цель, так или иначе присутствующая в мысли авторов, – преобразование морального сознания индуистской общины, воспитание личности на примере нравственного поведения положительных героев, которым противостоят (или сопутствуют) герои отрицательные (в чём хорошо видно влияние традиционных канонов ин-

⁵² Товстых 1965, 188.

⁵³ См.: Roy 1982, Vol. II, P. 296.

дийской литературы), или же на показе сложных коллизий, через которые проходят герои, выбирая тот или иной путь морального действия.

Основанием для оценки событий и поведения героев становится нормативная этика в её брахмоистской или неоиндуистской трактовке, представляющаяся автору *подлинной* этикой индуизма. Так, в общей позиции П. Митро прочитываются заповеди «Брахмо Дхормо Гронтох» в сопоставлении добродетельного Рамлала и беспутного Мотилала, а в сострадании и прощении Мринал к оступившейся героине «Сожжённого дома» Очоле у Шоротчондро очевидно воздействие неоиндуистской этики Свами Вивекананды.

Ориентиром для личности представляется (явно и скрыто) следование должному нормативной этики – долгу/дхарме, истине, справедливости, забота об интересах других людей и недопустимость эгоизма. Поэтому в любом из произведений писателей и драматургов решается проблема расхождения между должным и сущим – этическими нормами индуизма, заповеданными в Упанишадах, у Ману и в Бхагавадгите, и повседневным поведением людей в общине, предпочитающих держаться за обычаи, ритуалы и привычные образцы поведения, или же бросаться в другую крайность – отбрасывать традицию в целом вместе с этическими нормами и бездумно имитировать чужое. Эта проблема описана на разном материале – от истории порочного сына богача у П. Митро и внутрисемейного конфликта и до историй женщин и мужчин в контекстах социальных обстоятельств; при этом варианты оценки – собственно морализирования – редко бывают однозначно позитивны или негативны, когда речь идёт о поведении героев.

Однозначно осуждается аморальное поведение, но герою автор может дать шанс раскаяться и получить прощение (П. Митро). Осуждаются обычаи и установления социальных институтов (в первую очередь семьи) – как безусловное зло с негативными последствиями и для личности, и для семьи, и для общества, хотя не всегда автор с уверенностью называет рецепт искоренения социального зла (Шоротчондро Чоттопаддхай). Оступившихся и/или «падших» героинь автор не осуждает, а скорее видит в них жертв общества и обстоятельств и сочувствует их попранному достоинству. Более сурово оценивается поведение мужчин, особенно их эгоизм, лицемерие и пренебрежение интересами ближних. Однако, рисуя расхождение между требованиями морали и поведением людей, бенгальские писатели и драматурги понимают, насколько сложным для человека и общества оказывается решение нравственных коллизий и последствия выбора для человека.

Общим результатом морализирования для всех авторов является очевидная или подразумеваемая мысль, адресованная читателю: несмотря на всю сложность жизненных коллизий, люди должны вести себя человечно и придерживаться моральных заповедей индуизма.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ФЕНОМЕНА МОРАЛИЗАТОРСТВА

Принадлежность к движению	Брахмо Самадж			
Автор	Перичанд Митро	Калипрошонно Шинхо	Динобондху Митро	Рамнарайон Торкоротно
Произведения	«Баловень богатого дома»	«Эскизы совы»	Зеркало индиго»; «Насильственное вдовство», «Женитьба старого глупца»	«Честь брахмана-кулина превыше всего»; «Новая драма»
Жанр	Роман	Сатирический рассказ	Драма	Комедия
Объект морализаторства	Индуистская община, семья, молодое поколение	молодое поколение	Иностранные плантаторы, Индуистская община, семья.	Индуистская община, семья
Предмет / тема	Кулинизм, полигамия, детские браки, стяжательство, бесправие женщин, имитация западного образа жизни, воспитание детей.	Имитация западного образа жизни	Несправедливость эксплуатации, пожизненное вдовство	Кулинизм, детские браки, пожизненное вдовство, полигамия
Цель морализирования	Преобразование морального сознания индуистской общины, воспитание личности (на примере нравственного поведения положительных героев, следующих моральным ценностям)			
Основание оценки	Нормативная этика, выработанная в брахмоистской или неоиндуистской мысли, представляемая как <i>подлинная этика индуизма</i>			
Ориентир для личности (должное)	Этические ценности, страдание, недопустимость эгоизма	Следование национальным этическим ценностям	Справедливость, недопустимость жестокости	Недопустимость эгоизма
Проблема и материал её анализа	Расхождение между <u>должным</u> (этическими ценностями и моральными нормами) и повседневным поведением			
	История порочного сына богача	Поведение образованной молодёжи	Положение угнетаемых крестьян; обычаи индуистов	Внутрисемейный конфликт

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Принадлежность к движению			Неоиндуизм	
Автор	Умешчондро Митро	Майкл Модхушудон Дотто	Бонкимчондро Чоттопаддхай	Шоротчондро Чоттопаддхай
Произведения	«Замужество вдовы»	«И это называется цивилизацией?»; «Оперение старого попугая»	«Ядовитое дерево»; «Индира»; «Завешание Кришноканто»; «Деви Чоудхурани» и др.	«Деревенское общество»; «Девушка на выданье»; «Сбившийся с пути»; «Сожжённый дом» и др.
Жанр	Драма	Драма	Роман, повесть	Роман, повесть
Объект морализаторства	Индуистская община, семья	Молодое поколение, индуистская община.	Индуистская община, семья, молодое поколение, отношения мужчин и женщин	Индуистская община, семья, отношения мужчин и женщин
Предмет /тема	Детские браки, пожизненное вдовство	Имитация западного образа жизни, традиционализм и ортодоксия, кастовые правила, Несправедливость эксплуатации	Положение женщин, имитация западного образа жизни, пожизненное вдовство, семейное счастье, полигамия, стяжательство, кастовые установления	Положение женщин, пожизненное вдовство, традиционализм
Цель морализирования	Преобразование морального сознания индуистской общины, воспитание личности (на примере нравственного поведения положительных героев, следующих моральным ценностям)			
Основание оценки	Нормативная этика, выработанная в брахмоистской или неоиндуистской мысли, представляемая как <i>подлинная этика индуизма</i>			
Ориентир для личности (должное)	Сострадание	Справедливость	Следование дхарме, бескорыстие, справедливость, сострадание, прощение	Сострадание, милосердие, долг как ценность индуизма, прощение
Проблема и материал её анализа	Расхождение между должным (этическими ценностями и моральными нормами) и повседневным поведением			
	История юной вдовы	Внутрисемейный конфликт	Внутрисемейный конфликт, истории женщин (замужних и вдов)	Внутрисемейный конфликт, истории женщин, истории мужчин

Феномен морализаторства в Бенгальском Ренессансе имел результатом в первую очередь формирование направления мышления о вопросах этики и морали, а также складывание общей модели морализирования в художественной культуре, при этом второе есть продолжение первого. Бенгальские интеллектуалы определили для себя высокий образ этики индуизма и предложили её истолкование обществу – истолкование новое, но подкреплённое авторитетом священных текстов индуизма. Его сердцевиной стало характерное и для брахмоизма, и для неоиндуизма перенесение акцента с формы на содержание религии и «просвещённое» представление о Боге и о человеке. Желая возрождения общества, бенгальские деятели культуры сосредоточили внимание на средствах для этого; и одним из этих средств – наряду с реформаторством – оказалось просвещение, смыслом которого было воспитание нового человека, человека нравственного, ориентированного на «благую жизнь с другим и для другого в справедливых институтах».

Одним из путей воспитания личности и развития общества было образование, другим – литература и театр, и потому создатели бенгальской прозы и драм выступили в роли моралистов. Образ этики, созданный в трактатах и публицистике, задал основание общей модели морализирования через художественные образы и повествование. В литературе и драматургии, с одной стороны, продолжают традиции индийской классической драмы (и отчасти народного театра) – в чётком разграничении положительных и отрицательных героев, вознаграждении добродетели и наказании порока. С другой стороны, герои реализуют свободу нравственного выбора между достойным и недостойным поведением, ориентируясь не только на дхарму и долг, но также на интересы других людей и собственные представления о должном. Само морализаторство имеет гуманистический характер, поскольку и долг, и этические принципы, и нормы поведения рассматриваются не только с позиции исполнения религиозных заповедей, но и с позиции права человека на счастье.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Рай Раммохан. Дар верующим в единого Бога // Вопросы философии. 2010. № 11. [Raj Rammohan. Dar verujushhim v edinogo Boga // Voprosy filosofii. 2010. № 11]
- Рай Раммохан. Краткое изложение веданты // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 138–150. [Raj Rammohan. Kratkoe izlozhenie vedanty // Voprosy filosofii. 2014. № 9. S. 138–150]
- Рай Раммохан. Иша-упанишада // Вопросы философии. 2016. № 4. С. 140–149. [Raj Rammohan. Isha-upanishada // Voprosy filosofii. 2016. № 4. S. 140–149]
- Рикёр П. Я-сам как Другой. М., 2008. [Rikjor P. Ja-sam kak Drugoj. M., 2008]
- Тагор Дебендронатх. Автобиография / Пер. с англ., вступ. ст. и примеч. Т. Г. Скороходовой. М.: ЦИИ ИВ РАН, 2007. 312 с. [Tagor Debendronath. Avtobiografija / Per. s angl., vstup. st. i primech. T. G. Skorohodovoj. M.: CII IV RAN, 2007. 312 s.]
- Тагор Рабиндранат. Собрание сочинений в 12-ти тт. / Пер. с бенг. и англ. Т. IX. М.: Художественная литература, 1965. [Tagor Rabindranat. Sbranie sochinenij v 12-ti tt. / Per. s beng. i angl. T. IX. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1965]

- Товстых И. А. Бенгальская литература. М.: Наука, 1965. 290 с. [Tovstyh I. A. Bengal'skaja literatura. M.: Nauka, 1965. 290 s.]
- Чоттопаддхай Бонкимчондро. Ядовитое дерево / Пер. с бенг. М.: Худож. лит., 1962. 430 с [Chottopaddhaj Bonkimchondro. Jadovitoe derevo / Per. s beng. M.: Hudozh. lit., 1962]
- Швейцер А. Мировоззрение индийских мыслителей. Мистика и этика / Пер. с нем. М.: Алетея, 2002. 288 с. [Shvejcer A. Mirovozzrenie indijskih myslitelej. Mistika i jetika / Per. s nem. M.: Aleteja, 2002. 288 s.]
- Bankim's Hinduism. An Anthology of Writing by Bankimchandra Chattopadhyay. Ed. by Sen Amiya P. New Delhi: Permanent Black, 2011.
- Chatterjee Bankim Chandra. Sociological Essays; Utilitarianism and Positivism in Bengal / Transl. & Ed. by S.N. Mukherjee, M. Maddern. Calcutta, Wild Peony, 1986. 206 p.
- Chaudhuri Nirad C. Autobiography of Unknown Indian. Mumbai, Delhi: Jaico Publishing House, 2003. XIII, 610 p.
- Collet S.D. (and Stead F.H.) The Life and Letters of Raja Rammohun Roy / Ed. D.K. Biswas and R.Ch. Ganguli. 3rd ed. Calcutta: Sadharan Brahmo Samaj, 1962. IX, 563 p.
- Datta Amlan. Religion and Rationalism: Road to Emancipation / Raja Rammohun Roy and the New Learning / Ed. by B.P. Barua. Calcutta: Orient Longman, 1988.
- Dasgupta Subrata. Awakening: The Story of the Bengal Renaissance. L., Noida: Random House India, 2011. 484 p.
- Dasgupta Subrata. The Bengal Renaissance: Identity and Creativity from Rammohun Roy to Rabindranath Tagore. Delhi: Permanent Black, 2012. 280 p.
- Sen Keshub Chunder. Lectures in India. Calcutta: Navavidhan Publ. Committee, 1954. XI, 551 p.
- Tagore Devendranath. The Autobiography. Transl. from Original Bengali by Satyendranath Tagore and Indira Devi. Calcutta: S.C. Lahiri & Co., 1909. 195 p.
- Roy Raja Rammohun. The English Works / Ed. J.C. Ghose. New Delhi: Cosmo, 1982. 978 p.
- Vidyasagar Ishvarchandra. Marriage of Hindu Widows / With an Introduction by A. Poddar. Calcutta: Naya Prokash, 1976. XVI, 144 p.
- Vivekananda Swami. Complete Works. 12th ed. Mayavati-Almora: Advaita Ashrama, 1998–2002.

Скороходова Татьяна Григорьевна, доктор философских наук, профессор, Пензенский государственный университет; skorokhod71@mail.ru

Moralism as the phenomenon in the thought and culture of the Bengal Renaissance

The phenomenon of moralism in the thought and culture of the Bengal Renaissance (19th – early 20th cc.) is described as the result of transformation of an idea of morality, moral consciousness and moral life in religious philosophy and reformation practice by Rammohun Roy, thinkers of the Brajmo Samaj (Devendranath Tagore and Keshubchandra Sen) and of Neo-Hinduism (Bankimchandra Chattopadhyay, Swami Vivekananda). An appearance of the phenomenon of moralism in 2nd half of the 19th c. was determined by ethical revolution in consciousness of the reformers and thinkers of first generations of the epoch. The moralism has two vectors: 1) creation and grounding of normative ethics as main component of Hinduism and, 2) moralizing as an evaluation of social life in correspondence of right norms and ethical ideal. The first one was more pronounced in social thought and journalism, and second one – in the Bengal culture. Moralizing was embodied more strongly in fiction and drama and it had humanistic spirit. The result of described processes was the focus on ethical problems and the emergence the general model of moralizing in liberal arts of India.

Keywords: Moralism, The Bengal Renaissance, religious thought, ethical revolution, normative ethics, moralizing in fiction

Tatiana Skorokhodova, Dr.Sc. (Philosophy), PhD (History), Professor, Department of Theory and Practice of Social Work, Penza State University; skorokhod71@mail.ru

С. О. БУРАНОК

КОЛОНИАЛЬНАЯ СИСТЕМА В ОЦЕНКАХ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ БАЛАНС И ПЕРСПЕКТИВЫ В 1945 г.¹

Исследования колониальной проблематики в условиях Холодной войны невозможны без привлечения прессы участников данных процессов. Изучение прессы США даст возможность более глубоко и конкретно осветить американские представления о практических подходах в международных отношениях в условиях трансформации миропорядка после Второй мировой войны. Анализ прессы показал, что в течение 1945 г. в американском общественном дискурсе происходила смена приоритетных подходов: рузвельтовский план ликвидации колониальных империй постепенно заменялся планами сохранения и использования колониальных империй и их опыта для решения новых задач внешней политики США.

Ключевые слова: колониализм, общественное мнение, пресса США, колониальные империи, Вторая мировая война

Вопросы о перспективах колониальной системы, переходе в эпоху постколониализма, о возможности применения опыта колониальных империй были одними из наиболее популярных и весьма дискуссионных в американском обществе на протяжении новейшей истории². Особенно он актуализировался в периоды после Великой войны³ и на завершающем этапе Второй мировой войны⁴. Изучение периодической печати США позволит определить более широкий набор моделей решения колониального вопроса, чем анализ только мнения экспертного сообщества и дипломатического корпуса, а главное, даст возможность более глубоко и конкретно осветить американские представления о практических подходах в международных отношениях в условиях трансформации миропорядка после Второй мировой войны.

В трудах как по истории американской журналистики, так и по эволюции общественно-политической мысли поднимался вопрос о влиянии идей ведущих комментаторов на информационную ситуацию эпохи начала «Холодной войны»⁵. Однако анализ «колониальной дискуссии» в творчестве ведущих журналистов США не был специальной

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20029).

² Postcolonialism: Critical concepts... Vol. 1–5; Ashcroft, Griffiths, Tiffin 2010; James-Chakraborty 2014; Cooper 2005.

³ Tompkins 1970.

⁴ Егорова 2014. С. 9; 2009.

⁵ Печатнов 1994; Юнгблуд 1998; Юрченко 2009; Ослон 2006; Черных 2013; Кузнецов 2010.

задачей этих исследований. Базой для изучения вопроса о развитии и эволюции «колониальной темы» в прессе США в 1945 г. являются результаты исследований Р. Даллека, Дж. Аронсона, Ф. Мотта, Э. Германа, в которых рассмотрены общие информационные тенденции американского общества и их связь с внешней политикой⁶. Предметный анализ того, как американские комментаторы видели колониальную систему в 1945 г., как относились к национально-освободительным движениям, как воспринимали европейский (особенно британский опыт) управления колониями проведён ещё не был.

Материалы американской прессы 1945 года, посвящённые поиску наиболее эффективной стратегии построения отношений как с колониальными империями, так и с зависимыми территориями, показывают, помимо прочего, устойчивый интерес СМИ США к негативному и позитивному опыту колониальной политики. Причём, данный опыт в печати, вольно или невольно, но постоянно сравнивался с американскими подходами и принципами, создавая устойчивый общественный дискурс, который охватывал не только «краеугольные камни» международных отношений 1945 г., но и актуализировал практически забытые (особенно в период 1941–1944 гг.) малайскую проблему, индийский вопрос, индокитайскую проблему. Анализируя американскую прессу под этим углом, важно определить и конкретное содержание каждой из «колониальных тем», и общий настрой редакторов и журналистов, применительно к перспективам колониальной системы в 1945 г. и тому практическому опыту, который могут предоставить колониальные империи в новых исторических условиях. Причем речь идет не только об анализе мнений прессы и позиций экспертов, политиков, но и о попытке взглянуть на колониальный вопрос как особый феномен интеллектуальной истории, непосредственно связанный с процессом принятия решений по внешней политике США 1945 г. Обоснованием существования такого подхода может служить то обстоятельство, что в «колониальную дискуссию» 1941–1945 гг. были вовлечены и высшие государственные лица (Ф. Рузвельт, К. Халл, С. Уэллс), и журналисты, «эксперты-международники» (У. Липпман, Р. Фрост, Э. Линдли).

Прежде чем начать анализ основных линий дискуссии по колониальному вопросу в американской прессе в 1945 г., следует упомянуть о фундаменте этого спора. После вступления США во Вторую мировую войну глобальный идейный конфликт изоляционистов и интернационалистов трансформировался в обсуждение различных взглядов на степень, характер и специфику будущей роли США в мире, что современниками было воспринято как безусловное поражение изоляцион-

⁶ Dallek 1983; Hunt 2009; Louis 1978; Mott 1962; Herman 1988; Louis 2006; Pietz 1988; Aronson 1973; Childs 1959; Emery 1984.

стов. Базовым и программным документом, оказывающим прямое или косвенное влияние на всех участников дискуссии, была Атлантическая хартия, особенности структуры и содержания которой породили споры не только между союзниками – США и Великобританией, но и среди американских журналистов⁷. И чем ближе была победа над Германией и Японией, тем чаще в прессе США возникала «колониальная проблема». Особое отношение в 1945 г. к этому вопросу показывает статья «Колониальная политика»⁸ Эрнеста Линдли, обозревателя *Washington Post*, тесно связанного с президентом Ф. Рузвельтом. Статья вышла 17 января 1945 г., и автор выделяет в ней несколько наиболее важных тезисов: во-первых, бывшие колонии на Тихом океане – это не только и не столько рынок сбыта для американских товаров; во-вторых, колонии, прежде всего, имеют стратегическую ценность как морские и воздушные базы; в-третьих, предназначение США защищать не только себя, но и Юго-Восточную Азию, Тихий океан⁹.

Историки, анализируя статью Линдли, делали упор на первые два тезиса, а также отмечали, что взгляды Линдли по отношению к Тихому океану шли вразрез с мнением военного министра Генри Стимсона, который считал, что на тихоокеанских островах уже нет никаких колоний, а только форпосты США¹⁰. Однако, в статье Линдли есть несколько мыслей, которые не привлекли внимание историков. Одна из таких мыслей: «Сейчас об этом редко говорят публично, но излечение колониальных районов, особенно в Тихом океане и Юго-Восточной Азии, возможно, является одной из самых трудноразрешимых проблем в организации мира»¹¹. Достаточно близкие идеи высказывались в главном печатном органе Института Тихоокеанских отношений в 1945 г.: Раймонд Кеннеди, сотрудник Этнографического бюро госдепартамента, назвал Малайю (как ключевую проблему Юго-Восточной Азии) «колонией без плана», указывая, что от конфигурации и структуры британской колониальной администрации зависит и судьба Сингапура, и социальные, экономические, политические процессы во всей Азии¹².

Линдли, опытный журналист, также беря за исходную точку размышлений ситуацию в Малайе, охарактеризовал сразу несколько важных, глобальных моментов продолжающейся в американской прессе «колониальной дискуссии». Во-первых, он хоть и подчёркивает территориальную привязку своих рассуждений к Тихому океану, но имеет в виду всю колониальную систему. Во-вторых, он говорит о лечении

⁷ Brinkley 1994; Wichhart 2013; Louis 2006; Hoopes 2000; 2007.

⁸ Winfield 1990. P. 65–67; Mar 2016. P. 125.

⁹ Washington Post. 1945.01.17. P. 9.

¹⁰ Mar 2016. P. 125; Teigrob 2006. P. 193–194.

¹¹ Washington Post. 1945.01.17. P. 9.

¹² Kennedy 1945. P. 225–226.

системы, что сразу вызывает у читателей совершенно закономерный ряд образов: колонии – это «больные территории» современности; колониализм – это порочная система; колонии нуждаются в исправлении. Содержание статьи не оставляет сомнений в том, кто, по мнению Линдли, должен взять на себя ответственность за лечение. В-третьих, журналист отмечает, что проблема обсуждается мало, но предсказывает её глобальное значение в послевоенном мире.

Своеобразным ответом на публикацию Линдли (и не только на статью «Колониальная политика») стала серия заметок в *New York Times* в январе 1945 г. о визите в США британского министра по делам колоний Оливера Стэнли. В выступлениях, как цитирует издание, министр заявил «Британия защищала и будет защищать колониальные правила» и очень высоко оценил успехи империи в создании эффективной системы управления; а самоопределение наций и самоуправление, согласно Стэнли, это «всего лишь один из трендов»¹³. Отдельно, министр коснулся палестинской проблемы, отметив, что Британия всегда уважительно относилась к арабам. Это был ответ не только Линдли, но и самому принципу американского подхода к колониальному вопросу: контроль и правила – вместо самоопределения; эффективная система и успехи – вместо «лечения» «болезненных территорий».

Публикация в ведущих американских изданиях таких полярных точек зрения демонстрирует устойчивый интерес американских журналистов не столько к самой колониальной проблеме (здесь, на январь 1945 г., преобладало мнение Ф. Рузвельта), сколько к возможностям её адаптации в послевоенном мире (именно поэтому Линдли говорит о «лечении»). При этом, по состоянию на период 1944–1945 гг., редакторы и журналисты США уверенно писали, что базовый колониальный опыт давно изучен – ещё после Великой войны, и выводы из этого опыта давно сделаны: поэтому так детально в 1918–1922 и 1944–1945 гг. прописывались «рецепты» самоуправления и самоопределения. Однако такой подход к колониальной теме, как и британский взгляд на проблему, категорически не устраивал владельца *New York Times* Артура Сульцбергера, и уже 21 января 1945 г. газета публикует письмо Американской ассоциации Палестины, призывающее Великобританию к «открытию Ближнего Востока», т.е. требует снять ограничения на еврейскую иммиграцию и обеспечить равные возможности на территории Палестины¹⁴. Здесь мы наблюдаем столкновение двух характерных подходов к обсуждению колониализма в американской прессе.

С одной стороны, журналисты прессы Северо-Востока указывали в 1944–1945 гг., что колониальные империи – архаичная, не нужная

¹³ *New York Times*. 1945.01.20. P. 1; *Daily Boston Globe*. 1945.01.20. P. 3.

¹⁴ *New York Times*. 1945.01.21. P. 1.

в современном мире структура, т.е. вели дискуссию об общих принципах и идеях колониальной проблемы, которая не ограничивалась в их представлении журналистов только Британской империей. В самом начале 1945 г. критике подверглись колониальные системы Голландии, Португалии, Франции¹⁵. С другой стороны, обсуждение региональных аспектов этой большой темы (палестинская проблема, индийская, тихоокеанская и т.д.) всегда вызывало более острые споры, так как в таком случае входили в соприкосновение не только факторы геополитического, стратегического, морального характера, но и экономические, социальные, политические мотивы представителей различных американских диаспор, общественных движений и организаций¹⁶.

Однако в этих обсуждениях колониальная проблема имела решение: демонтаж британской, французской и голландской колониальных империй и замена не только их структур, но и методов в международных делах объединением «четырёх полицейских» (США, Великобритания, СССР и Китай). Это решение опиралось на позицию Ф. Рузвельта по отношению, прежде всего, к колониализму: «Положение в Бирме отражается и на Индии, и на Французском Индокитае, и на Индонезии – все они связаны между собой. Если кто-нибудь из них добьётся свободы, в остальных начнётся брожение. Вот почему Уинстон так упорно стремится сохранить за де Голлем его положение. Де Голль не менее Черчилля заинтересован в сохранении колониальных империй»¹⁷.

В выступлениях Рузвельта о «четырёх свободах», в комментариях к Атлантической хартии и конференциям в Касабланке, Каире, Тегеране поэтапно формулировался взгляд не только на будущий мир, взаимодействие союзников, судьбу Европы, но и на перспективы колониальной системы: переход от колониальных методов в международной политике к реализации американских принципов в экономическом плане для «больших и малых народов», а так же международный контроль под эгидой «четырёх полицейских», вместо мандатной системы¹⁸. Но, как отмечает Лоуренс Фримен, «все планы Рузвельта по демонтажу британской колониальной империи наряду с французской, голландской и бельгийской, его видение вступления в новую эру развития, особенно для «колониального сектора», с окончанием империалистических методов XVIII века, с его смертью – мгновенно исчезли»¹⁹.

Изучение прессы второй половины 1945 г. показывает, что взгляд Рузвельта на колониальную систему как бесперспективную не исчез «мгновенно», смерть Рузвельта не вызвала резкую поляризацию обще-

¹⁵ Chicago Tribune. 1945.01.19. P. 10; Bianchi 1944. P. 96–100.

¹⁶ Cumings 1993; Arrighi 2001; McCormick 1995. P. 51.

¹⁷ Рузвельт Э. 1947. С. 86.

¹⁸ Behre 1943; Knight 1943; Wright 1943; The Problem of British Security, 1944.

¹⁹ Freeman 1997. http://american_almanac.tripod.com/lkffdr.htm

ственно-политического дискурса, но произошло расширение подходов в СМИ к теме будущего колоний. Очень показательными международными событиями, доказывающими существование нескольких подходов к колониальной системе в США, стали Сан-Францисская конференция 1945 г., Потсдамская конференция, капитуляция Японии. Американская пресса обозначила позиции основных участников дискуссии во время этого насыщенного исторического этапа. Полноса притяжения внимания общественного мнения можно обозначить как: позиция Уэллса, позиция Липпмана, позиция Сульцбергера, позиция Фроста.

В апреле 1945 г. Р. Маккормик предоставил полосы *Chicago Tribune* для критики не отдельных вопросов, а колониальной системы в целом. 16 апреля в *Chicago Tribune* вышла статья, отражающая точку зрения бывшего заместителя государственного секретаря США С. Уэллса. Он писал, что если конференция в Сан-Франциско намерена принести мир, то в ее повестку должен быть включён вопрос о колониях. Но его подход отличался от более известного подхода Липпмана, с которым дипломат полемизировал в данной статье. Липпман убеждал, что интересы США в Уэльсе на Аляске, на Гавайях, в Пуэрто-Рико и на Виргинских островах очень осторожно заставляют рассматривать колониальный вопрос. Уэллс на это возразил, что вопрос о военных базах, необходимых для национальной безопасности, отличается от вопроса о колониях. Оккупация территорий (необходимых для военных баз) влияет, по словам Уэллса, на жизнь нескольких тысяч людей; колониальная эксплуатация затрагивает миллионы. Он привлекал аргументы из области морали: «Национальная оборона не имеет ничего общего с той тиранией, которую развернула Великобритания по всему миру». В этой и других статьях по вопросам будущего колоний Уэллс последовательно развивал тезисы В. Вильсона, приспособлявая их не только к действительности 1940-х гг., но и сопоставляя со своим латиноамериканским опытом. Статья завершалась другим морально-политическим призывом: «мы не можем позиционировать себя, как страна, величайшую военную мощь которой может использовать любая мировая организация для продолжающихся злоупотреблений в Индии и в других местах ведущими расами, будь то английская, французская или голландская. Мы не можем возлагать свою власть на позорную эксплуатацию людей, которые, обладая значительной способностью к самоуправлению, были вынуждены подчиняться иностранным правителям, потому что им не хватает военной силы для освобождения»²⁰.

В этой публикации Уэллс продолжал развивать теорию о необходимости предоставления колониальным народам независимости под опекой международного органа: «То, что происходит на Яве и во фран-

²⁰ Chicago Tribune. 1945.04.16. P. 14.

цузском Индокитае, – это вспышка огня, который горел яростно, задолго до войны. Это проявление страстного желания цветных народов обрести независимость – и это не новость»²¹. С помощью этого тезиса Уэллс выходил на более широкие обобщения: «Восточные расы преисполнены решимости положить конец их подчинению Западу. Они требуют свободы и самоуправления»²². Здесь Уэллс не только обосновывает противопоставление Востока и Запада в контексте колониального вопроса, но и прямо переносит американский политический опыт на «восточные расы» (в данном случае, это синоним слова «колониальные»), предлагая с помощью методов, апробированных в истории США, уже не излечить колониальную систему, а ликвидировать её.

В статьях Уэллс выступает сторонником взглядов Рузвельта, даже радикализируя их, предостерегая будущую ООН от поддержки колониальных методов. Для создания перед Сан-Францисской конференцией определённого общественного настроения Маккормик не ограничился публикацией статьи Уэллса. 21 апреля 1945 г. в *Chicago Tribune* выходит статья «Новый курс для Новой Гвинеи», где, несмотря на заголовок, затрагиваются общие проблемы колониальной системы: «На следующей неделе мы должны стать свидетелями созыва торжественного конклава в Сан-Франциско, одной из целей которого является создание всемирного экономического и социального совета, который на языке Думбартона-Окса «должен способствовать решению международных экономических, социальных и других гуманитарных проблем и поощрения прав человека и основных свобод». Мы должны предположить, что если бы Австралия и другие колониальные державы действительно хотели что-то сделать для улучшения положения своих эксплуатируемых туземцев, то можно было бы найти удобные методы. А существующие методы превосходно приспособлены для поддержания рабства и пеонажа в Новой Гвинее, на Яве, в Индокитае, Малайе и во всем мире. Отмена этих методов может затянуться очень надолго, ведь главной целью колониальной системы является эксплуатация людей»²³. Уэллс связывал решение колониальных проблем европейских держав с сочетанием двух важных факторов: рыночной экономики и американских социальных (и даже шире – гуманитарных) принципов, базовым из которых должны стать права человека²⁴, что сближает его позицию в экономическом подходе с «принципами К. Халла», выраженными ещё в 1941 г.: ограничение экономического национализма империй; ликвидация дискриминации в международной торговле; общедоступные ис-

²¹ The Washington Post. 1945.03.28. P. 8.

²² The Washington Post. 1945.10.24. P. 4.

²³ Chicago Tribune. 1945.04.21. P. 10.

²⁴ Blouet 2001. P. 125–133.

точники сырья; создание системы международных финансов для активизации предпринимательской активности в мире²⁵.

К взглядам Уэллса близок Х. Джилкрист, который занимался перед войной проблемами мандатной системы в Лиге Наций. В октябре 1945 г. Джилкрист опубликовал в *The American Political Science Review* статью о колониальном вопросе, где прямо указал: «Печальный опыт управления колониями ряда европейских стран стал основной причиной большого количества дискуссий»²⁶. Он доказывает, что колонии – это не проблема отдельных государств, это международная проблема, и США, освободившие большую часть колоний силой своего оружия имеют решающий голос в определении их будущего: в области модернизации управления, самоопределения и самоуправления.

Таким образом, главный урок, который извлекли и Уэллс, и Джилкрист из истории Второй мировой войны, из опыта колониальных империй, из истории колониализма, урок, который можно было применить в современных ему условиях, – это наделение колоний собственным «Биллем о правах» до того, как там произойдет революционный взрыв. В.Т. Юнгблюд пишет, что план Уэллса «не был умозрительной схемой», а представлял эффективную систему контроля и управления, апробированную на Латинской Америке²⁷. В апреле 1945 г. Уэллс уже переносил свой проект на весь мир, дважды подчёркивая в небольшой статье глобальный характер своих взглядов.

Тон статей Уэллса демонстрирует явное понимание того, что решение колониального вопроса должно лечь на Соединённые Штаты, так как существующие колониальные империи ничего не хотят сделать для улучшения положения²⁸. Бывший заместитель государственного секретаря делает прямое противопоставление негативного колониального опыта (рабство, пеонаж, эксплуатация) и позитивного американского опыта (права человека, основные свободы).

Уолтер Липпман и в своей регулярной колонке «Сегодня и завтра», и в отдельных статьях полемизировал как с постулатами вильсонизма, так и с изоляционистами, получив к 1944–1945 гг. всеобщее признание в качестве «законодателя мод» по вопросам внешней политики²⁹. В центре внимания Липпмана находились вопросы общего миропорядка после победы, особенностей взаимодействия США и СССР, помощи Европе. Перспектив колониальной системы в 1945 г. Липпман анализировал на основе тех же принципов, что и С. Уэллс: это эконо-

²⁵ Юнгблюд 1998. С. 160.

²⁶ Gilchrist 1945.

²⁷ Юнгблюд 1998. С. 53.

²⁸ Hanson 1994. P. 312.

²⁹ Юнгблюд 1998. С. 127.

мика, политические свободы, возможность применения американского опыта для колоний и, одновременно, колониального опыта для США³⁰.

Но если Уэллс строил логику своих размышлений от либеральных политических принципов к экономическим постулатам, то статьи Липпмана представляют собой обратный вариант. Весной 1945 г. Липпман обосновывая в нескольких публикациях в колонке «Сегодня и завтра» свой взгляд на будущее колониальной системы и её британской части, опасается, что американские деньги, направленные на помощь Великобритании, пойдут как раз «на поддержание архаичной колониальной системы», чем Америка нанесёт себе сразу три существенных удара: потратит значительные средства, упустит возможности влияния на «цветные народы», резко ограничит свой прогресс в мировой торговле³¹. Отсюда в мае 1945 г. Липпман делает вывод, что задача США, по крайней мере, в американо-британском контексте колониального вопроса – заменить Великобританию в мировой торговле, став главным «опекуном, регулятором и промоутером»³². Он проводит прямое сравнение – США XX века должны «унаследовать функции Великобритании XIX в.» Это не тот учет негативного колониального опыта, на котором акцентировал внимание Уэллс, здесь Липпман ставит вопрос даже не о преемственности этого опыта, а о его прямом переносе на современные мировые реалии. Ситуацию несколько сглаживает то, что в этих статьях Липпман пока рассуждает лишь об одной из сторон «имперского наследия Британии» – опыте в регулировании международной торговли, тогда как о колониальных методах управления он отзывался в традиционной для весны 1945 г. риторике («архаичная система»).

Но в октябре – ноябре 1945 г. фокус внимания Липпмана начинает смещаться с чисто экономических вопросов о перспективах колониальных империй на политические. Он пишет о конце Британской имперской истории, когда ресурсы колоний, одновременно, поддерживали и «славу империи», и обеспечивали себя. После победы, по мнению Липпмана, наступил новый исторический период, когда Великобритания оказалась должна колониям не только в экономическом плане, но и моральном. И империя оказалась перед очень дорогостоящей перспективой: многочисленные внутренние восстания в сочетании с необходимостью использовать силу для их подавления перед лицом общей крайне неблагоприятной экономической ситуации³³. Заключение Липпмана: если ничто не изменится, то Британская империя трансформируется из донора для Великобритании в поглотителя британских ресурсов.

³⁰ Robinson 1945. № 1. P. 51–55.

³¹ The Washington Post. 1945.03.20. P. 3.

³² The Washington Post. 1945.05.26. P. 2.

³³ The Washington Post. 1945.10.30.

Выводы Липпмана хорошо ложились на информационное поле второй половины 1945 г., где развивалась дискуссия о цене помощи Европе: не подорвёт ли эта помощь экономический фундамент Америки³⁴. Похожий подход к колониям в экономическом аспекте высказывал и другой известный в США журналист, экономист-эксперт Г. Фейс, многие годы проработавший в государственном департаменте: «Европейским колониальным державам не следует преодолевать собственные трудности за счёт своих колониальных владений»³⁵.

Другой журналист и эксперт – Ричард Фрост – строит свои рассуждения по близкой к Липпману схеме, но отталкиваясь от сравнения современного британского опыта (прежде всего, дискуссий в парламенте 1943 г.) и исторического опыта. Фрост пишет, что и министр колоний Стэнли, и парламентарии определили в качестве главного принципа управления в колониях – «попечительство». Фрост открыто недоумевает, как такое возможно в современных условиях, когда подобное «попечительство» процветает уже более ста лет. Его вывод: видимо, требуется ещё один экономический стресс для Британской империи, чтобы понять – необходимо активное строительство социальной и экономической стабильности в колониях как подготовительный этап для развития самоуправления. А чтобы изменить британские подходы к колониальной экономике, необходимы радикальные изменения политической философии Великобритании³⁶. Выводы Фроста о перспективах колониальных империй были очень близки к позиции Липпмана, только Фрост делал больше акцент на осмысление британского опыта, доказывая его несостоятельность в современном мире.

Липпман предложил взгляд на ту же тему под новым углом: американская экономическая помощь будет использована колониальными империями для сохранения своего положения, что, в первую очередь, ударит по самим Штатам в виде неблагоприятных тарифов, а в более долгосрочной перспективе – спровоцирует восстания в колониях, что может быть использовано Советским Союзом для политического переориентирования колониальных народов Азии и Африки³⁷.

Последний тезис развивал в газетных публикациях и Э. Линдли, поднимая вопрос о последствиях быстрой деколонизации: «Шум свободы в колониях имеет оттенок религиозного фанатизма», не получится ли, что поддержка колониальных империй окажется более результативным и эффективным средством для поддержания безопасности в мире³⁸. В течение всего 1945 г. Линдли старался избегать крайних оце-

³⁴ Chicago Tribune. 1945.07.21. P. 1.

³⁵ Юнгблуд 1998. С. 180.

³⁶ Frost 1945.

³⁷ Печатнов 1994. С. 267.

³⁸ The Washington Post. 1945.01.17. P. 3.

нок перспектив колониальной системы, акцентируя внимание читателей на том, что сразу давать полную свободу всем народам на Ближнем и Дальнем Востоке – никто и не думает³⁹. Похожую осторожность высказывал со страниц *New York Times* Сульцбергер: в статьях о кризисе в Алжире, прямо или косвенно, затрагивался вопрос – не повлечёт ли за собой полное устранение Франции из Северной Африки быстрой дестабилизации всего региона, восстаний и революций⁴⁰.

Этот осторожный тон иногда прослеживался и в публикациях Липпмана (что и вызвало дискуссию с С. Уэллсом): с одной стороны, надо быть очень аккуратными в определении колониального режима как «устаревшего», чтобы точно так же не определили «наш собственный режим»; с другой стороны, нельзя отождествлять все политические процессы в колониях, как демократические и прозападные⁴¹.

Можно констатировать, что в период 1944–1945 гг. большинство наиболее авторитетных и читаемых в США журналистов сконцентрировались на европейской политике, которая представлялась и в Белом доме, и в госдепартаменте, и в СМИ – краеугольным камнем американской внешней политики. Поэтому, с одной стороны, взгляды на колониальную систему и модели решения колониального вопроса формировались в США под явным влиянием европейского фактора международных отношений: Липпман, Линдли, Уэллс, Сульцбергер оперировали для доказательства необходимости трансформации или ликвидации колониальных империй целым набором тезисов, отсылающих к европейской политике (европейские державы получают экономическую выгоду от ликвидации колоний; Европа получит от США экономическую помощь; Европа использует непопулярные и устаревшие методы управления). Так или иначе, но в центре колониального вопроса оставалась европейская политика США, а принципы Атлантической хартии, прав и свобод колониальных народов, самоопределения для наций выглядели у журналистов лишь средством формирования новой системы отношений между США и Европой. Но в статьях упомянутых политиков и журналистов просматривается и другой фактор влияния на выработку подходов к колониальной теме: это внимание Советского Союза к национально-освободительным движениям в Азии и Африке. Особенно быстро растущее влияние этого фактора прослеживается в публикациях с осени 1945 г., когда и Линдли, и Липпман начинают обсуждать негативные эффекты деколонизации, указывая, что распад империй, безусловно, откроет для США новые рынки, но, одновременно, «политический вакуум» в колониях может быть заполнен коммуни-

³⁹ The Washington Post. 1945.12.07. P. 7. The Washington Post. 1945.12.07. P. 7.

⁴⁰ New York Times. 1945.06.08. P. 5; New York Times. 1945.07.12. P. 5.

⁴¹ The Washington Post. 1945.10.30; The Washington Post. 1946.02.28.

стами, либо, как вариант другого сценария, – радикальный процесс освобождения колоний от Европы неминуемо скажется на экономике всего региона, буквально подтолкнув европейцев (сначала в экономическом, потом и в морально-политическом плане) к коммунизму⁴².

Поэтому в американском общественном дискурсе конца 1945 г. начинает складываться сразу несколько новых подходов к оценке перспектив колониальной системы. Первый подход: сохранение колониальных империй, особенно в ключевых точках послевоенного мира: Ближний Восток, Индокитай, Северная Африка. Второй подход: сохранение Британской колониальной империи, способной (при поддержке США) контролировать Средиземноморье, Ближний Восток, Юго-Восточную Азию, решая, тем самым, сразу две задачи: сырьевое обеспечение американской экономики, контроль над повстанческими и национально-освободительными силами. Третий подход: замена колониальных империй американским военным присутствием для выполнения тех же задач. Но второй и третий варианты актуализировали в американском общественном и академическом дискурсе ещё более сложные вопросы: какую форму военных операций потребует такого рода поддержка, какой должна быть конфигурация военно-политического планирования, какова глобальная перспектива возможного военного вмешательства США в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке. Иными словами, в самом конце 1945 г. ведущие журналисты США по колониальной теме подошли к постановке чрезвычайно многогранной проблемы: об историческом моделировании асимметричных конфликтов в «странах третьего мира» в контексте начинающейся Холодной войны и в контексте опыта глобальных колониальных империй.

Данные подходы в 1945 г. находились лишь в стадии формирования. Их широкое обсуждение в государственных структурах, экспертном сообществе и СМИ придётся уже на 1946–1949 гг. Но каждая из новых моделей потребовала нового идейного фундамента для обсуждения, нового осмысления экономического, социального и гуманитарного знания, нового анализа колониального опыта.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Егорова Н.И. «Новая история холодной войны» в современных зарубежных исследованиях // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 116–129. [Egorova N.I. «Novaja istorija holodnoj vojny» v sovremennyh zarubezhnyh issledovanijah // Novaja i novejsjaja istorija. 2009. № 4. S. 116–129]
- Егорова Н.И. Холодная война в освещении новейшей российской историографии // Электронный научно-образовательный журнал История. 2014. № 7 (30). С. 9. [Egorova N.I. Holodnaja vojna v osveshhenii novejshej rossijskoj istoriografii // Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal Istorija. 2014. № 7 (30). S. 9]

⁴² The Washington Post. 1945.10.30.

- Кузнецов Д.В. Взаимодействие внешней политики и общественного мнения в США: некоторые актуальные вопросы. М.: Благовещенск, 2010. [Kuznesov D.V. Vzaemodejstvie vneshnej politiki i obshchestvennogo mneniya v SSHA: nekotorye aktual'nye voprosy. M.: Blagoveshchensk, 2010]
- Ослон А. Уолтер Липпман о стереотипах: выписки из книги «Общественное мнение» // Социальная реальность, 2006, № 4. [Osłon A. Uolter Lippman o stereotipah: vypiski iz knigi «Obshchestvennoe mnenie» // Social'naya real'nost', 2006, № 4]
- Печатнов О.В. Уолтер Липпман и пути Америки. М.: Международные отношения, 1994. 278 с. [Pechatnov O.V. Uolter Lippman i puti Ameriki. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994. 278 s.]
- Рузвельт Э. Его глазами. М.: ИИЛ, 1947. 292 с. [Ruzvel't Je. Ego glazami. M.: IIL, 1947]
- Черных А. Мир современных медиа. М.: Directmedia, 2013. [CHernyh A. Mir sovremennyh media. M.: Directmedia, 2013]
- Юнгблюд В.Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 годов. Киров: ВГУ, 1998. [Yungblyud V.T. Vneshnepoliticheskaya mysl' SSHA 1939–1945 g. Kirov: VGGU, 1998]
- Юрченко Е.И. Внешний мир и картины в наших головах" Уолтера Липпмана. Актуальность проблемы в современном обществе // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 2(18). С. 156–163. [YUrchenko E.I. Vneshnij mir i kartiny v nashih golovah" Uoltera Lippmana. Aktual'nost' problemy v sovremennom obshchestve // EHtnosocium i mezhnacional'naya kul'tura. 2009. № 2(18). S. 156–163]
- Aronson J. The Press and the Cold War. Boston: Beacon Press, 1973.
- Arrighi G., Silver B. Capitalism and World (Dis)order // Review of International Studies. 2001. Vol. 27. № 5. P. 257–279.
- Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures. L., N.Y.: Routledge, 2010. 282 p.
- Behre C.H. Mineral Resources and the Atlantic Charter // Geographical Review. 1943. No. 3. P. 482–486.
- Bianchi J. Portugal's colonial policy // World Affairs. 1944. № 2. P. 96–100.
- Blouet B.W. Geopolitics and Globalization in the Twentieth Century. London: Reaktion Books, 2001. 204 p.
- Borgwardt E. A new deal for the world: America's vision for human rights. Harvard: Harvard University Press, 2007. 480 p.
- Brinkley D.G. Facey-Crowther D. The Atlantic Charter. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1994. 202 p.
- Chicago Tribune. 1945.
- Childs M. Walter Lippmann and His Times. New York: Harcourt Brace, 1959.
- Cooper F. Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History. Berkeley, Los Angeles, London: Berkeley University Press, 2005. 327 p.
- Cummings B. What is in a Rim? Critical Perspectives on the Pacific Region Idea. Boulder: Westview Press, 1993. 341 p.
- Daily Boston Globe. 1945.
- Dallek R. The American Style of Foreign Policy: Cultural Politics and Foreign Affairs. New York: Knopf, 1983.
- Emery E. The Press and America: An Interpretive History of the Mass Media. 5th ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1984.
- Freeman L.K. Roosevelt's 'Grand Strategy' to Rid the World of British Colonialism: 1941–1945 // The American Almanac, July 14, 1997.
- Frost R.A. Reflections on British Colonial Policy // Pacific Affairs. 1945. No. 4. P. 309–320.
- Gilchrist H. Colonial Questions at the San Francisco Conference // The American Political Science Review. 1945. № 5. P. 982–992.
- Hanson G. Ordeal Liberty: Sumner Welles and the Crowder Welles Connection in the Caribbean // Diplomatic History. 1994. № 13. P. 312–330.
- Herman E. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. New York: Pantheon Books, 1988.

- Hoopes T., Brinkley D. FDR and the Creation of the U.N. New Haven: Yale U.P., 2000. 300 p.
- Hunt M. Ideology and U.S. Foreign Policy. Yale: Yale University Press, 2009.
- James-Chakraborty K. Beyond Postcolonialism: New Directions for The History of Nonwestern Architecture // *Frontiers of Architectural Research*. 2014. № 3. P. 1–9.
- Kennedy R. Malaya: Colony without Plan // *Far Eastern Survey*. 1945. №. 16. P. 225–226.
- Knight M.M. The Atlantic Charter and Africa from an American Standpoint // *Political Science Quarterly*. 1943. No. 1. P. 141–142.
- Louis W.R. Ends of British Imperialism: The Scramble for Empire, Suez and Decolonization. London: I.B.Tauris, 2006. 1065 p.
- Louis W. Imperialism at Bay: The United States and the Decolonization of the British Empire, 1941–1945. New York: Oxford University Press, 1978.
- Mar T. Decolonisation and the Pacific. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 275 p.
- McCormick T. America's Half-Century: United States Foreign Policy in the Cold War and After. Baltimore: Johns Hopkins University, 1995. 280 p.
- Mott F. American Journalism. New York: Macmillan, 1962.
- New York Times. 1945.
- Pietz W. The "Post-Colonialism" Of Cold War Discourse // *Social Text*. 1988. № 19/20. P. 55–75.
- Postcolonialism: Critical concepts in literary and cultural studies. Ed. by D. Brydon. L.; N.Y. Routledge, 2000. Vol. 1–5.
- Robinson N. Problems of European Reconstruction // *The Quarterly Journal of Economics*. 1945. № 1. P. 51–55.
- Teigrob R. Warming Up to the Cold War: Canada and the United States Coalition of the Willing, from Hiroshima to Korea. Toronto: University of Toronto Press, 2006. 312 p.
- The Problem of British Security // *International Affairs*. 1944. No. 3. P. 390–401.
- The Washington Post. 1945.
- Tompkins E.B. Anti-Imperialism in the United States: The Great Debate 1890–1920. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1970. 352 p.
- Washington Post. 1945.
- Wichhart S.K. Selling Democracy During the Second British Occupation of Iraq 1941–1945 // *Journal of Contemporary History*. 2013. No. 3. P. 509–536.
- Winfield B. FDR and the News Media. Chicago: University of Chicago Press, 1990.
- Wright Q. United Nations-Phrase or Reality? // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1943. Vol. 228. P. 1–10.

Буранок Сергей Олегович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, права и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета; witch-king-1@mail.ru

The Colonial System: Balance and Its Future as Seen in the American Press of 1945

No research in the colonial system issues during the Cold War would be complete without studying the press of the participating parties. In order to give a detailed analysis of the international relationships in terms of the global transformations from the American point of view, the author draws relevant newspaper articles published after the World War II. The results have shown changes to priority schemes as viewed in American social discourse during 1945. Roosevelt's plan for the dismantling of the colonial empires was gradually replaced with less radical plans, which presupposed using the colonial experience for foreign policy of the USA.

Keywords: colonialism, public opinion, the US press, colonial empires, World War II

Sergey Buranok, D.Sc. (History), Assistant Professor of Chair of World History, Law and method of Education, Samara State Pedagogical University; witch-king-1@mail.ru

А. М. СМОРЧКОВ

РИМСКИЕ БОГИ НА ЧУЖОЙ ТЕРРИТОРИИ СВОИ ИЛИ ЧУЖИЕ БОГИ?¹

В статье на основе анализа особенностей «военных ауспиций» (*auspicia militiae*) исследуется восприятие римлянами своих богов вне своей территории. Особый характер «военные ауспиции» приобретали благодаря ритуалам, совершаемым полководцем перед выходом на войну (т.н. «ауспиции выхода»). Создавая в военном лагере место для гадания (*auguraculum*), полководец создавал кусок «римской земли» (*ager Romanus*), с которой он «общался» с богами. Тем самым устанавливалась связь со «своими» богами, которые оставались богами только римской территории. В этой практике отражена общинная стадия развития римского мировосприятия. Но здесь же заключены истоки универсалистских представлений средиземноморской державы.

Ключевые слова: Римская республика, боги, померий, *auspicia urbana*, *auspicia militiae*, «ауспиции выхода»

Для римского религиозного сознания, подобно другим народам, было характерно четкое осознание границы между миром своим и миром чужим. Большое значение как в общественном, так и в частном культе имели люстрационные («очистительные») обходы, разделявшие пространство на своё и чужое. Особую религиозно-политическую роль играл померий – священная граница Рима. Многие публично-правовые акты могли совершаться исключительно на т.н. «римской земле» (*ager Romanus*). Но ведь римским полководцам приходилось действовать на чужой территории, там находились римские воины, да и мирные граждане выезжали туда по своим делам. И все они искали поддержку у своих богов, а потому вполне резонно задаться вопросом, менялась ли сущность римских богов по разные стороны границы. Речь пойдет, в первую очередь, о древнейших представлениях, когда деление свой / чужой проходило по земле Италии, которая, впрочем, и в рамках державного Рима занимала особое положение. Реконструировать их приходится по источникам, относящимся в основном к Поздней Республике и Империи, но консерватизм религиозной сферы и антикварные интересы античных авторов сохранили важные элементы и внешние формы архаичных представлений несмотря на принципиальные перемены в этой сфере, вызванные кризисом гражданской общины и пере-

¹ Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках гранта «Интеграция традиций и культур в центре и на периферии античной цивилизации: общество, власть, религия» (№33.1353.2017/ПЧ).

ходом к имперским структурам. Но если о частных представлениях, трудноуловимых и изменчивых, сложно сказать что-либо определенное, то область общественного культа, более структурированная и консервативная, вполне позволяет дать ответ на вопрос, к каким (по их сути) божествам обращались с обетами и молитвами римские военачальники на вражеской территории.

В XIX – начале XX в. довольно большое внимание было уделено вопросу о делении богов в римской религиозной теории на *indigetes* и *povensides*. Уже античные авторы предложили разные этимологии этих терминов и, соответственно, по-разному определяли их содержание. Но в контексте решаемых здесь задач интерес представляет самая популярная версия, которая рассматривает эти группы как обозначение богов «местных» («изначальных») и «вновь заведенных» («пришлых»)². Ныне дискуссия по данному поводу исчерпала себя, и вопрос перестал быть актуальным, но сама его постановка вызывает определенный интерес, и не только историографический. Наиболее преданным сторонником указанной концепции являлся известный немецкий историк Г. Виссова, который образно сравнивал обе группы с патрициями и плебеями, а выявление первоначального круга *di indigetes* называл первой задачей при изучении римской религии³. По мнению Виссова одновременная принадлежность к обеим группам была исключена, равно как и переход из одной группы в другую⁴. Несомненно, к первоначальному кругу божеств присоединялись новые, что в Риме было даже частью сознательной политики. А потому в исследовательском стремлении четко определить круг изначальных богов и характер этой группы есть эвристическая ценность. Систематизация необходима для понимания объекта исследования, но столь же несомненно, что реальность гораздо сложнее. Желание исследователей жестко разделить богов по группам обязано скорее римской жреческой классификации, прежде всего понтификальной⁵, чем верованиям обычных римлян. Ведь известны божества, которые одновременно воспринимались и как свои, и как чужие. И этот феномен заслуживает отдельного внимания, ибо такое восприятие, удивительное для нас, отражает специфику архаичного миропонимания.

Именно так представлен в весьма древних культах Марс. В гимне стариннейшего сообщества арвальских братьев он появляется как бо-

² Marquardt 1878. S. 36-37; Wissowa 1912. P. 18-23. См. также: Штаерман 1987. С. 12; 32-33; 48. Критика (с разных позиций): Weinstock 1936. Sp. 1185-1189; Altheim 1938. P. 106-114; Latte 1960. S. 45, Anm. 1.

³ Wissowa 1912. P. 19.

⁴ Wissowa 1912. P. 19.

⁵ Ст. Вайншток вообще отрицает, что это деление основано на сакрально-правовом принципе, но считает его результатом изысканий римских писателей антикварного направления: Weinstock 1936. Sp. 1187.

жество внешнее по отношению к римскому пространству: его просят стать на границе для отвращения возможного зла, прекратить свои удары и призвать добрых духов Семонов на римские земли явно из внешнего мира⁶. Сфера его деятельности как бога войны – прежде всего, чужая, вражеская территория. Но тот же Марс в разных ипостасях являлся собственно римским божеством, чье святилище находилось в царском дворце (Регия) на Форуме, а ритуалы совершали общественные жрецы салии, весной пробуждая его воинственную мощь, а осенью отправляя на покой⁷. И всё это внутри померия. Таким образом, Марс выступает и как бог внеобщинного пространства, т.е. чужой, и как бог военной силы собственно римской общины⁸.

Другой вариант своего / чужого божества представлен Юноной в ипостаси «Царица» (Regina). Она почиталась в Риме на Капитолийском холме в составе капитолийской триады⁹ и в городах Лация (Ардея и Ланувий)¹⁰. Капитолийская триада (Юпитер, Юнона, Минерва) – этрусского происхождения, но, став покровителем римской общины в конце царского периода, эта триада должна была восприниматься как своя, римская. Этруская Уни (Юнона в римском варианте) была покровительницей враждебных Риму Вей. После захвата этого города (396 г. до н.э.) ее культ был перенесен в Рим на Авентинский холм в той же самой ипостаси Regina, и она также стала своей, римской, богиней¹¹. Этому предшествовало молитвенное обращение к богине диктатора Марка Фурия Камилла, который звал ее в Рим, обещая построить ей роскошный храм (*Liv.* V. 21. 3). Таким образом, был совершен обряд эвокации, т.е. вызова бога-покровителя из осажденного города с целью избежать святотатства при штурме и заручиться поддержкой этого божества. В римской благочестивой традиции имеется рассказ об эпифании Юноны, которая сама дала согласие на перенос ее статуи в Рим¹². Добавлю для полноты картины, что еще два храма Юноны Царицы были посвящены в 179 и 146 гг. до н.э. в районе Фламиниева цирка: их также обетовали во время внешних войн (лигурийской и македонской)¹³.

⁶ Сморчков 2001. С. 231-237 (с соответствующей историографией).

⁷ Токамаков 2001. С. 189-197, 203-207 (с соответствующими источниками и историографией).

⁸ О многозначности Марса с учетом иных аспектов см.: Штаерман 1987. С. 65-67; Кнабе 1994. С. 254-255.

⁹ Упоминание капитолийской Юноны с эпитетом Regina см.: *Cic. Verr.* V. 184; *Dom.* 144; *Pro Scaur.* 47; *Ovid. Fast.* VI. 37 (ср. 34); *CIL.* III. 1074-1076; VI. 401; VIII. 4578; XI. 1545.

¹⁰ Источники см.: *Wissowa* 1912. S. 187, Anm. 9; 188, Anm. 5; 189, Anm. 4.

¹¹ *Liv.* V. 21. 3; 22. 3-7; 23. 7; 31. 3; 52. 10; XXII. 1. 17; XXVII. 37. 7; 12; 15; XXXI. 12. 9; *Dionys. AR.* XIII. 3; *Val. Max.* I. 8. 3 (ошибочно *Moneta*); *Plut. Camil.* 6.

¹² *Liv.* V. 22. 4-6; *Dionys. AR.* XIII. 3; *Val. Max.* I. 8. 3; *Plut. Camil.* 6.

¹³ *Liv.* XXXIX. 2. 11; XL. 52. 2; *CIL.* I. Ed. 2. P. 252.

Взятие Вей интересно еще тремя обетами богам. Перед отправкой к городу накануне решающего штурма диктатор Камилл по решению сената (*ex senatus consulto*) обетовал, в случае удачи, устроить Великие игры в честь Юпитера и посвятить восстановленный храм Матери Матуты¹⁴, учреждение которого относится к царю Сервию Туллию. То есть это были обеты божествам, уже почитавшимся в Риме, где имелись их храмы. Но культ Матери Матуты известен и в ряде мест Лация, в частности, в Сатрике в 60 км к юго-востоку от Рима, где ее культ и весьма чтимый храм¹⁵ появились примерно тогда же, когда и в Риме¹⁶. Выбор для обета Матери Матуты несколько загадочен, поскольку она никоим образом не была связана с военной деятельностью, являясь богиней зари и деторождения, покровительницей женщин¹⁷. Возможно, этот выбор объясняется тем, что со штурмом Вей совпала редедикация ее храма, т.е. новое посвящение после ремонта или восстановления (*aedes refecta*: *Liv.* V. 19. 6)¹⁸. Другое предположение исходит из внешнеполитической ситуации и объясняет редедикацию храма необходимостью поддерживать дружественные отношения с вольсками¹⁹, которым во времена Камилла принадлежал вышеупомянутый Сатрик с культовым центром Матери Матуты. Вольски с юга угрожали римлянам, сосредоточившимся на северном фронте против Вей. Но не исключено, что эта богиня была связана с подрастающим поколением воинов подобно родственной ей по функциям Юноне Луцине²⁰. Кроме того, перед самым штурмом Вей Камилл пообещал Аполлону Пифийскому десятину от всей движимой и недвижимой добычи в Вейях²¹. Причем в Риме в то время имелся собственный культ Аполлона (*Liv.* III. 63. 7) и даже его храм, посвященный в 431 г. до н.э. (*Liv.* VI. 25. 3; 29. 7), но Камилл предпочел дельфийского бога. Масштабность этого обета привела в дальнейшем к серьезным проблемам как при его выполнении, так и для самого полководца (*Liv.* V. 23. 8-11; 25. 4-12; *Plut.* *Camil.* 7-8).

Таким образом, мы видим соединение всех возможных вариантов: и обеты римским (собственно, римско-латинским) богам, и обет-приглашение богине-покровительнице враждебного города, и обет чужому, заморскому, богу. Их призывали помочь римлянам, и все они

¹⁴ *Liv.* V. 19. 6; *Plut.* *Camil.* 5. Cp. *Ovid.* *Fast.* VI. 479–480.

¹⁵ *Liv.* VI. 33. 4-5; VII. 27. 8.

¹⁶ Smith 2000. P. 136-140.

¹⁷ О ее функциях см.: Preller 1865. S. 285; Wissowa 1912. S. 110–112; Link 1930. Sp. 2326–2329; Прешенди 2005. С. 165–167.

¹⁸ Археологические свидетельства перестройки храма: Ziolkowski 1992. P. 105-108; САН 2008. P. 77-78; Coarelli 2008. P. 408-409.

¹⁹ Ogilvie 1965. P. 681.

²⁰ Smith 2000. P. 144-146. Cp.: Rose 1934. P. 156-157; Ogilvie 1965. P. 680.

²¹ *Liv.* V. 21. 2; 23. 8-11; 25. 4-10; 28. 2-5; *Plut.* *Camil.* 7; 8. Cp. *Val. Max.* I. 1. 4 (ext.).

«внесли» свой вклад в римскую победу. Несомненно, история с покорением Вей сильно мифологизирована в античной историографии, и в ней трудно отделить правду от вымысла. Но сама возможность таких обетов ни у одного автора не вызывала сомнений.

Как оценивать этих богов и отношение к ним римлян? В сочинениях самих римских авторов сложно, если вообще возможно, найти ответ на вопрос, чем же отличались боги по разные стороны границы. Ведь для общинного сознания характерно противоречивое (на наш, естественно, взгляд) сочетание в образах богов представлений о них как создателей всей вселенной и, одновременно, как создателей маленького мира данной общины²².

В приведенных двух примерах с Марсом и Юноной заметно, как понятия «свой / чужой» (бог) плавно перетекают друг в друга. По всей видимости, римляне не рефлексировали по этому поводу, не видя здесь проблемы. К тому же наши источники, являясь поздними относительно времени расцвета цивитас, несут на себе отпечаток греческой учености²³, а потому весьма сложно выделить собственно римские представления. Показателен интерес, проявленный к многообразию одноименных богов Цицероном в трактате «О природе богов», интерес, основанный на греческих мифах и отмеченный рациональным скепсисом и отрицанием (*Cic. ND. III. 42; 53-60*).

Ответ следует искать в области ритуала, обрядовой практики, которая сохраняла неизменным изначальный пласт символов и значений несмотря на менявшуюся их интерпретацию. Искомый ответ может дать анализ ауспиций, особого способа (способов) выяснения воли богов в римской сакрально-политической практике. Именно в ауспициях римляне видели проявление помощи со стороны богов и дома, и на чужбине²⁴. Более того, для римлян различие между своим и чужим пространством в общественно-политической сфере было связано, прежде всего, с различием в характере ауспиций, о чем ниже. Интересно было бы сравнить в этом отношении общественные и частные ауспиции, но информация касательно частных практически отсутствует. Что касается общественных, то, как известно, авгурское учение выделяло пять видов земель с ауспикальной точки зрения²⁵. Особое значение для осуществления ауспиций имела непосредственно примыкавшая к городу т.н.

²² Такая же ситуация отмечается, в частности, для номовых государств Месопотамии: Дьяконов 1983. С. 147-148.

²³ Rüpke 2006. P. 215-216.

²⁴ Сморгков 2012. С. 35-39.

²⁵ *Ut nostri augures publici disserunt, agrorum sunt genera quinque: Romanus, Gabinus, peregrinus, hosticus, incertus (Varro. LL. V. 33)*. Анализ этих категорий см.: Catalano 1978. P. 493-498; Gargola 1995. P. 26.

«римская земля» (*ager Romanus*)²⁶. В частности, только на ней, опять же после совершения ауспиций, консул мог назначить диктатора²⁷.

В римской религиозной и политической практике важную роль играла священная граница Рима (померий). При ее пересечении во внешнее пространство для совершения публично-правовых актов магистрат обязан был совершить ауспиции. Показательная история произошла в 163 г. до н.э. при избрании новых консулов²⁸. Их выбирали на центуриатных комициях, созыв которых приравнялся к созыву войска, а потому эти комиции всегда проходили вне померия. Для проведения выборов консул этого года Тиберий Семпроний Грахк правил на Марсово поле, совершив, как положено, ауспиции при пересечении померия. Однако вскоре Грахк вернулся в Рим на заседание сената, после чего, вновь пересекая священную границу города, забыл заново осуществить ауспиции²⁹. Выборы он провел, но в итоге они были признаны огрешными, а консулы сложили полномочия³⁰.

Данная история косвенно указывает на весьма важное обстоятельство. А именно, на территории Рима внутри померия действовали т.н. городские ауспиции (*auspicium urbanum*)³¹, которыми обладали все магистраты. Право на ауспиции составляло ключевой пункт республиканской системы исполнительной власти (и политической организации в целом). Ввиду строгого разделения сфер *domi* и *militiae*, т.е. гражданской и военной, полководцы на время боевых действий должны были использовать «военные ауспиции» (*auspicia militiae*)³², которые действовали вне этой границы. При пересечении померия внутрь сакрального пространства города Рима магистраты теряли военную власть

²⁶ Varro. LL. V. 33; Fest. P. 326L, s. v. *Romanus ager*; Dio Cass. XLI. 43. 1-2; Serv. Ad Aen. II. 178. Другие источники и комментарии к ним см.: Catalano 1978. P. 499-502. О первоначальном *ager Romanus* см.: Alföldi 1962. S. 187-213; Ménager 1976. P. 534-539; Catalano 1978. P. 492-494; Rüpke 1990. S. 35-36; 51-52.

²⁷ Liv. XXVII. 5. 15; 29. 5, ср. Dio Cass. XLII. 21. 1. Иногда для назначения диктатора консула специально отзывали с театра военных действий в Рим: Liv. VII. 12. 9; 19. 9; XXII. 57. 9 (ср. 1); XXIII. 22. 10-11.

²⁸ Подробный анализ см.: Смorchков 2012. С. 146, 247-251.

²⁹ Такова версия Цицерона (ND. II. 11; Div. I. 33; II. 75). Плутарх (Marcel. 5) связывает ошибку с повторным использованием некоего нанятого помещения, что имеет параллель в информации Сервия (Ad Aen. II. 178) об обязательной смене авгурской палатки (*tabernaculum*) в случае какой-либо ошибки при ее установке. См. также: Rüpke 1990. S. 32-33.

³⁰ CIL. I. Ed. 2. P. 25; Cic. ND. II. 11; Val. Max. I. 1. 3; Plut. Marcel. 5.

³¹ Varro. LL. V. 143; Messala ap. Gell. XIII. 14. 1. Кратко о сложностях в трактовке этого понятия см.: Rüpke 1990. S. 43, Anm. 98.

³² Строго говоря, выражение *auspicia militiae* в источниках не встречается, но оно вполне вытекает из близких по смыслу сочетаний: Cic. Div. I. 3 (*nihil publice sine auspiciis nec domi nec militiae*); II. 77 (*auspicium militare*); Liv. X. 8. 9 (*iustum imperium et auspicium domi militiaeque*).

(империй), предоставленную для действий вне его³³. Ауспиции были тесно связаны с империем³⁴, соответственно, пересекая померий, магистраты лишались и военных ауспиций. Причем промагистраты теряли империй и ауспиции без права возобновления, поскольку их полномочия имели силу исключительно вне померия, а обычные магистраты с империем, чьи полномочия распространялись на обе сферы общественной жизни (*domi militiaeque*), т.е. консулы, преторы и диктаторы, могли возобновить право действовать во внешнем пространстве, заново совершив ритуалы выхода.

Какие конкретно ритуалы приходилось при этом повторять – сказать сложно. Пожалуй, наиболее часто упоминаемый элемент церемонии выхода в поход, фактически ставший ее синонимом, – облачение в военный плащ (*paludamentum*) самого магистрата и его ликторов³⁵. Были и другие обряды, среди которых, несомненно, важное место должны были занимать ауспиции, обязательно сопровождавшие все публично-правовые акты магистратов. В новейшей историографии эти ауспиции выделены в отдельную категорию и обозначены как «ауспиции выхода» (*Auszugsauspicien* по выражению Т. Моммзена и Г. Виссова). Но, как ни парадоксально ввиду военной активности Рима, в источниках нет их описания, равно как и прямого указания на их особую природу. Этим, видимо, объясняется явно недостаточный исследовательский интерес к названным ауспициям при том, что учение об ауспициях – весьма популярная в историографии тема (в силу отмеченной их значимости)³⁶.

Однако косвенные указания на специфику т.н. ауспиций выхода все же имеются. В случае возникновения сомнений в ритуальной правомочности ауспиций (*incerta auspicia*) полководец должен был вернуться в Рим для повторного их проведения³⁷. После расширения рим-

³³ См. показательную историю 215 г. до н. э.: *Liv.* XXIV. 7. 10–9. 3 (особ. 9. 1–2, ср. 7. 11). См. также: *D. I.* 16. 16; *Cic.* *Ad fam.* I. 9. 25; *Ad Att.* VII. 7. 4; *Liv.* XXVI. 9. 10; 21. 5 (ср. 1); *XLV.* 35. 4; *Dio Cass.* XXXIX. 63. 4 (ср.: *ibid.* 65. 1; *XL.* 50. 2; *XLI.* 3. 3; 15. 2; 16. 1; *LV.* 8. 1–2). Самый известный пример относится к Цезарю: *Suet.* *Caes.* 18; *Plut.* *Caes.* 13; *Cato Min.* 31; *App.* *BC.* II. 8; *Dio Cass.* XXXVII. 54. 1–2.

³⁴ Для обозначения высшей власти использовалась формула *imperium auspiciumque*. Источники см.: Сморчков 2012. С. 38.

³⁵ *Varro.* *LL.* VII. 37 (здесь также упоминается, что трубили в боевые трубы); *Caes.* *BC.* I. 6; *Liv.* XXI. 63. 9; XXXI. 14. 1; XXXVI. 3. 14; XXXVII. 4. 2; *XL.* 26. 6; *XLI.* 10. 5; 7; 11; 13; 17. 6; *XLII.* 49. 1–2; *XLV.* 39. 11; *Cic.* *Verr.* II. 5. 34; *Ad fam.* VIII. 10. 2; XIII. 6. 1; *XV.* 17. 3; *Ad Att.* IV. 13. 2.

³⁶ Например, в трудах А. Магделена, много и плодотворно работавшего в области изучения империя и ауспиций, мне удалось найти лишь краткое замечание о связи военных ауспиций с ритуалами выхода: *Magdelain* 1990. P. 6–7.

³⁷ *Liv.* VIII. 30. 1–2; 32. 4; 7; 34. 4; *X.* 3. 6; XXIII. 19. 3; *De vir. ill.* XXXI. 1; *Val. Max.* III. 2. 9; *Serv.* *Ad Aen.* II. 178; *Serv. auct.* *Ad Aen.* II. 178; *ILS.* 53. Возможно, также (*Vaahtera* 2001. P. 25–26): *Polyb.* III. 94. 9; *Liv.* XXII. 18. 8; *Plut.* *Fab.* 8; *App.* *Hann.* 12.

ского государства за пределы Италии на захваченной земле в той провинции, где велись военные действия, при необходимости одно место объявлялось римским, куда отправлялся полководец вместо далекого Рима³⁸. Подобным образом в 49 г. до н.э. бежавшие в Фессалонику помпеянцы попытались там организовать выборы новых консулов, приобретя участок земли для проведения электоральных ауспий (*Dio Cass. XLI. 43. 2*)³⁹, т.е. обратив его в «римскую землю».

О повторении каких же ауспий идет речь? По-видимому, тех, которые сопровождали выход на войну. Рассказывая о событиях 325 г. до н.э. и отражая, несомненно, реальные представления, хотя и в выдуманной дискуссии, Ливий устами диктатора Луция Папирия Курсора задает риторический вопрос: «...поскольку я узнал, что выступил из дома (*ab domo*) при неясных ауспиях (*incertis auspiciis*), следовало ли мне подвергнуть республику опасности, нарушив религиозные предписания, или повторить ауспии, дабы никакие дела не вести без уверенности в богах?»⁴⁰. Сказанное наводит на мысль об особом качестве «ауспий выхода» подобно тому, как объем власти полководца отличался от его власти в гражданских делах внутри померия⁴¹. Ведь при обычной ауспикации вопрос касался согласия Юпитера на осуществление конкретного мероприятия в конкретный день⁴². В случае отрицательного «ответа» гадание повторялось в другой подходящий день. Осуществление же «ауспий выхода» относилось ко всей кампании, от них зависел ее успех, соответственно, они имели особый характер и особые последствия, а потому в случае возникновения религиозных сомнений требовалось их повторение в самом Риме. И это при том, что в ходе кампании полководец уже осуществлял ауспии перед любым своим действием, т.е., как обычно, испрашивал согласие богов на осуществление конкретного своего замысла в конкретный день. Возможность появления религиозных сомнений означает, что на «военных ауспиях» лежала тень «ауспий выхода», которые оказываются связующим звеном между городскими и военными ауспиями, между

³⁸ *Serv. auct. Ad Aen. II. 178. Cp.: Val. Max. II. 7. 4; Front. Strat. IV. 1. 31.*

³⁹ Историографию с анализом ситуации, см.: Смorchков 2012. С. 41, прим. 44.

⁴⁰ *Liv. VIII. 32. 4: ...cum me incertis auspiciis profectum ab domo scirem, utrum mihi turbatis religionibus res publica in discrimen commitenda fuerit, an auspicia repetenda, ne quid dubiis dis agerem?*

⁴¹ Краткий обзор (с соответствующей историографией) территориальных различий империя см.: Beck 2011. P. 91-94.

⁴² *Cic. Div. II. 70; Gell. III. 2. 10; Censorin. XXIII. 4; Macr. I. 3. 7.* Об этой важнейшей особенности римского общественного гадания см.: Mommsen 1887. S. 76-77; Wissowa 1896. Sp. 2315; Coli 1951. P. 87-88; Bloch 1984. P. 89-90; Catalano 1960. P. 42-45; Linderski 1986. P. 2202; 2295; Stewart 1998. P. 41; Vaahtera 2001. P. 103-104; 144; Humm 2012. P. 68; Виллемс 1888. С. 343-344; Сидорович 1994. С. 82-83.

сферами *domi* и *militiae*. Отсюда следует, что право на военные ауспииции возникало в ходе осуществления ритуалов выхода.

Можно отметить две крайности в историографии касательно трактовки «ауспиций выхода». В конце XIX в. голландский исследователь И. Валетон предположил, что речь должна идти не об ауспициях, а об особых священнодействиях, совершаемых на Капитолии⁴³. Однако, что это за священнодействия и как они связаны с военными ауспициями, остается неясным. Столь же крайними представляются и рассуждения Й. Рюпке, считавшего, что «ауспиции выхода» ничем не отличались от других, например, от ауспиций перед выборами (как в случае с Тиберием Гракхом), а необходимость повторения «ауспиций выхода» объясняется тем, что в случае сомнений в их правильном осуществлении под сомнение ставился не только сам акт (отправка в поход в данный день), но и все дальнейшие действия, являющиеся следствием этого акта⁴⁴. Но такое понимание переносит центр тяжести с религиозных актов на политические и отрицает специфику военных ауспиций, явно прослеживаемую в источниках. Что касается ошибки Гракха, то его ауспиции вполне можно сопоставить с военными. Ведь они были совершены при пересечении померия магистратом с империем для осуществления мероприятия, формально являвшегося сбором войска (центуриатные комиции). Преуменьшая значение «ауспиций выхода», Й. Рюпке в итоге фактически отказывается от анализа военных ауспиций, хотя его монография является, пожалуй, самым обширным и фундаментальным исследованием римской военной религии в эпоху Республики.

Важная информация для решения рассматриваемого вопроса содержится в уникальном свидетельстве из словаря Марка Веррия Флакка (около 55 г. до н.э. – 20 г. н.э.) в сокращении грамматика Секста Помпея Феста (II в. н.э.), где приведена обширная цитата из сочинения юриста и грамматика Цинция⁴⁵. Тот сообщает о ритуале, имевшем место до второй Латинской войны (340–338 гг. до н.э.), которая кардинально изменила характер взаимоотношений Рима и латинов: «Претором ныне приветствуют у ворот того, кто уезжает в провинцию пропретором или проконсулом (т.е. получает *auspicia militiae*. – А.С.). В книге о консульской власти Цинций говорит, что порядок в этом деле был такой: “До царя Туллы верховной властью обладали альбанцы. Затем, после разрушения Альбы, вплоть до консула Публия Деция Муса (340 г. до н.э. – А.С.) латинские народы имели обычай собираться на совещание у Ферентинского истока, который находится под Альбан-

⁴³ Valeton 1890. P. 222 (praesertim not. 1).

⁴⁴ Rüpke 1990. S. 45–46.

⁴⁵ О нем известно очень мало, хотя он был плодовитым автором. Жил Цинций, вероятно, в I в. до н.э. См.: Wissowa 1899. Sp. 2555–2556; Heurgon 1964. P. 432–437.

ской горой, и управлять государством (*imperium*) по общему решению. Поэтому в тот год, в который по приказу латинского племени римлянам надлежало посылать полководцев к войску, множество наших с восходом солнца обычно присутствовало на Капитолии при ауспигиях. Когда птицы давали одобрение, то войско, которое было послано от всего Лация, по обычаю приветствовало претором того, кого одобрили птицы, получавшего эту должность под титулом претора»⁴⁶.

Здесь удивительно утверждение полководца на должность с помощью ауспигий, что похоже на царскую инаугурацию (посвящение) в изложении Дионисия Галикарнасского: в случае неблагоприятных знамений назывался второй кандидат в цари, третий и так до тех пор, пока боги не дадут согласие на предложенную кандидатуру (*Dionys. AR. IV. 40. 2*). Речь не может идти о достоверном свидетельстве, но какая-то реальность все же должна за ним скрываться, а именно сама возможность такого рода ауспикации. Подтверждение тому – инаугурация жрецов и земельных участков, в частности, под храмы. В этих случаях авгуры также гадали, и результаты гаданий не к одному дню относились, а имели длительный и постоянный характер (пока жив жрец или место под храм не обращалось обратно в профанное), в т.ч. и в случае отрицательного «ответа» Юпитера⁴⁷. К тому же, хотя пышные проводы войска и полководца на войну были обычным делом⁴⁸, но здесь само гадание происходит при стечении народа и в присутствии воинов-латинов. Параллель опять же можно увидеть в тех ауспикальных обрядах, которые традиция приписывает ритуалу избрания царя⁴⁹. Всё это совершенно не свойственно обычной римской ауспикации: ее осуществлял непосредственно магистрат, практически в одиночестве, и главной целью гадания было получить ответ «да/нет» касательно отношения Юпитера к проведению данного мероприятия в данный день.

Речь в рассмотренной цитате идет об очень давних временах для римской нарративной традиции. Но это не исключает, что ритуал вы-

⁴⁶ *Fest. P. 276-277L, s. v. praetor: Praetor ad portam nunc salutatur is qui in provinciam pro praetore aut consule exit: cuius rei morem ait fuisse Cincius in libro de consulum potestate talem: "Albanos rerum potitos usque ad Tullum regem: Alba deinde diruta usque ad P. Decium Murem consulem populos Latinos ad caput Ferentiniae, quod est sub monte Albano, consulere solitos, et imperium communi consilio administrare: itaque quo anno Romanos imperatores ad exercitum mittere oporteret iussu nominis Latini, conplures nostros in Capitolio a sole oriente auspiciis operam dare solitos. Ubi aves addixissent, militem illum, qui a communi Latio missus esset, illum quem aves addixerant, praetorem salutare solitum, qui eam provinciam optineret praetoris nomine".*

⁴⁷ Catalano 1960. P. 124-126; Linderski 1986. P. 2295-2296.

⁴⁸ См. обобщающее замечание Ливия (XLII. 49. 1-3).

⁴⁹ Именно так – при стечении народа – представлены ауспигии при избрании царя в изложении Плутарха (Numa. 7). Подробнейший анализ царской инаугурации с точки зрения авгурального учения см.: Linderski 1986. P. 2256-2296.

хода полководца на войну в исторические времена был преемником или как-то иначе связан с обрядом назначения союзного полководца⁵⁰, сохранив его элементы и после распада римско-латинского союза. Ведь та же цитата из сочинения Цинция приведена для разъяснения современного Веррию Флакку обычая («претором ныне приветствуют...»). Какое-то отношение к сообщению Цинция имеют весьма древние, известные как минимум с царского периода⁵¹, Латинские празднества (*feriae Latinae*) на той же Альбанской горе (описание см.: *Dionys. AR. IV. 49*)⁵². Эти празднества, с одной стороны, относились к обязательным действиям консулов в начале их должностного срока, с другой, без их осуществления выход на войну не считался совершённым должным образом⁵³. Любопытно отметить, что Капитолий (точнее, его крепость *Агх*) и Альбанская гора составляли две крайние точки одной ауспикальной линии, соединяющей два места для гадания (*auguraculum*), с которых обращались к богам авгуры⁵⁴. Причем с Капитолия ось авгульного наблюдения упиралась именно в Альбанскую гору.

Имеют ли особого рода ауспиции, о которых рассказал Цинций, схожие с ритуалами инаугурации⁵⁵, какое-то отношение к «ауспициям выхода»? Сложно сказать, поскольку, как отмечалось, сведения о последних практически отсутствуют. И все же такое предположение мне представляется весьма вероятным, ибо их объединяет место проведения (Капитолий⁵⁶), время (перед выходом в поход), цель (наделение военной властью) и результат (сохраняющий силу на некоторый срок). В итоге полководец наделялся необходимыми религиозными (и политическими) полномочиями в области *militiae*, в том числе, как я полагаю, правом гадать на чужой территории.

Особый характер военных ауспиций выражался и в том, что сама процедура гадания на войне отличалась от обычной ауспикации на территории города Рима. Это отличие мне представляется принципиально важным для решения поставленного вопроса. А именно, в Городе имелись стационарные места для проведения общественных ауспиций,

⁵⁰ Валетон отрицает, что свидетельство Цинция имеет отношение к рассматриваемому вопросу, но никаких аргументов не приводит: *Valeton 1890. P. 222, not. 1.*

⁵¹ *Marco Simón 2011. P. 119-122.*

⁵² См.: *Marco Simón 2011. P. 116-132* (и вкратце: *Pina Polo 2011. P. 103-104*).

⁵³ Наиболее четкую и яркую формулировку см.: *Liv. XXI. 63. 5; 8.*

⁵⁴ *Marco Simón 2011. P. 126-128.*

⁵⁵ Соотношение понятий *auspicium* и *augurium* – отдельная и значительная проблема. Подробный анализ см.: *Catalano 1960. P. 7-186. Историографию см.: Сморгков 2012. С. 37, прим. 18.*

⁵⁶ Упомянут Ливием в наиболее подробном описании ритуалов, сопровождавших выход полководца на войну: *Liv. XXI. 63. 9 (auspicato profectus in Capitolium ad vota nuncupanda, paludatus inde cum lictoribus in provinciam iret (cp. 7)).*

в военном же лагере ауспикация осуществлялась на особом *auguraculum*⁵⁷. Он представлял собой специально выделенное освященное пространство (*templum minus*), временно создававшееся из подручного материала (огораживали колами, копьями, веревками, ремнями или любым другим способом)⁵⁸. В результате на чужой земле появлялся кусок «римской земли» (*ager Romanus*), с которой полководец мог «общаться» с богами. Такое право магистрат с империем получал, по моему мнению, как раз в результате осуществления «ауспий выхода». Указанные полномочия, по всей видимости, легли в основу отмеченной выше новой практики создания «римской земли» (в правовом плане) на провинциальной территории.

Возвращаясь через анализ ритуальной практики к поставленному вопросу, можно заметить, что, создавая *templum minus*, полководец устанавливал связь со «своими» богами, которые, соответственно, оставались богами только римской территории, т.е. «универсальные» боги оказывались опять же богами собственно римской общины. Ведь и вейская Уни стала римской Юноной Царицей только на римской территории, куда она «согласилась» перейти. Соответственно, боги с теми же именами, что и в Риме, на чужой территории были чужими. Это не означало, что к ним нельзя было обратиться за помощью. Напротив, римские полководцы так и поступали, стремясь заручиться поддержкой богов-покровителей чужих земель (что опять-таки свойственно общинному мировоззрению). Но при этом с помощью ауспий поддерживалась связь с богами-покровителями римской общины (собственно говоря, с Юпитером). Такой взгляд на богов отражает архаическую стадию развития с полным преобладанием общинного мировосприятия. Но здесь же можно увидеть и зарождение универсалистских представлений средиземноморской державы. Ведь в итоге получается, что божественная сущность, единая по сути, оказывает помощь вне пространственного деления, что размывает противопоставление «свой/чужой», а это уже свойственно имперскому мировосприятию. Такое же размывание понятия «свой/чужой», плавный переход от архаического общинного мировоззрения к державному отмечается в целом для римского восприятия пространства⁵⁹. Диалектическое сочетание узкополисной исключительности и при этом открытости внешнему миру – который по мере завоевания и освоения становился своим – составляет одну из самых ярких особенностей римского мышления, проявлявшуюся и в такой консервативной области как религиозная.

⁵⁷ Wissowa 1896a. Sp. 2586; Linderski 1986. P. 2276-2278.

⁵⁸ *Serv. auct. Ad Aen.* IV. 200. Ср.: *Fest.* P. 146L; *Varro.* LL. VII. 13.

⁵⁹ Кнабе 1994. С. 264-277.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Виллемс П. Римское государственное право. Пер. с фр. Вып. I. Киев, 1888. [Willems P. Le droit public romain (russian transl.). Вып. I. Kiev, 1888]
- Дьяконов И.М. Идеология, культура и искусство Протописменного периода // История древнего Востока. Зарождение древних классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. М., 1983. [D'yakonov I. M. Ideologia, kul'tura i iskustvo Protapis'mennogo perioda // Istoria drevnego Vostoka. Zarozhdenie drevnikh klassovykh obshchestv i pervye ochagi rabovladel'cheskoy tsivilizatsii. Ch. I. M., 1983]
- Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. [Knabe G. S. Materialy k lektsiyam po obshchey teorii kul'tury i kul'ture antichnogo Rima. M., 1994]
- Прешенди Ф. Праздник Матери Матуты и тети со стороны матери // Древнее Средиземноморье: религия, общество, культура. М., 2005. С. 157-170. [Prescendi F. Prazdnik Materi Matuty i tyeti so storony materi // Drevnee Sredizemnomor'e: religiya, obshchestvo, kul'tura. M., 2005. С. 157-170]
- Сидорович О.В. Дивинация: религия и политика в архаическом Риме // Религия и община в древнем Риме. М., 1994. С. 69-96. [Sidorovich O. V. Divinatsia: religiya i politika v arkhaischeskom Rime // Religia i obshchestvo v drevnem Rime. M., 1994. С. 69-96]
- Сморчков А.М. Коллегия арвалских братьев // Жреческие коллегии в Раннем Риме. М., 2001. С. 213-248. [Smorchkov A.M. Kollegia arval'skikh brat'ev // Zhrechieskie kollegii v Rannem Rime. M., 2001. С. 213-248]
- Сморчков А.М. Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М., 2012. [Smorchkov A.M. Religiya i vlast' v RimsКОЙ Respublike: magistraty, zhretsi, khramy. M., 2012]
- Токмаков В.Н. Коллегия салиев // Жреческие коллегии в Раннем Риме. М., 2001. С. 180-212. [Tokmakov V.N. Kollegia saliev // Zhrechieskie kollegii v Rannem Rime. M., 2001. С. 180-212]
- Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. [Shtaerman E.M. Sotsial'nye osnovy religii drevnego Rima. M., 1987]
- Alföldi A. Ager Romanus antiquus // Hermes. Bd. 90. Ht. 2. 1962. S. 187-213.
- Altheim Fr. A History of Roman Religion / Transl. by H. Mattingly. L., 1938.
- Beck H. Consular power and the Roman constitution: the case of imperium reconsidered // Consuls and Res publica / Ed. by H. Beck [et al.]. Cambridge, 2011. P. 77-96.
- Bloch R. La divination dans l'Antiquité. P., 1984.
- Cambridge ancient history. Vol. VII. P. 2. 2nd ed. Cambridge, 2008.
- Catalano P. Contributi allo studio del diritto augurale. Torino, 1960.
- Catalano P. Aspetti spaziali del sistema giuridico-religioso romano // ANRW. Bd. 16. Teilbd. 1. B.-N.Y., 1978. P. 440-553.
- Coarelli F. Roma. Roma-Bari, 2008.
- Coli U. Regnum. Roma, 1951.
- Gargola D.J. Lands, Laws and Gods. L., 1995.
- Heurgon J.L. Cincius et la loi du clavus annalis // Athenaeum. 1964. Vol. 42. P. 432-443.
- Humm M. The Curiate Law and the Religious Nature of the Power of Roman Magistrates // Law and Religion in the Roman Republic / ed. by O. Tellegen-Couperus. Leiden-Boston, 2012. P. 57-84.
- Latte K. Römische Religionsgeschichte. München, 1960.
- Linderski J. The Augural Law // ANRW. II. Bd. 16. Teilbd. 3. B.-N.Y., 1986. P. 2146-2312.
- Link. Matuta // RE. Halbbd 28. Stuttgart, 1930. Sp. 2326-2329.
- Magdelain A. Le ius archaïque // Idem. Ius, imperium, auctoritas. Études de droit romain. Rome, 1990.
- Marco Simón Fr. The Feriae Latinae as religious legitimization of the consuls' imperium // Consuls and Res publica / Ed. by H. Beck [et al.]. Cambr., 2011. P. 116-132.
- Marquardt J. Römische Staatsverwaltung. Bd 3. Leipzig, 1878.

- Ménager L.-R. Les colleges sacerdotaux, les tribus et la formation primordiale de Rome // MEFR. Antiquité. 1976. T. 88. P. 455-543.
- Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. 1. Aufl. 3. Lpz., 1887.
- Ogilvie R.M. A Commentary on Livy. Books 1-5. Oxf., 1965.
- Pina Polo Fr. Consuls as curators pacis deorum // Consuls and Res publica / Ed. by H. Beck [et al.]. Cambr., 2011. P. 97-115.
- Preller L. Römische Mythologie. Aufl. 2. B., 1865.
- Rose H.J. Two Roman Rites // CQ. 1934. Vol. 28. № 3-4. P. 156-158.
- Rüpke J. Domi militiae. Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom. Stuttgart, 1990.
- Rüpke J. Communicating with the Gods // A Companion to the Roman Republic / Ed. N. Rosenstein and R. Morstein-Marx. Oxford, 2006. P. 215-235.
- Smith Chr. Worshipping Mater Matuta: ritual and context // Religion in Archaic and Republican Rome and Italy: Evidence and Experience / ed. by Ed. Bispham and Chr. Smith. Edinburgh, 2000. P. 136-155.
- Stewart R. Public Office in Early Rome. Ann Arbor, 1998.
- Vaahtera J. Roman augural lore in Greek historiography. Stuttgart, 2001.
- Valeton I.M.J. De modis auspicandi Romanorum // Mnemosyne. 1890. Vol. 18. P. 208-263.
- Weinstock St. Novensides di // RE. Halbbd 33. Stuttgart, 1936. Sp. 1185-1189.
- Wissowa G. Augures // RE. Halbbd. 4. Stuttgart, 1896. Sp. 2313-2344.
- Wissowa G. Auspicium // RE. Halbbd. 4. Stuttgart, 1896a. Sp. 2580-2587.
- Wissowa G. L. Cincius // RE. Bd. 3. Stuttgart, 1899. Sp. 2555-2556.
- Wissowa G. Religion und Kultus der Römer. Aufl. 2. München, 1912.
- Ziolkowski A. The Temples of Mid-Republican Rome and their Historical and Topographical Context. Roma, 1992.

Смorchков Андрей Михайлович доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира, Институт восточных культур и античности ИТТУ; smorchkovtuber@yandex.ru

The Roman Gods outside Rome: Native or Foreign Ones?

The article deals with the problem of Roman perception of their own gods outside Rome studied through analysis of *auspicia militiae*. These *auspicia* assumed a special character due to the rituals performed by a general before he set out for war (the so called “auspicia of exit”). The *templum minus* (*auguraculum*) established by a general at the military camp should also be regarded as a part of *ager Romanus*, where he “communicated” with the gods. Thus, a connection between him and the native gods was created, while they acted exclusively as the gods of Roman territory. Such approach to the matter reflects communal stage in the development of the Roman worldview. At the same time, it contained the origin of universal concept of the future Mediterranean empire.

Keywords: Roman Republic, gods, *pomerium*, *auspicium urbanum*, *auspicia militiae*, “auspicia of exit”

Andrei Smorchkov, Dr.Sc. (History), Associate Professor, Institute of Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities; smorchkovtuber@yandex.ru

Ю. С. ОБИДИНА

СОЦИОМЕНТАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА ДРЕВНИХ РИМЛЯН КАК ПРИМЕР КОЛЛЕКТИВНОЙ МНЕМОНИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматривается загробное царство древних римлян как пример конкретного локуса в рамках социокультурных макропроцессов. Задача статьи показать, что представления о загробном мире являлись не только зеркальным отражением земной жизни, но и описывались одинаковыми терминами и представляли собой коллективную мнемоническую традицию. Отмечается, что социоментальная топография загробного мира позволила создать символическое место, в рамках которого с помощью коллективных мнемонических традиций римское общество объясняло и оправдывало свое существование в соответствии с системой культурных, религиозных и географических координат.

Ключевые слова: *загробное царство, Аид, Плутон, Вергилий, древний Рим, традиция, визуальные карты, ментальные представления*

На протяжении всей истории Римской империи представление о том, что души умерших отправляются в подземную обитель, оставалось практически неизменным. Различные религии и вероисповедания повлияли на верования о судьбе души после смерти, но все они продвигали идею о том, что духи должны были отправляться в глубины Земли, к эфиру, или Эдему, в самые дальние уголки мира для того, чтобы перейти от пространственного мира живых к вечной размерности мира мертвых. Это потустороннее пространство характеризовалось топографическими и архитектурными элементами, которые создавали имитацию пространства живых¹. Для римлян Аид стал зеркальным отображением их повседневного мира; чтобы уменьшить беспокойство по отношению к неизвестному, римляне придали ему вид, более знакомый и менее таинственный².

Хотя Аид был порожден транспозицией знакомых черт в неизвестное измерение, он также был воспринят как антитеза миру живых, находящемуся в постоянных диалектических отношениях с ним. Действительно, основные представления о времени и пространстве, человеческой ойкумене неприменимы к подземному миру, царству, где природа не была затронута сезонностью, и где пространственные от-

¹ Scafi 2006. P. 36-41.

² Ван Баарен предположил, что созданный представителями разных культур, римский Аид воплощал собой структуру космоса и человеческой жизни на Земле, причем экономические и географические условия Римской империи оказали большое влияние и определили общую концепцию загробного мира. Baaren 1989. P. 96.

ношения нарушали все основные законы физики. Кроме того, темнота и тишина, две главные характеристики будущей жизни, часто повторяющиеся в письменных описаниях Аида, внесли свой вклад в создание преимущественно одномерного пространства, где души, а также топографические особенности имели тенденцию исчезать в однотонном и однообразном подземном мире³.

В своем сложном отношении с миром живых, Аид воспринимался как удаленный, но в то же время достижимый и проницаемый. Близость двух миров поддерживалась не только особыми местами в ойкумене, предоставлявшими выбранным героям прямой доступ в царство мертвых. В августе, октябре и ноябре была открыта специальная яма на Палантинском холме, и в течение дня души мертвых возвращались к живым, т.е. существовал постоянный, но управляемый поток между двумя мирами⁴. Социальная составляющая веры в загробную жизнь была усилена религиозными праздниками, такими как Лемурии в мае и Паренталии в феврале. Эти древние ритуалы были основаны на вере, что души могли временно мигрировать из своих постоянных домохозяйств в Аиде, чтобы посетить дома своих живых родственников⁵. Отрывок из «Сатурналии», датируемый первыми годами V в. н.э. подробно описывает распространенное мнение о возможности мертвых «циркулировать» среди живых и свидетельствует о его поразительной живучести⁶.

Таким образом, географическое познание мира и тенденция римлян к концептуализации обживаемого пространства становятся основными источниками вдохновения при создании Аида, способствуя переводу топографических и архитектурных компонентов загробного мира в визуальные карты, которые, если и не были представлены в соответствующих зрительных образах, были, по крайней мере, отражены в ментальных представлениях.

Поскольку Аид отражал мир живых, а ойкумена в представлении римлян была окружена Океаном, то точно так же, адские реки окружали подземное царство и разделяли его на различные взаимосвязанные, но самодостаточные регионы. Это представление о реках, как естественных границах, явно хорошо укоренилось для сближения фактического и фантастического географического пространства, и осталось неизменным на протяжении всей истории Империи⁷.

Расхождения в расположении Аида в греческой и римской традициях являются свидетельством более общего отношения римлян к гео-

³ Borca 2000. P. 51.

⁴ Fowler 1912; Cumont 1949. P. 59-60.

⁵ Banti 1929. P. 182-189; Cumont 1949. P. 396-398; Toynbee 1971. P. 61-64.

⁶ Macrobius. Saturnalia, I.16-18.

⁷ Braund 1996. P. 46.

графии, что привело к серьезным отличиям в изображениях и описаниях греческого и римского мира мертвых⁸. Греки были заинтересованы в изучении географических областей во всей их полноте и единстве. Они стремились выявить и объяснить явления, регулирующие внешний мир: проводили математические расчеты, чтобы определить размер Земли, а также понять взаимоотношения между Землей и небом, чтобы понять саму суть Космоса⁹. Их точка зрения была скорее этноцентрической, чем этнографической. Греческая ойкумена воспринималась как центр Вселенной: все другие известные зоны были изучены в связи с этой точкой опоры и, следовательно, воспринимались в сравнении и отличии от нее. Этнографические подробности не слишком интересовали греков, в основном потому, что они предоставляют информацию об ограниченных аспектах мира, но не расширяют общие знания о нем.

В то время как греки применяли прикладную математику для изучения территории, римляне предпочитали топографию для фиксации поверхности местности через чертежи. Свидетельства Птолемея о различиях между региональной и мировой картографией четко излагают два различных подхода к изучению мира¹⁰. Однако объединение этих двух различных географических подходов привело к созданию уникальной концепции мира, где известные и неизвестные, реальные и вымышленные земли оказались вне возможностей дифференциации, так как они были описаны с помощью аналогичной терминологии.

Цель данной статьи – рассмотреть загробный мир древних римлян в качестве конкретного локуса в контексте макропроцессов, поскольку он был помещен в пространственно-временные рамки реального социального и культурного взаимодействия. При этом не просто рассмотреть его как коллективную мнемоническую традицию и ментальный пространственный образ, а как пример некоего микрокосмоса, как развивающегося организма, способного создать полноценную коллективную биографию древних римлян¹¹.

Постепенное территориальное расширение империи заставило римлян обращать более пристальное внимание на свои географические познания. Последние оказывались под самым непосредственным воздействием военных побед римлян, и были подвергнуты определенной идеологизации¹². Идеологические компоненты в географических описаниях поздней Республики и ранней Империи играли роль и в описаниях хтонических областей, что доказывает существование прямого

⁸ Whittaker 2004. P. 63.

⁹ Обидина 2017.

¹⁰ Ptolemy Geography I.1.

¹¹ Репина 2011. С. 165.

¹² См.: Rambaud 1974.

вывода топографических характеристик Аида из форматов, используемых в формировании пространства Империи¹³.

С конца эпохи Республики официальная пропаганда начинает утверждать, что границы Рима и мира совпадают¹⁴. В 61 г. до н.э. Помпей объявил, что границы Римской империи распространились до самых пределов Земли¹⁵. Затем Август провозгласил, что мир – это империя Рима¹⁶. Современные Августу писатели подчеркивали этот аспект универсальности Вселенной: согласно Овидию, пределы города Рима и мира совпадали, в то время как для Вергилия универсальность пространства соответствует универсальности времени¹⁷. По сути, римляне деформировали понятие времени: они расширили его, чтобы создать иллюзию вечного момента славы и, в то же время, они сжали его, чтобы увековечить непреложный примат поднимающейся Империи. Кроме того, подобные манипуляции произошли и с понятием пространства: с прогрессирующим расширением территории Империи вся ойкумена, полнота обитаемого мира, идеологически была преобразована в единый Ойкос, одним словом, приобрела свойства одного грандиозного домашнего хозяйства, чем, по сути, и являлся Рим для Августа.

Как справедливо отметил В. Вжосек, «применяя свой ментальный культурный инструментарий, мы не можем исследовать объект своего познания так, чтобы это не оказывало воздействия на результат исследования»¹⁸, что еще в большей мере актуально для изучения представлений о загробном мире. Все дошедшие до нас описания римского Аида являются путешествиями героя или умершего, а хтонические населенные пункты представлены в виде последовательных остановок по дороге, с редкими экскурсами и описаниями более точных деталей топографического характера конкретных областей. Аид описывается в т.н. «горизонтальной перспективе», где путь определяется по отношению к следующему для посещения или наиболее доступному месту, а не к общей географии и топографии подземного мира. Эта одномерность постоянна в большинстве текстов, которые описывают регионы и содержат данные топологии – не только в географических трактатах, но и в текстах, связанных с путешествиями в подземный мир¹⁹.

Таким образом, римское географическое и топографическое понимание мира, идейно-практическое представление о нем, фундаменталь-

¹³ Feldherr 1999. P. 91-96, 116.

¹⁴ Morgan 1980. P. 143-146.

¹⁵ Diodorus Siculus. Bibliotheca Historica, XL, 4,1.

¹⁶ Storoni Mazzolani 1994.

¹⁷ Ovid. Fasti, II. 683-684; Virgil. Aeneid, I. 278-279.

¹⁸ Вжосек 2012. С. 157.

¹⁹ О роли путешествия в описании загробного мира см.: Обидина 2016. С. 9-17.

ная роль путешествия в визуализации пространства, свидетельствуют о том, что концепция Аида как географической реальности глубоко укоренилась в культурных представлениях эпохи. Загробный мир римлян был построен из природных и архитектурных элементов, полученных из наблюдений за современной ойкуменой, и, следовательно, литературные и художественные изображения подземного царства сформировались, в конечном счете, под влиянием множества конвенций, как в повествовании, так и в визуализации фактических местностей²⁰. Другими словами, римский Аид может быть представлен как результат посредничества между элементами реальности и фантазии. Этот процесс соответствует созданию мысленных образов неизвестных мест или, по определению Сервия²¹, является риторической фигурой описания, т.е. полной противоположностью реальной топографии.

Действительно, в понимании литературных и художественных хтонических пейзажей, человек занимался расшифровкой событий и идентификацией топографических элементов, в соответствии с системой культурных, религиозных, и географических координат. Этот процесс идентификации был основан, прежде всего, на общечеловеческой предрасположенности к созданию ментальных пространственных образов, с опорой на знакомые топографические и географические элементы, которые характеризуют как реальные, так и мнимые населенные пункты. В римской образованной аудитории эта предрасположенность усиливалась с помощью мнемонических методов, применяемых в риторическом обучении, когда каждого учили визуализировать воображаемые объекты и связывать в памяти события в пространстве. И, наконец, расцвет литературы об утопических землях и его художественный двойник в виде идиллических пейзажей также повлияли на формирование фантастической топографии Аида.

Представление о том, что мысленные образы создаются, опираясь на уже существующие элементы в памяти, не было чуждо античной мысли. Рут Уэбб показала, что греки и римляне были знакомы с идеей о том, что ментальные образы являются результатом комбинации уже существующих воспоминаний и перестраиваются по мере необходимости²². В человеческом сознании географические знания не хранятся в готовом виде. Наше пространственное знание неизвестной среды изначально основано на паре ориентиров, которые обеспечивают элементарную ориентацию в пространстве и помощь в передвижении. При мысленной доработке наших представлений о такой среде, мы подключаем эти ориентиры и разрабатываем маршруты, используемые для

²⁰ О визуализации загробного мира у древних римлян: Casagrande-Kim 2012.

²¹ Servius. In Vergilii..., I.159-160.

²² Webb 2009. Ch. 5.

перемещения между ними. Наиболее сложная форма пространственных знаний достигается тогда, когда информация о различных маршрутах объединена в виде единого и согласованного представления. С точки зрения Б. Кейперс²³, в психике человека географические знания делятся на несколько частичных представлений, которые слабо связаны друг с другом, как страницы в атласе. Поэтому при получении информации о конкретном месте нам часто требуются сведения более чем с одной страницы наших «когнитивных атласов», и полученное представление состоит из комбинации отдельных фрагментов, взятых из существующих знаний. Следуя за теорией Б. Кейперс, Б. Тверски предложил понятие «когнитивной метафоры», согласно которой ментальные представления составляют некий коллаж из фрагментов, полученных из разнородных частей пространственной информации²⁴. Общей характеристикой представлений о пространстве, как реальном, так и фантастическом, является отсутствие когерентности, правдивости и полноты. Такого рода знания являются фрагментарными, неполными и искаженными. Таким образом, наши представления о любом пространстве, на самом деле, далеки от действительности: даже когда мы представляем знакомые нам места, расстояние до них и ориентация в пространстве искажаются, чтобы соответствовать тем идеальным формам, которые мы пытаемся невольно им придать. К этому надо также прибавить переизбыток информации, с которой мы сталкиваемся каждый день. Под ее влиянием наш мозг усваивает лишь небольшую часть впечатлений от окружающего мира. После того, как информация о каком-то пространстве собрана в единое целое, мозг, наконец, готов произвести внешнее представление, которое может принимать форму двух- или трехмерной модели, топографической карты или простого описания.

Визуализируя загробный мир, римляне, вероятно, проводили подобный акт мыслительной реконструкции. Другими словами, все ландшафтные элементы подземного мира они взяли из общих географических и пространственных знаний. В основу этой реконструкции легли знакомые пейзажи, памятные черты, отражающие исторические, мифологические, культурные и религиозные представления эпохи, ставшие первичными ориентирами, которые впоследствии были скорректированы под влиянием утвердившихся культурных установок²⁵.

Как же римляне могли описать несуществующее место, вернее, место, которое они никогда не посещали? Возможно, образы, складывающиеся на основе опыта, создавали основу для последующего конструирования. Это также можно отнести и к терминологии, принятой

²³ Kuipers 1982. P. 210.

²⁴ Tversky 1993. P. 20.

²⁵ Cohen. 2007. P. 309.

в описании такого рода воображаемых местностей. В случае римского Аида, терминологический аппарат находится в прямой зависимости от реальных географических названий. Результатом становится смешение реальности и фантазии, на что недвусмысленно намекают сами авторы, с целью усилить таинственность и неуловимость описываемых пейзажей. Предлагается игра в воображаемые места, которые искажены в зеркале повседневного мира.

В качестве яркого примера можно привести шестую книгу «Энеиды», в которой описание топографии Аида четко следует мысленно сконструированному Вергилием образу подземного мира. Вергилий, по сути, создал пейзаж, напоминающий городскую и сельскую местность современной ему Италии. Вход в подземное царство напоминает монументальные ворота типичного итальянского города, большая часть растительности, произраставшей в Аиде, была знакома жителю полуострова. Общее же описание загробного мира является фрагментарным и неполным, а пространственные отношения искажены и, в конечном счете, нереальны. В основном это связано с тем, что повествование основано на последовательности ориентиров, которые указывают на начало, конец и перекрестки пути, пройденного Энеем.

Таким образом, предполагаемая обстановка Аида определяется ходом главной дороги подземного царства, когда Посетитель последовательно останавливается у входа в подземный мир, на пересечении Стикса, в пещере Цербера, на развилке дорог между Тартаром и Элизием, и наконец, дворце Плутона²⁶. Каждая обстановка предполагает точное следование по маршруту и является условием попадания в следующий пункт.

При этом подразумевается, что общее представление о загробном царстве должно быть понятно римскому читателю, и он должен быть уведомлен о современных верованиях в загробную жизнь, поскольку сцены подземного царства изображены довольно схематично. Вся карта римского Аида выстроена вокруг пути, или маршрута, по которому идет герой или умерший. Кроме того, установка не передает общую схему Аида, а только географические или топографические объекты, которые описаны один за другим, в той последовательности, в которой душа сталкивается с ними во время путешествия.

Однако описание загробного мира – это не только мыслительный процесс автора. Читатель также должен распознавать эти мыслительные образы, чтобы декодировать и понимать элементы воображаемых местностей, с целью сделать их своим достоянием. Но поскольку пространственные представления основаны на механизмах, которые яв-

²⁶ Virgil. Aeneid, VI. 273-289.

ляются уникальными для культурной среды каждого общества, то публика и писатель должны делиться в целом понятными и принятыми географическими фактами. Именно из этих общих знаний о пространствах, как реальных, так и вымышленных, вычленяются локусы, которые становятся символически значимыми благодаря их высокой культурной, социальной и религиозной ценности. Эти локусы могут быть реальными или вымышленными, как в случае с загробным миром, могут иметь мнимые параметры, но их существование отвечает на конкретные культурные потребности общества. Такого рода социоментальная топография включает в себя процесс социализации мнемонического: с помощью коллективных мнемонических традиций каждое общество объясняет и оправдывает свое существование укоренением в общественном сознании таких символических мест. Таким образом, степень правдоподобности определенного географического объекта или его местоположение не имеет никакого отношения к его символическому значению, и данное обстоятельство не влияет на фактический акт его описания или воспроизведения.

Современные исследователи, как и их предшественники, в большинстве случаев пытаются традиционным образом подойти к расшифровке местоположения Аида – найти конкретные географические соответствия элементов, присутствующих в представлениях и описаниях. Особенно когда речь шла о древних текстах, то ученые пытались найти вход в Аид на современной карте, кропотливо искали несоответствия и объясняли их ошибками древних авторов. Действительно, большинство из описанных древними авторами входов в загробный мир не фиксируется на реальных планах местности. Поэтому Вергилий и другие авторы были обвинены в некомпетентности, либо в нарочном изменении некоторых топографических деталей и ландшафтов для реализации неких политических устремлений²⁷. Появляются даже аргументы вроде «поэты же не являются картографами»²⁸. Но такие неточности следует считать не результатом невежества или идеологических манипуляций, а естественными компонентами представлений о неизвестных местностях, перенесенными на реальные географические условия, с помощью которых авторы могли познакомить читателя с ними.

Количество исследований и спекуляций на тему локализации загробного мира является поистине впечатляющим. Однако, по справедливому утверждению Н. Хорсфолла, «стремление к точности не означает наличие средств для ее достижения»²⁹. Нечеткость изображаемых

²⁷ Hitchcock 1933.

²⁸ Fratantuomo 2007. P. 199.

²⁹ Horsfall 1985. P. 197.

географических регионов является результатом невозможности перевода в точные измерения понятий таинственного, мистического и неуловимого, которые в конечном итоге никогда не будут зафиксированы в категориях живых людей. В конце концов, Вергилий не держал карту в руках, описывая путешествие Энея, чтобы воссоздать обстановку подземного мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Вергилий. Энеида* / Пер. с лат. С. Ошерова. М.: Азбука—классика, 2013. 384 с.
- Диодор Сицилийский*. Диодора Сицилийского историческая библиотека. Пер. И. Алексеевым. Ч. 1–6. СПб. 1774–1775.
- Клавдий Птолемей*. Руководство по географии (отрывки) / Пер. С.К. Апта и В.В. Латышева // *Античная география*. М., 1953. С. 286–323.
- Макробий*. Сатурналии / Пер. с лат. и греч., прим. и словарь В.Т. Звиревича / Под ред. С.П. Пургина. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного ун-та, 2009. 372 с.
- Публий Овидий Назон*. Элегии и малые поэмы. Сост. и предисловие М. Л. Гаспарова. Комментар. и ред. переводов М. Гаспарова и С. Ошерова; Перевод с латинского Ф. А. Петровского. М.: «Художественная литература», 1973. 528 с.
- Servianorum in Vergili Carmina Commentariorum*. Edition Harvardiana. Vol. III. The Commentaries on Aeneid III-V, éd. Stocker (Arthur F.) et Travis (Albert H.). Oxford: The University Press, 1965. 590 p.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Вжосек В. Культура и историческая истина. М.: Круг, 2012. 336 с. [Vzhosek V. Kul'tura i istoricheskaja istina, M.: Krug, 2012, 336 p.]
- Обидина Ю.С. Топография загробного мира у древних римлян // Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции). Чебоксары, 2017. С. 75–78. [Obidina Ju.S. Topografija zagrobnogo mira u drevnih rimljan, Aktual'nye voprosy arheologii, jetnografii, istorii (k 100-letiju so dnja rozhdenija V.F. Kahovskogo i 60-letiju Chuvashskoj arheologicheskoi jekspedicii). Cheboksary, 2017, pp. 75–78].
- Обидина Ю.С. Путешествие Одиссея в загробный мир: опыт осмысления человека в греческой архаической космологии // Запад–Восток. 2016. С. 9–17. [Obidina Ju.S. Puteshestvie Odisseja v zagrobnij mir: opyt osmyslenija cheloveka v grecheskoj arhaicheskoi kosmologii, Zapad-Vostok, 2016, pp. 9–17].
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М.: Круг, 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv, M.: Krug, 2011, 560 p.]
- Banti L. Il culto dei morti nella Roma antichissima // Studi italiani di filologia classica. 1929. № 7. S. 171–198.
- Borca F. Per loca senta situ ire: An exploration of the chthonian landscape // Classical Bulletin. 2000. № 1. P. 51–59.
- Braund D. River frontiers in the environmental psychology of the Roman world // Kennedy D.L. The Roman Army in the East // Ann Arbor. Michigan, USA: Journal of Roman Archaeology, 1996. P. 43–48.
- Casagrande-Kim R. The Journey to the Underworld: Topography, Landscape, and Divine Inhabitants of the Roman Hades. The dissertation of Doctor of Philosophy in the Graduate School of Art and Science. Columbia University, 2012. 368 p.
- Cohen A. Mythic Landscapes of Greece // Woodard R.D. The Cambridge Companion to Greek Mythology. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 305–330.
- Cumont F. Lux Perpetua. Paris: Paul Geuthner, 1949. 524 p.
- Feldherr A. Putting Dido in the Map: Genre and Geography in Vergil's Underworld // Arethusa. 1999. № 32. P. 85–122.

- Fowler W.W. *Mundus Patet*. 24th August, 5th October, 8th November // *The Journal of Roman Studies*. 1912. № 2. P. 25–33.
- Fratantuono L. *Madness unchained: a reading of Virgil's Aeneid*. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2007. 427 p.
- Hitchcock L.S. *Selective Topography* // *The Classical Journal*, 28. April, 7. 1933. P. 505–514.
- Horsfall N. *Illusion and Reality in Latin Topographical Writing* // *Greece & Rome*. Second Series. Vol. 32. № 2. October 1985. P. 197–208.
- Kuipers B. *The map in the head metaphor* // *Environment and Behavior*, 14. 1982. № 2. P. 202–220.
- Morgan M.G. *Imperium sine finibus: Romans and World Conquest in the First Century B.C.* // Burnstein S.M., Okin L.A. eds. *Panhellenica: essays in ancient history and historiography in honor of Truesdell S. Brown*. Lawrence 1980. P. 143–154.
- Rambaud M. *L'espace dans le recit cesarien* // Chevalier R. ed. *Littérature grégoromaine et géographie historique: Mélanges offerts à Roger Dion*. Paris, 1974. P. 111–129.
- Scafi A. *Mapping paradise: a history of heaven on earth*. Chicago: Un-ty of Chicago Press, 2006. 398 p.
- Storoni Mazzolani L. *L'idea di città nel mondo romano: l'evoluzione del pensiero politico di Roma*. Firenze: Le Lettere, 1994. 162 p.
- Toynbee J.M.C. *Death and burial in the Roman world*. Ithaca, N.Y.: Cornell U.P., 1971. 336 p.
- Tversky B. *Cognitive maps, cognitive collages, and spatial mental models* // Ed. by A. Frank, I. Campari. *Spatial information theory. A theoretical basis for GIS*. Berlin, Springer-Verlag, 1993. P. 14–24.
- Van Baaren T.P. *Geographies of Death* // Sullivan L.E. ed. *Death, afterlife, and the soul*. New York: Macmillan, 1989. P. 96–101.
- Webb R. *Ekphrasis, Imagination and Persuasion in Ancient Rhetorical Theory and Practice*. Farnham: UK / Burlington, VT: Ashgate, 2009. 238 p.
- Whittaker C.R. *Rome and its frontiers: the dynamics of empire*. L.; N.Y.: Routledge, 2004. 246 p.

Обидина Юлия Сергеевна, доктор философских наук, профессор кафедры истории средневековых цивилизаций, Нижегородский государственный университет им. Н.Н. Лобачевского; basiley@mail.ru

Socio-mental topography of the underground world of ancient Romans as an example of collective mnemonic tradition

The article deals with the afterlife realm of the ancient Romans as an example of a specific locus in the framework of macro-socio-cultural processes. The article's aim is to show that the ideas of the afterlife were not only a mirror image of the earthly life, but also described similar terms and represented the collective mnemonic tradition. It is noted that socio-mental topography of the underworld allowed to create a symbolic place, where the Roman society explained and justified its existence through collective mnemonic traditions in according to a system of cultural, religious, and geographical coordinates.

Keywords: afterlife realm, Hades, Pluto, Virgil, the ancient Rome, tradition, visual maps, mental representations

Yulia Obidina, Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Nizhny Novgorod State University, basiley@mail.ru

Е. В. КАЛМЫКОВА

ПАСТЫРИ ВО ГЛАВЕ АРМИИ ОБРАЗЫ ВОИНСТВЕННЫХ ПРЕЛАТОВ В АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматриваются казусы, связанные с нарушениями людьми Церкви заповестей на ношение оружия и участия в военных действиях. Основное внимание автор обращает на то, как эти казусы были отражены в английской средневековой исторической традиции.

Ключевые слова: *оружие, война, Церковь, духовенство, каноническое право, хроники*

«...Злому не противься, но если кто ударит тебя в правую щеку, подставь ему другую... любите врагов ваших и молитесь за тех, кто гонит вас» [Мат. 5: 39, 44]. Эти слова из Нагорной проповеди Христа, вместе с другими евангельскими текстами и посланиями апостолов, стали основой для христианского пацифизма. Некоторые из ранних отцов Церкви (Тертуллиан, Ориген, Лактанций) полностью отвергали кровопролитие, считая его языческим наследием, и провозглашали новую христианскую эру эпохой мира. Другие христианские богословы (Климент Александрийский, Амвросий Медиоланский, Августин Блаженный), напротив, пытались адаптировать пацифистские идеалы к суровой реальности, закладывая основу христианского понимания справедливой войны¹. Впрочем, всех теологов объединяло представление о войне, как о деле исключительно мирском, не подходящем для служителей Церкви. Это нашло отражение и в церковном законодательстве. В 451 г. Халкидонский (IV Вселенский) собор запретил духовенству (как клирикам, так и монашествующим) носить оружие, провозгласив следующее: «тот, кто стал священником или монахом, не должен нести военную службу или исполнять светскую должность. Тот, кто посмеет сделать это, не покается и не вернется к своему первоначальному служению Богу, должен быть предан анафеме»².

Между тем, после провозглашения христианства официальной религией в Римской империи (Миланский эдикт, 313 г.) иерархи Церкви

¹ The Early Fathers on War and Military Service... 1983.

² «Qui semel in clero deputati sunt aut monachorum vitam expetiverunt, statuimus, neque ad militiam neque ad dignitatem aliquam venire mundanam aut, hoc temptantes et non agentes poenitentiam, ut redeant ad hoc, quod propter Deum prius elegerunt, anathematizari» (Decrees of the Ecumenical Councils, p. 90, c. 7). В богословии это соборное правило трактуется как общий запрет на возвращение в мирское состояние. См.: Православная Энциклопедия Т. 9. С. 612 (Вселенский IV Собор), т. 16. С. 385 (Духовенство). Выражаю благодарность за это замечание Н.И. Алтуховой.

были наделены административными полномочиями, среди которых была оборона епархии и защита паствы от врагов (*defensor civitatis*). Вплоть до позднего Средневековья роль епископов как локальных и региональных политических лидеров только возрастала. Рассуждая о пастырском долге, возложенном на каждого епископа, автор «Жития Бруно, архиепископа Кельна» Руотгер (1-я пол. X в.) полагал, что главам епархий следует заботиться не только о душах своей паствы, но и оберегать их тела в условиях опасности, «возглавляя их во время войн»³. Активность прелатов на военном поприще в раннее и классическое Средневековье приводила к тому, что в ходе сражений их убивали. Согласно подсчетам Ф. Принца, в Каролингской империи по крайней мере десять епископов были убиты в боях в период с 886 по 908 г.⁴ В Англии дело обстояло аналогичным образом. Хорошо известен пример епископа Шерборна Элстана, брата короля Уэссекса Эгберта, который одержал множество побед над данами: «845 год от Р.Х. В этот год олдермен Эанульф, с людьми из Сомерсета, и епископ Элстан, и олдермен Осрик, с людьми из Дорсета, сражались в устье Паррета с армией данов; и там многих убили и одержали победу»⁵. Его преемник Хемунд также сражался с данами и был убит в битве при Басинге в 871 г.⁶

Важно отметить, что эти события разворачивались на фоне папских (наиболее суровые возражения исходили от Николая I (858–867)) и соборных (в Мо – 845 г., в Париже – 846 г., в Тичино – 876 г., в Меце – 888г.) запретов на ношение оружия священниками⁷. Это противоречие довольно быстро получило идеальное, но практически не соблюдаемое на практике, разрешение. Например, собор в Вере 844 г. поддержал идею назначения епископами помощников из числа мирян, дабы те занимались организацией военной службы вассалов прелатов⁸. Сами же иерархи Церкви, так же как простые ее служители, должны были заниматься исключительно пастырской деятельностью: молитвами, наставлениями, проповедями и совершением таинств.

Центральным сюжетом данной статьи мне хотелось бы сделать не правовой аспект участия священников и монахов в военных действиях,

³ «Causantur forte aliqui dispensationis ignari, quare episcopus rem populi et pericula belli tractaverit, cum animarum tantummodo curam susceperit. Quibus res ipsa facile, si quid sanum sapient, satisfacit, cum tantum et tam insuetum illis presertim partibus pacis bonum per hunc tutorem et doctorem fidelis populi longe lateque propagatum aspiciunt, ne pro hac re quasi in tenebras amplius, ubi non est presentia lucis, offendant» (Ruotgeri Vita Brunonis archiepiscopi Coloniensis... S. 23–24).

⁴ Prinz 1971. S. 81–87.

⁵ The Anglo-Saxon Chronicle. P. 64–65; Англосаксонская хроника... С. 65.

⁶ The Anglo-Saxon Chronicle. P. 68–69; Англосаксонская хроника... С. 68–69.

⁷ Duggan 2003. P. 97.

⁸ Prinz 1979. Vol. II. P. 306.

и не размышления богословов по данному вопросу, а традицию повествования в исторических сочинениях о событиях, связанных с участием духовных пастырей в военных действиях.

Прибывший около 429 г. в Британию для борьбы с пелагианской ересью епископ Герман Осерский лично принимал участие в сражении с пиктами. Составляя житие св. Германа, Констанций Лионский (ок. 480 г.) не только не стал опускать эту информацию, но, напротив, сделал на ней акцент. Рассказ Констанция полностью повторил Беда Достопочтенный. Св. Герман показан предводителем праведного христианского воинства, выступившего против нечестивых язычников. Придавая столкновению с пиктами оттенок борьбы за истинную веру, Констанций, а за ним и Беда, указывают на подобающее поведение святого, которое не противоречит запретам на ношение оружия представителями духовенства. В руках Германа не было оружия, но лишь хоругвь. Вместе с другими епископами он восклицал «Аллилуйя!», призывая остальных христиан повторить эти аккламации. Своими возгласами, «не нанеся ни одного удара», бритты напугали и обратили в бегство врагов. «Так победоносные понтифики одолели врага без пролития крови, одержав победу верою, а не силой»⁹. Это описание также содержит прямую аллюзию на ветхозаветную победу Гедсона над мадианитянами [Суд. 7: 16–23], что подчеркивает религиозное значение победы.

Один из самых активных на военном поприще прелатов, единоклубный брат Вильгельма Завоевателя, Одо, епископ Байё, многие годы верой и правдой служил своему герцогу и королю. Епископ неоднократно возглавлял королевскую армию. О его участии в битве при Гастингсе (1066) сообщается во многих хрониках, его деяния также изображены на ковре из Байё. Епископ предстает не только как участник военного совета накануне сражения, но и как один из активных военных командиров. В полном рыцарском доспехе – шлеме и кольчуге, на боевом коне, которого он прищипоривает шпорами (на ковре они тщательно вышиты) – он вооружен сучковатой дубиной. Таким образом, автор рисунков для ковра, изготовленного, вероятно, по заказу епископа Одо, хотел продемонстрировать военные заслуги прелата, но также соответствие его поведения запретам на ношение меча и пролитие крови¹⁰. В том же ключе действовал Уильям из Пуатье (ум. 1090), один из ключевых хронистов этих событий, заложивший прочную историографическую традицию повествования о нормандском завоевании. Говоря об участии епископа Байё в военных действиях, хронист подчеркивал его роль как предводителя войска, но одновременно ука-

⁹ Беда Достопочтенный. Церковная история... I, XX. С. 25–26.

¹⁰ На ковре из Байё герцог Вильгельм, помимо меча, также вооружен чем-то вроде дубины. Возможно, дубина была неким символом власти. См.: Cowdrey 1997.

зывал на соблюдение религиозных предписаний: «Он никогда не брался за оружие, и никогда не желал этого; тем не менее, он внушал страх вооруженным людям, ибо, когда возникала нужда, он помогал воевать насколько ему позволял сан. Единственно и постоянно лишь королю, своему единоутробному брату, он был предан и лелеял его большой любовью и не желал расставаться с ним даже на поле боя, от него он получил много почестей и рассчитывал получить еще больше»¹¹.

Одо, епископ Байё, был не единственным воинственным прелатом в окружении Вильгельма Завоевателя. Вместе с ним в битве при Гастингсе участвовал Жоффруа де Монбрей, епископ Кутанса. Прелатов сопровождали «многочисленные клирики и монахи, подготовившие себя к битве молитвами»¹². Повторяя вслед за Уильямом из Пуатье рассказ о битве при Гастингсе, Ордерик Виталий (ум. ок. 1142) также сделал акцент на молитвах, возносимых обоими епископами и другими служителями Церкви, и фактически свел к молитвам все их участие в сражении¹³. Повествуя о том, как Жоффруа де Монбрей в 1069 г. возглавил войско в походе против «западных саксов», «убивая одних, захватывая в плен и калеча других, и обращая прочих в бегство», а также о других многочисленных битвах между «англичанами и завоевателями», Ордерик Виталий добавил, что достойнейший епископ не только вел рыцарей в бой, но также возносил молитвы Богу¹⁴; тем самым хронист несколько затушевал указание об участии прелата в кровопролитии. Симеон Даремский (ум. после 1129), сообщая о разорении и опустошении окрестностей Дарема в 1080 г. армией, во главе которой находился сам епископ Байё — единственный из магнатов, которого хорошо осведомленный о тех событиях историограф называет по имени, также избегает указаний на непосредственное участие Одо в военных действиях¹⁵. Не осуждая карательный характер похода, хронист подчеркивает военные заслуги епископа, но при этом не оставляет сколько-нибудь конкретных сведений, которые могли опорочить служителя Церкви.

¹¹ «Arma neque mouit unquam, neque uoluit moueri, ualde tamen timendus armatis. Bellum namque utilissimo consilio, cum necessitas postularet, iuuabat, quantum potuit religione salua. Regi, cuius frater erat uterinus, quem tanto amplectabatur amore ut nec inter arma uellet ab illo separari, a quo magnos acceperat atque sperabat honores, unice constantissimeque fidelis fuit» (William of Poitiers. *Gesta Guillelmi*. P. 167).

¹² «Aderant comitati e Normannia duo pontifices, Odo Baiocensis et Goisfredus Constantinus, una multus clerus et monachi nonnulli. Id collegium precibus pugnare disponitur» (Ibid. P. 125).

¹³ Orderic Vitalis. *The Ecclesiastical History*. Vol. II. P. 173.

¹⁴ Ibid. P. 229, 267.

¹⁵ «Odo Baiocensis episcopus, qui tunc a rege secundus fuerat, et multi cum eo primates regni cum multa armatorum manu Dunhelmum uenerunt, et dum mortem episcopi ulciscerentur terram pene totam in solitudinem redegerunt» (Simeon of Durham. Vol. 3, Part 2. P. 218–219).

Многие архиепископы Йоркские лично заботились об обороне края, регулярно подвергавшегося разорениям со стороны северных соседей. В 1138 г., в беспокойное для Английского королевства время – начало войны Стефана Блуаского и Матильды за корону Англии, шотландцы совершили одно из самых жестоких нападений на английское Пограничье. Современники этих событий, английские авторы середины XII в., традиционно представляли рассказ об этих столкновениях как о противостоянии благочестивого христианского воинства нечестивому. Обычно повествование начинается с перечислений злодеяний, творимых шотландцами в отношении мирного английского населения. Ричард Гексемский называл шотландскую армию «отвратительным войском, более диким, чем любые язычники, не почитающие ни Бога, ни человека». Шотландцы «разорили всю область и везде убивали местных жителей, не различая ни пола, ни возраста, ни состояния, уничтожая, грабя и сжигая деревни, церкви и дома»¹⁶. Элред из Риво замечал, что о злодеяниях, подобных тем, что творили шотландцы, невозможно прочесть ни в одном историческом сочинении¹⁷.

В английских хрониках того времени содержатся свидетельства массовых захватов в рабство и убийств священников, женщин и детей. По словам Генриха Хантингтонского: «они [шотландцы – *Е.К.*] разрушали беременных женщин и вырывали нерожденный плод. Они поднимали детей на острия своих копей. Они калечили священников перед алтарями. Они приставляли к телам убитых отбитые головы распятий и, меняя их местами, помещали на распятия головы убитых. Повсюду, где появлялись скотты, их сопровождали ужас и варварство, крики женщин, вопли стариков. Стоны умирающих, отчаяние живых»¹⁸. Детальное описание нечеловеческих жестокостей, творимых шотландцами, которые нарушали все мыслимые правила ведения войны по-христиански, логическим образом оправдывает появление духовного лидера, ставшего организатором сопротивления врагу. Именно Йоркский архиепископ Турстан представлен в хронике Генриха Хантингтонского лидером, сумевшим собрать, в отсутствие короля Стефана, баронов северных графств для обороны края. Архиепископ обещал северным баронам, что «священники его диоцеза, держа кресты, отправятся с ними в битву вместе со своими прихожанами, и что он сам, по воле Бога, желает быть со своими людьми в этом бою»¹⁹.

¹⁶ Richard of Hexham. *De Gestis Regis Stephani et de Bello Standardii*. P. 161.

¹⁷ Ailred of Rievaulx. *Historical Works*. P. 254.

¹⁸ Генрих Хантингтонский. История англоv/С. 500; Henry of Huntingdon. *Historia Anglorum*. P. 708.

¹⁹ «Promisit etiam eis quod suae diocesis presbyteros singulos, cum crucibus et parochianus suis, pariter cum illis in bellum procedure faceret, et quod ipse cum suis bello interesse, Deo disponente, cogitabat» (Richard of Hexham. P. 161).

В последний момент болезнь помешала архиепископу принять участие в сражении, но он отправил вместо себя епископа Оркнейских островов, который воодушевил английских воинов пламенной речью, полной патриотических топосов о прошлых победах, призывов к возмездию, а также указаний на божественное правосудие, которому суждено свершиться руками сплотившихся вокруг него: «Вы – те, кто сегодня должен отомстить за дом Господа, священников Господа, смиренный народ Господа; если кто-то из вас падет в битве, то мы, представляя архиепископа, освобождаем вас от всякого наказания за грехи во имя Отца, чьи создания они жестоко и ужасно уничтожали, и Сына, чьи алтари они осквернили, и Святого Духа, вдохновленных коим они убили в своем безумии»²⁰. По сравнению с шотландцами англичане предстают истинным христианским войском. В центре их позиций была установлена повозка, к которой привязали знамена и хоругви с ликами святых (Петра Йоркского, Иоанна Беверлийского, Вилфрида Рипонского и Кутберта Даремского), особо почитаемых в северных областях королевства. Из-за изобилия знамен сражение стало известно как «Битва штандартов»²¹. Единение английских пастырей и воинов перед лицом чудовищного противника представлено в исторических сочинениях весьма логичным и оправданным, и ни один из авторов не упоминает о нарушении норм канонического права, запрещавших лицам духовного звания братья за оружие.

Сопровождавшие войска клирики должны были вдохновлять воинов на ратные подвиги, суля поддержку Бога в правом деле. Впрочем, нередко представители духовенства не ограничивались внушениями мирянам, являя подлинный пример наставления действием. Часто и авторы текстов не могли или намеренно не хотели замалчивать несоответствующие каноническому праву деяния духовных лиц, полагая их оправданными достойной причиной.

Одним из наиболее активных на ратном поприще прелатов эпохи Генриха II Плантагенета был единственный бастард короля, Джеффри, избранный в 1173 г. епископом Линкольна, а в 1189 г. ставший архиепископом Йоркским. В 1173–1174 гг., во время мятежа законных сыновей Генриха II, выступивших в союзе с матерью, королем Франции и королем Шотландии против своего отца, Джеффри Линкольнский возглавил английское королевское войско, действовавшее на севере Англии. Весной и летом 1174 г. вверенная ему армия захватила замки прикнувшего к мятежникам Роджера де Монбрея в Аксхольме и Йоркшире. Епископ проявил себя хорошим тактиком, организовав оборону северных границ королевства от вторжений шотландцев. Деятельность

²⁰ Генрих Хантингтонский. С. 503-504; Henry of Huntingdon. P. 714–716.

²¹ Bradbury 2004. P. 238.

Джеффри Линкольнского не только не осуждается хронистами, как неподобающая духовному сану, но, напротив, удостаивается всяческих похвал, как образец сыновней и подданнической верности.

Особое внимание заслугам Джеффри Плантагенета уделил Гиральд Камбрийский, посвятивший ему одну из глав «Зеркала Церкви». Примечательно, что все персонажи «Зеркала...» были либо уже широко почитавшимися святыми, либо, подобно Ремигию Феканскому, святыми потенциальными, канонизацию которых поддерживал сам Гиральд. Повествуя об осаде замка Роджера де Монбрея, Гиральд пишет, что епископ Джеффри «сражался за отца и родину» (*pro patre simul et patria dimicare*)²². Сыновняя верность епископа Линкольнского выгодно отличает его от мятежных принцев, предавших отца. В уста самого Генриха II Гиральд вкладывает слова о том, что прелат – единственный законный сын короля, в то время как мятежники являются настоящими вырожденками²³. Таким образом, благородная и достойная причина – защита королевства и короля-отца – не только полностью оправдывает нарушение канонического права, но и фактически не оставляет возможности предположить иное поведение. Та же причина – *pro patre et patria* – приводится в хронике Иордана Фантозма. Трубадур и клирик из Винчестера описал события мятежа принцев в стихах. В диалоге короля и Ричарда, епископа Винчестерского, на вопрос Генриха II о том, кто из баронов сохранил ему верность в борьбе с шотландцами, епископ назвал Джеффри Линкольнского: «Он, сир, истинно Ваш верный друг / У него достаточно рыцарей и латников»²⁴.

Безусловно, мятеж сыновей и вассалов – ситуация экстраординарная, в которой выступление единственного оставшегося верным сына на защиту отца оправдывает другие прегрешения²⁵. Именно в этом ракурсе рассматривает Гиральд Камбрийский участие епископа Линкольнского в военных операциях. Сообщая о действиях прелата в Нормандии во главе армии Генриха II, воюющего с Ричардом Львиное Сердце, хронист указывает, что епископу было доверено «почти все королевское войско»²⁶. Конечно, мнение Гиральда Камбрийского, который сам надеялся стать епископом, весьма показательно, но оно, очевидно, не было исключительным. Собор, созванный в июле 1175 г.

²² Gerald of Wales. *Speculum Ecclesiae*... Vol. 4. P. 364–365.

²³ «*Alii filii mei se revera bastardos, iste vero solus se legitimum et verum esse probavit*» (Ibid. P. 368).

²⁴ «*Il est, sire, veirement vostre charneus amis; Asez ad chevaliers e bons serjans marchis*» (Jordan Fantosme. *Chronicle*. Lines 1556–1559)

²⁵ Поскольку младшему сыну Генриха на момент мятежа братьев было шесть лет, никто из хронистов его не учитывал.

²⁶ «*cancellarius cum exercitu fere toto versus Aleconam divertit*» (Gerald of Wales. P. 369).

в Вестминстере по инициативе архиепископа Кентерберийского, решительно осудил участие в военных действиях священников и ношение ими оружия²⁷. Однако на соборе не только не обсуждалось руководство военной кампанией Джеффри Плантагенетом, но именно в этом году его избрание на епископскую кафедру Линкольна было подтверждено папой Александром III.

Противостояние «своих» клириков «чужим» воинам, лишенным истинной веры, часто представлялось средневековыми историографами в качестве кульминационных или просто символических моментов в войне, таким образом подчеркивалась праведность деяний соотечественников и справедливость войны, которую они вели.

В 1346 г. в битве против шотландцев при Невиллс Кроссе помимо рыцарей северных графств под командованием лорда Перси участвовали монахи и клирики Йорка во главе с архиепископом. В изображении английских авторов это сражение предстает борьбой христово воинства с дьявольским. Анонимный автор «Бридлингтонского пророчества» (2-я пол. XIV в.) указывает на то, что вражеское войско вступило в бой под «предводительством дьявола»²⁸. Другой анонимный поэт, который посвятил победе англичан небольшую латинскую поэму, сделал тему противостояния поддерживаемых Христом праведников и одержимых Сатаной грешников главной в своем сочинении, сведя к минимуму рассказ о самой битве²⁹. Так же поступил и монах из Ланеркоста (середина XIV в.). Оба автора постарались усилить эмоциональное воздействие на читателей многочисленными ссылками на Писание и бесконечными сравнениями англичан и шотландцев с библейскими героями. Например, хронист из Ланеркоста уподобил Давида II царю Ахаву, делавшему «неудобное пред очами Господа более всех, бывших до него» и раздражавшему своими поступками Бога Израилева [3-я Царств 16:30–33], именуя пришедших с ним шотландцев «сынами беззакония»³⁰. Напротив, Уильяма Зуша, архиепископа Йоркского, и выступивших вместе с ним английских рыцарей он отождествил с Маттафией – иудейским священником, который вместе с сыновьями доблестно защищал веру и отечество [I Мак. II, 1, XIV, 16–19 и др.]³¹. Не ограничиваясь сравнениями с ветхозаветными героями, исто-

²⁷ «Quicumque ex clero videntur esse arma non sumant nec armati incedant, sed professionis sue vocabulum religiosi moribus et religioso habitu prebeant. Quod si contempserint tanquam sacrorum canonum contemptores et ecclesiastice auctoritatis prophantes proprii gradus amissione multentur, quia non possunt simul Deo et seculo militare» (Councils and Synods with Other Documents Relating to the English Church... P. 988).

²⁸ John of Bridlington // Political Poems and Songs... Vol. I. P. 148.

²⁹ On the Battle of Nevile's Cross // Political Poems and Songs... Vol. I. P. 41–51.

³⁰ Chronicon de Lanercost 1201–1341. P. 344, 349.

³¹ Ibid. P. 347.

риограф перешел к аллюзиям на Евангелия от Иоанна и псалмы, славя Господа за чудесную победу над врагом. Другой автор, Генрих Найтон (конец XIV в.), и вовсе полностью приписывал одержанную победу монахам, которые, по его словам, в тот день «как один были готовы жить и умереть для спасения королевства»³².

Примеры героических ратных подвигов английских клириков и монахов, воспетых в исторических сочинениях, можно продолжать долго. Согласно хронике Уильяма Торна из аббатства Св. Августина в Кентерберии (конец XIV в.), тамошний аббат Майкл Пичем, «несмотря на духовный сан, весьма активный в деле защиты своей страны», «возглавил сильный отряд из своих собственных, а также других способных людей, которых он держал при себе», и сражался с врагами при Фолкестоуне, а затем возле Дувра, отразив неприятеля в обоих сражениях»³³. Томас Уолсингем (ок. 1419) сообщает о настоятеле аббатства Льюис, который сражался вместе с рыцарями и был захвачен в плен во время защиты деревни Роттингдон (недалеко от аббатства)³⁴. Историограф XVII в. Ричард Бейкер добавил к рассказу Уолсингема, что до своего пленения аббат Льюиса и его соратники вошли в состав войска аббата Бэттла и под его командованием участвовали в снятии осады с Винчелси³⁵. На первом этапе Столетней войны представителей духовенства, воевавших с оружием в руках, было так много, что в 1356 г. папа Иннокентий VI решил отправить королям Англии и Франции специальные послания, в которых сурово осудил участие духовенства в военных действиях³⁶. Не стоит также забывать, что помимо вооруженного сопротивления врагам (обычно оно извинялось вышестоящими иерархами как вынужденная самооборона) в Англии в XIV–XV вв. существовало особое для европейской истории явление – военное ополчение духовенства, которое фактически уравнивало обязательства светских и духовных подданных английской короны³⁷.

В этой связи, полагаю, следует привести обратный пример, когда неисполнение королевской службы или же чрезмерная алчность и гордыня провоцировали авторов на рассуждения о несоответствии поступков духовному сану. Младший брат короля Стефана – Генрих, епископ Винчестерский, ставший в 1139 г. папским легатом, руководствуясь исключительно военной стратегией, летом 1141 г. приказал поджечь Винчестер, который был осажден войсками, верными импе-

³² Knighton Henry. Chronicle 1337–1396. P. 68.

³³ William of Thorne. Chronicle of St. Augustine's Abbey... P. 609, 658–659.

³⁴ Walsingham Thomas. Ypodigma Neustriae. P. 327.

³⁵ Baker Richard. Chronicle of the Kings of England. P. 137.

³⁶ Denifle Vol. I. P. 187; Contamine 1972. P. 171.

³⁷ Калмыкова 2013.

ратрице Матильде. В пожаре было уничтожено более сорока церквей, а также монастырь Хайд, в котором хранился огромный кованный из золота и серебра крест. По сообщению современников, Уильяма Малмсберийского и Джона Вустерского, после пожара алчный епископ забрал драгоценный крест и другие сокровища себе³⁸. Анонимный автор «Деяний Стефана» решительно осуждал «епископов, не всех, но многих из них, которые, хотя мне и стыдно это говорить, опоясавшись мечами, скакали верхом во главе надменных разорителей и делили с ними награбленное»³⁹. Но самое резкое осуждение было вынесено Генрихом Хантингтонским. Еще до начала гражданской войны, т.е. задолго до сожжения Винчестера, хронист назвал епископа Генриха «новым чудовищем, составленным из части чистой и части нечистой... частью монах, частью рыцарь»⁴⁰.

В октябре 1383 г. Генрих Деспенсер, епископ Нориджский, предстал перед судом парламента и короля Ричарда II по обвинениям, связанным с провалом военной кампании во Фландрии, которая была организована в рамках крестового похода против схизматиков, сторонников антипапы Климента VII. Епископу и назначенным им капитанам вменялись в вину плохая подготовка похода, сорванные сроки, пренебрежение опытом членов королевской фамилии, а главное – предательство – сговор с врагами королевства и передача им за вознаграждение захваченных ранее городов и крепостей. Экспедиция, закончившаяся полным поражением, и последовавший за ней судебный процесс вызвали живейший интерес современников, которые в большинстве своем одобряли выдвинутые против епископа обвинения. Важно отметить, что судьи вовсе не стремились добавить к списку обвинений неподобающее для духовного лица поведение. Подобные упреки можно найти только в нарративных текстах: так, анонимной автор «Цветов истории» не только утверждал, что Генрих Деспенсер своим поведением «больше походил на безрассудного солдата, чем на рассудительного прелата», но и сообщал, что король Ричард приказал епископу читать псалтырь, поминая тех, кто был убит им в боях⁴¹. В официальном протоколе парламентского заседания замечания о «недостойном прелата» стремлении командовать солдатами⁴² возникают лишь в связи с нежеланием епископа признавать главенство герцога Ланкастерского.

³⁸ William of Malmesbury. *Historia Novella*. P. 60; John of Worcester. *Chronicle*. Vol. III. P. 302–303.

³⁹ «Ipsi nihilominus, ipsi episcopi, quod pudet quidem dicere, non tamen omnes, sed plurimi ex omnibus, ferro accincti, armis decentissime instructi, cum patriae perversoribus superbissimis invebi equis, praedae participari» (*Gesta Stephani*. P. 157).

⁴⁰ Генрих Хантингдонский. С. 440–441; Henry of Huntingdon. P. 608–611.

⁴¹ *Eulogium Historiarum sive Temporis*. Vol. III. P. 365.

⁴² *Rotuli Parliamentorum ut et petitiones et placita in parlamento*. Vol. III. P. 156.

Анализ приведенных выше источников позволяет заключить, что в отличие от богословов и знатоков канонического права средневековые хронисты, хотя и принадлежали к духовному сословию, более мягко относились к каноническим запретам на ношение оружия служителями Церкви. В зависимости от личных пристрастий и отношения к героям повествования, авторы исторических сочинений либо подчеркивали бескровный характер участия духовенства в военных действиях (вдохновляли воинов проповедями и возносили молитвы об успехе), либо переносили акцент на оправдывающие правонарушения благочестивые причины. Важно, что в обоих случаях активная роль духовенства в сражении служила для усиления эффекта справедливого, достойного, благого деяния. Напротив, если историографы полагали, что поступки того или иного духовного лица причиняли вред королевству, подданным короля или самой Церкви, тогда нарушение запрета на участие в войне и ношение оружия преподносилось в качестве очевидного греха, заслуживавшего порицания.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Anglosaxonskaya hronika IX–XI veka / Per. Z.U. Metlickaya. Sankt-Peterburg, 2010.
 Beda Dostopochtenny. Cerkovnaya istoriya naroda anglov / Per. V.V. Aerlihan. Spb., 2003.
 Genrih Hantingdonskiy. Istoriya anglov / Per. S.G. Mereminskiy. Moskva, 2015.
 Kalmykova E.V. Voennaya sluzhba angliyskikh klirikov v XIV–XV vv. // Srednie veka. 2013. Vyp. 74 (3–4). S. 150–171.
 Airl of Rievaulx. Historical Works / Ed. M.L. Dutton, transl. J.P. Freeland. Kalamazoo, 2005.
 The Anglo-Saxon Chronicle / Ed. and transl. M. Swanton. Phoenix, 2000.
 Baker Richard. Chronicle of the Kings of England. London, 1684.
 Bradbury J. The Routledge Companion to Medieval Warfare. Routledge, 2004.
 Chronicon de Lanercost, 1201–1341 / Ed. J. Stevenson. Edinburgh, 1839.
 Contamine Ph. Guerre, état et société à la fin du moyen âge: études sur les armées des rois de France. Paris, 1972.
 Councils and Synods with Other Documents Relating to the English Church / Ed. D. Whitelock, M. Brett, and C.N.L. Brooke. Oxford, 1981. Vol. 1, 2 pts.
 Cowdrey H.E.J. Toward an Interpretation of the Bayeux Tapestry // The Study of the Bayeux Tapestry / Ed. R. Gameson. Woodbridge, 1997. P. 93–110.
 Decrees of the Ecumenical Councils / Eds. G. Alberigo et al; transl. N. Tanner et al. London; Washington, 1990. 2 vols.
 Denifle H.S. La desolation des églises, monastères et hôpitaux en France pendant la guerre de cent ans. Paris, 1897–1899. 2 vols.
 Duggan L.G. Armsbearing and the Clergy in the History and Canon Law of Western Christianity. Woodbridge, 2003.
 The Early Fathers on War and Military Service / Ed. L.J. Swift. Wilmington (Del.), 1983.
 Eulogium Historiarum sive Temporis / Ed. F.S. Haydon. London, 1859–1863. 3 vols.
 Gerald of Wales. Speculum Ecclesiae: De Vita Galfridi Archiepiscopi Eboracensis / Ed. J.S. Brewer. London, 1873. Vol. 4.
 Gesta Stephani / Ed. and transl. K.R. Potter, introd. R.H.C. Davis. Oxford, 1976.
 Henry of Huntingdon. Historia Anglorum / Ed. and transl. D. Greenway. Oxford, 1996.
 John of Worcester. Chronicle / Ed. R.R. Darlington and P. McGurk, transl. J. Bray and P. McGurk. Oxford, 1995–1998. 3 vols.
 Jordan Fantosme. Chronicle / Ed. and transl. F. Michel. London, 1840.
 Knighton Henry. Chronicle 1337–1396 / Ed. and transl. G.H. Martin. Oxford, 1995.

- Orderic Vitalis. The Ecclesiastical History / Ed. and trans. M. Chibnall. Oxford, 1969–1990. 6 vs.
- Political Poems and Songs Relating to English History / Ed. Th. Wright. London, 1852. 2 vols.
- Prinz F. King, Clergy and War at the Time of Carolingians // Saints, Scholars and Heroes: Studies in Medieval Culture in Honour of Charles W. Jones / Ed. M. H. King and W. M. Stevens. 2 vols. Ann Arbor (Mich.), 1979. Vol. II. P. 301–329.
- Prinz F. Klerus und Krieg im früheren Mittelalter. Untersuchungen zur Rolle der Kirche beim Aufbau der Königsherrschaft. Stuttgart, 1971. (Monographien zur Geschichte des Mittelalters; Bd. 2).
- Richard of Hexham. De Gestis Regis Stephani et de Bello Standardii / Ed. Richard Howlett. London, 1886.
- Rotuli Parliamentorum et petitiones et placita in parlamento. London, 1776–1777. 6 vols.
- Ruotgeri Vita Brunonis archiepiscopi Coloniensis / Ed. I. Ott // MGH SS rer. Germ. N. S. Weimar, 1951. Bd. 10.
- Simeon of Durham. Works / Ed. and transl. J. Stevenson. London, 1855. Vol. 3, Part 2.
- Walsingham Thomas. Ypodigma Neustriae. London, 1876.
- William of Malmesbury. Historia Novella / Ed. and transl. K.R. Potter. London, 1955.
- William of Poitiers. Gesta Guillelmi / Ed. and transl. R.H.C. Davis and M. Chibnall. Oxford, 1998.
- William of Thorne. Chronicle of St. Augustine's Abbey, Canterbury / Ed. A.H. Davies. Oxford, 1934.

Калмыкова Елена Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; ekalm@mail.ru

Churchmen as military leaders: the images of warrior bishops in English historical tradition

This paper looks into the ways medieval English historians represented the cases when clergymen violated the canonical prohibition to carry weapons and engage in military activities.

Keywords: weapons, war, Church, clergy, canonical law, chronicles

Elena Kalmykova. PhD in History, Assistant professor, Department of History of the Middle Ages, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; ekalm@mail.ru

А. С. МЕДЯКОВ

ОТ КРЕСТЬЯНИНА ДО АРХАНГЕЛА: ОБРАЗ НЕМЕЦКОГО МИХЕЛЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье исследуется аллегорическая фигура немецкого Михеля как наиболее распространенная форма визуализации немецкой нации в годы Первой мировой войны. Рассматривается эволюция образа Михеля, а именно появившаяся под влиянием военных событий тенденция к его героизации и сакрализации. В качестве основного источника выступают почтовые открытки – наиболее востребованный и массовый визуальный медиум своего времени, который позволяет изучать как публично распространявшиеся пропагандистские послания, так и частный отклик на них. На основании анализа текстов личных посланий делаются выводы о различающейся востребованности предлагавшихся пропагандой образов Михеля. В результате сравнения места фигуры Михеля в пропагандистских открытках стран Антанты выдвигается тезис о неполноценности образа германского врага в России.

Ключевые слова: *немецкий Михель, Первая мировая война, Германия, пропаганда, национальная аллегория, национальная идентичность, открытки*

Выступая в качестве культурной конструкции, «воображаемого сообщества», нация нуждается в разного рода образах и символах, которые позволяют осознать, в буквальном смысле слова увидеть принадлежность к ней. Главным средством визуализации национальной идеи являются аллегорические антропоморфные национальные фигуры. В немецком случае самой колоритной и устойчивой национальной персонификацией стал немецкий Михель, первое упоминание о котором относится еще к 1541 году¹. Изучению образа Михеля в массовом средстве коммуникации – открытке, а также его функциям и эволюции в годы Первой мировой войны и посвящена настоящая статья.

На протяжении нескольких веков образ Михеля менялся, приобретал или утрачивал некоторые черты, выступал в самых разных ролях и контекстах, но заложенная в раннее Новое время основа образа сохранялась – Михель воплощал собой немецкий народ. В XVI в. он нес в себе скорее негативное значение темного, необразованного крестьянина. Век спустя «народность» Михеля оказалась востребованной иначе: в ходе борьбы с т.н. *алямоцством*², заимствованием иностранных слов и обычаев, немецкие интеллектуалы открыли в Михеле «истинного немца», воплощение патриотизма и чистоты языка³. Однако на рубеже

¹ См. о нем: Grote 1967; Szarota 1998; Sagarra 2000.

² См. подробнее: Лазарева 2014.

³ Особенно наглядно это проявилось в знаменитой стихотворной листовке «Немецкий Михель» 1642 года, которая содержит целый каталог в 294 «чуждых»

XVIII–XIX вв. то же качество “Михеля-моноголота” (человека, знающего лишь собственный язык), стало вновь использоваться просветителями и романтиками как показатель необразованности и ограниченности.

Временем подлинного рождения Михеля в качестве национальной аллегии стал XIX в. и в первую очередь период между окончанием наполеоновских войн и революцией 1848–1849 гг. В публицистике того времени Михель вновь предстает как народ – но народ, осознавший себя в качестве политической силы, борющейся за свои права и национальное объединение Германии. Главной и отныне неотъемлемой чертой этого образа становится метафора «сна» и «пробуждения»: флегматичный простодушный увальень в действительности содержит в себе потенциал огромной силы, он способен к «пробуждению» и великим делам. Требование «Михель, пробудись!» на многие десятилетия вперед и в разных контекстах будет отныне сопровождать эту фигуру.

В те же десятилетия сложился и визуальный облик Михеля: появившийся еще в 1808 г. главный атрибут – колпак на голове – в 1830–1840-е гг. был дополнен штанами до колена, жилеткой и часто трубкой. Как справедливо отмечается, именно получение зримого облика – сначала в литографиях, потом в журналах, особенно сатирических – позволило уже бытовавшему в нарративных образах Михелю стать общеизвестным и поистине народным персонажем⁴. Особым символическим значением обладал колпак, хорошо сочетавшийся с метафорой «пробуждения». Так, например, знаменитая карикатура сатирического журнала «Ойленшпигель» смогла передать всю историю революции 1848 г. путем изображения метаморфоз головного убора Михеля, из революционной фригийской шапочки превращающегося в ночной колпак: после поражения революции народ вновь «впал в спячку»⁵.

В последующие десятилетия Михелю пришлось пройти непростой путь и получать различное содержательное наполнение, прежде чем в годы Первой мировой войны превратиться в безусловный общенациональный символ. В частности, он встретил довольно прохладный прием в лагере левых сил, особенно у социал-демократов, которым мешала имплицитная «мелкобуржуазность» этой фигуры, поскольку с самого своего возникновения Михель был крестьянином или бюргером и никогда не выступал в качестве рабочего⁶. С другой стороны, критические образы Михеля как воплощения политически пассивной, пребывающей в летаргии «массы» в социал-демократических карика-

слова. <https://bildsuche.digitale-sammlungen.de/index.html?c=viewer&l=de&bandnummer=bsb00031778&pimage=00002&v=100&nav>

⁴ Grote 1967. S. 49.

⁵ Eulenspiegel 1849. S. 51.

⁶ Szarota 1998. S. 157.

турах сочетались и с трактовками Михеля в качестве угнетаемого прусско-милитаристским государством «народа», несущего на себе всю тяжесть налогов и гонки вооружений⁷. В эпоху «культуркампфа» 1870-х гг. Михель в качестве воплощения немецкого народа использовался в полемике против «римской опеки»⁸, а ближе к концу века его образ стал особенно активно эксплуатироваться правыми: само «крестьянское происхождение» Михеля давало основания для разного рода отсылок к сюжету «почвы», аграрному романтизму, националистическим и антисемитским трактовкам – не случайно первый немецкий антисемитский сатирический журнал назывался «Немецкий Михель»⁹.

В отличие от аллегорической «Германии», важным способом распространения образа которой являлись памятники, во множестве появлявшиеся после 1871 г., главной визуальной формой «существования» Михеля были рисунки на разных бумажных носителях, особенно карикатуры¹⁰. Бурно развивавшаяся с середины 1890-х гг. иллюстрированная открытка оказалась для образа Михеля хотя и новой, но совершенно адекватной формой, в полной мере воспринявшей длительную иконографическую традицию со всеми заложенными в нее смыслами¹¹.

В целом, до войны Михель был представлен на немецких открытках не слишком широко. Традиционно мирный характер вечно сонного Михеля-домоседа, крестьянина, пробуждающегося к активности лишь в случае угрозы ему и его дому, препятствовал использованию образа Михеля для иллюстрации резко возросшей с рубежа веков внешнеполитической активности Германии. В этом смысле показательна открытка, на которой кайзер безуспешно пытается разбудить Михеля для участия в разделе мира¹². Несмотря на то, что общий смысл открытки заключался в критике подобной позиции Михеля-народа, идущего на поводу у изображенных тут же «дурных советчиков» (глав СДПГ, католической партии Центра и партии свободомыслящих), она отражает действительное положение дел, а именно неприменимость этой ипостаси немецкой нации для выражения активной наступательной политики, проводимой Германской империей. Показательно, что в многочисленных сериях и в отдельных открытках, которые выпускались по случаю разных международных событий рубежа веков – англо-бурской войны, восстания «боксеров» в Китае, русско-японской войны и др. – фигурой,

⁷ См., напр., *Der Wahre Jakob*. 1892. № 156, 1902. № 407, 1908. № 561.

⁸ Grote 1967. S. 63-64.

⁹ Szarota 1998. S. 176-195.

¹⁰ Впрочем, немецкий Михель был запечатлен и в памятнике, некогда находившемся в Кёнигсберге и утраченном в боях за город в 1945 г.

¹¹ Основной корпус использованных в работе открыток опубликован в издании: Медяков 2014. Т. I–IV.

¹² Там же. 2014. Т. I. С. 87.

представляющей Германию, практически всегда является немецкий солдат, т.е. не «народ», а «государство». Едва ли не единственное исключение – открытка «Немецкий Михель в Китае», которая в своеобразной форме выполняемого Михелем гимнастического прыжка демонстрирует его превосходство над большим и неуклюжим китайцем.

Если за океаном Михелю делать было нечего, то в качестве мирной, оборонительной фигуры он был незаменим. Именно таким он оказывается на ряде открыток, выпущенных к столетию антинаполеоновских Освободительных войн в 1913 г.¹³ Так, на одной из них вопреки явной угрозе от противостоящего ему вооруженного французского солдата Михель сохраняет подчеркнутое спокойствие и миролюбие: он не вооружен, предстает в своей обычной одежде и самых расслабленных позах, однако изображенные тут же памятник «битве народов» 1813 г., батальные сцены прошлого, а также сопровождающие открытку тексты выражают готовность дать отпор и уверенность в победе.

Начало Первой мировой войны стало «звездным часом» Михеля, вершиной его вековой карьеры в качестве национальной аллегии. Образ Михеля-крестьянина, «народа», оторванного от его мирных дел либо разбуженного угрозой, идеально подходил для иллюстрации главного тезиса германской пропаганды начала войны – утверждения об ее оборонительном характере. В первые месяцы войны Михель был поистине повсеместен и вездесущ, превзойдя в этом отношении другую немецкую аллегию – символическую «Германию». Газеты печатали десятки стихотворений, посвященных Михелю¹⁴; ставились «живые картины», изображающие его пробуждение от сна (по завершении представления восторженная публика стоя пела «Стражу на Рейне»)¹⁵; Михель оказывался главным персонажем театральных пьес и даже фильмов («Рождество Михеля», декабрь 1914 г.).

Важной составной частью этой всеобщей «михелианы» были открытки. Если оценка, согласно которой Михель появлялся на почти половине издававшихся до конца 1914 г. открыток, представляется слишком смелой¹⁶, то нет сомнения в том, что количество мотивов «с Михелем» исчислялось многими десятками.

¹³ См. примеры там же. С. 41.

¹⁴ См., напр.: Der Deutsche Michel (Hamburger Nachrichten. 7.08.1914); Der Michel kommt (Altonaer Nachrichten. 16.10.1914); Der Michel (Berliner Volkszeitung. 28.10.1914). Особенно любопытно стихотворение О. Ройттера «Михель, будь горд!», написанное совершенно в духе упоминавшейся в начале статьи листовки 1642 г. – от Михеля вновь требовали отказаться от использования слов иностранного происхождения. При публичных исполнениях автором стихотворение вызывало восторг публики – Berliner Börsenzeitung. 12.01.1915.

¹⁵ Berliner Tageblatt. 30.08.1914.

¹⁶ Brocks 2008. S. 49.

«Открыточный» Михель вступил в войну в своем привычном внешнем облике и в главной ипостаси – Михеля-«народа», что подчеркивалось грубыми чертами лица, далеко не изящной – впрочем, похудевшей – фигурой, а также различными атрибутами крестьянского труда. Подобные коннотации, как и сам факт предпочтения Михеля аллегорической «Германии», все больше обозначавшей не только немецкую нацию, но и Германскую империю, наглядно предлагали зрителю специфическую трактовку начавшегося мирового конфликта в качестве «войны народов»: вызов брошен не столько «стране», сколько «народу», «нам, немцам».

С самых первых дней войны фигура Михеля была использована для инсценирования ее будто бы оборонительного характера с немецкой стороны. Одним из первых откликов на события августа 1914 г. стали открытки, на все лады муссирующие тему объявления Германии войны различными странами. Михель, осыпaeмый со всех сторон грозными бумагами, реагирует по-разному – чаще всего сохраняет невозмутимость, иногда искренне удивляется, возмущается, использует послания как туалетную бумагу, но, конечно, никогда не выказывает испуга. Тем самым населению, которое могло быть смущено неожиданно большим количеством врагов, ополчением против Германии «всего мира», предлагались определенные модели поведения, однако главное заключалось в другом – отрицании виновности в войне. Окружающие Михеля со своими бумагами представители других стран однозначно выглядят как агрессоры, затушевывая тот факт, что в действительности именно Германия вслед за своей союзницей Австро-Венгрией выступила с первыми объявлениями войны¹⁷.

Сама по себе мирная фигура Михеля как нельзя лучше подходила для подчеркивания оборонительного для немцев характера войны. Однако показательно, что при сохранении векового клише о «пробуждении» он все же довольно редко изображается спящим, мы почти всегда видим его уже бодрствующим – по-видимому, чтобы избежать ощущения, что немцы войну «проспали», оказались не готовы к ней. Чаще всего миролюбие Михеля подчеркивается путем противопоставления его мирного труда и пришедшей извне угрозы: на многочисленных открытках он жнет или пашет землю, когда подступают враги.

Отсылки к миролюбию Михеля очевидны даже тогда, когда он начинает расправляться с врагами – он не использует для этого оружие. На бесчисленных открытках он колотит и швыряет врагов голыми руками, в лучшем случае используя «оружие народа» – дубинку. Столь

¹⁷ См. примеры открыток: Медяков 2014. Т. I. С. 132-133; 245; 262. Характерно, что в открытках фигурируют Россия, Франция и Бельгия – страны, которым Германия сама объявила войну.

же часто в дело идут обычные орудия труда, и сама война описывается в привычных «крестьянских» терминах: Михель врагов «жнет», увязывает их в снопы, мечет в стог вилами, молотит цепом, выметает метлой; победа – это «хороший урожай 1914 г.»¹⁸. Тем самым вновь подчеркивается миролюбие Михеля, который пошел на войну «с чем был», вынуждаемый обороняться; с другой стороны, речь идет об одном из способов «тривиализации войны», перевода ее чрезвычайного события в привычные, согласующиеся с обыденным опытом образы и понятия, уменьшения ее до такого размера, чтобы она превратилась в банальность и тем самым перестала быть страшной¹⁹. Война для Михеля – это всего лишь работа, пусть тяжелая, но выполнимая, не случайно многие открытки на эту тему так и называются – «Михель за работой».

Важной функцией образа Михеля в открытках являлось также поддержание уверенности в победе. Главным способом служило изображение его превосходства над соперниками, доказывавшееся с помощью самых разных образов и метафор. В частности, использовался классический прием диспропорции – Михель оказывался крупнее своих врагов, иногда превращаясь в настоящего Гулливера, что не только наглядно свидетельствовало о его силе, но и отсылало к обыденному культурному представлению о том, что «больше – значит лучше». Типичной визуальной стратегией выступала анимализация противников, ссылающаяся на очевидное превосходство человека над животными: Михель побеждает или «дрессирует» русского медведя, британского льва и галльского петуха²⁰, расправляется с врагами, представленными в виде одетых в национальные униформы собак или насекомых. В последнем случае появляется дополнительный юмористический и вместе с тем идеологический момент: облаченные в человеческие одежды животные выглядят комично и одновременно неполноценно, не являясь в действительности настоящими национальными символами, тогда как национальное «я» немцев описывается в его собственных терминах и во всей полноте, фигурой Михеля²¹. Наконец, максимум превосходства и абсолютной власти Михеля над врагами демонстрируется в открытках с метафорой «пожирания»: превращаясь в «щелкунчика», он колет их, как орехи; нарезает, как колбасу, делает из них макароны или превращает в фарш, наконец, попросту запихивает себе в рот.

В ряде открыток Михель переносится с уровня общих трактовок войны в более конкретный контекст событий лета – осени 1914 г. Так, иллюстрируя знаменитый «план Шлиффена», он требует от бельгий-

¹⁸ См. примеры открыток там же. С. 184-185.

¹⁹ См. Mosse 1990. P. 126-128.

²⁰ См. примеры: Медяков 2014. Т. IV. С. 41.

²¹ Об этом эффекте «животных» сравнений см.: Baker 1993. P. 34-43.

ского короля Альберта свободного прохода через Бельгию, одерживает победы в Северной Франции и т.д. Вновь с отсылками на «крестьянские» коннотации рачительного хозяина Михель изображается тяжело нагруженным контрибуцией с бельгийских городов²².

Весьма важной представляется трактовка открытками места и роли Михеля в сравнении с другими немецкими национальными символами в годы войны, а также эволюция его образа.

Ближе всего к Михелю стояла обобщенная фигура «солдата». Их связь могла выражаться двумя основными способами. Иногда аллегория выступала в роли «папаша Михеля», и тогда фигурирующий здесь же солдат превращался в «сына народа». Нередко Михель становился солдатом сам, воплощая собой «вооруженный народ», но даже в этом случае, лишившись всех атрибутов и узнаваемый лишь благодаря пояснительным текстам, он часто продолжает сохранять характерные «крестьянские» коннотации, например, по-прежнему «молотит» противников, пользуясь ружьем, как цепом²³. Однако столь ярко выраженная «народность» Михеля одновременно прочерчивала довольно жесткие границы его функций в качестве национального символа.

Так, Михель был недостаточно «политичен». Фигура, воплощающая «народ» не годилась для изображения политических связей, например, союзных отношений, и не использовалась в этом качестве. Попытки некоторого «огосударствления» Михеля путем добавления на его знаменитый колпак герба в виде орла или Железного креста встречались крайне редко и ничего не меняли в его поведении и значении в целом. В этом смысле можно отметить своеобразное «разделение труда» немецких символов, причем политическая сфера выпадала на долю «Германии» – «страны» и ее кайзера – «государства».

Не мог Михель отделаться и от имплицитного ему значения необразованного, недалекого простака и, соответственно, воплотить некую глубокую «идею», смысл войны – а именно это становилось особенно необходимым по мере ее затягивания. Михель был пригоден для выражения оборонительного характера войны, в остальном же ему требовалась помощь. Часто ее оказывала «Германия», еще с XIX в. выступавшая в самых разных вариантах связи со своим мужским национальным альтер эго: была его невестой, женой, матерью, мачехой, кормилицей²⁴. У «мамы Германии» искал Михель, «с его золотым глупым детским сердцем», объяснений происходившему в годы войны²⁵. И уж совсем

²² Медяков 2014. Т. I. С. 151; С. 154-155; Т. III. С. 312; Т. IV. С. 185.

²³ Там же. С. 252, 189.

²⁴ Bizeul 2009. S. 237.

²⁵ Как в статье, посвященной критике поклонения перед «иностраниной» - Die wahren Gründe der Ausländerei // Altonaer Nachrichten. 19.05.1915.

не годился этот неотесанный малый для выражения одного из главных тезисов немецкой пропаганды – защиты культуры. В этом смысле показателна сатирическая открытка «Несущие культуру для Германии»: в ответ на вопросы пахущего землю Михеля «Германия» объясняет ему цели каждого из подступающих врагов, ироническое же заглавие открытки подчеркивает общий смысл войны как «борьбы за культуру». На другой открытке Михеля ведет за собой кайзер, указывая ему цель, кого именно следует «молотить»²⁶.

Наконец, по мере возрастания тягот войны, когда лозунгом дня становилось «держаться!», возрастал общественный запрос на твердое, на волевое, на героическое – на все то, что напрочь отсутствовало в фигуре Михеля. Напротив, существовавшее еще с XIX в. словечко «михельство» (Michelei) обозначало совокупность противоположных качеств, присущих этому персонажу: «наивно-уютный компонент»²⁷, сентиментальность, пассивность. Известный немецкий филолог Э. Энгель писал в начале войны: «Господь, порази же дьявола! А именно дьявола архимихельства (Erzmichelei). Бессмертнее Вечного жида, могущественнее глупости, против которой тщетно борются даже боги, – ты, о немецкий Михель, ты, который пережил все столетия немецкого бессилия, немецкого унижения, немецкой силы и великолепия и еще и сейчас плещешься, как дурачок, в штормовом море этой войны, где на кон поставлено существование Германии»²⁸. Протесты вызывал и «несерьезный» внешний облик Михеля, как считалось, мало подходивший серьезности момента: «Сегодня было бы воистину самое время, чтобы юмористические журналы наконец-то уничтожили свое старое клише немецкого Михеля»²⁹. И действительно, Михель стал меняться.

В дальнейшем течении войны Михель представлен в трех основных формах: наряду с сохранившимся, пусть несколько видоизмененным обликом происходит героизация и, наконец, сакрализация его образа. В первом случае изменения затронули не столько внешний облик Михеля, сколько его действия, а также их контексты. Михель окончательно расстается со своим брюшком, указывавшим на благополучие, но одновременно придававшим этой фигуре комичный и инертный характер: в терпящей военные страдания и голодающей Германии второй половины войны подобные акценты были неуместны. Вместе с надеждами на скорую победу исчезли залихватские мотивы «молотьбы» и

²⁶ Медяков 2014. Т. IV. С. 191.

²⁷ Zeller 1988. S. 186.

²⁸ Engel 1915. S. 626.

²⁹ Der deutsche Michel (Zum Michaelistage, 29. September) // Hamburgischer Correspondent. 27.09.1916.

«пожирания», превосходство над врагами демонстрируется менее кричащими метафорами, например, игрой в кегельбан. Наиболее же важным новшеством стало использование фигуры Михеля для мобилизации населения на решение внутренних задач, в частности, подписки на военные займы³⁰. Например, в рекламе 3-го (1915 г.) займа использовалась метафора колодца (символ автономности и неисчерпаемости ресурсов Германии), из которого Михель доставал свои миллиарды: «Михелю не нужен водопровод, у него есть собственный колодец», – гласит подпись. Тот же мотив неисчерпаемости запечатлен на открытке, выпущенной фронтовой «Лилльской газетой»: солдаты стоят у настенного рисунка, изображающего Михеля у водяного колеса³¹. Вероятно, подобная открытка обладала большим пропагандистским эффектом, так как представляла собой не абстрактный призыв к жертве во имя фронта, а демонстрировала его. В подобных открытках уместен был именно традиционный облик Михеля-«народа», адекватно и в понятных образах воплощающий требование к такому же обычному немцу – жертвуй.

Однако этот традиционный образ отвечал далеко не всем ожиданиям немецкого общества, требовавшего от Михеля совсем не «михелевских» качеств, а пробуждения в нем «выдержки, преданности, готовности к жертвам, верности до смерти»³². Поэтому основополагающей тенденцией в эволюции образа Михеля в годы войны стала его героизация. Добродушный увалень, воплощение неорганизованной, почти природной силы, не содержал в себе коннотаций, необходимых для общества, пребывавшего в состоянии крайнего напряжения – мужества, воли, способности на сверхусилие, на подвиг. Уже на излете эйфории первых месяцев войны газеты и отдельные публицисты начинают тяготиться неуклюжим воплощением своей нации и занимаются поиском «подлинного Михеля». Иные из них попытались подойти к делу генетически, выводя само наименование «Михель» от героя Тридцатилетней войны Михаэля Обентраута³³. Тем самым доказывалось, что «истинный немецкий Михель был настоящий молодец» (Kerl)», но потом это имя превратилось в «уменьшительно-ласкательное и насмешливое прозвище с побочным значением тяжелого на подъем, доброго, простодушного; отсюда: немецкий Михель – используемое примерно с Освободительных войн наименование немецкой нации, которое должно было намекать на ее политическую незрелость и инертность», и лишь в текущей войне понимание Михеля возвращается к изначальному³⁴.

³⁰ О пропаганде военных займов в целом см.: Kilian 2008; Bruendel 2010.

³¹ Медяков 2014. Т. III. С. 130.

³² Altonaer Nachrichten. 9.01.1917.

³³ См. об этой версии: Szarota 1998. S. 87-114.

³⁴ Berliner Tageblatt. 11.01.1915.

Соответствующим образом требовалось изменить и иконографию Михеля – в различных связанных с ним художественных проектах он «уже больше не простодушный крестьянин в ночном колпаке», а «могучий рыцарь в сияющих доспехах»³⁵. Героизированный Михель оказался пригодным для вхождения даже туда, куда никогда бы не смог попасть его карикатурный собрат – в пленарный зал заседаний рейхстага. Скульптор Ф. Климш изваял для этой цели «мужественное воплощение немецкого Михеля», «героическое олицетворение немецкой сути» в облике «богатырского юноши в сияющих доспехах»³⁶.

Как видно из этих примеров, для выражения героических черт лучшей формой оказался образ рыцаря. С одной стороны, он воплощал собой необходимые моральные качества, столь недостающие «классическому» Михелю. К тому же, подобное переодевание могло опереться на известную традицию – на рубеже веков рыцарские образы начали применяться особенно широко, в т.ч. для изображения современников, например, Бисмарка³⁷. С другой стороны, в эпоху войны необычайно востребованными были всевозможные «железные» эпитеты и смыслы, подразумевавшие стойкость, выносливость, решимость, а также создающие иллюзию неуязвимости³⁸.

Подобные метаморфозы образ Михеля претерпел и в открытках. Некоторые из них представляют собой своеобразный переходный тип – Михель сохраняет традиционные одежды, но берет в руки рыцарский меч³⁹; в других перевоплощение в рыцаря становится полным. Вместе с тем художникам пришлось столкнуться с проблемой – колпак Михеля являлся главным атрибутом, позволявшим узнать его при любых переодеваниях и в любых контекстах – однако именно он воплощал собой ныне отрицаемые качества «михельства». Показательна ситуация с одним из плакатов 8-го военного займа (1918 г.). Победителем проведенного в декабре 1917 года «Ведомством военной прессы» конкурса среди военнослужащих на лучший плакат стала работа П. Юнгханнса «Немецкий Михель», которая, тем не менее, «не была принята к реализации из-за колпака»⁴⁰. Позднее, очевидно, решение изменили, так как широко известны плакаты и открытки с этим изображением.

На открытке работы Юнгханнса мы видим совершенно иной тип Михеля, почти ничем не напоминающий прежний – это закованный в черные латы рыцарь с мужественным, волевым лицом; в руках он

³⁵ Berliner Volkszeitung. 18.01.1916.

³⁶ Ibid. 9.01.1915; 15.09.1915.

³⁷ Galle 2002. S. 136.

³⁸ Goebel 2009. P. 80-81.

³⁹ Медяков 2014. Т. IV. С. 157.

⁴⁰ Berliner Volkszeitung. 3.04.1918.

держит меч, а надпись гласит: «Михель, оставайся железным!»⁴¹. Показательным образом художник постарался сделать колпак едва заметным по размерам и даже изменил его традиционно белый цвет на черный. Автор другой открытки⁴² мог себе позволить сохранить необходимый для узнавания колпак, поскольку изначально миролюбивые смыслы этого атрибута совершенно отрицались здесь всеми возможными художественными средствами – содержанием, композицией, цветом. Не будь колпака, Михель был бы просто неузнаваем, поскольку, на взгляд автора настоящей статьи, речь идет об одном из самых агрессивных изображений в немецкой иконографии Первой мировой войны. Черно-красные цвета, оттеняющие белую фигуру рыцаря, вызывают ассоциацию не столько с флагом Германии, сколько с кровью и пожаром. Михель угрожающе выступает вперед, черты лица искажены яростью, в зубах (!) меч как крайнее выражение агрессивности, которая еще более усиливается надписью: «Горе вам».

На некоторых открытках уже начала войны Михель перевоплощается в рыцаря полностью, теряя ставший лишним колпак; узнавание достигается лишь благодаря соответствующим текстам, как на открытке со стихотворением о «Михеле, железном кулаке судьбы»⁴³. В целом, на подобных открытках героическая идеализация собственной нации, воплощенной преображенным Михелем, казалось бы, достигла высшей точки. Однако в действительности оставалась еще одна ступень – сакрализация нации и ведшейся ею борьбы: на этот раз немецкий Михель превратился в архангела Михаила. У подобной метаморфозы была долгая предыстория. Собственно говоря, уже имя «Михель» является сокращением от Михаила, и различные теории так или иначе связывают само происхождение немецкой национальной аллегории с небесным воином⁴⁴. Архангел Михаил считался покровителем Германии, под его стягом еще во времена Средневековья сражались немецкие войска, но решающие перемены произошли в XIX в.: небесный ангел превратился в немецкую национальную фигуру⁴⁵. Подобные процессы особенно усилились после основания в 1871 г. Германской империи, когда потребность внутренней консолидации вновь созданного государства была особенно велика: нация должна была быть персонифицирована в конкретном облике, героизирована и даже обожествлена – и лучше всего это достигалось путем профанизации фигуры святого. Эти изменения затронули и его иконографию – из ангела Михаил все чаще пре-

⁴¹ Медяков 2014. Т. III. С. 111.

⁴² Там же. Т. VI. С. 187.

⁴³ Там же. С. 188.

⁴⁴ Szarota 1998. S. 44-52.

⁴⁵ Galle 2002. S. 129.

вращается в мужественного воина в латах, борьба против зла смещается с духовного на телесный уровень. Одним из знаков превращения архангела Михаила в «прусско-немецкого бога войны» служил нередко появлявшийся на его панцире Железный крест⁴⁶.

Трактовки, позволявшие представить войну с немецкой стороны как богоугодное дело и ощутить поддержку «союзника на небе», стали особенно востребованными с началом Первой мировой войны. Они же способствовали сакрализации фигуры Михеля. Все годы войны в публицистике широко бытовал тезис о «превращении» Михеля в Михаила, его «возрождении» в архангеле. Характерно, что поводом для разного рода рефлексий о судьбе немецкого Михеля служил «Михайлов день» – 29 сентября⁴⁷. Потребность в возвышенных трактовках Михеля была столь велика, что даже его героизация в образе Обентраута казалась недостаточной. Упомянутая статья на этот счет вызвала протесты читателей, желавших возводить имя Михеля не к герою Тридцатилетней войны, а к архангелу «в броне и с пламенеющим мечом»⁴⁸. В 1916 г. вышла «Книга Михаила» публициста Г. Рейха, в которой текущая история Германии давалась в параллели с библейской, причем архангел Михаил выступал воплощением «немецкости» – «со лбом Гёте и глазами Бисмарка»⁴⁹. Предварявшая выход в свет книги рецензия сообщала, что она «посвящена нации, немецкому Михелю, презираемому, высмеиваемому и непонятому, который в этой войне должен возвыситься до величественного Михаила»⁵⁰. Современник, автор первого обстоятельного исследования образа Михеля А. Хауффен, видел его идеал таким: «Не в колпаке, а в сияющем шлеме на голове, фламбергом [меч с волнистым лезвием – А.М.] в деснице, немецким флагом в шуйце, таким является он теперь нашему духовному оку и нашему сердцу»⁵¹. Соответствующие требования выдвигались и к изображениям – на взгляд автора одной из статей о немецком Михеле, за образец следовало брать не фигуру с колпаком, а статую архангела Михаила – «немецкого (!) героя» – с памятника «битве народов» 1913 г: «если кто-то захочет зримо показать нам сегодня немецкого Михеля, пусть тот возьмет за образец упомянутый великолепный облик немецкого рыцаря»⁵².

Подобное превращение архангела в немецкого рыцаря в полной мере отразилось и в его иконографии на открытках, что часто приводи-

⁴⁶ Fliege 2006. S. 177-178.

⁴⁷ Teplitz-Schönauer Anzeiger. 27.09.1914; Hamburger Neueste Zeitung. 29.09.1914; Hamburgischer Correspondent. 27.09.1916.

⁴⁸ Berliner Tageblatt. 1.02.1915.

⁴⁹ См. об этой книге: Galle 2002. S. 161-162.

⁵⁰ Berliner Börsenzeitung. 17.12. 1915.

⁵¹ Hauffen 1918. S. 95.

⁵² Hamburgischer Correspondent. 27.09.1916.

ло к смешению героизированной и сакрализированной ипостасей немецкого Михеля. В частности, смешивание образов Михеля-рыцаря и архангела Михаила осуществлялось на уровне наименований, атрибутов и изобразительных мотивов.

Установление связи между Михелем и архистратигом высших сил происходило, во-первых, посредством осознанной языковой манипуляции – наименования второго именем первого. Даже в том случае, когда Михаил однозначно предстает в своем «ангельском» облике, он нередко комментируется в текстах как «Михель», что, разумеется, вызывало немедленную ассоциацию с известной каждому национальной аллегорией. Так, например, в подписях к открыткам речь идет о «св. Михеле»⁵³; новинка на открыточном рынке в профессиональном издании бумажных производителей описывается как изображение «немецкого Михеля, в железном облачении перешагивающего Канал, который отделяет Францию от Англии», – и это несмотря на наличие нимба вокруг головы упомянутой фигуры⁵⁴.

Другим средством связать Михеля с небесным покровителем Германии являлось наделение первого важным атрибутом – «архангельским» пламенеющим мечом. Если сам архангел в его каноническом облике изображался с мечом из языков пламени, то Михелю чаще всего доставался более приземленный вариант – уже упомянутый выше и реально существовавший в Средневековье меч с волнистым лезвием фламберг («пламенеющий»). Придать с помощью такого меча действиям Михеля характер борьбы «за святое дело» можно было, даже не обязательно переодевая его в героические рыцарские латы. Так, на одной из открыток Михель изображен в своей «классической» одежде (впрочем, без совершенно неуместного в данном «возвышенном» контексте колпака), но вооруженным фламбергом⁵⁵.

Наконец, особенно важной является связь Михеля с главным мотивом устоявшейся иконографии архангела Михаила – драконоборством. Как известно, в библейской традиции архистратиг Михаил является предводителем небесного воинства, низвергнувшего Сатану, изображавшегося в облике дракона. Поместить в этот контекст Михеля – значило придать войне почти эсхатологический характер, характер борьбы воплощаемого собственной нацией абсолютного добра против столь же абсолютного зла. Здесь Михель практически сливается с архангелом Михаилом. Так, текст, который сопровождает открытку с изображением воина, поражающего фламбергом дракона, позволяет

⁵³ Медяков 2014. Т. IV. С. 186.

⁵⁴ *Papier-Zeitung*. 1915. Bd. 40. S. 434. Открытка опубликована в: Медяков. 2014. Т. IV. С. 186.

⁵⁵ Там же.

понять, что речь идет о Михеле, однако крылья за спиной воина отсылают скорее к Михаилу – и лишь более внимательный взгляд позволяет увидеть, что в действительности крылья принадлежат прусско-германскому орлу⁵⁶. Подобные аллюзии и взаимопроникновение национальных и религиозных символов встречались весьма часто, создавая некий обобщенный образ Михеля-Михаила.

Вместе с тем, для такого рода «национализации» Михаилу не обязательно было превращаться в Михеля. Например, на открытке известного художника стиля «модерн» Ф. Штассена⁵⁷ он снабжен главным «ангельским атрибутом» – крыльями, что, однако, не мешает представлять его в качестве «немца». Об этом свидетельствуют не только «истинно арийские» черты лица, но и огромный Железный крест на панцире, а также подпись под изображением, представляющая собой строки из известной каждому «Стражи на Рейне» («немец кроток, прост, силен») и фактически делающая архангела «немцем». С другой стороны, далеко не всегда архангел Михаил трактовался в исключительно воинственном и националистическом ключе. Как утверждается, ярче всего это проявлялось в протестантской Германии, в то время как у немецких католиков он сохранял более традиционные черты покровителя и утешителя⁵⁸.

Достигнув максимального размаха приблизительно в середине войны, к ее концу героизация и сакрализация немецкого Михеля стала спадать. Хотя по-прежнему можно было встретить высказывания, что «когда-нибудь враги ужаснутся того дня, когда они дерзко превратили мирного Михеля в архангела Михаила с пламенеющим мечом»⁵⁹, немецкое общество во все большей степени волновали такие проблемы, для выражения которых подходил скорее не возвышенный, а традиционный облик Михеля – голод, дороговизна, спекуляция, растущее недоверие к власти. Все чаще Михель не колотит дубинкой врагов, а раскладывает свои продуктовые карточки и шлет проклятия спекулянтам. Большим успехом в 1917 г. пользовалось представление мюнхенского театра марионеток, начинавшееся вполне традиционно, с изображения козней англичан против мирных Михеля и «Германии», но с новой моралью в финале – наказанием продовольственного спекулянта⁶⁰. Статьи о немецком Михеле вновь начинают использовать на время отставленную метафору «сна» для критики недостатков парламентаризма, выте-

⁵⁶ Там же. С. 189.

⁵⁷ Там же. С. 178.

⁵⁸ Fliege 2006. S. 181. Однако в рассматриваемых открытках прямой зависимости между конфессиональной принадлежностью места издания и подобными акцентами обнаружить не удалось.

⁵⁹ Hamburger Nachrichten. 4.02.1917.

⁶⁰ Berliner Volkszeitung. 22.02.1917.

кающего из недоверия к народу власти, которая считала, что «немецко-го Михеля нужно вести, чтобы он в своей сонливости не споткнулся»⁶¹. С началом ноябрьской революции 1918 г. возвращение к традиционным коннотациям Михеля (глупый, наивный, добрый, пробуждающийся) становятся еще более ощутимыми, в то время как героический пафос практически полностью исчезает⁶². Если на годы войны Михель стал общегерманской интеграционной фигурой, то после ее окончания во многом вернулись прежние специфические трактовки – социалисты протестовали против эксплуатации Михеля, их противники сетовали, что «теперь немецкий Михель социализирован!» и т.д.⁶³

Все эти тенденции отразились и в открытках. Часто Михель, отбросив ненужные латы и меч и вернув себе прежний облик, высылают вон из страны кайзера или приветствует установление республики. Вместе с тем, на других открытках его можно увидеть скорее в негативном качестве как воплощение «михельства», приведшего Германию к краху.

Сравнение образа Михеля на открытках Германии и ее врагов позволяет сделать и некоторые более общие выводы касательно характера и степени пропагандистской мобилизации общества на войну.

Судьба Михеля на открытках врагов Германии сложилась совершенно по-разному. Его практически невозможно встретить в английских и французских открытках – Германия была представлена на них почти исключительно фигурой кайзера Вильгельма II и немецкого солдата. Такая ситуация отражала наличие в этих странах полноценного образа врага, для которого характерно отсутствие дифференцированного восприятия, его тотальность, в то время как появление фигуры «народа» разрушало бы эту целостность.

Совершенно иной была ситуация в России. Еще с конца XIX в. Михель прочно обосновался в публицистике и на страницах юмористических и сатирических журналов, что обеспечило ему полную узнаваемость в годы войны. Причем трактовки этой фигуры были весьма близки немецким – Михель изображался мечтательным, добродушным, ограниченным, несущим тяготы прусского милитаризма и т.д.⁶⁴ С другой стороны, он нередко фигурировал как воплощение Германии и ее агрессивной внешней политики. В годы войны Михель сохранил свою амбивалентность, что стало одним из свидетельств сохранения дифференцированного взгляда на Германию и, соответственно, неполноцен-

⁶¹ Central-Anzeiger für Hamburg-Altona. 8.08.1917.

⁶² Например, автор письма «К Немецкому Михелю» сравнивает последнего с ребенком, раненым и т.д. – Hamburgischer Correspondent. 17.12.1918.

⁶³ Berliner Börsenzeitung. 15.11.1918; Hamburger Anzeiger. 11.04.1919.

⁶⁴ Knoop 2006. S. 165-166; Cohen 2006. S. 262.

ности ее образа в качестве врага. В частности, он фигурировал в газетной полемике на совершенно непредставимую в той же Германии тему о том, с какой Германией воюет Россия: сохранилась ли наряду с Германией-агрессором прежняя, культурная Германия, является ли противником немецкий народ-Михель и т.д. Если в статьях ведущего публициста «Утра России» В.Г. Тардова добродушие Михеля являлось лишь маской, за которой скрывалось истинное лицо немецкого народа⁶⁵, то в других газетах он предстал совершенно иным: «Из-за чудовищного дула 42-дюймовых пушек... выглядывает знакомое и совсем не страшное лицо немецкого Михеля, недавно лишь сменившего удобный ночной колпак с кисточкой на неудобную каску... – Михеля, который подобно гётевскому ученику чародея, сам до смерти перепуган вызванным им духом смерти и не знает теперь только, как его заклясть»⁶⁶.

Те же тенденции отразились и в русских открытках. На некоторых из них противостояние русского «мужика» и Михеля передает трактовку войны как не только столкновение государств, но и «борьбу народов». Однако многие открытки изображают Михель-народ как жертву германского милитаризма – его заставляют выворачивать карманы на военные расходы, «изрыгать» из своей утробы солдат и т.д.⁶⁷

Таким образом, если в немецком случае стирание в годы войны довоенных различий и градаций в толковании Михеля, какие бы конкретные облики он ни принимал, свидетельствуют о высокой степени пропагандистской мобилизации общества на войну, то дифференцированные и умеренные, местами сочувственные трактовки противника в русском случае говорят об отсутствии – даже в пропаганде – тотального образа врага, а значит о недостаточной идеологической и психологической готовности российского общества к этой поистине «ненужной войне».

Но насколько в самом немецком обществе пропагандистские открыточные образы Михеля действительно были востребованными, какой они имели отклик? Судить об этом можно по отдельным комментариям в прессе, свидетельствам, связанным с изданием открыток, но главное – используя уникальную особенность открыток как источника, позволяющего видеть реакцию самих участников переписки.

Предлагавшиеся в начале войны залихватские образы Михеля публикой и критикой были встречены по-разному. Скорее исключением являлся положительный отзыв в прессе, согласно которому типичная открытка с изображением Михеля, поряющего врагов, как школьников, была названа «неплохой по мысли»⁶⁸. Осенью 1914 г. в разных

⁶⁵ См. напр.: Утро России. 14.08.1914.

⁶⁶ Лицо Михеля // Русское слово. 25.11.1915.

⁶⁷ Медяков 2014. Т. IV. С. 341, 430.

⁶⁸ Hamburger Nachrichten. 8.10.1914.

немецких газетах регулярно появлялись статьи, осуждавшие грубое и недостойное изображение как врагов, так и самих немцев. Свою долю критики получил и Михель: «Что можно, например, сказать о таких открытках, где немецкий Михель, как кровавый мясник шинкует на разделочной доске своих противников рубильным ножом? Считается, что этим достигается «шутка»? Не говоря о том, что подобные поделки каждому приличному человеку до глубины души отвратительны и наполняют омерзением, они очень даже могут снизить уважение к нашему народу за границей»⁶⁹.

Однако ни вкусовая, ни пропагандистская стороны дела, отмеченные в этом отклике, рядового потребителя, как представляется, не смущали, и сами «немецкие Михели» покупали Михеля вполне охотно. Об этом свидетельствует уже огромное многообразие «открыток с Михелем» – только в настоящей публикации их рассмотрено свыше 150. Открыточные издательства представляли собой частные коммерческие предприятия, которые ориентировались в первую очередь на получение прибыли. Очевидно, что, воспроизводя в бесконечных вариациях открытки, на которых Михель самыми разными способами колотит врагов и всячески утверждает свое превосходство, они тем самым стремились удовлетворить значительный спрос именно на такого рода мотивы, имевшие высокую конъюнктуру. О намерениях издателей можно судить в том числе благодаря практике рассылки ими рекламных образцов, на которых указывались условия поставки, а иногда и более общие соображения, касающиеся сбыта. Так, представляя в октябре 1914 г. свою новую открытку «Немецкий Михель», одно штуртгартское издательство указывало, что «так как общая военная ситуация в настоящий момент для нас очень благоприятна, можно с уверенностью ожидать большого сбыта такой своеобразной открытки»⁷⁰.

Связь между военными успехами и характером трактовок Михеля указана первым из издателей совершенно верно – подавляющее большинство оптимистично-агрессивных открыток с этим персонажем прошло почту осенью 1914 г. Как уже отмечалось, с 1915 г. Михель изображается более умеренными средствами, что стало как следствием вмешательства цензуры, начавшей борьбу с «недостойными» изображениями, так и изменения ситуации на фронтах, положившей конец оптимизму первых месяцев войны. Хотя издатели по-прежнему рассчитывали на успешный сбыт подобных сюжетов, о чем, например, говорит имеющаяся в распоряжении автора рекламная открытка, датированная сентябрем 1915 г.: она предлагала к распространению сюжет о Михеле, сбивающем своих врагов как кегли в кегельбане.

⁶⁹ Hamburgischer Correspondent. 5.10.1914.

⁷⁰ Медяков. 2014. Т. I. С. 24-25.

Личные отклики на открытках также свидетельствуют о том, что предложенные на них сюжеты принимались населением. Как таковые комментарии к изображению весьма редки – как и в случае с любыми другими открыточными сюжетами главный смысл открытки заключался в том, чтобы «подать о себе весть». Однако сам факт того, что солдат – а подавляющее большинство имеющихся открыток было отправлено именно с фронта – потратил собственные деньги, вместо того, чтобы воспользоваться бесплатной армейской почтовой карточкой, уже достаточно показателен. Полностью отсутствуют на открытках с Михелем и отрицательные комментарии.

Отклики на изображение достаточно разнообразны и затрагивают как лицевую, так и оборотную сторону открытки. Идентификация с посланием открытки могла быть выражена простым подчеркиванием ее пропагандистского слогана («Теперь мы будем их молотить»), или же путем ее перерисовки⁷¹. Наконец, свидетельством широты распространения Михеля как фигуры национальной идентификации является его появление даже там, где всякие внешние побуждения к этому отсутствуют, т.е. самостоятельное обращение к этой аллегории. Такое обращение могло проявляться в виде дорисовки к имеющемуся изображению (высунувший язык Михель дорисован рядом с изображением делящих Германию врагов)⁷². В коллекции автора есть и самодельные открытки, в которых фигурирует Михель. Одна из них представляет собой карандашный рисунок 1917 г., на котором эльзаска отдает предпочтение не французу, а Михелю: «Нет, я останусь верна моему Михелю». В тексте личного послания автор снабдил рисунок дополнительным комментарием: «Прилагаю лучшее решение эльзас-лотарингского вопроса». На другой нарисованной неумелой рукой открытке 1915 г. также изображен Михель, который пронзает штыком француза, а надпись гласит: «Как немецкий Михель француза наколол».

Примером письменных откликов на изображение может служить открытка, прошедшая почту в начале сентября 1914 г. Открытка двусторонняя: на лицевой стороне она несет типичное для этого времени изображение Михеля, который сокрушает дубинкой окруживших его врагов, а на обратной – посягающих на колонии Германии Англию и Японию. Автор личного послания прокомментировал картинку, буквально продолжив прямую речь Михеля. «Даже если нам грозит семикратная война, при «молотьбе» достанется всем. А вы, на той стороне, чтите заповедь «Не укради!», - этот комментарий к рисунку автор продолжает словами: «но все, что ты видишь, ты должен взять. Остальные

⁷¹ Там же. Т. IV. С. 190.

⁷² Там же.

уже получили свою молотьбу, царь-кнутовщик еще на очереди. Англичанин и япс получают последними».

Готовность откликнуться на изображение зависела от характера сюжета, и в этом смысле бросается в глаза, что «классический» немецкий Михель, с его «народностью» и свойственным этой фигуре моментом самоиронии, был более привлекательным, чем его героические или сакрализированные ипостаси. Вместе с тем, находили отклик и они, поскольку поводы и потребности в ходе переписки были самыми разными, они нередко выходили за пределы повседневной военной рутины, а иногда автору просто не хватало собственных слов, и за него говорила открытка. Так, можно прочесть следующее послание: «Дорогой Фриц! К твоему Дню рождения я бы желал сказать красивое слово, и я нашел его на обратной стороне». Имелась в виду библейская цитата под изображением поражающего дракона архангела Михаила: «Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться» (2 Тим. 2:5)⁷³.

Все же с точки зрения реакции потребителей на предлагавшиеся образы «классический» Михель оставался более предпочтительным, несмотря на то, что в предложении открыток его, как отмечалось, теснил Михель-Михаил. Очевидно, это было связано с тем, что по предлагавшимся глубоким и возвышенным трактовкам войны «простому человеку» было высказаться сложнее, чем по близким и понятным темам, воплощенным фигурой Михеля в колпаке. Это касалось, в частности, темы займов. Упомянутая выше открытка «Лилльской газеты» может служить примером комплексного характера открытки как источника: ее изобразительная часть соединяет в себе агитационный мотив, фронтовую реалию и практику газеты, а оборотная сторона несет свидетельство личной реакции на публично предложенное пропагандистское послание: «Подписывайтесь на заем! Это Ваш долг перед Вашими детьми!!! Тысяча приветов...», – написал солдат в апреле 1917 г.

Подводя итог, можно сказать, что наличие в Германии столь давней и богатой различными смысловыми коннотациями идентификационной национальной фигуры обусловило возможность ее широкого применения в экстремальных условиях войны в качестве мощного пропагандистского средства. Обращает на себя внимание едва ли имеющее аналоги многообразие ипостасей этой национальной аллегии. Речь идет не просто о «двух сторонах немецкой головы Януса, двусторонности силы и слабости», воплощенной Михелем и Михаилом⁷⁴, но о целой шкале образов от недалекого крестьянина до ангела небесного,

⁷³ Имеется в виду, что воин не получит венца, если не будет соблюдать чистоты и всего, приличествующего ратоборцу. - <http://bible.optina.ru/new:2tim:02:05>

⁷⁴ Fliege 2006. S. 179.

позволяющей использование этой фигуры в самых разных контекстах. Подобное многообразие и многофункциональность, специфическая «народность» и ироничность этого персонажа, а также его бытование не только в нарративных, но и в визуальных формах обусловили широкое восприятие и пропагандистскую эффективность фигуры Немецкого Михеля в германском обществе. Это показала военная открытка.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Русское слово*. 1914-1916.
Утро России. 1914-1916.
Altonaer Nachrichten. 1914-1918.
Berliner Börsenzeitung. 1914-1918.
Berliner Tageblatt. 1914-1918.
Berliner Volkszeitung. 1914-1918.
 Engel E. 1914. Ein Tagebuch von Eduard Engel. Berlin, Braunschweig, Hamburg: Verlag von Georg Westermann, 1915. 768 S.
Eulenspiegel. № 13. 24.3.1849.
Hamburgischer Correspondent. 1914-1918.
Hamburger Nachrichten. 1914-1918.
Hamburger Neueste Zeitung. 1914-1918.
 Hauffen A. Geschichte des deutschen Michel. Prag: Verein zur Verbreitung Gemeinnütziger Kenntnisse, 1918. 95 S.
Papier-Zeitung. 1915. Bd. 40.
Teplitz-Schönauer Anzeiger. 1914-1918.
Der Wahre Jakob. 1892. № 156, 1902. № 407, 1908. № 561.
 Лазарева А.В. Немецкие национальные символы и аллегории в эпоху Тридцатилетней войны (1618–1648) // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 1. С. 64-78. [Lazareva A. Nemeckie nazionalnye simvol'y i allegorii v epohu Tridzatiletnej voyny // Istoricheskij jurnal: nauchnie issledovanija. 2014. № 1. С. 64-78]
 Медяков А.С. Первая мировая война на почтовых открытках. Т. I–IV. Киров, 2014.
 Baker S. Picturing the Beast. Animals, Identity, and Representation. Manchester: University Press, 1993. 256 p.
 Bizeul Y. Glaube und Politik. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. 315 S.
 Brocks Ch. Die bunte Welt des Krieges. Bildpostkarten aus dem Ersten Weltkrieg 1914–1918. Essen: Klartext, 2008. 294 S.
 Bruendel S. Vor-Bilder des Durchhaltens. Die deutsche Kriegsanleihe-Werbung 1917/18 // Bauerkämpfer A., Julie E. (Hg.) Durchhalten! Kriegskulturen und Handlungspraktiken im Ersten Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. S. 81-110.
 Cohen A.J. Bild und Spiegelbild: Deutschland in der russischen Tageszeitung "Russkoe slovo" (1907-1917) //Herrmann D. (Hg.). Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 19./20. Jahrhundert. Von den Reformen Alexanders II. bis zum Ersten Weltkrieg (West-Östliche Spiegelungen. Russen und Russland aus deutscher Sicht und Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht von den Anfängen bis zum 20. Jahrhundert. Reihe B. Bd. 4. München, 2006. S. 258-279.
 Fliege Th. "Mein Deutschland sei mein Engel Michael". Sankt Michael als national-religiöser Mythos // Korff G. (Hg.) Alliierte im Himmel. Populäre Religiosität und Kriegserfahrung, Tübingen: Tübinger Vereinigung für Volkskunde, 2006. S. 159-199.
 Galle M. Der Erzengel Michael in der deutschen Kunst des 19. Jahrhunderts. München: Herbert Utz Verlag, 2002. 240 S.
 Goebel S. Chivalrous Knights versus Iron Warriors: Representations of the Battle of Matériel and Slaughter in Britain and Germany, 1914-1940 // James P. (ed.) Picture this: World War I Posters and Visual Culture. Studies in War, Society, and the Military. Lincoln: University of Nebraska Press, 2009. 79-110.

- Grote B. Der deutsche Michel. Ein Beitrag zur publizistischen Bedeutung der Nationalfiguren. Dortmund: Ruhfus, 1967. 89 S.
- Kilian J. Propaganda für die deutschen Kriegsanleihen im Ersten Weltkrieg // Wilke J. Massenmedien und Spendenkampagnen. Von 17. Jahrhundert bis in die Gegenwart. Köln, Weimar, Wien; Böhlau, 2008. S. 73-160.
- Knoop A. Der verpreußte Michel – die Deutschlandkritik in der nichtmarxistischen sozialistischen Zeitschrift „Russkoe bogatstvo“ (1880-1904) // Herrmann D. (Hg.). Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 19./20. Jahrhundert. Von den Reformen Alexanders II. bis zum Ersten Weltkrieg (West-Östliche Spiegelungen. Russen und Russland aus deutscher Sicht und Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht von den Anfängen bis zum 20. Jahrhundert. Reihe B. Bd. 4. München, 2006. S. 149-196.
- Mosse G. Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. Oxford: University Press, 1990. 265 p.
- Sagarra E. The strange history of der deutsche Michel. The role of national stereotypes in intercultural language teaching // <http://www.gfl-journal.de/1-2000/sagarra.html>
- Szarota T. Der deutsche Michel. Die Geschichte eines nationalen Symbols und Autostereotyps. Osnabrück: Edition Fibre, 1998. S. 421.
- Zeller U. Die Frühzeit des politischen Bildplakats in Deutschland (1848-1918) Stuttgart: Ed. co., Ed. Cordeliers, Ed. Cadre, 1988. 259 S.

Медяков Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории, МГУ им. М.В. Ломоносова; Alexandr.medyakov@yandex.ru

From peasant to archangel: the image of the German Michael during the First World War

The article examines the allegorical figure of the German Michel as the most common form of visualization of the German nation during the First World War. It deals with the evolution of the image of Michel, namely, the tendency to its heroization and sacralization, which appeared under the influence of military events. The main source of study are postcards - the most popular and massive visual medium of its time, which allows to study both publicly disseminated propaganda messages, and a private response to them. Based on the analysis of the texts of personal messages, conclusions are drawn about the differing relevance of the images of Michel proposed by the propaganda. The comparison of the role of Michel in the postcard propaganda of the Entente countries leads to the conclusion that the image of the German enemy in Russia was defective.

Keywords: German Michel, World War I, Germany, propaganda, national allegory, national identity, postcards

Alexander Medyakov, PhD (History), Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Moscow State University; Alexandr.medyakov@yandex.ru

С. Г. ДЮКИН, И. В. САМОЙЛОВА

МЕСТО И РОЛЬ РОК-МУЗЫКИ В ПОЗДНЕСОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

В статье рассматривается процесс бытования рок-музыки как самостоятельного концепта в советском и российском кинематографе в 1970–1990-е гг. Характеристики рок-музыки, которые присваивались ей в кинематографе, демонстрировали степень толерантности власти и официального дискурса к инородным стилевым проявлениям. Также рок-музыка обрела функцию идентификатора и использовалась создателями фильмов в контексте формирования новых моделей самосознания. Рок-дискурс зарождается в отечественном кино во второй половине 1980-х гг. Его кульминационной стадией стал период «зрелой» перестройки. По мере усиления реформистских процессов на стадии поздней перестройки рок-музыка стала утрачивать свои изначальные функции, заданные ей кинематографом.

Ключевые слова: рок-музыка, рок-культура, кинематограф, идентичность, образ, субкультура, культурная форма, функция

Бытование того или иного феномена культуры в кинематографе как научная проблема прочно обосновалась в современной культурологии. Проблеме кино посвящены десятки диссертаций российских ученых, предметом исследования в них становятся различные социальные, политические, культурные процессы, находящие свое выражение в кинематографе¹. В нашем случае объектом внимания выступает рок-музыка и рок-культура, помещаемые в кинематографическом пространстве в условиях российской культуры позднесоветского и постсоветского периодов. Предметом изучения служит функциональное содержание, вкладываемое в рок-музыку, с одной стороны, создателями фильмов, а с другой стороны, аудиторией, а также способ корреляции между этим содержанием и актуальной конкретно-исторической ситуацией. Из названных вопросов вытекает проблема идентичности, связанная с рок-культурой: играет ли *рок* какую-либо роль в формировании / изменении идентичности всего социума или его части?

Мы должны ответить на вопросы: находилась ли рок-музыка в ситуации конфронтации с официальной советской культурой; нуждалась ли она как явление чужеродного стиля в апологии или же в сокрытии; способен ли был *рок* оказать влияние на социально-политические изменения поздней советской системы; как соотносятся между собой динамика перестроечных и постперестроечных реформ и развитие рок-дискурса в советско-российском кинематографе? Гипотеза заключается в том, что рок-музыка являлась своеобразным индикатором жизнеспособности

¹ Перельштейн 2008; Санданов 2013; Сопин 2015; Цыркун 2014; Шарапова 2013.

собности советской системы, не будучи при этом катализатором изменений, вопреки утвердившемуся представлению об отечественном роке как реформаторском ресурсе, подмывавшем в 1970–1980-е гг. основы советской официальной культуры, а вместе с ней всего российского общества². До начала перестройки присутствие рок-культуры на экране в полной мере совпадало с социокультурными интенциями системы и со степенью толерантности власти в отношении иного стиля, воплощением которого представлялась рок-музыка. Рок воспринимался как не более чем новый музыкальный стиль, что влекло за собой определенный компромисс между апологетами музыки и властями «от культуры». Что касается перестройки, то в данном случае господствующим является тезис о том, что на этом этапе рок-музыка стала важным фактором обновления отечественной культуры в преддверии и на первоначальном этапе реформ, приведя к раскрепощению сознания советских людей, подготовив их к апгрейду всей системы. По нашему мнению, данное утверждение нуждается в серьезной корректировке.

Рок-музыка как элемент культуры прочно вошла в научный курс. В трудах Е.В. Касьяновой, Г.С. Кнабе, Е.В. Мякотина, И.Л. Набока, Е.А. Савицкой, В.Н. Сырова, С.В. Шаповалова³ проведен ее всесторонний анализ с позиций искусствоведения, философии, социологии, культурологии. В работах И.С. Алексеева, А.А. Васильевой, Т.Е. Логачевой, Т.Н. Невской⁴ советская и российская рок-музыка рассмотрена как фактор протестной культуры – суб- или контркультура, связанная с преодолением негативных признаков культуры доминирующей. Важное место этих трудах отводится той роли, которую молодежная музыка сыграла в перестроечных процессах. Добавим, что место *рока* в отечественном кинематографе 1980–1990-х гг. до сих пор не подвергалось анализу, в то время как кино следует рассматривать в качестве одного из важнейших инструментов популяризации рок-музыки в 1980-е гг., ее выведения за пределы ограниченного круга неформальных субкультур, придания ей видимости одной из форм массовой культуры.

Рок-культура как институализированное явление впервые появилась в научном дискурсе в эпохальном тексте Т. Роззак «Формирование контркультуры: размышление о технократическом обществе и молодежной оппозиции»⁵. Рок предстал в этом исследовании в качестве многомерного явления, основная функция которого сводилась к существованию в качестве ядра контркультуры. По сути, Роззак лишает рок-

² См.: Житинский 2006; Троицкий 1991.

³ Сыров 1997; Кнабе 2006; Набок 1993; Мякотин 2006; Савицкая 1999; Шаповалов 2010; Касьянова 2003.

⁴ Алексеев 2003; Васильева 1999; Логачева 1997; Невская 2009.

⁵ Roszak 1969.

музыку самостоятельной сущности, сводя ее ценность к службе в отношении контркультуры, а последняя является самостоятельным культурным феноменом, обеспечивающим новый тип идентичности, и, в свою очередь, формирует вокруг себя ситуацию ментальной революции. Несмотря на формальную сопричастность молодежной революции конца 1960-х, связанная с рок-музыкой контркультура имеет надполитический характер, будучи явлением предельно универсальным⁶. Причина этой универсальности заключается в трансляции нового типа идентичности на все категории социума. Впоследствии проблема идентичности была сформулирована лидером группы *King Crimson* Р. Фриппом, связавшим изменения музыкального вкуса с эволюцией всех подсистем общества. Взгляды музыканта в данном контексте обретают явно «левацкий» оттенок: свои идеи он излагает в форме своеобразной «инструкции» для желающих изменить общество. Задачу апгрейда системы Фрипп возложил на некоммерческое крыло рок-музыки, противостоящее крупным формированиям в сфере поп-индустрии⁷.

Идея индивидуализации сознания под воздействием рок-культуры нашла развитие в российской науке. В основе деколлективизации социальных установок лежит стремление к уникальности индивидуального коммуникативного кода, создание авторской картины мира⁸. Ценностно окрашенный дискурс идентичности нашел отражение в труде А. Грошакова⁹. Рок инициирует отторжение негативных сторон жизни, актуализирует морально-этический компонент социального бытия¹⁰. В работах российских культурологов рок-музыка представлена важным агентом социокультурной динамики, окрашенной в однозначно положительные тона¹¹. В диссертации А. Васильевой этот мини-дискурс обретает наиболее завершенную форму: рок видится автору своеобразной лабораторией, в которой были «опробованы многие психологические и социально-культурные ситуации»¹². В качестве фактора социально-экономической и, главным образом, политической трансформации социума рок-музыка представлена в ряде работ, сосредоточивших внимание на создании исторического нарратива советской рок-музыки¹³.

В сложившемся вокруг концепта *рок* дискурсе укоренилось обращение к таким понятиям, как *рок-музыка* и *рок-культура*. В данной

⁶ Roszak 1969. Ср. Гончарова 2002; Кнабе 2006; Логачева 1997; Набок 1993.

⁷ Fripp 1980.

⁸ Авилова 2010; Сыров 1997.

⁹ Грошаков 2015.

¹⁰ Подобная позиция укоренилась в советских публицистических текстах времен поздней перестройки. См. Рок-эпистолярный 1987-1989.

¹¹ Касьянова 2003; Шаповалов 2010.

¹² Васильева 1999.

¹³ Козлов 1998; Невская 2009; Троицкий 1991.

статье используются оба термина в зависимости от широты охвата явлений, на которые они указывают. Под рок-музыкой подразумевается совокупность направлений современной музыки, находящихся в поле влияния англо-американской эстетической протестной традиции, которая выражается в музыкально-поэтических формах, одновременно отталкивающихся от массовой и народной культур. В свою очередь, рок-культура содержит в себе всю совокупность структурных элементов культуры (ценности, нормы, символы, практики), формирующихся вокруг ядра, в качестве которого выступает рок-музыка.

Связь между кино и социокультурными явлениями как тема научного исследования впервые сформулирована в межвоенный период Б. Балашем¹⁴. Балаш, с позиции философской феноменологии, правда им не заявляемой, формирует тезис о наличии дистанции между действительностью и кинореальностью, которая, в свою очередь, сама по себе становится пережитой действительностью, но не отражает объективный мир. Таким образом, кинопроизведение превращается в самостоятельный транслятор смыслов, подчиняющий себе социум.

Рок в «застойном» кино: первые шаги

Первый акт проникновения рок-музыки в советский кинематограф был предельно четким и сфокусированным. Речь идет о дипломном документальном фильме А. Ханютин «Шесть писем о бите» (1977). *Рок* представлен здесь как самодостаточное явление культуры, нуждающееся в представлении и в апологии. При этом *рок* обозначен в качестве носителя определенного значения, а не просто явления, претендующего на то, чтобы быть изображенным¹⁵. Иначе говоря, рок-музыка (путем коннотации авторы заявляют о существовании рок-культуры) преподносится в качестве потенциального деструктора сложившегося образа жизни, объекта неприятия большинства населения. Для сглаживания конфликтности режиссер предпринимает попытку выдать *рок* за часть «системной культуры» – по сути, весь сюжет фильма построен на аргументации невраждебности этой музыки в отношении советского образа жизни. Делается попытка сгладить возможные противоречия между характером этого музыкального направления и сущностью советской и российской культуры, представляя *рок* в качестве, прежде всего, инновационного музыкального направления, соответствующего реалиям второй половины XX в. С учетом ориентации официальной культурной политики «застоя» на корреляцию советской идентичности с традиционной и классической моделями отечественной культуры, а также на внедрение в мировые процессы научно-технического развития, методы апологии *рока* были выбраны верно. В резюме фильма

¹⁴ Балаш 1935; 1925.

¹⁵ См. Лотман 1973.

могло быть заключено, что *рок* – это музыка современная, но базирующаяся на культурной традиции, в т.ч. российской. Через визуализированные образы молодых людей, признающих в любви к бит- (не рок-) музыке демонстрируется связь рок-музыки и жизненного стиля.

В массовое советское кино рок-музыка начала входить постепенно и почти незаметно, мимикрируя под официальную поп-культуру, еще в начале 1980-х гг. Первым опытом создания художественного фильма, действие которого сконцентрировано вокруг рок-исполнителей и в котором звучат рок-композиции, можно считать ленту А. Стефановича «Душа» (1981). В ее основе – судьба эстрадной певицы, которую играет крайне популярная в то время София Ротару. Однако исполняет певица песни рок-группы «Машина времени», находящейся в то время в зените славы и пребывающей в промежуточном состоянии между статусом официально признанного коллектива (группа числилась в штате Московской филармонии, официально гастролировала) и представителями андеграунда (замалчивание в СМИ, инициированная «сверху» жесткая критика). Часть песен в фильме исполняется самой группой, выступающей в роли сопровождающего ансамбля Ротару под руководством М. Боярского. Элементы рок-культуры в картине проявляются в форме, свойственной позднему «застою». Факт присутствия на экране рок-звезд маскируется лапидарными методами, не предполагающими сокрытия этой информации. То, что многие шли на фильм, исключительно, чтобы увидеть «Машину времени», нуждалось в симуляции сокрытия путем ритуальной фабулизации. Рок-группа как будто отказывается от своего статуса, превращаясь в ВИА, хотя аудиторией востребована именно «Машина времени», а не тот условный коллектив, который подразумевается сюжетом. Игра в скрытность, очевидность подмены, непроговоренность создают текст, конгруэнтный миру позднесоветской культуры. Обозначенная выше деструктивность рок-культуры в начале 1980-х уже не подвергается апологетике, а регулируется, заглаживается. Рок в данном случае выполняет функцию безобидной провокации, на рациональном уровне объясняемой взаимной материальной заинтересованностью режиссера и музыкантов¹⁶.

Хронологически за «Душой» следует учебный короткометражный фильм А. Ильховского и А. Нехорошева «Иванов» (1982). Не показанный ни на большом экране, ни по телевидению, «Иванов» являет собой первый пример кинематографической декларации противостояния рок-музыки и официальной советской культуры. Декларация носит предельно выраженный и законченный характер. Играющий фактически сам себя Борис Гребенщиков отчуждает себя и свой социальный круг как от официального дискурса, символизируемого офицером, однокашником

¹⁶ Ср. Юрчак 2014.

главного персонажа, так и от советских «барыг», охотников за «длинным рублем». Декларация мировоззрения тесно переплетается с информированием потенциального кинозрителя о наличии в обществе претендующей на выделенность и исключительность рок-культуры.

Впоследствии, на рубеже позднего «застоя» и ранней «перестройки» (1984–1986) обозначенная позиция усиливается: симуляция игнорирования *рока* принимает еще более причудливые формы, при том, что сама музыка выходит на экраны решительнее, нежели ранее. При этом присутствие рок-музыки в кино остается предельно фрагментарным. В фильме И. Таланкина «Время отдыха с субботы до понедельника» (1984) перед зрителями появляется группа «Центр», представляющая авангардистское крыло московского музыкального андеграунда. Песня группы сопровождает начальные кадры, а затем команда появляется «вживую» в роли ансамбля из ресторана. Данный фильм во многом повторяет историю с появлением «Машины времени» в «Душе», но в более смелом варианте, поскольку «Центр» представлял вариант рок-культуры, максимально дистанцированный от официальной эстрады, мало того, сам песенный материал куда более контрастировал с традиционной поп-музыкой, чем песни А. Макаревича – А. Кутикова. Налицо вновь провокация. Создатели фильма словно тестируют чиновников от культуры на терпимость в отношении чужеродного стиля. При этом декларативные намерения режиссера, правозглашенные им в журнале «Советский экран», более лояльны, чем само произведение. Режиссерский анонс фильма наполнен исключительно ритуальными стандартизированными фразами о персонажах картины как типичных представителях официального советского нарратива¹⁷.

Иной вариант представляет собой фильм А. Стефановича «Начни сначала» (1985). А. Макаревич играет молодого автора-исполнителя, пробивающего себе дорогу вопреки противостоянию со стороны чиновников и управленцев в сфере культуры. Фабула и идеология фильма вполне укладываются в советскую традицию мобилизующих произведений, нацеленных на формирование целедостигающей установки в построении нового человека. Появление в главной роли рок-звезды можно объяснить коммерческим интересом режиссера. Однако за пределами рациональных установок авторов фильма можно обнаружить объективное место ленты в рассматриваемом дискурсе.

В картине принадлежность героя к миру рок-музыки формирует новые субъективные качества артиста: он, будучи искренним энтузиастом, превращается в борца за правду и справедливость. По сути, перед нами обновленный Павел Корчагин, т.е. совершенный советский герой, сменивший форму. И эту форму задает молодежная музыка (принад-

¹⁷ Таланкин 1984. С. 10-11.

лежность именно к *року* в фильме частично устраняется). Его антигерои – тормозящие культурный процесс бюрократы, карьеристы – приспособленцы и дельцы теневой экономики. На стороне Коли Ковалева (героя Макаревича) находятся вчерашние неудачники, персонажи, выводимые А. Юрчаком в зону вневходимости¹⁸, иначе говоря, люди, не имеющие высокого положения в обществе и отказывающиеся от престижной статусной позиции в системе официальной советской иерархии. В этом контексте «Начни сначала» можно рассматривать как высшую точку признания *рока* частью советской культуры, которая берет его на вооружение, пытается выжить в кризисной ситуации. Субъект рок-музыки возводится на престижные позиции официальной культуры. Заменяя прежних героев, он становится эпицентром ценностной системы. Рок-музыкант вводится в структуру культурной традиции, а всякая суб-, тем более контркультурность, полностью устраняется.

Рок-кинематограф и перестройка

Полная кинематографическая эмансипация рока начинается незадолго до правозглашения *демократии* и *гласности* – в 1986 г. В лентах «Йа-хха» Р. Нугманова и «Взломщик» В. Огородникова происходит обозначение явления как такового, более не нуждающегося в сокрытии. Прекращается симуляция замалчивания. С рок-музыки снимаются завесы официальной культуры, ей позволено стать самой собой. В короткометражке «Йа-хха» предполагается название субкультуры при помощи почти исключительно визуального языка. Ленинградская рок-тусовка предстает на экране через качества, контрастирующие с проявлениями культуры большинства. Эпатирующая одежда перемежается кадрами выступлений групп «Алиса», «Кино», «Зоопарк» и тусовочной повседневностью. Нарратив не разворачивается во времени, оставаясь сгруппированным вокруг визуализированного образа советской рок-культуры, в котором соединяются аксиологические заявления авторов, демонстрируемая ими символика и представления о нормах. В какой-то степени «Йа-хха» выступает кульминацией экспансии рок-культуры в советско-российский кинематограф. Основанием для такого утверждения может выступать отсутствие прочих сюжетных тем, редукция других смыслов. Рок-культура представлена явлением законченным и самодостаточным. В прокат и на телевидение фильм не попал, однако был показан на Московском кинофестивале в 1987 г. и получил приз в рамках программы «Молодое советское кино».

Схожие мотивы мы видим во «Взломщике», где на экране появляются герои ленинградского рок-андеграунда (группы «Алиса», «Аукцион», «Присутствие»). Проникший в фильм типичный для позднесоветской культуры социальный пафос, проблема взаимопонимания по-

¹⁸ Юрчак 2014.

колений выглядят как дань традиции, порождение инертности в отношении мобилизующих текстов. По прошествии 15 лет создатель фильма признался, что он пытался снять фильм, в котором рок-музыка занимала бы второе место, а на первое место пытался вывести семейную драму¹⁹. Однако налицо приоритет в фильме того сегмента, который связан с рок-музыкой. Сцены в рок-клубе, на тусовке, концерты, прослушивания занимают большую часть кинотекста. В официальных рецензиях фильм также позиционировался как кино об этих «тусовках», «обломах», «улетах», воспринимаемых как альтернатива мещанству²⁰. Кульминацией подобной апологетики, в основе которой лежат все те же традиционные установки официальной советской культуры, становится утверждение любви и музыки как определяющих концептов не только конкретного фильма, но и всей рок-культуры²¹. Очевидна и противоположная оценка традиционной советской повседневности и всего *нового, молодого*, связанного с *роком*. Последнее оценивается положительно путем помещения в престижный контекст, в отличие от *старого*, вокруг которого создается отрицательная коннотация (скандалы, пьянство, бедность, старость)²². Важное место в контексте данного конфликта занимает фотопортрет Сталина, помещенный в окне автобуса, в котором едет подростковый духовой оркестр, возглавляемый пожилым носителем советской культуры, который транслирует прописные истины. За счет изображения Сталина автор фильма однозначно отгораживает мир немолодых советских людей от субъекта повествования, превращая его в объект наблюдения, анализа и оценивания. Таким образом, впервые в советском кино возникает оппозиционная дихотомия *советская культура – рок*, противоположная по отношению к ситуации реабилитации рока, которую мы видели в фильме «Начни сначала», вышедшем за полтора года до «Взломщика». Смысл дихотомии зашифрован в самом названии фильма. Главный герой (К. Кинчев, играющий, по сути, самого себя) подается в качестве взломщика привычной ценностно-нормативной структуры советского общества.

Аналогичным образом на основе рок-музыки формируется дихотомия *молодое – старое* в криминальной драме Б. Токарева «Ночной экипаж» (1987). Появление в первых же кадрах хеви-группы «Мастер», чей концерт сопровождает школьный выпускной вечер, устанавливает символическую границу между подростками и старшими, конфликт которых накладывается на детективный сюжет фильма.

¹⁹ В огороде бузина, а в Питере «Взломщик-2». <http://che-sp.narod.ru/ogorod.htm>

²⁰ Поздняков 1987. С. 3.

²¹ Кагарлицкая 1987. С. 21.

²² На этапе поздней перестройки (1989–1991) данная позиция найдет крайнее выражение в «бытовом», «реалистическом» советском кино. См.: «Маленькая Вера» и «В городе Сочи темные ночи» В. Пичула, «Интердевочка» П. Тодоровского.

Альтернативная точка зрения, связанная с погружением подобных фильмов в советскую кинематографическую традицию, обозначена некоторыми респондентами. К наиболее радикальным в этом отношении высказываниям стоит отнести следующее: «Что касается всяких “Взломщиков” и прочего, то я все это проблемное кино воспринимал как продолжение линии фильмов типа “Иди и смотри”, “Чучело”, “Плumber, или опасная игра” и т.д. Детский шок был когда-то, морали по этому поводу какие-то читались. И здесь то же самое»²³.

В «Ассе» С. Соловьева (1988) рок-культура превращается в главного персонажа, уже не нуждающегося в эмансипации. Принадлежность либо близость к року служит критерием для противопоставления субъекта *злому, лживому* миру, уходящему в прошлое. Этот отрицательный сегмент действительности маркируется знаками советской культуры. Уходящая действительность вбирает в себя тeneвую экономику, криминал, неустроенный коммунальный быт, милицкий произвол, цинизм и бездушие в человеческих отношениях. За окруженной ореолом престижа рок-культурой закрепляются категории *молодости, любви, взаимовыручки, искренности, презрения к формализму, творчества*. А. Смирнова, автор рецензии на фильм в журнале «Советский экран», закрепляет смысл рок-культуры за концептами *весны и свежего воздуха*. Со слов С. Соловьева, «пока мы осторожно и умно ждали, они беззаветно создавали»²⁴. Таким образом, авторы создают непропорциональную дихотомию *рок – советское*, насыщенную ярким оценочным противопоставлением. Подобная универсализация рок-культуры достигает апогея в советском кинематографе именно в названной ленте, вышедшей на экраны на центральном этапе перестройки. В какой-то мере *рок* превращается в центральный концепт новой системы ценностей, контуры которой только интуитивно намечаются, но не осознаются и не формулируются. В дальнейшем это аксиологическое направление было оставлено как самим советским, а в дальнейшем постсоветским обществом, так и агентами воздействия со стороны кинематографа.

Почти одновременно появляется документальный фильм А. Учителя «Рок», призванный, скорее, примирить культуру музыкального андеграунда с культурой большинства, этой лентой выстраивается равновесие между двумя жизненными мирами. Точкой их пересечения становится повседневность: музыканты не шокируют обывателя своей непохожестью на него. Напротив, в фильме демонстрируется, что у них тоже есть жены и дети, они тоже ходят на скучную работу, они тоже вынуждены решать бытовые проблемы. Происходит своеобразное примирение рок-музыки с доминирующей культурой, их взаимная ас-

²³ Интервью 2: Мужч., 1974 г.р., Запись на диктофон 17.07.2017.

²⁴ Смирнова 1988. С. 11.

симиляция. Формируется ситуация, которую можно было бы назвать *культурным бонапартизмом* – при видимом диктате рок-культуры выстраивается компромисс для регулирования отношений между двумя типами культуры. Аналогична ситуация в политической жизни страны того же периода. «Рок» выходит на экраны летом 1988 года. Одновременно проходит XIX партийная конференция, на которой предпринимается попытка согласовать и примирить позиции по дальнейшему ходу перестройки. Заключается политический компромисс, приведший к обострению позиций. Подобным же образом произошел сбой и в отношении *рока* с другими культурными формами и его последующее исчезновение из рефлексивного поля большей части населения.

С конца 1988 г. мы уже видим отступление рок-музыки в качестве культурно-преобразующей силы. Данное положение реализуется через несколько факторов. Во-первых, рок уходит из фильмов как центральный объект внимания. Так, в формально относимой к нашему дискурсу «Трагедии в стиле “рок”» С. Кулиша это понятие сводится к внешнему обрамлению сюжета (главный герой увлекается рок-музыкой и играет на электрогитаре), к слову в названии фильма, предположительно введенному туда для привлечения аудитории, а также музыке С. Курехина, одной из культовых персон ленинградского андеграунда 1980-х). По замечанию режиссера, рок-музыка призвана лишь создать «воздух времени» в картине²⁵. Таким образом, рок исключен из криминальной фабулы фильма: присутствующие атрибуты молодежной субкультуры с музыкой не связаны. Рок становится не более чем данью моде. Налицо его частичная адаптация в рамках поздней советской культуры, конгруэнтная очевидному распаду социокультурной структуры стабильного (застойного) советского социума.

В двух фильмах этого периода рок подается в качестве формального символа молодежных контркультур. В драме «Меня зовут Арлекино» В. Рыбарева (1988) рок-музыка вводится в положительный контекст, выступая элементарным маркером субкультур, которые, в свою очередь, являются объектом нападения криминализированной молодежи. Близкая ситуация возникает в фильме М. Туманишвили «Авария, дочь мента», где песни в исполнении панк-группы «Чудо-юдо» закрепляются за молодежной тусовкой. В картине жаждущая искренности и честности контркультурная молодежь однозначно противопоставляется пропитанному мещанством и трусостью старшему поколению, а также своим криминализированным ровесникам.

В фильме «Такси-блюз» П. Лунгина сопряженность с рок-культурой выражена в присутствии в главной роли лидера группы «Звуки МУ» П. Мамонова, играющего, впрочем, в данном случае джазмена.

²⁵ Алабин 1988. С. 12-13.

Однако этот элемент фабулы фильма, по признанию людей, смотревших картину сразу после ее выхода, мало кого вводил в заблуждение. Аудитория воспринимала «Такси-блюз» как фильм с участием Петра Мамонова, одной из наиболее одиозных личностей поздней советской рок-культуры. В этом кинотексте выстраивается до предела однозначная оппозиционная дихотомия ценностных миров и образов жизни. С одной ее стороны находится саксофонист Алексей Селиверстов (герой Мамонова), творческая личность, ведущая богемный образ жизни. Герой призван атаковать традиционный жизненный мир советского человека с его избыточным коллективизмом, агрессивным патриотизмом и усугубленной консервативностью, которая в первую очередь определяет жизненный уклад. Стиль и ценности Селиверстова соотносимы с западной культурой, так как вынужденный оставаться в своей стране маргиналом музыкант обретает известность и признание в Америке. Музыканту противостоит таксист Иван Шлыков, носитель атакуемого стиля и ценностей. Шлыков – замкнувшийся в своей околориминальной среде ксенофоб, интуитивно отрицающий инновации любого типа. Субъект рок-культуры, если признать таковым героя Мамонова, постепенно отходит на выделенную ему территорию. П. Лунгин проводит демаркационную линию между двумя жизненными мирами. Они никогда не объединятся, так как, несмотря на формальное примирение между двумя героями фильма, Селиверстов и Шлыков не смогут понять друг друга. Их противостояние вечно, и в этом противостоянии концепт рока закрепляется за творчеством, открытостью внешнему миру, инновационностью, гуманностью, свободой. При этом признается существование противоположного мира.

Примерно аналогичная ситуация обнаруживается в самом кассовом советском фильме 1989 года – «Игла» Р. Нугманова. В образе борца с наркомафией здесь появляется исполнитель главной роли Виктор Цой, находившийся в тот момент на вершине популярности, а Петр Мамонов играет наркодилера. Музыка как герой в фильме отсутствует, но звучат песни группы «Кино», а фигура самого Цоя является фабулообразующей. «Я, честно говоря, так и не понял тогда, о чем этот фильм. Мы просто ходили смотреть на Цоя», – выразил распространенную зрительскую установку того времени один из респондентов²⁶. По признанию самого Нугманова, фильм делался исключительно «под Цоя». Что касается, сценария и режиссуры, то они полностью интуитивны²⁷.

В «Игле», подобно фильму «Такси-блюз», концепт *рока* закрепляется за героем определенного типа, противостоящего своим социокультурным антиподам. Налицо аналогичная оппозиционная дихото-

²⁶ Интервью 3: Мужч., 1975 г.р. Запись на диктофон 23.07.2017.

²⁷ Житинский 2007. С. 252-254.

мия, в рамках которой герой Цоя, борец с «темными силами» наркомафии, обращен против криминальной субкультуры. Как и в названных лентах С. Соловьева и П. Лунгина, принадлежность к миру рок-н-ролла имеет положительную коннотацию, отсутствие такой принадлежности помещается в негативный контекст. В отличие от С. Соловьева образца 1987–1988 гг., но подобно П. Лунгину, авторы «Иглы» отказываются от универсализации рок-идентичности. Герой Цоя не распространяет свою субъективность на чужеродный стиль, он вынужден защищать себя как субъекта бытия, несущего определенное качество (рок-н-рольность).

Принципиально новой чертой этой ленты становится редуцированность советской официальной культуры. Здесь рок противостоит мафии, явлению для СССР новому, на этапе поздней перестройки активно входящему в сознание советских людей, транслируемому масс-медиа. Именно криминалитет превращается в нового врага для рока. Однако тема данного противостояния развита не будет. Ее слабый отголосок мы обнаружим лишь через десять лет после выхода «Иглы».

Еще один пример позднеперестроечного рок-кинематографа – «Черная роза – эмблема печали, красная роза – эмблема любви» С. Соловьева (1990). Элементы концептуализма, выраженные вербальным и невербальным языком, связаны с музыкой группы «Аквариум», иногда появляющейся в фильме «вживую». Этот фильм, несмотря на формально выраженную в музыке Б. Гребенщикова связь с «Ассой», предлагает совершенно иной тип идентичности, выстраиваемой в контексте рок-дискурса. Собственно музыкальный нарратив в фильме отсутствует: в основе фабулы мелодраматический сюжет, в котором не участвуют музыканты, нет ссылок на *рок*, на рок-атрибутику. Музыка появляется в фильме «извне», подобно сюрреалистическим образам. *Рок* ассимилируется в кинотексте, наполняя его самим собой. Таким образом, основной функций рок-музыки в этом фильме становится карнавализация повседневности. Парадоксальность действий, реплик, внешнего вида героев, сюрреалистичность ситуаций становятся атрибутами рок-культуры, ядром которой в фильме выступает музыка группы «Аквариум». Авторы картины пытаются полностью переформатировать пространство советской культуры. В этом фильме не остается ничего за пределами рок-н-рольного карнавала, который поглощает собой даже образы Сталина, курсантов-нахимовцев и историко-культурный концепт выстрела с крейсера «Аврора» по Зимнему дворцу.

По прошествии 30 лет в представлении тогдашних зрителей все описанные различия стираются. Главное, на чем фиксируют внимание сегодня те, кто смотрел эти фильмы в конце 1980-х, – это возможность утоления информационного голода. Бывший рок-музыкант и рок-общественник признается: «Мы воспринимали эти фильмы с востор-

гом, с восторгом! Любое появление рок-музыкантов на экране воспринимали на «ура». Эта традиция идет еще с 70-х, когда ничего здесь не показывали, и все смотрели «Мелодии и ритмы зарубежных стран в 3 часа ночи, чтобы увидеть кусочек выступления, например, “Kraftwerk”. То же самое и с фильмами. А сейчас их пересматривать смысла нет, ну, кроме Соловьева или Нугманова разве что»²⁸.

Таким образом, в четырех фильмах, снятых с конца 1988 по 1990 г., рок-музыка принципиально меняет свое место по отношению к советскому социуму. Она теряет налет экзотичности. Фильмы более не выполняют функцию представления аудитории незнакомой ей субкультуры. Рок-музыка к этому времени начинает превращаться в ассимилированный сегмент советской культуры, становясь предметом привлечения дополнительного зрительского спроса. Воспринимаясь как культурная инновация еще на рубеже 1970–1980-х гг., это музыкальное направление начинает растворяться в повседневности, меняя ее наполнение. Важно то, что к завершающему этапу перестройки рок перестал выполнять функцию противостоящего *Другого*, призванного освободить и омолодить «подгнившую» советскую культуру. Предложенный кинематографистами новый тип идентичности начал распадаться на различные способы определения субъектом своего места в социуме. Их можно определить как радикальное западничество, абсолютным образом противостоящее агрессивному почвенничеству (Лунгин); отстраненное самосознание потребителя нового типа, сообразующего свою повседневность с требованиями моды (Кулиш); идентичность единичного индивида, не претендующего на универсальность (Нугманов) и, наконец, постмодернистский отказ от идентичности путем всецелого распространения качеств субъекта (Соловьев).

Итоговой точкой в эволюции рока в советском кино становится короткометражный фильм А. Киселева «Буги-вуги каждый день». Эта лента, показанная после выхода летом 1991 г. по 3-му всесоюзному телеканалу, обладает рядом характерных черт, на основе которых можно выстроить корреляцию между самим текстом и реалиями финальной стадии перестройки. В «Буги-вуги...» происходит своеобразная редукция субъекта рок-культуры. Представляющий в главной роли лидер «Зоопарка» Майк Науменко снимает с себя одеяния голоса поколения, борца за свободу, носителя новых ценностей, одним словом, агента обновления системы. Он остается музыкантом, сознательно отказываясь от прочих функций. Свою позицию исключенной из социальной активности личности Майк вербализует во время интервью, отказываясь говорить о перестройке и ее роли в его жизни. Вопрос журналиста не просто игнорируется, но подвергается осмеянию. Музыкант, а вме-

²⁸ Интервью 1: Мужч., 1959 г.р. Записано на диктофон 11.07.2017.

сте с ним и авторы фильма выстраивают жесткую границу между творчеством и прочими сферами, отождествляемыми с политикой. Таким образом, субъект рок-культуры декларирует ее собственную редукцию, сужение до рок-музыки как только лишь эстетического феномена.

В то же время за пределами вербальных деклараций остается визуализированная информация, на основе которой авторы фильма узнаются в обратном. Науменко окружают тусовщики, сам он ведет богемный образ жизни, подчеркивает свою принадлежность рок-культуре с помощью внешних символов (одежда, прическа). Налицо конфликт между желанием режиссера и исполнителя главной роли выйти за рамки рок-культуры, отказаться от идентичности, складывающейся на основе рок-дискурса, – и особенностью самой рок-культуры, не желающей саморедуцироваться до музыкального направления.

Новой чертой советского рок-кинематографа становится введение в рок-дискурс элементов классической культуры, стремление примирить два феномена, которые к тому времени стало привычным противопоставлять. Майк Науменко показан в фильме либо в стилизованной под XIX век одежде, либо на фоне старого Петербурга. Его творчество, таким образом, вводится в русскую культурную традицию. *Рок* лишается своей специфики, позволяющей ему быть ядром контркультуры.

В конечном счете, именно в «Буги-вуги каждый день» рок-культура завершает свое шествие в советском кинематографе в качестве предлагаемого субъекта идентичности. Создатели ленты выравнивают понятия *рок-музыка* и *рок-культура*, исключая из них прочие социокультурные феномены. *Рок* не претендует на реализацию аксиологической функции, не противостоит негативным сторонам социума, лишается оценочного отношения. На исходе перестройки, т.е. после прохождения точки бифуркации, когда советская система окончательно вступила в стадию распада, рок-культура лишилась своей роли катализатора динамики социокультурного статуса советского социума.

В результате, на финальной стадии распада советской системы мы видим отказ рок-культуры от наступательной стратегии. Создатели кинотекста не претендуют на универсализацию *рока*, не предлагают новый, извлеченный из рок-дискурса, тип идентичности. *Рок* возвращается на изначальные позиции, отказываясь даже от роли субкультурного ядра. Коэффициент конфликтности, которая была неизменным атрибутом рока в советском кино до 1990 г., становится минимальным.

Завершение дискурса

После распада СССР тема рок-музыки в российском кинематографе фактически закрылась в силу своей дисфункциональности. Своеобразным постскриптом всей истории можно считать два фильма, вышедшие на экраны в конце 1990-х гг. Это «Перекресток» Д. Астрахана (1998) и дилогия «Брат» и «Брат-2» А. Балабанова (1997, 2000).

Между картинками равномерно распределяются качества рок-музыки, указывающие на ее отчужденный от актуальной социокультурной ситуации характер. Авторы «Перекрестка» помещают *рок* в прошлое, превращая его в анахронизм. Герой фильма – музыкант, лидер группы, популярной в 1970–1980-е гг. В 1990-е гг. он не востребован, все его творчество этого времени сводится к ответу на спрос на ностальгию.

«Брат» и «Брат-2» – боевики, сюжетно с музыкой не связанные. При этом в саундтреке фильмов представлены многие ведущие российские рок-музыканты, перешедшие в постсоветскую музыку 1990-х из андеграунда 1980-х. В фабуле «Брата» появляется Вячеслав Бутусов, играющий самого себя. Вопреки восторженным ожиданиям своего почитателя, музыкант демонстрирует отсутствие звездного ореола, редуцируя причастность к рок-культуре подчеркиванием своей «нормальности». Звучащие в фильме песни сопровождают паттерны, презентующие российскую культуру 1990-х. Саундтрек целиком изолирован от фабулы, но не противопоставляется ей. Появление рок-музыки в фильмах А. Балабанова, таким образом, можно связать с индивидуальным вкусом режиссера, с ориентацией на поколение 1980-х. Рок в данном случае предстает частью массовой культуры (в фильме он соседствует с поп-музыкой, представленной в фабуле), лишаясь каких бы то ни было функций, выходящих за пределы рекреации.

Эти картины появляются на завершающей стадии эпохи реформ 1990-х, подчеркивая дисфункциональность одного из главных агентов апгрейда советской идентичности. *Рок* остался в прошлом, либо стал частью массовой культуры. Инерция его идентификационной функции может быть увязана с этими двумя позициями: субъекту рок-культуры предлагается либо стать аутсайдером ретроградного типа, либо профессионализироваться, войдя в индустрию развлечений. Всякие претензии рок-музыки на универсализацию своей идентификационной миссии полностью устраняются. Окончание развития рок-н-рольного дискурса в отечественном кинематографе абсолютным образом совпадает с завершением эпохи 1990-х, ориентированной на структурные изменения в обществе. Несмотря на то, что формально реформирование продолжается, в 2000-е декларируется курс на стабильность и частичное возвращение к ценностям и нормам советской культуры. Именно это является определяющим для отказа от рок-культуры как инструмента воздействия на социум.

Проникновение рок-музыки в структуру идентификационных механизмов позднего советского общества представляет собой факт нетривиальный и, в некотором роде, парадоксальный. Не менее необычно выглядят отношение *рока* с официальной культурой и его тесная взаимосвязь с эволюцией политической системы и экономических от-

ношений. В подобной роли не дано было выступить ни одному другому дискурсу, в основе которого лежало бы музыкальное направление.

Принятие рок-музыкой идентификационной функции в различных модификациях во многом обусловлено ее природой. В частности, это может объясняться заложенной в рок-культуре особой экзистенцией противостояния и социальной позицией²⁹, чего лишены музыкальные направления как таковые. Исходя из этого, вхождение рока в состав механизмов, меняющих социокультурную структуру советского общества, выглядит предопределенным. Эстетика противодействия становится востребованной в условиях обструкции системы, сопровождая политику реформирования всех общественных структур. Одновременно мы наблюдаем, как *рок* используется в качестве зеркала реальных процессов. Музыкальное направление и сопровождающая его форма культуры берутся на вооружение носителями и трансляторами официальной культуры для иллюстрирования и дальнейшего распространения собственных намерений. Как мы смогли убедиться, в *роке* с легкостью ассимилируется мобилизующий нарратив советского типа с присущим ему пафосом героизма и мессианства. Рок-музыка обеспечивает модернизацию формы в рамках этого нарратива, усиливает фактор противостояния субъекта в отношении этического несовершенства. Помимо этого, в условиях венаходимости³⁰ *рок* становится одним из немногих, если не единственным инструментом мобилизации субъекта.

Немаловажное значение имеет рок-музыка в аспекте манипуляций с идентичностями с точки зрения активизации маргиналов, к которым однозначно можно отнести представителей молодежного музыкального андеграунда 80-х гг. В данном случае актуализируется тезис о важном месте, занимаемом эксцентриками и нонконформистами в современных капиталистических процессах. Ввиду нарастающей потребности в изменении структуры собственности и всей экономической системы в позднем СССР³¹ подобное предположение выглядит резонным. Обращение к *року* сопровождало, таким образом, «нащупывание» новых методов хозяйствования и управления. Эксперименты с идентичностью на основе рок-культуры готовили вхождение в новые социокультурные условия существования.

БИБЛИОГРАФИЯ

Интервью из личного архива С. Дюкина:

Интервью № 1. Мужчина, 1959 г.р. Записано на диктофон 11.07.2017

Интервью № 2 Мужчина 1974 г.р. Записано на диктофон 17.07. 2017

Интервью № 3. Мужчина 1975 г.р. Записано на диктофон 23.07.2017

²⁹ Гончарова 2002; Кнабе 2006.

³⁰ См.: Юрчак 2014.

³¹ См.: Краус 2009.

- Fripp R. The New realism. A musical manifesto for the 80s // *Musician, Player and Listener*. 1995. P. 22-34.
- Roszak Th. The making of a counter culture: reflections on the technocratic society and its youthful opposition. New York: Random House, 1969.
- Авилов Е.Р. Традиции поэтического авангарда 1910-х гг. в русской рок-поэзии. Дисс... кандидата филологических наук. Нерюнгри, 2010.
- Алабин Л. Трагедия в стиле «рок» // *Советский экран*. 1988. № 10. С. 12-13.
- Алексеев И.С. Рок-культура в публичном пространстве Санкт-Петербурга 1990-х годов. Дисс... на соискание ученой степени кандидата социологических наук. СПб., 2003.
- Балаш Б. Дух фильмов. Москва: Гослитиздат, 1935. 210 с.
- Балаш Б. Культура кино. Ленинград-Москва: Государственное издательство, 1925. 98 с.
- Васильева А.А. Российская рок-музыка 1970-1980-х гг. как социокультурное явление. Опыт культурологического анализа. Дисс... кандидата культурологии. Челябинск, 1999.
- В огороде бузина, а в Питере «Взломщик-2». Интервью с Валерием Огородниковым. URL: <http://che-sp.narod.ru/ogorod.htm>
- Гончарова Н.В. Специфика социализации подростков современного крупного города: вхождение в рок-культуру. Дисс... кандидата социологических наук. Ростов н/Д., 2002.
- Грошаков А.И. Процессуальный анализ социализации молодежи, приобщение к рок-музыке. Дисс... кандидата социологических наук. Ставрополь, 2015.
- Житинский А. Альманах рок-дилетанта. Санкт-Петербург: Амфора, 2007. 497 с.
- Житинский А. Путешествие рок-дилетанта. Санкт-Петербург: Амфора, 2006. 488 с.
- Карагайская А. Мы все – орфеи // *Советский экран*. 1987. № 14. С. 21.
- Касьянова Е.В. Рок-культура в контексте современной культуры. Дисс... кандидата культурологии. СПб., 2003.
- Кнабе Г.С. Рок-музыка и рок-среда как формы контркультуры // Кнабе Г.С. Избранные труды. Теория и история культуры. М.: РОССПЭН; СПб.: Летний сад, 2006. С. 20-50.
- Козлов А. С. Рок: истоки и развитие. Москва: Синкопа, 2001. 192 с.
- Краус Т. Перестройка и смена собственности. Политические концепции и историческая реальность // *Eszmelet-Раздумья*. Смена режима глазами венгров (1989–2009). Будапешт – Москва: Архивный институт Культурного, научного и информационного центра Венгерской республики в Москве, 2009. С. 21-68.
- Логачева Т.Е. Русская рок-поэзия 1970-1990-х гг. в социокультурном контексте. Дисс... кандидата философских наук. М., 1997.
- Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. 63 с.
- Мякотин Е.В. Рок-музыка. Опыт структурно-антропологического подхода. Дисс... кандидата искусствоведения. Саратов, 2006.
- Набок И.Л. Рок-культура как эстетический феномен. Дисс... доктора философских наук. М., 1993.
- Невская Т.Н. Эволюция рок-музыки в России. Дисс... кандидата культурологии. СПб., 2009.
- Перельштейн Р.М. Реальность и игра в киноискусстве XX века. Дисс... доктора искусствоведения. М., 2008.
- Поздняков А. Портрет художника в молодости // *Советский экран*. 1987. № 14. С. 3.
- Рок-эпистолярный // Автора. 1987–1989.
- Савицкая Е.А. Принципы стилиобразования в рок-музыке. На материале зарубежного хард- и арт-рока 60-70-х годов. Дисс... кандидата искусствоведения. М., 1999.
- Санданов А.Б. Постапокалиптический сюжет в американском кино: история развития и место в современном кинематографе. Дисс... кандидата искусствоведения. М., 2013.
- Смирнова А. Асса // *Советский экран*. 1988. № 7. С. 11.
- Сопин А.О. Исторический и художественный аспекты отечественного кино 1945-1953 годов: проблемы текстологии Дисс... кандидата искусствоведения. М., 2015.
- Сыров В.Н. Стилиевые метаморфозы рока или путь к «третьей» музыке. Нижний Новгород: Изд- Нижегородского университета, 1997. 209 с.
- Таланкин И. Время отдыха с субботы до понедельника // *Советский экран*. 1984. № 5. С. 10-11.

- Троицкий А. Рок в союзе: 60-е, 70-е, 80-е... М.: Искусство, 1991. 207 с.
- Цыркун Н.А. Социально-исторические и эстетические аспекты трансформации кинокомикса в системе американской культуры. Дисс... доктора искусствоведения. М., 2014.
- Шаповалов С.В. Динамика социокультурных ценностей рок-музыки. Дисс... кандидата философских наук. Ростов на Дону, 2010.
- Шарапова М.А. Архетипические основы образа героя в драматургии отечественного кино. Дисс... кандидата искусствоведения. М., 2013.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. М.: НЛЮ, 2014. 664 с.

REFERENCES

- Alabin L. Tragediya v stile «rok» // Sovetskij ehkran, 1988, N. 10.ss. 12-13.
- Alekseev I.S. Rok-kul'tura v publichnom prostranstve Sankt-Peterburga 1990-h godov. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata sociologicheskikh nauk. St. Petersburg, 2003.
- Avilova E.R. Tradicii poehticheskogo avangarda 1910-h gg. v russkoj rok-poezhii. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Neryungri, 2010.
- Balash B. Duh fil'my. Moskva, Goslitizdat, 1935. 210 s.
- Balash B. Kul'tura kino. Leningrad-Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stv, 1925. 98 s.
- Cyrkun N.A. Social'no-istoricheskie i ehsteticheskie aspekty transformacii kinokomiksa v sisteme amerikanskoj kul'tury. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora iskusstvovedeniya. Moscow, 2014.
- Fripp R. The New realism. A musical manifesto for the 80s // Musician, Player and Listener, 1995. S. 22-34.
- Goncharova N.V. Specifika socializacii podrostkov sovremennogo krupnogo goroda: vhozhenie v rok-kul'turu. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata sociologicheskikh nauk. Rostov na Donu, 2002.
- Groshakov A.I. Processual'nyj analiz socializacii molodezhi, priobshchenie k rok-muzyke. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata sociologicheskikh nauk. Stavropol', 2015.
- Karagajskaya A. My vse – orfei // Sovetskij ehkran. 1987. N.14. s. 21.
- Kas'yanova E.V. Rok-kul'tura v kontekste sovremennoj kul'tury. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata kul'turologii. St. Petersburg, 2003.
- Knabe G.S. Rok-muzyka i rok-sreda kak formy kontrkul'tury // Knabe G.S. Izbrannye trudy. Teoriya i istoriya kul'tury. Moscow, Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya; St. Petersburg, Letnij sad, 2006. ss. 20-50.
- Kozlov A. S. Rok: istoki i razvitie. Moscow, Sinkopa, 2001. 192 s.
- Kraus T. Perestrojka i smena sobstvennosti. Politicheskie koncepcii i istoricheskaya real'nost' // Eszmelet-Razdum'ya. Smena rezhima glazami vengrov (1989-2009). Budapesht – Moscow, Arhivnyj institut Kul'turnogo, nauchnogo i informacionnogo centra Vengerskoj respubliki v Moskve, 2009.ss. 21-68.
- Logacheva T.E. Russkaya rok-poezhiya 1970-1990-h gg. v sociokul'turnom kontekste. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskih nauk. Moscow, 1997.
- Lotman YU.M. (1973). Semiotika kino i problemy kinoehstetiki. Tallin, EHehsti Raamat, 1973. s. 63.
- Myakotin E.V. Rok-muzyka. Opyt strukturno-antropologicheskogo podhoda. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata iskusstvovedeniya. Saratov, 2006.
- Nabok I.L. Rok-kul'tura kak ehsteticheskij fenomen. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora filosofskih nauk. Moscow, 1993.
- Nevskaya T.N. EHvolyuciya rok-muzyki v Rossii. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata kul'turologii. St. Petersburg, 2009.
- Perel'shtejn R.M. Real'nost' i igra v kinoiskusstve XX veka. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora iskusstvovedeniya. Moscow, 2008.
- Pozdnyakov A. Portret hudozhnika v molodosti [Portrait of the painter in his youthful]. In: Sovetskij ehkran. 1987. N. 14. s. 3.
- Rok-ehpistoljarij (1987-1989) // Avtora. 1987-1989.
- Roszak Th. The making of a counter culture: reflection on the technocratic society and its youthful opposition. New York: Random House, 1969.

- Sandarov A.B. Postapokalipticheskij syuzhet v amerikanskom kino: istoriya razvitiya i mesto v sovremennom kinematografe. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata iskusstvovedeniya. Moscow, 2013.
- Savickaya E.A. Principy stileobrazovaniya v rok-muzyke. Na materiale zarubezhnogo hard- i art-roka 60-70-h godov. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata iskusstvovedeniya. Moscow, 1999.
- SHapovalov S.V. Dinamika sociokul'turnyh cennostej rok-muzyki. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskih nauk. Rostov na Donu, 2010.
- SHarapova M.A. Arhetipicheskie osnovy obraza geroya v dramaturgii otechestvennogo kino. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata iskusstvovedeniya. Moscow, 2013.
- Smirnova A. Assa // Sovetskij ehkran 1988. N. 7. s. 11.
- Sopin A.O. Istoricheskij i hudozhestvennyj aspekty otechestvennogo kino 1945-1953 iskusstvovedeniya. Moscow, 2015.
- Syrov V.N. Stilevyje metamorfozy roka ili put' k «tret'ej» muzyke. Nizhnij Novgorod, Izdatel'stvo Nizhegorodskogo universiteta, 1997. 209 s.
- Talankin I. Vremya otdyha s subboty do ponedel'nika // Sovetskij ehkran. 1984. N. 5. ss. 10-11.
- Troickij A. Rok v soyuze: 60-e, 70-e, 80-e... Moscow, Iskusstvo, 1991. 207 s.
- Vasil'eva A.A. Rossijskaya rok-muzyka 1970-1980-h gg. kak sociokul'turnoe yavlenie. Opyt kul'turologicheskogo analiza. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata kul'turologii. Chelyabinsk, 1999.
- V ogorode buzina, a v Pitere «Vzlomshchik-2». Interv'y u Valeriem Ogorodnikovym // URL: <http://che-sp.narod.ru/ogorod.htm>.
- YUrchak A. Ehto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie 2014.664 s.
- ZHitinskij A. Al'manah rok-diletanta. St. Petersburg, Amfora, 2007. s. 497.
- ZHitinskij A. Puteshestvie rok-diletanta. St. Petersburg, Amfora 2006. s. 488.

Дюкин Сергей Габдульсаматович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры; dudas75@mail.ru

Самойлова Ирина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного национального исследовательского университета, samoilova.i@mail.ru

Rock-music in the late-Soviet and post-Soviet cinema

The article analyses rock music as a concept of the Soviet and Russian cinema in the 1970s – 1990s. Attributes ascribed to rock music in films demonstrated the degree of toleration of the Soviet state and official discourse to foreign styles. Rock music also functioned as an identifier and was used by film-makers to form new models of self-consciousness. Rock discourse first emerged in the Soviet films in the late 1980s. its climax was the period of “late” perestroika. As the reform movement got stronger in the latest period of perestroika, rock music lost its initial functions granted to it by the cinema.

Keywords: rock music, rock culture, cinema, identity, image, sub-culture, cultural form, function

Sergey Dyukin, PhD in Philosophy, Associate Pffessor of Departemnt of Cultural Studies and Philosophy, Perm State Institute of Culture; dudas75@mail.ru

Irina Samoylova, PhD in Philology, Associate Professor Of Department of Russian and Style, Perm State National Research University; samoilova.i@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ

А. А. ЧИБИСОВА, П. В. ЕРМИЛОВ

«ВСЕПРАВОСЛАВНЫЙ ЛИДЕР»: ЛОЗАННСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И РОЛЬ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХАТА В ПРАВОСЛАВНОМ МИРЕ

Издrevле Константинопольский патриархат имел большое значение для православного мира как один из важнейших церковных центров. Однако к началу 1920-х гг. его существование оказалось под угрозой полного уничтожения из-за потери почти всей своей паствы, покинувшей территорию Турции по итогам греко-турецкой войны. Политические преобразования в Турции поставили под вопрос дальнейшее пребывание патриархата в Стамбуле. Возможным выходом из этой ситуации могло стать доказательство патриархатом своей особой роли в православном мире, которая требовала бы его дальнейшего пребывания в историческом месте. Эта идея удачно совпадала с интересами великих держав, которым не было выгодно удаление патриархата из Константинополя. Заявление Фанаром претензий на всеправославное лидерство стало реакцией на дискуссии о возможности выдворения патриархата с территории Турции, которые велись в рамках Лозаннской мирной конференции. Именно это обсуждение создало благоприятную почву для развития концепции о Константинопольском патриархате как центре православного мира, которая была использована для давления на турецкое правительство. Немаловажную роль в развитии этой идеи сыграли европейские политики и западная пресса. Данная статья посвящена интерпретации роли Константинопольского патриархата в православном мире странами-участницами Лозаннской конференции в связи с их борьбой за свои политические интересы. Исследование основывается на официальных дипломатических документах и материалах периодической печати.

Ключевые слова: Лозаннская конференция, Константинопольский патриархат, греко-турецкие отношения, франко-британское соперничество, вселенский статус, православный Ватикан

Лозаннская конференция была созвана в 1922 г. по инициативе европейских держав для выработки нового мирного договора с Турцией, призванного заменить отторгнутый правительством Мустафы Кемаля Севрский договор, а также для урегулирования греко-турецких отношений по итогам войны в Малой Азии 1919–1923 гг. и решения других вопросов международного значения¹. В конференции приняли

¹ Лозаннская конференция 1922–1923 гг. справедливо считается одним из наиболее значительных эпизодов послевоенного урегулирования. Ходу Лозаннской конференции и ее итогам посвящены исследования: Davison 1953; Psomiades 1968; Howard 1966; Karacan 1943; Nicolson 1934; Busch 1976; Feroz 1993; Фомин 2010. Тема обсуждения судьбы Константинопольского патриархата в ходе Лозаннской конференции рассматривалась исключительно в работах греческих и греко-американских авторов под весьма специфическим углом, которому еще предстоит дать объективную оценку (Alexandris 1992; Konstantinides 2000; Aghnides 1964; Giannakakis 1957;

участие большинство европейских стран, а также США, Япония и Советская Россия, которая, правда, была привлечена только для обсуждения вопроса о режиме черноморских проливов. Турция, представленная министром иностранных дел правительства в Анкаре Исметом Инёню, выступала в качестве государства-победителя в малоазийской войне, а потому планировала до последнего отстаивать свои интересы в равноправном диалоге с западными державами.

Ключевыми игроками в Лозанне являлись Великобритания и Франция, заинтересованные в переделе территории бывшей Османской империи и разграничении сфер влияния на Ближнем Востоке. Для Великобритании важнее всего было определение судьбы черноморских проливов и разрешение территориального спора о принадлежности нефтеносного района Мосул. Францию в первую очередь интересовали финансовые и экономические вопросы, проблема османского долга, а также вопрос о режиме капитуляций. Наиболее болезненным на конференции оказался вопрос о подготовке двухстороннего греко-турецкого соглашения об обмене населением. Важным препятствием в достижении компромисса стало будущее константинопольских греков. Представители Турции настаивали на перемещении со своей территории всех лиц греческой национальности, не исключая и жителей Стамбула, которых новые власти считали особенно неблагонадежными. Позиция турецкой делегации вызвала серьезные возражения со стороны греков.

В середине декабря 1922 года под сильным нажимом турки все же согласились частично сохранить греческое население в Стамбуле в обмен на ряд уступок со стороны европейских держав, но выставили неожиданное условие, потребовав прекратить деятельность греческой церковной администрации на своей территории, т.е. выдворить Константинопольский патриархат со всеми его подразделениями². Несмотря на решительный отказ греческой делегации, турецкая сторона продолжала настаивать на своем. В итоге деятельность соответствующей подкомиссии, занимавшейся обсуждением условий обмена населением, зашла в полный тупик. «В то время как все остальные вопросы были урегулированы нашей подкомиссией за пять или шесть заседаний, — сообщал ее глава итальянский делегат Дж.Ч. Монтанья, — около двадцати заседаний были полностью посвящены последнему из обсуждавшихся вопросов. Вопрос этот возник практически случайно. Каждая из сторон убедительно аргументировала свою позицию, британская и французская делегации выступили с различными предложениями с це-

Διακοφτότης 2007; Ευάγγελος 2014). Анализу греко-американской историографии по данному вопросу посвящена другая статья авторов «Лозаннская мирная конференция в истории Константинопольского патриархата», находящаяся в печати.

² Lausanne Conference on Near Eastern Affairs... P. 331.

люю найти общую почву для взаимопонимания, и делегация Соединенных Штатов также высказала свое мнение, но несмотря на все это, решить этот вопрос не удалось. Это был вопрос о патриархате»³.

***Позиция великих держав в отношении
Константинопольского патриархата***

Судьба Константинопольского патриархата обсуждалась в Лозанне с середины декабря 1922 до 10 января 1923 г. Это был период крайней напряженности в переговорах с Турцией. Пока французская делегация прилагала усилия, чтобы заставить турок платить по кредитам, министр иностранных дел Великобритании и председатель конференции Дж. Керзон пытались добиться значительных уступок в вопросе о проливах и иракской нефти⁴. Однако позиции Великобритании были довольно шаткими. Накануне нового 1923 года французы провели ряд секретных встреч с турками и были готовы к сепаратным переговорам. В этих условиях на председателя конференции Керзона неожиданно свалился совершенно побочный вопрос о судьбе патриархата.

Казалось бы, незначительная уступка туркам в этом вопросе могла бы сгладить накал страстей, царивший на конференции, но удаление патриархата из Константинополя было невыгодным для самих союзников. Речь шла не столько о возможных репутационных потерях. Великобритания и Франция больше боялись нанести вред своим коммерческим интересам, так как в управлении большинством располагавшихся в Стамбуле иностранных компаний и местных банков были заняты именно греки⁵. Резонно было предполагать, что изгнание греческого духовенства из Турции могло повести за собой окончательный исход греческого населения⁶. Кроме того, Великобритания связывала определенные надежды с деятельностью Константинопольского патриарха Мелетия IV, который занял пост во многом благодаря английской поддержке, имел тесные контакты с правящими кругами Великобритании и фактически являлся проводником английских интересов в Стамбуле⁷.

³ Ibid. P. 317.

⁴ Подробнее об англо-французских противоречиях накануне Лозаннской конференции см.: Фомин 2010. С. 404.

⁵ Alexandris 1992. P. 86.

⁶ Об этом открыто заявлял высокопоставленный представитель патриархата митрополит Герман Стринопулос: «Если греческой нации будет разрешено остаться в Константинополе без Патриархата, где гарантии, что после удаления тем или иным способом Вселенского престола исход греков из Константинополя и без того идущий сильным потоком, не усилятся еще больше, так что там останутся только такие греки, кого с этим великим городом связывают одни низовые экономические интересы» (Η Μεγάλη του Γένους Εκκλησία εν κινδύνῳ // Πατρίς. 18.12.1922. Σ. 1).

⁷ О том, насколько важной фигурой для британского правительства был патриарх Мелетий, свидетельствует письмо, написанное Дж. Керзоном 4 декабря 1922 г. (т.е. незадолго до появления турецкого требования о выдворении патриархата)

Не стоит также списывать со счетов то сильнейшее давление, которое оказывала на Великобританию греческая сторона, доходившая вплоть до откровенных угроз. Глава греческой делегации Э. Венизелос заявил в беседе с одним из британских дипломатов, что прибытие в Грецию дополнительного числа беженцев из Константинополя может довести греческий народ до отчаяния и вынудить греческое правительство вступить на опасный путь урегулирования проблемы национальных меньшинств вооруженным путем⁸. Причины подобной риторики крылись в том, что для греческого сознания возможное изгнание духовного лидера нации с исконных греческих территорий представлялось как колоссальная катастрофа. Не случайно в греческих газетах тех лет писали, что «сдача патриархата в руки турок станет большей национальной катастрофой, нежели даже резня в Малой Азии»⁹.

Переговоры сдвинулись с мертвой точки благодаря инициативе французской делегации, которая явно стремилась поскорее снять с повестки дня малозначимый вопрос о патриархате, тормозивший завершение переговоров о будущем национальных меньшинств, и перевести внимание на более насущные проблемы, прежде всего на вопрос об османском долге. Согласно предложению французской делегации, Константинопольский патриарх, «обладающий приматом над всеми православными Церквями» (which possessed the primacy over all the Orthodox Churches), должен был остаться в Константинополе, но лишиться при этом всех своих прежних политических прав и ограничиться единственно функцией «религиозного главы православного христианства» (religious primate of Orthodox Christianity)¹⁰. Эта странная формулировка была подхвачена участниками обсуждения. Представители греческой делегации тут же засвидетельствовали, что патриарх

главнокомандующему союзных оккупационных войск в Константинополе генералу Харингтону: «Если [патр. Мелетий] все-таки будет в опасности... Вы... должны сделать все возможное, чтобы предотвратить его высылку или арест» (The Marquess Curzon of Kedleston (Lausanne) to Mr. Henderson (Constantinople) [E 13597/53/44] // Documents on British Foreign Policy. Ser. 1. Vol. 18. P. 362). Патриарх Мелетий был для турок *persona non grata*. Впоследствии, когда турки согласились оставить патриархат в Стамбуле, они продолжали настаивать на его удалении. Это было вызвано открытой антитурецкой деятельностью патриарха в годы греко-турецкой войны. Французская пресса красочно описывала, как во время войны патриарх Мелетий разъезжал по Константинополю на автомобиле, украшенном византийским гербом в виде черного двуглавого орла на золотом фоне, красноречиво возвышал дело греческой армии, собирал пожертвования для героев фронта и открыто молился за победу греков в Малой Азии (Le Patriarcat Ecuménique // Le Temps. 31.12.1922. P. 2).

⁸ Record by Mr. Nicolson of a conversation with Mr. Venizelos [E 316/6/44] // Documents on British Foreign Policy. London. 1970. Ser. 1. Vol. 18. P. 429.

⁹ Ελεύθερον βίμα. 31.01.1925.

¹⁰ Lausanne conference... P. 334–335.

в самом деле является «примасом всех христианских православных Церквей. В этом качестве он сносится с главами автокефальных православных Церквей по всем вопросам, касающимся веры, христианской нравственности и церковного права. В этих вопросах суждения и авторитет Вселенского патриарха имеют решающее значение»¹¹.

Предложение французской делегации, поддержанное остальными делегациями, разумеется, вызвало интерес Керзона, которому проще всего было не вникать в вопрос и воспользоваться уже готовым решением¹². Вечером 9 января 1923 г., накануне заседания профильной комиссии, на котором надлежало закрыть надоевший вопрос о патриархате, Керзон передал турецким делегатам через своего коллегу Г. Никольсона, что он не уступит в деле патриархата и рекомендовал согласиться на урегулирование ситуации по предложенной французами модели¹³. Открыв на следующий день заседание, Керзон заявил, что удаление патриархата из Константинополя «станет шоком в сознании всего цивилизованного мира»¹⁴, и вынес на рассмотрение предложение французской стороны. Примечательно, что греческие делегаты и сам Керзон при обсуждении апеллировали к большому международному значению Константинопольской Церкви, очевидно стремясь добиться нужного им результата так, чтобы не представлять это как следование греческим или тем более британским интересам¹⁵. Представители Греции специально подчеркивали, что патриархат является турецким, а не греческим

¹¹ Ibid. P. 335.

¹² Характерно суждение современного исследователя об отношении Керзона к вопросу о патриархате: «Насколько в Англии действительно знали о патриархе, или насколько самому Керзону было до этого дело – большой вопрос. Однако министр иностранных дел прекрасно отдавал себе отчет, что любое явное неосторожное обращение с греко-турецкими проблемами может очень дорого ему стоить на родине. Прошло всего несколько месяцев после того, как карьера Ллойд Джорджа, премьер-министра и ветерана либеральной партии, пошла ко дну из-за того, что его безоговорочная вера в греческое дело и Венизелоса была признана всеми несостоятельной. Министру иностранных дел, весьма обеспокоенному своим местом в истории, могло казаться, что уступка Британии в вопросе о выдворении епископа, занимавшего кафедру, древность которой восходила почти к самой заре христианской истории, может быть легко истолкована как его собственная слабость и окончательно похоронить его репутацию» (Clark 2006. P. 97).

¹³ Cypher Telegram to Sir Byre Crowe (Foreign Office) № 192. January 10, 1923 // The National Archives of the UK. FO 839/35. Документ частично опубликован: Documents on British Foreign Policy. Ser. 1. Vol. 18. P. 437.

¹⁴ Lausanne conference... P. 319.

¹⁵ Несколько позже, 10 января 1923 г., представители патриархата направили телеграмму в афинский МИД, где отмечали, что любое впечатление, будто судьба патриархата зависит от позиции Афин, будет невыгодно для дальнейшей его деятельности, поскольку это лишь подтвердит турецкие обвинения, что патриархат является «организацией больше с греческими, чем с межхристианскими интересами» (Цит. по: Kamouzis 2014. P. 229).

учреждением¹⁶, а поскольку Греческое королевство уже давно вышло из-под юрисдикции Константинопольского патриарха, то представители этой страны считают себя не вполне компетентными обсуждать вопрос о правах патриархата¹⁷.

Интересно читать в протоколах конференции, каким образом делегаты оправдывали необходимость сохранения патриархата на территории Турции. В их устах Константинопольский патриарх превращался в институционального лидера всей Православной Церкви. Дипломаты не стеснялись подкреплять свои слова ссылками на церковное право (что на политической конференции выглядело весьма странным), подчеркивая невозможность переноса Константинопольской патриаршей кафедры из Стамбула в другое место «с канонической точки зрения»¹⁸. Греческая сторона настаивала на том, что решение об удалении патриархата может быть принято только на новом Вселенском соборе, а потому любые постановления политической конференции не будут иметь для Церкви никакой юридической силы¹⁹. По всему видно, что участники Лозаннской конференции пытались оказать психологическое давление на турок и, руководствуясь политическими мотивами, представляли статус Константинопольского патриархата в нужном им русле.

Образ Константинопольского патриархата в прессе середины 1920-х годов

Обсуждение вопроса о патриархате перенеслось и на страницы международной печати, следившей за ходом переговоров в Швейцарии. Благодаря поднятому вокруг этой темы ажиотажу явно периферийный вопрос о судьбе патриархата стал восприниматься как один из важнейших среди обсуждавшихся мировыми державами в Лозанне.

В англоязычной печати активно тиражировался образ «греческого Папы»²⁰, а Фанар постоянно сравнивался с Ватиканом. Построение этих ничем не оправданных параллелей стало характерной чертой развернувшейся в прессе пропагандистской кампании. В британской газете писали: «Греческая настойчивость на сохранении за патриархом гражданских привилегий, которые едва ли получится отстоять, как кажется, рискует подорвать успех более чем оправданного требования

¹⁶ Lausanne conference... P. 333.

¹⁷ «Греческая делегация не считает для себя возможным уступать права Фанара (considers itself unable to sign away the rights of the Phanar), поскольку сама представляет только Греческое королевство, которое в духовном плане уже много лет назад вышло из юрисдикции Вселенского Патриархата» (The problem of Mosul. Memorandum to Turkey. Links with Iraq // The Times. 18.12.1922. P. 12).

¹⁸ Lausanne conference... P. 324.

¹⁹ Ibid. P. 335.

²⁰ Greeks recognize Church Patriarch Metaxakis again is «Greek Pope» // San Francisco Chronicle. 04.10.1922. P. 1.

позволить Вселенскому патриарху остаться в Константинополе, городе, отделение патриарха от которого столь же сложно себе представить, как изгнание Папы из Рима»²¹. Этот же образ рисовали и в американской газете: «Положение Мелетия в древней Церкви Востока походит на то, что имеет Папа в Римской Католической Церкви. Бенедикт XV имеет в духовном подчинении 250,000,000 человек, а Мелетий — почти 200,000,000, из которых 125,000,000 находятся только в одной России»²². Те же самые идеи проводились и в грекоязычной американской прессе: «Перемещение [патриархата] в любой другой город будет означать смертельный удар по всему Православию, подобно тому как перемещение папской кафедры из Рима в любой другой город означало бы угрозу самому Католицизму»²³. В другой публикации «древний деревянный дворец в Фанаре» именовался «Ватиканом Востока», а Константинополь — «столицей Восточного Православия»²⁴.

Противовесом англо-американской печати выступала французская пресса. На страницах парижских газет откровенно иронизировали над Константинопольским патриархом, который претендовал на статус «иерархического главы православной Церкви», обитая в «заурядной деревянной постройке», «не имеющей ничего общего с обликом Ватикана» (*rien de l'aspect d'un Vatican*)²⁵. Отмечали, что и в прежние времена «вселенский патриархат не играл в мире столь же влиятельной роли, как папство и халифат», а теперь его паства и вовсе ограничится «тремястами тысячами греками, которым разрешено остаться на берегах Босфора», для которых патриарх уже не будет «национальным лидером» (*chef national*), а станет простым приходским священником²⁶. Не менее важным было то, что французы в отличие от англичан и греков не замалчивали политического измерения в конфликте вокруг патриархата, что и служило основным предметом турецкой критики²⁷: «Продолжая свое апостольское дело среди христиан, Вселенская Православная Церковь не переставала работать также на достижение и чисто политической цели, каковым было восстановление древней империи

²¹ The Patriarchate at Constantinople // Manchester Guardian. 03.01.1923. P. 6.

²² Metaxakis elected Greek Patriarch // The New York Times. 10.12.1921. P. 4

²³ Ο κλονισμός του Πατριαρχείου πλήγμα θανάσιμον // Εθνικός Κήρυξ. 15.01.1923. P. 2.

²⁴ Ο πατριάρχης Μελέτιος θα προτίμηση να αποθάνη παρά να εγκατάλειψη το Πατριαρχεῖον // Εθνικός Κήρυξ. 18.12.1922. P. 1.

²⁵ Au Phanar // Le Temps. 05.01.1923. P. 2.

²⁶ Le Patriarcat Œcuménique // Le Temps. 31.12.1922. P. 2.

²⁷ В турецкой прессе патриархат выставлялся как «филиал афинского правительства на берегах Босфора» (*Le patriarchat Turc d'Anatolie // Bulletin périodique de la presse turque. 01.01.1922. P. 11*), «инструмент пропаганды» и сборище «неисправимых предателей» (*Un patriarchat orthodoxe turc en Anatolie // Bulletin périodique de la presse turque. 17.02.1922. P. 10*).

Комнинов и Палеологов в пользу одной греческой нации... Смешивая светские и религиозные интересы, патриархат давно сделался и даже до наших дней оставался инструментом политики»²⁸. Резонанс был столь силен, что докатился даже до Советской России. «Известия», освещая ход переговоров в Лозанне, неоднократно обращались к теме патриархата. Интерес к церковным событиям дальнего зарубежья – явление достаточно редкое для советской печати, особенно учитывая, что представители советской делегации не принимали участия в обсуждении данного вопроса. И хотя газетные сообщения были достаточно беспристрастны²⁹, сам факт их появления подтверждает интерес к судьбе патриархата, который проявляло в то время советское руководство.

Международный отклик на вопрос о Константинопольском патриархате

Обсуждение вопроса о судьбе патриархата в международной печати значительно усилило беспокойство религиозных кругов. Патриарх Мелетий писал в разные уголки христианского мира с просьбой к религиозным лидерам повлиять на представителей своих стран. В защиту Константинопольской Церкви выступили высшие церковные иерархи, в т.ч. главы Иерусалимского и Александрийского патриархатов³⁰. Ши-

²⁸ Le Patriarcat Œcuménique // Le Temps. 31.12.1922. P. 2.

²⁹ «Лозанна, 27 декабря. ...На этом этапе заседания присутствовали также греки, которые заявили, что в вопросе о греческом патриархате они не пойдут ни на какие уступки, даже и в том случае, если союзники пойдут навстречу туркам. В состоявшемся вслед за тем заседании подкомиссии по репатриации французская делегация внесла компромиссное предложение по вопросу о патриархате, предусматривающее сохранение местопребывания патриархата в Константинополе при условии отделения выполняемых им функций от функций политических. Турецкая и греческая делегации заявили, что ответят на это предложение позже» (Лозаннская конференция. Вопрос о национальных меньшинствах // Известия ВЦИК. 29.12.1922. С. 1). «Лозанна, 10 января. ...По вопросу об обмене подданными турецкая делегация, по слухам, предлагает следующую альтернативу: или греческий патриарх, или греческие подданные должны покинуть Константинополь» (Союзники отказались от своих главных требований в вопросе о национальных меньшинствах // Известия ВЦИК. 12.01.1923. С. 1). «Лозанна, 11 января. На сегодняшнем заседании первой комиссии достигнут компромисс по вопросу о греческом патриархате в Константинополе. Кёрзон, изложив подробно вопрос, настаивал на необходимости сохранения института патриархата в Константинополе, соглашаясь на лишение патриарха всех административных и политических функций. Венизелос присоединился к предложению Кёрзона. Исмет-паша, приняв к сведению формальное заверение держав, что греческий патриархат будет впредь выполнять только функции исключительно религиозного и духовного характера, изъявил согласие на дальнейшее пребывание греков и патриархата в Константинополе. Достигнутое соглашение встречено всеобщим удовлетворением» (Лозаннская конференция. Соглашение о патриархате // Известия ВЦИК. 13.01.1923. С. 1).

³⁰ The Patriarchate. A French Proposal // The Times. 27.12.1922. P. 10.

роко известно послание к делегатам Лозаннской конференции главы русского заграничного синода митрополита Антония Храповицкого³¹. В его представлении, Константинопольский Патриархат – институт, чья власть простирается над всей вселенной, и который обладает правами верховного судьи для всего православного мира. Весьма вольная трактовка русским иерархом правил Халкидонского собора и буквальное употребление термина «вселенский» хорошо вписывались в формировавшийся в то время образ патриархата. Глава Румынской Церкви митрополит Унгро-Влахийский Мирон отправил телеграмму представителям Румынской делегации: «Синод Православной Церкви Румынии просит... от имени всей Церкви быть настойчивым в вопросе патриархии, чтобы эта организация, в течение многих веков поддерживающая единство веры всех православных, осталась в городе»³². По просьбе патриарха Мелетия в поддержку Константинопольской Церкви обращались к Турецкому правительству даже русские обновленцы³³.

Особые надежды патриарх Мелетий возлагал на давнего союзника архиепископа Кентерберийского Р. Дэвидсона, с которым вел активную переписку³⁴. Тот уверял Мелетия в горячей поддержке, но особой роли в разрешении ситуации не сыграл. Его письмо лорду Керзону, касающееся проблемы патриархата, отличается сдержанностью. Архиепископ писал, что разделяет опасения патриарха, сочувствует и надеется на разрешение конфликта «по справедливости, в целях общего блага»³⁵. Вместе с тем, Дэвидсон, говоря о необходимости сохранить патриархат в Константинополе, подчеркивал, что сознает всю сложность политической стороны вопроса, и выражал надежду, что голос союзников станет решающим в поисках выхода из сложившейся ситуации.

Британская делегация в Лозанне получала и другие письма в поддержку патриархата. В одном из них сообщалось: «Православные, проживающие в Швейцарии, независимо от национальности, глубоко взволнованы намерением правительства Анкары депортировать 2000-летний патриархат... Есть в тысячу раз больше причин, чтобы удовлетворить пожелания христианского мира сохранить местную церковь, которая объединяет в послушании себе все церкви Святого Павла на Востоке и которая, в самом деле, имеет признанные права продолжать

³¹ Президенту Лозаннской конференции // Церковные ведомости. 1923. № 1–2. С. 1–2.

³² Εκκλησιαστικὴ Αλήθεια. 31.12.1922. Σ. 490.

³³ Выступление группы белого духовенства «Живой Церкви» на защиту Константинопольского патриарха // Живая Церковь. 01.02.1923. № 11. С. 14.

³⁴ Εκκλησιαστικὴ Αλήθεια. 17.12.1922. Σ. 474; The Patriarchate in Constantinople. Exchange of Telegrams // The Times. 23.12.1922. P. 8; The Greek Patriarch // The Times. 17.01.1923. P. 11.

³⁵ The letter from Old Palace, Canterbury. December 21st, 1922 // The National Archives of the UK. FO 839/35.

жить там со своей паствой и ее церковными традициями»³⁶. «Американские церкви, – писал епископ Дарлингтон из Пенсильвании лорду Керзону, – просят Вселенский и Армянский патриархаты остаться в Константинополе»³⁷. Эта телеграмма – образец абсолютного непонимания происходящего, так как вопрос об армянском патриархе вообще не поднимался в Лозанне. Схожее непонимание свойственно многим другим письмам и газетным сообщениям. В этом информационном потоке прочно закреплялось неверное представление о Константинопольском патриархе как об уникальной фигуре в православном мире и духовном главе всех поместных православных Церквей.

Вселенский характер Константинопольского патриархата

В разгар греко-турецкой войны Константинопольский патриархат позиционировал себя как греческая Церковь³⁸. Местоблюститель патриаршего престола митрополит Дорофей Маммелис неоднократно заявлял, что Константинопольский патриархат является духовным лидером эллинизма³⁹. Широкий общественный резонанс вокруг Лозаннской конференции позволил Фанару достать из своих запасников старую идею о всемирном характере его власти и начать на ней спекулировать. В своем письме к Керзону митрополит Герман Стринопулос приводил доводы в защиту патриархата, которые вполне соответствовали новым условиям: «Решение, имеющее целью удаление Константинопольского Патриархата и его замещение иным органом церковного управления, станет нарушением постановлений Святых Вселенских Соборов... и возмутит совесть (*révolterait les consciences*) миллионов православных, да и вообще совесть всего христианства в целом... [Православные] почитают Вселенский Патриархат как символ их религиозного единства и как верховный регулятор (*le Régulateur suprême*) их веры»⁴⁰.

К началу 1920-х гг. в непосредственном подчинении Константинопольского патриархата осталось всего несколько епархий, сосредоточенных вокруг бывшей турецкой столицы. Епархии, оказавшиеся по итогам Балканских войн на территории Греции, не приобрели еще очерченного церковного статуса и в любом случае не могли управлять

³⁶ «Il y a mille fois plus de raisons stop afin de répondre au vœu du monde chrétien stop de sauvegarder une église autochtone qui réunit sous son obédience toutes les églises de saint Paul en orient et de fait à des droits acquis pour continuer à y vivre avec ses ouailles et ses traditions ecclésiastiques» (Télégramme de Genève à la délégation Grande Bretagne 17.12.1922 // The National Archives of the UK. FO 839/35).

³⁷ Telegram to Lord Curzon. Conference Lausanne // The National Archives of the UK. FO 839/35.

³⁸ Εγκύκλιος του Τοποτηρητού Μητροπολίτου Δωροθέου // Εκκλησιαστική Αλήθεια. 19.12.1920. Σ. 464.

³⁹ Le sort de Constantinople // L'Écho de Paris. 12.03.1919. P. 1.

⁴⁰ The letter to Lord Curzon from the delegation from the Ecumenical Patriarchate // The National Archives of the UK. FO 839/35.

ся напрямую из Константинополя. Пришедшему к власти в критический момент патриарху Мелетию было необходимо срочно предъявить новую паству, притом формально – негреческую, чтобы дистанцироваться от образа «греческого патриархата». Поэтому в марте 1922 года было объявлено о праве Константинопольского патриархата на «непосредственный надзор и управление всеми без исключения православными приходами, находящимися вне пределов поместных православных Церквей»⁴¹, вслед за этим последовало учреждение европейского экзархата Константинопольской Церкви в Лондоне и Архиепископии Северной и Южной Америки с центром в Нью-Йорке. Действия патриарха Мелетия с канонической точки зрения являлись полным самоуправством и осуществлялись в одностороннем порядке, т.е. без обсуждения и поддержки со стороны других Церквей. Положение самого патриарха было весьма шатким, и ему удавалось держаться у власти во многом благодаря политической поддержке, прежде всего со стороны Великобритании. Широкий общественный резонанс, который вызвало турецкое требование удалить патриархат из Стамбула, был на руку патриарху Мелетию, и он смог им умело воспользоваться.

Разрешение вопроса о патриархате в Лозанне

Попытка доказать туркам, что Константинопольский патриархат – это институт, которому принадлежит ключевая роль во всей Православной Церкви, получила неожиданный успех. В начале января глава турецкой делегации заявлял, что он не разрешит ни под каким предлогом остаться в стране греческим организациям, стоявшим на службе у эллинизма⁴². Но чем ближе подходило время решающего заседания, тем слабее становилась позиция Инёню. В день самого заседания он писал в телеграфном сообщении: «Британский представитель лорд Керзон сообщил, что наше требование об удалении греческого Патриархата из Стамбула вызвало досаду у всех Церквей. В действительности мы обнаружили, что христианский мир в целом полагает, что это общий религиозный вопрос. Я настаивал, что административный и политический статус греческого Патриархата представляет угрозу для нашей страны и лично сообщил об этом лорду Керзону, однако лорд Керзон сказал мне прямо, что ни один делегат, включая его, не сможет решить вопрос патриархата против воли всего мира»⁴³.

Утром 10 января 1923 г. состоялась встреча Исмета Инёню с председателем конференции, о чем сам лорд Керзон известил МИД Велико-

⁴¹ Πράξις ἀρσεως καὶ αὐτεξουσίας τοῦ προεκδεδομένου Πατριαρχικοῦ καὶ Συνοδικοῦ ὑπὸ ἡμέρας 8 Μαρτίου 1908 Τόμου περὶ τῶν ἐν τῇ διασπορᾷ Ἐκκλησιῶν // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 19.03.1922. Σ. 129–130.

⁴² The Problems at Lausanne. Ismet Pasha's Views // The Times. 05.01.1923. P. 9.

⁴³ Şimşir 1990. S. 362.

британии: «Этим утром Исмет-паша пришел увидаться со мной и, оспаривая все доводы до последней секунды последней минуты с бесцеремонным, но стойким упрямством, уступил после того, как часы уже забили... На встрече я завершил свою речь предложением этого решения от имени союзников, и оно неожиданно было принято Исметом»⁴⁴. Действительно, на заседании 10 января Инёню заявил о том, что турецкая сторона отзывает свое требование о выдворении патриархата в знак «примирительного расположения возглавляемой им делегации»⁴⁵. Вечером того же дня глава турецкой делегации в телеграфном сообщении писал: «Дебаты вокруг Патриархата завершились нашим открытым заявлением, что Патриархат не будет иметь какой-либо политической или административной власти или привилегий, и мы не берем на себя никаких других обязательств кроме тех, которые описаны законодательством, касающемся национальных меньшинств»⁴⁶.

Итак, на Лозаннской конференции Константинопольский патриарх был представлен как глава всего православного мира. Турки, плохо разбирающиеся в вопросах устройства Православной Церкви, но привыкшие играть на разобщенности христианского мира, поняли, что вопрос об удалении патриархата может стать той точкой, где христианский мир способен объединиться и стать серьезной политической угрозой. Это привело Инёню к видимой сдаче позиций, что, впрочем, не несло никакого ущерба турецким интересам. Следует отметить, что решение по вопросу о патриархате, принятое в Лозанне, оказалось нигде не закреплено. Греки, потерпевшие поражение в войне, были не в состоянии настаивать на письменном подтверждении договоренностей, а европейские державы были рады снять вопрос с повестки дня, поскольку больше были заинтересованы в решении совсем других проблем. Отныне отношения между турецким правительством и Фанаром становились внутренним делом независимого Турецкого государства.

Заккрытие вопроса о патриархате при неурегулированности его статуса вызвало серьезное беспокойство патриарха Мелетия. В июне 1923 года, незадолго до своей отставки, Мелетий писал Венизелосу с просьбой вновь поднять вопрос о патриархате в Лозанне и добиться определения статуса патриархата в недвусмысленной форме с письменной фиксацией его в тексте договора. Венизелос отреагировал достаточно резко, сообщив, что он не в состоянии требовать в Лозанне неприкосновенности для патриархата⁴⁷.

⁴⁴ Cypher Telegram to Sir Byre Crowe (Foreign Office) № 192. January 10th, 1923 // The National Archives of the UK. FO 839/35. Документ частично опубликован: Documents on British Foreign Policy. Ser. 1. Vol. 18. P. 437.

⁴⁵ Lausanne Conference ... P. 327.

⁴⁶ Şimşir 1990. S. 363.

⁴⁷ См.: Alexandris 1992. P. 147.

Решение, принятое в Лозанне, вызвало одобрение у всех, кроме турок⁴⁸. Одна из радикальных турецких газет (*Tevhid-i efkâr*), выражая удивление действиями турецкой делегации, утверждала, что это решение чрезвычайно опасно для Турции, а идея об отказе патриархата от политической деятельности является иллюзией⁴⁹: «Ни Лозаннская конференция, ни англиканская церковь, ни любая другая сила не сможет предотвратить отправку в далекие дали патриархата и уберечь греков от наказания»⁵⁰. Последствия недовольства турецкой общественности не заставили себя долго ждать. 1 июня 1923 г. радикально настроенная толпа проникла в здание патриархата и напала на патриарха Мелетия.

Благодаря случайному стечению обстоятельств, вызвавшему обсуждение вопроса о Константинопольском патриархате на Лозаннской мирной конференции, греческой стороне удалось реанимировать теорию о вселенском статусе патриархата, которая стала далее развиваться в благоприятном общественно-политическом дискурсе. Но важно помнить, что особую историческую роль и заслуги Константинопольского патриархата попытались искусственно оживить ради достижения конкретных политических целей. В результате был сформирован довольно странный и мало соответствующий действительности образ находящегося на грани исчезновения патриархата и одновременно административного центра всего православного мира. Парадоксальность ситуации заключалась именно в том, что претензии Фанара на первенствующую роль в православной Церкви стали активно развиваться в тот момент, когда само существование Константинопольского патриархата было поставлено под вопрос, тем самым идея о его вселенском первенстве стала отражением не особенного авторитета патриархата, а напротив крайней слабости его положения. Раньше лишь формально именуясь вселенским, Константинопольский патриархат имел реальную силу и влияние. После Лозаннской конференции вселенский статус был возведен в святыню всехристианского масштаба, в то время как реальные авторитет, власть и влияние остались в прошлом.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство»: 1918–1923. М., 2010. [Fomin A.M. *Vojna s prodolzheniem. Velikobritaniya i Franciya v bor'be za «Osmanskoe nasledstvo»*: 1918–1923. M., 2010]
- Aghnides Th. The Ecumenical Patriarchate of Constantinople in the light of the Treaty of Lausanne. New York, 1964.
- Alexandris A. The Greek minority of Istanbul and Greek-Turkish relations, 1918–1974. Athens, 1992.
- Busch B.C. Mudros to Lausanne: Britain's frontier in West Asia, 1918–1923.

⁴⁸ Compromise at Lausanne // The Times. 11.01.1923. P. 11; The Greek Patriarch // The Times. 17.01.1923. P. 11.

⁴⁹ Angora and the Patriarchate // The Times. 15.01.1923. P. 9.

⁵⁰ Alexandris 1992. P. 94.

- Clark B. Twice a stranger: the mass expulsions that forged modern Greece and Turkey. Cambridge, Massachusetts, 2006.
- Davison R.H. Turkish diplomacy from Mudros to Lausanne. Princeton University Press, 1953. Documents on British Foreign Policy. London, 1970. Ser. 1. Vol. 18.
- Feroz A. The making of Modern Turkey. New York, 1993.
- Giannakakis B. S. International status of the Ecumenical Patriarchate // Greek Orthodox Theological Review. 1957. Vol. 3. P. 26–46.
- Διακοφωτάκης Γ. Ι. Το Οικουμενικό Πατριαρχείο μετά την Λωζάννη. Αθήνα, Κομοτηνή, 2007.
- Ευάγγελος Στ. Υφαντίδης, αρχιμ. Οικουμενικό Πατριαρχείο και Πολιτικές Δυνάμεις: Από τη Συνδιάσκεψη της Λωζάννης έως την εκλογή του Πατριάρχη Βασιλείου Γ΄. Καβάλα, 2014.
- Howard H. N. The partition of Turkey: a diplomatic history, 1913–1923. New York, 1966.
- Kamouzis D. Incorporating the Ecumenical Patriarchate into Modern Turkey: The Legacy of the 1924 Patriarchal Election // When Greeks and Turks Meet: Interdisciplinary Perspectives on the Relationship Since 1923. Farnham, 2014.
- Karacan A. N. Lozan Konferansı ve İsmet Paşa. İstanbul, 1943.
- Konstantinides Chr. The Ecumenical Patriarchate and the Ecumenical Patriarchs from the treaty of Lausanne (1923) to the present // Greek Orthodox Theological Review. 2000. Vol. 45. P. 5–22.
- Lausanne Conference on Near Eastern Affairs (1922–1923). Records of Proceedings and Draft Terms of Peace. London, 1923.
- Nicolson H.G. Curzon: the last phase, 1919–1925: a study in post-war diplomacy. L., 1934.
- Psomiades H. The Eastern question: the last phase: a study in Greek-Turkish diplomacy. Thessaloniki, 1968.
- Şimşir B. Lozan Telgrafları. Ankara, 1990. Cilt 1. Kit. 1. State University of New York Press, 1976.

Чибисова Анастасия Александровна, аспирант кафедры Истории Церкви, Исторический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова, aachibisova@mail.ru

Павел Валерьевич Ермилов, кандидат исторических наук, заведующий Лабораторией исследований церковных институций, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, pavel_ermilov@mail.ru

Pan-Orthodox Leader: the Lausanne Conference and: the Role of the Patriarch of Constantinople in the Orthodox World

From ancient times the Patriarchate of Constantinople has played a significant role as one of the most important sees of the Orthodox world. However, by the beginning of the 1920s its existence was under threat of total elimination due to the loss of almost all its flock after the Greco-Turkish war. The ensuing political reforms in Turkey called into question the continued residence of the Patriarchate in Istanbul. A possible way out of this situation for the Patriarchate was to prove its special role in the Orthodox world, a role that demanded its preservation in its historical place. Fortunately, this idea coincided with the interests of the great powers. The Phanar's claims at Pan-Orthodox leadership came as a reaction to the discussions about the possible expulsion of the Patriarch from Turkey, which were conducted within the framework of the peace conference at Lausanne. It was these discussions that created a favorable background for the conception of the Patriarchate of Constantinople as the center of the Orthodox world. The authors deal in the article with the interpretation of the role of the Patriarch by the participant countries in the Lausanne conference against the background of their struggle for their own political interests. The research is based on official diplomatic documents and periodical press.

Keywords: Lausanne conference, Patriarchate of Constantinople, Greco-Turkish relations, Franco-British rivalry, ecumenical status, Orthodox Vatican

Anastasiya Chibisova, graduate student, Lomonosov Moscow State University, Faculty of History, Department of Church History, Graduate school, aachibisova@mail.ru

Pavel Ermilov, PhD (History), Saint Tikhon's University, pavel_ermilov@mail.ru

Д. В. ШМЕЛЕВ

ФРАНЦУЗСКИЕ КАТОЛИКИ И СССР (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА «СЕТ»)

В статье рассматривается реакция французского еженедельника «Сет», издававшегося доминиканцами, на события, происходившие в СССР в 1930-е гг. Автор описывает специфику позиции католиков в отношении русской революции и советского опыта. На страницах еженедельника находили отражение вопросы антирелигиозной политики в СССР, проблемы семьи, детства и материнства, культурные проекты советской власти, законодательство, репрессии, внешняя политика. В 1930-е гг. «Сет», представлявший умеренный спектр французского католического общественного мнения, служил местом притяжения для католических интеллектуалов, отражал линию, проводимую французской католической иерархией в отношении коммунизма и СССР, занимал позицию, близкую к левым католикам.

Ключевые слова: Франция, католицизм, христианская демократия, коммунизм, «Сет», религиозная политика, СССР

История французского католицизма в XX веке дает пример сосуществования двух политических тенденций: «революционного соблазна» (среди левых католиков), продиктованного положительным восприятием русской революции, образа Советского Союза, советского строя, и антикоммунизма (среди умеренного и правого фланга католицизма), основанного на противодействии росту влияния Французской коммунистической партии, марксизму как идеологии и, в целом, тоталитаризму. В первом случае речь идет о формировании левокатолической традиции, готовой к революционным методам преобразования действительности, к сотрудничеству с коммунистами и социалистами во имя идеала социальной справедливости и всеобщего блага. Во втором случае речь идет о формировании традиции противодействия росту влияния идей коммунизма, левых сил и сохранении консервативной (интегристской) направленности настроений католиков. Эти тенденции взаимодействовали, дополняли друг друга, проявляясь в различных демаршах и манифестациях, но часто разводили по разные стороны интеллектуалов-католиков и более прагматичных политиков.

Политическое и идеологическое знакомство французского католицизма с коммунизмом можно отнести к началу XX в. Оно проходило в рамках доктринальных дискуссий, например, организованных кружком Марка Санье «Сийон». В 1920-е гг. в католических кругах коммунизм стал ассоциироваться с советским опытом, представлял как выражение социального протеста, требование социальной справедливости, продолжение Октябрьской революции и метод строительства нового общества. Отсюда проистекало пристальное внимание католиков к со-

бытия, происходившим в России, их изучение, анализ, поддержка или отвержение. В их политическом дискурсе закрепляется «советская тема», попытка исследовать революцию 1917 г. в России, политику советской власти и в целом феномен советского коммунизма.

История взаимоотношений католической церкви и коммунизма во Франции представлена в работах ряда французских исследователей о различных сюжетах, связанных с интеллектуальными маршрутами, историей прессы католического толка, политическими демаршами¹. Основанные на оригинальных источниках и архивных данных (в т.ч. Ватикана), они дали широкую панораму политической истории французского католицизма в период между двумя мировыми войнами. Российская историография больше обращалась к истории конфессиональной политики в СССР, почти не затрагивая данный аспект².

Как и представители других французских политических культур, католические активисты и интеллектуалы в 1920–1930-е гг. – это члены политических партий, объединений «попутчиков», клубов, сотрудники газет и журналов. Но мир французских католиков в межвоенный период был политически и доктринально плюралистичным. В нем существовали массовые католические организации и движения (сеть «аксьон католик»), собственно церковные структуры (с разной степенью политической ангажированности), многочисленные партии и движения «христианского толка», в недрах которых развивалась христианская демократия. В доктринальном плане также можно различать интегристские, непримиримо настроенные в отношении коммунизма организации, и группы, выражавшие желание наладить сотрудничество с левыми, в т.ч. с коммунистами, во имя борьбы с фашизмом, тоталитаризмом и достижения идеала социальной справедливости.

В анализе советского опыта католические структуры находили и точки соприкосновения, и пункты разрыва. При этом коммунизм выступал для них одновременно как внутреннее и внешнее явление. И коммунисты, и католики претендовали на универсальное видение мира. Для них было очевидным, что русская революция изменила не только Россию, но и весь мир, воодушевив революционеров во всех точках земного шара. Более того, на революцию, бесспорно, повлиял международный контекст, сделав СССР и международное коммунистическое движение важным фактором мировой политики. Формируется одновременно мистический, героический и драматический образ

¹ Chenaux 2009; Christophe 1986; Tranvouez 2011; Mayeur 1986; Mayeur 1980; Becker, Berstein 1987; Rémond 1979; Winock 1975; Rochefort-Turquin 1986; Coutrot 1982.

² См.: напр., Волокитина, Мурашко, Носкова 2008. Но эта коллективная монография охватывает главным образом период после Второй мировой войны и регион Восточной Европы. Можно также отметить исследования, касающиеся жизненной траектории и взглядов П. Паскаля, напр.: Бабинцев 2009.

русской революции, несущей новый порядок, основанный на социальной справедливости, но вместе с тем порождающей хаос, жертвы и разрушения. Внутри страны католики сталкиваются с неуклонным подъемом левых сил, приходом к власти Народного фронта и зарождением антифашизма, всем тем, что формирует не менее сложную и не менее драматичную новую идеологическую и политическую ситуацию.

Анализ «советской темы» проходит в «католическом мире» в довольно трудных условиях. Во-первых, это проблема политического плюрализма французских католиков, что делает затруднительной единую оценку их позиции. Анализируемые далее материалы еженедельника «Сет» (*Sept*) представляют умеренный фланг католического общественного мнения во Франции 1930-х гг., находящийся в русле линии Ватикана и вместе с тем открытый сотрудничеству с другими политическими течениями, в т.ч. левыми. Во-вторых, следует четко отличать антикоммунизм французских католиков, как следствие доктринальной позиции, от русофобии, враждебного и неприязненного отношения ко всему русскому. Их антикоммунизм определялся через идеологию, с которой он боролся, предлагая иную концепцию мира, основанную на христианских ценностях, видении общества и системе поведения. Он отталкивался от поведения самих коммунистов, от оценки успехов и неудач советской модели, восприятия русской революции, сталинского режима. В-третьих, коммунизм в трактовке французских католиков представлен в двойном отражении: как универсальное видение мира, революционный порыв к изменению и глубинной трансформации общества, но и как политика СССР в отношении западного мира.

Изучение «советского мира» французскими католиками проходило на фоне бурлящей интеллектуальной жизни Франции тех лет. На католическое общественное мнение оказали большое влияние запрет Ватиканом в 1926 г. «Аксьон франсэз», разрыв спустя шесть лет между Ш. Моррасом и Ж. Бернаносом. Позиция первого встретит непонимание и осуждение в католической прессе, позиция второго наоборот получит поддержку, несмотря на его симпатии к франкизму (он публикует серию статей в «Сет», посвященных гражданской войне в Испании). Конец «интеллектуальной диктатуры» Ш. Морраса в «католическом мире» совпал с ростом популярности другой крупной фигуры – Ж. Маритена, подъемом «Социальных недель», на которых обсуждались доктринальные вопросы, влиянием русской религиозной эмиграции в лице Н.А. Бердяева и итальянской католической эмиграции в лице Л. Стурцо, серией путешествий в СССР французских интеллектуалов и политиков, оставивших разные мнения о советской действительности, выходом на общественно-политическую сцену нового поколения интеллектуалов-католиков, свободных от довоенных баталий времен «дела Дрейфуса» и находивших пристанище в разных органи-

зациях – от «Нового порядка» (его членами были сотрудники «Сет» А. Марк и Даниэль-Ропс) до «Эспри» (основанного Э. Мунье).

В данной статье исследуются взгляды и позиция группы католиков, объединившихся вокруг еженедельной газеты «Сет», издававшейся в период с 3 марта 1934 г. по 27 августа 1937 г. Основанный доминиканцами из Жювизи (в частности Мари-Венсаном Бернадотом и Пьером Буасселло), близкими к французской католической иерархии, еженедельник служил делу «католического воспитания» и пропаганды католических ценностей и морали, формированию «католического порядка», формально располагаясь над политическими партиями и проповедуя третий путь между коммунизмом и национализмом³. Решение об основании нового еженедельника было принято папой Пием XI в декабре 1930 г., но из-за внутренних конфликтов в ордено доминиканцев было отложено. Мятеж крайне правых в Париже 6 февраля 1934 г. привел к быстрой реализации проекта.

Большинство сотрудников были выходцами из Католической ассоциации французской молодежи. Поэтому редакция газеты вынуждена была транслировать взгляды французской католической иерархии и Ватикана, доводя их позицию и мнение до сведения читателя. Но еженедельнику удалось привлечь к изданию таких крупных католиков-интеллектуалов как Ф. Мориак, Э. Жильсон, В. д'Ормессон, Ж. Маритен, которые охотно излагали свои взгляды на его полосах и имели собственное независимое мнение. Как видно из публикаций газеты, она стремилась охватить широкий круг читателей. На ее страницах можно найти разнообразную информацию о французской и мировой политической, социальной и культурной жизни, что выдавало желание редакции выйти за строго католические рамки. Ее тираж насчитывал летом 1934 г. порядка 25 тыс. экз. Максимальным был тираж в 100 тысяч экземпляров в выпуске 1936 года, посвященном коммунизму.

Появление «Сет» выглядит не случайным и вписывается в общеполитический и социокультурный контекст, сложившийся в свете политики СССР на международной арене и реализации опыта строительства социализма. В конце 1920-х гг. положение церкви в СССР остается драматичным. Начинается период «воинствующего» подхода к религии и религиозным организациям, наряду с тактикой обострения классовой борьбы. 24 января 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О мерах по усилению антирелигиозной работы», ориентированное

³ Доминиканец М.-В. Бернадот (1883–1941) был знаковой фигурой для французской католической прессы, основав в 1919 г. «La vie spirituelle», в 1928 г. – «La vie intellectuelle», в 1929 г. крупное издательство «Cerf». Выходец из крестьян Южной Франции, викарий в диоцезе Монтобан, в 1912 г. он вступил в орден доминиканцев, обосновавшись в Тулузе. Был близок к «Аксьон франсез».

на местные партийные организации. Церковные организации стали теперь рассматриваться как политические организации, отжившие механизмы старого режима, которые необходимо разрушить, вытеснить из всех сфер жизни общества, как реакционный институт, а их служители оказались в одном ряду с «агентурой фашизма».

1930 год знаменует поворот в политике Ватикана в отношении Советской России. Окончательный провал переговоров по заключению конкордата с советским правительством, а также начало жесткой анти-религиозной политики стали поводом к новому противостоянию. 2 февраля 1930 г. в католической прессе было опубликовано публичное письмо папы Пия XI кардиналу Б. Помпили о религиозных преследованиях в России⁴. 17 марта 1930 г. газета «Правда» ответила резким памфлетом Н.И. Бухарина против Ватикана под названием «Финансовый капитал в мантии папы», в котором прозвучал тезис о начале «крестового похода» католицизма против Советской России и коммунизма⁵.

Международный контекст дополняли внутренние события, связанные с изменением позиции французской компартии, общим подъемом левых сил и формированием единого антифашистского фронта. В апреле 1936 г. лидер коммунистов Морис Торез заявил, что коммунисты готовы протянуть руку католикам: «Католик, рабочий, служащий, ремесленник или крестьянин, мы протягиваем тебе руку, мы, миряне, потому что ты наш брат, и подобно нам ты отягощен теми же заботами»⁶. В своем призыве М. Торез исходил из того факта, что существует фактическая материальная, экономическая и социальная солидарность между рабочими-католиками и коммунистами, что сотрудничество между ними возможно в режиме демократии и в ее «высшей форме», каковой является «советский режим». Но это предложение прежде всего было адресовано рабочим-католикам и сделано во время избирательной кампании. Вот почему Ф. Мориак сразу же назвал призыв Тореза «электоральным маневром». На страницах газеты «Фигаро» он писал, что «коммунизм не противостоит христианству по тому или иному пункту; они являются несводимыми один к другому; первый основывается на руинах второго. Марксизм может водвориться лишь в безбожном человечестве. Борьба против Бога приняла в России официальный характер»⁷. Отсюда постановка вопроса, ставшая актуальной на долгие годы: имеют ли католики моральное право сотрудничать с противоестественным режимом, который разрушает человеческую личность и ее связь с Богом?

⁴ Chenaux 2009. P. 86-88.

⁵ Правда. 1930. 17 марта.

⁶ L'Humanité. 1936. 18 avril.

⁷ Le Figaro. 1936. 26 mai.

«Советская тема» быстро стала предметом пристального внимания французской католической прессы. В ее анализе присутствует, строгая интерпретация доктринальных текстов, питающая негативный антикоммунизм (большевизм есть «царство зла»), а с другой стороны – новая реальность, в которой не остается ничего другого как признать, что коммунисты являются такими же людьми, как и другие⁸. Но в эти годы взгляд католической прессы становится более широким, смелым, выходя за рамки сугубо религиозных вопросов, строгой линии Ватикана и частных интеллектуальных демаршей. Впервые ею ставится глобальная проблема сущности советского режима. В течение трех лет вышло три специальных номера «Сет», посвященных анализу советского строя (22 марта 1935 г., 26 июня и 27 ноября 1936 г.) и цикл статей о марксизме (26 марта 1937 г.), но «советская тема» освещалась и в других номерах. Она, без сомнения, была одной из центральных в газете, наряду с германской угрозой, гражданской войной в Испании, колониальными проблемами и делом «католического воспитания».

Какие факторы лежали в основе формирования позиции «Сет» в отношении Советского Союза? Необходимо отметить, что журналисты, сотрудничавшие с редакцией, в своей массе не бывали в СССР (за исключением Э. Жильсона, посетившего Советский Союз в 1922 г.). Поэтому основная информация шла извне – от русских эмигрантов, от простых очевидцев, от официальных церковных кругов. Кроме того, непосредственную роль в формировании позиции редакции журнала сыграл исследовательский центр доминиканцев в Лилле под названием Центр русских исследований «Истина» («Istina»), который с 1934 г. издавал журнал «Россия и христианство» (с 1954 г. – журнал «Истина»). Наконец, в основе оценок советской действительности лежали воспоминания людей, оказавшихся в СССР в разное время, прошедших через репрессии и лагеря, или функционеров, выполнявших политические или религиозные миссии⁹. Можно выделить несколько рубрик, через

⁸ Rémond 1979. P. 205.

⁹ Dans les geôles soviétiques (souvenirs) // Sept. № 45. 1935. 4 janvier. P. 8-9, 13, 15; № 46. 1935. 11 janvier. P. 13-14; № 47. 1935. 18 janvier. P. 13-14 (воспоминания женщины-католички (имя не указано), жившей в СССР, арестованной в 1923 г. в рамках антирелигиозной кампании, прошедшей через тюрьмы и лагеря и освобожденной в 1932 г.); Souvenirs de la Révolution Russe // Sept. № 130. 1936. 21 aout. P. 14-15; № 131. 1936. 28 aout. P. 14-15; № 132. 1936. 4 septembre. P. 14-15; № 133. 1936. 11 septembre. P. 14-15; № 134. 1936. 18 septembre. P. 14-15 (без указания авторства), а также ряд расследований: Jacoby J. La vérité sur le massacre de la famille impériale de Russie // Sept. № 135. 1936. 25 septembre. P. 12-13; № 136. 1936. 2 octobre. P. 14-15; № 137. 1936. 9 octobre. P. 10-11; № 138. 1936. 16 octobre. P. 14; № 139. 1936. 23 octobre. P. 14; № 140. 1936. 30 octobre. P. 14-15; № 142. 1936. 13 novembre. P. 14-15; Raynaud J. Escalade en U.R.S.S. // Sept. № 149. 1937. 1 janvier. P. 14-15; № 150. 1937. 8 janvier. P. 14-15; № 151. 1937. 15 janvier. P. 14-15; № 152. 1937. 22 janvier. P. 14-15.

которые анализировался советский опыт строительства социализма: критика марксизма, антирелигиозная политика советской власти, социальная (в т.ч. семейная) политика в СССР, советская культура (и шире – проблема свободы), репрессии, внешняя политика.

Ф. Фюре, исследуя природу «всеобщего очарования Октября» у западных интеллектуалов, писал, что «уже в силу своего существования и длительности, режим, порожденный Октябрем, приобретал мифический статус; его не наблюдают и не изучают – его любят или ненавидят»¹⁰. Скорее всего, данную оценку можно употребить в отношении первой реакции французских католиков, также оказавшихся перед вопросом: является ли советский коммунизм таким же универсальным, как и христианство. Выбор для них оставался очевидным: невозможно отказаться от христианского видения мира, морали и ценностей. Однако далее плюрализм мнений оставался широким, от непримиримости в отношении коммунизма до готовности принять его как фактор реальности и поддержать его стремление к социальной справедливости.

Позиция «Сет» в этом вопросе строилась как система ответов левым интеллектуалам. Например, Жильсон полемизировал с Э. Мунье, утверждая, что «...большевистский марксизм является бесчеловечной доктриной, потому что его сущность состоит в том, чтобы поставить человека на службу классу и принести права личности в жертву материалистической концепции государства»¹¹. В первом специальном выпуске «Сет», посвященном СССР и вышедшем как реакция на серию выступлений писателя А. Жида в поддержку СССР, также уделяется пристальное внимание доктринальным аспектам. Предваряла анализ передовица Мориака «Писатель перед лицом Советов». Он трактует русскую революцию не только как социальную, но, скорее, как моральную революцию. «То, что его [Жида] глубоко интересовало в Москве, это упразднение религии и семьи, это создание новой этики, нового человека, мира, наконец, в котором, чтобы отделить добро от зла, прибегают к критериям, отличным от христианских принципов, во имя которых Жид с детства был осуждаем». Иллюзия, которая, как считает Мориак, вскоре исчезнет и приведет к разочарованию¹².

В том же номере еще одна редакционная статья (без подписи) посвящена «советскому марксизму». Она начинается с констатации, что марксизм как философская теория является плодом своего времени, рационалистической мысли и в настоящее время устарел. Он является «ложной теорией и, как таковой, может вести мир лишь к тупику, если не катастрофе». В основе марксизма – «материалистическая концепция

¹⁰ Фюре 1998. С. 104.

¹¹ Gilson E. Intermède soviétique // Sept. № 12. 1934. 19 mai P. 2.

¹² Mauriac F. Un écrivain devant Soviets // Sept. № 56. 1935. 22 mars P. 1.

мира: ни Бога, ни души». После этих безапелляционных суждений, внимание читателя обращается к тому, как марксизм был применен в СССР: «советский коммунизм» играет на индивидуальной и коллективной преданности, разыгрывает карту надежды на «справедливое вознаграждение», обращается к морали, но лишенный какой-либо добродетели, прибегает лишь к силе и террору. В статье отмечена упрощенная интерпретация истории марксизмом через классовую борьбу и борьбу экономических сил. Но, провозглашая отказ от экономического принуждения, СССР пришел к «новому разделению людей на привилегированные категории», «новые классы заменяют собой старые»¹³.

В июне 1936 г. «Сет» публикует два письма известного революционера В. Сержа, адресованные А. Жиду и М. Паз, с критикой советской действительности и политики Сталина¹⁴. Наконец, последнее крупное расследование газеты, опубликованное в ноябре 1936 г., снова касалось практического применения на практике марксистских идей. Впервые дается широкая панорама коммунистического опыта в Европе (Финляндия, Бавария, Испания), выявляются причины победы и характер революции в России. «Марксистский коммунизм, – пишет газета, – смог водвориться в России и завладеть там властью вследствие случайных обстоятельств, без того чтобы страна была подготовлена к нему предшествующей политической и экономической эволюцией». И далее делается вывод: «Русская революция в сущности никоим образом не была марксистской и не могла быть таковой», в силу того, что сформировалась диктатура крайних политических сил, массы не знали программу партии, страна оказалась во власти голода, коллективизации, НЭПа и т.д. Эти факторы доказывают, что марксизм в России потерпел поражение. Поэтому «то, что за границей называют эволюцией советского режима, в реальности является лишь разгромом марксизма во всех областях». Более того, установление сталинской диктатуры шло на фоне преследования троцкистов, соратников Ленина (газета публикует отрывки из публикаций А. Жида, В. Сержа, Л.Д. Троцкого, А. Розенберга, П. Паскаля, описывающих их разочарование в советском опыте), изменения природы самого советского режима. Другим доказательством краха марксизма стало укрепление фашизма. Не случайно отдельное внимание в расследовании «Сет» было уделено эволюции лидера итальянских фашистов Б. Муссолини от социализма к фашизму¹⁵.

С самого первого номера редакция «Сет» пристальное внимание уделяет антирелигиозной политике советской власти, которая требует

¹³ Le Marxisme soviétique // Sept. № 56. 1935. 22 mars. P. 4.

¹⁴ La révolution trahie // Sept. № 122. 1936. 26 juin. P. 9.

¹⁵ Mirage du marxisme ou le communisme jugé par les faits // Sept. № 144. 1936. 27 novembre 1936.

от населения отказа от религиозных убеждений и практики, особенно в деревнях, где она идет на фоне коллективизации: «Мы видим, что, если завоевания атеизма не так быстры, как хотят этого руководители движения, то марксизм-ленинизм без передышки возобновляет свои атаки против религии, которая является в сущности несовместимой с ним»¹⁶. В контексте критики антирелигиозной кампании советской власти «Сет» описывала судьбы католиков в СССР. В опубликованных на ее страницах воспоминаниях женщины-католички, прошедшей через советские тюрьмы и лагеря, отмечается, что ко всем католикам применялась статья 61 советского уголовного кодекса (1923 года), что «всем обвиняемым католикам, которые спрашивали, в какой преступной организации они участвовали, отвечали, что один факт признания папы в качестве главы церкви достаточен, чтобы доказать сговор с “иностранный буржуазией”». И итоговая грустная констатация заключалась в том, что «вся Россия была огромной тюрьмой, что судьба свободных людей мало отличалась от судьбы бесчисленных заключенных»¹⁷.

На страницах «Сет» был дан критический анализ советского законодательства в религиозном вопросе. Он шел в русле полемики «Истины» с «Обществом друзей СССР». Был опубликован отрывок из обширного текста доминиканского центра русских исследований, где доказывалось, что религиозная политика СССР является репрессивной и идет с нарушениями законов: «Более пятидесяти епископов, тысячи священников стали жертвами этого преследования, как и бесчисленное количество простых верующих. Но также верно то, что эти расправы, тюремные заключения, массовые депортации в принудительные трудовые лагеря происходят без законной процедуры. Она бесполезна»¹⁸.

К 1936 г. «Сет» констатирует закат волны антирелигиозной кампании и дает произошедшему такое объяснение: «В реальности, цели к этому времени были в основном достигнуты или выполнены. Духовенство по сути было истреблено с помощью насильственных мер. Православная церковь, жертва раскола, последовательно наблюдала как ее разные ветви становились объектами специального преследования. Отныне оставалось только, чтобы духовенство, объединившееся вокруг митрополита Сергия, признало режим и дало ему доказательства своей верности. Все остальное было увлечено бурей. Эта подчинившаяся церковь изловчилась стать скорее союзником, нежели врагом»¹⁹.

Антирелигиозная политика власти была частью общей социально-экономической и культурной ситуации, сложившейся в СССР к 1930-м

¹⁶ La propagande des Sans-Dieu mise en concours // Sept. № 1. 1934. 3 mars. P. 16.

¹⁷ Dans les geôles soviétiques (souvenirs) // Sept. № 45. 1935. 4 jan. P. 8; № 47. P. 14.

¹⁸ U.R.S.S. La religion est-elle libre en Russie? // Sept. № 52. 1935. 22 février. P. 9.

¹⁹ L'athéisme militant // Sept. № 122. 1936. 26 juin. P. 13.

годам. Дебют еженедельника пришелся на разгар экономического кризиса в Европе и охватившей страны Запада «великой депрессии». Поэтому не случайным выглядит обращение к анализу социально-экономического опыта СССР. Уже в первом номере в статье А. Марка сравнивается «новый курс» Рузвельта и политика Сталина: «Рузвельт и Сталин будут в единении под знаком этатизма»²⁰. Контраст был тем ярче на фоне массовых и впечатляющих социально-экономических проектов советской власти: индустриализации, коллективизации, реализации первых пятилетних планов, жилищной политики. Спустя два года во втором специальном выпуске, посвященном СССР и коммунизму, «Сет» дает баланс обещаний и реальности «ленинского опыта», отмечая растущее число функционеров и засилье бюрократии, всемогущую полицию, постоянную армию («которая хочет стать самой сильной в мире»), национализацию земли не в пользу крестьян, а в пользу государства, когда крестьянин становится только наемным рабочим, констатируя, что СССР отошел от прежней программы²¹. «Сет» позитивно воспринял упразднение 1 января 1935 г. карточной системы в СССР и на своих страницах привел выдержки из доклада В.М. Молотова, посвященного этому вопросу. В то же время, воспринимая данную меру положительно, редакция отмечала, что эта реформа, в реальности, свидетельствует о слабости советской распределительной системы, которая в свое время «была представлена как экономическая победа и некоторый залог благосостояния»²².

Не обошла стороной газета «драму» советских деревень. «Едва укрепившись у власти, правительство Ленина во имя марксистских доктрин начало эксплуатацию крестьянина в пользу рабочего», отмечает редакция. После отмены НЭПа возникла идея строительства социализма в одной стране, которая стала «концом передышки и развязыванием грубого наступления против крестьянина в интересах горожан. НЭП закончился внезапным ограблением торговцев, которые наивно поверили в новую эру. Доктрина государства, контролирующего всякую торговлю и всякое производство, была провозглашена более отчетливо, чем когда-либо. Крестьянин, который продавал продукты земледелия, был объявлен спекулянтom; он был отягощен повинностями, которые лишали его продукта его труда. Он снова пытается отвергнуть любой труд, выходящий за рамки строго необходимого для его существования. Тогда начинается большая кампания коллективизации. Крестьянин вдруг с изумлением узнал, что земля ему не принадлежит, что

²⁰ Marc A. U.S.A. et U.S.S.R. // Sept. № 1. 1934. 3 mars. P. 6.

²¹ Sept. № 122. 1936. 26 juin. P. 10-11.

²² La réforme du système alimentaire en Russie Soviétique // Sept. № 44. 1934. 28 décembre. P. 7.

он был лишь работником, которому была поручена ее обработка, и что этот труд будет организован государством, которое завладело не только землей, но и домами, скотом и сельскохозяйственными орудиями»²³.

На фоне коллективизации разворачивается кампания индустриализации, которая во имя благих целей несет серьезные трудности для рабочего класса. «Благодаря стахановскому движению <...> правительство еще больше усугубляет положение русского пролетариата», – отмечалось на страницах газеты. Рабочий снова подчинен изматывающему конвейерному труду и требованию роста производительности во имя коллективного блага. Более того, советский трудовой режим разрушает семью и загоняет рабочих в коммунальные жилища. Однако газета отмечает также и эволюцию советского режима в 1930-е гг. После того как в СССР был провозглашен принцип свободного союза и освобождения женщины, правительство вернулось к старой семейной политике, но в гораздо худших экономических условиях. Это изменение «Сет» трактует как провал «марксистского коммунизма», который символизирует «возрождение семьи, ослабление религиозного преследования и особенно призыв к национальному чувству»²⁴. Одновременно была отмечена некоторая эволюция в положении колхозников: «За последний год (1935) каждому колхознику предоставили право владеть маленьким участком земли (в среднем $\frac{1}{2}$ гектара), где он может сеять то, что хочет, для своего собственного потребления и даже продать излишек. Такой ценой они сумели обеспечить пропитанием голодающую страну. Но эта цена – объявленное признание несостоятельности коммунизма в своих сущностных принципах»²⁵.

Обращаясь к социальным аспектам советской повседневности, «Сет» много пишет об эмансипации женщин, проблемах детства и материнства, роли молодежи (она представляется находящейся «под игом этатизма», но «революционной», охваченной спортом²⁶). «Ничто так не возбуждает жалости, как судьба детства в Советском Союзе», – сокрушается «Сет». «Антисемейная политика марксизма» стремится подменить родителей государством в вопросах воспитания детей. Но фактически государство далеко от того, чтобы взять на себя полную ответственность за воспитание, которую ему предписывает его собственная доктрина. Тем не менее, «полностью свободный союз супругов и условия труда, которые делают жизнь у домашнего очага или полностью невозможной, или крайне нестабильной (работа женщины на 100%,

²³ Sept. № 56. 1935. 22 mars. P. 15.

²⁴ *Mirage du marxisme ou le communisme jugé par les faits* // Sept. № 144. 1936. 27 novembre.

²⁵ Sept. № 122. 1936. 26 juin. P. 11.

²⁶ Sept. № 56. 1935. 22 mars. P. 7-9.

теснота жилища, общее питание в заводских столовых и т.д.) ведут родителей к крайнему пренебрежению своими собственными детьми»²⁷.

В одном из специальных номеров дается развернутая характеристика советской семейной политики под названием «Общество без семьи». В основе ее лежит законодательство, которое «говорит о регистрации брака, состоянии брака, прекращении брака, но не определяет никоим образом сам брак». По мнению редакции, в сумме – это «любой союз мужчины и женщины с тех пор как у них существует намерение некоторого постоянства и некоторой исключительности отношений, ничего больше». Кроме того, «в основе супружеских отношений лежит также не расторжимость брака (она была относительна и ослаблена правом на развод), а абсолютно свободный союз». Констатируется, что самое трагичное – это «отказ от ребенка», чему способствует антисемейное и индивидуалистическое законодательство, новые условия быта и тесноты жилья (лучшее зарезервировано за привилегированным слоем режима)²⁸. В последующем на страницах газеты можно встретить те же аргументы и ту же критику «плодов свободного союза», нового «женского идеала», которому противопоставлялся идеал христианского «семейного очага», материнства, отказа от абортот и пристальное внимание к воспитанию детей²⁹. В то же время газета приветствовала изменение семейной политики в СССР в середине 1930-х, трактуя ее как «победу жизни» и поражение советской концепции свободной семьи: «Потому что мы видели, что для части населения, которая преуспела в разрушении духа семьи, результатом была развращенность нравов, ставшая общественной угрозой, отказ от детей, невозможность для государства обеспечить содержание, даже самое незначительное, этих детей, страшный рост детской преступности»³⁰.

«Сет» широко цитирует новое советское законодательство, связанное с изменением конституции и кодексов. Комментарий газеты к новой советской конституции (1936) указывал на ее «антидемократический» характер и растущее влияние партии на советскую общественную жизнь. Например, в статье 124 конституции признавалась «свобода антирелигиозной пропаганды». Но на деле господствовали организации «безбожников». Свобода личности не уважается, «система внутренних паспортов лишает население права передвижения», разрушается семья. Действуют мощный репрессивный аппарат и система заложников, доказательством чему являются крупные процессы³¹.

²⁷ La Vérité sort de la bouche des enfants // Sept. № 2. 1934. 10 mars. P. 13.

²⁸ Une société sans famille // Sept. № 56. 1935. 22 mars. P. 6-7, 14.

²⁹ La famille en Russie soviétique // Sept. № 74. 26 juillet 1935. P. 13.

³⁰ Les Soviets et la famille // Sept. № 122. 1936. 26 juin. P. 7-8.

³¹ Sept. № 122. 1936. 26 juin. P. 12, 17.

На страницах газеты журналисты описывают тщательно «охраняемый рай» советской действительности, культ новых коммунистических героев, закрытость границ, национальные проблемы и др.³² Периодически публикуется обзор культурной жизни, событий в музыке, кинематографе, театре, литературе, науке. Общий тон публикаций, в отличие от других аспектов, благожелательный, как и отношение к отдельным фигурам, например, М. Горькому³³. Вместе с тем, отмечается умелое ретуширование образа СССР перед иностранными путешественниками, которое создает позитивную картину социальных, экономических и культурных успехов советской власти и умело прячет разрушительные последствия реализации марксистских идей³⁴.

Первая реакция «Сет» на начало массовых репрессий была крайне осторожной, видимо, из-за недостатка информации. Поэтому позиция журналистов ограничивалась простой констатацией фактов, в ожидании дальнейшего развития событий (как, например, в случае убийства С.М. Кирова)³⁵. Непонимание сквозило и в кратком освещении процессов против троцкистов в СССР и «чистки» рядов партии. Не имея возможности опереться на достоверные факты, «Сет» опубликовала в качестве иллюстрации статью известного социал-демократа О. Бауэра «Судьи Москвы»³⁶. Журналисты газеты были озадачены началом массовых репрессий против руководства Красной Армии, учитывая ее роль в жизни СССР. «В то время, как Отец народов осуществлял аресты и расстрелы бывших соратников Ленина, армия – любимица режима – наблюдала за этим, не без тайного удовлетворения... Но что скажут военные сегодня, когда маленький вождь Сталин заявляет о желании “заняться” ими?», – вопрошает А. Марк. При этом сталинский метод остается в оценке газеты тем же: отдаление, смещение, дискредитация; «Сталин начинает атаку все с той же дьявольской осторожностью»³⁷.

Возникновение «Сет» совпало по времени с изменением советской внешней политики. Для журналистов газеты является очевидным фактом, что СССР решительно выбрал «политику мира» из-за прагматичных соображений. Как пишет Н.А. Клепинин, война поставила бы под угрозу выполнение второго пятилетнего плана, несмотря на мощь Красной Армии, в равной мере СССР опасается военной угрозы со стороны Германии и Японии. «Вот почему СССР готов укрепить свои отношения с такими странами, как Соединенные Штаты и Франция, ко-

³² Sept. № 122. 1936. 26 juin. P. 14-15.

³³ См., напр.: Sept. № 29. 1934. 14 septembre. P. 8-9; № 56. 1935. 22 mars. P. 12-13.

³⁴ L'art de la Mis en Scène // Sept. № 56. 1935. 22 mars. P. 5.

³⁵ Sept. № 44. 1934. 28 décembre. P. 7.

³⁶ Les juges de Moscou // Sept. № 132. 1936. 4 septembre. P. 9.

³⁷ Marc A. Staline contre l'armée // Sept. № 172. 1937. 11 juin. P. 6.

торые продолжают, может быть по совсем другим причинам, ту же политику мира». На страницах «Сет» обильно цитируются выдержки из заявлений советских руководителей и газет, подкрепляющие утверждения авторов. Однако они не обманываются относительно глубинных целей и двойственности советской внешней политики. Тот же Клепинин делает вывод: «Таким образом, Советская Россия готова создать альянс с одними империалистическими странами против других, но она категорически отделяется от целей, которые могут преследовать ее союзники, начиная войну, особенно от целей нового передела мира. Можно сказать, что СССР готов пройти только полпути со своими союзниками и что он остановится тотчас же, как только угроза нападения на его собственную территорию будет отодвинута. Ибо высшая цель советского правительства остается по-прежнему одной и той же: сохранить и защитить территорию единственной пролетарской страны мира»³⁸. Иными словами, французские католики не обманывались на счет двойственности советской внешней политики. Выражая готовность к сближению с капиталистическими странами, советское руководство продолжало рассматривать их как враждебные, разоблачать буржуазные институты и ставить условием сближения признание своей легитимности³⁹. Тем не менее, редакция «Сет» положительно отреагировала на вступление СССР в Лигу Наций, с иронией отметив выход из нее Германии: «Советы в Женеве в отсутствии Рейха»⁴⁰. Газета также благоприятно отреагировала на заключение франко-советского договора в мае 1935 г., но при этом подчеркивала, что «сближение с Россией не должно никоим образом стать одобрением советской идеологии»⁴¹.

Международная ситуация и рост угрозы со стороны Германии вынуждал «Сет» реагировать на возможность сотрудничества или противостояния с СССР в деле борьбы с нацизмом. Но для редакции газеты нацизм и большевизм по-прежнему оставались источниками зла. В передовице «Сет» от 21 февраля 1936 г. отмечалось: «Если у нас мало доверия к правительству Сталина, то у нас не больше доверия к правительству Гитлера. Оба являются язычниками и не сильно щепетильными относительно моральной ценности своих обещаний; оба вдохновляются эгоистичными интересами. <...> Большевизм, гитлеризм являются материализмами, различаемыми только образом мыслей и мистикой. Тот и другой ведут к одному и тому же результату и, в итоге, при-

³⁸ Klepinine N.A. Les principes de la politique extérieure de l'U.R.S.S. // Sept. № 6. 1934. 7 avril. P. 6.

³⁹ Фюре 1998. С. 175.

⁴⁰ Sept. № 31. 1934. 28 septembre.

⁴¹ Sept. № 63. 1935. 10 mai. P. 1; а также: Daniel-Rops Une politique au jour le jour // Sept. № 64. 1935. 17 mai. P. 7.

знают лишь один моральный критерий: государственный интерес. Ни на того, ни на другого мы не можем полагаться»⁴².

Несмотря на фактическое свертывание отношений между Москвой и Ватиканом, в середине 1930-х гг. «советская тема» оставалась актуальной для католической прессы. Укрепление сталинского режима создавало иллюзию прочности и успешности социализма, но вместе с тем побуждало пристальнее вглядываться в процессы, происходившие в Советском Союзе. Стимулом служили частые поездки западных интеллектуалов в СССР, по итогам которых публиковались впечатления и заметки, прославлявшие или, наоборот, критически осмысливавшие первые итоги и перспективы строительства социализма в отдельно взятой стране. Собственно, возникновение «Сет» и стало одной из попыток со стороны церковной иерархии сформировать в нужном русле католическое общественное мнение в отношении СССР. Акценты с точки зрения католиков были расставлены достаточно четко. Речь шла о бездуховности и материалистичности марксизма, невнимании к морально-нравственным аспектам развития человеческой личности, пренебрежении в СССР общечеловеческими правами и свободами. В итоге, формировалось «естественное» противопоставление коммунизма и христианства. В анализе советского опыта журналисты «Сет» сумели увидеть скрытые факторы становления и эволюции советского государства, его крайнюю идеологизированность, деспотизм, растущую бюрократию, мощный репрессивный аппарат, подавление инакомыслия, прав и свобод человека и т.п., видя в этом как исторические корни, так и следствие применения на практике тезисов марксизма. Вместе с тем, была сделана попытка взглянуть на эти явления без догматизма, подчеркивая возможную позитивную эволюцию советского общества и возможное смягчение большевистской диктатуры.

Дальнейшая эволюция позиции «Сет» оказалась затронута событиями вокруг Народного фронта и усилением фашистской угрозы, что не могло не сказаться на отношении к еженедельнику со стороны официальных церковных властей. Ватикан требовал от редакции политической нейтральности. Но редакция газеты стремилась балансировать между отражением официальной позиции церкви, публикуя периодически интервью ее иерархов, и стремлением остаться беспристрастной и притягательной для католического общественного мнения (особенно левого), выражая готовность принять «протянутую руку» коммунистов при определенных условиях⁴³.

⁴² Sept. № 104. 1936. 21 février. P. 1.

⁴³ В этом плане интерес вызвала публикация специального номера под названием «Христос и рабочий»: Sept. № 155. 1937. 12 février. Этой публикации предшествовала конференция под одноименным названием, проведенная доминиканцами

На страницах «Сет» отмечалось, что Москва дала приказ расширить «красный фронт» в сторону «народного фронта», но католики не должны впадать в заблуждение от этого маневра: «Москва не изменила фигуры, а лишь сменила маску». М. Шерер писал в те дни: «Цивилизация, о которой мечтают коммунисты, исключает цивилизацию, которая остается полем усилий и амбиций католиков <...> Ибо мы знаем также, что призывы к союзу и сотрудничеству не исключают самую методичную антирелигиозную пропаганду. Этот пункт является основополагающим: в тот момент, когда коммунисты протягивают руку молодым католикам, они подтверждают свое желание разрушить то, что является самым дорогим сердцу наших сторонников, к чему они стремятся. Утверждение уважения религиозных убеждений сопровождается антирелигиозной пропагандой, которая делает крайне подозрительными заявления о дружбе»⁴⁴. Антифашизм также не может быть общей целью, поскольку коммунисты называют фашистами всех своих политических противников. Шерер отмечает ряд тем, по которым коммунисты и католики дают разные оценки: антикапитализм, антифашизм, борьба против войны, революция, защита культуры и семьи. По его словам, католики не борются «с пожаром с пылающими факелами». Но несмотря на усилия некоторых католических активистов, изолироваться в антифашистской борьбе от коммунистов было невозможно. Как отметил Ф. Фюре, именно в этот период возникает массовая антифашистская культура, «которая одновременно и независима, и неотделима от коммунизма», а СССР логически становится оплотом антифашизма⁴⁵.

Тем не менее, данная ситуация внесла разлад в позицию французских католиков. Часть из них (например, «Молодая республика» или «Фронт революционных христиан» Мориса Лодрена) предпочла позвать «протянутую руку» и вступить в Народный фронт. Так рождается левый фланг христианской демократии и католицизма, готовый к сотрудничеству с коммунистами и социалистами. Народный фронт рассматривался ими как этап на пути к более глубокой революции, а диалог с коммунистами представлялся единственным средством их «евангелизировать». Показательна драматичная судьба «органа революционных христиан» «Тер нувель» (*Terre nouvelle*), основанного в мае 1935 г. Но в своей массе реакция большинства католиков осталась сдержанно-негативной. Католические издания «Ви энтеллектюэль» и «Сет» подчеркнули в итоге свой отказ от сотрудничества, отметив сущностную несовместимость марксизма и католицизма. 27 марта 1937 г. «Сет» по-

Лажёни и Оразо, на которой обсуждалась социальная доктрина церкви. Именно последнее вызвало протесты и письма папе ряда французских кардиналов.

⁴⁴ Sept. № 114. 1936. 1er mai.

⁴⁵ Фюре 1998. С. 305.

вторила свою позицию, опубликовав полный текст двух папских посланий с осуждением «атеистического коммунизма» и нацизма⁴⁶.

Тем не менее, Ватикан выражал все большее недовольство позицией газеты. Еще в июле 1936 г. был инициирован запрет «Тер нувель». Спустя год дошла очередь до «Сет». Поводом стало интервью лидера социалистов Л. Блюма газете 19 февраля 1937 г. (опубликованное с согласия парижского архиепископа кардинала Вердьё!). Спустя несколько месяцев, 14 июля 1937 г., несмотря на протесты некоторых французских церковных иерархов, последовал декрет Ватикана, упраздняющий еженедельник. Причинами назывались опасение церкви проникновением коммунизма в католическую среду, критика колониализма (в частности, войны Италии против Эфиопии), симпатии к республиканской Испании и осуждение диктатуры Франко, ярко выраженный антифашизм, критика со стороны «католической правой» («Сет» – это «красные христиане»)⁴⁷. Формально закрытие газеты было обставлено по экономическим причинам, чтобы избежать ненужной критики. Однако было не менее очевидным, что «позитивный антикоммунизм» «Сет» и доминиканцев Жювизи после прихода к власти Народного фронта, окончания гражданской войны в Испании и подъема антифашизма был не нужен Риму, который стремился усилить контроль над католической прессой в преддверии надвигающейся войны.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бабинцев В.А. Пьер Паскаль: левая траектория французского консерватизма // Французский ежегодник 2009: Левые во Франции. М.: Либроком, 2009. С. 208–220.
- Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. М.: РОССПЭН, 2008. 807 с.
- Куликова Г.В. Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов. М.: ИРИ РАН, 2013. 369 с.
- Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М.: Ad Marginem, 1998. 640 с.
- Холландер П. Политические пилигримы: путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе, 1928–1978. СПб.: Лань, 2001. 592 с.
- Becker J.-J., Berstein S. Histoire de l'anticommunisme. Paris: Olivier Orban, 1987. 407 p.
- Chenaux Ph. L'Église catholique et le communisme en Europe (1917–1989). P.: Cerf, 2009. 383 p.
- Christophe P. 1936, Les Catholiques et le Front populaire. Paris: Éditions ouvrières, 1986. 308 p.
- Coutrot A. «Sept». Un journal, un combat (mars 1934–août 1937). Paris: Éd. Cana, 1982. 261 p.
- Mayeur J.-M. Catholicisme social et démocratie chrétienne. Principes romains, expériences françaises. Paris: Cerf, 1986. 287 p.
- Mayeur J.-M., Des partis catholiques à la Démocratie chrétienne. Paris: Armand Colin, 1980. 247 p.
- Rémond R. Les Catholiques dans la France des années 30. Paris: Éd. Cana, 1979. 273 p.
- Rocheffort-Turquin A. Front Populaire. «Socialistes parce que chrétiens». Paris: Cerf, 1986. 232 p.
- Sudda M. della La suppression de l'hebdomadaire dominicain «Sept» // Vingtième siècle. 2009. № 4(104). P. 29–44.

⁴⁶ Sept. № 161. 1937. 27 mars. P. 4–5, 16.

⁴⁷ Sudda 2009. P. 29–44.

Tranvouez Y. Catholicisme et société dans la France du XXe siècle. Apôstolat, progressisme et tradition. Paris: Éd. Karthala, 2011. 264 p.

Winock M. Histoire politique de la revue Esprit. 1930–1950. Paris: Seuil, 1975. 446 p.

REFERENCES

Babintsev V.A. P'er Paskal': levaya traektoriya frantsuzskogo konservatizma // Frantsuzskij ezhegodnik 2009: Levye vo Frantsii. M., 2009. S. 208–220.

Volokitina T.V., Murashko G.P., Noskova A.F. Moskva i Vostochnaja Evropa. Vlast' i cerkov' v period obshhestvennykh transformacij 40–50-h godov XX veka: Oчерки istorii. M.: ROSSPEN, 2008. 807 s.

Kulikova G.V. Novyj mir glazami starogo. Sovetskaja Rossija 1920–1930-h godov glazami zapadnyh intellektualov. M.: IRI RAN, 2013. 369 s.

Fjure F. Proshloe odnoj illjuzii. M.: Ad Marginem, 1998. 640 s.

Hollander P. Politicheskije piligrimy: puteshestvija zapadnyh intellektualov po Sovetskomu Sojuzu, Kitaju i Kube, 1928–1978. SPb.: Lan', 2001. 592 s.

Becker J.-J., Berstein S. Histoire de l'anticommunisme. Paris: Olivier Orban, 1987. 407 p.

Chenaux Ph. L'Église catholique et le communisme en Europe (1917–1989). P.: Cerf, 2009. 383 p.

Christophe P. 1936, Les Catholiques et le Front populaire. Paris: Éditions ouvrières, 1986. 308 p.

Coutrot A. «Sept». Un journal, un combat (mars 1934–août 1937). Paris: Éd. Cana, 1982. 261 p.

Mayeur J.-M. Catholicisme social et démocratie chrétienne. Principes romains, expériences françaises. Paris: Cerf, 1986. 287 p.

Mayeur J.-M., Des partis catholiques à la Démocratie chrétienne. P.: Armand Colin, 1980. 247 p.

Rémond R. Les Catholiques dans la France des années 30. Paris: Éd. Cana, 1979. 273 p.

Rocheftort-Turquin A. Front Populaire. «Socialistes parce que chrétiens». Paris: Cerf, 1986. 232 p.

Sudda M. della La suppression de l'hebdomadaire dominicain «Sept» // Vingtième siècle. 2009. № 4(104). P. 29–44.

Tranvouez Y. Catholicisme et société dans la France du XXe siècle. Apôstolat, progressisme et tradition. Paris: Éd. Karthala, 2011. 264 p.

Winock M. Histoire politique de la revue Esprit. 1930–1950. Paris: Seuil, 1975. 446 p.

Шмелёв Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и связей с общественностью, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева; dmitryShmelev@mail.ru

French Catholics and USSR (on the materials of the weekly “Sept”)

The article examines the reaction of the French weekly “Sept”, published by the Dominicans, to the events that took place in the USSR in the 1930s. The author describes the position of the Catholics with regard to the Russian revolution and the Soviet experience. The focus is on anti-religious policy in the USSR, the problems of the family, childhood and motherhood, cultural projects of the Soviet government, legislation, repression, foreign policy, which were reflected in the pages of the weekly. In the 1930s, the “Sept”, representing a moderate spectrum of French Catholic public opinion, served as a place of attraction for Catholic intellectuals, reflected the line pursued by the French Catholic hierarchy towards communism and the USSR, took a position close to the left-wing Catholics.

Keywords: France, Catholicism, Christian democracy, communism, Sept, religious policy, the USSR

Dmitry Shmelev, Doctor of Science (History), professor of Department of History and Publics Relations, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev; dmitryShmelev@mail.ru

«ВИНО ЕВАНГЕЛИЯ» И «АМЕРИКАНСКИЕ МЕХИ» ПОСЛЕВОЕННЫЙ РИВАЙВЕЛ В США В ВОСПРИЯТИИ ПРОТЕСТАНТСКОЙ ЭЛИТЫ

В статье рассматривается восприятие протестантской клерикально-интеллектуальной элитой религиозной ситуации в США в конце 1940–1950-х гг. Данный период принято считать эпохой возрождения религиозности в американском социуме. Представители ведущих протестантских деноминаций, как в США и так за пределами страны, часто высказывали настороженное или негативное отношение ко многим проявлениям послевоенного ривайвела. Автор анализирует данную позицию на примере публикаций в протестантском издании «Христианство и кризис», а также раскрывает противоречия внутри протестантского истеблишмента и отдельных деноминаций по поводу восприятия тенденций религиозной жизни.

Ключевые слова: США, религия, ривайвел, протестантизм, интеллектуалы, богословы, «Христианство и кризис»

Первые полтора послевоенных десятилетия были временем расцвета религиозной жизни в США. В данный период имел место беспрецедентный рост влияния «религии в целом»¹; такие статистические показатели, как количество людей, принимающих активное участие в жизни церкви, посещаемость богослужений, объемы церковного строительства и финансовой поддержки религиозных общин, достигли в США исторического максимума именно в 1945–1960 гг.² Как современники, так и исследователи отмечают, что в эту эпоху религия в США достигла высшей степени институционализации, публичности, «видимости», «модности»³. Американцы демонстрировали набожность и интерес к молитве; в ведущих СМИ одной из популярных рубрик были истории, связанные с личным религиозным опытом отдельных верующих⁴. Как отмечает М. Марти, термин «ривайвел», который до того времени не использовался вне евангелического протестантизма, к началу эры Эйзенхауэра стал обозначать важнейший тренд всей религиозной жизни США⁵. Наивысшей точкой послевоенного религиозного возрождения принято считать середину 1950-х гг.⁶

¹ Williams 2008. P. 344.

² Hudnut-Beumler 1994. P. 31–38.

³ Marty 1996. P. 290.

⁴ Hudnut-Beumler 1994. P. 41–42.

⁵ Marty 1996. P. 125. Термины «ривайвел» (revival – возрождение, оживление) или «ривайвелизм» обычно используются для обозначения евангелических движений, периодически имевших место в американском протестантизме. Такие движения приводили к резкой интенсификации духовной жизни и росту числа верующих,

В советской и современной российской историографии некоторые вопросы религиозной истории США 1940–1950-х гг. были рассмотрены в трудах Д.Е. Фурмана и А.В. Борзова. Д.Е. Фурман упоминает о послевоенном ривайтеле как об «усилении [институциональной] религиозности в американском “среднем классе”». По мнению религиоведа, это явление было признаком «разрушения религиозного сознания» и «распада системы ценностей» в 1950-е гг., так как регулярным посещением церкви «вместе со всеми» «средний американец» стремился компенсировать собственное неверие⁶. В работах А.В. Борзова изучены изменения в церковно-государственных отношениях и связанная с ними дискуссия внутри клерикальных кругов, а также случившийся в этот период очередной подъем антикатолических настроений⁸.

Детальный анализ послевоенного ривайтеля и критической реакции на него со стороны религиозных интеллектуалов в российской историографии еще не предпринимался, хотя в свете нынешних реалий данная тематика представляется весьма актуальной. Категории «религиозного возрождения» и «традиционных ценностей» в тех или иных вариациях являются важной частью общественно-политического дискурса в современной России. Представители светских властей и клерикальных кругов, относящихся к крупнейшим религиозным группам, переживают период тесного сотрудничества друг с другом. С одной стороны, религиозные нормы и символы используются для выстраивания и обоснования общенациональной идейно-политической платформы. С другой стороны, видные представители Русской православной церкви в своей риторике часто соединяют религиозные и общественно-политические категории, проповедуя социальный консерватизм и национально-патриотические идеи.

Тесное взаимодействие церкви и формально светского государства, активное присутствие религии в публичной сфере, рост количе-

активизировали миссионерскую деятельность и борьбу с социальными пороками. С точки зрения богословия, ривайтелы, особенно в XX в., тяготели скорее к консервативному евангелизму и фундаментализму. Послевоенный ривайтелизм был представлен, в частности, движением под руководством Билли Грэма (Dictionary. 1990. P. 1012–1015). В заголовке данной статьи «ривайтел» обозначает не консервативное евангелическое движение, которое, действительно, играло важную роль в 1945–1960 гг., а активизацию религиозной жизни в целом, во всех церквях и деноминациях. В таком же значении термин «ривайтел» упоминался крупнейшим историком американской религии С. Альстремом (Ahlstrom 1972. P. 962).

⁶ Согласно С. Альстрему, послевоенный ривайтел завершился в 1958–1960 гг. Историк отмечает, что в 1958–1959 гг. «проницательные наблюдатели» начали говорить об этом явлении в прошедшем времени, а в 1960 г. такое восприятие стало общепринятым (Ahlstrom 1972. P. 962).

⁷ Фурман 1981. С. 137, 236.

⁸ Борзов 2017a; Борзов 2017b.

ственных показателей религиозности и внешнего «благолепия» церковной жизни – это то, что «роднит» Россию 2010-х гг. с США второй половины 1940-х – 1950-х гг. В обоих случаях отдельные представители клира и верующих мирян-интеллектуалов подвергают критике многие черты текущей религиозной ситуации, причем критические голоса нередко принадлежат к условно либеральному спектру церковного сообщества. Эти аналогии⁹ делают весьма своевременным рассмотрение феномена религиозного «возрождения» в США 1940-х–1950-х гг. в восприятии «думающих» представителей протестантских общин.

Среди внешних факторов, которые обусловили послевоенный ривайвел и определили его специфику, были, в частности, субурбанизация, а также начало и апогей «холодной войны». Усилившаяся миграция в пригороды повышала значение церкви как института, необходимого для обустройства «общинной» жизни, адаптации и приобретения статуса в новой среде¹⁰. В плане религиозной принадлежности, субурбанизация 1950-х гг. была в основном «протестантским и иудейским феноменом»; верно и обратное утверждение: в это время среда пригородов стала «доминирующей социальной реальностью» мейнстримного протестантизма и иудаизма¹¹. И интеллектуалы той эпохи, и современные исследователи склонны использовать понятия «массовая религия 1950-х гг.» и «религия пригородов» как синонимы. Что касается социально-классовых параметров, то религиозное возрождение в США в 1950-х гг. затронуло преимущественно процветающий средний класс¹², который, впрочем, и был основным обитателем новых пригородов.

В контексте «холодной войны» церковь стала рассматриваться как душа нации, а религия – как средство утверждения «американского образа жизни» в противовес «безбожному» СССР. Подразумевалось, что, с одной стороны, хороший христианин не может подвергать серьезной критике общественный строй США, а, с другой стороны, личная религиозная вера является неотъемлемым элементом патриотизма¹³.

Другими факторами ривайвела стал характерный для 1950-х гг. scientизм, в условиях которого религия стала использовать достиже-

⁹ С «российской стороны» данные аналогии выстраиваются, прежде всего, на основе ситуации в Русской православной церкви. Среди тех, кто критикует особенности современного религиозного «возрождения» – диакон Андрей Кураев, игумен Петр (Мещеринов), библиист Андрей Десницкий, бывший отв. редактор «Журнала Московской Патриархии» Сергей Чапнин и др.

¹⁰ Ahlstrom 1972. P. 951; Hudnut-Beumler 1994. P. 5–6.

¹¹ Hudnut-Beumler 1994. P. 6.

¹² Marty 1996. P. 125. По словам социолога Норманна Бирнбаума, сформировавшаяся в 1950-х «новая американская религиозность» стала «делом среднего класса» (Birnbbaum 1959. P. 21).

¹³ Ahlstrom 1972. P. 951, 952, 954.

ния психологии, а также развитие новых коммуникационных технологий, активно проникавших в церковную жизнь¹⁴.

По мнению интеллектуалов послевоенной эпохи, можно говорить о трех разновидностях религии в то время – народной, церковной и элитарной. Представители элиты всех ведущих христианских общин и иудаизма (богословы, философы, профессора семинарий) были склонны критиковать как современную им массовую религиозность, так и связанную с ней гражданскую религию, взятую на вооружение политическим руководством страны¹⁵. «Иеримиады»¹⁶ в адрес «религии пригородов» стали распространенным жанром религиозной публицистики.

Основанный Рейнгольдом Нибуром журнал «Христианство и кризис», стал одной из площадок, где протестантские интеллектуалы, среди которых были и клирики, пытались критически осмыслить «невиданное» религиозное возрождение конца 1940–1950-х гг. В этом журнале своими мыслями на данный счет делились не только представители протестантских общин США, но и их собратья из Европы.

Протестантские интеллектуалы не подвергали сомнению сам факт усиления роли религии в США, особенно в сравнении с другими западными странами. С этим соглашались представители европейских протестантских общин, посещавшие США в конце 1940-х – 1950-е гг. Богослов из Англии Алек Видлер, побывавший в США в 1947 г., писал, что американское общество, в целом, более религиозно, чем общество британское¹⁷. Протестанты-иностранцы свидетельствовали о процветании всех внешних элементов религии – от посещаемости церквей до организации литургической жизни и технического состояния культовых сооружений. Епископ Лютеранской церкви Швеции Эйвинд Бергграв, посетивший США в 1955 г., не только высказывал удивление по поводу большого числа верующих на службах, но также был впечатлен братской атмосферой церковных общин, обратив внимание на «солидарность прихожан» и особую «социальную теплоту» церквей в Америке. Он отмечал, что американцы ходят в церковь семьями, родители и дети образуют как бы «коллективное членство» в религиозной организации. Все это, по его мнению, контрастировало с индивидуалистическим духом церковной жизни европейских протестантов¹⁸. Пресвите-

¹⁴ Hudnut-Beumler 1994. P. 10–11, 17.

¹⁵ Ibid. P. 72–78, 84–86, 172.

¹⁶ Иеримиада (Jeremiad, по имени ветхозаветного пророка Иеремии) – жанр проповеди, нацеленный на разрушение у аудитории чувства духовного самодовольства и провоцирование стремления кардинально изменить свою жизнь в соответствии со Священным Писанием. В данном виде проповеди особенно ярко выражен пафос обличения (Dictionary. 1990. P. 591–592).

¹⁷ Vidler 1947. P. 4.

¹⁸ Berggrav 1955. P. 13.

рианский священник из Британии, находившийся с визитом в одном из приходов штата Миссури, «выразил свое восхищение» тем, какую роль играют в церкви миряне. По его словам, активность прихожан Пресвитерианской церкви США являла собой образец «духа служения»¹⁹.

А. Видлер отмечал, что «американские церкви выглядят невероятно процветающими», в то время как в Британии церковные постройки, как правило, «бедные и разрушающиеся». По словам английского богослова, в США церковная жизнь была непревзойденной по таким параметрам, как «богатство, ...комфорт», «эффективность организации религиозных услуг и [различных видов церковной] деятельности»²⁰. Бергтрава впечатлила литургическая жизнь американских приходов, в частности, разнообразие видов богослужбной активности, доступных для членов церкви, и самих стилей богослужения – «и традиционного, и [новаторского], с использованием элементов драмы [и] музыки»²¹.

Эти позитивные черты церковной жизни США имели и обратную сторону, заставляли настороженно относиться к росту популярности церкви как эффективного и привлекательного социального института и задумываться над аутентичностью религиозного возрождения. Многие представители протестантской элиты были склонны считать, что внешнее процветание религии в США вытесняло живую религиозность и общение с Богом, становясь суррогатом подлинно христианской жизни. По словам того же А. Видлера, богатство церквей в Америке «производит гнетущее впечатление», благолепие и комфорт церковной жизни служит «подушкой, смягчающей воздействие от встречи с живым Богом, позволяющей держать Бога на уважительном расстоянии»²².

В протестантских деноминациях, в условиях сосредоточенности религиозной жизни в «уютном» мире отдельно взятого церковного прихода, возник опасный феномен «черчиэннити» (“Churchianity”). Суть его заключалась в том, что церковная община и активность в приходской жизни заменили собой Христа²³. В частности, Э. Бергтрава высказывал опасения, что «американская церковная жизнь, пребывая в застывшем состоянии внутри [церковной общины]. может в будущем войти в... кризис» и задавался вопросом, «значила ли церковь для [своих прихожан] больше чем Христос?»²⁴.

В 1950-х гг. большинство вновь создаваемых конгрегаций возникло в пригородах. Протестантские интеллектуалы были склонны счи-

¹⁹ Christian Century. 1954. November 3. P. 1346–1347.

²⁰ Vidler 1947. P. 4.

²¹ Berggrav 1955. P. 14.

²² Vidler 1947. P. 4.

²³ Hudnut-Beumler 1994. P. 40.

²⁴ Berggrav 1955. P. 13.

тать, что субурбанизация оказывала отрицательное воздействие на религиозность американцев. В условиях пригорода, ставшего заповедником респектабельности среднего класса, христианство утрачивало меседж универсальности во Христе, а церкви потворствовали социальному эгоизму прихожан²⁵. Многие приходы становились похожими на закрытые светские собрания. Один американский бизнесмен в разговоре с епископом Берггравом, когда тот выразил удивление большим числом людей на церковной службе, заметил: «...Церкви здесь [в Америке] служат еще и [социальными] клубами»²⁶. Американский богослов Уильям Уолдо Бич (Пресвитерианская церковь) писал: «[В период расцвета пригородов верующие разделились по критериям] расы, экономического положения, места жительства, [а конгрегации ведущих протестантских деноминаций стали клубами] "высокопробных" христиан, наслаждающихся обществом друг друга»; «в новых церквях... уютно расположившихся среди индивидуальных коттеджей... все прихожане – одного поля ягоды: ...белые представители среднего класса, обладающие ужасно развитым сознанием принадлежности к своей общественной страте»; «главный критерий при выборе церкви – [социальное] сходство; главный критерий определения статуса среди прихожан одной церкви – респектабельность». По мнению богослова, такая классовая и культурная ограниченность конгрегаций мешала проповеди евангельских ценностей и оттесняла собственно религиозную жизнь прихода на задний план: «Ритуалы церквей... пригородов прославляют гармонию и экономический достаток; приветствия соседей, сборы пожертвований, рукопожатие у дверей... – это для многих, возможно, более значимые действия, чем молитва и Евхаристия»²⁷.

Акцент на респектабельность и привлекательность, чрезмерно «оптимистическая» атмосфера²⁸ в пригородных приходах сковывали функцию священника как обличителя пороков и грехов. Он не должен был говорить о том, что составляло «моральный вызов христианства, дабы не нарушить состояние эйфории» своей паствы. Это приводило, в частности, к обесцениванию важных для христианской религиозности идей «покаяния, страдания, жертвы». Как отмечал У. Бич, прихожане перестали слышать молитвы на богослужении, так как в них могли зву-

²⁵ Hudnut-Beumler 1994. P. 6–8.

²⁶ Berggrav 1955. P. 13.

²⁷ Beach 1956. P. 33–34.

²⁸ «Чрезмерно оптимистическая атмосфера» церковных общин пригорода была связана не только с социально-экономической, но и с демографической спецификой этой среды: в 1950-х гг., благодаря возрастному составу жителей пригородов, в них годами никто не умирал, а в церквях не проводились погребальные обряды, одни лишь венчания, крестины и прочие жизнеутверждающие церемонии. (Hudnut-Beumler 1994. P. 6–8).

чать «неудобные» понятия: «[церковный] хор пел “День гнева”²⁹, но слышался не гром и сотрясание основ, а лишь красиво исполняемое песнопение». В церквях американского пригорода был создан свой образ Иисуса Христа – «приятный... лишенный... того, что ранит... образ любящего друга с шелковистыми волосами и англосаксонским лицом». Апофеозом данного явления выступила неоновая вывеска на одной из церквей, гласящая: “Jesus Saves Air Conditioned. Worship in Comfort” («Иисус спасает тех, кто пользуется воздушным кондиционером. Молитесь в комфорте»). Учитывая, что вывеска располагалась прямо под крестом, нельзя не отметить очевидную неуместность данного призыва. У. Бич воспринял эту вывеску как признак того, что «христианство принесено в жертву успеху христианства»³⁰.

Религиозное возрождение США в конце 1940–1950-х гг. проходило, в значительной степени, под знаком консерватизма, который доминировал не только в политической, но и в социально-культурной сфере. В 1947 г. А. Видлер сравнивал американские протестантские приходы с церковными общинами в Британии XIX – начала XX в.³¹ Таким образом, в глазах англичанина религиозная жизнь американцев в послевоенный период нередко воспроизводила то, что можно условно назвать консервативными викторианскими ценностями.

Многие религиозные деятели 1940–1950-х гг. критиковали законничество как распространенное явление в протестантских деноминациях того времени: для многих верующих оно подменило необходимость выстраивания всех аспектов индивидуальной и общественной жизни в соответствии с Евангелием. По мнению Р. Нибура, морально-религиозный легализм, обычно выраженный в «субботничестве» и «ханжеской сексуальной этике», мог являться формой «эрзац-праведности для тех, чья совесть беспокоится по поводу нерешенных вопросов расовой и экономической несправедливости»³², но кто отказывается открыто признать религиозную значимость данных проблем. А. Видлер отмечал, что услышанные им в Америке проповеди часто имели морализаторский характер и пропагандировали вместо Евангелия Закон, «мало связанный со Священным Писанием»³³.

На рубеже 1940-х и 1950-х гг., в связи с холодной войной, религия использовалась на службе американской идее настойчивее, чем до этого. Многие отмечали «внушающую обеспокоенность тенденцию отождествлять американскую религию с антикоммунизмом и защитой капи-

²⁹ Католическое и протестантское песнопение, описывающее Судный день.

³⁰ Beach 1956. P. 33–34.

³¹ Vidler 1947. P. 4.

³² Niebuhr 1954. P. 30.

³³ Vidler 1947. P. 5.

тализма»³⁴. В 1952 г. в «Нью-Йорк Таймс» было опубликовано письмо, полное традиционных националистических штампов о неразрывной связи между величием Америки, американской демократией, свободным рынком, с одной стороны, и «безусловной верой [американцев] в Бога» – с другой. В письме говорилось о необходимости борьбы с «чуждыми» и «злыми» веяниями, которые якобы насаждаются в академической среде. Протестантские интеллектуалы отмечали опасность подобных идей. Они были убеждены, что пропаганда христианства в качестве средства консолидации общества, «дополнения к полицейской силе» или «подпорки американского образа жизни» искажает евангельские идеалы и ведет к национальному самодовольству³⁵.

Дэвид Робертс, богослов и преподаватель Объединенной теологической семинарии в Нью-Йорке, говорил о невозможности подлинного возрождения религиозной веры, если связывать ее «с национальной гордостью, а не с христианским покаянием и прощением». Робертс подчеркивал несовместимость американского образа жизни с идеалами Нового Завета, и призывал «церкви и народ» США «покаяться в том, что они пытались влить новое вино Евангелия в ...американские мексика»³⁶. В 1950-е гг. общество в США стояло перед выбором: «Или Новый Завет должен стать высшим [критерием], и мы должны будем судить свою страну по стандартам праведности и духовного величия; или так называемый американский образ жизни станет нашим заменителем религии, а церковь – его рупором». Последнее, по его мнению, грозило превратить американские религиозные общины в подобие германских церковных структур, поддерживавших в свое время нацистский режим³⁷.

Критику вызывала участвовавшая на рубеже 1940–1950-х гг. практика устраивать публичные молитвы во время политических мероприятий, что, на взгляд протестантских интеллектуалов, представляло собой недопустимую эксплуатацию религии и приводило к выхолащиванию религиозного ритуала. Р. Нибур высказывал мнение, что молитвы во время политических собраний нарушают евангельскую заповедь «молиться тайно», теряют свою «изначальную сущность», приспособливая религию к сиюминутным политическим целям. По словам богослова, «молитвы, благодарящие Бога за милости, посланные стране, легко превращаются в восторженное [воспевание] добродетелей нашей национальной истории». Нибур сравнивал слишком «длинные» и «проникновенные» молитвы на данных мероприятиях с молитвой фарисея из евангельского сюжета. Таким образом, богослов возражал как против

³⁴ Marty 1996. P. 292.

³⁵ Roberts 1952. P. 19, 20.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibid. P. 20, 21.

демонстративной публичной религиозности, так и против того, что молитва используется для демонстрации национального величия или в целях пропаганды конкретной политической силы³⁸.

Немало религиозных деятелей скептически относились к «президентским молитвенным завтракам» в Вашингтоне с участием высших должностных лиц государства, представителей деловых кругов и священнослужителей трех религий – протестантизма, католичества и иудаизма. Данное мероприятие стало проводиться с 1956 г. по инициативе Д. Эйзенхауэра, который, обосновывая свое начинание, заявил: «мир считает нас материалистами, не имеющими духовных ценностей». Таким образом, это действо было нацелено на демонстрацию «добродетельности и духовности» американской нации. Священник Епископальной церкви Тревор Хой, подобно Нибуру, вспоминал притчу о мытаре и фарисее, говоря о духовной опасности подобных ритуалов: «Господь предостерегает от таких поступков: "...Вы не должны быть как лицемеры, которые стоят и молятся в синагогах и на углах улиц, так чтобы их видели люди"»³⁹. Как и в связи с другими религиозными мероприятиями в Вашингтоне, священники и богословы усматривали здесь низведение религии до уровня пропагандистского средства на службе правящих кругов. По словам теолога Мартина Францмана, в «президентском молитвенном завтраке» функция духовенства состояла в том, чтобы «подавать на стол церковный гарнир ко всевозможным мирским блюдам»⁴⁰.

Самый первый «молитвенный завтрак» в марте 1956 г. явил собой квинтэссенцию политико-идеологической эксплуатации христианства президентом Эйзенхауэром. На этом мероприятии глава Белого дома, с целью оправдания своего внешнеполитического и оборонного курса, настолько вольно интерпретировал евангельский сюжет, что изменил его смысл на диаметрально противоположный⁴¹.

Критика «благочестия на Патомаке»⁴² со стороны религиозных кругов была мощной, но разделялась не всеми представителями протестантской элиты. Богослов и служитель Объединенной методистской

³⁸ Niebuhr 1952b. P. 138–139.

³⁹ Editorial Notes 1956. P. 34.

⁴⁰ Hudnut-Beumler 1994. P. 49.

⁴¹ Эйзенхауэр процитировал отрывок из Евангелия от Луки (11: 21): «Когда сильный с оружием охраняет свой дом, тогда в безопасности его имение». Смысл притчи состоит в том, что нельзя надеяться только на оружие, так как фраза имеет следующее продолжение (Лк. 11: 22): «Когда же сильнейший его нападет на него и победит его, тогда возьмет все оружие его... и разделит похищенное у него». Таким образом, Эйзенхауэр радикально искажил смысл евангельского сказания, вырвав фразу из контекста. Притча была, скорее, аргументом не за, а против того, что стремился оправдать президент (Editorial Notes 1956. P. 34).

⁴² Ahlstrom 1972. P. 954.

церкви У. Фармер отмечал, что было бы неправильно считать религиозность Эйзенхауэра неискренней и обуславливать ее политическими соображениями. Фармер не одобрял того, что религиозная жизнь президента стала достоянием общественности и активно обсуждалась в средствах массовой информации вопреки его желанию. Богослов описывал следующий случай: «Я никогда не забуду... унижения и чувства стыда, ...когда однажды увидел по телевизору сцену, как президент выходил из церкви... после воскресной службы. ...Пастор ждал [Эйзенхауэра], чтобы ...лично [его] поприветствовать. [Его также ждали около лестницы и на тротуарах репортеры], готовые записать для страны спектакль [его] выхода из церкви. ...Президент, опустив голову, поспешил по лестнице. ...Он не мог позволить себе такой... естественный жест, как обмен приветствием с пастором. [Эйзенхауэр] был вынужден пронестись мимо, иначе он подтвердил бы обвинения в “благочестии ради политической выгоды”»⁴³. В целом, по мнению Фармера, критики «вашингтонского благочестия» и, шире, послевоенного ривайвела, зачастую проявляли цинизм и непонимание ситуации.

Неотъемлемой частью и одним из важнейших факторов «религиозного возрождения» США в послевоенную эпоху стало использование церквями новых средств массовой коммуникации – телевидения и радио – для трансляции религиозного влияния на массовое общество. По электронным СМИ передавались проповеди, христианская музыка, богослужения, фильмы на религиозную тематику. Теле- и радиопродукция, претендовавшая на нравственное и религиозное содержание, нередко критиковалась за искажение и упрощение евангельских истин, в том числе в угоду американской идее. Пастор Конгрегационалистской церкви Листон Поуп отмечал: «Идея [христианского] “братства” рассматривается вне связи с [идеей] Божьего отцовства, вне [проблемы] греха, ...изолируется от учения о прощении и любви и предлагается в качестве панацеи для поддержания силы Америки». Поуп также критиковал религиозные фильмы, нацеленные на пропаганду семейных ценностей. По его мнению, многие из подобных произведений упрощали «трудное искусство христианской семейной жизни» или даже выглядели как «лучший аргумент в пользу безбрачия»⁴⁴.

⁴³ Farmer 1956. P. 36–37.

⁴⁴ Pope 1955. P. 147. Л. Поуп приводил и удачные примеры телепередач на морально-религиозные темы, в частности, телесериал “Father Knows Best” («Отец знает как лучше») с Робертом Янгом в главной роли. Сериал был следующего содержания. «Ссорящиеся жених и невеста вынуждены пройти репетицию свадьбы, чтобы, по крайней мере, сохранить свое лицо ... перед священником, который отменил все свои дела ради этой репетиции; под влиянием его присутствия и торжественного ритуала церемонии венчания наступает искреннее примирение. По словам пастора, данный фильм был комедийным и потому был лишен навязчивого

Ярким примером приспособления религии к американскому образу жизни в 1950-х гг. стало активное использование христианства для решения личных проблем и отождествление его с психологическими методиками. По мнению историка С. Альстрема, всплеск утилитарного интереса к религии, как к тому, что поможет привнести гармонию, успех и умиротворение, был характерен, опять-таки, для среднего класса, обитателей пригорода. В 1950-х гг. в числе наиболее читаемых религиозных книг были произведения с «позитивными» и «умиротворяющими» названиями и соответствующим содержанием: «Сила позитивного мышления» (“Power of Positive Thinking”, автор – Норман Винсент Пил), «Мир с Богом» (“Peace with God”, Билли Грэм), «Душевный покой» (“Peace of Soul”, епископ Римско-католической церкви Фултон Шин)⁴⁵. В частности, произведения Нормана Пила⁴⁶ в середине 1950-х в сегменте религиозной литературы опередили по количеству продаж Библию⁴⁷. Эта популярная литература предлагала эрзац-христианство для массового потребителя, нуждающегося в услугах психолога. По словам У. Фармера, «[эти] книги ... покупают добрые, честные, трудолюбивые представители среднего класса, [активно посещающие] ортодоксальные религиозные общины»; они держат книги Нормана Пила около кровати и находят их более эффективными для расслабления ума и тела, чем снотворные пилюли⁴⁸.

«Психологизм» послевоенного ривайвела проявился и в религиозных теле- и радиопрограммах, которые, по словам Л. Поупа, часто «фокусировались на человеке и его неврозах». Как отмечал Поуп, сами названия программ (напр., “The Art of Living” [«Искусство жизни»], “What’s Your Trouble?” [«Что Вас беспокоит?»]) указывали на то, что в средствах массовой коммуникации религия представала, прежде всего, как средство поддержания душевного комфорта и личностного роста⁴⁹.

С точки зрения описанных внешних параметров религиозной жизни – количества последователей, эффективной организации, привлечения новейших средств массовой коммуникации – эталоном в 1950-х гг. стало евангелическое движение во главе с Билли Грэмом. По мнению

морализаторства, «наиграннысти и картинного благочестия»; победителем в нем предстает не абстрактная добродетель, а «церковь и церемония венчания».

⁴⁵ Ahlstrom 1972. P. 955, 960, 956.

⁴⁶ Норман Винсент Пил (1898–1993) – пастор Реформированной церкви Америки, богослов, проповедник, психолог, автор теории «позитивного мышления», занимает важное место в традиции американской *harmonial religion*. Многие критиковали его за религиозный прагматизм, выхолащивающий христианское богословие и пропагандирующий материалистические ценности (Dictionary. 1990. P. 877).

⁴⁷ Farmer 1956. P. 35.

⁴⁸ Ibid. P. 36.

⁴⁹ Pope 1955. P. 148.

историка религии П. Уильямса, именно Билли Грэм, наряду со своим современником, католическим епископом и телеевангелистом Фултоном Шином, является символом «религиозного возрождения» 1950-х⁵⁰. В плане привлечения массовой аудитории, решения вопросов логистики и информационного сопровождения мероприятия Грэма были непревзойденными. Нередко они выглядели как качественный продукт для массового потребителя религиозных услуг. Яркий пример – «евангелический “крестовый поход”», организованный в Нью-Йорке в мае-июне 1957 г. на стадионе «Мэдисон Сквер Гарден». Событию предшествовала масштабная подготовка. По всему городу распространялись рекламные информационные материалы в форме рекламных щитов, наклеек на бамперы машин и на окна, плакатов в метро; в течение нескольких месяцев одна из городских радиостанций транслировала ежедневные пятнадцатиминутные молитвы. С целью привлечь как можно больше участников, специально организовывались чартерные авиа-, железнодорожные и автобусные рейсы из разных точек США и Канады. Событие имело подчеркнуто межконфессиональный характер: оно было рассчитано как на протестантов фундаменталистского и либерального направлений, так и на католиков и даже приверженцев иудаизма, на «всех, кто захочет прийти»⁵¹.

Популизм и экстравагантность религиозных ривайвелов Билли Грэма⁵², а также его явный антиинтеллектуализм вызывали критику со стороны многих представителей протестантских элит. С «глубоко засевшим скептицизмом» к деятельности Грэма относились недавние выпускники семинарий, на которых сильное влияние оказала философия Р. Нибура. Тем не менее, значительная часть того же умеренно-либерального спектра протестантов относилась скорее положительно к деятельности Грэма. Как отмечал Ральф Лорд Рой, методистский пастор и колумнист издания «Христианство и кризис», ривайвелы Грэма помогали донести христианство до невоцерковленных американцев и давали активным прихожанам «возможность свидетельствовать о своей вере»⁵³. По словам Уильяма Фармера, Билли Грэм «притягивает толпы, потому что Божье Слово доходит до многих, кто слушает его проповедь»⁵⁴. Многим либералам и экуменистам импонировало то, что Грэм действовал поверх границ деноминаций и был равнодушен к старым разногласиям между модернистами и фундаменталистами⁵⁵.

⁵⁰ Williams 2008. P. 344.

⁵¹ Roy 1957. P. 71.

⁵² Farmer 1956 P. 35.

⁵³ Roy 1957. P. 71.

⁵⁴ Farmer 1956. P. 35.

⁵⁵ Roy 1957. P. 71.

Таким образом, многие протестантские интеллектуалы с недоверием и скептицизмом относились к тому, что принято называть религиозным возрождением. По их мнению, за послевоенным ривайвелом стояла подмена христианской жизни популярным эрзацем религии, который был лишен христоцентричности, отвергал вселенский характер церкви, потворствовал социально-классовому и национальному самодовольству. Критики считали, что «христианство пригородов» превратилось в «кушетку психоаналитика»⁵⁶ и «зону комфорта» для среднего класса. Разные авторы были единодушны в противопоставлении друг другу американского пригорода и Гефсиманского сада, который символизировал подлинное христианство⁵⁷. Значительная часть христианства 1950-х выступала как мейнстримная «культура-религия», которая санкционировала социальную норму того времени. Такое христианство «заглушило обличающий голос церкви», не борясь с «самодовольственностью» и «самодовольством», порожденными бурным американским процветанием и борьбой с коммунизмом⁵⁸.

Приметы «религиозного возрождения» при ином прочтении оказывались проявлениями деградации церковной жизни и религиозного сознания американцев. В 1956 г. Уильям Бич утверждал: «Процветающая экономика в современной церковной жизни и... рост деноминаций принимаются за признаки возвращения к христианству, в то время как при трезвом взгляде это может оказаться побегом от христианства»⁵⁹. В данном контексте не выглядит парадоксальным мнение исследователей, которые считают, что в 1950-х гг. как общество, так и сами церкви переживали тренд секуляризации. Н. Бирнбаум в 1959 г. писал, что современное ему «возрождение американских церквей» на самом деле было верным признаком «секулярной коррозии религии»⁶⁰. Социолог и религиовед Питер Бергер высказывал мнение, что в 1950-х гг. в США сложилась ситуация, когда сильно обмирщенная христианская церковь существовала в псевдо-христианском обществе⁶¹.

Часть протестантских интеллектуалов не разделяла слишком критического отношения к «народному» христианству 1950-х гг. Уильям Фармер, теолог и священник методистской церкви, считал, что «многие

⁵⁶ Pope 1955. P. 148.

⁵⁷ Pope 1955. P. 148; Beach 1956. P. 33.

⁵⁸ Farmer 1956. P. 38.

⁵⁹ Beach 1956. P. 33.

⁶⁰ Birnbaum 1959. P. 21.

⁶¹ Berger 1958. P. 41–42. Здесь Бергер обращает внимание на упоминавшийся выше факт, что в США принадлежность церкви была тесно связана с социальной стратификацией общества. По словам Бергера, в американском протестантизме многие церковные сообщества, особенно те, куда входили представители среднего и высшего классов, были неотличимы от светских клубов.

религиозные комментаторы, ...профессора-богословы, церковные чиновники», которые критиковали характер религиозного возрождения Америки, были увлечены «религиозным цинизмом» и проявляли «насмешливое недоверие к искренности людей». По словам Фармера, протестантский истеблишмент сам оказался виноват в сложившейся ситуации: если верующие люди слишком увлеклись книгами Н. Пила, значит, им не хватало Христа в своих церквях. Богослов упрекнул религиозные элиты в излишнем богословском «умствовании» и интеллектуализме, которые отпугнули массы верующих и побудили их обратиться взоры к бесхитроустному популярному евангелизму и «простым библейским проповедям Билли Грэма»⁶².

Водораздел между теми, кто критически оценивал религиозную ситуацию в США 1950-х гг., и теми, кто находился «внутри» христианского ривайвела или же был склонен оценивать его положительно, невозможно провести по линии границ между деноминациями. Те, кто разделял приведенные выше настороженные и негативные оценки, были членами разнообразных деноминаций протестантского мейнстрима – лютеранской, англиканской, конгрегационалистской, пресвитерианской церквей – и они критиковали не только консервативное евангелическое сообщество, но и ситуацию в своих же деноминациях. С другой стороны, среди видных представителей тех же самых мейнстримных общин были и те, кто не разделял излишне критического отношения к «религии пригородов», «народному» христианству или «благочестию на Патомаке». Корпорация преподавателей и выпускников Объединенной теологической семинарии в Нью-Йорке, где воспитывалась клерикальная и интеллектуальная элита ведущих протестантских общин, включала в себя как критиков, так и апологетов послевоенного ривайвела. Однако, именно представители этого учебного заведения в 1950-е годы особенно активно обличали выхолощенную религиозность благополучного «христианства пригородов» или менее респектабельного евангелизма Билли Грэма, боролись с распространением патриотического благочестия и «религии успеха»⁶³.

Руководители ведущих протестантских деноминаций поставили задачу реформировать американскую действительность на основе христианских ценностей, где императивом являлся бы евангельский дух, а

⁶² Farmer 1956. P. 35, 36.

⁶³ Ahlstrom 1972. P. 960–961. По Альстрему, именно священники и церковные деятели, получившие богословское образование в духе нео-ортодоксии, были ведущей силой, сопротивлявшейся тривиализации религии. Проявлением этого сопротивления было литургическое движение, которое охватило не только литургические церкви (епископальную и лютеранскую), но и церкви реформированной традиции, и предполагало активизацию мирян в богослужении, превращение живущего полной литургической жизнью прихода в главный земной институт церкви.

не гражданская религия национализма и капитализма. В сентябре 1951 года была создана организация «Христианское действие»⁶⁴, целью которой стала выработка путей «решения социальных, политических и экономических вопросов с точки зрения Евангелия». Данное сообщество исходило из необходимости экуменического движения, участия христиан в борьбе против социально-экономической несправедливости и за гражданские права, активного содействия церковью делу международной разрядки. «Христианское действие» настаивало на том, что американское общество и власть должны подвергнуть себя строгой саморефлексии и начать исправлять ошибки в соответствии с христианским вероучением, а это предполагало прекращение «безответственной эксплуатации антикоммунизма», а также поиск «пути примирения [и] реабилитации реформы»⁶⁵. Подобные инициативы исходили преимущественно от клириков и богословов. Рядовые прихожане – тот самый белый средний класс американских пригородов – были более предрасположены к консерватизму⁶⁶ и в гораздо меньшей степени склонны к попыткам соотнести американский образ жизни и жизнь своих церквей с буквой и духом Евангелия. Однако среди мирян возникали движения, которые, например, боролись за христоцентричность американских церквей. В середине 1950-х возникло совместное движение католиков и протестантов, нацеленное на то, чтобы «вернуть Христа в Рождество». В декабре 1954 г. в городе Цинциннати местный комитет данного движения, состоящий из мирян, разместил 10 тысяч плакатов с соответствующим призывом⁶⁷. Таким образом, интеллектуально-клерикальные элиты деноминаций смогли частично передать критическое отношение к религиозной действительности рядовым прихожанам из провинции.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Борзов А.В. Антикатолицизм в послевоенных США и протестантские интеллектуалы // Новая и новейшая история. 2017. № 2. [Borzov A.V. Antikatolitsizm v poslevoyennykh SShA i protestantskiye intellektualy // Novaya i noveishaya istoriya. 2017. N 2]
- Борзов А.В. «Эверсон», «Макколум», «Зорач»: Верховный суд и дискуссия вокруг церковно-государственных отношений в сфере школьного образования в США на рубеже 1940–1950-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 2(35). [Borzov A.V. “Everson”, “MacCollum”, “Zorach”: Verkhovnyi sud i diskussiya vokrugh tserkovno-gosudarstvennykh otnosheniy v sfere shkolnogo obrazovaniya v SShA na rubezhe 1940–1950-kh gg. // Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom. 2017. N 2(35).]
- Фурман Д.Е. Религия и социальные конфликты в США. М., 1981. [Furman D.E. Religiya i sotsialnyie konflikty v SShA. M., 1981]
- Ahlstrom S. A Religious History of the American People. New Haven and London, 1972.
- Beach W. Euphoria in Suburbia // Christianity and Crisis. 1956. April 2.
- Berger P. Evangelical Academies in America // Christianity and Crisis. 1958. April 14.

⁶⁴ Niebuhr 1954. P. 31.

⁶⁵ Christian Action Statement of Purpose 1951. P. 127.

⁶⁶ Niebuhr 1952a. P. 97.

⁶⁷ Christian Century. 1955. January 5. P. 28.

- Berggrav E. Contact–Club–Christ // Christianity and Crisis. 1955. February 21.
- Birnbaum N. The Secularization of Society // Christianity and Crisis. 1959. March 2.
- Christian Action Statement of Purpose // Christianity and Crisis. 1951. September 15.
- Christian Century. 1954. November 3.
- Christian Century. 1955. January 5.
- Dictionary of Christianity in America. Danvers Grove, 1990.
- Editorial Notes // Christianity and Crisis. 1956. April 2.
- Farmer W. Cynicism and Revival // Christianity and Crisis. 1956. April 2.
- Hudnut-Beumler J. Looking for God in the Suburbs. The Religion of the American Dream and Its Critics. New Brunswick, 1994.
- Marty M. Modern American Religion. Volume 3: Under God, Indivisible, 1941–1960. Chicago, 1996.
- Niebuhr R. Christian Faith and Political Controversy // Christianity and Crisis. 1952. July 21.
- Niebuhr R. Prayer and Politics // Christianity and Crisis. 1952. October 27.
- Niebuhr R. The Significance of the Growth of “Christian Action” // Christianity and Crisis. 1954. March 22.
- Pope L. Religion on the Air // Christianity and Crisis. 1955. November 14.
- Roberts D. The Christian Gospel and the American Way of Life // Christianity and Crisis. 1952. March 3.
- Roy R. Special Report. Billy Graham in New York // Christianity and Crisis. 1957. May 6.
- Vidler A. The Appalling Religiousness of America // Christianity and Crisis. 1947. March 3.
- Williams P. America’s Religions: From Their Origins to the Twenty-First Century. Urbana and Chicago, 2008.

Борзов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых; avborzov33@gmail.com

“The Wine of the Gospel” and “American Bottles”: Attitude of Protestant Elite towards the Post-World War II Revival in the United States

The article studies the attitude of the Protestant clerical and intellectual elite towards the religious situation in the United States in the late 1940s–1950s. This period is usually considered as the epoch of revival of religiosity in the American society. Representatives of major Protestant denominations in the United States as well as outside of the country often expressed suspicious or negative view of many aspects of the postwar revival. The author analyzes this attitude using the example of publications in the Protestant periodical “Christianity and Crisis” and shows contradictions inside Protestant establishment as well as inside separate denominations regarding the appraisal of the trends in religious life.

Keywords: USA, the 1950s, religion, revival, Protestantism, intellectuals, theologians, “Christianity and Crisis”

Aleksei Borzov, PhD (History), Associate Professor of the Chair of Word History, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs; avborzov33@gmail.com

Н. З. МОСАКИ, Д. ПИРБАРИ

«НАЧАЛЬНИК НАШИХ КУРТИН» ПЕРВЫЙ ГЕНЕРАЛ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ КУРДСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ – ДЖАФАР-АГА

Статья посвящена первому генералу русской императорской армии курдского происхождения, участнику Крымской войны Джафар-аге. Начав службу в 1853 г., он в 1871 г. дослужился до генерал-майора. Его военная карьера не была характерной для русского офицера, она определялась политическими мотивами. Он был лишь призван командовать курдами. Во время Крымской войны Джафар-ага содействовал привлечению на русскую сторону турецко-подданных курдов, при его непосредственном участии было сформировано два курдских полка: один – в составе Эриванского отряда (преимущественно из курдов – жителей Эриванской губернии), второй – в составе Александропольского отряда. После Крымской войны и вплоть до своей кончины Джафар-ага продолжал командовать курдами, большей частью русско-подданными, но его влияние распространялось и на турецкую территорию, что обеспечивало безопасность в пограничных областях. Его служба в русской армии имела важное значение для политики России в отношении курдов.

Ключевые слова: *Джафар-ага, Крымская война, русско-турецкая война, курды, Османская империя, Россия, курдский полк*

В ставшей уже классической работе П.И. Аверьянова, появление которой было обусловлено курдским фактором в русско-турецком и русско-персидском противостоянии на протяжении всего XIX в.¹, генерал Джафар-ага, являвшийся первым и наряду со своим сыном Али Ашраф-агой Шамшадиновым одним из двух курдов, кто дослужился до столь высокого звания в русской армии, представляет пример удачного привлечения курдов в её ряды². В советской курдоведческой историографии он олицетворял собой верность российских курдов русскому правительству, а также их прорусскую ориентацию в целом, что имело важное значение для позиций русских войск на Азиатском театре Крымской войны³. При этом не меньший интерес вызывает деятельность Джафар-аги в мирное время. Царское правительство возлагало на него обязанность руководства значительной частью курдов. Нелишнее отметить, что ещё во время войны 1853–1856 гг. часть курдских родоначальников со своими обществами, проживающими в Османской им-

¹ Аверьянов 1900. Эта работа, выполненная по поручению Генерального штаба России, по сути, является, единственным в мировом курдоведении комплексным исследованием русско-курдских связей в XIX в.

² Там же. С. 97.

³ Халфин 1963. С. 68.

перии, были приняты в русское подданство⁴. Беспрепятственно кочуя через границу и вызывая смятение у местного населения, в первую очередь армян, курды представляли перманентную угрозу на южных рубежах Российской империи. Джафар-ага непосредственно участвовал в обеспечении безопасности и спокойствия среди курдского населения, что в условиях сохраняющихся на Кавказе проблемных районов являлось политической необходимостью.

Несмотря на то, что имя генерала Джафар-аги, игравшего немалую роль в осуществлении «курдской политики» России, вписано в историю российско-курдских связей, попытки подробного рассмотрения его биографии отсутствуют, сведения о нём крайне скудны и отрывчатые, содержатся всего в нескольких работах⁵ и связаны лишь с его участием в Крымской войне и возможным участием в войне с Турцией в 1877 г. В основе настоящей статьи лежат архивные документы (часть из них впервые вводится в научный оборот⁶), в ней рассматриваются ранее неизвестные факты биографии Джафар-аги и затрагиваются малоизученные аспекты политики России в отношении курдского населения в близлежащих к русско-турецкой границе районах.

Джафар-ага Али-бек Шамшадин-ага-оглы родился в 1806 г. в семье родоначальников курдов племенного объединения *зилан* Эриванской губернии. Участник Крымской войны, был награждён орденами Св. Владимира 3-й степени, Св. Станислава 2-й степени и Св. Анны 3-й степени с мечами, а также медалью в память Крымской войны⁷. Службу в русской армии Джафар-ага начал 10 марта 1853 г. прапорщиком, вступив с сотней курдов в Орговский отряд, однако уже к маю 1854 г. под его командованием находилось две сотни курдов, с которыми он, вместе с Орговским отрядом, влился в Эриванский отряд⁸.

Сам по себе факт формирования полка, состоящего из курдов, не представляется заслуживающим особо пристального внимания, однако активное участие курдов под командованием Джафар-аги в сражениях против турок и против своих соплеменников, проживавших в Турции, является весьма примечательным фактом, учитывая, что курды в целом на Азиатском театре Крымской войны принимали самое деятельное участие на стороне турецкой армии против русских. Именно курды

⁴ РГВИА. Ф. 15099. Оп. 1. Д. 15. Л. 51.

⁵ Чагоев 1985. С. 79, 83; Халфин 1963. С. 68; Джалиле 1973. С. 160, 164-165; Минорский 1915. С. 42.

⁶ Помимо архивных документов, важный источник представляют опубликованные, но ранее не привлекавшие внимание исследователей материалы, содержащиеся в Актах, собранных кавказской археологической комиссией (АКАК).

⁷ Национальный архив Грузии – Центральный исторический архив (НАГ–ЦИА). Ф. 5. Оп. 1. Д. 4874. Л. 68.

⁸ Там же. Л. 68об.

«еще до официального объявления войны»⁹, напав на немногочисленные отряды донских казаков, осуществлявших охрану границы с Турцией, вторглись в пределы российской территории и, подвергнув разграблению несколько селений в Эриванском уезде, положили начало военным действиям на Кавказском фронте¹⁰.

Роль курдов как важнейшего источника формирования иррегулярной турецкой кавалерии и ополчений¹¹, выставляемых против русских войск, была весьма значимой в русско-турецком противостоянии и возрастала с началом военных действий. Как отмечал в своём рапорте В.О. Бебутову¹² гвардии полковник М.Т. Лорис-Меликов, «действовавшие против нас осенью» 1853 г. «5 или 6 тыс. куртинской конницы составляли едва ли не лучшую часть войска турецкой армии»¹³. Понимая важность курдского фактора, русское командование ещё до начала активных боевых действий на Азиатском театре Крымской войны «придавало большое значение завоеванию симпатий курдов»¹⁴. Не случайно, для этой цели по примеру войны 1828–1829 гг. князь Воронцов ходатайствовал о представлении 100 тыс. руб.¹⁵

Политика подкупа курдских старшин и родоначальников, для чего российское правительство выделило значительные средства¹⁶, способствовала установлению спокойствия на занятых территориях: курды объявляли покорность русской власти¹⁷. В этой политике самое активное участие принимал Джафар-ага. Так, после временного занятия русскими войсками Баязета для управления областью был «назначен диван из почётных жителей Баязета», который находился под наблюдением прапорщика Джафар-аги. Командование, учитывая его влияние на племена курдов, проживавшие в близлежащих к Баязету санджаках, высоко почитающих его род, считало, что это должно было поддержать мир и спокойствие в крае¹⁸. При посредничестве Джафар-аги были налажены контакты с наиболее влиятельными курдскими родоначальниками, в частности, с его двоюродным братом Ахмед-агой Сулейман-ага

⁹ Лапин 2015. С. 206.

¹⁰ Лихутин 1863. С. 1.

¹¹ Материалы 1908. С. .

¹² Князь Василий Бебутов Крымскую войну встретил в чине генерал-лейтенанта и командующего действующими корпусами на кавказско-турецкой границе (из рапорта Лорис-Меликова Бебутову: РГВИА. Ф. 15099. Оп. 1. Д. 15. Л. 4), а в конце 1854 г. стал руководителем гражданской администрации и части русских войск в районах Азиатского фронта.

¹³ РГВИА. Ф. 15099. Оп. 1. Д. 15. Л. 6.

¹⁴ Чатоев 1985. С. 78.

¹⁵ АКАК 1885. Т. X. С. 759.

¹⁶ РГВИА. Ф. 15099. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

¹⁷ Аверьянов 1900. С. 103–104.

¹⁸ АКАК 1885. Т. X. С. 806.

оглы. В марте 1854 г. для переговоров с ним в Кизил-Килису Шурагельского участка был командирован гвардии полковник М.Т. Лорис-Меликов. Ахмед-агой были даны обещания всячески содействовать российскому командованию¹⁹, ему было предложено сформировать под его руководством милицию из местных курдов.

При участии Джафар-аги было сформировано два курдских полка: 1-й – в составе Эриванского отряда, состоявший преимущественно из курдов – жителей Эриванской губернии, и 2-й – в составе Александропольского отряда²⁰, в основном из жителей Карского пашалыка, привлечённых на русскую сторону во время военных действий в Азиатской Турции²¹, в его составе было 5 командиров, около 500 солдат и столько же конницы²², но к началу 1856 г., в связи с убытием личного состава, полк сократился до двух сотен конных «охотников»²³ (добровольцев). В российской историографии, с подачи выдающегося востоковеда В.Ф. Минорского, этот полк иногда, видимо, по причине формирования из жителей Карса именуется «Карским»²⁴.

В отличие от 2-го курдского полка, предназначенного для обеспечения охраны порядка на завоёванных территориях, полк Джафар-аги непосредственно участвовал в военных столкновениях. 13 июня 1854 г. 1-й курдский полк в кавалерии Эриванского отряда в числе других участвовал в разгроме турецкой конницы, руководимой Балюль-пашой, у монастыря Сурб-Оганес, причём Балюль-паша был взят в плен²⁵. В сражении на Чингильских высотах 17(29) июля 1854 г. курдская сотня под началом Джафар-аги и командованием полковника Хрещатицкого в первых рядах русских войск приняла самое активное участие в разгроме превосходящих по численности турок²⁶. 27 сентября 1854 г. в «знак монаршего внимания» к особым заслугам и в связи с «примерной храбростью», проявленной в сражении на Чингильских высотах, Джафар-ага, был произведён, в порядке исключения, из прапорщика сразу в майоры²⁷. Приезд князя Бебутова в декабре 1854 г. под Амарат для осмотра Эриванского отряда и произведения парада Джафар-ага встречал уже в чине майора, имеющего под своим командованием несколько сотен курдов²⁸. Помимо прочего, курдский полк, хорошо зная

¹⁹ РГВИА. Ф. 15099. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.

²⁰ НАГ–ЦИА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4874. Л. 72.

²¹ РГВИА. Ф. 15099. Оп. Д. 14. Л. 9об, 15, 40; Там же. Д. 22. Л. 6, 10, 14.

²² РГВИА. Ф. 15099. Оп. 1. Д. 14. Л. 39–40.

²³ Там же. Л. 57–72.

²⁴ Минорский 1915. С. 42.

²⁵ НАГ–ЦИА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4874. Л. 72об.

²⁶ Лихутин 1863. С. 77.

²⁷ НАГ–ЦИА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4874. Л. 68об.

²⁸ Россия и Кавказ 2003. С. 199.

местность, «оказывал большую услугу в исправном доставлении всей корреспонденции между ереванским и главным отрядами»²⁹. На майора Джафар-агу возлагались и некоторые «деликатные поручения». Так, генерал Муравьев, отдавая приказ Лорис-Меликову взять в плен английскую миссию, следовавшую из Тавриза в Эрзурум, предлагал эту задачу решить «посредством Джафар-аги или посредством курдов»³⁰.

Тем не менее непосредственное начальство в Эриванском отряде не разделяло доверительного отношения к нему со стороны наместника на Кавказе, главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом генерала Н.Н. Муравьева и князя Бебутова. Служба Джафар-аги была омрачена подозрениями в предательстве со стороны его русских сослуживцев и доносивших на него турецких армян. Относительно этих подозрений Муравьев, не особо им доверяя, тем не менее интересовался мнением князя Бебутова³¹. Подозрения особенно усиливались во время грабежей, чинимых курдами в тылу русских войск. Если в начале кампании России удалось с помощью подкупа, а также вследствие ряда одержанных побед над турками, обеспечить безопасность занятых территорий от набегов курдов, чего не удавалось достичь даже в мирное время³², то уже с лета 1854 г. спокойствие было нарушено. В разных районах, находившихся под контролем русских войск, курды грабили селения, отнимали скот, причем нередко во время грабежей курды наносили ранения и убивали местных жителей³³. Лорис-Меликов докладывал Бебутову о возможных набегах в русские пределы со стороны курдов в связи с действиями турок среди курдских обществ, склоняющих их на свою сторону³⁴. В некоторых грабежах и набегах подозревались курды из Кагызмана, который находился во владении командира куртинского 2-го полка Ахмед-аги, а также курды из общества его брата Авдо-аги, находившимися в родстве с Джафар-агой. Отсюда и усиливающиеся подозрения в его отношении со стороны сослуживцев. Тем более, что подозрения в участии курдов из полка Ахмед-аги имели частичное подтверждение. Так, ограбленные жители указывали на курдов из 2-го курдского полка, как на своих обидчиков. Этот случай стал предметом серьезного разбирательства со стороны русского командования. Подпавшие под подозрение курды были высланы в Александрополь, для проведения следственных действий³⁵. К этому можно добавить и предательство другого влиятельного родоначальника турецких

²⁹ Чатоев 1985. С. 83.

³⁰ АКАК 1888. Т. XI. С. 435.

³¹ АКАК 1888. Т. XI. С. 130-131.

³² РГВИА. Ф. 15099. Оп. 1. Д. 15. Л. 2об.

³³ Там же. Д. 22. Л. 1, 1об., 2.

³⁴ Там же. Д. 15. Л. 24.

³⁵ Там же. Л. 12-13.

курдов – Касум-хана, имевшего щедрые вознаграждения от русских, а также получившего чин полковника русской армии, однако к концу кампании открыто перешедшего на турецкую сторону³⁶. Безусловно, все это лишало доверия и самого Джафар-агу со стороны некоторых русских офицеров, в частности, подполковника Лихутина – начальника штаба Эриванского отряда, имевшего большое влияние в отряде, в т.ч. и на начальника отряда генерала Суслова, не расположенного ни к майору Джафар-аге, ни вообще к курдскому полку³⁷, и известного своей жёсткой позицией по отношению к курдам³⁸. Вследствие всего этого, Джафар-ага пребывал в чрезвычайно подавленном состоянии.

В данных обстоятельствах Муравьёв командировал в отряд генерала Суслова гвардии полковника Бартоломея для наблюдения за курдами и прояснения ситуации в отношении Джафар-аги. Одновременно Муравьёв отправил письмо майору Джафар-аге с упоминанием командирования полковника Бартоломея, выражая тем самым своё расположение и полное к нему доверие³⁹. В своем донесении по поводу курдских нападений, Бартоломей отмечал, что они не указывают на общее отношение курдов к русским, их масштабы явно преувеличены и отчасти вымышлены, а угрозу волнений со стороны находившихся под турецким влиянием курдов можно снизить присутствием немногочисленных российских войск. Ни подполковник Лихутин, ни генерал Суслов так и не смогли предоставить какие-либо конкретные факты в обоснование имеющихся у них подозрений⁴⁰. Единственный аргумент, который Суслов выдвигал против майора Джафар-аги, заключался в том, что, по его мнению, влияние Джафар-аги «никогда не распространялось далее наших войск и он во всех сношениях с курдами был полезен только своими сведениями о их обычаях и важности родоначальников куртинских обществ»⁴¹. Но приведённый им довод о том, что влияние Джафар-аги не распространяется за пределы российских курдов, как раз рассматривался в пользу последнего, с помощью которого власти рассчитывали привести к покорности русско-подданных курдов, учитывая, что часть проживающих в России курдских племен, с началом

³⁶ Аверьянов 1900. С. 117.

³⁷ АКАК 1888. Т. XI. С. 423.

³⁸ Примечательно, что позиция М. Лихутина в отношении курдов в целом оценивалась известным курдоведом М.С. Лазаревым в качестве «прагматической» политики царизма, при этом в духе историографии советского периода М.С. Лазарев относился к ней критически (Лазарев 1968. С. 160).

³⁹ АКАК 1888. Т. XI. С. 421–422.

⁴⁰ Там же. С. 423. Джафар-ага, находясь под началом полковника Хрещатицкого, был под негласным наблюдением его людей, которые ничего компрометирующего за ним не замечали. Лично Хрещатицкий давал ему весьма положительный отзыв.

⁴¹ Там же. С. 422.

военной кампании, присоединившись к курдам, кочующим на турецкой стороне, участвовала в активных действиях против русской армии⁴².

Не лишним будет отметить, что именно племена, которые вели кочевой и полукочевой образ жизни играли основную роль в социально-экономической и военно-политической жизни Курдистана, а голос их родоначальников был решающим для местного курдского населения. Многие племена, проживающие на турецкой стороне, «в силу своего образа жизни территориально были связаны с Россией, поскольку в летние месяцы они кочевали по горным склонам Алагёза... и других гор, находившихся в пределах Российской империи»⁴³. В этих условиях знания Джафар-аги, родоначальника одного из крупных курдских племён (его местом кочевок был район у горы Перл и Порнаут, и только во время Крымской войны оно сместилось несколько вглубь Эриванской губернии⁴⁴), имеющего многочисленных родственников на турецкой стороне⁴⁵, были весьма востребованы для ориентации в сложных родоплеменных отношениях курдских обществ. С его помощью командование вело переговоры с курдскими родоначальниками и старшинами «в воздержании курдов от враждебных действий против русских войск»⁴⁶.

Российское командование ещё раз в этом убедилось, когда в начале 1855 г., в связи с вводом русских войск в Кизил-Килис и Хаджи-Байрам, для предупреждения возможных беспорядков в эти населённые пункты были командированы полковник Хрещатицкий вместе с майором Джафар-агой с задачей обеспечить перемещение всех проживающих в районе указанных селений курдских обществ с их имуществом вглубь российской территории⁴⁷. Понимая, что насильственное переселение курдов могло вызвать неблагоприятные последствия для продвижения русских войск, Лорис-Меликов лично инспектировал переселение курдов. Участие Джафар-аги позволило без серьёзных последствий осуществить задуманное, учитывая, что некоторые родоначальники, чьи общества переселялись, были хорошо с ним знакомы. Было перемещено более 600 семейств со своим хозяйством⁴⁸. В итоге, русские войска в Кизыл-Килисе и Хаджи-Байрам «произвели весьма хорошее влияние на курдов»⁴⁹ и в близлежащих районах.

⁴² РГВИА. Ф. 15099. Оп. 1. Д. 15. Л. 1, 1 об.

⁴³ Халфин 1963. С. 12-13; Джалиле 1973. С. 157.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 15099. Оп. 1. Д. 15. Л. 27об, 28.

⁴⁵ Некоторые из родственников Джафар-аги, в частности, бывший мушир Алашкертского санджака, являвшийся его пасынком, занимали важные посты на турецкой стороне (АКАК. 1888. Т. XI. С. 257, 260).

⁴⁶ Чатоев 1985. С. 79.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 15099. Оп. 1. Д. 15. Л. 20.

⁴⁸ Там же. Л. 29-30.

⁴⁹ Там же. Л. 14об.

Таким образом, привлечение на службу в русскую армию курдов под командованием влиятельных родоначальников имело не столько военное, сколько политическое значение, в т.ч. демонстрируя турецким курдам отношение российского правительства к своим подданным курдам, укрепляя дружественные отношения с ними, что было призвано обеспечить тыл русских войск⁵⁰. Отсюда и отсутствие реакции высшего командования на донесения некоторых русских офицеров, которые, находясь на передовой линии, отмечали в отдельных случаях пассивные действия курдов⁵¹ и указывали на в целом незначительную роль полков, сформированных из местных жителей⁵².

В правилах «для управления Куртинскими племенами», составленных Лорис-Меликовым, который состоял для особых поручений при Н.Н. Муравьеве, в чьи обязанности входило установление порядка и административное руководство на завоёванных территориях⁵³, по опыту формирования курдских полков под наблюдением русского штаб-офицера, знающего местные языки и обычаи, командир 2-го курдского полка Ахмед-ага назван главой курдов Карсского пашалыка, а Джафар-ага – главой части курдов, проживавших в России⁵⁴. Однако в связи с передачей Карса и других занятых территорий турецкому правительству, составленные правила были реализованы только в отношении российских курдов, значительной частью которых командовал Джафар-ага. Именно он как депутат от курдского общества присутствовал на коронации Александра II⁵⁵.

После окончания войны Джафар-ага продолжал заведовать российскими курдами-мусульманами в должности, сравнимой с должностью уездных начальников⁵⁶. В 1861 г. ему была предоставлена возможность получения доходов, поступающих в казну с деревень, ещё до присоединения их к России состоявших во владении его рода⁵⁷. Необходимо отметить, что количество курдов, подвластных России после войны, несколько увеличилось за счёт переселившихся из Турции курдских племён, однако, несмотря на введение их в камеральное описание Эриванской губернии⁵⁸, впоследствии некоторые из них изъявляли желание возвратиться в Турцию. Одной из причин было, по словам самих курдов, их притеснение со стороны родоначальников из семьи

⁵⁰ Халфин 1963. С. 68.

⁵¹ Курд Оглу 1932. С. 99.

⁵² Лихутин 1863. С. 10–12. См. также: Муравьев 1877. С. 130–133.

⁵³ Итенберг 2004. С. 43.

⁵⁴ АКАК 1888. Т. XI. С. 427.

⁵⁵ Там же. С. 710.

⁵⁶ Там же. С. 427–428.

⁵⁷ НАГ–ЦИА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4874. Л. 20, 50.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 15099. Оп. 1. Д. 15. Л. 47, 47об.

Джафар-аги, в частности, его сына Али Ашрафа-аги Шамшадинова (впоследствии он поступил на службу в российскую армию), который требовал с деревень вдвое больше податей и не позволял вести хозяйство, вытесняя их, тем самым, в Турцию, с целью поселить на их место более «послужных» курдов. Часть курдов переселилась обратно в Турцию. По словам самих курдов, их притеснение было связано с желанием «принудить их переселению в Турцию», чтобы увеличить приверженцев бывшего командира 2-куртинского полка Ахмед-аги, жившего в Карском пашалыке, а также «заслужить внимание турецкого правительства», так как сын Джафар-аги, наблюдая происходящие изменения и понимая, что они неизбежно коснутся управления курдами («власть деспотическая их падет»), намеревался переселиться в Турцию⁵⁹.

Русско-турецкая граница продолжала оставаться, по сути, прозрачной, часто из Турции в русские пределы на кочевья проникали курды, с которыми местные курды вступали в перестрелку. За возможность кочёвки в России турецкие курды приносили подарки Джафар-аге⁶⁰. Тем не менее правительство не придавало значение такого рода обстоятельствам, считая, что распространение влияния Джафар-аги ввиду его «известности и почетного положения» «среди соплеменников», как в России, так и в Турции весьма полезно и обеспечивает необходимый контроль и безопасность прилегающих к границе территорий⁶¹. Слухи о переезде в Турцию имелись и в отношении Джафар-аги, якобы подавшем «прошение Карсскому каймакаму Эмину-паше об отведении ему земли удобной как для него, так и для его племени в числе 500 палаток»⁶². Турецкий генерал-губернатор подтвердил русскому консулу в Эрзуруме, «что и брат Джафар-аги, не называя его по имени, подал прошение об отведении ему земли в Турции» для постоянного местожительства, но турецкая сторона отказала ему, указав, что удовлетворит прошение, только если оно поступит от консульства. Местные жители доносили, что брат Джафар-аги Ибрагим-бей «уже переселился с 150 семейством из своего племени в Кагызман в Карском каймакаместе»⁶³. Между тем, многие курдские старшины и родоначальники, в т.ч. Ахмед-ага, осуждали поступок Ибрагим-бея, считая, что «этот поступок ляжет» на них «чёрным пятном и лишит» их «всякого доверия в России, куда» курдские ага и беи «должны не сегодня так завтра перейти»⁶⁴. Действительно, пожелание перейти в российское подданство высказывалось почти всеми племенами, даже теми, кто не соби-

⁵⁹ НАГ–ЦИА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1067. Л. 2.

⁶⁰ Там же. Л. 3об.

⁶¹ Там же. Д. 5050. Л. 103об.

⁶² Там же. Д. 1067. Л. 1.

⁶³ Там же. Л. 1об.

⁶⁴ Там же. Л. 2.

рался переселяться в Россию, а желал оставаться в Турции под русским покровительством. Как писал российский консул в Эрзуруме, «с самого приезда моего в Эрзурум ага и беи различных курдских племён не перестают являться ко мне и просят паспорта, покровительства или билеты на переезды в наши пределы»⁶⁵.

Обоснованность слухов о предполагаемом Джафар-агой переезде в Турцию сложно подтвердить или опровергнуть, в этом смысле вопрос остаётся открытым, но в любом случае они полностью отвечали интересам российской политики в отношении курдов. Необходимо учитывать постоянную вражду между курдскими племенами, неприязненные отношения между курдами и другими народами, населяющими край, в первую очередь с армянами. Переезд большого числа курдов в Россию затруднил бы контроль над ними, и рассматривался царским правительством как угроза безопасности края, на что указывал в своё время Лихутин. Выражая важную составляющую российской стратегии в отношении курдов, он считал, что для интересов России курды полезны в большей степени как жители Турции, «как один из элементов её слабости и разрушения»⁶⁶. Таким образом, указанные слухи были весьма кстати, как можно видеть из донесения российского консула в Эрзуруме, который отмечал, что распространяемые слухи представляют ему возможность легко отказывать курдам в переходе в Россию, «но в то же время не отталкивать их от себя»⁶⁷.

К этому времени Джафар-ага уже был полковником, а в 1871 г. стал генерал-майором, что подтверждает полное доверие к нему со стороны царского правительства, в противном случае вряд ли его военная карьера могла быть столь успешной⁶⁸. Всё это время Джафар-ага «состоял при Кавказской армии»⁶⁹, т.е. фактически находился в резерве для использования при необходимости. При приготовлении к предстоящей русско-турецкой войне, в числе прочего, «решено было призвать к службе курдов, проживающих в Эриванской губернии», в связи с чем «формирование курдской милиции было поручено... генерал-майору Джафар-аге»⁷⁰. Организация дивизиона из курдов-добровольцев началась в январе 1877 г. и была осуществлена быстро и успешно, а к началу войны дивизион был реорганизован в полк.

⁶⁵ Там же. Л. 2, 1об.

⁶⁶ Лихутин 1863. С. 171–172.

⁶⁷ НАГ–ЦИА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1067. Л. 2об.

⁶⁸ Одновременно со слухами о переезде Джафар-аги в Турцию, ему была назначена ежегодная повышенная пенсия (НАГ–ЦИА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4874. Л. 88), что при осведомлённости властей о якобы его намерениях, независимо от их правдивости, указывает на важность сохранения Джафар-аги в русских пределах.

⁶⁹ См.: Кавказский календарь на 1872 год. С. 122; на 1876 год. С. 114.

⁷⁰ Мегрелидзе 1972. С. 119.

Для России было важно влияние на всех малоазиатских курдов, которые всегда направлялись против России и играли весьма активную роль в русско-турецком противостоянии⁷¹ как во время прямых столкновений, так и при отступлении русских войск, безжалостно расправляясь с христианским населением⁷². В этом смысле русское военное командование серьезно рассчитывало на Джафар-агу, который «честно выполнял свои обещания»⁷³. Поддержку в деле привлечения на сторону России баязетских курдов обещали курдские племена Карса, возглавляемые Джафар-агой и Мирза-агой⁷⁴. Однако 11 марта 1877 г., незадолго до начала активных военных действий, Джафар-ага скончался⁷⁵. Вместо него в перспективе для командования военными подразделениями, сформированными из российских курдов, сразу же после начала русско-турецкой войны, в мае 1877 г. был призван его сын Али Ашраф-ага Шамшадинов (род. в 1851), получивший вскоре звание прапорщика и корнета⁷⁶. Однако, как оказалось, авторитет и влияние сына Джафар-аги и других многочисленных родственников ограничивались российскими курдами. В результате, Россия «окончательно» утратила «свое влияние даже среди пограничных курдов»⁷⁷.

⁷¹ Не вдаваясь в подробности, выходящие за пределы настоящей статьи, отметим, что в советской историографии поддержка большинством курдов Турции в преддверии войны 1877–1878 гг. объяснялась действиями англичан (напр.: Мегрелидзе 1972. С. 130–131), что нам представляется неверным и обусловленным действовавшими в советский период идеологическими установками.

⁷² Мегрелидзе 1972. С. 152–153, 155; Мегрелидзе 1955. С. 66–67.

⁷³ Аверьянов 1900. С. 173–174.

⁷⁴ Мегрелидзе 1972. С. 131.

⁷⁵ См. сообщение Эриванского губернатора Рославлева Михаила Ивановича временно исполняющему должности начальника главного управления Наместника Кавказского от 14 марта 1877 г.: «состоящий по Кавказской армии генерал-майор Джафар-ага Али-бек Шамшадин-оглы 11-го числа сего марта волей Божии умер» (НАГ–ЦИА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4667. Л. 1.).

⁷⁶ После войны Али Ашраф-ага Шамшадинов был переведен в лейб-гвардии казачий его величества полк, в 1882 г. стал поручиком, в 1889 г. – штабс-ротмистром (Кавказский календарь на 1891 год. С. 269; на 1894 год. С. 341; на 1895 год. С. 359), в 1889 г. – подесаулом, в 1898 г. – есаулом (Кавказский календарь на 1904 год. С. 513), в 1903 г. – подполковником (Кавказский календарь на 1905 год. С. 500). Накануне Первой мировой войны недовольство Али Ашраф Шамшадиновым российскими курдами привело к тому, что некоторые из них были завербованы Турцией (Лазарев 1972. С. 213). После начала Первой мировой войны, ввиду необходимости использования курдского фактора на малоазиатском фронте, ему в декабре 1914 г. было присвоено звание генерал-майора. Еще один сын Джафар-аги – Гасан-ага Шамшадинов (ранее неизвестен в курдоведении) – обнаружен нами в качестве «чиновника особого поручения X класса» Эчмиадзинского уездного управления в период 1894–1898 гг. (Кавказский календарь на 1895 год. С. 149; на 1896 год. С. 161; на 1897 год. С. 170; на 1898 год. С. 180; на 1899 год. С. 190).

⁷⁷ Аверьянов 1900. С. 175.

Военная карьера Джафар-аги не является характерной для русско-го генерала. Он состоял при Кавказской армии лишь для командования курдами, а после Крымской войны был призван сохранять контроль над подвластными ему курдскими обществами, по сути, совмещая функции уездного начальника и курдского феодала с потенциальным влиянием на зарубежных соплеменников. В самом начале его службы начальник Эриванского отряда генерал-лейтенант Врангель точно выразил роль и функцию Джафар-аги – «начальника наших куртин... который по своему влиянию на племена курдов может способствовать спокойствию края и хорошим отношениям нашим с Курдистаном»⁷⁸.

Джафар-ага прекрасно понимал своё политическое значение. Прося средства из российской казны, он особо подчёркивал, что они необходимы ему для «поддержания рода» на имеющейся «высоте в среде курдских племён», выражал «опасение», «дабы недостаток материальных средств не ослабил влияния» его рода «на курдские племена, влияния, которое до сего времени делало [их] послушным в [его] руках орудием для целей Русского Правительства»⁷⁹, т.е. убеждал российские власти в необходимости его поддержки для влияния на курдов, позиционируя себя в качестве уполномоченного России по курдам. Об этом свидетельствует и письмо министерства финансов России в Кавказский комитет, в котором говорилось, что вознаграждения и содержание были пожалованы Джафар-аге «ввиду известности и почетного положения его среди соплеменников, а также полезного для нас его влияния на кочующих курдов»⁸⁰. Возложенная на него роль имела важное значение для осуществления российской политики в отношении курдов, обеспечивая контроль над ними и, в определённой степени, безопасность южных рубежей России в местах их компактного проживания.

БИБЛИОГРАФИЯ

НАГ–ЦИА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1067; Д. 4667; Д. 4874; Д. 5050.

РГВИА. Ф. 15099. Оп. 1. Д. 14; Д. 15.

АКАК [Акты, собранные кавказской археологической комиссией] / Архив Главного управления наместника Кавказского. Т. X. Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1885. 938 с.

АКАК / Архив Главного управления наместника Кавказского. Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. Т. XI. Тифлис, 1888. 1020 с.

Кавказский календарь на 1872 год. Тифлис, 1871. 707 с.

Кавказский календарь на 1876 год. Тифлис, 1875. 566 с.

Кавказский календарь на 1891 год. Тифлис, 1890. 413 с.

Кавказский календарь на 1894 год. Тифлис, 1893. 692 с.

Кавказский календарь на 1895 год. Тифлис, 1894. 530 с.

⁷⁸ АКАК 1885. Т. X. С. 806.

⁷⁹ НАГ–ЦИА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4874. Л. 20об.

⁸⁰ Там же. Д. 5050. Л. 103об.

- Кавказский календарь на 1896 год. Тифлис, 1895. 475 с.
- Кавказский календарь на 1897 год. Тифлис, 1896. 548 с.
- Кавказский календарь на 1898 год. Тифлис, 1897. 584 с.
- Кавказский календарь на 1899 год. Тифлис, 1898. 560 с.
- Кавказский календарь на 1904 год. Тифлис, 1903. 728 с.
- Кавказский календарь на 1905 год. Тифлис, 1904. 535 с.
- Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 г. г. на Кавказско-Малоазиатском театре. С планами. Том IV. Тифлис, 1908. 230 с.
- Аверьянов П.И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное положение турецких, персидских и русских курдов. Тифлис: Отдел Генерального штаба при Штабе Кавказского военного округа, 1900. 336 с.
- Джалиле Дж. Курды Османской империи в первой половине XIX века. М.: Наука, 1973. 199 с.
- Итенберг Б.С. Военачальник и администратор на Кавказе // Отечественная история. 2004. № 1. С. 42-55.
- Курд Оглу. Курды и империализм // Бюллетень прессы Среднего Востока. Ташкент. 1932. № 13–14. С. 94-118.
- Лазарев М.С. Заметки о курдоведении (история, экономика, политика) // Народы Азии и Африки. 1968. № 1. С. 158-167.
- Лазарев М.С. Курдский вопрос (1891-1917). М.: Наука, 1972. 472 с.
- Лапин В. Крымская война. Кавказский фронт // Звезда. 2015. № 10. С. 202-215.
- Лихутин М. Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 годах. Из записок о военных действиях Эриванского отряда. СПб, 1863. 449 с.
- Мегрелидзе Ш.В. Грузия в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Батуми: Государственное издательство, 1955. 125 с.
- Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Тбилиси: Мецниереба, 1972. 303 с.
- Минорский В.Ф. Курды. Заметки и впечатления (с приложением карты). Петроград, 1915. 43 с.
- Муравьев Н.Н. Война за Кавказом в 1855 году. Т. II. СПб, 1877. 401 с.
- Россия и Кавказ. Письма генерала Н.С. Гонецкого с Кавказа (1854 г.) // Звезда. 2003. № 8. С. 177-201.
- Халфин Н.А. Борьба за Курдистан (курдский вопрос в международных отношениях XIX века). М. 1963. 171 с.
- Чатоев Х.М. Из истории русско-курдских связей // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Т. XIII. Курдоведение. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1985. С. 68-92.

REFERENCES

- Aver'yanov P.I. Kurdy v voynakh Rossii s Persiej i Turciej v techenie XIX stoletiya. Sovremennoe polozhenie tureckikh, persidskikh i russkikh kurdov. Tiflis: Otdel General'nogo shtaba pri shtabe Kavkazskogo voennogo okruga, 1900. 336 s.
- Dzhalile Dzh. Kurdy Osmanskoj imperii v pervoj polovine XIX veka. M.: Nauka, 1973. 199 s.
- Itenberg B.S. Voenachal'nik i administrator na Kavkaze // Otechestvennaya istoriya. 2004. № 1. S. 42-55.
- Kurd Oglu. Kurdy i imperializm // Byulleten' pressy Srednego Vostoka. Tashkent, 1932, № 13–14. S. 94-118.
- Lazarev M.S. Zametki o kurdovedenii (istoriya, ehkonomika, politika) // Narody Azii i Afriki, 1968, № 1, s. 158-167.
- Lazarev M.S. Kurdskiy vopros (1891-1917). Moscow: Nauka, 1972. 472 p.
- Lapin V. Krymskaya vojna. Kavkazskij front // Zvezda. 2015. № 10. S. 202-215.
- Likhutin M. Russkie v Aziatskoj Turcii v 1854 i 1855 godakh. Iz zapisok o voennykh dejstviyakh Erivanskogo otrjada. Spb. 1863. 449 s.
- Megrelidze SH.V. Gruziiya v russko-tureckoj vojne 1877–1878 gg. Batumi: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1955. 125 s.

- Megrelidze SH.V. Zakavkaz'e v rusko-tureckoj vojne 1877–1878 gg. Tbilisi: Mecniereba, 1972. 303 s.
- Minorskij V.F. Kurdy. Zametki i vpechatleniya (s prilozheniem karty). Petrograd, 1915. 43 s.
- Murav'ov N.N. Vojna za Kavkazom v 1855 godu. Tom II. SPb, 1877. 401 s.
- Rossiya i Kavkaz. Pis'ma generala N.S.Goneckogo s Kavkaza (1854 g.) // Zvezda. 2003. № 8. S. 177–201.
- Khalfin N.A. Bor'ba za Kurdistan (kurdsij vopros v mezhdunarodnykh otnosheniyakh XIX veka). M. 1963. 171 s.
- Chatoev Kh.M. Iz istorii rusско-kurdsikh svyazey // Strany i narody Blizhnego i Srednego Vostoka. T. XIII. Kurdovedenie. Erevan: Izd-vo AN Armyanskoj SSR, 1985. S. 68–92.

Мосаки Нодар Зейналович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; nodarmossaki@gmail.com

Димитрий Пирбари, научный сотрудник Института востоковедения им. акад. Г. Церетели при Государственном университете Ильи (Грузия, Тбилиси); dimapir@gmail.com

Jafar-Agha – First general of the Kurdish origin in the Russian Imperial Army

The article focuses on the first general of Kurdish origin in the Russian Imperial army – Jafar Agha. Having begun his service in 1853, he was promoted to the rank of major-general in 1871. His military career is not a typical one for Russian officer, as the latter were often motivated by political aspirations. Jafar Agha was enlisted into the imperial military in order to command and establish Kurdish divisions within the army. During the Crimean War (1853–56), he was tasked with recruiting Kurdish subjects of the Ottoman Empire into the Russian forces; through his direct involvement two regiments were established – one within the Yerevan division, made up primarily of Kurds of the eponymous province, and another one within the Alexandropol division. Following the war, and up until his death, Jafar Agha continued his military service commanding Kurdish regiments. Although the majority of those under his command were subjects of the Russian state, his fame and influence spread into the Ottoman territory thus providing further security for the Russian frontier regions. This article aims to discuss and assess the importance of his role in the evolution of the Russian Empire's relations with the Kurds.

Keywords: Jafar-Agha, Crimean War, Kurds, Ottoman Empire, Russia, Kurdish regiment (battalion)

Nodar Mossaki, PhD (History), Senior research fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; nodarmossaki@gmail.com

Dimitry Pirbari, MA, research fellow, G. Tsereteli Institute of Oriental Studies at Ilia State University (Tbilisi, Georgia); dimapir@gmail.com

А. А. СОЛДАТОВ

**«СОУС, В КОТОРОМ НАС ГОТОВЯТ...»
СТЕФАН КЕНЕВИЧ И ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
ПЕРВОГО ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕСЯТИЛИТИЯ**

В статье рассматривается процесс реформирования исторической науки в Польше во второй половине 1940-х – середине 1950-х гг. Проблема адаптации историков-немарксистов к новым условиям проанализирована на примере жизни и творчества Стефана Кеневича. К марксистской методологии Кеневич обратился после Второй мировой войны, во многом под давлением со стороны партийных историков. Он старался найти компромисс между использованием марксистско-ленинской теории и проведением исследований, опирающихся на исторические источники, системность и объективность. Пример Кеневича показывает, что реформирование науки в ПНР отразилось на ее структуре и степени автономии, но не смогло утвердить теоретическую монополию ортодоксального марксизма.

***Ключевые слова:** марксизм, Стефан Кеневич, ПНР, польская историческая наука, СССР, сталинизм, реформа*

В Польше после Второй мировой войны, нанесшей стране огромный материальный и духовный урон, среди прочих встал вопрос о восстановлении науки и образования. Процесс этот в части возрождения исторических исследований был нелегким не только из-за последствий войны¹, но и по причине быстро менявшейся политической конъюнктуры. В первые послевоенные годы в государстве, находившемся в разрухе, шла активная борьба за власть между разными политическими силами. Несмотря на большую популярность Польской социалистической партии (ПСЛ)², к 1948–1949 гг. политический олимп заняли коммунисты из Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). Новая власть начала политику сталинизации³, для которой были характерны идеологический монизм, коммунистическая пропаганда, объединение партийного и государственного аппаратов, советское в польской политике, подавление оппозиции, установление культа личности советского вождя. Появление термина «сталинизация» можно связать с необходимостью терминологического определения общих процессов, протекав-

¹ Пропало без вести или погибло около 13% историков, уничтожена большая часть архивных материалов. См.: Rutkowski 2007. S. 23.

² По итогам референдума 1946 г. было очевидно, что большинство граждан (не менее 60%) поддерживает оппозиционные партии, но при содействии СССР результаты были подтасованы в пользу коммунистов. – Польша в XX веке... С. 399.

³ Термин общепотребим как в российской, так и в польской современной историографии. См., напр.: Польша в XX веке...; Горизонтов 1997; Stobiecki 2007; Grabski 2000; Szumski 2016.

ших в странах соцлагеря в первом послевоенном десятилетии и закончившихся десталинизацией (1956), т.е. критикой политики Сталина.

Результатом сталинизации должны были стать радикальные изменения во всех сферах общества с полным исключением оппозиции, а его структура должна была соответствовать дихотомии хорошие / плохие, друзья/враги. Однако исторический анализ показывает, что общественное устройство было гораздо сложнее. Это хорошо прослеживается на примере биографии историка Стефана Кеневича (1907–1992), который изначально был весьма далек от марксизма (как идеологии, так и методологии) и от левых идей в целом, но стал в итоге долгого методологического поиска одним из наиболее крупных ученых ПНР.

Чтобы рассмотреть метаморфозы, происходившие как с польской исторической наукой, так и с конкретным ее представителем, необходим общий обзор развития историографии в послевоенное время и достижений ученого к моменту окончания Второй мировой войны.

В первые послевоенные годы были возвращены к жизни Варшавский, Краковский, Люблинский католический и другие университеты, открыты исторические институты в Лодзи, Торуне и Вроцлаве; возобновили работу научные общества (Польская академия знаний, Польское историческое общество⁴), редакции журналов *Kwartalnik Historyczny*, *Przegląd Historyczny* и др. Ученые-марксисты в первое время имели слабое влияние в академической среде, даже при наличии ученой степени они не обладали научным авторитетом⁵. Однако ППР/ПОРП постепенно устанавливала контроль и над наукой. Р. Стобецки выделяет следующие цели новых институций (Партийной школы при ЦК ППР, Института образования научных кадров при ЦК ПОРП, отдела Истории партии при ППР/ПОРП, Марксистского объединения историков): разделение и подавление исторического сообщества, с помощью создания конкурентных научных институтов; дискредитация традиционных и укорененных в историческом сообществе научных объединений; создание научной и идеологической альтернативы для исследователей, придерживавшихся старых «буржуазных привычек»; воспитание новых кадров, способных обеспечить «переустройство» исторической науки⁶.

⁴ Польская академия знаний образована в 1872 г. на основе Краковского научного общества (до 1919 г. называлась *Академия знаний*). В 1958 г. закрыта в связи с оппозиционными настроениями членов Академии, а все имущество передано Польской академии наук. Возобновила работу в 1989 г. *Польское историческое общество* – объединение профессиональных историков и любителей, создано в 1886 г. во Львове, каждые пять лет проводит съезды польских историков.

⁵ См.: Rutkowski 2007. S. 94-95.

⁶ Stobiecki 2007. S. 47-48.

28 октября 1947 г. Совет высших школ Государственного национального совета принял Декрет об организации науки и высшей школы, значительно ограничивавший автономию университетов⁷. Решение было проведено вопреки мнению ряда ученых советов университетов, которые отклонили проект. На пленуме ЦК ПОРП 20–21 апреля 1949 г. было объявлено о необходимости идеологического наступления на науку⁸. Проводниками политики партии выступали среди прочих отдел науки и высшей школы ЦК ПОРП и Марксистское объединение историков (как организация, альтернативная Польскому историческому обществу). Но далеко не все историки соглашались с насаждением марксистской методологии и коммунистической пропаганды, поэтому конфликт был неизбежен. Некоторые ученые открыто выступили против политики ППР/ПОРП и подверглись гонениям. В 1948–49 гг. были сняты с должности заведующие кафедрами Владислав Конопчинский (1880–1953) и Адам Скалковский (1877–1951), Министерство просвещения отказало в праве преподавать Владиславу Семковичу (1878–1949)⁹ и не допустило к защите диссертацию Хенрыка Верещицкого (1898–1990), его книга «Политическая история Польши 1864–1918 гг.», изданная в 1947 г., была изъята из всех магазинов и библиотек¹⁰.

В 1953 г. для ограничения влияния «реакционной» Польской академии знаний, по аналогии с АН СССР, была создана Польская академия наук (ПАН), обладавшая контролирующими, организационными и координирующими функциями и подчинившая университеты, научные центры и общества. Проводниками партийной политики среди историков были Станислав Арнольд (1895–1973), Целина Бобиньская (1913–1997), Наталья Гонсёровская (1881–1964), Жанна Корманова (1900–1988), занимавшие руководящие посты в разных институтах¹¹. Как резюмирует Л.Е. Горизонтов, «сталинизация общественно-политической жизни ПНР не пощадила и науку этой страны»¹².

⁷ Hübner 1987. S.45–53.

⁸ Rutkowski 2007. S. 138.

⁹ Ibid. S. 139.

¹⁰ Wereszycki 1947; Stefan Kieniewicz – Henryk Wereszycki... S. 22.

¹¹ С. Арнольд – глава Департамента высшего образования и науки Министерства просвещения (1945–1947), руководитель Института наук о Польше и современном мире Варшавского университета (с 1947). Ц. Бобиньская руководила кафедрой истории Польши Ягеллонского университета (с 1950), лабораторией аграрных исследований Института истории ПАН (1952–1968). Н. Гонсёровская была ректором Высшей педагогической школы в Лодзи (1946–1948), председателем Польского исторического общества (1953–1956) и Ученого совета ПАН (1953–1964). Ж. Корманова с 1944 г. была руководителем Отдела программ и реформ образования Польского комитета национального образования, потом до 1948 г. – директором Департамента реформы образования и воспитания Министерства просвещения.

¹² Горизонтов 1997. С. 112.

К моменту окончания Второй мировой войны за плечами Стефана Кеневича был многолетний опыт научной работы. Кеневич происходил из среднепоместного дворянства и первые 11 лет жизни провел в имении в Дорошевичах (ныне Гомельская область, Беларусь). В 1930 г. он закончил Университет имени Адама Мицкевича в Познани, после чего собирал материалы о Весне народов 1848 г. в архивах Парижа, учился в Варшаве у известного польского историка М. Хандельсмана (1882–1945), а в 1934 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Польское общество в Познаньском восстании 1848 г.»¹³ Тогда же сформировались его профессиональные навыки: как Кеневич признавался позже, в Познани А. Скалковский научил его «критическому отношению к источникам, недоверию всяким, даже самым правдоподобным легендам», а М. Хандельсман – «использованию источников разного происхождения; задаванию этим источникам вопросов, о которых не подумали предыдущие исследователи темы»¹⁴.

В Познани Кеневич тяготел к консервативным кругам и к «академическим организациям католического типа»¹⁵. Этот интерес был во многом обусловлен шляхетским происхождением и глубокой религиозностью историка. Но позже, в 1980 г., он, что в окружении М. Хандельсмана, в которое входили Людвиг Видершаль, Лукаш Русьян, Мариан Маловист, ксендз Мечислав Живчиньский, Каликст Моравский) ему удалось «избавиться от балласта консервативных и националистичных предрассудков, которые впитывал с молодости»¹⁶. Трудно установить, вкладывал ли ученый особый смысл в этот пассаж. Как минимум, он был открыт для новых идей, которые черпал, в т.ч. от указанных варшавских знакомых. Но не стоит упускать из внимания тот факт, что многие из них представляли левое движение и были противниками националистического эндецкого движения, популярного в Познани¹⁷.

Начатую в 1937 г. работу в Казначейском архиве Кеневич продолжал во время Второй мировой войны, а с января 1941 г. присоединился к подпольному Бюро информации и пропаганды Главного командования Союза вооруженной борьбы Армии Крайовой, где работал в подотделе «Z» под руководством Л. Видершалья¹⁸. В работе БИП было задействовано много историков, с которыми Кеневич продолжил со-

¹³ Kieniewicz 1935. 304 s.

¹⁴ Kieniewicz 1980. S. 245, 247.

¹⁵ Kieniewicz 2010. S. 284.

¹⁶ Kieniewicz 1980. S. 247.

¹⁷ Видершаль был в 1944 г. убит крайне правой группировкой при до сих пор невыясненных обстоятельствах. Маловист с юности поддерживал коммунистическое движение. Живчиньский был связан с движением «ксендзов-патриотов» и объединением PAX, выступавших с поддержкой коммунистической власти в Польше.

¹⁸ Mazur 1987. S. 32.

трудничество уже после 1945 г.: Тадеуш Мантейфель (1902–1970), Александр Гейштор (1916–1999), Станислав Хербст (1907–1973), Витольд Кула (1916–1988) и др.¹⁹ В годы сталинизации Кеневич не распространялся о своей подпольной активности. В 1953 г. он указывал в резюме сотрудника ПАН лишь то, что во время войны продолжал работать архивистом²⁰. Отношение коммунистической власти к расформированной после войны Армии Крайовой было негативным из-за ее связи с Польским правительством в эмиграции и участия части бывших солдат в борьбе против новой власти (т.н. «проклятые солдаты»).

Во время Варшавского восстания Кеневич был ранен в шею. Попынуть разрушенную столицу ему не удалось – он был схвачен немцами, из Дахау его освободили американцы весной 1945 г. После прохождения реабилитации перед ним встал выбор: остаться в Германии или вернуться на родину. Ученый писал, что ко второму варианту, «вопреки мнению многих людей», его подтолкнули не только оставшиеся дома жена с тремя детьми, но и желание «далее быть историком Польши, вопросов борьбы за независимость»²¹.

В автобиографии Кеневич отмечал, что по возвращении в Польшу среди первоочередных задач он видел защиту реабилитационного исследования (видимо, исходя из соображений, что это упростит вопрос с трудоустройством), поиск новой работы (в Главной дирекции архивов ему сообщили, что места для него нет) и нового дома (после воссоединения с семьей было необходимо в прямом смысле найти новое жилье, ведь вся Варшава была в руинах). Историка не меньше волновал вопрос выбора новой исследовательской темы²². В 1946 г. Кеневич защитил в Ягеллонском университете реабилитационную диссертацию. В основу текста легла его довоенная работа об Адаме Сапеге – одном из лидеров Январского восстания 1863 г.²³, а обязательную лекцию он прочитал на тему «Крестьянский вопрос и вопрос независимости после разделов»²⁴. Выбор университета для защиты не был случайным. В силу того, что Варшава была разрушена, а многие местные историки погибли во время восстания, уцелевший Краков оставался единственным вариантом²⁵.

В это время Кеневич продолжал исследование Познаньского восстания и изучение аграрного вопроса. Полностью посвящая себя люби-

¹⁹ Ibid. S. 32.

²⁰ Życiorys od 22.06.1953, Archiwum IH PAN, Akta osobowe prof. S. Kieniewicza 1953–1968, sygn. 2/205.

²¹ Kieniewicz 2010. S. 286.

²² Kieniewicz 1980. S. 252–253.

²³ Kieniewicz 1936. S. 70–111.

²⁴ Kieniewicz 1946. S. 267–283 (b).

²⁵ Ягеллонский университет быстрее остальных возобновил деятельность и «в прямом смысле стал научным центром в Польше». – Rutkowski 2007. S. 26.

мому занятию, он обращал мало внимания на современные политические события. В студенческие годы он держался подальше от политики²⁶, а вспоминая об исследовательской работе в Берлине в 1934 г., писал: «Горячая политическая атмосфера нисколько не отрывала меня от архивов»²⁷. Рассказывая о второй половине 1940-х, историк отмечал, что «все еще не ориентировался в быстрых изменениях политической ситуации... Любезно полемизировал в печати с Жанной Кормановой, Юзефом Халасиньским и Хенрыком Яблоньским²⁸, нисколько не отдавая себе отчета в том, какие позиции занимали эти личности»²⁹. Немаловажно, что свои рецензии на работы упомянутых авторов он публиковал на страницах католического журнала «Тыгодник повшехных». Кеневич писал, что в то время «не имел никакого представления об историческом материализме, основным его принципам и терминологии учился случайно, в ходе разговоров с коллегами и издателями, молча прислушиваясь к дискуссиям, особенно на ежегодных съездах Польского исторического общества»³⁰. По замечанию М. Вольневича, Кеневич в ранних работах интерпретировал повстанческую традицию в истории Польши в «политических категориях... как национальную борьбу против России»³¹. Этот подход был далек от исторического материализма, требовавшего в первую очередь выявления экономических факторов, обуславливавших общественно-политические процессы.

Быстро вернуться в профессию Кеневичу помогло знакомство с другими исследователями из окружения Хандельсмана и военного подполья. Некоторым из них (С. Арнольд, В. Куля, М. Маловист) марксистская теория была, как минимум, близка, не говоря уже об их личном участии в советизации науки. Связь историков-марксистов с довоенным польским историческим сообществом если не ослабляла давление власти на «буржуазных» ученых, то, по крайней мере, помогала продолжить научную и преподавательскую деятельность³².

Во главе с Т. Мантейфелем ученые уже в 1945 г. стали возрождать историческое образование в Варшаве. В 1947 г. Кеневич получил должность заместителя профессора в Варшавском университете и начал вести семинар по истории Восточной Европы. Как специалист, он был

²⁶ Kieniewicz 2010. S. 284.

²⁷ Kieniewicz 1980. S. 248.

²⁸ См.: Kieniewicz 1946. S. 6 (a); Kieniewicz 1947. S. 13-14.

²⁹ Kieniewicz 1980. S. 253.

³⁰ Kieniewicz 1980. S. 254.

³¹ Wolniewicz 2006. S. 98.

³² Решение о том, кто будет занимать должность директора Департамента высшего образования и науки, принимала партия, в 1945–1947 гг. это был ученик Хандельсмана С. Арнольд, «что ослабляло негативные последствия партийного назначения не только для Варшавского университета». – Rutkowski 2007. S. 32-33.

приглашен на празднование в Париже столетней годовщины Весны народов; Н. Гонсёровская привлекла его к работе над пятитомной «Весной народов в польских землях»³³. Словом, карьера ученого налаживалась. В ретроспективе видно, что активный и деятельный Мантейфель взял Кеневича под опеку, назначив его сначала своим заместителем по международным вопросам в Главном управлении Польского исторического общества (выбранный в 1947 г. новый состав Главного управления пошел на сотрудничество с властью)³⁴, а потом заместителем по научной работе в Институте истории ПАН³⁵. Поначалу умолчание Кеневича о своих симпатиях к тем или иным политическим силам помогло ему избежать конфликта с партийными историками, войти в организационный комитет 100-летней годовщины Весны народов, в котором большинство историков «активно поддерживало власть», да и само торжество носило «политико-пропагандистский характер»³⁶.

Однако в том же 1948 г. С. Кеневич, предположительно впервые, столкнулся с открытым давлением власти. Коммунистам не удалось сразу подчинить исторические институты, поэтому важной пропагандистской площадкой для них стали конференции и съезды. На открытии VII Всеобщего съезда польских историков 19 сентября 1948 г. во Вроцлаве Кеневич выступил с докладом о Весне народов, затронув тему крестьянского восстания в Галиции в 1846 г., последствиями которого стали подавление Австрийской империей польского либерального движения и присоединение Кракова к монархии Габсбургов. Историк так вспоминал о реакции слушателей: «Я сделал легкий намек на галицийскую резню, что вызвало как бы дрожь в зале, но легко выбрался из этой ситуации; не забыл отметить Бакунина и революционную польско-русскую дружбу... Доклад вызвал аплодисменты. [Ян] Рутковский шепотом... спросил соседа: “Проходило ли это цензуру?” ...Министр просвещения Станислав Сжжешевский не был доволен этой речью»³⁷.

Обычно осторожный историк провел вполне очевидную аналогию между современными событиями и историей столетней давности, только агрессором выступала уже не Австрийская империя, а Советский Союз. Объяснить такой шаг можно тем, что еще оставалась надежда на сохранение хотя бы минимальной свободы творчества. Ученый вспоминал, что писал тогда жене «о крохотной форточке для немарксистов. Вопрос, надолго ли? Все с энтузиазмом говорили об этой форточке, считая, как будто, что тот соус, в котором нас готовят, в целом не такой

³³ Wiosna ludów... 1948-1955. Кеневич называл это издание «полунаучным», имея в виду его популярный характер. См.: Kieniewicz 1980. S. 254.

³⁴ Rutkowski 2007. S. 91.

³⁵ Archiwum IH PAN Akta osobowe prof. S. Kieniewicza 1953–1968, sygn. 2/205.

³⁶ Rutkowski 2007. S. 103-104.

³⁷ Kieniewicz 1990. S. 234-235.

уж невкусный»³⁸. Политическая обстановка не оставляла большого выбора немарксистским ученым, перед которыми стоял вопрос об адаптации к новым реалиям. Впрочем, Кеневич достаточно быстро узнал, что партия не настроена закрывать глаза на вольнодумство. Его доклад не был опубликован в связи, как он считал, «с обострившейся идеолого-политической ситуацией», а две новые книги застряли в издательстве по неизвестным причинам³⁹. Уже на вроцлавском съезде С. Арнольд назвал его статью «История народа или история государства?»⁴⁰ среди работ по новейшей истории, подлежащих ревизии (в этом же контексте были упомянуты Х. Верещицкий и В. Конопчинский)⁴¹.

Вскоре после съезда Верещицкий написал в письме Кеневичу: «Редакция “Квартальника хисторычного” колеблется – читай „боится” – помещать ли то, что Вы показывали на заседании Главного управления [Польского исторического общества]! О tempora o mores!»⁴². Речь шла о рецензии Кеневича на труд Верещицкого «Политическая история Польши после разделов», которую журнал так и не опубликовал.

Несмотря на то что цель польских и советских историков на съезде во Вроцлаве была схожей – продолжение советизации польской науки, их отношение к немарксистским ученым было различным. Советские историки (В.Д. Королук, И.С. Миллер, М.В. Миско) в целом положительно отзывались о Кеневиче, отметив, что его работы «являются полезным дополнением к литературе по истории революции 1848 г.»⁴³ Такая характеристика могла быть обусловлена тем, что советские историки не желали подогревать конфликт внутри польской интеллигенции, критикуя «неправильные» взгляды исследователя, который не выступал открыто против власти и проводимых реформ.

Э. Орман справедливо отмечает, что «в глазах партийных деятелей его [Кеневича] дискредитировали шляхетско-помещичье происхождение, католическое мировоззрение и предшествующие работы, довоенная книга об Адаме Сапеге и издание работы об Адаме Чарторыйском пера Марцели Хандельсмана»⁴⁴. Кстати, свое происхождение ученый не афишировал: в 1952 г. в персональной анкете сотрудника ПАН он указывал, что происходит из «работающей интеллигенции»⁴⁵.

³⁸ Ibid. S. 235.

³⁹ Kieniewicz 1980. S. 266-267.

⁴⁰ Kieniewicz 1947. S. 373-383.

⁴¹ Powszechnie Zjazdy 2014. S. 63.

⁴² Письмо Х. Верещицкого С. Кеневичу от 6.10.1948 // Stefan Kieniewicz – Henryk Wereszycki. Korespondencja... 2012. S. 932.

⁴³ Koroluk, Miller, Misko 1950. S. 291.

⁴⁴ Orman 2012. S. 22-23.

⁴⁵ Ankieta personalna od 04.12.1952, Archiwum IH PAN, Akta osobowe prof. S. Kieniewicza 1953–1968, sygn. 2/205.

Избежать остракизма историку могло помочь обращение к историческому материализму в исследованиях.

По мнению Э. Орман, «примером использования Стефаном Кеневичем марксистского исследовательского метода были его книги на тему крестьянского вопроса в XIX в. Интерес к данной теме частично вытекал из помещичьего происхождения [ученого]... Он досконально знал тот первый [мир дворян], тогда как мир крестьян старался понять и описать как историк»⁴⁶. Утверждение польской исследовательницы справедливо лишь отчасти. Крестьянский вопрос является одним из ключевых в марксизме, но не определяющим критерием. Важнее обратить внимание на методологию, которой оперировал историк.

Собственно, Кеневич еще до войны обращался к этой теме в рамках более широких исследований, а в 1946 г. посвятил ей свою первую лекцию «Крестьянский вопрос и вопрос независимости после разделов»⁴⁷. Он рассматривал проблему отмены крепостной зависимости со схожих с марксистами позиций: неоднократно подчеркивая вину шляхты в торможении этого процесса⁴⁸, его неизбежность с точки зрения развития экономики, однако основную причину долгого закрепощения видел в неразрешенности главного для поляков политического вопроса – возвращения независимости. Наиболее ярко этот тезис подчеркнут в заключении: «Крестьянин был освобожден из вековой зависимости этапами, не организованно и сознательно борясь за эту эмансипацию, а используя повстанческую конъюнктуру» и мог раньше получить свою свободу, если бы существовала независимая Польша, «в которой могла бы развиваться политическая мысль, охватывающая интересы всех общественных слоев государства»⁴⁹. Позднее Кеневич расценивал эту статью как зародыш будущей концепции Январского восстания⁵⁰.

В 1948 г. он снова обратился к аграрному вопросу. В статье «Крестьянский вопрос в Галиции в 1848 г.»⁵¹ подробно разобран ход революции в «польской» части Австрии. В перспективе дальнейшего методологического поворота Кеневича интересна его оценка роли крестьян: их позиция привела к «победе реакции, которая впоследствии должна была отразиться на их собственной судьбе. Трудно, однако, винить галицийских крестьян в том, что сто лет назад они не понимали связей, которые были между демократией и гражданскими свободами [с одной стороны], и благополучием народных масс [с другой]. Опыт указывал им видеть врага в помещике, с которым демократы шли рука об руку.

⁴⁶ Orman 2012. S. 21.

⁴⁷ Kieniewicz 1946. S. 267-283 (b).

⁴⁸ Ibid. S. 262, 271, 278, 282 (b).

⁴⁹ Ibid. S. 283 (b).

⁵⁰ Kieniewicz 1980. S. 252.

⁵¹ Kieniewicz 1948. S. 61-128.

Просвещенные сословия также несли ответственность за положение крестьянина. Не столько шляхта, защищающая по естественным причинам собственные интересы, сколько городская интеллигенция. С их стороны было очень мало сделано для сближения с крестьянином, для понимания его [положения]... [она] думала о том, как ввести крестьянина в поле [борьбы], вместо того, как добиться его доверия»⁵².

Этот отрывок показывает, что Кеневич отчетливо понимал, что успех восстания 1863 г. напрямую зависел от включенности в борьбу крестьян. Такая позиция приближала его к марксистскому пониманию польской повстанческой традиции. «Крестьянский вопрос, — пишет историк В. Цабан, — это ключ для понимания политической деятельности обеих групп (красных и белых. — А.С.), а в то же время — ключ к оценке отношения общества Королевства Польского к Январскому восстанию»⁵³. Отличие точки зрения Кеневича от принятой в марксистской историографии заключалось в том, что, несмотря на важную роль крестьянства, он не считал его движущей силой борьбы как национально-освободительной, так и революционной (в марксистском понимании).

Продолжавшаяся критика со стороны партийных историков ставила перед Кеневичем вопрос о приспособлении к новым реалиям. Его реферат, подготовленный для IX Международного конгресса исторических наук в Париже (1950), первоначально не прошел цензуру. В протоколе заседания группы при отделе науки ЦК ПОРП реферат был назван реакционным и националистическим, а Ц. Бобиньской, Ж. Кормановой и В. Куле было рекомендовано обговорить его с автором⁵⁴, т.е. фактически указать, как его отредактировать в соответствии с требованиями цензуры. Но выступление С. Кеневича не состоялось, поскольку ПОРП отказалась от участия Польши в Конгрессе, что означало разрыв отношений с мировой исторической наукой⁵⁵.

Л.Е. Горизонтов цитирует в статье «Методологический переворот...» характеристику членов польской делегации в Москву, подготовленную для Института славяноведения АН СССР историком Соломоном Ковальски-Натонсоном и членом Политбюро ПОРП Якубом Берманом. Ими были выделены три группы историков в соответствии с лояльностью новой политике: партийные историки, беспартийные, но близкие к марксизму, и те, кому было отказано в визите по следующим причинам: Е. Домбровскому, «так как является последовательным агентом Ватикана», З. Войцеховскому, «так как он стоит на националистических позициях», Ю. Костржевскому из-за его «буржуазных позиций»,

⁵² Kieniewicz 1948. S. 127-128.

⁵³ Caban 2010. S. 107.

⁵⁴ Цит. по: Rutkowski 2007. S. 159.

⁵⁵ Ibid. S. 160; Stobiecki 2007. S. 51.

А. Ветуляни, как «отъявленному реакционеру», и С. Кеневичу, который, «хотя и выступал с некоторыми интересными трудами, имеет какие-то связи с реакционными католическими кругами»⁵⁶. Таким образом, для коммунистической власти Кеневич первоначально был не просто ученым, далеким от исторического материализма, но одним из ярких представителей «реакционных», «буржуазных» историков.

В результате усиления критики в работах Кеневича начала явно просматриваться марксистская теория. Это видно уже из названия его доклада на I Конгрессе польской науки (1951): «Классовая борьба польских крестьян в XIX и XX веках в освещении польской историографии»⁵⁷. Ученый не только впервые заявил о крестьянских восстаниях как проявлении «классовой борьбы»⁵⁸, но начал критиковать с марксистских позиций коллег по цеху (например, Стефана Инглота за традиционные взгляды)⁵⁹, а также назвал центральной задачей изучение истории классовой борьбы и ревизию устаревших взглядов в польской историографии⁶⁰. Более того, Кеневич не присоединился к Мантейфелю и Гейштору в защите своего покойного учителя Хандельсмана от нападок Кормановой, не желая, как писала Орман, «сильно высываться», глядя на происходящее со стороны⁶¹.

Для Кеневича польские восстания были вопросом не только борьбы за независимость, но и общественных изменений, что сближало его с марксистским видением восстаний, которые вписывались в идею о формационном развитии и символизировали кризис феодального строя. По замечанию М. Вольневича, капиталистический переворот имел два аспекта: «борьбы одновременно против „чуждого и народного“ гнета, против польских феодалов (шляхты) и одновременно против реакционный оккупационных государств и системы Священного союза»⁶². Однако коммунистическое реформирование науки требовало от ученого обращения именно к официальной версии исторического материализма, которая заключалась, среди прочего, в легитимизации нового строя в Народной Польше при помощи истории.

Партийные организаторы конгресса тщательно следили за тем, какое отношение к марксистской теории имеют будущие участники. По требованию организационного бюро конгресса Ж. Корманова подготовила реферат (22 февраля 1951 г.), где дала объемную характеристику

⁵⁶ Цит. по: Горизонтов 1997. С. 114.

⁵⁷ Kieniewicz 1950/1951. S. 39—57.

⁵⁸ Ibid. S. 39.

⁵⁹ Ibid. S. 53.

⁶⁰ Ibid. S. 52.

⁶¹ Orman 2012. S. 23-24.

⁶² Wolniewicz. S. 105.

польскому историческому сообществу, обратив внимание, что «большинство профессоров и научных кадров» обратилось в своих исследованиях к марксизму, однако «представляется плохо организованным ознакомление историков с основами исторического материализма. Доныне не было ни одного курса, ни одного семинара такого типа для историков». Важно обратить внимание на классификацию исследователей. Корманова выделила четыре группы по идеологическому принципу: «1) Рядом с горсткой партийных профессоров (Арнольд, Бобиньская, Яблоньский, Малечыньская, Гонсёровская, Маевский, Ассоро-добрай, Корманова), марксистская подготовка которых и идеологическая зрелость очень многообразны, 2) можно назвать группу, заявляющих о себе как марксистах, но выдвигающих разные заявления или допускающих в работе либо отклонения, либо вульгаризацию методологии (Маловист, Куля, Бежуньская, Сренёвский, Хербст, Пиварский, Серейский, Дуткевич, Малечыньский). Эта группа растет количественно и вместе с первой может уже составить решающее ядро в университетской исторической науке. 3) группа старых профессоров с разным идеологическим и мировоззренческим багажом, обладающих большой эрудицией, но придерживающихся старых методологических взглядов. На такую группу не стоит рассчитывать, но следует окружить вниманием и заботой, изолируя от реакционных и усиливая воздействие прогрессивных факторов и научных центров (Мантейфель Т., Кеневич, Гродецкий, Ловмянский, Инглот, Барыч, Томкевич, Кипа, частично Е. Домбровский, Туменецкий). Наконец 4) группа профессоров, перерождения которых мне кажется маловероятной; которых характеризует чуждость, а часто методологическая враждебность, которые демонстрировали в течение 1945–50 гг. сравнительно меньшую идеологическую эволюцию, продолжая оставаться на националистических и „западных” позициях (Пётрович, Коланковский, Гурский)»⁶³.

В том же реферате Корманова привела работы Кеневича по истории Весны народов в качестве примера «разработки польских прогрессивных традиций»⁶⁴, имея в виду связь революционной традиции XIX в. с деятельностью современного ей коммунистического движения.

Польские историки неоднократно обращались к этой характеристике⁶⁵, однако не всегда точно, сознательно или нет, передавали ее содержание. Так, П. Хюбнер почему-то вырвав часть текста из контекста, поменял смысл характеристики, данной Кормановой третьей и чет-

⁶³ APAN I Kongres Naukowy, syg. I-10/36 „Komitet wykonawczy (sprawozdania z działalności Biura, Sekcji i Podsekcji. 1950—1951)”, k. 363-364.

⁶⁴ Komitet wykonawczy (sprawozdania z działalności Biura, Sekcji i Podsekcji. 1950—1951), APAN, I Kongres Naukowy, syg. I-10/36, k. 365.

⁶⁵ Hübner 1992. S. 800; Rutkowski 2007. S. 170.

вертой группам: «“старые профессора”, которых следует “изолировать”; и профессора, стоящие на “националистических и западных позициях”. На “изоляцию” были обречены среди прочих Т. Мантейфель, С. Кеневич, Х. Ловмянский, Х. Барыч, а до “частичной” изоляции – это была собственно пятая группа – Е. Домбровский и К. Тыменецкий. Полностью “проклятые” были К. Гурский, Л. Пиотрович и Л. Коланковский»⁶⁶. К сожалению, своим неточным цитированием (в оригинале конкретно указаны четыре группы) Хюбнер ввел читателей в заблуждение, создав пятую группу историков и фактически написав, что Корманова предлагала предать остракизму Кеневича и других историков, хотя она, напротив, предлагала «изолировать» их от коллег, которые упорно продолжали отстаивать довоенные взгляды.

Реверанс Кеневича в сторону ортодоксального марксизма помог ему избежать попадания в среду маргинальных, с точки зрения партии, ученых. О том, что этот шаг был вынужденным и носил скорее формальный характер, свидетельствуют дальнейшие события.

В воспоминаниях Кеневич привел еще один случай давления со стороны коммунистической власти. На рубеже 1951–1952 гг. на I Методологической конференции в Отвоцке («одной из самых темных страниц в послевоенной истории польской гуманитарной науки»⁶⁷) он обнаружил себя среди «черных овец» – ученых, в чьей лояльности не были уверены партийные историки, но ему, в отличие от Х. Верещицкого, удалось избежать критики. Спасло Кеневича, по его утверждению, издание работы «Крестьянское движение в Галиции в 1846 г.», экземпляры которой он раздавал на конференции: «Внезапно президиум объявил перерыв на несколько минут. За кулисами велись заседания посвященных людей, потом один из них отвел меня в сторону и заявил, что внесение меня в список обвиняемых было недоразумением»⁶⁸.

Однако недоверие к Кеневичу среди творцов сталинистской науки сохранялось. Свидетельство тому – пара кратких комментариев Кормановой в ее конспектах докладов, прозвучавших на конференции⁶⁹. Рядом с фамилией Кеневича она записала: «“История народа или история государства” отсутствие инициативы наших правящих элит»⁷⁰. Это прямая цитата из его статьи 1947 г. в качестве комментария к статье Верещицкого «О проблемах новейшей истории Польши»: «Скорость

⁶⁶ Hübner 1992. S. 800.

⁶⁷ Stobiecki 2007. S. 97.

⁶⁸ Kieniewicz 1980. S. 255.

⁶⁹ Выписанные тезисы доклада редактора журнала *Nowy Drog* Юзефа Гутта (29 декабря) отличаются по содержанию от текста, опубликованного в двухтомнике «Первая методологическая конференция польских историков» *Pierwsza konferencja metodologiczna...* 1953. S. 41–64.

⁷⁰ AAN, Akta Żanny Kormanowej, sygn 1573/242, k. 59.

прогресса в Польше можно рассматривать как сумму двух независимых сил: общемирового устройства общественно-экономических отношений и локальных основ польского (относительно зависимого) правления и общества. На конкретном примере двадцатилетнего периода: вялость прогресса в межвоенной Польше объясняется как общей стагнацией отношений в тогдашнем капиталистическом мире, так и *отсутствием инициативы наших правящих элит*»⁷¹ (курсив мой. – А.С.). Однако в опубликованных материалах конференции никаких комментариев ни о статье, ни о Кеневиче нет. Трудно установить причину удаления этого фрагмента. Судя по контексту, Кеневич критикует межвоенную власть в торможении развития Польши. Такая оценка вряд ли бы вызвала недовольство партийных деятелей, однако упоминание о ней все же не было обозначено в итоговых материалах конференции, возможно в связи с вышеупомянутой критикой статьи С. Арнольдом еще в 1948 г.

На следующий день, 30 декабря, с докладом выступал уже Кеневич. Корманова после выписанных тезисов, которые точно совпадают с опубликованным текстом, дописала почему-то по-русски «кустарничество и ползучий эмпиризм»⁷². Почему ремарка была сделана на другом языке, а потом зачеркнута? Была ли она кому-то адресована или нет? Ответить на эти вопросы пока не удалось. Однако можно утверждать, что эти комментарии носят критический характер. Корманова взяла эти термины из советской пропаганды⁷³. В толковом словаре Ушакова даются следующие определения: «*Кустарничество* – работа, ведущаяся примитивным способом, неорганизованно, неискусно. *Ползучий эмпиризм* – беспринципное и бесперспективное делчество, т.е. узкий практицизм и беспринципность и забвение политических задач пролетариата»⁷⁴. Таким образом, Корманова обвиняла Кеневича не только в непрофессионализме, но и в игнорировании как марксистско-ленинской теории (в сталинистской интерпретации), так и ведущей роли рабочих в классовой борьбе.

В воспоминаниях 1980 г. Кеневич несколько раз указывал на влияние внешних факторов на его жизнь. О своем зачислении в список неблагоденствующих историков в Отвоцке он писал: это «было только фрагментом более широкой и важной игры, которая велась за предела-

⁷¹ Цит. по изд. Kieniewicz 1982. S. 29.

⁷² AAN Akta Żanny Kormanowej, sygn 1573/242, k. 64.

⁷³ С началом Второй мировой войны Ж. Корманова бежала из Варшавы в занятый Красной Армией Белосток, откуда в 1941 г. – в СССР. В 1940 г. получила советское гражданство, была членом ВКП(б). Активно занималась вопросами образования и просвещения, воспитания детей, правами женщин. Разработала программу обучения истории для польских школ в СССР. Была сотрудником Института истории АН СССР, ученица В.И. Пичеты.

⁷⁴ См.: Толковый словарь Д.Н. Ушакова.

ми моего знания и влияния»⁷⁵. Хотя дальнейшая роль в этой игре во многом зависела от него самого. Или другой пример: «Моей судьбой управляли внешние обстоятельства»⁷⁶. Можно предположить, что такая покорность обстоятельствам вытекала из религиозности историка. Эта гипотеза подкрепляется несколькими примерами. В данном случае Кеневич мог иметь в виду коллег по цеху, помогавших ему вернуться в профессию после войны, а также независимые от него политические перемены, которые непосредственно влияли на его жизнь. Но даже спустя десять лет он продолжал ссылаться на роль случая в его жизни: «После смерти Хандельсмана, Фельдмана, Видершала, Русьяна, Лесневского я обнаружил себя среди специалистов по истории Весны народов»⁷⁷. В этой ситуации для Кеневича решающим фактором был не его профессионализм, а воля случая. С таких же позиций можно объяснить и его обращение к марксистской методологии – для историка не было выбора в этом вопросе, его решение было предопределено обстоятельствами, которые он принял с христианским смирением. Марксизм стал для него теоретической основой исследования, но не основой мировоззрения, которое базировалось скорее на идеях католицизма.

В Отвоцке на Кеневича было оказано давление: занесение в «черный список», нападки со стороны Ю. Гутта и Ж. Кормановой. Думаю, что он, лукавил, считая, что от дальнейшей критики его спасло обращение к исследованию аграрного вопроса. Главную роль сыграл переход к марксистской методологии, поэтому критика партийных историков не попала в опубликованные материалы конференции.

Однако активное наступление историков-коммунистов не привело к установлению тотального контроля над исторической наукой, хотя их количество в университетах росло. Статистическое подтверждение есть в архивных документах Якуба Бермана: в декабре 1949 г. в партии состояло 357 научных сотрудников (19,6% от всего числа), а в декабре 1953 г. – 1131 (31,5%), но большую часть из них составляли младшие научные сотрудники (адъюнкты и ассистенты) и контрактные ученые: в 1949 г. – 298 (83,5%), 1953 г. – 1039 (91,7%)⁷⁸. Таким образом, справедливо замечание Р. Стобецкого, что партийные историки не имели значительного веса в академической среде, а «проводившееся административными методами переустройство исторической науки с трудом находило поддержку»⁷⁹. Тем не менее, сопротивление давлению власти означало исключение из сообщества. Несогласные боялись, что «штур-

⁷⁵ Kieniewicz 1980. S. 254.

⁷⁶ Ibidem.

⁷⁷ Kieniewicz 1990. S. 234. Все историки умерли между 1945 и 1947 гг.

⁷⁸ AAN, Akta Jakuba Bermana, sygn 325/18, k. 56.

⁷⁹ Stobiecki 2007. S. 100.

вал исторической науки будет отдан в руки группы наиболее догматич-ных, не имеющих профессионального образования историков»⁸⁰. Необходи-мо было найти компромисс. Баланс был сохранен благодаря при-нятию оппозиционными историками марксистской методологии, что позволило им сохранить позиции в историческом сообществе. Так же повел себя Кеневич: ученый мог продолжить работу в существующей системе, несмотря на происхождение, религиозность и слабое сопро-тивление советизации науки в первые послевоенные годы.

Эти меры позволили польским историкам продержаться в течение оставшихся лет сталинистской эпохи. Радетели сталинизации видели в Отвоцке свой успех, но он был иллюзорным⁸¹. Уже на излете стали-низма ортодоксальные марксистские историки стали терять позиции в науке. И в этом случае характерной представляется биография Кене-вича. В 1952 г. после отстранения Ц. Бобиньской он стал соредактором журнала «Пшеглэнд хисторычны», а после того, как с себя сложила полномочия Изабела Бежуньска-Маловист (1917–1995) – единствен-ным редактором (обе исследовательницы состояли в Марксистском объединении историков⁸²). С началом Оттепели атака партийных исто-риков ослабла. Возобновились прерванные международные контакты. Уже в 1955 г. польские ученые, среди которых был и Кеневич, приняли участие в X Международном конгрессе историков в Риме. Благодаря В. Куле и М. Маловисту установились тесные контакты с коллегами из французской школы «Анналов». Конечно, сохранялись цензура и при-стальное внимание ПОРП, но уже не было активного насаждения ста-линской модели исторического материализма, характерной для рубежа 1940-х и 1950-х гг. Советское руководство понимало, что давлением не добиться полного подчинения исторической науки партийно-государст-венным интересам. Я. Шумский отмечает: «Москва была вынуждена согласиться на значительные уступки», ликвидируя кафедры марксиз-ма-ленинизма и привлекая к совместным польско-российским проектам беспартийных историков, «лишь декларирующих свою лояльность»⁸³. Примером может быть координируемое Кеневичем издание источни-ков по истории Январского восстания⁸⁴.

Первое послевоенное десятилетие жизни и творчества Стефана Кеневича показывает всю сложность развития не только исторической науки в ПНР, но и советско-польских отношений. Не занимавшие по-лярных позиций историки должны были найти свое место в стране,

⁸⁰ Ibid. S. 110.

⁸¹ Горизонтов 1997. S. 125; Stobiecki 2007. S. 115.

⁸² Rutkowski 2007. S. 163.

⁸³ Szumski 2016. S. 239.

⁸⁴ Советско-польский проект издания источников Январского восстания 1863 г. За 24 года работы было опубликовано 25 томов документов.

оказавшейся после войны в сфере влияния СССР. Перед Кеневичем не стоял выбор, поддерживать или нет установившуюся коммунистическую власть. Вопрос был в том, как в новых условиях проводить качественные исследования. В статье «Счет совести» (1989), опубликованной в католическом журнале, ученый писал, что он «признал верными некоторые элементы этой доктрины, среди прочих: корреляцию производственных отношений и политических идеологий, влияние материального интереса на основы разных общественных групп, влияние классовых антагонизмов на судьбы польской борьбы за независимость»⁸⁵. Заметка была написана в ответ на критику депутата Юзефы Хенненлёвой в адрес издававшихся в ПНР авторов: «...не должны ли писатели, которые были сами для себя цензорами, задуматься, какое имеют право их изуродованные тексты дальше жить в культуре?» Отвечая, Кеневич рефлексировал о цензуре, выборе учеными своего пути, трудностях, с которыми они столкнулись с началом трансформации Польши. Свои размышления он закончил призывом к историкам «смело признаться, что в такой-то ранней собственной публикации утверждали что-то другое или буквально противоположное»⁸⁶. Сам Кеневич открыто этого не сделал, что не умаляет достоинства его исследований, на которые до сих пор опираются современники. Историк не столько защищал марксистскую методологию, сколько свое послевоенное творчество. Он вынужденно принял после войны новую для себя теорию в ее догматичном варианте. Десталинизация стала для него возможностью вновь пересмотреть положения своей интерпретации истории восстаний, оставаясь в рамках марксистской теории. Так он начал долгий путь к разработке собственной концепции польского движения в XIX в.

На примере биографии С. Кеневича видно, что польским коммунистам не удалось до конца реализовать политику сталинизации. Масштабное реформирование исторической науки по советскому образцу лишь формально символизировало победу нового порядка. Далеко не все польские историки поддерживали новую политику после войны, но, несмотря на давление властей и ангажированных в реформирование науки ученых, в целом сохранили свое положение в науке. Польские историки сохранили и относительную свободу творчества (особенно в сравнении с советскими коллегами). Марксизм был на протяжении всей истории ПНР «единственно правильной» теорией, но как методология творчески понимался многими историками, которые старались избежать идеологизации науки. Даже в международных контактах (как со странами соцлагеря, так и с «буржуазными») пропартийным историкам не удалось сохранить монополию сталинистского периода. Таким обра-

⁸⁵ Kieniewicz 1989. S. 5.

⁸⁶ Ibidem.

зом, сталинизация изменила облик польской исторической науки, но не смогла устранить или радикально переориентировать всех несогласных с этим процессом исследователей.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Горизонтов Л.Е. "Методологический переворот" в польской историографии рубежа 40–50-х гг. и советская историческая школа [Gorizontov L.E. "Metodologicheskij perevorot" v polskoj istoriografii rubezha 40–50-h gg. i sovetskaya istoricheskaya shkola] // W kręgu historii historiografii i polityki. Łódź: Wyd. Uniwersytetu Łódzkiego, 1997. S. 103–126.
- Польша в XX веке: очерки политической истории. Отв. ред. А.Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. 952 с. [Polsha v XX veke: ocherki politicheskoy istorii / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М.: Indrik, 2012].
- APAN, I Kongres Naukowy, sygn I-10/36 „Komitet wykonawczy (sprawozdania z działalności Biura, Sekcji i Podsekcji. 1950–1951)”.
- AAN, Akta Żanny Kormanowej, sygn 1573/242.
- Archiwum IH PAN, Akta osobowe prof. S. Kieniewicza 1953–1968, sygn. 2/205.
- Caban W. Stefan Kieniewicz jako historyk i inspirator badań powstania styczniowego // Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii. Pod red. A. Szwarcza. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2010. S. 103–120.
- Grabski A.F. Zarys historii historiografii polskiej. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2000. 278 s.
- Hübner P. Nauka polska po II wojnie światowej – idee i instytucji. Warszawa, 1987. 267 s.
- Hübner P. Polityka naukowa w Polsce w latach 1944–1953. Geneza systemu. T. 2. Wrocław: Centralny Ośrodek Metodyczny Studiów Nauk Politycznych, 1992. 477–849 s.
- Kieniewicz S. Społeczeństwo polskie w powstaniu poznańskim 1848 r. Warszawa: Towarzystwo Nauk, 1935. 304 s.
- Kieniewicz S. Adam Sapieha i Galicyjskie Towarzystwo Gospodarskie w przededniu powstania styczniowego (1860–1862) // Ziemia Czerwińska. 1936. R. 2. Z. 1. S. 70–111.
- Kieniewicz S. Dookoła Lelewela // Tygodnik Powszechny. 1946. № 37. S. 6. (a).
- Kieniewicz S. Sprawa włościańska a sprawa niepodległości w dobie porozbiorowej // Nauka i Sztuka. 1946. R. 2. T. 4. S. 267–283 (b).
- Kieniewicz S. Opinia, parlament, praca // Tygodnik Powszechny. 1947. № 14/15. S. 13–14.
- Kieniewicz S. Sprawa włościańska w Galicji w 1848 // Przegląd Historyczny. T. 38. 1948. S. 127–128.
- Kieniewicz S. Walka klasowa chłopów polskich w XIX i XX w. W oświetleniu historiografii polskiej // Kwartalnik historyczny. 1950/1951. R. 58. № 1. S. 39–57.
- Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa czasów porozbiorowych (Autobiografia) // Kwartalnik historii nauki i techniki. 1980. R. XXV. № 2. S. 243–267.
- Kieniewicz S. Historia narodu czy historia państwa? W związku z art. Henryka Wereszyckiego „O problematykę najnowszej historii Polski” (Dzieje Najnowsze. 1947. T. 1. Z. 1) // Historyk a świadomość narodowa. Warszawa: Czytelnik, 1982. S. 23–33.
- Kieniewicz S. Rachunek sumienia // Tygodnik Powszechny. 1989. Nr. 52–53. S. 5.
- Kieniewicz S. To i owo 1938–1948 // Polskie Towarzystwo Historyczne 1886–1986. Zbiór studiów i materiałów. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1990. S. 233–235.
- Kieniewicz S. Sens czy też bezsens walk o niepodległość? // Kultura i społeczeństwo. 1991. № 35/2. S. 23–31.
- Kieniewicz S. O sobie i historii // Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii. Pod red. A. Szwarcza. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2010. S. 283–291.
- Koroluk W., Miller I., Misko M. Nauka polska na VII Zjeździe Historyków we Wrocławiu w 1948 r. // Zbiór artykułów historycznych o Polsce w literaturze radzieckiej. Pod red. Ż. Kormanowej. Warszawa: Książka i Wiedza, 1950. S. 257–309.
- Leśnodorski B. Nauka historii w pierwszym dziesięcioleciu Polski Ludowej // Kwartalnik historyczny. 1955. R. 62. S. 18–58.
- Mazur G. Biuro Informacji i Propagandy SZP-ZWZ-AK 1939–1945. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1987. 483 s.

- Orman E. O paradoksach i historiografii w czasach PRL-u na przykładzie Henryka Wereszyckiego i Stefana Kieniewicza // Stefan Kieniewicz – Henryk Wereszycki. Korespondencja z lat 1947–1990. Kraków: Księgarnia Akademicka, Instytut Historii PAN, 2012. S. 5–82.
- Pierwsza Konferencja metodologiczna historyków polskich. Kom. red. S. Herbst, W. Kula, T. Manteuffel. Warszawa: Państwowe Wydaw. Naukowe, 1953. T. 1. 535 s.
- Powszechne Zjazdy Historyków Polskich w Polsce Ludowej. Dokumenty i materiały. Wstęp, wybór i opracowanie T.P. Rutkowski. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2014. 682 s.
- Romek Z. Cenzura a nauka historyczna w Polsce 1944–1970. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, Instytut Historii PAN, 2010. 358 s.
- Rutkowski T.P. Nauki historyczne w Polsce 1944–1970. Zagadnienia polityczne i organizacyjne. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2007. 630 s.
- Stefan Kieniewicz – Henryk Wereszycki. Korespondencja z lat 1947–1990. Wstęp i opracowanie E. Orman. Kraków: Księgarnia Akademicka, Instytut Historii PAN, 2012. 792 s.
- Stobiecki R. Historiografia PRL. Ani dobra, ani mądra, ani piękna... ale skomplikowana. Studia i szkice. Warszawa: Wydawnictwo TRIO, 2007. 364 s.
- Szumski J. Polityka a historia. ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964. Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, Instytut Historii Nauki im. Ludwika i Aleksandra Birkenmajerów PAN, 2016. 430 s.
- Wereszycki H. Historia polityczna Polski 1864–1918. Kraków: Spółdzielnia Wydawnicza "Wiedza", 1947. 374 s.
- Wiosna ludów na ziemiach polskich / pod red. N. Gąsiorowskiej, tt. 1–4. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1948–1955.
- Wolniewicz M. Między tradycją legionową a "tradycjami postępowymi". Powstania narodowe w refleksji historycznej Stefana Kieniewicza // Klio Polska. Studia i materiały z dziejów historiografii polskiej po II wojnie światowej. 2006. T. 2. S. 91–119.

Солдатов Антон Анатольевич, соискатель, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; antn.soldatov@gmail.com

**"The sauce, I which we are being cooked..."
Stefan Kieniewicz and Polish historiography
in the late 1940s — mid-1950s**

The article considers the reforming of historic study in Poland in the late 1940s — mid-1950s. The author analyzes the problem of non-Marxist historians' adaptation to the new political and social environment through the example of Stefan Kieniewicz's life and research. He applied Marxist theory in his own research under the Communist historians' pressure after World War II. Kieniewicz endeavored to find a compromise between Marxist-Leninist theory and doing research based on historic sources, systematicity and objectiveness. The case of Kieniewicz shows that the reform of academic study in the People's Republic of Poland had an effect on its structure and autonomy, but it could not guarantee the orthodox Marxism theoretical monopoly.

Keywords: Marxism, Stefan Kieniewicz, the People's Republic of Poland, Polish historiography, the USSR, Stalinism, reform

Anton Soldatov, Postgraduate Student, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University; antn.soldatov@gmail.com

А. П. Килин

АВТОБИОГРАФИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАБИЛИТАЦИИ НА МАТЕРИАЛАХ ЛИЧНЫХ ДЕЛ «ЛИШЕНЦЕВ»¹

В раннесоветском обществе инструментом дискриминации по признаку профессиональной деятельности являлось лишение избирательных прав граждан, занимающихся торговлей. Занятие легальной формой деятельности приводило к нисходящей социальной мобильности индивида, а потребность в реабилитации была насущной необходимостью, условием выживания торговца и членов его семьи. Личное дело «лишенца» – результат документирования процесса восстановления в избирательных правах. Анализ делопроизводственных автобиографий, которые содержатся в личном деле, позволяет не только воссоздать социальный портрет человека той эпохи, но и выявить уникальные, порой трагические эпизоды биографий людей, которым суждено было жить в «эпоху перемен».

Ключевые слова: Урал, нэп, ограничение избирательных прав, личное дело, автобиография, частные предприниматели, социальная мобильность, реабилитация

Социальное конструирование в раннесоветском обществе представляло собой сочетание противоречивых процессов, что приводило к восходящей и нисходящей социальной мобильности различных групп населения. Основанием для дискриминации могли служить как новации («кто был ничем, тот станет всем»), так и традиции, укоренившиеся в российском обществе. Торговля воспринималась значительной частью населения как криминальная по своей природе деятельность, что в условиях «диктатуры пролетариата» оформлялось в виде постулата и находило отражение в идеологической доктрине. В результате значительная часть населения подвергалась дискриминации и была вынуждена прибегать к процедуре восстановления своих гражданских прав. Целью данной статьи является рассмотрение механизмов реабилитации на материалах личных дел граждан, лишенных избирательных прав за занятие торговлей.

Торговля как маргинальный вид деятельности. При изучении частного торгового предпринимательства в 1920-е гг. мы неизбежно сталкиваемся как с дефицитом источников, так и с тенденциозностью материалов. Негативное отношение к торговле как к второстепенному виду деятельности, в котором не происходит создание материальных благ, как к посреднической деятельности, основанной на злоупотреб-

¹ Исследование выполнено в рамках реализации проекта Российского научного фонда № 16–18–10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»

лениях, обмане и спекуляции – не является исключительно советской традицией. Известный американский экономист А. Гершенкрон, пытаясь отделить «зерна от плевел», предпринимателей от торговцев, по сути, подтверждает этот вывод. Система его аргументации строится на характере взаимоотношений с клиентами: «Контакты между торговцами и их покупателями были мимолетными и заканчивались сразу же после заключения сделки <...> Стабильность интересов предпринимателей; прочные отношения с покупателями <...> обусловили формирование гораздо более честного отношения предпринимателей к своим клиентам». Он считает, что «в общественном сознании само понятие “обман” прочно ассоциировалось с торговлей и торговцами, что отражается даже в этимологии этого слова в различных языках» и приводит следующие примеры: в немецком языке “taushen” – обменивать и “täuschen” – обманывать, во французском “truc” – трюк, трюкачество и “troc” – бартер, меновая торговля. «В русском языке есть весьма популярная пословица, которая советует: “Не обманешь – не продашь”. Эта пословица емко сформулировала истину, которая многократно повторялась, начиная со времен книги Экклезиаста»².

Еще более радикальной выглядит точка зрения основателя английской политэкономии Уильяма Петти (1623–1687), который отмечал следующее: «Торговля не процветает (как думают некоторые) более всего там, где правительство опирается на единую народную религию, но что, скорее, торговля ведется наиболее энергично во всех государствах и при всех правительствах сектантской частью населения и теми, кто исповедует идеи, отличные от государственно признанных... В той части Европы, в которой римско-католическая религия является сейчас или недавно была государственно признанной, три четверти всей торговли находятся в руках тех, кто отделился от этой церкви»³. В подтверждение этих слов мы находим негативные оценки российского дореволюционного предпринимательства в мемуарах современников и художественных произведениях, например, в пьесе «Вишневый сад» А.П. Чехова. Факты откровенного фрондерства нарождающейся российской буржуазии также не единичны⁴.

После революции представители частной торговли оказались в числе классовых врагов по идеологическим причинам, а тотальный дефицит усугубил негативное отношение покупателей к продавцам. Даже в период новой экономической политики, когда были созданы условия для легализации частного предпринимательства, оно никогда не рассматривалось как социально значимый вид деятельности, сопо-

² Гершенкрон 2015. С. 250–251.

³ Петти 1940. С. 168.

⁴ Килин 1995.

ставимый по своему статусу с централизованной распределительной системой. Государство, активно использовавшее потенциал частного рынка, ставило его в особые условия по сравнению с обобщественным сектором (налогообложение, аренда, прямое администрирование), по сути, подвергало дискриминации⁵. Парадокс ситуации заключался в том, что в эту неблагоприятную, а по некоторым оценкам преступную сферу деятельности вольно или невольно были вовлечены широкие слои населения. Для того чтобы применять репрессивные меры к «нэпманам», среди миллионов граждан, вовлеченных в торговое посредничество, необходимо было выделять профессиональных торговцев, использующих наемную силу, отделив их от тех, кто занимался торговлей вынужденно и временно, вычленив пролетарские слои населения, вовлеченные в торговлю в поисках дополнительного заработка.

Торговля в условиях дефицита товаров повседневного спроса переставала быть профессией, превращаясь в образ жизни, в способ адаптации, дающий шанс на выживание, т.е. становилась массовой сферой деятельности и «депрофессионализировалась». В экстремальных условиях, когда традиционные системы производства и распределения давали сбой, происходил процесс обратный общественному разделению труда, фактически – регресс, а гражданин был вынужден примеривать на себя роли не только потребителя и производителя, но и торгового посредника. Американский журналист Томас Ремингтон, сообщал, что в период военного коммунизма шуткой дня была фраза: «Национализация торговли означает, что весь народ торгует»⁶.

Личное дело «лишенца» как источник. Одним из методов классовой борьбы в условиях новой экономической политики являлось внесудебное ограничение в гражданских правах части населения и формирование социального слоя «лишенцев». В их состав, среди прочих, входили частные торговцы, которые, являясь представителями наиболее экономически активной части населения, в политической сфере находились на положении маргиналов. Документирование этих процессов позволило сформировать значительный информационный массив, основу которого составляют личные дела граждан, возбужденных ходатайство о восстановлении в избирательных правах⁷.

Личное дело включает в себя комплекс документов, с точки зрения членов избирательной комиссии необходимых и достаточных для вынесения решения о восстановлении гражданина в избирательных правах, либо об отказе в восстановлении. На основе принципа проис-

⁵ Килин 1995. С. 35–48.

⁶ Ball 1990. P. 148

⁷ Для краткости эту категорию граждан называли «лишенцами», что, несомненно, подразумевало негативную коннотацию. Идя вслед за источником, мы используем этот термин, но считаем целесообразным помещать его в кавычки.

хождения и по тематическому признаку весь комплекс документов, содержащихся в личном деле, можно подразделить на несколько групп:

- 1) заявление (жалоба, прошение, обращение) гражданина;
- 2) сопроводительные документы, собранные и предоставленные самим заявителем, призванные подтвердить изложенные им в заявлении факты;
- 3) материалы избирательной комиссии (решения, выписки из протоколов, запросы в сторонние организации, анкеты);
- 4) документы сторонних организаций, собранные по инициативе избирательной комиссии (характеристики и рекомендации, финансово-хозяйственные документы, медицинские справки и акты освидетельствования пациента, материалы кадрового делопроизводства, копии записей актов гражданского состояния).

Автобиографии в структуре личного дела. Особый интерес представляют заявления граждан, которые передает прямую речь человека, отражают его индивидуальные черты, содержат сведения о его жизни, позволяют судить о декларируемых ими ценностях. В заявлениях обязательно присутствуют автобиографические сведения, при этом автобиографии встречаются крайне редко. Всего было выявлено десять автобиографий, в качестве отдельных документов с соответствующим заголовком, из двухсот восьмидесяти семи проанализированных нами личных дел «лишенцев»⁸. Таким образом, содержащиеся в личном деле «лишенца» сведения о судьбе человека можно подразделить на автобиографии и автобиографические данные.

Автобиография – это отдельный документ, представленный в виде развернутого текста, имеющий традиционную структуру и несколько линий повествования. В заявлении гражданина обязательно присутствует ссылка на автобиографию как приложение. Автобиографии встречаются редко и не являются массовым источником.

Автобиографические данные, в отличие от автобиографии, включены в состав личного заявления гражданина. Эти сведения более отрывочны и не сбалансированы, сосредотачивают внимание адресата на сюжетной линии, связанной с торговлей. Биографические данные являются обязательным элементом, необходимым для вынесения окончательного решения членами избирательной комиссии, служат основным аргументом заявителя в пользу своей позиции, поэтому присутствуют

⁸ Эти дела были выявлены в фондах Государственного архива Свердловской области (ГАСО) при помощи различных методов. В фонде Облисполкома, в делах Областной избирательной комиссии, по алфавиту нами были заказаны около 800 дел, на основе 179 дел были составлены формализованные анкеты. В фондах Екатеринбургского губернского суда и Свердловского областного суда хранятся судебные дела, в которых в качестве свидетелей или обвиняемых упоминались частные предприниматели и, соответственно, эти фамилии сопоставлялись с описью личных дел лишенцев. Это дало еще 98 единиц. Еще один прием нестрогой выборки заключался в том, что были изучены все личные дела однофамильцев (20 дел), среди которых были обнаружены дела бывших торговцев.

практически во всех «комплектных» личных делах. В силу широкого распространения они могут быть отнесены к массовым источникам.

Проследивая эволюцию автобиографических сочинений в мировой истории, Ю.П. Зарецкий отмечает важность автобиографии как формы осознания человеком его жизни. «В этом смысле история автобиографии является главным свидетельством развития самосознания. Это самосознание приобретает различные формы в соответствии с той или иной эпохой, той или иной конкретной личностью и ситуацией, в которой эта личность находится. История автобиографии, таким образом, оказывается отражением изменений в структуре индивидуально-го самосознания от одной эпохи к другой»⁹.

Структура автобиографии. Основным историческим источником в нашем исследовании является «делопроизводственная биография», которая формируясь под воздействием внешних формальных требований, создается с целью реализация определенных прав гражданина, что и предопределяет её структуру и содержание¹⁰. В основу изложения материала положен хронологический принцип, поэтому структура автобиографии вполне традиционна. Однако ее содержание не исчерпывается последовательным изложением событий. В текстах автобиографий можно выделить три линии повествования.

Первая, «историческая», построена на описании наиболее значимых событий и соответствует общепринятой периодизации (до октября 1917 г., годы гражданской войны, период нэпа и на стадии его свертывания), заданной содержанием анкет, которые предлагали заполнить заявителям. Отдельные исторические события могли занимать достаточно большое место в биографии человека, а могли игнорироваться в зависимости от того, насколько активно он был в них включен.

«Личностная» линия построена на описании собственно биографии гражданина, что позволяет говорить о темпоральности, которая П. Бергером и Т. Лукманом рассматривается как атрибут сознания. «Поток сознания всегда упорядочен во времени», – отмечают авторы, рассматривая эту категорию на личном примере: «Темпоральная структура налагает предустановленную последовательность не только на “повестку” любого дня, но и на всю мою биографию. В рамках системы координат, установленной темпоральной структурой, я воспринимаю как ежедневный “ритуал”, так и всю мою биографию. Часы и календарь подтверждают, что я в самом деле “человек своего времени”... Кроме того, та же темпоральная структура предполагает историчность, которая определяет мою ситуацию в мире повседневной жизни»¹¹. Эта ли-

⁹ Зарецкий 2011. С. 237.

¹⁰ Субъективность и идентичность...

¹¹ Бергман, Лукман 1995. С. 51.

ния отражает этапы жизненного цикла человека: детство, юность, взросление, зрелость, старость. За основу берутся значимые с точки зрения «лишенца» события: рождение и связанное с ним социальное происхождение; учеба и, соответственно, уровень образования и политической грамотности; вступление в брак, семейное положение как фактор социального окружения и стимул к труду (особенно для глав семьи с большим количеством иждивенцев); служба в армии (царской, белой, красной) с различными, порой взаимоисключающими оценочными характеристиками этого периода жизни и т. п.

Наиболее детально описывается «сюжетная линия», в которой излагаются обстоятельства, связанные со статусом торговца (причины начала и прекращения торговли, ее характер), а также лишение избирательных прав и его последствия. Таким образом, в основу этой линии положен факт торговли (до торговли, во время нее и после ее окончания). В этом контексте особое внимание обращается на отдельные факты биографии, которые заявитель стремился использовать в свою пользу, для оправдания своего поведения (безработица, болезнь, инвалидность, миграция и т. п.). Эти три линии, переплетаясь друг с другом, прослеживаются в материалах личных дел довольно отчетливо.

Отметим ряд особенностей, характерных как для отдельных социальных групп, так и при описании ряда сюжетов всеми заявителями.

На дооктябрьский период делается акцент в биографиях национальных меньшинств («кинородцев», «нацменов») и представителей не православных конфессий («иноверцев»). В большинстве биографий этот период рассматривается как пример тягот, связанных как с этническим, так и с пролетарским происхождением автора, как время жестокой эксплуатации со стороны представителей имущих классов (купца, владельца магазина и т. п.). Эти сюжеты призваны продемонстрировать низкий социальный статус или оппозиционность гражданина при «царском режиме», доказать факты дискриминации.

Порой революция и гражданская война уходят на второй план или совсем исчезают из поля зрения автора, который говорит только о тех обстоятельствах, которые непосредственно касаются его лично. В рассмотренных нами делах практически «прозрачными» являются революционные события 1917 г., сюжеты, связанные со сменой власти, так как заявители были слабо вовлечены в эти процессы. Единственное событие, которое достаточно часто упоминается и которое можно отнести на счет уральской специфики, это описание отхода войск Колчака. Наибольшее значение в биографии гражданина имеют события, которые служат основанием для восстановления в избирательных правах (служба в Красной армии, пятилетний стаж трудовой деятельности после окончания торговли, членство в профсоюзе). Эти факты биографии призваны продемонстрировать лояльность гражданина к Советской

власти, при этом подчеркнув незаслуженное ограничение его в правах как «лишенца». Такая подача материала должна была продемонстрировать противоречивость и явную несправедливость, при которой человек сохранял низкий социальный статус как до, так и после октября 1917 г.

Этот прием можно рассматривать как манипуляцию, способ психологического давления на членов избирательной комиссии. Противопоставление с дореволюционным прошлым было излюбленным приемом официальной пропаганды, и любые сравнения не в пользу нового строя могли рассматриваться как скрытая форма протеста. Оппозиционность официальной власти подчеркивалась авторами при описании событий, относящихся к дореволюционному периоду, напротив лояльность Советской власти была отправной точкой при изложении материала «советского периода». По этой схеме «минусы» до 1917 г. должны были трансформироваться в «плюсы» после октября 1917 г.

Примечательно, что особый акцент, как со стороны заявителей, так и со стороны членов избирательной комиссии, делался на оценке «лояльности» гражданина, хотя точность определения этой категории порой оспаривается. Павел Иванович Перевощиков в своем заявлении отмечает: *«Президиум Четвертого Райсовета по моему ходатайству о восстановлении в правах гражданства отказал, мотивируя, что я не проявил лояльности к советской власти, как я ее мог проявить и выставить на вид, чтоб об этом знали члены комиссии, я не знаю. Я знаю, что вообще честно работал, нигде взысканиям и выговорам не подвергался, хотя как инвалид первой группы, освобожденный экспертизой на один год от работы, я все же продолжал работать»*¹².

При анализе биографий обращает на себя внимание сочетание высокой динамики исторических изменений и статичности жизненной траектории, «пробуксовка» судьбы человека. С одной стороны, за короткий промежуток времени, буквально за несколько десятилетий перед нами разворачивается калейдоскоп исторических событий, которых с избытком хватило бы на несколько человеческих жизней. С другой стороны, все эти изменения не приводят к положительной динамике, карьерному росту, развитию личности. Этот вывод вытекает из специфики данного типа источника – личного дела «лишенца», поскольку очевидно, что рассмотрение наградных материалов этого периода, позволило бы нарисовать более оптимистическую историческую картину.

Порой наивысший уровень социально одобряемого поведения авторы биографий напрямую связывают с пролетарским происхождением (родился в бедной крестьянской семье, сын пролетария), т.е. с событиями до октября 1917 г., по сути, с тем периодом, когда от самого заявителя ничего не зависело. В советский период можно говорить о поло-

¹² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 6013. Л. 3.

жительной динамике, связанной с обучением, трудовой деятельностью или службой в Красной армии. 1920-е годы описываются в предельно драматических тонах, схожих с оценками, которые в современной публицистике применяются к «лихим девяностым». Экономическое и отчасти идеологическое разнообразие, ослабление государственного регулирования, уклонение власти от выполнения функций, которые она не в состоянии была выполнять из-за дефицита ресурсов, предопределяли необходимость выбора и создавали почву для хозяйственной автономии личности. Бремя выбора всегда тяжело, а к экономической самостоятельности не все были готовы. Сделав осознанный, основанный на здравом смысле выбор в пользу материального благополучия членов своей семьи и став частным предпринимателем, человек совершал «политическую ошибку». Таким образом, рациональное экономическое поведение представлялось иррациональным в идеологической системе координат и символизировало «грехопадение» гражданина.

Процесс реабилитации. Следствием дискриминации гражданина являлся процесс нисходящей социальной мобильности, а в ситуации, когда он не примирился со своим маргинальным статусом, он мог реализовать механизм реабилитации. С точки зрения права под реабилитацией понимается официальное восстановление в прежних правах, восстановление чести и репутации опороченного лица. В этом контексте восстановление в избирательных правах рассматривается как возможность возвращения к прежнему социальному статусу, к ситуации status quo, что означает замкнутость жизненной траектории, поскольку в ней отсутствует положительная динамика.

В заявлении Семена Ильича Шишалова говорится: *«За то, что я торговал, меня лишили избирательных прав. По закону лишение произведено правильно. Но ввиду того, что торговля, в сущности, мне ничего не дала, торговцем я был ничтожным, незначительным, то на такую профессию меня толкнула жизнь, а не корысть <...> что решительно ничего не имею, что в жизни своей я перенес очень многое и по справедливости, в настоящий период торжества трудящихся, я первый должен был бы быть на пиру, но я по незнанию, политической неграмотности это свое первородство променял на чечевичную похлебку, пошел торговать, опять-таки, я повторяю, меня толкнуло [на] это тяжелое материальное положение и возвращение выгодным предложением, что я считаю безвинным, так как закон разрешает заниматься этим делом, что вину эту свою я осознал и больше на этот путь не вернусь. <...> Мой послужной формуляр не блещет заслугами, но моя жизнь, зато, полна страданий и, может быть, вы к моим страданиям отнесетесь с пролетарской чуткостью и мое ошибочное отступление зачеркаете, приняв меня в ряды и семью трудящихся»*¹³.

Использование образов «искушения» и «грехопадения», наличие религиозных мотивов в заявлениях можно объяснить как характером

¹³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 9181. Л. 2–2 об.

дореволюционного образования, так и сложившейся устной традицией, которая в столь короткий срок не могла быть в полной мере замещена новым «советским» языком. Возможно, что, по мнению авторов биографий, жанр покаяния или исповеди подразумевал именно такую лексику. Терминология зачастую заимствовалась из речей партийных лидеров, широко распространяемых через периодическую печать. Так, о «пролетарском первородстве» говорил Н. Бухарин, описывая перспективы сосуществования советской экономики и мирового хозяйства¹⁴.

Одним из аргументов, способствующих реабилитации, могло служить то, что «настоящими» торговцами заявители не являлись. Были это прием манипуляции или искреннее заблуждение, судить сложно. Тексты биографий свидетельствуют о проблеме профессиональной самоидентификации граждан, так как быть торговцем для них означало не только относиться к определенной профессиональной группе. Как правило, под термином «торговец» подразумевалось нечто большее. Даже признавая сам факт торговли, гражданин дистанцировался от слоя профессиональных торговцев, крайне негативно характеризуя своих коллег по цеху. В сводках ОГПУ по Тобольскому округу находим пример градации продавцов на «торговцев» и «торгашей»:

«В деятельности частной торговли, вольного рынка можно отметить, что сами торговцы указывают на большое развитие торгашей, которых распространилось больше, чем покупателей, и говорят, что с таким ростом торговцев, продавать товар будет некому»¹⁵.

Даже выбирая патент на занятие торговлей, заявители могли не отождествлять себя с торговцами на законных основаниях, например, когда сотрудники финансовых органов вынуждали брать патент крестьянина, который реализовывал на рынке продукцию своего хозяйства. Грань между профессионалами и людьми, занимающимися торговлей в качестве дополнительного промысла, была весьма условна, поэтому предлагалось использовать при отделении «настоящих» торговцев от «ненастоящих» факт эксплуатации чужого труда. В этом приеме выражалось стремление избежать дискриминации исключительно по профессиональному признаку. В заявлении одного из «лишенцев» читаем: *«Лишить избирательного права настоящего нэпмана, это другое дело. Настоящий нэпман живет исключительно спекуляцией чужого труда»¹⁶.* Примечательно «переключение» термина «спекуляция» с перепродажи товаров на использование наемного труда.

Конструируя новый образ: позитивный и негативный стандарт поведения. Стремление дистанцироваться от торговой деятельно-

¹⁴ Бухарин 1988. С. 333.

¹⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 110.

¹⁶ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 556. Л. 27.

сти вынуждало заявителя ориентироваться на образ нового, советского человека. Как известно, революция влечет за собой радикальную трансформацию социальной структуры общества, порождает конфронтационное мышление и детерминирует процесс формирования собственной идентичности, основанной на противопоставлении старого и нового, добра и зла, героя и антигероя. В идеологии большевизма странным образом сочетались детерминизм, фатум, рок, обусловленный социальным происхождением индивидуума, с одной стороны, и концепция формирования нового человека, предусматривающая возможность социального перерождения, с другой. Это создавало объективные предпосылки для конфликта, явных и скрытых противоречий в различных сферах общества. По мнению Гершенкрона:

«Советская идеология не высечена из монолитной глыбы однородных и непротиворечивых принципов. В ходе длительного процесса... марксистская идеология революционного периода... претерпела существенную эволюцию. В результате, в условиях изменившейся ситуации и под воздействием специфических интересов диктатуры по сохранению власти, прежние термины стали объединять в себе самые несовместимые и противоречивые понятия. ...В одной и той же доктрине мысль о главенствующей роли объективных исторических закономерностей уживается с низкопоклонническим прославлением личности Сталина; идеология интернационализма сосуществует с ярким российским национализмом; ...характерный для марксизма акцент на всеобщем равенстве больше не является препятствием для проведения политики, предусматривающей огромную дифференциацию в размерах заработной платы»¹⁷.

«Лишенцы», формируя свой образ, были далеки от масштабных обобщений и анализа противоречий идеологической доктрины, а ориентировались на эталон «советского человека», который находил отражение в массовой информации и в пропаганде. Если попытаться его описать, то это был гражданин, имеющий безукоризненное пролетарское происхождение, незапятнанную биографию и выдающиеся личностные характеристики, идеологически выдержанный, наделенный всей полнотой прав, принимающий активное участие в строительстве социализма, работающий в обобщественном секторе хозяйства и не опасющийся стать безработным, – все это дает основание для включения его в систему централизованного распределения материальных и культурных благ. Идеал, который брался за основу при конструировании образа нового человека, в действительности не существовал, поэтому возникал еще один конфликт, порожденный несоответствием между ожидаемым и реальным положением вещей, предопределенный осознанием «лишенцем» своего несовершенства и неполноценности.

Противоположный прием используют некоторые авторы, соотнося свою биографию с судьбой «антигероя» («бывший», «контрреволю-

¹⁷ Гершенкрон 2015. С. 275.

ционер», «нэпман» и т.п.), образ которого, в отличие от героя, не был столь абстрактен и недостижим. Порой это были близкие заявителю люди, на которых он переносил часть ответственности за свое «грехопадение». В автобиографиях прослеживается стремление гражданина дистанцироваться от членов своей семьи (родители, жена, муж), особенно тех, кто занимался торговлей. Востров Александр Петрович писал:

«Лишен же я избирательных прав только потому, что бывшая жена моя – К.Н. Вострова, с которой я уже три года не живу и формально разведен с 1927 г. (см. справку ЗАГСа), и которая теперь уже несколько лет снова вышла замуж за другого, и не живет в г. Свердловске, а в г. Павлодаре, занималась торговлей. Я же совладельцем ее дела не был, и на ее средства не жил, так как имел свой заработок, работая, как кустарь-пиротехник, в городских садах и других культурных организациях. В личной жизни с моей бывшей женой Кл.Н. Востровой тоже у меня не было почти ничего общего, так как я не мог ужиться с ее: как идеологией, так и с ее взглядами, вследствие чего и развелся с нею»¹⁸.

Иван Иванович Авдюничев вину за занятие торговлей возлагал на отца:

«Во время своего учения я находился в очень тяжелых условиях как материальных, так и моральных, так как, живя в своей семье, у нас происходили частые ссоры с отцом, который всячески старался втянуть меня в торговлю, все делал упреки, что вот, мол, долго учился, долго находился на моем иждивении и т.д. Я, таким образом, рассчитывал так – чтобы поскорее закончить образование и уйти совсем от отца, потому что я думал заняться не торговлей, а общественно-полезным трудом... Я, было, пытался устроиться на службу куда-либо, но нигде не приняли как находившегося ранее на иждивении торговца. Когда я оказался без работы, то мне отец предложил так – или согласиться выбрать патент и помогать ему в торговле, или совсем уходить из дома. И мне тогда пришлось дать согласие выбрать на себя патент на торговлю Третьего разряда»¹⁹.

В процессе самоидентификации авторы использовали шаблоны, при этом доминируют архаичные представления о праведности тяжелого труда, связанного с материальным производством, напротив, торгово-посредническая деятельность, как лишенная этих признаков, дискредитируется или даже криминализируется. Показателен пример биографии Алексея Ивановича Свистунова. Вовлеченность в торговлю себя и своего отца он напрямую связывает с влиянием жен. Брак его отца с женщиной, занимающейся торговлей, предопределил занятие торговлей его отца, напротив, его брак с сиротой из рабочей семьи, повлек за собой отказ от торговли и возвращение себе «пролетарского первородства». Торговля из профессионального маркера превращается в сословный признак, передающийся «по наследству» или путем вступления в брак, по аналогии со статусом купца. А.И. Свистунов писал:

¹⁸ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 1503. Л. 5.

¹⁹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 36. Л. 10.

«Отец мой, происходящий из семьи бесспорного бедняка, имеющий сейчас 68 лет отроду, в молодости проработал на Каслинском заводе в кричном цехе 15 лет, после чего занялся крестьянством и, женившись на дочери торговца, вскоре (по словам отца) увлекся мечтами о наживе и стал помогать своей жене, моей матери, торговать мясом, одновременно занимаясь хлебопашеством. <...> Таким образом, отец жил до времени революции лет 10–12 занимаясь хлебопашеством и имея свой ларек, в котором мать моя торговала мясом. В первый же год революции мать моя умерла от сумасшествия, а отец снова занялся крестьянством с посевам от 3 до 8 десятин, имел 2 лошади, две коровы, плуг, бороны и дом, в котором жил. В революцию с белыми не бежал, а жил все время в заводе Касли, участия в революции не принимал. В июле 1926 г. отец, с вновь приобретенной женой, моей мачехой, решил снова торговать мясом, не уделив никакого внимания на мои доводы и попытки разбить ихнее решение.

Но отец, будучи совершенно неграмотным, вскоре проторговался и в июле 1927 г. торговлю бросил, оставшись с одной лошадей и одной коровой. Всего торговал, таким образом, за время после революции один год, имея патент третьего разряда. <...> Несколько раз [я] порывался уйти от отца, но моя старшая сестра, будучи в замужестве, всякий раз меня отговаривала, а ее советы я, своим детским умом ценил, так как во время ученья она мне материально помогала, и я от ней, в этом был зависим. Так я дожил до 1928 г., и учился уже на третьем курсе школы инструкторов по сельскохозяйственному машиностроению, и осталось учиться один год, и вдруг весной 1928 г. меня из школы исключили, как сына бывшего торговца. Таким образом, я был выброшен за борт, в то время как проучился одиннадцать лет в советской школе. <...> За это время я женился на сироте [Свистуновой Валентине Даниловне – А.К.], дочери рабочего и этим вошел в семью совершенно другую, чем та, в которой я провел проклятые годы своего детства. Один из моих своих 25 лет проработал на производстве, другой – партизан-коммунист, два шурина – рабочие, оба честно отслужили в Красной армии. Вот с этим-то кругом я сросся и этих людей считаю близкими и своими»²⁰.

Еще один прием обращает на себя внимание. Авторами подчеркивалась ценность отдельных эпизодов их биографий, как реальных, так и потенциально возможных, но не случившихся, что позволяет маркировать эти характеристики как социально-значимые. Встречаются перечисления того, что могло произойти, могло быть сделано, но не произошло с гражданином (под судом не был, у белых не служил, наемный труд не использовал, с Колчаком не ушел, не спекулировал, не имел долгов по налогам и т.п.). Эту систему аргументации можно охарактеризовать как метод «от противного». Иван Прокопьевич Шумков писал:

«Прошу Комиссию Горсовета восстановить в правах гражданства Советской Республики, так как в настоящее время я числюсь лишенцем, потому что был мелким торговцем по третьему разряду как середняк и прошу принять во внимание, что я не контрреволюционер и кроме пользы для Сов[етского] государства ничего не делал, никогда не был под судом, а

²⁰ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 7122. Л. 3–4 об.

также желаю продолжать служить и впредь для пользы СССР. <...> Если бы я знал, что за торговлю будут лишать прав гражданства, я бы не торговал, а доторговался до того, что не стало ни товара, ни денег, вообще я торговал не для накопления капитала, а лишь прокормить себя и мою семью; я Советский хлеб не заслуженный мною кушать не желаю и надеюсь загладить свою вину служебными делами перед Сов[етским] государством, особенно при выполнении плана пятилетки индустриализации страны я не должен сидеть сложа руки, хотя физический труд по слабости здоровья нести не могу, но по служебной части могу быть полезен для Сов[етского] Государства»²¹.

Стратегии реабилитации. Являясь инициаторами процесса восстановления в избирательных правах, бывшие торговцы выбирали оборонительные или наступательные стратегии для достижения поставленной цели. Абсолютное большинство выступало с «покаянием», не оспаривало обоснованности лишения избирательных прав и использовало уничижительные самооценки. Другие, напротив, активно отстаивали свою позицию, доказывая неправомерность лишения избирательных прав. В качестве аргументов ссылались на то, что частная торговля была разрешена, или что члены избирательной комиссии слишком вольно трактовали положения Инструкции о выборах, лишая прав тех, кто не должен был подпадать под эту санкцию (безработные, инвалиды, мелкие производители, сбывающие продукцию собственного производства и т.п.). Реабилитирующим обстоятельством, по мнению заявителей, могли быть неблагоприятные жизненные обстоятельства, а также желание повысить (точнее восстановить) уровень благосостояния как собственный, так и членов семьи после завершения экстремального периода (война, миграция, голод, болезнь). Декларирование негативной мотивации при занятии торговлей использовалось сторонниками как «покаянной», так и «наступательной» стратегии. Приводились примеры, когда лишение избирательных прав использовалось для сведения личных счетов, что переводило процесс из правового поля в сферу межличностных отношений. Авторы объединяет описание своей судьбы в трагических тонах, стремление вызвать сопереживание.

«Частная торговля, как говорится, зараза – заразился и я...»²²; «Я соблазнился поторговать мукой и по глупости втесался в такое дело, но без своего капитала, которого не имел и не имею...»²³; «Из-за безработицы, моей молодости и отчасти глупости [занился торговлей]»²⁴; «В настоящем мне везде закрыта дорога, мне трудно устроиться на работу, меня гонят, как самую последнюю заразу»²⁵; «Неужели если бы в тот период не было

²¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 9298. Л. 13.

²² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 93. Л. 3.

²³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 487. Л. 27.

²⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 2681. Л. 5.

²⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 556. Л. 25.

такой ужасной безработицы я бы стал заниматься торговлей?»²⁶; «После чего состоял на учете на бирже труда, и ввиду невозможности в дальнейшем существовать я вынужден был пойти на преступление и начал торговлю»²⁷; «Я был принужден пойти на преступления начал торговлю и потерял свой авторитет и рабочий стаж»²⁸.

Спектр негативных оценок частной торговли широк – от «глупости» и «заразы» до «греха» и «уголовного преступления». Необходимо отметить, что частная торговля в 1920-е гг. была легальна, осуществлялась с санкции государства на основании патента и облагалась налогами (как регулярными, так и экстраординарными).

Авторы, ищущие справедливости, апеллируют к исторической памяти адресата, напоминают о той ситуации, которая привела к легализации частного предпринимательства и подкрепляют свою позицию ссылками (пусть и не всегда точными) на нормативно-правовые акты. Основанием для обращения в избирательную комиссию Павла Ивановича Батуева, которому на момент написания заявления было 70 лет, по всей видимости, явилось ограничение в гражданских правах его детей, в т.ч. двух сыновей, которые служили добровольцами в Красной армии. Возможно, что в процессе написания заявления активное участие принимал кто-то из сыновей, максимально заинтересованный в восстановлении в правах своего отца. В заявлении П.И. Батуева говорится:

«Наш молодой союз находился в периоде возрождения, что было важнее – крепить оборону страны или же сидеть сложа руки? Правительство обратилось к населению за помощью. Совет Народных комиссаров, если Вы еще не забыли то, издал приказ об организации кустарного промысла, была разрешена частная торговля. Ведь в тот период как раз кооператива еще не было, а районные лавки еле дышали. Создавались на правах конкуренции лавки различных организаций.

В тот период правительство не говорило об избирательных правах, тогда избирательных прав лишались только "бывшие люди". И действительно, когда я принимал участие в торговле, то я не был лишенец, а когда стал работать, то меня лишили избирательного права. Я совершенно не чуждый элемент – я принимал участие в торговле только лишь в силу нужды, а это разрешается на основании п. "ж" § 16 Конституции РСФСР [точнее, "Инструкции о выборах..." – А.К.]. § 18 Конституции РСФСР говорит, что даже бывшие помещики восстанавливаются в избирательных правах, если они имеют пятилетний трудовой стаж.

Меня интересует, для чего же существует Конституция – неужели для того, чтобы ее обходить? В конце концов, я всю свою жизнь трудился и никогда в жизни не занимался тем, что могло бы повлиять на мою репутацию. <...> Недаром великий вождь пролетариата т. Ленин сказал, "что наши законы очень хороши, лучше их ни одно какое бы угодно ни было республиканское правительство не выдумает, но вся беда в том, что в

²⁶ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 556. Л. 26 об.

²⁷ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 2082. Л. 5–5 об.

²⁸ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 6995. Л. 13.

большинстве случаев, этими законами не умеют пользоваться, не правильно их применяют". Разве не правдивы слова Ленина!? Какая разница между Конституцией и жизнью? Следовательно, наши законы в жизни еще нереальны. Лишение избирательного права лишает моих детей возможности и учиться, и работать. Отец лишен и по наследству лишаются избирательного права и дети. Я хочу еще работать, а мои дети, которые в трудные минуты для Советского правительства были добровольцами в Красной Армии – имеют полное право на жизнь»²⁹. И далее: «Своим лишением, я приношу позорное имя своим сыновьям»³⁰.

Еще один пример наступательной стратегии находим в заявлении Ивана Дмитриевича Беседина:

«Как государственные, так и общественные платежи и повинности выполняю без замедления, считая, что аккуратность моя в платежах должна служить на пользу нашему государству. И вот по своему мнению, торгуя мясом, я считаю, что не вред приношу государству, а скорее пользу и одновременно удовлетворяю потребности населения, ибо если не я, то все равно кто-нибудь другой занялся бы этим делом. При том в торговле моей участвую только я один, наемных рабочих я не имею и думаю, что торговля моя есть подсобный промысел в хозяйстве и лишать меня за это права голоса безрассудно»³¹.

Ряд заявлений, содержащих подробные биографические данные и аргументированную позицию автора, настаивающего на необходимости восстановления, производят сильное впечатление, поскольку написаны на высокой эмоциональной ноте. В качестве примера приведем текст обращения Василия Ивановича Лагуткина, торговавшего в 1921–1930 гг. книгами по патенту третьего разряда:

«Работая в книжном деле, я все-таки был совершенно спокоен, так как начал его в самый расцвет вновь строящегося государства, которое нуждалось в сбыте этой продукции, и я являлся наилучшим проводником: календарей, букварей, учебников, портретов и др. культурно-просветительных товаров, внося этим просвещение в массы, работая на рынке, что считалось для крестьян более подручным. <...> Исходя из вышеизложенного, я имею право претендовать на ту обиду, которая наносится мне к концу ликвидации частной торговли вообще: лишившись своего дела, а также и средств, находившихся в моем распоряжении, я естественно должен где-то работать, но и этой прелести я как лишенец получить нигде не могу. Несмотря на то, что мной сделаны попытки работать не только по своей специальности, но и по другим видам работ, где меня как лишенца снимают с работы. Скажите, какое преступление мной сделано? И заявляю, если я действительно являюсь преступным элементом, отдайте под суд и если заслужил, то расстреляйте. Это будет лучшая расплата за свой грех, чем быть манекеном и быть заживо погребенным в тот момент, когда есть работа и нужны люди. Еще раз настоятельно

²⁹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 556. Л. 14–16 об.

³⁰ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 556. Л. 27.

³¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 7. Д. 221. Л. 3–4.

прошу восстановить в правах гражданства, чтобы я мог еще поработать на этом культурно-просветительном фронте»³².

В личном деле Лагуткина содержится выписка из постановления Президиума Уральского облисполкома от 20 мая 1934 г., с решением об отказе в восстановлении. Видимо, сыграло свою роль то обстоятельство, что торговля велась длительное время по патенту третьего разряда, и у заявителя отсутствовал пятилетний трудовой стаж. В этом же фонде содержится личное дело его жены Марии Васильевны Лагуткиной, которая была лишена избирательных прав как находящаяся на иждивении мужа. Из этого дела мы узнаем, что В.И. Лагуткин умер в Камышловской советской психиатрической больнице 29 октября 1933 г., т.е. последнее решение об отказе в восстановлении было принято уже после смерти заявителя.

Несомненно, позиция В. И. Лагуткина вызывает у современного читателя сочувствие. При прочтении написанных им текстов, формируется образ грамотного, начитанного человека. Он смело, порой отчаянно стремился отстаивать свои права на самых высоких уровнях власти, с этой целью поехал в Москву во ВЦИК, не ограничившись письменным обращением. С другой стороны, в свете данных о его душевном состоянии возникает вопрос, насколько адекватен был человек с такой прямоотой и настойчивостью отстаивающий свои права, призывающий отдать под суд и, в случае признания его виновным, расстрелять. Возможно, что «покаянная» стратегия была более эффективна в предлагаемых обстоятельствах. Не исключено, что заявление было написано здоровым человеком, разумеется, в состоянии эмоционального напряжения и лишь в дальнейшем, пройдя все этапы борьбы за восстановление в правах, человек пережил глубокий стресс, что губительно отразилось на его здоровье, привело к тяжелой болезни и гибели.

Судьба человека в делопроизводственной переписке выглядит рутинно и буднично, очевидно, что трагизм положения могли в полной мере оценить лишь близкие люди. Трагедия «маленького человека», его персональная физическая или ментальная катастрофа весьма наглядно характеризует эпоху и формирует наше представление о периоде новой экономической политики. Это настроение передал И.В. Нарский в своей работе о жизни населения Урала в 1917–1922 гг.³³ Отметим, что и последующий этап отечественной истории, предшествующий периоду массовых репрессий 1930-х гг., был полон трагизма. Лишение избирательных прав и дискриминация гражданина, которые приводят к его болезни, преждевременной смерти или самоубийству, по нашему мнению, не могут рассматриваться как единичные случаи.

³² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 4289. Л. 15–16.

³³ Нарский 2001.

Приведем фрагмент из личного дела Серафимы Александровны Килиной. Оговоримся, что основанием для лишения ее избирательных прав явилось не занятие торговлей, а нахождение на иждивении мужа – священника. Помимо автобиографических данных, автор приводит детальное описание всех бюрократических процедур, которые ей пришлось пройти в борьбе за восстановление в избирательных правах. Подробно излагая все этапы рассмотрения своего дела в разных инстанциях, она приводит прямые цитаты из практики общения с руководством Пермского леспромхоза, из которого была уволена с должности бухгалтера как «лишенка». Пространное и последовательное изложение материала, использование литературных приемов объясняется тем, что С.А. Килина получила хорошее образование и работала учительницей. В своем заявлении она приводит следующий диалог:

«Тогда Седухин [парторг Пермского леспромхоза] говорит, что Паспортная комиссия дала вам паспорт незаконно и ее нужно отдать под суд, что есть такие близорукие люди, которые не знают, что делают и что подписывают <...> А Лежнев [начальник спецсектора Пермского леспромхоза – А.К.] продолжает: Завтра же мы вас вычеркиваем из членов Союза, увольняю вас и занесем в трудовой список, что вы уволены как лишенка.

Я говорю: Что это с вашей стороны мой смертный приговор? Если я не имею права работать у вас, то не имею права работать нигде, а если не имею права работать, то не имею права и жить.

На эти слова мне Седухин говорит: Так что же многие бросались в Каму, когда им не давали паспорт.

На это я им ответила: Нет, товарищи, в Каму я не брошусь, у меня дети, ради которых я живу и все свои средства и свои знания, как бывший педагог, я прилагаю к тому, чтобы воспитать [их] полезными гражданами, мои дети лучшие ударники школы № 6, активные работники, для них я должна жить и буду добиваться правды. Я никого никогда не обманывала и думаю, что Горсовет разберет это дело, дайте мне только срок выяснить в Горсовете мое положение»³⁴.

Нисходящая социальная мобильность. Занятие торговлей приводило к изменению социального статуса индивида в политико-идеологической системе координат. Можно говорить о двухступенчатой нисходящей мобильности: первоначально производитель (рабочий, крестьянин) становился торговым посредником («спекулянт»), а затем лишался избирательных прав, переходил в категорию «неполноправных свободных». Падение было стремительным, напротив, восстановить свой статус, реабилитироваться было намного сложнее, «восходящая социальная мобильность» требовала больших затрат времени и сил.

Диктатура, используя механизм террора, дискриминируя отдельные социальные группы (в т.ч. бывших торговцев) преследовала несколько целей. Помимо устрашения всего населения, репрессии позво-

³⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 3287. Л. 19–21 об.

ляли перенаправить внимание дискриминируемых групп с будущего на прошлое. Вместо отстаивания своих прав, требований привести в соответствие их экономический и политический статус, человек стремился вернуть то, что потерял, восстановить status quo, возратить себе утраченное, включиться в сконструированные для него социальные рамки, стать «как все», реабилитироваться. Даже несовершенно и оцениваемая первоначально как ущербная социальная модель поведения становилась желанной, к которой «лишенец» стремился. Таким образом, биографии бывших торговцев демонстрируют отрицательную социальную динамику или социальную статику.

Ликвидация многоукладности приводила к изменению социальной структуры общества. Автономность личности в условиях советской России, как минимум, оказывалась проблематичной. Говорить о подлинной самостоятельности можно только при наличии собственной экономической базы, автономного источника материальных благ, например, в рамках натурального, мелкотоварного или частнособственнического укладов. Проблема существования «замкнутого круга частного сектора хозяйства», которая активно обсуждалась в 1928–1929 гг., продемонстрировала стремление властей ликвидировать частный сектор, в котором видели угрозу советскому строю, напрямую связывали его с контрреволюцией³⁵.

Стремление восстановить свои гражданские права было предопределено не только социально-политическими, но и экономическими причинами. Пока доход, извлекаемый из торговой деятельности, позволял обеспечивать себя самостоятельно, более высокие моральные и материальные издержки (в т.ч. связанные с лишением прав, неучастием в выборах и более высокими затратами на самообеспечение, приобретение товаров на рынке, более высокой арендной платой, повышенным уровнем налогообложения) признаются допустимыми. Как только торговля не позволяет покрыть издержки на содержание себя и иждивенцев (возрастают материальные издержки, а доходность падает), либо степень легальности торговли стремится к нулю или появляются альтернативы на рынке труда, то усиливается стремление прекратить торговлю. С ликвидацией многоукладной экономики исчезали альтернативы для самозанятости, а статус «лишенца» являлся препятствием для получения работы в обобщественном секторе.

Материалы биографий частных торговцев и предпринимателей демонстрируют тенденцию, при которой наиболее активные в экономической сфере индивиды дискриминируются в политическом плане, превращаются в маргиналов. В этой связи можно говорить о негатив-

³⁵ Килин 2016.

ной с точки зрения прав и свобод личности, самой возможности ее автономного существования, социальной селекции.

В раннесоветском обществе доминируют патрон-клиентские отношения, культивируется патернализм со стороны государства, насаждается повсеместный, тотальный контроль над гражданами, в т.ч. и через систему распределения. Эти обстоятельства создают условия, при которых частные предприниматели вытесняются из легальных хозяйственных связей, а затем либо исчезают совсем, либо пополняют ряды представителей теневого сектора экономики.

Автобиография как средство реабилитации

На основе анализа личных дел граждан, возбуждавших ходатайство о восстановлении в избирательных правах, лишенных за занятие торговлей, можно сделать следующие выводы относительно роли автобиографии как средства реабилитации.

Автобиографические данные являются системообразующими как для формирования дела, так и для самой процедуры восстановления.

Структура делопроизводственной автобиографии задана не только хронологией (включающей историческую, биографическую и «торговую» сюжетные линии), но и нормативно-правовыми актами, регулирующими процедуры лишения и восстановления в избирательных правах. Анализ автобиографий «лишенцев» подтверждает вывод о том, что ««историзация» индивидуальной памяти (воспоминаний) наблюдается в двух формах: во-первых, придание индивидом социальной значимости автобиографическим событиям своей жизни; во-вторых, увязывание индивидуальной автобиографии с социально значимыми («историческими») событиями»³⁶.

Автобиография была призвана продемонстрировать лояльность Советской власти, при всей условности и неопределенности этого термина. Адресат текста был известен (члены избирательной комиссии) и его содержание должно было в той или иной мере соответствовать его ожиданиям. - Автобиография могла строиться на различных стратегиях («оборонительной», «наступательной»), при этом традиционная для жалоб и более выигрышная с точки зрения просителя позиция приобретала форму «покаяния». Как правило, в автобиографиях драматизируется период занятия торговлей, сама торговая деятельность демонизируется, приравнивается к преступлению.

Аргументация авторов строится как на рациональных (ссылка на нормативно-правовые акты), так и эмоциональных основаниях (апелляция к чувству справедливости, революционной сознательности). По косвенным данным можно сделать вывод о том, что членами избирательной комиссии решение принимается по формальным основаниям.

³⁶ Савельева, Полетаев 2005. С. 188.

Восстановление в правах рассматривается как процесс социализации, предполагает отказ от автономной экономической активности, по возможности наиболее полное включение в систему производственных и социальных институтов, относящихся к обобществленному сектору.

Наличие в личном деле «лишенца» автобиографии в виде отдельного документа демонстрирует социальную и политическую зрелость автора, более высокий уровень его образования. Автобиографии всегда написаны самостоятельно, с более детальным изложением различных сюжетных линий. Отметим, что высокое качество автобиографического материала отнюдь не гарантировало благополучного исхода дела для заявителя.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / П. Бергер, Т. Лукман. пер. с англ. Е. Руткевич. М.: «Медиум», 1995. 323 с.
- Бухарин Н.И. Партия и оппозиция на пороге XV съезда партии. Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП (б) 26 октября 1927 г. // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. 497 с.
- Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / А. Гершенкрон; науч. ред. А.А. Белых; пер. с англ. А.В. Белых. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 536 с.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО), Фонд № Р-88. Уральский областной исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 6, 7, 8.
- Зарецкий Ю. П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.
- Килин А. П. Мобилизационная экономика в борьбе с «замкнутым кругом частного сектора хозяйства» // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 1. С. 56–63.
- Килин А. П. Торговое предпринимательство в России на рубеже эпох. // Социально-историческая история / Под ред. Э.С. Кульпина. Вып. 6. Материалы исследовательской программы «Генезис кризисов природы и общества в России» и Четвертой международной научной конференции «Человек и природа – проблемы социально-исторической истории». М., 1995. С. 35–48
- Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 632 с.
- Петти В. Экономические и статистические работы. / В. Петти. пер. с англ. под ред. М. Смит. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. 324 с.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: ГУ–ВШЭ, 2005. С. 170–220.
- Субъективность и идентичность: автобиографии советских трудящихся [Электронный ресурс] // Научно-учебная группа междисциплинарных исследований автобиографии. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://phil.hse.ru/autobio/seminar14> (дата обращения: 11.07.2017)
- Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Государственные информационные сводки Тобольского Окружного отдела Объединенного Государственного политического управления Уральской области (22.01.1924–27.12.1924)
- Ball, Alan M. *Russia's Last Capitalists: The Nepmen, 1921–1929*. Berkeley: University of California Press. 1990. 222 p.

REFERENCES

- Berger P., Lukman T. (1995) Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. [The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge] / P. Berger, T. Lukman. per. s angl. E. Rutkevich. 323 p. Moscow: «Medium». (In Russian)
- Buharin N. I. Partiya i oppozitsiya na poroge XV s'ezda partii. [Party and opposition on the threshold of XV Congress of the party] Doklad na sobranii aktiva Leningradskoj organizatsii VKP (b) 26 oktyabrya 1927 g. // Buharin N. I. Izbrannyye proizvedeniya. M., 1988. 497 s. (In Russian)
- Gershenkron A. (2015) Jekonomicheskaya otstalost' v istoricheskoy perspective [Economic backwardness in historical perspective] / A. Gershenkron; nauch. red. A. A. Belyh; per. s angl. A. V. Belyh. 536 p. Moscow: Izdatel'skiy dom «Delo» RANHiGS. (In Russian)
- Gosudarstvennyy arhiv Sverdlovskoy oblasti (GASO) [State Archive of the Sverdlovsk region]. F. P-88 – Ural'skiy oblastnoy ispolnitel'nyy komitet sovetov rabochih, krest'janskih i krasnoarmejskih deputatov. [The Ural regional Executive Committee of Soviets of workers, peasants and red army deputies.]. (In Russian)
- Zareckiy Ju. P. (2011) Strategii ponimaniya proshlogo: Teoriya, istoriya, istoriografiya. [The strategy of understanding the past: Theory, history, historiography] 384 p. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
- Kilin A. P. (2016) Mobilizatsionnaya jekonomika v bor'be s «zamknutym krugom chastnogo sektora hozjajstva» [Mobilization of the economy to combat the "vicious circle of the private sector economy"] // Magistra Vitae: jelektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii [Magistra Vitae: the electronic journal for historical Sciences and archaeology]. № 1. pp. 56–63. (In Russian)
- Kilin A. P. (1995) Torgovoe predprinimatel'stvo v Rossii na rubezhe jepoh. [Commercial business in Russia at the turn of the eras.] // Socioestestvennaya istoriya / Pod. Red Je. S. Kul'pina Vyp.6. Materialy issledovatel'skoj programmy «Genezis krizisov prirody i obshchestva v Rossii» i Chetvertoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Chelovek i priroda - problemy socioestvennoy istorii» [The materials research programme "the Genesis of the crises of nature and society in Russia" and the Fourth international scientific conference "Man and nature – the problem socialisterna history"] Moscow: 1995. pp. 35–48. (In Russian)
- Narskiy I. V. (2001) Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg. [Life in disaster: Everyday life of the population of the Urals in 1917–1922 years] 632 p. Moscow: Rossijskaya politicheskaya jenciklopediya (ROSSPJen) (In Russian)
- Petti V. Jekonomicheskie i statisticheskie raboty. [Economic and statistical research] / V. Petti. per. s angl. pod red. M. Smit. M.: Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo, 1940. 324 s. (In Russian)
- Savel'eva I. M., Poletaev A. V. (2005) «Istoricheskaya pamjat'»: k voprosu o granicah ponjatija ["Historical memory": on the borders of the concept] // Fenomen proshlogo [The phenomenon of the past] / Red. I. M. Savel'eva, A. V. Poletaev. Moscow: Gosudarstvennyy universitet - Vysshaja shkola jekonomiki.. pp. 170–220. (In Russian)
- Sub'ektivnost' i identichnost': avtobiografii sovetских trudjashhihsja [Subjectivity and identity: autobiography of Soviet workers] (2014) / Nauchno-uchebnaja gruppa mezhdisciplinarnyh issledovaniy avtobiografii. [Research and study group for interdisciplinary studies of autobiography]. National research University - Higher school of the Economics. Moscow. URL: <https://phil.hse.ru/autobio/seminar14> (accessed: 11.07.2017) (In Russian)
- Centr dokumentatsii obshhestvennyh organizatsij Sverdlovskoy oblasti [The Center of documentation of public organizations of Sverdlovsk region] (CDOOSO). F. 4. Op. 2. D. 77. Gosudarstvennye informacionnye svodki Tobol'skogo Okruzhnogo otdela Ob'edinennogo Gosudarstvennogo politicheskogo upravleniya Ural'skoj oblasti [State news reports of the Tobolsk District of the Department of joint State political administration of the Ural region] (22.01.1924–27.12.1924) (In Russian)
- Ball, Alan M. (1990) Russia's Last Capitalists: The Nepmen, 1921–1929. Berkeley: University of California Press. 222 p.

Килин Алексей Павлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета им. Первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург); Alexey.kilin@urfu.ru

**Autobiography as means of rehabilitation:
on materials of personal records of ‘lishenets’**

In the early Soviet society, the tool of discrimination on the basis of professional activity was disfranchisement of the citizens who were engaged in trade. Occupation of a legal form of activity resulted in the descending social mobility of the individual, and the need for rehabilitation was the urgent need, a condition of survival of the dealer and members of his family. A personal record of ‘lishenets’ was the result of documenting of process of restoration in electoral rights. The analysis of office work autobiographies contained in personal records allows not only to recreate a social portrait of the person of that period, but also to reveal unique, sometimes tragic episodes of biographies of people who were fated to live during ‘an era of changes’.

Keywords: New Economic Policy, Urals, electoral right, restriction of electoral rights, personal record, autobiography, business owners, trade, social mobility, rehabilitation

Alexey Kilin, PhD (History), Associate Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg); Alexey.kilin@urfu.ru

А. И. МАСЛОВА

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЕ ДЕМОНСТРАЦИИ ДЛЯ ПОКАЗАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА «ДЕЛО “ПРОМПАРТИИ”»

Статья посвящена реконструкции одной из крупнейших советских демонстраций 1930 г., проходившей в рамках кампании, связанной с проведением показательного суда над советскими инженерами, известного как «дело “Промпартии”». На основе профсоюзной документации в статье анализируется динамика проведения демонстрации и предшествующих ей митингов. Демонстрация рассматривается как форма взаимодействия формирующегося сталинского режима со своей социальной базой (одновременно же и референтной группой) – рабочей средой.

Ключевые слова: демонстрация, митинг, судебный политический процесс, «дело “Промпартии”», профсоюз, профсоюзная документация

Проведение показательных судебных процессов, будучи характерной чертой политической жизни раннесоветского государства и общества, приобрело значительный размах в конце 1920-х – начале 1930-х гг., когда в Москве состоялись три крупномасштабных открытых суда над объявленными по сфабрикованным «делам» «врагами народа» (Шахтинский, «Промпартии» и «Меньшевистский» судебные процессы), каждый из которых имел провинциальные «следы» из десятков более мелких судебных слушаний.

Политический процесс по делу «Промпартии», проходивший в Колонном зале Дома Союзов 25 ноября – 7 декабря 1930 г., наиболее значительный из трех названных «вражеских» процессов с точки зрения целей, которые на него возлагало сталинское руководство, а также ресурсов, затраченных даже не столько на организацию и проведение самих судебных заседаний, сколько на связанную с этим сопроводительную мобилизационную кампанию¹.

Масштабная печатная пропаганда, сопровождавшая ход судебного процесса над «Промпартией», ежедневная радиотрансляция из зала суда, съемка, наряду с немой кинохроникой, одного из первых советских озвученных документальных фильмов – это и многое другое из арсенала машины Агитпропа было рассчитано на отечественную, а

¹ Исследование судебных политических процессов как сфальсифицированных показательных акций формирующегося сталинского режима основано на работах А.А. Есинева и С.А. Красильникова, а также на работе Н.Б. Арнаутова, изучавшего формирование образа «врага народа» в советской пропаганде и его отражение в стереотипах массового сознания групп советского социума. См.: Есинева 2004. С. 31-42; Красильников 2014; Арнаут 2012.

также на зарубежную аудиторию. Если рассматривать кампанию суда в средствах массовой информации, то она проводилась не только по государственной линии, но и по линии органов печати Коминтерна и иностранных компартий. Непосредственно на судебном процессе по делу «Промпартии» присутствовали в качестве корреспондентов и приглашенных гостей известные фигуры того времени – лидер французских коммунистов Марсель Кашен, журналист Михаил Кольцов, легенда немецкого пролетариата Макс Гельц и др.

Особое место отводилось ставшему традиционным мероприятию, сопровождавшему подобные судебные процессы в Москве – организация массовых митингов и демонстраций. Демонстрации и митинги проводились по всем крупным городам страны и играли роль своеобразного «публичного индикатора», показывающего поддержку народом правительства СССР. Логика проста: показательному суду требовалась показательная демонстрация народной солидарности.

Взаимная показательность носила социально-политический характер. Дело в том, что на процессе «Промпартии» в конце 1930 г. «судили» не просто «инженеров-вредителей»², будто бы создавших нелегальную антисоветскую партию, но якобы готовившихся поддержать иностранную интервенцию. Лозунги антивоенного содержания становились тем самым мобилизационным рычагом воздействия на массовое сознание, на который возлагал главную надежду И.В. Сталин, иницируя судебный процесс над никогда не существовавшей в реальности «Промпартией». Синдром возможной внешней агрессии (положение СССР как «осажденной крепости»), начавший формироваться несколькими годами ранее (с весны–лета 1927 г. и получивший образное название «военной тревоги»), требовал постоянного нагнетания обстановки угрозы войны, поэтому публичный суд над «пособниками» военного вторжения в СССР находил общественный резонанс, и пропаганда использовала патриотический ресурс на полную мощь.

Становление сталинского режима личной власти требовало расширения его социальной опоры. Однако начавшаяся в 1930 г. принудительная коллективизация деревни, вызвавшая массовый протест крестьянства, обозначила кризис власти, опиравшейся преимущественно на город, пролетарские массы и государственных служащих. В данных условиях власти следовало заручиться поддержкой этих слоев, и здесь как нельзя кстати реанимировался лозунг борьбы против «вредительства» специалистов, апробированный в ходе Шахтинского процесса 1928 г., безошибочно эксплуатировавший «спецедаческие» настроения

² К следствию и выведению на показательный судебный процесс было привлечено восемь инженеров и профессоров: Л.К. Рамзин, В.А. Ларичев, Н.Ф. Чарновский, И.А. Калинин, А.А. Федотов, К.В. Ситнин, С.В. Куприянов, В.И. Очкин.

рабочего класса, а утверждения обвинительного заключения о прямой связи руководства «Промпартии» с французскими правительственными и военными структурами еще больше накаляли напряженную обстановку. Техническая интеллигенция вновь попала под «бдительный пролетарский контроль», и это налагало на нее дополнительные обязательства в демонстрации мобилизационной готовности вместе с рабочими «противостоять интервенции». Иными словами, от технических специалистов требовалось публичное выражение поддержки существующему политическому режиму в проводимой этим режимом политике.

В любой кампании мобилизационного типа важнейшей чертой выступает ее массовость, обеспечением которой занималась многоуровневая система формально негосударственных, а фактически полугосударственных по своей субординации общественных организаций, среди которых ведущее положение занимали профессиональные союзы. О самостоятельности последних речи быть не могло, любая масштабная акция, рамки которой выходили за пределы предприятий и учреждений, являлась директивно установленной и санкционированной «сверху». Не стали исключением и крупные демонстрации в городах, приуроченные к началу процесса над «Промпартией», руководство над которыми брали на себя партийные органы, а массовость обеспечивала профсоюзная вертикаль – от ВЦСПС до низовых ячеек.

Реконструировать столь крупное агитационно-пропагандистское мероприятие и его проведение в столичных городах (Москва и Ленинград) позволяет документация архивного фонда ВЦСПС, где сохранились материалы, начиная от подготовительных действий профсоюзов и статистики «присутствия» трудящихся на демонстрациях, заканчивая фиксацией настроений разных групп работников до, во время и после уличных манифестаций в связи с судебным процессом по «делу “Промпартии”». О демонстрациях в столицах можно судить и по кадрам кинохроники, специально снятой для широкого проката, а также из оценок иностранных корреспондентов и советской периодической печати.

Данные фонда ВЦСПС позволяют выяснить как численность выведенных на улице отраслевыми профсоюзами людей, так и социально-профессиональный состав демонстрантов. Ценность этой документации заключается в том, что она содержит не отраженную другими документами информацию о настроениях и реакции целевых социальных групп (рабочих, служащих, интеллигенции) на конкретное событие *в динамике*: профсоюзные отчеты описывают не только собственно демонстрацию, но и пролог (митинги на заводах, проходившие до начала судебного процесса 23 и 24 ноября), а также эпилог (реакцию городских масс на вынесенный судебный приговор).

Первая волна – это митинги рабочих на заводах накануне судебного процесса. За их организацию и проведение непосредственно от-

вечали профсоюзные организации. По отчетным данным московского руководства от 29 ноября 1930 г. в митингах в преддверии показательного суда участвовали рабочие 91 столичного предприятия, или семи отраслевых профсоюзов (речь, как отмечалось в отчете, шла только о тех предприятиях, которые предоставили информацию). Процент явки трудящихся на митинги держался на достаточно высоком уровне и составлял в среднем 70-90% от общего числа рабочих, что оценивалось цифрой около 100 тыс. чел.³ Каждый митинг включал в себя не только резолюцию протеста против «вредителей» – в течение того же дня на предприятиях проводилась дополнительная подписка на внутренние займы, тогда же происходил публичный прием в партию работников предприятий, причем не только рабочих, но и отдельных специалистов. Отчеты с мест не отличались разнообразием: как правило, настроение рабочих на митингах оценивалось профсоюзниками как «здоровое». Типичный митинг на фабрике им. Ногина описывается в отчете следующим образом: «Сегодня по окончании работы, было общефабричное собрание, на которое собралось около 700 чел. Настроение рабочих бодрое и приподнятое, выступлений в оправдание вредителей не было, в резолюции рабочие требуют расстрела всех вредителей, после чего вся смена вышла на демонстрацию»⁴.

В описанных данных, составляющих своеобразную отчетную матрицу о проведенном мероприятии, обнаруживается его сценарный, четко установленный характер. Здесь налицо все основные признаки его успешности: главное – обеспечена массовость с охватом собранием всех цехов; если оставить за рамками анализа «бодрость и приподнятость» настроения рабочих, то дальше все было запрограммировано – в защиту обвиняемых никто не выступил (да и трудно представить такое, когда собрана столь внушительная масса работников), в резолюции был зафиксирован призыв к суду о расстреле «рамзинцев»; на следующий день состоялся массовый выход после окончания работы на уличную демонстрацию. Профсоюзные отчеты не дают оснований сомневаться в массовости как рабочего негодования в отношении подсудимых, так и в том, что профсоюзы вывели на улицы Москвы крупные коллективы заводов и учреждений едва ли не в полном составе. Гораздо сложнее ответить на вопрос о природе столь значительной мобилизационной активности рабочих, которой удалось добиться профсоюзам. Один из ответов, возможно, лежит в плоскости массовой психологии – чем крупнее, масштабнее и политически ангажированнее были публичные акции типа митингов и демонстраций, тем труднее было избежать участия в них и, тем более, решиться на поступок протестного характера.

³ ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 223. Л. 30.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 223. Л. 25.

Вторая волна кампании – кульминация показательной активности масс – это непосредственно демонстрация. В первый день проведения судебного процесса «Промпартии», 25 ноября 1930 г. в четыре часа дня колонны демонстрантов прошли по улицам Москвы мимо Колонного зала Дома Союзов. По сообщениям центральных газет, демонстрация рабочих и служащих в столице насчитывала 1 млн. 200 тыс. чел.⁵ Кадры кинохроники запечатлели масштаб шествия, производившего сильное впечатление на очевидцев. «Напряженное спокойствие», – так описывали корреспонденты центральных советских газет настроение демонстрантов⁶. Крупные демонстрации 25 ноября проходили также на улицах Ленинграда (700 тыс. чел.) и других городов Советского Союза. На ленинградской демонстрации, что можно увидеть на кадрах кинохроники, показательно были выведены танки.

Данные московской областной организации отраслевых профсоюзов зафиксировали наибольший процент выхода на улицы рабочих от профсоюза металлистов – 98% от числа членов профсоюза, или 44 тыс. чел. (сведения предоставили 15 предприятий). Далее, по убывающей – рабочие профсоюза печатников (87% от 9 предприятий); рабочие деревообрабатывающей промышленности (85% от 13 предприятий); рабочие-текстильщики пополнили число демонстрантов на 34 тыс. чел. (81% от 18 предприятий). При всей неполноте статистики ясно, что ядро рабочих на демонстрации в Москве составили металлурги и текстильщики – их представительство оказалось существенно выше, чем для профсоюзов пищевиков, строителей, медиков, обеспечивших явку чуть более половины работавших. Здесь очевидна корреляция между размерами предприятий и долей явки на демонстрацию: металлургические и текстильные заводы и фабрики с их многотысячными коллективами традиционно обеспечивали массовость такого рода акций.

Ряд фабрик и заводов Москвы и Московской области обеспечили тотальную явку на демонстрации в столице и тех городах Подмоскovie, где прошли шествия. Среди крупных фабрик и заводов с количеством рабочих от 1300 чел. и выше, согласно отчетности профсоюзов, полная явка на демонстрацию зафиксирована на заводе «Серп и Молот», заводе «Авиаким №1», заводе им. Калинина, фабрике «Красная заря», 6-ой пуговичной фабрике; близкую к полной явку обеспечили работники завода «Динамо» (98%), Коломенского завода (97%).

«Врагами» на судебном процессе по «делу “Промпартии”» выступали, как уже отмечалось выше, «вредители» и «иностранцы интервенты» (последние в роли подстрекателей внутренних «врагов»), что отразилось на лозунговой и оформительской стороне демонстра-

⁵ Правда. 1930. 26 нояб.; Известия. 1930. 26 нояб.

⁶ Правда. 1930. 26 нояб.

ций. Переноса взгляд с документов на живую действительность, по кадрам заснятой кинохроники можно наблюдать, что лозунги, направленные против интервенции, преобладали в ходе демонстрации в сравнении, например, с лозунгами против «спецов-вредителей».

Анализ материалов центральной периодической печати на предмет лозунгового сопровождения дает основания отсчитывать начало пропагандистской кампании с 7 ноября 1930 г., когда впервые за рассматриваемый временной отрезок печатной пропаганды был введен в оборот лозунг об «угрозе интервенции». 11 ноября в газетах было опубликовано обвинительное заключение по «делу “Промпартии”»⁷. С 10 по 24 ноября пропагандистская кампания в советской центральной печати (газеты «Правда», «Известия») набирала обороты. Количество лозунгов, посвященных судебному процессу, в одном номере газеты «Правда» до 17 ноября было не более 3-х, с 18 ноября частота употребления лозунгов возросла с 5 до 8, в первые дни судебного процесса доходя до 11-15 (25 и 26 ноября). Две ключевые даты – 7 ноября и 25 ноября 1930 г. – соответственно запуск «анти-интервенционистского» лозунга и начало показательного суда над «интервенцией и вредителями» – были значимыми в рассматриваемом контексте также и потому, что в эти два дня, в двухнедельный временной отрезок, проводились крупные демонстрации. Демонстрация 7 ноября, по данным газеты «Правда», проводилась при участии 1,5 млн. чел.⁸ Хотя она была посвящена празднованию 13-й годовщины Октябрьской революции, при более широком взгляде это была одна, хорошо выстроенная, мобилизационная кампания, рассчитанная на достижение максимального результата с точки зрения вовлечения референтных групп социума.

Из «отрицательных моментов» в ходе проведения демонстрации профсоюзные деятели отметили низкую активность («недостаточную вовлеченность» в протестную акцию) инженеров, преподавателей вузов, научных сотрудников. Это, с одной стороны, объяснимо тем, что часть научной и технической интеллигенции расценивала обвинения в адрес «рамзинцев» как фальсификацию, и это зафиксировано в сводках ОГПУ о настроениях в кругах специалистов в связи с «делом “Промпартии”»⁹. Другой фактор традиционно низкой активности этих групп – слабая степень профессиональной консолидации в их среде.

Профсоюзные документы зафиксировали факты проявления негативной реакции среди рабочих на судебный «вредительский» процесс. Так, открыто высказанное суждение рабочего Иванова о судебном процессе («сами наделали, а теперь обвиняют людей в контрреволюции»)

⁷ Правда. 1930. 11 нояб. С. 3-6; Известия. 1930. 11 нояб. С. 2-5.

⁸ Правда. 1930. 10 нояб.

⁹ «Совершенно секретно»... С. 1210-1211.

вкупе с другими «антисоветскими» высказываниями привели к исключению его из профсоюза и последующему увольнению. В том же обзоре помещено высказывание рабочего по фамилии Короза (завод «Красная Звезда»), собравшего возле себя группу рабочих со словами: «Чего нам бояться интервенции. Придут, нас не тронут. Будут бить только коммунистов. А мы и так голые и босые. Нам интервенция не страшна»¹⁰. Единичность таких оценок в рабочей среде вовсе не свидетельствует о монолитной поддержке рабочими инициированных «сверху» политических акций. Примечательно то, что над такого рода «одиночками» производилась демонстративная расправа (увольнение с работы с «волчьим билетом») как предостережение другим работавшим.

По оценке немецкого исследователя М. Рольфа, в период первой пятилетки советские демонстрации, как и массовые праздники в целом, призваны были подчеркивать единство коммунистического руководства и трудящегося народа в условиях «враждебного окружения»¹¹. Известно, что идея о существовании и угрозе «внешнего врага» отличается социальной живучестью и легко усваивается массовым сознанием. Ею гораздо проще, в силу глобальности и недоступности для рациональной проверки информации, оперировать в мобилизационных кампаниях, нежели бороться с реальными политическими оппонентами, что всегда требовало продуманной и убедительной аргументации, какой часто не было у радикального крыла сталинской власти. Картонный «Пуанкаре – война», изображение которого мелькало над колоннами идущих демонстрантов, был настолько же символичен, насколько и опасен как образ надвигавшейся извне военной угрозы. Восемь «разоблаченных приспешников» во главе с проф. Рамзиным казались жалкими и ничтожными, но уже обезвреженными персонажами.

Возникает вопрос о причинах участия рабочих в демонстрациях: носила ли данная публичная акция формальный характер, либо она отражала реальные настроения рабочих, их солидарность в отношении показательного суда над «вредителями»? Как соотносились проявления политической активности рабочих с тем, что уровень их жизни, без того довольно низкий, к концу 1930 г. продолжал понижаться?

Авторитет высшего советского руководства в среде рабочих был достаточно высок, чтобы вопрос о неправомерности действий власти у них практически не возникал. В частности, судебный процесс над «вредителями» недоверия у рабочих не вызывал. Подавляющее большинство рабочих действительно выражало поддержку в проведении властью показательного суда над «Промпартией». Кроме того, важно учитывать ментальные характеристики большинства групп раннесовет-

¹⁰ Там же.

¹¹ Рольф 2009. С. 161-162.

ского общества конца 1920–1930-х гг. Современное развитие антропологического направления исследований в изучении советской истории позволяет говорить о том, что «вера в социализм» была сильна. Как отмечает Н.Б. Лебина, ценности социализма как мировоззрения удачно ложились на патерналистские ценности большинства населения, во многом заменяя традиционные религиозные представления. В основе новой системы ценностей лежали такие постулаты, как труд во благо социализма, жертвенность, готовность переносить лишения, а «новый человек» должен быть наделен упорством, мужеством, силой, отвагой¹². Важной составляющей новой идеологии в 1920–1930-х гг. был и оставался в последующем образ «врага». Бинарные оппозиции типа «враг – друг», «добро – зло» и др., на которых выстраивалась конфронтационная мобилизационная пропаганда, также не вызывали отторжения и усваивались массовой традиционалистской психологией. Поэтому «вредительские» судебные процессы воспринимались рабочими как неизбежное возмездие, расплата за содеянное «врагами» зло. Свое значение имел и тот факт, что с 1929 г. в ходе форсированной индустриализации в промышленность хлынула деревенская масса и «новые рабочие» готовы были принимать «новые ценности».

С другой стороны, судебный процесс над «Промпартией» принимался рабочей средой упрощенно – как очередная политическая акция против «буржуазных спецов». Показательный суд над «рамзинцами» преследовал очевидную прагматичную цель властей – перенаправить негативные настроения рабочих в сторону «вредителей» как основных виновников трудностей в стране. Говорить о сознательном (и тем более самостоятельном) активном выступлении рабочих *на стороне партии* было бы преувеличением. Об этом свидетельствует и предписанная «сверху» форма участия в демонстрациях с «лимитами» по предприятиям и учреждениям, и низкий уровень политической культуры населения в целом. Рабочие действовали, скорее, исходя из навязанных и при этом хорошо усвоенных классовых стереотипов, когда «класс выступал против класса». Это подтверждается и результатами пропагандистской кампании, в соответствии с которыми рабочие, как правило, сосредотачивали внимание не на содержании и обоснованности обвинений подсудимым, а на вынесении последним сурового приговора. Содержание центральных печатных изданий, особенно в той части, где переданы «отклики» рабочих на судебный процесс¹³, переполнено требованиями высшей меры наказания «вредителям» и *однообразными* формулировками принятых на собраниях резолюций – например, «дой до вредителей», «смерть вредителям», «расстрелять вредителей».

¹² Лебина 1999. С. 147–149.

¹³ Правда. 1930. 27 ноября. С. 2; Известия. 1930. 30 ноября. С. 2.

С этой точки зрения, внесение в рабочую среду более сложных оценочных суждений, рассчитанных на дифференцированное восприятие той же технической интеллигенции и резолюций о «смычке» со «здоровой» частью специалистов, не могло иметь позитивного отклика. Негативная консолидация «против» специалистов удачно ложилась на антиинтервенционистские лозунги. В состоянии страха, неуверенности, растерянности уровень внушаемости и некритической оценки того или иного действия существенно увеличивается¹⁴. Опасность соединения угроз внутренних и внешних давала важную мотивацию участия рабочих в публичной протестной акции. Кроме того, участие в демонстрации мог принять далеко не каждый: здесь также действовали свои стандарты соответствия – основное значение имело социальное происхождение. По мнению М. Рольфа, изучавшего технологии организации советских праздников, праздничное сообщество – это круг избранных¹⁵. Аудитория рабочих, будучи провозглашаемой передовой и сознательной силой, наверняка осознавала свой приоритет по отношению к другим группам и шла на выполнение отводимой ей социальной роли.

О реакции рабочей массы на вынесенный судом приговор и последовавшую замену ЦИК СССР смертного приговора для основных обвиняемых длительными сроками заключения можно судить по отчетности отраслевых профсоюзных органов в ВЦСПС 8-10 декабря 1930 г. Смягчение ранее вынесенного Специальным присутствием Верховного Суда СССР (под председательством А.Я. Вышинского) расстрельного приговора «вредителям» вызвало волну возмущений, непонимания и протестов со стороны рабочих. Характерная реакция выражалась в высказываниях: «Они уничтожают миллионы масс и наше строительство, а мы боимся их расстрелять» (рабочий Луганского завода Величко); «Весь союз рабочего класса постановил расстрелять, а правительство отменяет и выносит на рабочее собрание, делает, что хочет – пусть тогда рабочих не спрашивают и делают, как хотят»¹⁶ (рабочие Луганского завода Чернявский и Голышев).

В Президиум ЦИК СССР в адрес М.И. Калинина поступило около сотни протестных писем. В письме рабочего П. Бондарева, отправленном из Ленинграда 9 декабря, нашли отражение одновременно и гнев, и разочарование действиями власти (стилистика письма сохранена):

В день открытия суда мы бодро шагали на площадь Урицкого, мы несли плакаты, на которых под лучами прожекторов сияли надписи «Требуем расстрела контрреволюционным вождям Промпартии», «Смерть врагам Социалистической стройки» и проч. Мы шли бодро, крепкими шагами измеряли свой путь и как будто чувствовали, что мы идем в бой с буржуазией. Это шли не единицы и

¹⁴ Поршнев 1979. С. 157.

¹⁵ Рольф 2009. С. 166.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 14. Д. 761. Л. 36.

не сотни, а тысячи, десятки тысяч, миллионы. Даже в день объявления приговора мы, работающие в ночную смену, ночью услышали, что Рамзину – расстрел, др. то же, Очкину 10 лет, Ситнину 10 лет и т. д., и мы сразу уже здесь под голос рупора радио невольно захлопали, в нас загорелась кровь, мы этого ждали, мы это в результате приветствовали, не только фармально, а в наших напряженных жилах [...] Разве можно дать другой приговор этим Рамзиным, разве дорого их раскаяние, да, оно нам было нужно, но оно не должно отменять расстрела.

Если Верховный Суд вынес этим ученым людям свое наказание, так это уже не месть, а «награда» за их заслуги. Зачем же ты Михаил Иванович явился в этом деле таким мягкотелым, вынося постановление ЦИКа от 8/XII с/г по делу «Промпартии»? Кто тебя просил давать смягчения, скажи хотя бы в печати. Разве ты не читал и не знал, что говорили миллионы таких, каким был раньше ты...¹⁷

Анализ динамики организованной силами профсоюзов кампании поддержки рабочей массой процесса «Промпартии» показывает достаточно высокий уровень вовлеченности рабочих в такого рода политические публичные акции. Сопроводительная кампания, включавшая в себя митинги в канун судебного процесса, демонстрационные марши в день начала суда и митинги по его завершению – весьма наглядный пример того, как работал мобилизационный механизм формирующегося сталинского режима. Хотя факты говорят о том, что с наибольшей долей вероятности рабочими двигал мотив классового противостояния («против»), в официальных документах акценты проявленного рабочими активизма делались на солидарность рабочих и коммунистической партии. Так, в той же профсоюзной документации резюмировалось: «В день открытия суда над вредителями 25/XI, трудящиеся фабрик и заводов Москвы после окончания трудового рабочего дня с 4-х часов дня до поздней ночи *вышли на улицу демонстрировать свою преданность делу социалистического строительства, демонстрируя под лозунгом партии и ее ленинского ЦК* (курсив наш – А.М.)»¹⁸.

В модели взаимодействия сталинской власти с основной своей социальной опорой, рабочим классом, находит отражение своеобразный договор, основанный на компромиссе между реальными настроениями рабочих, которые в рамках отведенной для них роли участвовали в инициированных «сверху» акциях поддержки и солидарности с действиями власти, и политической системой, которая удовлетворялась лояльностью рабочих в митингово-демонстрационной форме. «Размычка» между ними, выраженная негодованием значительной части рабочих на пересмотр ожидавшегося расстрельного приговора, скорее, говорила о том, кто был реальным постановщиком показательного судебного процесса «Промпартии».

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 23. Д. 1036. Л. 97–97 об.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 223. Л. 25.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Государственный Архив РФ (ГА РФ). Ф. 5451. – Оп. 14. – Д. 761; Ф. Р-5451. – Оп. 14. – Д. 223; Ф. Р-3316. – Оп. 23. – Д. 1036.
- Известия. – 1930 – 11 нояб.; 26 нояб.; 30 нояб.
- Правда. – 1930. – 10 нояб.; 11 нояб.; 26 нояб.
- «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 8. Ч. 2. М.: Институт российской истории РАН, 2008.
- Арнаутов Н.Б. Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (декабрь 1934–ноябрь 1938 г.). Новосибирск: НГУ, 2012.
- Есиневиц А.А. Мнимые вредители. «Шахтинское дело». «Дело Промпартии». СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2004.
- Красильников С.А. Советские судебные политические процессы в 1920–1930-е гг.: причины, организация, последствия. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014.
- Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1999.
- Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979.
- Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009.

REFERENCES

- Gosudarstvennyj Arhiv RF (GA RF) – F. 5451. – Op. 14. – D. 761; F. R-5451. – Op. 14. – D. 223; F. R-3316. – Op. 23. – D. 1036.
- Izvestija. – 1930 – 11 nojab.; 26 nojab.; 30 nojab.
- Pravda. – 1930. – 10 nojab.; 11 nojab.; 26 nojab.
- «Sovershenno sekretno»: Lubjanka Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934). T. 8. Ch. 2. M.: Institut Rossijskoj istorii RAN, 2008.
- Arnautov N.B. Obraz «vruga naroda» v sisteme sovsckoj social'noj mobilizacii: ideologo-propagandistskij aspekt (dekabr' 1934-nojabr' 1938 g.). Novosibirsk: NGU, 2012.
- Esinevich A.A. Mnimye vrediteli. «Shahtinskoe delo». «Delo Prompartii». SPb.: IPC SPGUTD, 2004.
- Krasil'nikov S. A. Sovetskie sudebnye politicheskie processy v 1920–1930-e gg.: prichiny, organizacija, posledstvija. Novosibirsk: RIC NGU, 2014.
- Lebina N.B. Povsednevnaia zhizn' sovsckogo goroda: normy i anomalii. 1920–1930 gody. SPb.: Izdatel'sko-torgovoj dom «Letnij Sad», 1999.
- Porshnev B.F. Social'naja psihologija i istorija. M.: Nauka, 1979.
- Rol'f M. Sovetskie massovyje prazdniki. M.: ROSSPJeN, 2009.

Маслова Анжелика Игоревна, магистр истории, аспирант, Новосибирский государственный университет; maslovaanzhelika@mail.ru

**The demonstrative demonstration for a demonstrative trial:
the case of 'Industrial Party'**

The article reconstructs one of the greatest Soviet mass demonstrations of the 1930s linked to the campaign, which was organized in connection to the show trial of Soviet engineers, the so-called case of the “Industrial Party”. The trade union records show the dynamics of the mass demonstration and of the meetings that had preceded it. Demonstration is seen here as a form, by which the emerging Stalin’s regime interacted with its social base (and reference group) – the labourers.

Keywords: judicial political process, the case of ‘Industrial Party’, trade union documentation

Anzhelika Maslova, MA (History), graduate student, Novosibirsk State University; maslovaanzhelika@mail.ru

Л. Н. ХАХОВСКАЯ

ЧАУНСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ БАЗА СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ

Автор освещает деятельность Чаунской культурной базы (культбазы), работавшей на Чукотке в 1933–1940 гг. Автор рассматривает теоретические основания проекта культурных баз. Идея проекта опиралась на народнические взгляды этнографов и чиновников Комитета Севера и имела комплексную гуманитарную направленность. На примере работы Чаунской культбазы автор показывает практическую реализацию проекта, вскрывает причины его неэффективности. Автор делает вывод, что культбазы Севера оказались в ситуации двойного зажима. С одной стороны, они испытывали давление повседневной реальности, которая не совпадала с первоначальными представлениями и планами. С другой стороны, местные органы власти оказывали сильный нажим на культбазы, контролировали их работу и навязывали свою политическую линию. Основную критику вызывала неспособность культбазы активно проводить коллективизацию оленеводов.

Ключевые слова: *Чукотка, Чаунская культурная база, Усть-Чаун, Комитет Севера, советская модернизация, аборигены, кочевые школы, товарищества, коллективизация*

Стратегия включения северных территорий в общесоветское пространство в первые десятилетия советской власти допускала существование вариативных проектов. Деятельность Чаунской культурной базы, существовавшей в Чукотском национальном округе с 1933 по 1940 гг., представляет собой реализацию одного из направлений советской модернизации жизненного уклада чукотских аборигенов. Идея культурных баз родилась из симбиоза теоретических и организационно-практических подходов к социалистическому преобразованию северных окраин, а в их работе отразились основные коллизии первоначальной советизации коренных народов, столкновение интересов ведомственных структур и ветвей власти, социальных и этнических групп, отдельных людей. На примере Чаунской культбазы можно говорить о тех общих причинах неэффективности «культбазовского проекта освоения Севера.

Освещение истории северных культурных баз нельзя признать удовлетворительным. В советской историографии авторы педалировали значение культбаз в становлении современной Чукотки и ничего не говорили о трудностях и негативном опыте¹. В современной литературе чукотские культбазы лишь упоминаются в контексте иной тематики², оставаясь белым пятном. Выявленные нами архивные документы позволяют проследить перипетии функционирования Чаунской культур-

¹ История Чукотки... 1989; Фетисов 1958; 1969.

² Слезкин 2008; Талызин 2008.

ной базы, определить ее место в общем потоке советских реформ, показать разные стороны жизни связанных с культбазой людей.

Модернизация традиционного уклада чукотских аборигенов предусматривала создание советских и партийных органов, устроенных по административно-территориальному принципу. Партийная сеть пронизывала все предприятия и учреждения региона, т.е. обладала гораздо более мощной и разветвленной структурой, позволявшей осуществлять тотальный контроль. Одновременно в отдельных местностях Чукотки появились организации, которые в общей институциональной архитектуре занимали особое место – культурные базы. Идеологической подоплекой проекта создания северных культурных баз был романтический пафос революционного преобразования окружающей действительности, свойственный большевистской платформе: в проекте прослеживаются неявные утопические представления об идеальном устройстве некоторого ограниченного сообщества, которое могло бы служить примером желаемого будущего. В более широком антропологическом контексте эти представления опирались на сильную народническую традицию культивировать образ отсталого, но добродетельного «туземца», который должен пойти навстречу искренним стремлениям помочь ему избавиться от «отсталости»³.

Решение осваивать окраинные регионы с помощью культурных баз принимал Комитет Севера, положив в основу их деятельности принцип комплексности. Культбазы должны были заниматься всеми сторонами жизни аборигенов – учить, лечить, поднимать экономику и уровень жизни. Отсюда вытекала установка на самодостаточность и самостоятельность, а также максимальную локальную и социальную приближенность к местному населению. Культбазам поэтому предписывалось начинать работу с «чистого листа», дистанцируясь от уже созданных структур власти. Так, одна из первых в стране Чукотская (Лаврентьевская) культбаза обосновалась не в Уэлене, административном центре Чукотского района и самом крупном на тот момент населенном пункте, а в почти безлюдном месте залива Лаврентия⁴. То же самое произошло при организации культбазы в Чаунском районе Чукотки. Ко времени основания Чаунской культурной базы (лето 1933 г.), уже существовал пос. Певек, ставший административным центром вновь образованного района. Певек находился на одноименном мысе северо-восточной оконечности Чаунской губы, в удобном месте: сюда могли причаливать крупнотоннажные морские суда. Имущество культбазы, выгруженное в Певеке, должно было отправиться дальше, в то место, где ее предстояло возвести. Предписание быть ближе к местно-

³ Скачко, 1934. № 6. С. 6-9; Терлецкий, 1935. № 1. С. 36-47.

⁴ Хаховская, 2012. С. 169, 170.

му населению натолкнулось, однако, на два препятствия, одно из которых оказалось преодолимым, хотя и с большими трудностями, а второе неустраняемым в силу объективных обстоятельств.

Первое препятствие заключалось в несоответствии первоначальной локализации культбазы разработанным Комитетом Севера планам. Согласно плану, ей полагалось находиться в устье реки Чаун, в 120 км от Певека. Однако по какой-то причине (возможно, из-за отсутствия транспорта) первый начальник культбазы, Михаил Гаврилович Аристов, принял решение обустроиваться прямо в Певеке. Собранные здесь круглые домики (системы инженера Свинына) были отведены под школу, медпункт, клуб, Дом туземца, столовую и дома для персонала. Утверждение о том, что *«...в 1933 году Чаунская культбаза уже развернула свою хозяйственную и культурную работу среди кочевых чукчей»*⁵, не соответствует действительности – в районе мыса Певек чукчи не кочевали, культбаза обслуживала преимущественно приезжее население, которое нуждалось в первую очередь в медицинской помощи. Поэтому работа двух культбазовских врачей крайне слабо охватывала аборигенов: *«медобслуживание велось только в районе береговой полосы, тогда как кочевье в основном оставалось неохваченным и было предоставлено шаманам»*⁶. Местные жители были настолько редкими пациентами, что *«большим событием для больницы [по факту – амбулатория] было в 1934 г. принятие родов от одной чукчанки»*⁷.

Нахождение культбазы на Певеке не устраивало центральное руководство, поэтому второй ее начальник, Александр Иванович Романов, в августе 1935 г. прибыл из Москвы с твердым указанием немедленно передислоцировать людей и жилища, что и осуществил в крайне сжатые сроки и с большим напряжением сил всех культбазовских сотрудников. В этот год штат составлял всего 17 работников (из них 2 чукчей), на плечи которых и легли все тяготы по переезду. Ударные темпы, заданные Романовым, повлекли за собой острую критику в его адрес со стороны персонала. Квалифицированные сотрудники вынужденно занимались тяжелым физическим трудом, и не все были к этому готовы: *«Кроме учителей, разосланных по тундре, [такие] работники, как зоотехник и ветфельдшер, сидят на культбазе и занимаются не по своей специальности, ...а кладут печи, режут и носят дерн»*⁸. Положение усугублялось авторитарным стилем руководства Романова, пренебрегавшего, как считали культбазовцы, их правами и профессионализмом. Глашатаями критики в то время выступили медики, которые не

⁵ Фетисов, 1969.

⁶ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 10а. Л. 9об.

⁷ Фетисов, 1958.

⁸ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 10. Л. 61об.

были настроены на переезд в Усть-Чаун, а хотели бы остаться в Певеке. Позднее, когда Романов впал в немилость у районных руководителей, ему припомнили это «нечеловеческое» отношение «к сотрудникам культбазы, врачам Волошинову, Викторовой»⁹.

После обоснования культбазы на новом месте очевидным стало и второе препятствие – в окрестностях Усть-Чауна аборигенное население отсутствовало. В то время его основную массу составляли кочевники: по данным 1935 г., их в районе насчитывалось 1125 чел., тогда как оседлых 451 чел., из них приезжих 156¹⁰. Оседлые жители распределялись по 12 малонаселенным береговым пунктам, самым крупным из них был Певек, а кочевники находились в постоянном движении, так что какого-либо центра тяготения аборигенов в районе не существовало. Стать таким центром не смогла и культбаза – это не отвечало интересам ни аборигенов-кочевников, ни руководителей района. Чукчи-оленьеводы не очень охотно прикочевывали в Усть-Чаун, они утверждали: «Место культбазы мертвое – там редко бывают чукчи»¹¹.

Руководители региона, находившиеся в Певеке, небезосновательно считали центром именно этот населенный пункт, а культбазу старались поставить под контроль, придав ей значение одного из проводников партийной и советской работы, а не самостоятельной структуры. Вероятно, по договоренности с районным начальством, культбаза стала действовать на территории трех наиболее близких к ней национальных советов¹²: Усть-Чаунского, Ичуньского и Эльвунейского. Культбазовцы организовали в этих нацсоветах кочевые школы, товарищества по совместному выпасу оленей и промыслам, развернули деятельность Красной Яранги. В самом Усть-Чауне открылась стационарная школа с интернатом, амбулатория, Дом туземца, мастерские, клуб, зоо- и ветпункты, питомник собак. В 1935 г. персонал культбазы был еще небольшим – 19 чел., в т.ч. трое чукчей¹³, штат был заполнен менее чем наполовину, не хватало многих специалистов.

Характер работы сотрудников, особенно учителей кочевых школ, во многом совпадал с образом жизни аборигенов: «педагогический состав ...находится в чрезвычайно тяжелых материальных условиях. Не имеют постоянного полога, где бы можно вести занятия. Например, учитель Ичуньского нацсовета Ганич ведет занятия где представится возможность, то в пологе, то на открытом воздухе – это зимой»¹⁴. Как писал современник, кочевая жизнь чаунских чукчей «мало

⁹ Там же. Д. 14а. Л. 15.

¹⁰ Там же. Д. 10а. Л. 11.

¹¹ Там же. Д. 10. Л. 86.

¹² Всего в районе было 14 нацсоветов (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 1а. Л. 12).

¹³ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 10а. Л. 9.

¹⁴ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 10а. Л. 9об.

способствует учению: чуть напьются чаю, полог убирается, и можно учиться лишь на морозе, где-нибудь у стада или в дыму костра в яранге. А вечером, когда расставят полог, опять пьют чай, едят и ложатся спать»¹⁵. Несмотря на самоотверженный труд, достижения кочевых школ были скромными: одновременно от Чаунской культбазы действовали 2-3 школы, каждая из них охватывала своим влиянием лишь одно из многочисленных стойбищ, а обучалось всего несколько детей.

Основанные культбазой три оленеводческих и промысловое товарищества представляли собой формальные, неустойчивые структуры: они легко распадались, как только из тундры уезжали их организаторы. Районная власть требовала от культбазы постоянного присутствия при товариществах, но добиться этого не могла: культбазой *«допущены грубые ошибки в том, что не выполняли решения райкома ВКП(б), решения райисполкома в части закрепления конкретных людей за товариществами в Усть-Чаунском и Эльвунейском нацсоветах, серьезно не хотели помогать товариществам и эти товарищества раскочевались. Товарищество на Редкучи, в десяти километрах от культбазы, тоже развалилось – летом лов рыбы провален, также пушизаготовки»*¹⁶.

Не все сотрудники культбазы разделяли уверенность в возможности быстро перестроить местную экономику и быт на социалистический лад. Весной 1934 г. случился конфликт между И.С. Вдовиным и И.С. Архинчевым¹⁷. По словам Архинчева, *«Вдовин везде и всюду в тундре не желал работать и больше того, он подпевал кулакам, в переводах меня обманывал, говорил не то, что говорят чукчи. Школу можно было организовать кочевую, но Вдовин не хотел, заявлял мне, что он не учитель и школы не организовал. <...> Вдовин о коллективизации выступил против – говорит, что это вам не береговые, а кочевники. По коллективизации не хочет вести работу, а рассказывает старые сказки чукчам. Процесс коллективизации я хотел бы проследить до конца, но с Вдовиным я останусь с разбитым корытом»*¹⁸.

Сомнение в возможности проводить коллективизацию в Чаунском районе, с преобладанием кочевых, а не береговых хозяйств, высказал ветеринарный фельдшер культбазы И.Д. Тихоненко. Это мнение у него сложилось на основе опыта работы в гораздо более советизированном Чукотском районе. Взгляды Тихоненко подверглись критике как *«правооппортунистические теории»*¹⁹, и не были приняты во внимание.

¹⁵ Обручев, 1974. С. 41.

¹⁶ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 13а. Л. 69.

¹⁷ Архинчев проработал на культбазе два года (с 1933 по 1935), Вдовин – около года (1933/1934). Оба они впоследствии внесли большой вклад в развитие этнографического североведения.

¹⁸ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 1а. Л. 54, 55.

¹⁹ Там же. Л. 204; Д. 14а. Л. 15.

Вопреки нацеленности на аборигенное население, работа большей части культбазовцев протекала все же не в тундре, а в Усть-Чауне, что шло вразрез с их должностными обязанностями и самим смыслом пребывания на Севере: *«Вместо того, чтобы быть ветфельдшеру и зоотехнику на месте в стойбище, там, где творятся живые дела, где выращивается оленеводство, они едут в устье Чауна, где летом нет близко оленей и там занимаются другими работами»*²⁰. Безвыездно на культбазе находились также врач, краевед и другие сотрудники. Помимо ущерба основной задаче, постоянное проживание на культбазе имело негативные последствия морального плана для самого коллектива. Исходный посыл Комитета Севера основывался на установлении патерналистских и дружественных взаимодействий культбазовцев с аборигенами, при этом сами культбазы должны были стать для последних образцово-показательными социальными и производственными учреждениями, центрами распространения цивилизации²¹.

Действительность оказалась иной. Основной персонал культбазы набирался в Москве и Владивостоке по договору на два года, люди рассматривали Усть-Чаун как место временного пребывания, их мотивацией чаще всего была возможность накопить денег. Не все смогли выдержать суровость северного климата, трудности зимовки, бытовую неустроенность, моральные тяготы пребывания в маленьком замкнутом коллективе. В итоге уже к зиме 1935/1936 гг. сложилась непростая психологическая атмосфера: культбазовцы увязали в повседневных проблемах и внутренних склоках. Не способствовало нормализации обстановки поведение начальника культбазы Романова, который, с одной стороны, проявлял определенную независимость от районных органов власти, нежелание выполнять их распоряжения; а с другой, бывал высокомерным и даже грубым с подчиненными и аборигенами. Сложилось противостояние между начальником и коллективом: *«Отношение Романова к врачам Волошинову и Викторовой за последнее время стали прямо издевательским и безобразным. Врачи форменно третироваются»; «...мы испытали издевательства Романова, поэтому против него выступали»*²². Романов и сам признавал внутренние проблемы, отвлекавшие культбазовцев от основной задачи: *«Совершенно верно, что культбаза не работала, а занималась сама собой, сейчас наша задача в том, чтобы повернуть культбазу к [местному] населению»*²³.

Фрондерство и заносчивость Романова, по всей видимости, происходили из осознания значимости собственных полномочий, полученных

²⁰ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 1а. Л. 205.

²¹ Слезкин, 2008. С. 182.

²² ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 10. Л. 82; Д. 14а. Л. 18.

²³ Там же. Д. 10. Л. 85.

из рук такой авторитетной структуры, как Комитет Севера, в первые годы существования имевшей значительные властные prerogatives на подведомственных территориях. Но Комитет Севера быстро утрачивал свое влияние. После его ликвидации в 1935 г. чукотские культурные базы перешли в подчинение Главного управления северного морского пути (Главсевморпуть, или ГУСМП). Это была мощная, хорошо обеспеченная ресурсами государственная корпорация, которая также придерживалась курса на независимость от местной власти и подогревала такие настроения у своих сотрудников. Однако в финансово-материальном плане культбазы для ГУСМП были, что называется, нелюбимое дитя, и результат такого отношения не замедлил сказаться.

Романов не сумел найти подход к аборигенному населению, более того, не искал его: за двухлетний срок пребывания на посту начальника ни разу не выезжал в стойбища чукчей, не посещал яранги кочевников, да и на культбазе, видимо, мало контактировал с ними. В свою очередь, местные жители его недолгоблюдали, а аборигены-активисты обвиняли в нежелании «помогать чукчам»: *«Романов 17 лет в партии, а работает плохо, вот Аристов все время помогал, ездил в тундру, а Романов не хочет помогать, а только обманывает, сидит с женой вместе на культбазе, никуда не выезжает. Романов не хочет так работать, как говорил Ленин»; «Романов не помогает и чукчи говорят, что Романов плохой человек. <...> Нам нужны моторы, а их нам не дали – все культбаза забрала»; «Романов много говорил о помощи нам, но ничего не делает, он ни разу у нас не был и не знает, как мы живем»²⁴. Возникшая неприязнь с особой силой выплеснулась после трагедии с учениками культбазовской школы-интерната: *«26 марта 1936 г. замерзли два ученика из чукоч»²⁵, это привело к дальнейшему ухудшению отношения со стороны местного чукотского населения к культбазе и особенно к ее директору Романову»; «...вокруг этого вопроса создалось напряженное политическое настроение среди местных жителей, <...> уже имеется случай резкого выступления против культбазы»²⁶.**

Гармоничные взаимоотношения между культбазой и коренными жителями не складывались, поскольку аборигены вовсе не приветствовали вторжение в их привычную жизнь. Сильное раздражение кочевников вызывала школьная работа культбазовцев. С самых первых шагов культбазе пришлось столкнуться с трудностями набора учеников, особенно в стационарную школу, так как чукчи крайне неохотно отпускали детей, не желая разлуки и потери рабочих рук в хозяйстве, высказывая даже такое мнение: *«...в школу надо брать таких, кото-*

²⁴ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 1а. Л. 199; Д. 10. Л. 86; Д. 19. Л. 30.

²⁵ В цитатах сохранена орфография источников.

²⁶ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 1а. Л. 229, 230.

рые не хотят работать в стаде»²⁷. Культбазовцы действовали методом кнута и пряника, оказывая нажим на аборигенов, в особенности активистов, и, одновременно, суля большие перспективы для тех, кто пройдет курс обучения. Кое-кто соглашался добровольно, некоторых детей забирали в школу насильно, невзирая на нежелание родителей. Для самих учеников пребывание на культбазе было довольно тягостным, они скучали по родным, по знакомой обстановке и привычной пище, иногда они решались на побег. Один из таких побегов и закончился трагедией – при переходе реки по льду трое беглецов провалились в полыньи, вымокли, двое из них (мальчик и девочка) замерзли от переохлаждения, второй девочке удалось выжить.

После чрезвычайного происшествия накал негодования чукчей в адрес Романова резко повысился, один из активистов, Рынтыргин, даже пригрозил: *«...если к чукчам будешь так грубо относиться, то спустим [тебя] под лед»*. Отношение чукчей к этой трагической утрате основывалось на традиционных нормах, когда за смерть родственника-мужчины полагалось мстить, а гибель женщины можно было искупить материальным возмещением. Последнее требование и выдвинул чукча Етылин: *«Погибшая моя дочка уже хорошо умела писать и, если бы она еще поучилась, она была бы сильным человеком. Она зарабатывала бы и поддерживала бы меня, я старик, не могу работать и требую оплаты за погибшую дочь 5000 рублей и продуктов»*²⁸.

Районная власть, опознав это заявление именно как традиционный социальный институт, не могла поддержать считавшийся вредным пережиток: *«Делать такое требование, как предъявляет Етылин, нельзя – это равносильно торгашеству. <...> По старым чукотским традициям это так, но ведь мы с вами люди новые, советские, колхозные и поэтому давайте и вопросы разрешать по-колхозному, по-советски»*²⁹. Как вариант урегулирования конфликта власти предложили другую формулировку – оказание единовременной материальной помощи.

Районные власти вменили Романову в вину неподчинение своей «юрисдикции»: *«Романов... начал натравливать своих подчиненных против райисполкома, заявляя, что культбаза никаким местным властям не подчиняется»; «Романов... допустил ряд грубых ошибок и всячески старался работать в одиночку, а подчиняться только Москве, у него очень плохие взаимоотношения с местным коренным населением»*³⁰. Районные руководители обвиняли Романова в том, что он «игнорировал решения райкома, райисполкома, пленумов райисполкома,

²⁷ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 10. Л. 85.

²⁸ Там же. Л. 85, Л. 86.

²⁹ Там же. Л. 84.

³⁰ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 19. Л. 2, 22.

съездов советов района»; «Романовым создано настроение игнорирования райорганизаций, то есть непризнание райисполкома»; «Сейчас надо довести до сведения политотдела, чтобы Романова ни в коем случае не оставлять здесь, как не имеющего авторитета у местного населения и игнорирующего районные организации»³¹.

В целях окончательной дискредитации Романова ему попытались приписать аморальную связь с чукчанкой Кергытваль, и лишь после длительного разбирательства была доказана необоснованность обвинений³². После окончания срока договора Романов счел за лучшее уехать с Севера, передав бразды правления Петру Ефимовичу Шашко.

Коллектив обновлялся каждые два года: осенью новый состав прибывал, а старый уезжал на том же пароходе. Мало кто из оставшихся в районе на более долгий срок, но и они переходили в другие организации (М.Г. Аристов, И.С. Архинчеев, И.Д. Тихоненко). Из-за этого отсутствовала преемственность в работе, местные жители не успевали привыкнуть к новым работникам, постоянно не хватало специалистов. А настойчивые призывы «коренизировать» аппарат в эти годы оставались лишь призывами, поскольку местных жителей использовали только на работах, не требующих высокой квалификации, например, в качестве пастухов, каюров, уборщиц, санитарок.

Осенью 1937 г. прибыл многочисленный состав культбазовцев: 41 работник, шесть членов их семей, четверо детей. Культбазе была придано Чаунское отделение фактории (пять работников, два члена семьи, трое детей), развернувшее торговлю с местными жителями³³. Ситуация в поселке нормализовалась, больше внимания стали обращать не на внутренние дела, а на работу с аборигенами. Зимой 1937/1938 гг. открылся обновленный Дом народов Севера (ДНС), представлявший собой клуб и общежитие для кочевников в одном здании, где проходили массовые и индивидуальные беседы, спектакли, вечера самодеятельности, сеансы кино³⁴. Культбаза устраивала для кочевников торжественные мероприятия в дни советских праздников, ярмарки с традиционными соревнованиями. Продолжили работу кочевые школы и Красная Яранга, функционировала стационарная школа-интернат и ликбез при ней – для обучения взрослых аборигенов. В свою очередь, всех сотрудников культбазы и фактории обязали изучать чукотский язык, был открыт кружок из двух групп: «пониженная для новичков, повышенная для уже искушенных в чукотской речи»³⁵.

³¹ Там же. Д. 14а. Л. 15, 17об, 18.

³² Там же. Д. 10. Л. 48.

³³ Там же. Д. 15. Л. 2.

³⁴ Там же. Д. 18а. Л. 31.

³⁵ Там же. Д. 15. Л. 11.

Попытки Романова проявлять независимость не остались без последствий. В штате культбазы появилась должность идеологического работника – помполита, шло активное дисциплинирование сотрудников по партийной и комсомольской линии, обязательным стало участие в работе кружков политической направленности. Таким путем персонал был полностью подчинен районной власти. Директор Шашко откредитовался от романовского фрондерства: *«Увязка с местными райорганизациями в нашей работе быть должна, иначе я и не мыслю своей дальнейшей работы»*³⁶. А рядовые работники были больше озабочены повседневной жизнью, которая на культбазе не становилась легкой.

Осенью 1938 г., спустя пять лет после основания, выяснилось, что *«Чаунская культбаза ГУСМП на сегодняшний день находится в крайне неудовлетворительном состоянии и своих задач по культурно-политическому воспитанию, по производственной организации [коллектива] и особенно кочевников чукок выполнять не может. <...> в настоящее время культбаза не только не соответствует своему назначению, но и является ее противоположностью»*. В отчете Чаунского районного комитета ВКП(б) описывается это состояние: *«Жилой фонд культбазы представляет собой группу маленьких (40 кв.м) домиков и яранг, по своему внешнему виду и внутреннему содержанию равняющихся на примитивные яранги кочевников. С течением времени эти домики обросли микроскопическими пристройками из старых ящичков, из брезента, из плавника, ...эти десятки раз заплатанные, надставленные строения культбазы напоминают становища потерпевших кораблекрушение, грязный холодный цыганский табор, но не поселок важнейшего культурного учреждения для народов Севера. <...> Штатный состав культбазы с большими неудобствами, в тесноте, в холоде, с трудом размещающийся в этих шалашах, вынужден заботиться больше о приспособлении к этим первобытным условиям существования, нежели о работе, к которой они призваны на культбазе»*³⁷.

К началу 1939 г. на культбазе осталось 28 сотрудников из 43-х необходимых по штату. Районные власти утверждали, что с «материка» на культбазу продолжают засылать людей *«политически непроверенных, ...рвачей-хулиганов, ...пьяниц-склочников, ...больных»* и просто *«необеспечивающих работу»*. Некоторые культбазовцы оказались носителями венерических заболеваний³⁸. Эти люди, по мнению партийных работников, вербовались на Север по порочному принципу *«числом поболе, ценою подешевле»*. *Приезжающие на работу на культбазу сотрудники <...> справедливо считают себя обманутыми, так как полу-*

³⁶ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 14а. Л. 26об.

³⁷ Там же. Д. 18а. Л. 9.

³⁸ Там же. Д. 23а. Л. 14.

чаемая зарплата в ряде случаев ниже прожиточного минимума, только по питанию, не говоря об удовлетворении прочих человеческих потребностей. Работники культбазы не пользуются теми правами, которые относятся ко всем прочим полярникам <...>. Вместе с этой материальной необеспеченностью, бытовая неустроенность, отдаленность и оторванность от внешнего мира действует на приезжающих удручающе, отсюда неудовлетворительная трудовая дисциплина, никто не заинтересован в своей работе и считает за лучшее увольнение и переход в другую организацию»³⁹.

Результирующее заключение было таково: «Культбаза в существующем виде не может иметь авторитета у местного населения и не в состоянии выполнять свои задачи». Вину за плачевное состояние дел руководители района возлагали на «преступное руководство политуправления ГУСМП», которое допустило «содержание культбазы на нищенском уровне ее материальной и производственной базы»⁴⁰. Действительно, в масштабной деятельности Главсевморпути, нацеленной на изучение и освоение северных богатств, культбазы, это детище Комитета Севера, не играли сколько-нибудь заметной роли. Скорее, их воспринимали как обременительное наследие, «ненормальный» способ работы, тогда как ГУСМП намеревался «идти по нормальному пути развития отдельно школьного и лечебного строительства»⁴¹. Таким образом, комплексность – сильная, по убеждению деятелей Комитета Севера, сторона «культбазовского» направления – в глазах руководителей новой структуры выглядела слабостью, тормозом в работе.

К тому времени романтизм и народническая идеализация образа «туземца» уже давно уступили место прагматизму, стремлению к быстрой реализации планов, получению ощутимой отдачи от освоения Севера. Необходимо было формировать аграрный сектор северной экономики, для чего требовалось активизировать усилия по коллективизации оленеводов, большинство которых оставались единоличниками на всей территории Чукотки.

Деятельность Шашко на посту начальника культбазы районными властями была оценена выше, чем его предшественника: «*Имеются положительные сдвиги в работе среди национального населения ...если ранее были единичные случаи посещения националами культбазы, то за 1938 год через ДНС обслужено националов всего 433 чел., из них обеспечено ночлегами 350 чел. По школе-интернату в первое полугодие [1937/1938] охвачено 3 классами 24 чел. и две кочевые школы [охватили] 10 чел. За второе полугодие по школе-интернату <...> был 21 уче-*

³⁹ Там же. Д. 18а. Л. 10.

⁴⁰ Там же. Л. 9.

⁴¹ Слезкин, 2008. С. 321.

ник, <...> охвачено [кочевыми] школами 19 чел.»⁴². В следующем учебном году на культбазе обучались 24 ученика, в стойбищах кочевников Ичуньского, Усть-Чаунского и Эльвунейского нацсоветов работали четыре кочевые школы с 30 учениками⁴³.

Но если в культурно-массовой и школьной работе имелись успехи, то в деле коллективизации культбаза топталась на месте, что не могло удовлетворить руководство района: *«Культбаза не перестроила своей работы, не сделала для себя надлежащих выводов из решений Совнаркома по работе ГУСМП в вопросе усиления работы в тундре. Культбаза не выполняла решений IV окружной партийной конференции о коллективизации, укреплению товариществ и ликвидации кулачества»*⁴⁴. Эта «беззубость» культбазы обесценивала ее работу в контексте советской модернизации тундры в глазах органов власти, поскольку не отвечала проводимой в то время политике партийных органов.

В свое время деятели Комитета Севера отстаивали то направление переустройства жизни аборигенного населения, которое можно обозначить как гуманитарное: по их представлениям, коренных жителей необходимо было в первую очередь просвещать и лечить, а реконструкцию экономики проводить щадящими методами, опираясь на достижения науки и техники. Но культбазы, будучи отдельными точечными «вкраплениями» на огромных территориях, обладая крайне ограниченными финансовыми и людскими ресурсами не могли справиться с этой задачей, вследствие чего их существование оказалось под вопросом. Органы власти взяли курс на расформирование культбаз и передачу их учреждений соответствующим ведомствам. Руководство Главсевморпути тоже не стало биться за культбазы, и их судьба была решена.

Шашко уехал осенью 1939 г., четвертым и последним начальником культбазы стал Андрей Андреевич Щукин, он пробыл на этом посту менее года – в 1940 г. Чаунская культбаза прекратила свою работу.

Подводя итог, отметим, что основной порок всех культурных баз, размещенных на Крайнем Северо-Востоке, состоял в несоответствии реального характера их работы среди аборигенного населения тем задачам, ради которых они создавались. Идея этих задуманных Комитетом Севера институтов состояла в том, чтобы максимально приблизиться к «туземцам», действовать непосредственно в их массе, все усилия направлять именно на коренное население, преобразовывая их быт, культуру и экономику. Но практика оказалась иной: культбазы становились самодовлеющими структурами, работа которых замыкалась в основном на жителях того населенного пункта, где они были

⁴² ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 23а. Л. 13.

⁴³ Там же. Д. 21. Л. 14.

⁴⁴ Там же. Д. 23а. Л. 13.

построены, и оседлом населении близлежащих окрестностей. Жители отдаленных селений, и тем более кочевники, составлявшие основную массу чукотских аборигенов, сферой влияния культбаз охватывались слабо. Вскоре после основания, в т.ч. вследствие перемены ведомственной подчиненности, выявилась ограниченность ресурсов, которыми располагали культурные базы.

Культбазы на Севере оказывались в ситуации двойного зажима: с одной стороны, над ними довлела повседневная реальность, расходившаяся с первоначальными представлениями о характере работы среди аборигенов и взаимоотношений с ними. С другой стороны, сильный нажим осуществляли местные органы власти, заставляя культбазы проводить нужную им политическую линию.

Определявшая лицо культбаз первоначальная цель лечить и просвещать «туземцев», поднимать их хозяйство оказалась неэксклюзивной, так как эту же работу, к тому же гораздо более успешно, стали выполнять специализированные учреждения и ведомства. Комплексность, которая была декларируемым преимуществом и «визитной карточкой» культбаз, теперь играла против них: качественно выполнять все эти функции при ограниченности ресурсов и властных полномочий они не могли. В качестве «точек силы», независимых от местной власти, культбазы просуществовали крайне непродолжительное время, затем были оттеснены на задний план, а в итоге поглощены и растворены в общей конфигурации выстраиваемых властных иерархий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. П-355. Чаунский районный комитет КПСС. Оп. 4. Д. 1а. Протоколы партийных собраний и заседаний бюро Чаунского района и райкома ВКП(б). 10 августа 1933 г. – 7 сентября 1936 г. Л. 12, 54, 55, 199, 204, 205, 229, 230.
- ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 10. Материалы Чаунской культбазы за 1936 год. Л. 48, 61об, 82, 84-86.
- ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 10а. Материалы проверки бригады Чукотского обкома и окружкома ВКП(б) за 1935-1936 гг. Л. 9, 9об., 11.
- ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 13а. Протоколы собраний партийной организации Чаунского райисполкома за 1937 г. Л. 69.
- ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 14а. Протоколы заседаний бюро Чаунского райкома ВКП(б) за 1937 г. Л. 15, 17об, 18, 26об.
- ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 15. Отчет по Чаунской культбазе и отделению фактории за 1937-1938 гг. Л. 2, 11.
- ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 18а. Протоколы заседаний бюро Чаунского райкома ВКП(б). 23 августа 1937 г. – 28 декабря 1938 г. Л. 9, 10, 31.
- ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 19. Протоколы собраний Чаунского райкома ВКП(б). 21-23 марта 1937 г. Л. 2, 22, 30.
- ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 21. Отчет Чаунской культбазы за 1938/1939 гг. Л. 14.
- ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 23а. Протоколы собраний Чаунского райкома ВКПб. Январь-декабрь 1939 г. Л. 13, 14.
- История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Под ред. Н. Н. Дикова. М.: Мысль, 1989. 492 с.

- Обручев С.В. По горам и тундрам Чукотки. Магадан: Книжное издательство, 1974. 208 с.
- Скачко А. Теория и практика в работе среди народов Севера // Советский Север. 1934. № 6. С. 6-9.
- Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
- Талызин О.Г. Система народного образования Чукотского автономного округа в 1930-1991 гг.: исторический опыт / Диссертация ... к.и.н. Чебоксары, 2008. 216 с.
- Терлецкий П.Е. Культбазы Комитета Севера // Советский Север. 1935. № 1. С. 36-47.
- Фетисов А. Чаунская культбаза // Советская Чукотка. 1958. № 186. 29 Августа.
- Фетисов А. Чаунская культбаза // Советская Чукотка. 1969. № 290. 13 декабря.
- Хаховская Л.Н. Морские зверобой Чукотки в период первоначальных советских реформ // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 168-182.

REFERENCES

- Fetisov A. Chaunskaya kul'tbaza // Sovetskaya Chukotka. 1958. № 186. 29 avgusta.
- Fetisov A. Chaunskaya kul'tbaza // Sovetskaya Chukotka. 1969. № 290. 13 dekabrya.
- Istoriia Chukotki s drevneishikh vremen do nashikh dnei / Pod red. N. N. Dikova. M., 1989.
- Khakhovskaya L.N. Morskie zveroboi Chukotki v period pervonachal'nykh sovetskikh reform // Etnograficheskoe obozrenie. 2012. № 6. S. 168-182.
- Obruchev S.V. Po goram i tundram Chukotki. Magadan, 1974.
- Skachko A. Teoriia i praktika v rabote sredi narodov Severa // Sovetskii Sever. 1934. № 6. S. 6-9.
- Slezkin Yu. Arkticheskie zerkala: Rossiia i malye narody Severa. Moscow, 2008.
- Talyzin O.G. Sistema narodnogo obrazovaniia Chukotskogo avtonomnogo okruga v 1930-1991 gg.: istoricheskii opyt / Dissertatsiia ... k.i.n. Cheboksary, 2008.
- Terletskii P.E. Kul'tbazy Komiteta Severa // Sovetskii Sever. 1935. № 1. S. 36-47.

Хаховская Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н. А. Шило ДВО РАН, Магадан; hahovskaya@mail.ru, hahovskaya@gmail.com

Chaun cultural base: the Soviet project and its implementation

The author examines the activities of the Chaun cultural base (kul'tbaza), which operated in Chukotka in 1933-1940. The author considers the theoretical bases of the cultural bases project. The idea of the project was based on the populist views of ethnographers and officials of the North Committee and had a complex humanitarian focus. On the example of the work of Chaun cultural base, the author shows the practical implementation of the project, reveals the reasons for its inefficiency. The author concludes that the cultural bases in the North were in a situation of double clamping. On the one hand, they experienced the pressure of everyday reality, which did not coincide with the original ideas and plans. On the other hand, local administrations exerted strong pressure on the cultural bases, controlled their work and imposed their political line. Chain kul'tbaza could not actively collectivize reindeer herders, and therefore was heavily criticized.

Keywords: Chukotka, Chaun cultural base (kul'tbaza), Ust-Chaun, the North Committee, Soviet modernization, aborigines, nomadic schools, collective farms, collectivization

Lyudmila Khakhovskaya, PhD of Historical Sciences, Leading Researcher of North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n.a. N.A. Shilo, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Magadan, Russia; hahovskaya@gmail.com

ПАМЯТНЫЕ СОБЫТИЯ И ДАТЫ

Е. А. НОВИКОВА

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ. К 150-ЛЕТИЮ В. А. МЯКОТИНА

Статья представляет одну из первых попыток изучения жизни и творчества выдающегося русского историка и политика В.А. Мякотина, в 1922 г. высланного из России из-за оппозиции Октябрьской революции. В СССР его работы были неизвестны. Автор приводит некоторые факты о жизни, научной и политической деятельности В.А. Мякотина во время его ссылки, в частности о том, что он основал Русский Научный институт и Русский Исторический архив в Праге, опубликовал научные труды и учебные издания по социальной истории Древней Руси и Украины, а также около 30 статей, посвященных различным сюжетам истории России и ее судьбе после революции. В.А. Мякотин преподавал в Софийском университете и опубликовал сравнительное исследование по русской и болгарской истории.

Ключевые слова: *Россия, Европа, идентичность, образ Другого, диалог культур*

Венедикт Александрович Мякотин (род. 12 марта 1867, Гатчина – ум. 11 сентября 1937, Прага), известный российский историк, публицист, литератор, сотрудник журнала «Русское богатство», Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, видный общественный деятель и политик, глава Трудовой народно-социалистической партии, борец за демократические перемены в Отечестве, в 1922 г. за несогласие и борьбу с деятельностью большевиков был выслан из России с семьей без права возвращения на Родину. Венедикт Александрович всегда подчеркивал: «Я не беженец, не эмигрант, я изгнанник». Труды Мякотина в России были изъяты из научного оборота и находились в спецхране десятки лет. Имя его было предано забвению.

Вместе с рядом других высланных из Петербурга и Харькова семья Мякотиных поездом через Ригу прибыла в Германию, в Берлин, где немецкое правительство разрешило остановиться русским изгнанникам. Философы, историки, литературоведы уже в 1923 г. при содействии немецких властей открыли Русский Научный институт, где читались лекции по гуманитарным дисциплинам всем, в т.ч. прибывшим студентам. Среди преподавателей и основателей РНИ был и В.А. Мякотин, который читал историю России, а со временем и Украины по решению Ученого Совета, поскольку, кроме российских студентов, прибыли и украинские, а Мякотин был известным исследователем истории Украины. Ученый также принял участие в создании Русского заграничного исторического архива в Праге, куда прибывшие поместили свои архивы, предполагая их возвращение в Россию после падения власти большевиков.

Пребывание в Европе открыло перед ученым новые возможности. Он, наконец, в 1924–1926 гг. опубликовал три книги первого тома своего фундаментального исследования «Очерки социальной истории Украины 17–18 вв.»¹, которое в виде отдельных частей выходило в России на страницах журнала «Русское богатство» на протяжении 12 лет. Отдельным изданием, а также в альманахе «На чужой стороне» и газетах в Праге и Париже выходили его воспоминания о революционных событиях в России 1917 г. и о гражданской войне, рецензии и литературоведческие публикации. Горячие споры в эмигрантской среде вызвала его статья об украинском вопросе в *Le Monde Slave*².

Венедикт Александрович участвовал в дискуссиях представителей разных общественно-политических организаций, выступал с лекциями в Праге, Париже, Варшаве, Белграде и заслужил славу блестящего лектора. Его пригласили преподавать в Славянской школе Лондонского университета, а в 1924 г. после смерти Ленина руководители школы обратились к Мякотину «как к объективному историку и современнику “вождя революции”» с просьбой написать о нем статью, которая была в том же году опубликована Мякотиным в их издании³.

В 1926 г. в Париже состоялся 1-й съезд эмигрантских сил всего мира. Часть эмигрантов выступала за военное вторжение в Советскую Россию. Другие не исключали возможности возвращения на Родину. В.А. Мякотин выступил на съезде с докладом о положении дел в современной России и отношении эмиграции к Родине. Он подчеркнул, что судьбу России определяют русские люди, которые там остались, всё в их руках, и выступил против вмешательства внешних сил. Делом уехавших из страны считал воспитание профессиональных кадров из среды эмигрантской молодежи для возможной деятельности в будущем на Родине⁴. Съезд вынес решение о нецелесообразности дальнейшей активной деятельности против Советской России, поскольку ее на тот момент уже признали многие страны.

В это же время прошли дискуссии Милюкова и Мякотина с представителями украинских общественно-политических организаций. Мякотин еще в дореволюционных статьях выступал за совместный путь украинцев и россиян в будущей демократической федеративной России, в состав которой вошли бы на равноправных началах Польша и Украина. Среди украинской эмиграции были многие, кто ознакомился с трудом В.А. Мякотина «Очерки социальной истории Украины XVII–XVIII вв.», позитивно оценили его (Д. Дорошенко, Н. Шаповал) и счи-

¹ Мякотин 1924–1926.

² La question ukrainienne après la Revolution russe...

³ Lenin // Slavonic Review. London, 1924. March. S. 456–486.

⁴ Материалы В.А. Мякотина периода эмиграции хранятся в ГАРФ (Фонд р. 5917).

тали необходимым популяризацию этой работы среди широких кругов украинской интеллигенции. Однако взгляды историка на совместный путь в федерации с Россией вызывали у многих украинцев несогласие.

Через пять лет пребывания в Европе в 1927 г. Мякотин получил предложение стать профессором кафедры стран Восточной Европы в Софийском университете им. Св. Климента Охридского в Болгарии. Инициативу приглашения ученого проявили профессора Софийского университета болгарин проф. П. Мутафчиев и бывший одесит проф. Бицилли, знакомые с трудами ученого и написавшие ему блестящие рекомендации. Об этом периоде жизни и деятельности В.А. Мякотина в известных справочниках до сих пор не было сведений. Благодаря контактам дочери историка – библиографа, архивиста, видного общественного деятеля Е.В. Каплан-Мякотиной с университетом в Софии, где преподавал ее отец, удалось узнать о «болгарском» периоде жизни и деятельности В.А. Мякотина. Здесь в 1998 г. был сформирован и открыт для ознакомления фонд историка⁵. Заведующая архивом г-жа Илонка Колева прислала его данные, которые на болгарском языке недавно были выставлены в интернете.

В свое время воспитанник Санкт-Петербургского университета Венедикт Мякотин был оставлен на историко-филологическом факультете с правом преподавания для подготовки к профессорскому званию. Он разделял народнические взгляды своего наставника проф. В. Семевского, и в результате был из-за «неблагонадежности» лишен администрацией права оставаться в стенах университета и стал преподавать в других учебных заведениях Санкт-Петербурга. Научные изыскания у него сочетались с активным участием в политике, а преподавание осталось любимым делом жизни.

Софийский университет принял к себе на работу 37 иностранных ученых. Университет скромной Болгарии был очень строг в отборе кадров для преподавания в своих стенах. Приему предшествовало также согласование с Академией наук страны. Причем приглашали тех, кто уже имел прежде профессорское звание. Помог профессор Бицилли, сообщивший, что в 1920 г. В.А. Мякотин был избран Советом Ярославского университета профессором на кафедру российской истории (этот факт до сих пор не был известен биографам Мякотина), но этого не допустил народный комиссар образования из-за политических взглядов нелояльного большевикам ученого.

На историко-филологическом факультете софийского университета, по мнению П. Мутафчиева⁶, в то время был неправильный подход

⁵ Фонд №1, оп.35, арх.ед.83 (98 док.). Личное дело № 2000-а.

⁶ Рекомендации проф. Бицилли и проф. Мутафчиева в фонде В.А. Мякотина в Софийском университете (№ 1).

к изучению европейской истории (особенно средних веков). Считалось, что прежде всего нужно изучать историю романо-германских народов, и в результате болгарская интеллигенция формировалась на чуждых образцах и идеалах, в то время как необходимо было знать прошлое народов, близких болгарам по происхождению, культуре и общей исторической судьбе. Кроме истории Византии, считал профессор, необходимо изучать историю средних веков и нового времени Сербии, Румынии, Турции, России, Польши и Чехии, причем новую историю следует изучать в первую очередь на примере российской и польской. Проф. Бицилли в своей рекомендации указывал предметом исследований В.А. Мякотина не только историю России и Польши, но и Украины. И это было важно, поскольку в состав преподавателей приглашался специалист по славянской истории широкого профиля.

В.А. Мякотин предложил отдельные курсы о прошлом всех трех названных стран. В 1932 г. в Болгарии увидели свет его публикации: «Прикрепление крестьянства Левобережной Украины в 17 и 18 веках» (на русском, французском и болгарском языках); рецензии на опубликованные статьи в России, Чехии, Украине и др. В 1937 г. он написал учебник российской истории с IX по XVIII в., в котором впервые для студентов материал российской истории подавался с параллелями из болгарской истории. Книга была высоко оценена коллегами и переведена на болгарский язык. Отчизне был посвящен последний труд ученого «История России в конце 17 и в первую половину 18 ст.»⁷.

Руководство университета всегда шло навстречу научным интересам историка: лекции и семинары В.А. Мякотина были запланированы на один семестр, чтобы он мог ездить работать в архивах и выступать с лекциями в других странах. Во время последней командировки в Прагу осенью 1937 г. ученый простудился и заболел воспалением легких. В результате пребывания в российских тюрьмах (18 раз) Мякотин заболел туберкулезом. Обычно его выхаживала жена Анна Евгеньевна (урожд. Феодосьева). Но она с маленькой дочкой оставалась в Софии и не успела прибыть вовремя. 11.09.1937 г. В.А. Мякотин умер. Он похоронен в Праге на Ольшанском кладбище. На смерть ученого со словами скорби откликнулись ученые многих стран. П. Мутафчиев писал: «Он был не только прекрасным ученым, а и общественным деятелем и прекрасным человеком. Те, кто знал В.А. Мякотина, отмечали его благородство, доброту, скромность, уступчивость, желание никого не беспокоить, никому не навредить. Но, когда нужно было защитить свои принципиальные позиции в науке или общественные взгляды, этот седой человек с синими глазами распрямлялся, приветливые глаза блистали, и собеседники и слушатели были поражены могучим потоком

⁷ Мякотин 1937(a); 1937 (b).

мысли, энергичными жестами и словами, где переплетались логика, яркие образы и сарказм. И эта искренность и непоколебимость, с какой он защищал свои идеи, верность идеалам и готовность к жертвам обусловили его непростую, полную невзгод и перемен жизнь»⁸.

Только в 1990-е годы был открыт доступ к трудам В.А. Мякотина. Ему посвящена диссертация Е. Йогансон «В.А. Мякотин – историк и политик» (1994). В 1995 г. в Челябинске вышел очерк «В.А. Мякотин (1867–1937)», в 1997 г. опубликована его переписка с известным историком-испанистом и его большим другом В.К. Пискорским, а в 2010 г. биобиблиографический указатель⁹. При документальной и материальной поддержке дочери ученого Е.В. Мякотиной-Каплан началось планомерное издание и переиздание исторических трудов и публицистики В.А. Мякотина в Институте украинской археографии и источниковедения НАН Украины¹⁰.

БИБЛИОГРАФИЯ

- В.О. Мякотін. Біобібліографічний покажчик...» / сост. Е.А. Новикова. Київ, 2010. 48 с.
 Велева, Мария. Профессор Венедикт Александрович Мякотин // Бялата емиграция в България. София, 2001.
 Мякотин В.А. Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII вв. Т. 1. Вып. 1. Прага. 1924. 288с.; Т. 1. Вып. 2. Берлин–Прага, 1926. 266 с.; Т. 1. Вып. 3 (Берлин–Прага, 1926. 220 с.
 Мякотін В.О. Вибрані твори в 2 томах / Сост. О.О. Новикова. Т. 1. Публіцистика. Київ, 2011. 327 с.; Т. 2. Очерки социальной истории Украины 17–18 вв. Київ, 2012. 809 с.
 Мякотин В.А. Прикрепление крестьянства Левобережной Украины в 17–18 вв. Київ, 2015. 216 с.
 Мякотин В.А. История на Русия от 9 до 18 век. София, 1937. 363 с.
 Мякотин В.А. История России в конце 17 и в первую половину 18 ст. София, 1937. 146 с.
 Пискорський В.К. Вибрані твори та епістолярна спадщина / сост. Е.А. Новикова. Київ, 1997. С. 311–319.

REFERENCES

- La question ukrainienne après la Revolution russe // Le Monde Slave, 1926. P., 1926. № 4, № 12.
 Myakotin V.A. Ocherki social'noj istorii Ukrainy v XVII–XVIII vv. T. 1. Vyp. 1. Praga. 1924. 288s.; T. 1. Vyp. 2. Berlin–Praga, 1926. 266 s.; T. 1. Vyp. 3 (Berlin–Praga, 1926. 220 s.
 Myakotin V.O. Vibrani tvori v 2 tomah / Cost. O.O. Novikova. T. 1. Publicistika. Kiiv, 2011. 327 s.; T. 2. Ocherki social'noj istorii Ukrainy 17–18 vv. Kiiv, 2012. 809 s.
 Myakotin V.A. Prikreplenie krest'yanstva Levoberezhnoj Ukrainy v 17–18 vv. Kiiv, 2015. 216 s.
 Myakotin V.A. Istoriya na Rusiya ot 9 do 18 vek. Sofiya, 1937. 363 s.
 Myakotin V.A. Istoriya Rossii v konce 17 i v pervuyu polovinu 18 st. Sofiya, 1937. 146 s.
 Piskors'kij V.K. Vibrani tvori ta epistolyarna spadshchina / sost. E.A. Novikova. Kiiv, 1997. S. 311–319.
 V.O. Myakotin. Biobibliografichnij pokazhchik...» / sost. E.A. Novikova. Kiev, 2010. 48 s.
 Veleva, Mariya. Professor Venedikt Aleksandrovich Myakotin // Byalata emigraciya v B"lgariya. Sofiya, 2001.

⁸ Цит. по статье: Велева 2001. С. 165.

⁹ В.О. Мякотін. Біобібліографічний покажчик....

¹⁰ Мякотін 2011–2012.

Новикова Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник Института археологии и источниковедения НАН Украины; novikovaelena22@rambler.ru

Far from Homeland. To the 150th Anniversary of V.A. Myakotin

This article represents one of the first attempts to study the life and works of the outstanding Russian historian and politician Myakotin. Since he was exiled from Russia in the late 1922 by the Bolsheviks, for the reason of opposing the October revolution, his legacy remained completely unknown in the Soviet time. The author of the article tries to fill the gap by examining different aspects of Myakotin's academic and political activities during the period of the exile. Elena Novikova collected some interesting facts about Myakotin's work of this time. For example, he founded the Russian Scientific Institute as well as established the Russian Historical Archives in Prague. The historian published many literary works along with textbooks on the social history of Ukraine and ancient Russia. He also lectured at the Sophia University and wrote a comparative study of Russian and Bulgarian history etc. Besides, the author points to the fact that Myakotin published ca 30 articles dedicated to different subjects concerning Russia and its post-revolutionary fate.

Keywords: Russia, Europe, identity, image of the Other, dialogue of cultures

Elena Novikova, PhD (Philology), Associate Professor, Researcher of the Institute of Archeography and Source Studies, Ukrainian National Academy of Sciences; novikovaelena22@rambler.ru

К 110-ЛЕТИЮ ВТОРОЙ ГААГСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МИРА

Сто десять лет назад по инициативе России в Гааге собралась вторая международная конференция мира, в ходе которой было принято 10 конвенций относительно законов и обычаев войны, заложивших основу системы международного гуманитарного права. Она стала логическим продолжением конференции 1899 года, также созванной по инициативе России, на которой были установлены общие правила третейского и мирного разбирательства столкновений между державами, а также принят ряд постановлений и «пожеланий» относительно ведения военных действий. В статье анализируются причины созыва этих международных форумов и их значение для мирового сообщества.

Ключевые слова: мирная конференция, международное гуманитарное право, урегулирование вооруженных конфликтов, Гаагские конвенции

Ни один мирный договор не должен
считаться таковым, если при его заключении
тайно сохраняется основание для будущей войны
И. Кант «К вечному миру»

В дипломатической истории России сохранилось немало непрочитанных страниц, не нашедших адекватного отражения в трудах современных исследователей. Как правило, это касается периодов, которые в советской историографии оценивались предвзято, исходя из идеологической посылки тех времен. Среди них – напряженная работа дипломатов по выходу России из многочисленных столкновений с англичанами в Центральной Азии, хитросплетений перманентных балканских кризисов, защите российских подданных, интернированных враждебными государствами. В числе подобных, недостаточно освещенных экспертным сообществом событий, и такие важные инициативы правительства Российской империи как созыв Гаагских конференций мира, заложивших фундамент международного гуманитарного права.

В настоящее время система международного права переживает серьезный кризис, связанный, в том числе, с однополярностью современного мироустройства. Многие правовые нормы, которые вырабатывались человечеством веками, грубо нарушены. Ключевые договоренности в области разоружения списаны в архив, отсутствует единство в борьбе с новыми акторами мировой политики, создающими реальную угрозу для жизни людей, в первую очередь, с международным терроризмом. Информационные технологии внедряют в сознание общества легкомысленное отношение к последствиям ракетно-ядерного столкновения. У многих, включая представителей правящих элит ведущих мировых держав, создается иллюзия безнаказанности за раз-

вязывание глобального конфликта. Понятие «разумной достаточности» как ограничителя гонки вооружений забыто. В подобных условиях обращение к истории зарождения международного гуманитарного права, формировавшегося, в том числе, в ходе Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг. весьма своевременен.

Первый шаг к всеобщему миру и разоружению

В конце XIX в. Россия столкнулась с серьезными внешнеполитическими трудностями. Германия неуклонно наращивала военную мощь и стала претендовать на роль ведущей державы Европы. В период мирового сельскохозяйственного кризиса между двумя странами разгорелась таможенная война. Все более напряженными становились русско-австрийские отношения из-за экспансии Австро-Венгрии на Балканах. В 1882 г. Германия, Австро-Венгрия и Италия заключили Тройственный союз, направленный против России. В ответ на это началось русско-французское сближение, в 1891–1893 гг. оформился франко-русский союз. Формирование военных блоков подстегнуло гонку вооружений. Ассигнования на нужды Военного и Морского министерств составляли больше четверти расходов российского бюджета, но Россия отставала в гонке вооружений от ведущих западных держав, и этот отрыв быстро увеличивался. Желание «сэкономить» на военных расходах послужило для российского правительства одной из побудительных причин, чтобы выступить с мирной инициативой глобального масштаба – предложить созыв международной конференции для изучения возможных путей сокращения вооружений.

12 августа 1898 г. министр иностранных дел граф М.Н. Муравьев обратился к представителям России за границей с циркулярной нотой, в которой говорилось: «Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений являются, при настоящем положении вещей, целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств. Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья – таков ныне высший долг для всех государств. Преисполненный этим чувством, Государь Император повелеть мне соизволил обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитованы при Высочайшем Дворе, с предложением о созыве конференции в видах обсуждения этой важной задачи»¹.

Наряду с решением военно-политических и финансовых задач Россия предлагала создать систему международно-правовых средств мирного разрешения межгосударственных споров, обобщив и кодифицировав разрозненную до этого практику применения отдельных

¹ К истории первой Гаагской конференции... С. 72-77.

средств мирного урегулирования, а также ограничить право на войну, закрепив в международном праве принцип мирного разрешения международных споров. Одновременно российское правительство стремилось путем созыва международной конференции разрядить политическую обстановку на Дальнем Востоке, а также повысить международный авторитет Николая II и Российской империи в целом².

Циркуляр графа Муравьева произвёл далеко не однозначное впечатление. Ответы приглашённых на конференцию стран носили сдержанный, а порой и откровенно недоброжелательный характер. Особенно отчётливо эта реакция проявилась в высказываниях правительств великих держав. Ряд выступлений германских государственных деятелей показал их скептическое, а то и откровенно враждебное отношение к созыву конференции по разоружению. Отрицательно к предложению России отнеслась и её союзница Франция, осторожно отреагировала Англия, сдержанно оценили миролюбивый почин в Вашингтоне. Причины такого отношения к мирной инициативе со стороны великих держав были разные. Они опасались, что на предстоящей конференции могут быть подняты острые политические вопросы, затрагивающие интересы великих держав, например, эльзас-лотарингский, турецкий (восточный), китайский. Кроме того, их правительства тревожила возможность приостановки начатого ими перевооружения армии и флота новейшими видами вооружений. Однако, несмотря на сдержанно-враждебное отношение, ни Германия, ни другие великие державы не решились открыто выступить против российской инициативы. Тем более, что многие государства, преимущественно «второстепенные», демонстрировали одобрение российской мирной инициативы. Например, Австро-Венгрия и Италия, также испытывавшие значительные финансовые сложности в условиях развернувшейся гонки вооружений, положительно отреагировали на российское предложение.

По соглашению между державами местом первой мирной конференции была избрана Гаага. На выбор места именно в Нидерландах повлияли разные факторы: во-первых, традиционно дружественные отношения между Россией и Голландией (Романовых и Нассау связывали довольно близкие родственные связи). Во-вторых, Гаага уже имела опыт проведения ответственных переговоров, и в конце XIX в. Нидерланды являлись европейским центром изучения международного права.

Приглашение участвовать в конференции посылалось голландским правительством. Его приняли двадцать европейских государств и шесть внеевропейских (США, Мексика, Китай, Япония, Персия, Сiam). Болгария, по настоянию Турции, была допущена без права голоса.

² См. подробнее: Рыбаченок 2005.

По предложению королевы Нидерландов Вильгельмины начало работы конференции в знак уважения к её августейшему инициатору приурочили ко дню рождения императора Николая II – 6/18 мая.

Гаагская мирная конференция заседала в королевском Лесном дворце с 18 (6) мая по 29 (17) июля 1899 года. Председателем избрали представителя России – барона Стааля³. В состав российской делегации были также включены видные чиновники МИДа – Ф.Ф. Мартенс⁴, А.К. Базили⁵, М.Г. Приклонский. Военное, Морское министерства и финансовое ведомство отправили на конференцию своих представителей-консультантов.

Первая и главная цель конференции – сокращение вооружений и военных бюджетов или даже фиксирование их на уже сложившейся высоте – достигнута не была. Конференция выразила лишь пожелание такого сокращения, но на деле никто из держав не спешил воплощать их в жизнь. Реальные итоги конференции можно свести к следующему: во-первых, были установлены общие правила относительно третейского и вообще мирного разбирательства споров между державами. Во-вторых, конференция приняла ряд постановлений и «пожеланий» относительно ведения военных действий.

Формально результаты конференции зафиксированы в трёх конвенциях и трёх декларациях:

- Конвенция о мирном решении международных столкновений;
- Конвенция, определяющая обычаи сухопутной войны;
- Конвенция, распространяющая применение Женевской конвенции 1864 года на войну морскую;
- Декларация о запрещении на пятилетний срок метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров или при помощи иных подобных новых способов;
- Декларация о неупотреблении снарядов, имеющих единственным назначением распространять удушающие или вредоносные газы;
- Декларация о неупотреблении пуль, легко разворачивающихся или сплюсчивающихся в человеческом теле⁶.

³ Барон Егор Егорович Стааль (1822–1907) – видный российский дипломат, действительный тайный советник, в 1884–1902 гг. – посол в Великобритании.

⁴ Фёдор Фёдорович Мартенс (1845–1909) – российский юрист-международник, автор фундаментального труда в области международного права «Современное международное право цивилизованных народов» (1882), дипломат, член Совета Министерства иностранных дел России (с 1881 г.), один из организаторов Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг., вице-президент Европейского института международного права (1885), член «Постоянной палаты третейского суда» в Гааге.

⁵ Александр Константинович Базили (1846–1902) – русский дипломат, действительный статский советник (1892), гофмейстер (1901).

⁶ Гаагские конференции мира 1899 и 1907...

В 1902 г. в соответствии с Конвенцией о мирном решении международных столкновений создана Постоянная палата Третейского суда, действующая и по сей день.

Хотя практические результаты Гаагской конференции 1899 года невелики, она стала важным этапом в процессе всеобщего сокращения вооружений и предотвращения военных конфликтов. Впервые на столь представительном межгосударственном уровне удалось поднять вопросы сокращения военных бюджетов, запрещения некоторых видов вооружений, кодификации гуманитарного права, использования арбитража и посредничества. Результаты первой Гаагской конференции не остались незамеченными мировой общественностью. Усилился протест против гонки вооружений. В Западной Европе и США возросла активность пацифистских организаций, возникло «Общество мира» в Москве с филиалами в Одессе, Риге, Новочеркасске, Петербурге, Киеве и других городах. Распространялись пацифистские брошюры, к примеру, Л.Н. Толстого «Можно ли воевать?» (Петербург, 1901), «Патриотизм и войны» (Москва, 1906) и др.

Однако решения конференции по военным вопросам остались лишь на бумаге. Призывы к отказу от гонки вооружений не смогли предотвратить ни новых колониальных захватов, ни использования запрещённого Гаагскими конвенциями оружия.

Вторая конференция мира

Поражение России в войне с Японией привело к перегруппировке великих держав на мировой арене, усилило их стремление воспользоваться ослаблением России, чтобы за ее счет расширить собственные зоны влияния. Германия развивала экспансию на Ближнем и Среднем Востоке, Австро-Венгрия – на Балканах, Англия – в Средней Азии, Япония и США – на Дальнем Востоке. Деятельность царской дипломатии серьезно осложняла революция, для подавления которой необходимо было заручиться финансовой и морально-политической поддержкой других правительств. Перемены в международной обстановке, а также тяжелые уроки пережитых неудач побуждали к пересмотру задач и методов осуществления как внешней, так и внутренней политики.

В этих условиях российское правительство выступило с инициативой продолжения работы по совершенствованию кодекса законов и обычаев войны, способствующих мирному разрешению международных споров. Для этого предлагалось использовать наработки первой Гаагской конференции мира, конкретизировав принятые на ней документы и предусмотреть контроль за их практическим применением.

В марте 1907 г. министр иностранных дел А.П. Извольский циркулярной телеграммой предложил российским представителям за рубежом оповестить правительства ведущих государств мира о созыве

конференции в первых числах июня 1907 г. В ней согласились принять участие представители 44 государств. К 27 государствам, участвовавшим в первом форуме (Австро-Венгрия, Германия, Бельгия, Китай, Дания, Испания, США, Мексика, Франция, Великобритания, Греция, Италия, Япония, Люксембург, Черногория, Нидерланды, Иран, Португалия, Румыния, Россия, Сербия, Сиам, Швеция, Норвегия, Швейцария, Турция, Болгария), присоединились страны Южной и Центральной Америки (Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Парагвай, Перу, Уругвай, Чили, Эквадор, Гаити, Гватемала, Доминиканская республика, Куба, Никарагуа, Панама и Сальвадор).

Председателем конференции был утвержден руководитель российской делегации («первый уполномоченный» – термин, предложенный странами-участницами), посол в Париже А.И. Нелидов⁷. В состав делегации также вошли в качестве второго и третьего уполномоченных выдающийся русский юрист-международник и дипломат Ф.Ф. Мартенс и посланник в Гааге Н.В. Чарыков⁸.

В секретной инструкции Нелидову Извольский писал: «Созыв Второй Конференции Мира по высочайшей воле государя императора был вдохновлен тем убеждением, что русское правительство, которому принадлежал общий почин в деле пропаганды идей международного мира, не должно выпускать из своих рук дальнейшего его направления»⁹. Интересы родины «требуют, чтобы созданная по почину императорского правительства Конференция кончилась успешно и чтобы решения, к которым она приведет, соответствовали пользам России, не налагая на нее никаких обязательств, могучих стеснить ее будущее развитие и давая вместе с тем возможность пользоваться благами международного правопорядка...». В инструкции давались общие директивы по четырем группам вопросов, предложенных на рассмотрение Конференции. В заключение инструкции министр особо отметил, что «после войны 1904–1905 гг. России в первый раз приходится выступать здесь в вопросах мирового интереса в руководящей и ответственной роли».

Полемизируя с противниками российского миротворческого процесса, Ф.Ф. Мартенс подчеркивал, что цель конференции заключалась не в утопических поисках рецептов установления вечного мира, а

⁷ Александр Иванович Нелидов (1835–1910) – русский дипломат, разработчик условий Сан-Стефанского мира, действительный тайный советник (1896), посол в Италии (1897–1903) и во Франции (1907–1910).

⁸ Николай Валерьевич Чарыков (1855–1930) – русский дипломат, действительный статский советник, сенатор, товарищ министра иностранных дел и чрезвычайный полномочный посол в Турции. Известный историк и философ, скончался в 1930 г. в Константинополе.

⁹ URL: idd.mid.ru...spravocnye...WsjViuPpk1am...k...konferencii...

в «устройстве международной жизни на основах права и справедливости», в наведении порядка «там, где царит произвол». По его словам, российская делегация исходила из того, что «народам необходимо идти на взаимные уступки» и действовать в «духе согласия»¹⁰.

В соответствии с предложенной Россией программой предварительная работа конференции проходила в четырех комиссиях. Четвертую комиссию, в которой были сосредоточены почти все вопросы морского права, возглавлял профессор Мартенс¹¹. В итоге проведенной на конференции работы были пересмотрены 3 конвенции 1899 года, приняты 10 новых конвенций относительно законов и обычаев войны, а также 1 декларация и 7 резолюций.

Принятые конвенции, известные в современном международном праве как Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., охватывают широкий круг вопросов: мирное разрешение международных споров; ограничение в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам; порядок открытия военных действий; законы и обычаи сухопутной войны; законы и обычаи морской войны; запрещение использовать яды, оружие, снаряды и вещества, способные причинить излишние страдания; правила нейтралитета в сухопутной и морской войне. Гаагские конвенции являются действующими международно-правовыми актами, формально признанными большинством стран мира. К сожалению, правоприменительная практика зачастую противоречит обязательствам, принятым на себя сторонами в конфликте.

Так, *Конвенция о порядке открытия военных действий* постановила, что военные действия «не должны начинаться без предварительного и недвусмысленного предупреждения». Положение о том, что нападающий должен предварительно и недвусмысленно известить противника о войне, было принято по настоянию России, которой впоследствии дважды пришлось стать жертвой необъявленной агрессии.

В *Конвенции о законах и обычаях войны* признаны такие принципы как: разграничение комбатантов и некомбатантов; право населения на вооруженное сопротивление; подробная регламентация прав военнопленных; запрещение использовать яды, оружие, снаряды и вещества, способные причинить излишние страдания и т.п. События двух мировых войн показали, что эта конвенция не соблюдалась воюющими сторонами.

В соответствии с *Конвенцией о правах и обязанностях нейтральных держав в сухопутной войне* воюющим сторонам запрещалось проводить через их территории свои войска. Эта конвенция была грубо нарушена Германией, обрушившейся на нейтральную Бельгию.

¹⁰ Пустогаров 1999. С. 150–153.

¹¹ Воронин 2015.

Конвенция о положении неприятельских торговых судов при открытии военных действий устанавливала гарантии безопасности в отношении торговых судов, застигнутых войной в портах противника. Она постоянно нарушалась воюющими странами – как Германией, так и Японией.

В память о первых мирных конференциях в Гааге построили по предложению Ф.Ф. Мартенса для Постоянного арбитражного суда специальное здание – «храм мира», как он его назвал, и начал собирать средства. Американско-шотландский филантроп Эндрю Карнеги пожертвовал \$1,5 млн на строительство библиотеки международного права и Дворца мира. На международном конкурсе среди двухсот проектов Дворца мира победил проект архитектора Луи Кордонье из французского Лилля. Строительство началось в 1907 г., а 28 августа 1913 года, в столетнюю годовщину освобождения Голландии от французского господства, состоялось открытие дворца. Царь Николай II прислал в 1908 г. в подарок вазу из яшмы весом около трех тонн, украшенную двуглавыми орлами из позолоченной бронзы.

Разумеется, к оценке результатов Гаагских мирных конференций необходимо подходить взвешенно, не идеализируя, но и не отрицая их вклада в создание системы международного гуманитарного права. Если первая конференция обозначила круг жизненно-важных проблем, возникающих в ходе вооруженных конфликтов, то вторая – конкретизировала желательные пути их решения.

Гаагские конвенции дали толчок для принятия в последующем некоторых актов, предусматривающих запрещение агрессивной войны и разрешение международных споров мирными средствами. К ним, в частности, относятся выработанные в рамках Лиги наций проект Договора о взаимной помощи от 28 сентября 1923 года, Женевский протокол о мирном разрешении международных споров от 2 октября 1924 года, резолюция Ассамблеи Лиги наций от 25 сентября 1925 года «О разоружении и безопасности» и Декларация об агрессивных войнах от 24 сентября 1927 года. Несмотря на то, что названные акты по различным причинам не имели юридической силы, они внесли свой позитивный вклад в осуждение войны мировым сообществом, способствуя мобилизации миролюбивых сил. Под воздействием этих факторов были созданы необходимые условия для нормативного закрепления в международном праве принципов запрещения агрессивной войны и мирного разрешения международных споров путем заключения многостороннего соглашения. Таким соглашением стал Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики, подписанный 27 августа 1928 года в Париже 15-ю государствами (пакт Бриана-Келлога). В дальнейшем международно-правовые нормы, разработанные на Гаагских конференциях мира 1899 и 1907 гг., получили развитие в

Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 года и двух дополнительных протоколах к ним 1977 года.

Советский Союз нотой правительству Нидерландов от 7 марта 1955 года признал ратифицированные Россией Гаагские конвенции и декларации 1899 и 1907 гг., а Российская Федерация, став правопреемницей Советского Союза, автоматически приняла на себя обязательство их соблюдать.

Россия и верховенство права в международных отношениях

Будучи инициатором созыва Гаагских конференций мира 1899 и 1907 гг., Россия последовательно выступает за укрепление правовых основ международных отношений, добросовестно соблюдает международно-правовые обязательства. Поддержание и укрепление международной законности – одно из приоритетных направлений ее деятельности на международной арене. Верховенство права в международных отношениях призвано обеспечить мирное и плодотворное сотрудничество государств при соблюдении баланса их интересов, а также гарантировать стабильность мирового сообщества в целом.

В приветствии Министра иностранных дел России С.В. Лаврова участникам заседания Конференции по разоружению, посвященного 110-летию Второй Гаагской Конференции мира, подчеркивается, что, как и в тот период, наша страна твердо привержена курсу на выработку жизнеспособных и эффективных многосторонних договоренностей, в том числе в области контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения. Следуя «гаагским принципам мира», Россия в последние годы выдвинула целый ряд инициатив, направленных на предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве, укрепление режима Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия, разработку международной конвенции по борьбе с актами химического и биологического терроризма. Несмотря на проведение Западом во главе с США политики сдерживания России, Москва не отвечает развертыванием конфронтационной политики и одновременно не планирует проводить курс на самоизоляцию от контактов с западными государствами, а последовательно добивается строительства нового миропорядка, который обеспечивал бы стабильность и безопасность, не допускал доминирования одного центра силы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гаагские конференции мира 1899 и 1907 // Дипломатический словарь. М.: Наука, 1984. Т. 1. С. 236-237.
- К истории первой Гаагской конференции, 1899. «Красный архив», 1932, т.1/2, с. 64-96.
- К 110-летию второй Гаагской конференции мира. Информационно-справочные материалы ИДД МИД РФ. URL: ...К-110-Letiu...Gaagskoj-Konferencii-Mira
- Воронин Е.Р. К 170-летию со дня рождения профессора Ф.Ф. Мартенса (1845–1909) // Московский журнал международного права. 2015. № 3. С. 24-36.

- Кессельбреннер Г.Л. Царедворец //Известные дипломаты России. Министры иностранных дел Российской Империи. М., 2007, С.350-351
- Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т.3, Биографии министров иностранных дел (1802-2002). М. ОЛМА-пресс, 2002.
- Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс - юрист, дипломат. М.: ИМО, 1999.
- Рыбаченок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М.: РОССПЭН, 2005.

REFERENCES

- Gaagskiye konferentsii mira 1899 i 1907// Diplomaticheskii slovar. M., Nauka,1984 t. 1, s. 236-237.
- K istorii pervoy Gaagskoy konferentsii, 1899. «Krasnyy arkhiv», 1932, t.1/2, s. 64-96.
- K 110-letiyu vtoroy Gaagskoy konferentsii mira. Informatsionno-spravochnyye materialy IDD MID RF. URL: ...K-110-Letiu...Gaagskoj-Konferencii-Mira
- Voronin Ye.R. K 170-letiyu so dnya rozhdeniya professora F.F. Martensa (1845–1909) // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2015. № 3. S. 24-36.
- Kesselbrenner G.L. Tsaredvoretz //Izvestnyye diplomaty Rossii. Ministry inostrannykh del Rossiyskoy Imperii. M., 2007. S. 350-351.
- Ocherki istorii Ministerstva inostrannykh del Rossii. T.3, Biografii ministrov inostrannykh del (1802–2002). M.: OLMA-press, 2002.
- Pustogarov V.V. F.F. Martens - yurist, diplomat. M.: IMO, 1999.
- Rybachenok I.S. Rossiya i Pervaya konferentsiya mira 1899 goda v Gaage. M.: ROSSPEN, 2005.

Чернявский Станислав Иванович, доктор исторических наук, профессор, чрезвычайный и полномочный посланник, директор Центра постсоветских исследований МГИМО (Университет) МИД РФ; chernyavskiy.stanislav@gmail.com

To the 110th anniversary of the Second Hague Peace Conference

One hundred and ten years ago, at the initiative of Russia, the Second International Peace Conference was held in The Hague. It adopted 10 conventions on the laws and customs of war that laid the foundation for the system of international humanitarian law. It became a logical continuation of the 1899 conference, also convened at the initiative of Russia, which established general rules for the peaceful settlement of clashes between the powers, as well as a number of resolutions and “wishes” for conducting military operations. The article analyzes the reasons for convening these international forums and their significance for the world community.

Keywords: peace conference, international humanitarian law, settlement of armed conflicts, Hague peace conventions

Stanislav Chernyavskiy, Dr.Sc. (History), Professor, Extraordinary & Plenipotentiary Envoy, Director, Center for Post-Soviet Studies, Institute of International Studies, MGIMO, Ministry of Foreign Affairs (the Russian Federation), chernyavskiy.stanislav@gmail.com

Н. П. ВОЛКОВА

ПРОБЛЕМА ЗЛА В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ФИЛОСОФИИ ПЛОТИНА

В статье дан критический обзор исследовательской литературы XX и XXI вв. по проблеме зла в философии Плотина. Показано, как менялся подход к изучению этой темы. Сначала работы имели более описательный, чем критический характер. Затем, благодаря трудам Джона Риста и Дениса О'Брайена ситуация в корне изменилась: несмотря на присутствие явных противоречий в текстах Плотина (что является причиной зла – материя или душа?), начались поиски единой непротиворечивой доктрины зла в его философии. Выявлена присущая почти всем исследованиям последних лет тенденция демонстрировать то, что материя-зло является порождением индивидуальных душ, а не Мировой души, потому что такой поворот темы снимает проблему теодицеи.

Ключевые слова: философия, Плотин, зло, материя, душа, теодицея.

Исследования наследия Плотина активно ведутся с середины XIX века. Одной из наиболее интересных тем в его философской доктрине является проблема зла и его происхождения. В этой работе мы даем критический обзор некоторых статей и книг XX и начала XXI в., посвященных этому вопросу. Авторы представлены в хронологическом порядке. Вначале кратко сформулируем суть проблемы зла в философии Плотина. Плотин полагает, что зло отсутствует в умопостигаемом и в том, что выше умопостигаемого (то есть в Уме, Душе и Едином), поскольку там царит внутреннее единство, исключающее вражду и несправедливость, в то же время зло представляет собой вечный и необходимый элемент телесного мира, изменчивость которого обусловлена присутствием материи. Плотин посвящает проблеме зла отдельный трактат I 8 (51) «О том, что такое зло и откуда оно», в котором, ставя вопрос о зле как таковом, философ отождествляет с ним материю, бескачественный субстрат физического космоса. Тогда, если зло – это материя, «предел исхождения от Единого», то каким образом это последнее творение Единого может быть злом, тогда как, согласно всей платонической традиции, «Бог не творит зла»? Этот тезис явился мишенью для дальнейшей критики Плотина, поскольку он противоречит основному постулату монистической теологии. Кроме того, в более ранних трактатах (IV 8 (6) «О нисхождении души в тела» и IV 3 (27) «Об апориях [исследования] души») причиной зла Плотин называет не материю, а либо грех, или дерзость, либо слабость индивидуальной души.

В зарубежной литературе тема зла в философии Плотина очень рано попала в круг историко-философских исследований, первая книга – «Problem of evil in Plotinus»¹ Бенжамина Фуллера – вышла в 1912 г. Автор считает, что в текстах Плотина проблема зла представлена в наиболее общем виде, потому что включает в себе необходимость примирения существования благого и всесильного божества и феноменов зла. Такая формулировка проблемы характерна для любой монотеистической традиции. Примирение оказывается возможным только за счет умаления либо благодати божества, что можно наблюдать в натуралистических космологиях (Эпикур), либо – умаления его всесильности, и тогда Богу противостоит или материя (неопифагорейцы), или злая Мировая душа (Плутарх Херонейский), или дьявол (христиане)². Доктор Фуллер приходит к выводу, что сам механизм исхождения сущих из Единого, предполагающий умаления совершенства и блага от ипостаси к ипостаси, предполагает наличие скрытого принципа, противостоящего Единому, который обуславливает это умаление. Таким образом, по мысли автора, Плотин оказывается скрытым дуалистом.

Но тогда, во-первых, скрытыми дуалистами окажутся все неоплатоники. Прокл в «Началах теологии» в 7-ой теореме таким образом формулирует необходимость «умаления»: всякая производящая причина превосходит природу производимого. Можно привести и другие примеры. Цицерон в трактате «О природе Богов», пишет, что «то, что производит что-нибудь из себя, имеет более совершенную природу, чем то, что от него происходит»³. Сам Плотин утверждает, что «создающее лучше и сильнее создаваемого, поскольку более совершенно»⁴. И во-вторых, принцип умаления блага является пусть необходимой, но недостаточной причиной для объяснения появления зла. Иначе зло появлялось бы уже в Уме, первой ипостаси, следующей после Единого, но, согласно Плотину, ни в Уме, ни в Душе – зла нет.

В статье «Plotinus on Matter and Evil»⁵ Дж. Рист указывает на то, что для правильного понимания концепции материи-зла, необходимо «соединить суждения о ценностях и суждения о сущем»⁶. Материя представляя собой лишенность бытия и формы, имеет, тем не менее, собственную природу и представляет собой необходимый метафизический принцип построения телесного мира. Существовая как иное по отношению к форме, как инаковость, материя постигается только незаконнорожденным умозаключением. Тут и оказывается возможным соединить два типа суждений: суждения о ценностях и суждения о су-

¹ Fuller 1912.

² Fuller 1912. С. 22-24.

³ Цицерон 1985. С. 128.

⁴ V 5 13, 37. Пер. мой.

⁵ Rist 1961. P. 154 – 166.

⁶ Rist 1961. P. 155.

щем. Если формы благи и существуют в подлинном смысле, то материя как иное им может быть определена только как не сущее и зло. Такое смешение аксиологических и онтологических категорий может произойти только в душе, оценивающей материю, если же рассматривать материю с метафизической точки зрения, то злом она не будет. Книга Риста «Plotinus: the road to reality»⁷ представляет собой сборник статей, посвященных разным аспектам философской системы Плотина. В ней есть отдельная глава, посвященная проблеме нисхождения души в тело и появления в ней зла. В этой работе автор придерживается мнения, что не материя, а падение души является источником зла в мире. Причиной же падения является слабость индивидуальных душ. Если зло – это материя чувственно воспринимаемого мира, то весь здешний космос оказывается причастным злу и, следовательно, дурным. Как известно, такой позиции придерживались гностики. Они считали, что Мировая душа, когда творит чувственный космос, отклоняется к материи-злу, вследствие чего сама становится падшим существом, а весь материальный космос оказывается причастным злу. Плотин не разделяет эту позицию. Он настаивает на красоте и целесообразности мира и отрицает падший характер Мировой души, специально посвятив этой проблеме трактат II 9 (33) «Против тех, кто утверждает, будто творец мира зол и мир плох», а также ряд других трактатов⁸. Анализируя полемику с гностикami, Рист старается реконструировать собственную платиновскую позицию. Плотин, как и гностики, представляет творение космоса как акт просвещения внешней тьмы, т.е. материи, но это просвещение нельзя называть греховным. Мировая душа действует согласно своей умопостигаемой природе, не покидая своего онтологического уровня, она просвещает материю без непосредственного контакта с ней. И Мировая и индивидуальная душа связаны как с умопостигаемым, и с телесным мирами, но характер действий в телесном мире у этих душ разный. Различие коренится не только в самих душах, но и в устройстве тел, которыми они управляют. Мировая душа управляет совершенным телом, поскольку тело космоса не подвержено гибели и ни в чем не имеет нужды или недостатка, тогда как частная душа имеет дело со смертным телом, подверженным распаду и постоянно чего-то требующим себе: пищи, тепла, сна. Мировой душе нет необходимости входить в непосредственный контакт с телом, а частным душам приходится как бы в них погружаться, а это и означает переход к телесному существованию. Частным душам трудно заботиться о несовершенном теле, поэтому они оказываются столь сильно вовлеченными в заботу о нем, что забывают себя, свою бессмертную природу и тот исток, от которого

⁷ Rist 1967. P 112-129.

⁸ III 8 «О природе, созерцании и Едином», V 8 «О сверхчувственной красоте», V 5 «О том, что умопостигаемое не вне ума, и о Благех».

они произошли. Души оказываются в узах обмана, отождествляя себя с телом, это порождает в них ложное мнение, которое, согласно платоническим установкам, является источником зла. В качестве причины перехода души к «отдельному» существованию Плотин называет ее слабость, которая в итоге открывает возможность появления зла в душе. Однако Плотин, по мнению Риста, никак не пытается объяснить появление слабости души как потенциальной возможности зла. А по поводу отношения материи и зла автор повторяет тезис своей предыдущей статьи: «материя не есть метафизическое зло, ибо она существует только как не сущее, но ее явная лишенность действительности (reality) означает, что ее действия (effects) будут дурны»⁹.

В статье «Plotinus on Evil. A Study of Matter and the Soul in Plotinus' Conception of Human Evil»¹⁰ Денис О'Брайен четко формулирует тот круг проблем, с которым сталкиваются все, кто исследовал проблему зла в философии Плотина. Во-первых, в разных трактатах названы разные источники зла (или материя, или слабость, или грех индивидуальной души, причем грех может сводиться, например, к слабости), во-вторых, нужно было объяснить, каким образом бескачественная материя может быть злом. О'Брайен отказывается идти по пути Фуллера и других авторов, изначально полагавших, что концепция зла у Плотина была лишена единой логики. Таким образом, он считал, что нужно найти такой способ интерпретации, в котором обе платоновские доктрины зла могли бы не исключать, а дополнять друг друга. Этой проблеме был посвящен ряд статей, обратимся к одной из последних. В статье «Plotinus on Matter and Evil»¹¹ О'Брайен заключает, что именно материю Плотин считает злом как таковым, поскольку она представляет собой лишенность и небытие, которые с точки зрения ценностно ориентированной платоновской онтологии не могут трактоваться иначе. Полное отсутствие блага и есть зло. Материя также является причиной появления зла в душе, потому что «будучи всецело лишена блага, – его лишенностью и совершенным недостатком, – [материя] так или иначе уподобляет себе всё, что только с ней ни соприкоснется»¹². Однако материя является только необходимой, но недостаточной причиной появления зла в душе. Причиной появления зла в душе является ее собственное желание, желание войти в непосредственный контакт с материей, иначе Плотин был бы непоследователен в вопросе теодицеи. Душа сама ответственная за свое падение. Таким образом, только сочетание желания души и присутствия материи будет являться достаточным основанием для появления зла.

⁹ Рист 2005, С. 148.

¹⁰ O'Brien 1971. P. 113-146.

¹¹ O'Brien 2006. P. 171-195.

¹² I 8 4, 22-25. Пер. мой.

В 1996 г. появилась диссертация Кевина Корригана «Plotinus' theory of matter-evil and the question of substance: Plato, Aristotle and Alexander of Aphrodisias»¹³. Работа в целом носит описательный характер. В ней мы находим детальный анализ трактатов Плотина, посвященных проблеме материи (II 4) и зла (I 8), а также близких к ним проблем – возможности и действительности (II 5), неаффицируемости (III 6) и др. Автор выявляет перипатетические истоки многих доктрин Плотина и указывает на тот неявный спор, который Плотин вел с последователями Аристотеля, прежде всего, по вопросу сущности и присутствия умопостижаемого в материальном. В вопросе об отношении материи и зла автор, в основном опираясь на трактат I 8, придерживается некритической позиции, то есть он не слишком интересуется парадоксальными следствиями такого заявления, а принимает его как данность.

В статье «Proclus vs Plotinus on Matter»¹⁴ Ян Опсомер, разбирая критику Прокла, согласно которой материя не может быть злом или источником зла, и пытаясь найти объяснение такому положению дел, указывает на разницу в построении метафизических систем Плотина и Прокла. Представление о материи-зле у Плотина возникает на основании такой концепции эманации, в которой материя оказывается последним и самым слабым из порождений Единого, тогда как у Прокла материя является первым из порождений Единого. Опсомер повторяет аргументы Прокла против Плотина: представление о материи как о зле влечет за собой либо дуализм, либо то, что Благо становится виновником зла. Этой работе близка по тематике статья Герда ван Рилья «Horizontalism or verticalism? Proclus vs Plotinus on procession of matter»¹⁵. Автор кратко излагает платиновское объяснение того, почему материя – зло, и детально останавливается на том сопротивлении, которое было оказано этой доктрине в позднем неоплатонизме. Ван Риль хочет показать, что отличие Плотина от его последователей заключается в «разнице перспектив». Плотин предлагает вертикальную схему исхождения сущих из Блага, то есть материя оказывается последним из порождений Единого, а Прокл – горизонтальную, в которой материя непосредственно происходит от Единого, являясь его первым порождением.

Среди отечественных специалистов проблему отношения материи и зла в философии Плотина рассматривает Татьяна Юрьевна Бородай в работе «Идея материи и античный дуализм»¹⁶. Она отмечает крайний дуализм, возникающий при трактовке материи как зла в трактате I 8. Если в трактате II 4 «О двух материях» материя была представлена как полная пассивность и в III 6 (26) «О неаффицируемости бестелесных»

¹³ Corrigan 1996.

¹⁴ Opsomer 2001. P. 154-88.

¹⁵ Van Riel 2001. P. 129-153.

¹⁶ Бородай 1997. С. 53–65.

— как зеркало, отражающее умопостигаемый мир, то тут Плотин постоянно подчеркивает «силу ее страшного злого притяжения»¹⁷, материя становится воронкой, болотом, в котором тонет душа, а сама душа оказывается ареной борьбы темного и светлого начала. Она уделяет особое внимание учению Плотина о зле как противоположности Благу, благодаря которому он формулирует теодицею. Определение Плотина таково: «Противоположности – это то, что отстоит друг от друга на наибольшее расстояние», значит, одна противоположность определяется через максимально удаление от другой. Зло оказывается необходимым последним звеном в цепи исхождения сущих из Единого, потому что сам процесс исхождения есть процесс удаления, который с необходимостью должен завершиться в противоположном, поэтому процесс исхождения Блага завершается во зле. Однако платиновская концепция материи как сущности и источника зла не нашла поддержки даже у его учеников и почитателей: Порфирия, Ямвлиха и Прокла. В 2008 г. вышла ее книга «Рождение философского понятия. Бог и материя в диалогах Платона»¹⁸, посвященная проблеме двух основополагающих понятий в философии Платона – материи и Демиурга. В главе «Материя и зло: Прокл как критик Плотина» автор, опираясь на прокловскую критику, указывает на то, что концепция Плотина противоречит фундаментальной предпосылке платоновской теологии. Если материя, хотя и не непосредственно, происходит от Единого-Блага, то все же именно Благо оказывается причиной зла. Или, если мы признаем, что материя есть само зло, а Бог не творит зла, тогда Бог не творит материю, значит, мы должны признать существование двух начал. Автор указывает на иной способ толкования проблемы возникновения зла, который предлагает Прокл, – зло как побочный продукт индивидуации. Согласно Проклу, материя не может быть сущностью или идеей зла, хотя бы потому, что, несмотря на то, что материя лишена бытия и блага, она к нему стремится, а противоположности друг к другу стремиться не могут. Прокл считает, что у зла нет и не может быть какой-то одной причины, поэтому причин у зла множество, и ими оказываются действия индивидуальных душ и тел. Таким образом, Прокл приходит к выводу, что источник и условие появления зла – это индивидуация¹⁹. Согласно Проклу, зло одновременно существует и не существует, для обозначения такого двойственного онтологического статуса он вводит специальный термин *парипотасть*.

Как уже сказано, помимо критики, направленной против отождествления Плотинем материи и зла, многие исследователи упрекают Плотина в непоследовательности его учения о зле как цельной концепции. Среди отечественных специалистов эту непоследовательность от-

¹⁷ Бородай 1997. С. 91.

¹⁸ Бородай 2008.

¹⁹ Бородай 2008. С. 199.

мечает А.В. Серёгин. В статье «Учение о зле в античной философии»²⁰ он пишет, что в трактате I 8 (51) Плотин возлагает всю ответственность за падение души, а значит, и за появление зла, исключительно на материю. Однако, в ряде других текстов Плотин подчеркивает самопроизвольность дурного выбора индивидуальных душ, утверждая, что «началом зла» для них является их собственная «дерзость, рождение, первое различие и, конечно, желание принадлежать самим себе»²¹. Можно было бы предположить, что позиция Плотина по проблеме зла менялась с годами – сначала он придерживался мнения, что источником зла является душа, а позже, например, желая размежеваться с гностикami, стал полагать им материю. Но, как верно замечает Рист²², уже в раннем трактате II 4 (12) «О двух материях» материя отождествляется со злом: в последних строках Плотин пишет, что если умопостигаемая форма – это благо, а материя, лишенная формы, нуждается в нем, то она и есть зло, потому что если сама материя не имеет в себе ничего благого, то «как же она не всецело зла?»²³.

Кристиан Шэфер в статье «Matter in Plotinus' normative ontology»²⁴,²⁵ развивает мысль Риста о том, что Плотин не видел различия между суждениями о должном и суждениями о сущем. Автор упрекает большинство интерпретаторов в некритическом подходе к вопросу об отношении материи и зла и предлагает новую реконструкцию этого учения. Во-первых, это позволит решить парадокс происхождения зла от Блага, а во-вторых, избавит от противоречий, которые возникают при чтении платоновских текстов. Шэфер предлагает толковать зло у Плотина как результат неправильного взаимодействия материи и души, при этом ни материя, ни душа не должны рассматриваться как дурные или злые сами по себе. Когда Плотин называет материю злом, он как бы использует литературный прием метонимии, то есть переноса значения. Плотин называет всецелую пассивность материи злом потому, что так воспринимает материю душа, пытающаяся наложить на нее формы. Плотин говорит о материи по отношению к нам, а не о материи самой по себе, ведь чистая потенциальность не есть зло и не может им быть. Материя может быть злом не в большей мере, чем вечернее небо может быть меланхоличным, поскольку меланхолия – это то чувство, которое испытывает человек, смотрящий на вечернее небо.

Нужно отметить еще одну проблему, связанную с материей в философии Плотина, которая широко обсуждалась в исследовательской

²⁰ Серёгин 2009. С. 205-265.

²¹ V 1 1, 1-10. Пер. Ю.А. Шичалина.

²² Rist 1961. P. 155.

²³ II 4 16, 24.

²⁴ Имеется в виду, что такая онтология предполагает не только описание, но и оценку.

²⁵ Schaefer 2004. P. 266-294.

литературе. В ряде трактатов (Ш 4 1, Ш 9 3 и др.) Плотин говорит о том, что материю создает не Мировая, а частная душа. Впервые на это обстоятельство обратил внимание Денис О'Брайен в упомянутой статье 1971 г. Он посвятил ряд статей этой проблеме, поскольку такая трактовка позволяет возложить всю вину за существование зла, т.е. материи, на индивидуальную душу²⁶. Именно поэтому такая интерпретация текстов Плотина в последнее время пользуется особой популярностью.

Подводя итог, можно сказать, что на сегодняшний день среди исследователей Плотина одним из самых трудных и спорных вопросов его философии остается вопрос о происхождении зла в мире. Одни ученые, среди которых Т.Ю. Бородай, Ян Опсомер, Герд ван Риль и др., основываясь на ряде трактатов, утверждают, что источником зла в мире, по Плотину, является материя. Другие, например, К. Шэфер, Дж. Рист, придерживаются мнения, что причиной телесного и нравственного несовершенства является падение души. При этом падшими Плотин считает только частные души, тогда как Мировая душа остается всецело благой. Поскольку сам философ указывает на два источника зла, а именно, материю и индивидуальную душу, то у нас есть возможность рассматривать два существующих на данный момент мнения о происхождении зла в философии Плотина не как исключающие, а как дополняющие друг друга. Такого мнения среди исследователей, как мы видели, придерживается Д. О'Брайен. В 2017 году вышла моя собственная книга «Плотин о материи и зле»²⁷, в ней я предлагаю свой собственный способ интерпретации текстов Плотина, который позволяет представить учение о зле как единую стройную доктрину.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Fuller B.A.G. Problem of evil in Plotinus. Cambridge: University Press, 1912.
O'Brien D. Plotinus on matter and evil // Cambridge Companion to Plotinus. Cambridge: University Press, 2006. P. 171-195.
O'Brien D. Plotinus on the Making of Matter: Part I: The Identity of Darkness // The International Journal of the Platonic Tradition. 2011. Vol. 5. P. 6-57.
O'Brien, D. 'Plotinus on Evil. A Study of Matter and the Soul in Plotinus' Conception of Human Evil' // Le Neoplatonisme. P.M. Schuhl and P. Hadot (eds.). Paris. 1971. P. 113-146.
Opsomer J. Proclus vs Plotinus on Matter // Phronesis. 2001. Vol. 46/2. P. 154-88.
Rist J. M. Plotinus: the road to reality. Cambridge: University press, 1967. P 112-129.
Rist J.M. Plotinus on Matter and Evil // Phronesis. 1961. Vol. 6. P. 154-166.
Schaefer Ch. Matter in Plotinus' normative ontology // Phronesis. 2004. Vol. 49/3. P. 266-294.
Van Riel G. Horizontalism or verticalism? Proclus vs Plotinus on procession of matter // Phronesis. 2001. Vol. 46/2. P. 129-153.
Бородай Т.Ю. Идея материи и античный дуализм // Три подхода к изучению культуры. М., 1997. С. 53-65.
Бородай Т.Ю. Рождение философского понятия. Бог и материя в диалогах Платона. М., 2008.
Волкова Н.П. Плотин о материи и зле. М.: Аквилон, 2017.

²⁶ O'Brien 2011. P. 6-57. Phillips 2009. P. 103-137.

²⁷ Волкова 2017.

Марк Туллий Цицерон. Философские трактаты. М., 1985.

Серёгин А.В. Учение о зле в античной философии (раздел статьи «Зло») // Православная энциклопедия. Т. 20. М., 2009. С. 205-265.

REFERENCES

- Borodaj T.Y. Ideya materii i antichnyj dualizm // Tri podhoda k izucheniyu kul'tury. M., 1997. S. 53–65.
- Borodaj T.Y. Rozhdenie filosofskogo ponyatiya. Bog i materiya v dialogah Platona. M., 2008.
- Corrigan K. Plotinus' theory of matter-evil and the question of substance: Plato, Aristotle and Alexander of Aphrodisias. Leuven, 1996.
- Fuller B.A.G. Problem of evil in Plotinus. Cambridge: University Press, 1912.
- Mark Tullij Ciceron. Filosofskie traktaty. M., 1985.
- O'Brien D. Plotinus on matter and evil // Cambridge Companion to Plotinus. Cambridge: University Press, 2006. P. 171-195.
- O'Brien D. Plotinus on the Making of Matter: Part I: The Identity of Darkness // The International Journal of the Platonic Tradition. 2011. Vol. 5. P. 6-57.
- O'Brien, D. 'Plotinus on Evil. A Study of Matter and the Soul in Plotinus' Conception of Human Evil' // Le Neoplatonisme. P.M. Schuhl and P. Hadot (eds.). Paris. 1971. P. 113-146.
- Opsomer J. Proclus vs Plotinus on Matter // Phronesis. 2001. Vol. 46/2. P. 154-88.
- Rist J. M. Plotinus: the road to reality. Cambridge: University press, 1967. P 112-129.
- Rist J.M. Plotinus on Matter and Evil // Phronesis. 1961. Vol. 6. P. 154–166.
- Schaefer Ch. Matter in Plotinus' normative ontology // Phronesis. 2004. Vol. 49/3. P. 266-294.
- Seryogin A.V. Uchenie o zle v antichnoj filosofii (razdel stat'i «Zlo») // Pravoslavnaya ehnciklopediya. T. 20. M., 2009. S. 205-265.
- Van Riel G. Horizontalism or verticalism? Proclus vs Plotinus on procession of matter // Phronesis. 2001. Vol. 46/2. P. 129-153.
- Volkova N.P. Plotin o materii i zle. M.: Akvilon, 2017.

Волкова Надежда Павловна, кандидат философских наук, научный сотрудник Института Философии РАН; go2nadya@gmail.com

The Problem of Evil in the Contemporary Studies of Plotinus' Philosophy

The article gives a critical review of research studies of the 20th and 21st centuries dedicated to the problem of evil in Plotinus' philosophy. The changes in the approach to this topic are explored. It is shown that first studies had more descriptive than critical character. Then, due to the works of John Rist and Denis O'Brian the situation has changed: despite obvious contradictions seen in the texts of Plotinus (what is the cause of evil: matter or soul?), the scholars started looking for a one consistent doctrine of evil's emergency. Common tendency of all contemporary studies is defined to demonstrate that evil-matter is a result not of the World Soul, but of the individual souls. Due to this interpretation the difficulties related to theodicy in Plotinus' system were removed.

Keywords: philosophy, Plotinus, evil, soul, matter, theodicy

Nadezhda Volkova, PhD (Philosophy), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, go2nadya@gmail.com

В. В. ПЕТРОВ

FRATER TERTIUS У АП. ПАВЛА, ПЕТРА АБЕЛЯРА И СИГИЗМУНДА КРЖИЖАНОВСКОГО

В статье прослеживается история псевдонима «Frater Tertius», которым Сигизмунд Кржижановский (1887–1950) подписывал свои публикации 1919–1924 гг. Показано, что Третий как историческое лицо (писец при ап. Павле) появляется в «Послании к Римлянам» 16:22. Его имя становится нарицательным в экзегетическом рассуждении Петра Абеляра, который видит особый смысл в том, что Tertius (*букв.* «третий») выступил третьим в цепочке «божественный глас – апостол – переписчик». Формула «Bruder Tertius» впервые использована в книге Адольфа Гаусрата «Петр Абеляр», а затем, в латинской форме «Frater Tertius», в энциклопедической статье О.А. Добиаш-Рождественской, которая опиралась на книгу Гаусрата. Таким образом, непосредственным источником псевдонима Кржижановского следует считать статью О. Добиаш. Для Кржижановского «Frater Tertius» – имя несовершенного транслятора знания и культуры; архетипического персонажа, причастного великим событиям, но оставившего в истории только одну строку.

Ключевые слова: Сигизмунд Кржижановский, Адольф Гаусрат, апостол Павел, Петр Абеляр, Ольга Добиаш-Рождественская, Frater Tertius

Сигизмунд Доминикович Кржижановский (1887–1950) подписывал свои ранние произведения латинским псевдонимом Frater Tertius. Насколько известно, до сих пор никто не предпринимал попыток объяснить смысл этого самоименования. Цель данной заметки – указать на источники псевдонима и, по возможности, прояснить его смысл.

Согласно рукописной автобиблиографии, составленной в 1934 г.¹, Кржижановский начал использовать псевдоним Frater Tertius в 1919 г., при публикации рассказа «Якоби и якобы» в киевском журнале «Зори»². В сентябре–октябре 1919 г. Frater Tertius печатается в еженедельной киевской газете-журнале «Жизнь»: в № 1 появляется его стихотворение «Беатриче»³, в № 2 – три «Сказки»⁴, в № 9 – стихотворение «Мирозерцание под пулями». На обложке 3-й тетради стихов, повыше напечатанного на машинке «С.Д. Кржижановский», он размашисто надписывает чернилами: «Frater Tertius (С.К.)»⁵. В афише, анонсирующей шесть лекций 1920 г., которые писатель читал в киевской консер-

¹ РГАЛИ, ф. 2280, оп. 1, ед. хр. 75, л. 1-4об.

² Frater Tertius. Якоби и якобы. 1919. В авторском примечании указано: «Диалог печатается в сокращенном виде. Написан в 1919 г. Впервые читан в Вольфиле».

³ Frater Tertius. Беатриче. 1919.

⁴ Frater Tertius. Сказки. 1919. В том же номере газеты была опубликована статья В.Ф. Асмуса «О великом пленении русской культуры», см. Асмус 1919. С. 4–8.

⁵ РГАЛИ, ф. 2280, оп. 1, ед. хр. 71, л. 67.

ватории, значится: «С.Д. Кржижановский (Frater tertius)» (Рис. 1)⁶. В 1920 г. Frater Tertius публикует в киевской «Жизни» фельетон «Я», а в 1922 г. в московском «Экране» – рассказ «Сбежавшие пальцы». Перевравшись в Москву, Кржижановский принимает активное участие в работе Вольфилы, где продолжает использовать псевдоним Frater Tertius. Описывая вольфильскую активность 1921–1922 гг., товарищ и покровитель Кржижановского С.Д. Мстиславский (1876–1943) несколько раз упоминает последнего, именуя его при этом «Frater Tertius». Например, в письме к А.А. Боровому от 16 мая 1922 г. Мстиславский сообщает: «...в понедельник, 22го, в восемь вечера, в помещении Зей студии МХТ (Арбат, № 26) состоится очередное заседание Вольфилы. (Frater Tertius: “Сказки для вундеркиндов”))». В секции философии искусств Мстиславский и Кржижановский совместно руководили «Кружком по философии театра», который определили как «цикл занятий под рук. С.Д. Кржижановского (Frater Tertius) и С.Д. Мстиславского»⁷. И много позже (в 1940 г.), описывая события 1922 г., Мстиславский, сославшись на Кржижановского, не преминет после его имени указать в скобках: Frater Tertius⁸. Последний раз в печати Frater Tertius появляется в 1924 г. в журнале имажинистов «Гостиница для путешествующих в прекрасном» с рассказами «Проигранный игрок», «Якоби и якобы» (сокращенная версия рассказа 1919 г.) и «История пророка»⁹.

Рис. 1. Афиша лекций С.Д. Кржижановского в Киевской консерватории (1920).

⁶ Об этой афише см. Бовшек 2013. С. 198. Поскольку *tertius* печатается в афише со строчной буквы, это устраняет возможность понять его как имя собственное («Тертий»). В этом случае псевдоним переводится однозначно: «брат Третий».

⁷ Белоус 2005. С. 201 (прим. 24); 202. (= РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. № 523. Л. 3).

⁸ Там же. С. 228.

⁹ Frater Tertius. Проигранный игрок. Якоби и якобы. 1924; Frater Tertius. История пророка. 1924.

Каково происхождение этого псевдонима? Кржижановский обладал философским складом ума. Уже первыми его писательскими опытами стали эссе «Любовь как метод познания», «Идея и Слово», «Арго и Ergo», «В защиту познаваемого», «Как возможен метафизик», в которых ощущается влияние В. Соловьева, Бердяева, но прежде всего Канта, Фихте, Шопенгауэра, Платона. Оставшийся в машинописи сборник стихов «Философы» (1918–19) содержит такие стихотворения как «Академия (IV в. до Р.Х.)», «Диоген и Эпихарис», «И.С. Эригена (IX в.)», «*Flatus vocis*», «Схоласты (XIII в.)», «*Magnus Contemplator* (XIII в.)», «Декарт» и др.

Уже очень рано Кржижановский делает выбор в пользу интеллектуальной прозы, в которой пытается «философствовать на языке образов» в традиции Вл. Одоевского, А. Белого и др. Подобный подход к миру всегда составлял сердцевину его поэзии, художественной прозы, эссеистики¹⁰. Его художественные произведения насыщены отсылками к мировой философии, в том числе и к средневековой латинской. Как мы покажем ниже, именно у средневекового мыслителя Кржижановский нашел свой псевдоним, который является не просто словесной формулой, но содержит в себе целую концепцию, определяющую место автора как транслятора культурной традиции.

Рассмотрим тексты, с которыми имел дело Кржижановский подробнее. История имени *Frater Tertius* восходит к Новому Завету. Один из разделов послания, которое диктует апостол Павел, обращаясь к христианской общине Рима, заканчивается тем, что Павел шлет римлянам приветствия от находящихся при нем сотрудников и родственников. После чего следуют следующие строки:

«Приветствую вас и я, Тертий, писавший в Господе сие послание¹¹.
Приветствует вас Гай, побратим мой и всей церкви.
Приветствует вас Эраст, городской казначей, и брат Кварт»
(Рим 16:22-23).

Ясно, что первая строка принадлежит уже не Павлу, а его переписчику и секретарю по имени Тертий, который добавил строку от себя лично. Скорее всего, и две последующие строки принадлежат не ап. Павлу, а тому же Тertiю (что, впрочем, не принципиально для нашего рассуждения): в них упоминаются Гай, Эраст и «брат Кварт».

Существенно, что римские имена «Тертий» (*Tertius*) и «Кварт» (*Quartus*) являются субстантивированными порядковыми числительными, означая буквально «третий [сын]» и «четвертый [сын]». При этом Кварт именуется еще и «братом» (*Κοῦαρτος ὁ ἀδελφός*, *Quartus*

¹⁰ Петров 2013. С. 674-720; 2014. С. 340-372.

¹¹ Рим 16:22: ἀσπάζομαι ὑμᾶς ἐγὼ Τέρτιος ὁ γράψας τὴν ἐπιστολὴν ἐν κυρίῳ; saluto vos ego Tertius qui scripsi epistolam in Domino.

frater). Вот и всё, что можно сказать об этих спутниках Павла, на короткий миг появившихся на свет истории и тут же канувших в лету.

Однако история одного из них, Тертия, неожиданно получает продолжение тысячу лет спустя, когда философ и богослов Петр Абеляр (1079–1142) в завершающих страницах своего комментария на «Послание к Римлянам»¹², пишет следующее:

Tertius, qui scripsi Epistolam in Domino... Hoc est primum nomen ejus qui dictante Paulo hanc Epistolam scribebat, tanquam notarius Apostoli, sicut nunc est cancellarius apostolicus, quod fortasse divino quodam factum est praesagio, ut videlicet ille tertius diceretur nomine, qui tertius erat in operatione. Spiritus quippe sanctus inspirabat quae Apostolus dictabat seu proferebat, quae iste, qui Tertius dicitur, ut dictum est, sua manu scribebat... *Et Quartus frater*. Proprium nomen est, sicut et Tertius¹³.

Терций, писавший в Господе сие послание... Это имя собственное того, кто писал сие Послание под диктовку Павла, словно секретарь Апостола, как в наше время начальник апостольской канцелярии. Это имя ему, вероятно, досталось в некое божественное предзнаменование, дабы, конечно, именем «Тертий» звали того, кто стоял в этом действии третьим. Ибо Дух Святой внушал то, что Апостол диктовал или оглашал, а тот, кто зовется Тertiem, свою рукою записывал то, что сказано... *И брат Кварт*. Имя собственное, как и Тертий¹⁴.

Согласно Абеляру, человек, записавший слова апостола, внушенные Павлу непосредственно Святым Духом, не случайно получил при рождении имя «Тертий» («третий»). Это не только имя собственное, но и указание на порядковый номер в цепочке: Бог – боговдохновенный пророк (апостол) – простой человек, записывающий услышанное.

Разумеется, Сигизмунд Кржижановский не читал сам трактат Абеляра (который до сих пор не переведен на новые языки и доступен только на латыни). В новейшее время интересующее нас рассуждение средневекового философа воспроизводит и толкует немецкий теолог Адольф Гаусрат. В книге «Петр Абеляр»¹⁵, вышедшей в 1893 г. на немецком языке (в 1900 г. издана в русском переводе), Гаусрат пишет:

«По средневековому взгляду на Писание авторы библейских книг играли роль разве немного большую, чем грифели или перья, при помощи которых написано было Писание, и те и другие являлись не более, как лишенными воли орудиями, которыми пользовался Бог; единственным же истинным автором всегда был Святой Дух. Напротив, Абеляр различает три фактора, участвующих в составлении священного Писания. Первым является Бог, внушающий то, что следует писать, вторым – писатель, воспринимающий внушения в зависимости от личных своих особенностей, третьим фактором являются случайности, зависящие от людей, как, например, плохая передача, ошибки перевода, пропуски и ошибки в

¹² См. Petrus Abaelardus 1969. P. 39–340 (= Patrologia Latina 178, 783B–978D).

¹³ Patrologia Latina. T. 178. P. 976D–977B.

¹⁴ Рус. пер. см.: Гаусрат. 1900. С. 155–156.

¹⁵ Hausrath 1893. S. 190–191, 192. О Тертии и Абеляре см. также Deutsch 1883. S. 130–131.

рукописях и противоречия в рассказе. Этот земной фактор представлен, по мнению Абеляра, в лице того писца Послания к Римлянам (Рим 16:22), который многозначительно назывался Тertiem, потому что он как раз и был третьим фактором. Этот *брат, qui Tertius dicitur*, должен быть ответствен за начертание и выражения, и он, по мнению Абеляра, не всегда верно передавал смысл»¹⁶.

Гаусрат резюмирует:

«Абеляр... считал себя вправе судить: могут ли быть в частности приписаны известные слова Духу Божию, индивидуальным свойствам автора, или третьему фактору — человеческому посредничеству и недостаточно точной передаче, *брату Тертию* (Bruder Tertius), могли бы мы сказать»¹⁷.

Примечательно, что именно это место из книги Гаусрата, попало в большую статью «Петр Абеляр», написанную О.А. Добиаш для «Нового энциклопедического словаря»¹⁸, который начал издаваться в 1911 г. и должен был заменить «Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона». Добиаш так излагает обсуждаемый нами пассаж:

«В разборе “Послания к Римлянам” он [Абеляр] доказывает, что Св. Писание сложилось из взаимодействия трех факторов: 1) Божественного вдохновения, которое непогрешимо; 2) личности писателя, индивидуально воспринявшего его, и 3) всех обстоятельств, в которых оно формулируется и увековечивается (понятий эпохи, условий передачи, компетентности переводчика и переписчика). Этот “*брат Третий*” (frater Tertius) вносит в Писание больше всего смущающих нас элементов. Божественное откровение, как первый фактор, для Абеляра авторитетно, но Писание, как продукт трех факторов, подлежит критике разума»¹⁹.

Использование слов «брат Третий», имеющих только у Гаусрата, который повторил их дважды²⁰, показывают, что О.А. Добиаш следует именно ему. Это подтверждается и подробной библиографической отсылкой в конце энциклопедической статьи, из которой следует, что Добиаш имела доступ и к русскому переводу книги Гаусрата²¹. Однако у Гаусрата используется словосочетание «Bruder Tertius», и лишь у Добиаш мы встречаем латинское «Frater Tertius». Таким образом, именно статья Ольги Добиаш является непосредственным текстовым источником псевдонима С.Д. Кржижановского, под которым он печатался и выступал в 1919–1924 годах. Именно однозначное тол-

¹⁶ Гаусрат 1900. С. 155–156.

¹⁷ Там же. С. 157.

¹⁸ Добиаш 1911. С. 39–46.

¹⁹ Там же. С. 43–44.

²⁰ Hausrath 1893. S. 191: Bruder, qui Tertius dicitur; S. 192: Bruder Tertius. В Рим 16:22–23 «братом» назван только Кварт. S.M. Deutsch тоже не называет Тертия «братом».

²¹ См. Добиаш 1911. С. 46: «Hausrath, «Peter Abélard» (Лпц., 1893); впоследствии вошло в серию его же «Die Weltverbesserer im Mittelalter», перев. на рус. яз. под заглавием «Средневековые реформаторы» (СПб., 1899)» (сохранена орфография оригинала).

кование Добиаш («брат Третий», но не «Тертий»), отражено в киевской афише 1920 г., в которой *tertius* пишется со строчной буквы.

Позднее, когда Кржижановский откажется от псевдонима *Frater Tertius*²², последний отзовется эхом в одном из его персонажей, названном «Тот третий». В 1929 г. писатель задумал одноименный роман, в котором действовал некто, именуемый «Третьим», поскольку ему выпало быть третьим в череде претендентов на любовь царицы Клеопатры²³. Роман остался во фрагментах, но позже Кржижановский переработал их в одноименную пьесу²⁴.

Итак, установление прямого источника псевдонима *Frater Tertius*, а также традиции, в которой он фигурирует, позволяет уяснить его базовое значение и смысл. Для Кржижановского «*Frater Tertius*» – имя несовершеннолетнего транслятора знания и культуры. Этот писатель несовершенно, допускает ошибки, привносит искажения. Поскольку, помимо статьи Добиаш, Кржижановский, как минимум, знал и о Рим 16:22, «Третий» мог представляться ему архетипическим персонажем, который, будучи спутником ап. Павла, был причастен великим событиям, но оставил от себя в истории лишь одну строку. Выбором псевдонима «*Frater Tertius*» Кржижановский говорил, что его сочинения несовершенно, как все человеческое, и мрачно пророчествовал о своей писательской судьбе, которую философически резюмировала преданная ему Анна Бовшек: «Всю свою трудную жизнь он был литературным небытием, честно работавшим на бытие».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Асмус В.Ф. О великом пленении русской культуры // Жизнь (Киев). № 2 (8-14.09.1919). С. 4–8; переизд. М.Н. Громыным и Н.А. Куценко в Историко-философском ежегоднике '2004. М. Наука, 2005. С. 350-358.
- Белоус В.Г. ВОЛЬФИЛА [Петроградская Вольная Философская Ассоциация] 1919-1924. Кн. 2. М.: Модест Колеров и “Три квадрата”, 2005 (Исследования по истории русской мысли, т. 11, кн. 2).
- Бовшек А.Г. Глазами друга. Материалы к биографии С.Д. Кржижановского // Собрание сочинений в 6 томах. Т. 6. М.: Б.С.Г.-Пресс; СПб.: Симпозиум, 2013. С. 195–280.
- Гаусрат, Адольф. Средневековые реформаторы / Пер. с нем. под ред. Э.Л. Радлова. Т. 1: Абеляр. Арнольд Брешианский. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1900.

²² Его больше не печатают, но он продолжает писать в стол. Из надписаний последующих, оставшихся в машинописи сочинений, *Frater Tertius* исчезает.

²³ Кржижановский. Фрагменты к роману “Тот Третий”. 2010. С. 234-256. Ср. Бовшек. 2013. С. 273. «В тридцать девятом году он закончил пьесу “Тот Третий”. Первоначально тема была задумана как роман. С.Д. хотел найти возможные литературные решения незаконченной повести Пушкина “Египетские ночи”. Почему “Тот Третий” имени векам не передал. Постепенно его стала неотступно увлекать тема сыска, преследования и бегства. В пьесе обе темы переплелись: литературная и философская».

²⁴ Кржижановский. Тот Третий. Пьеса (март-апрель 1937). 2010. С. 75-144.

- Добиаш О. Абельяр // Новый энциклопедический словарь. Т. 1. Идатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. СПб., 1911. С. 39–46.
- Кржижановский С.Д. Тот Третий. Пьеса (март-апрель 1937) // Собр. соч. в 6 т. Т. 5. М.: Б.С.Г.-Пресс; СПб.: Симпозиум, 2010. С. 75-144.
- Кржижановский С.Д. Фрагменты к роману “Тот Третий” // Собр. соч. в 6 т. Т. 5. М.: Б.С.Г.-Пресс; СПб.: Симпозиум, 2010. С. 234-256.
- Петров В.В. Платон и его диалоги в текстах Сигизмунда Кржижановского // ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма / Под общ. ред. В.В. Петрова. М.: Круть, 2013. С. 674-720.
- Петров В.В. Бытие и логика в философской прозе Сигизмунда Кржижановского // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 2 / Отв. ред. М.С. Петрова. М.: Аквилон, 2014. С. 340-372.
- Deutsch S.M. Peter Abälard. Ein kritischer theologe des Zwölften Jahrhunderts. Leipzig, 1883.
- Frater Tertius. Якоби и якобы // Зори (Киев). 1919. № 1.
- Frater Tertius. Беатриче // Жизнь (Киев). 1919 (1-7 сентября). № 1. С. 10.
- Frater Tertius. Сказки: Сказочка об истине; Монизм (Сказка для философов); По обе стороны // Жизнь (Киев). 1919 (8-14 сентября). № 2. С. 5-6.
- Frater Tertius. Проигранный игрок. Якоби и якобы // Гостиница для путешествующих в прекрасном. 1924. № 1 (3) (без пагинации).
- Frater Tertius. История пророка // Гостиница для путешествующих в прекрасном. 1924. № 4. (без пагинации).
- Hausrath A. Peter Abälard. Leipzig, 1893.
- Petrus Abaelardus. Opera theologica I: Commentaria in Epistolam Pauli ad Romanos. Apologia contra Bernardum / Ed. E.M. Buytaert (Corpus Christianorum Continuatio Medievals. Vol. 11). Turnhout: Brepols, 1969.

REFERENCES

- Asmus V.F. O velikom plenienii russkoi kul'tury. Zhizn' (Kiev). № 2 (8-14.09.1919). S. 4–8; pereizd. M.N. Gromovym i N.A. Kutsenko v Istoriko-filosofskom ezhegodnike '2004. Moscow, Nauka Publ., 2005. pp. 350-358. (In Russ.)
- Belous V.G. VOL'FILA [Petrogradskaia Vol'naia Filosoofskaia Assotsiatsiia] 1919-1924. Vol. 2. Moscow, Modest Kolerov i “Tri kvadrata” Publ., 2005 (Issledovaniia po istorii russkoi mysli, t. 11, kn. 2). (In Russ.)
- Bovshek A.G. Glazami druga. Materialy k biografii S.D. Krzhizhanovskogo. Sobranie sochinenii v 6 tomakh. T. 6. Moscow, B.S.G.-Press; Saint Petersburg, Simpozium Publ., 2013. pp. 195–280. (In Russ.)
- Gausrat, Adolf. Srednevekovye reformatory, Per. s nem. pod red. E.L. Radlova. T. 1: Abeliar. Arnold Breshianskii. Saint Petersburg, L.F. Panteleev Publ., 1900. (In Russ.)
- Dobiash O. Abeliar. Novyi entsiklopedicheskii slovar'. T. 1. Idateli F.A. Brokgauz, I.A. Efron. Saint Petersburg, 1911. pp. 39–46. (In Russ.)
- Krzhizhanovskii S.D. Tot Tretii. P'sa (mart-aprel' 1937). Sobranie sochinenii v 6 tomakh. T. 5. Moscow, B.S.G.-Press; Saint Petersburg, Simpozium Publ., 2010. pp. 75-144. (In Russ.)
- Krzhizhanovskii S.D. Fragmenty k romanu “Tot Tretii”. . Sobranie sochinenii v 6 tomakh. T. 5. Moscow, B.S.G.-Press; Saint Petersburg, Simpozium Publ., 2010. pp. 234-256. (In Russ.)
- Petroff V.V. Platon i ego dialogi v tekstakh Sigizmunda Krzhizhanovskogo. ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Issledovaniia po istorii platonizma, Pod obshch. red. V.V. Petroff. Moscow, Krug" Publ., 2013. pp. 674-720. (In Russ.)
- Petroff V.V. Bytie i logika v filosofskoi proze Sigizmunda Krzhizhanovskogo. Intellektual'nye traditsii v proshlom i nastoiashchem. Vyp. 2, Otв. red. M.S. Petrova. Moscow, Akvilo Press, 2014. pp. 340-372. (In Russ.)
- Deutsch S.M. Peter Abälard. Ein kritischer theologe des Zwölften Jahrhunderts. Leipzig, 1883.
- Frater Tertius. Iakobi i iakoby. Zori (Kiev). 1919. № 1. (In Russ.)
- Frater Tertius. Beatrice. Zhizn' (Kiev). 1919 (1-7 sentiabria). № 1. S. 10. (In Russ.)

- Frater Tertius. Skazki: Skazochka ob istine; Monizm (Skazka dlia filosofov); Po obe storony. Zhizn' (Kiev). 1919 (8-14 September). № 2. S. 5-6. (In Russ.)
- Frater Tertius. Proigrannyi igrok. Iakobi i iakoby. Gostinita dlia puteshestvuiushchikh v prekrasnom. 1924. № 1 (3) (bez paginatsii). (In Russ.)
- Frater Tertius. Istoriia proroka. Gostinita dlia puteshestvuiushchikh v prekrasnom. 1924. № 4. (bez paginatsii). (In Russ.)
- Hausrath A. Peter Abälard. Leipzig, 1893.
- Petrus Abaelardus. Opera theologica I: Commentaria in Epistolam Pauli ad Romanos. Apologia contra Bernardum, Ed. E.M. Buytaert (Corpus Christianorum Continuatio Medievalis. Vol. 11). Turnhout: Brepols, 1969.

Петров Валерий Валентинович, доктор философских наук; главный научный сотрудник Института философии РАН; директор Центра античной и средневековой философии Института философии РАН; campas.iph@gmail.com

Frater Tertius in Apostle Paul, Peter Abelard and Krzhizhanovsky

The article traces the history of the pseudonym “Frater Tertius,” by which Sigizmund Krzhizhanovsky (1887–1950) signed his publications of 1919–1924. It is shown that Tertius, as a historical person (the scribe of the Apostle Paul), appears in the Epistle to the Romans 16:22. His name becomes appellative in exegetical reasoning of Peter Abelard, who sees a special meaning in the fact that Tertius (*lit.* “the third”), appeared holds the third place in the chain “divine voice – apostle – scribe.” The formula “Bruder Tertius” first appears in “Peter Abelard” by Adolph Hausrath, and then, in the Latin form “Frater Tertius”, in the encyclopaedic article by Olga Dobiash-Rozhdestvenskaya, which used the book of Hausrath. Thus, O. Dobiash’s article should be considered the immediate source of Krzhizhanovsky’s pseudonym. It is concluded that for Krzhizhanovsky “Frater Tertius” was the name of an imperfect translator of knowledge and culture; the name of archetypal character, who participated in the great events, but left in history only one line.

Keywords: Sigizmund Krzhizhanovsky, Adolph Hausrath, Apostle Paul, Peter Abelard, Olga Dobiash-Rozhdestvenskaya, Frater Tertius

Valery Petroff, Dr.Sc. (Philosophy); Chief Research Fellow of RAS Institute of Philosophy; Director of the Centre for Ancient and Mediaeval Philosophy and Science of RAS Institute of Philosophy; campas.iph@gmail.com

В. П. КОРЗУН

ЗАМЫСЕЛ ЕЩЕ НЕ ТОЧКА... СБОРНИК «РУССКАЯ НАУКА» В РЕАЛИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ЭКСТРИМА¹

Размышление над книгой: Судьба проекта «Русская наука» 1916-1920 (К столетию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): Статьи и документы/ Отв. ред. чл.-корреспондент РАН Ю.М. Батурин; ред.-сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина. СПб.; М., 2016. 848 с. Опубликованные статьи и документальные публикации позволяют представить один из первых науковедческих проектов в отечественной науке в контекстах развития мирового науковедения, экстремальных условий Первой мировой войны, революционного и постреволюционного периодов, внутринаучных процессов и практик, индивидуальных стратегий ученых.

Ключевые слова: история науки, русская наука, комиссия по истории знания, коммуникативное поле, школы в науке, международное сотрудничество

Историко-научный бум конца XIX – начала XX в. уже давно находится в фокусе внимания историографов, философов, науковедов, культурологов. На пике этого бума деятелями отечественной науки была предпринята логичная амбициозная попытка фиксации достигнутых итогов развития науки. Речь идет о запущенном в 1916 г. проекте сборника «Русская наука» и организации Комиссии по его созданию, которая становится самостоятельной институцией и начинает жить своей жизнью. Столетнему юбилею этих знаковых событий в дисциплинарном становлении истории науки в России посвящена рецензируемая книга «Судьба проекта “Русская наука”. 1916-1920 (К 100-летию Комиссии по изданию сборника “Русская наука”): Статьи и документы».

Редакторы-составители этого труда – известные исследователи истории науки – член-корреспондент РАН Ю.М. Батурин, доктор экономических наук В.М. Орел, доктор исторических наук Г.И. Смагина – попытались представить его максимально объемно, включая в исследовательское поле не только историко-научные достижения, классические образцы «фрезюмирования итогов» научного развития, но и замыслы, претендовавшие на эту роль – черновики истории науки. Это необходимо и оправданно – ведь речь идет о масштабной попытке научной саморефлексии, выяснения содержательно-рамочных характеристик отечественного научного поля самими деятелями науки начала XX в. Подобное, используя известную формулу канцелярита, «подведение итогов проделанной работы», исключительно важно для самоидентифи-

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00397.

фикации российской науки, создания ее образа. Составители рецензируемого труда и представляют нам плод незавершенно-содержательной коллективной саморефлексии, «схваченного мгновения» истории отечественной науки, когда совокупность статей и набросков программно-теоретического и историографически-науковедческого плана дает возможность представить наличное состояние отечественной науки в первые десятилетия XX века, исторический путь, который она прошла и те нормативно-регулятивные рамки, которые сложились на этом пути.

Книгу открывает предисловие, где формулируется цель издания – воссоздать, насколько это возможно, сборник «Русская наука» и проследить историю его создания, здесь же коротко характеризуются основные структурные элементы и источниковая база издания. Предисловие плавно перетекает в авторскую концепцию видения данного проекта как культурного феномена и как значимого этапа в дисциплинарном становлении в России истории науки, а в широком смысле – науки о науке (раздел «Сборник “Русская наука”»: замысел и опыт реализации»). Авторы обозначают различные контексты, в которых замысливался и реализовывался проект – внешнеполитические, внутринаучные, общекультурные, экзистенциальные. Такой ракурс нашел отражение в структурном построении раздела: в нем выделены подразделы: «Предыстория», «Идеи, витающие в воздухе», «Председатель Комиссии А.С. Лаппо-Данилевский», «Начало работы», «1918 год», «Председатель Комиссии С.Ф. Ольденбург», «В составе Комиссии по истории знаний» (речь идет о председательстве В.И. Вернадского), «Участники проекта», «Издание очерков». В следующем разделе помещен аннотированный список ста семи ученых, принимавших участие в проекте «Русская наука». Наконец, последний раздел представляет собственно макет запланированного издания – подготовленные очерки, скомпонованные по рубрикам: естественные науки, физико-математические науки, историко-филологические науки, философско-богословские науки. Всего представлено 17 очерков. Завершает подготовленную публикацию список сокращений и указатель имен. Издание снабжено иллюстративным материалом – рядом портретов выдающихся ученых – участников проекта, фотографиями титульных листов изданных работ по истории отдельных дисциплин и фото Малого конференц-зала Академии наук, где 25 февраля 1917 года состоялось первое организационное заседание Подкомиссии по изданию сборника «Русская наука». Этот визуальный ряд значим для современного читателя, создает эффект сопричастности «крупному разговору» и разбивает привычный образ юбилейного издания как памятника.

Отметим, что заслугой авторов/публикаторов является стремление к полноте источниковой базы – ее составляют как опубликованные ста-

тью программно-научоведческого плана, так и извлеченные из архивов (перечень последних впечатляет) заметки, наброски, переписка участников проекта. В рамках последнего вида источников науковедческая программность перетекает в конкретику исполнения. Корифеям историко-научной мысли приходилось заниматься «прозой жизни» – текущей организационной работой, налаживанием коммуникативных связей, подбором авторов, мотивацией на несвойственную многим из них историографическую рефлексию. Такой многосложный историографический источник, коим является рецензируемый труд, требует серьезного археографического комментария. К сожалению авторы ограничились кратким указанием на впервые публикуемые документы и уже введенные в научный оборот, со ссылками на источник цитирования. Принципы выборки источников оказались не прописанными. Датировка написания и поступления в Комиссию рукописей подготовленных очерков по большей части отсутствует, хотя отдельные сведения этого рода наличествуют в приводимых делопроизводственных материалах и переписке. Естественно, эти археографические недоработки затрудняют воссоздание целостной картины задуманного проекта.

Что же дает истории науки рецензируемая публикация? Ведь, казалось бы, многие документы и большая часть подготовленных текстов по истории отдельных дисциплин уже были знакомы читателю. Многие, но не все. Авторы впервые знакомят нас с рукописями Н.И. Кареева «Новая история»², А.А. Белопольского «Астрономия», А.И. Малеина «Латинский язык и литература», публикуют упомянутую рутинную переписку по организационным вопросам, новые материалы делопроизводственной документации институционального характера. В результате перед нами воочию предстает картина трудного и дискретного пути становления отечественного науковедения – отдельные ноты сливаются в аккорд, но аккорд, который зависает по разным причинам в воздухе, если говорить о судьбе сборника и судьбе отечественного науковедения. Это, во-первых, а во-вторых, представленный материал, собранный под одной «крышей» из мозаики сюжетов и фактов, разбросанных в различных изданиях сегментированного научного поля, дает читателю почву для рефлексии не только об особенностях складывания национальной науки и практиках отражения национального самосознания, но и о закономерностях возвратно поступательного движения некоторых идей в поле истории науки.

Характеризуя сборник как знаменательную веху в истории дисциплинарного становления отечественного науковедения, авторы показывают, как произошло его появление на перекрестке истории, пересече-

² Впервые ссылку на этот труд сделал В.П. Золотарев. См.: Кареев 1990. С. 363.

нии разноплановых исторических потоков. Повествование авторов, воспроизводя ход и последовательность работы по созданию сборника, позволяет осмыслить взаимодействие этих потоков. Показано как кризисная социальность времен Первой мировой войны и революции повлияла на возникновение и реализацию проекта, в то же время авторы обозначили и складывание внутренних потребностей научного сообщества в историко-научной рефлексии.

В конце концов непосредственным поводом к созданию сборника явилось предложение, сделанное в марте 1916 г. послом Великобритании в Петрограде о расширении научных связей между российскими и английскими учеными, встретившее сочувственный отклик и деятельную поддержку в отечественном научном сообществе. В том же марте 1916 года – практически синхронно в журнале «Русская мысль» появилась статья историка-эллиниста и археолога М.М. Ростовцева «Международное научное обозрение», в которой ставился вопрос о восстановлении нарушенных войной связей, а также о том, чтобы отечественная наука заняла «подобающее ей место в этом общении», «нынешние, надеюсь, постоянные союзники России познакомились с ее настоящей научной физиономией» (С. 11-12). По Ростовцеву, восстанавливаемое коммуникативное поле науки должно было стать неотъемлемой частью разумного послевоенного устройства мира. Намечается и частично реализуется масштабная программа по восстановлению этого поля – свидетельством тому является создание при Академии наук Комиссии по установлению более деятельных научных сношений между Россией и Англией (С. 13), предполагаемые дальнейшие практические шаги в обустройстве коммуникативного поля (переводы трудов отечественных ученых на ведущие европейские языки, обзоры библиографии и научной хроники, обменные поездки ученых и т.д). То есть обозначается то, что мыслилось уже в конце века, как универсализм научной деятельности и норма функционирования научного сообщества; позже эти идеи найдут свои завершающие формулировки в социологии науки Роберта Мертона (концепция «этоса науки»). И, наконец, как логическое завершение – попытка создания сборника статей по истории русской науки с интересной, расширительной мотивацией: «когда война ставит перед русскими учеными неотложную задачу осознать свои силы и цели, объединиться и действовать, одним из первых шагов (если не самым первым) на новом пути должен быть такой же обзор всего развития русской научной мысли, какой сделан французами в сборнике *La Science Française*». В этот же ряд следует поставить и вербализацию данного проекта летом 1916 года в Кембридже. Именно здесь Лаппо-Данилевский читает лекции по истории науки, которые легли в основу

большой статьи, по существу – монографии, вышедшей в 1917 г. на английском языке: «Development of Russian science and learning»³.

Ситуативная заданность проектно-концептуальных установок, благодаря публикациям в соответствующем разделе рецензируемого труда, очевидна. Но не только, да, пожалуй, и не столько ею определяется стремление российских ученых погрузиться в науковедение (свидетельство тому – приводимые в сборнике взаимодополняющие высказывания М.И. Ростовцева, В.И. Вернадского, А.С. Лаппо-Данилевского, В.Н. Бенешевича).

Разумеется, прежде чем транслировать целостную картину отечественного научного развития вовне, сначала надо ее создать – «выявить лицо русской науки как целого и для себя, и перед всем миром, определить характер, значение и место ее в общей экономии научного творчества» (С. 18-19). Идея «суммирования итогов» научного развития, как справедливо отмечают авторы, «естественным образом витала в воздухе и в отечественных академических кругах» (С. 22) и, в определенной степени, конкретно реализовывалась в очерках по русской науке на страницах «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, научно-биографических и научно-библиографических работ, справочных изданий и научных журналов. В известном смысле можно говорить о складывании некоего «метанарративного историко-научного пространства». В этом плане удачным представляется включение в сборник фрагмента очерка В.И. Вернадского о развитии историко-научных исследований в Академии наук «Работы по истории знаний», фрагмента, проясняющего не только социокультурные основания интереса к истории русской науки, но и новое концептуальное прочтение истории науки вообще, не сводимое к социальным детерминантам, акцентирующее ее включенность в общий культурный процесс. Последнее не единожды отмечали в отечественной историографии В.О. Ключевский, П.Н. Милоков, А.С. Лаппо-Данилевский, Н.И. Кареев, но Вернадскому удалось подняться на принципиально новый, ноосферный уровень осознания проблемы, обозначить тенденцию к «целокупному» восприятию / осмыслению «русского гения» (С. 234). Тем самым составители рецензируемого труда подчеркивают глубинную социально-культурную мотивацию проекта «Русская наука» и отвечают, по сути дела, на вопрос – насколько деятельность авторов сборника была адекватна этому запросу. Ими отмечены наиболее содержательно значимые моменты этой деятельности (создание подкомиссии по изданию сборника, роль возглавившего эту комиссию выдающегося ученого и историка науки А.С. Лаппо-Данилевского, создание плана сборника и привлече-

³ Lappo-Danillevsky 1917.

ние к сотрудничеству «всего цвета интеллигенции», плодотворная работа во все усложняющихся условиях в 1917–1920 гг., передача эстафеты Комиссии по истории знаний во главе с Вернадским, подготовка и частичное издание в 1920–1928 гг. очерков, предназначенных для сборника «Русская наука»). Правда, авторы акцентируют идею преемственности, хотя приводимый ими материал свидетельствует и о принципиальных разрывах и переформатировании первоначальной концепции, что предполагает дальнейшее осмысление динамики и институционального строительства и тенденций развития науки в период между двумя мировыми войнами.

Формулировку теоретико-методологического наполнения, характерологических особенностей науковедческого подхода взял на себя А.С. Лаппо-Данилевский. Но рецензируемая книга не дает нам представления о его науковедческой концепции. Можно предположить, что авторский коллектив был озадачен сомнениями – публиковать или не публиковать концептуальную статью Лаппо-Данилевского, даже в виде отдельных ее фрагментов. Дело в том, что историко-научные взгляды историка уже достаточно полно представлены в работах современных исследователей⁴, весьма симптоматично и то, что в параллель с подготовкой юбилейного сборника в 2015 г. был опубликован перевод работы Лаппо-Данилевского с комментариями С.С. Илизарова⁵. Так что в известной степени эти обстоятельства – своеобразное алиби публикаторов. Ну, а читателю стоит изучать данные тексты в единстве.

Резюмируя поиски Лаппо-Данилевского, выделим основной комплекс его идей историко-научного плана. Наука рассматривается историком 1) как единство логического и исторического развития; 2) вписывается в общий ход культуры и образования, ставится проблема ценностного отношения к науке; 3) актуализируется значение личности ученого; 4) ставится проблема научных коммуникаций и значимости научных обменов; 5) предпринимается попытка выявить специфику национальных историй и осмыслить саму дефиницию «Русская наука».

Безусловной новацией авторов можно считать внимание к стратегиям внедрения данной концепции в практику исследования русской науки. Со свойственным Лаппо-Данилевскому стремлением к научной строгости, с нацеленностью на преобразование интеллектуально-очевидного в научно-проясненное, он формулирует конкретные задачи перед авторами предполагаемых очерков. Его интересует общая карти-

⁴ Есаков 2011. С. 17-54; 1997. С. 129-139; Корзун 1996. С. 255-263; 2000. С. 135-150; 2015. С. 124-131; Тункина 1999. С. 182-194; 2003. С. 637-659; Илизаров 2001. С. 353-363; Dmitriev 2010; Басаргина 2013.

⁵ Лаппо-Данилевский А.С. 2015. С. 5- 61.

⁴ Илизаров С.С. 2015. С. 63-102.

на развития русской науки, сходство и особенности русской научной мысли сравнительно с западноевропейской. Развитие науки предлагалось анализировать по научным дисциплинам – возможно менее дробным, по направлениям, выделяя «преемство каждого из важнейших направлений», по школам и их традициям. «Нежелательно» по Лаппо-Данилевскому ставить во главу традиционный биографический подход и рассматривать развитие науки «по лицам», т.е. персоналиям. Но этот фактор отнюдь не игнорируется ученым. Разумеется, «лица и учреждения», персоналии и научные институты, биографический и библиографический аспекты, по Лаппо-Данилевскому, тоже составляют предмет познавательного интереса историка науки. Важность всестороннего освещения личностного аспекта истории науки подчеркивается тем вниманием, которое уделяет историк неизбежной в условиях войны с Германией проблеме – в какой мере и каким образом освещать персональный вклад немецких ученых в развитие русской науки. Предполагалось рассматривать также и институциональную составляющую развития науки: «если общество, лаборатория или опытная станция, музей, архив или библиотека становятся гнездом целого направления, то упоминать» (С.179). По сути дела, Лаппо-Данилевским, ставился вопрос о генезисе русской науки и научного сообщества в тесной связи с институализацией и общим культурным контекстом.

Для читателя открывается возможность проанализировать, в какой мере методологические установки, сформулированным Лаппо-Данилевским в абстрагированном варианте, соответствует науковедческая конкретика, отраженная в отдельных очерках. То есть, публикаторы провоцируют проблему зарождения и рецепции науковедческих идей, а это уже новое проблемное поле весьма перспективное в плане осмысления становления науковедения в отечественной традиции и трудного синтеза гуманитарных и естественнонаучных практик в данной области (сошлемся на небесспорные публикации Н.Л. Гиндилис)⁶.

Весьма показателен в этом плане очерк Н.И. Кареева «Новая история» – о процессе дисциплинарного становления новистики в России. Его текст в основном отражает программные установки Лаппо-Данилевского, одобренные Комиссией по изданию сборника, хотя возникает вопрос: в какой мере это результат непосредственной рецепции, а в какой – самостоятельного историографического анализа и осмысления собственного опыта участника дисциплинарного сообщества. В пользу последнего свидетельствуют историографические исследования Кареева, написанные задолго до появления очертаний проекта, особый интерес представляют его программные предложения в связи с подготов-

⁶ Гиндилис 2011; 2012; 2013.

кой к IV Международному конгрессу историков. Как отмечает Г.П. Мягков, исходя из опыта предыдущих международных исторических конгрессов, Н.И. Кареев еще в 1913 г. предложил «составить и издать к конгрессу... своего рода путеводитель – по русской исторической науке, с которой на Западе так мало знакомы»⁷. Историк был озабочен созданием образа национальной науки.

В первой половине XX в. в мировой и отечественной науке наблюдается ситуация «пульсирующего науковедения», когда чередуются впечатляющее расширение и обескураживающее сужение, «усыхание» науковедческого сегмента поля науки, что отражало меняющиеся образы науки: переход от «классики» с характерными для нее холизмом и историцизмом – к неклассической модели исследования. Впечатляющим проявлением пульсации со знаком плюс и был проект сборника «Русская наука», оставшийся, увы, незавершенным, но сыгравший важную роль в создании определенной культурной и научной традиции. О возможности и важности формирования такой культурно-ценностной традиции даже в условиях авторитарных режимов пишет уже упомянутый Ив Жэнгра⁸. Вопрос о линиях связи науковедения первых десятилетий XX века с советской науковедческой классикой 1960–1970-х гг. и когнитивными поисками последующих периодов практически не осмыслен в качестве самостоятельной научной проблемы. Рецензируемая публикация стимулирует обращение к указанной проблематике, придает сборнику «Русская наука» и проекту в целом вторую жизнь. И за это большое спасибо авторам / публикаторам.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Басаргина Е.Ю. А.С. Лаппо-Данилевский – почетный доктор права Кембриджского университета // КЛИО: журнал для ученых, 2013 № 12. С. 57–60.
- Гиндилис Н.Л. Науковедение 70-х гг. XX века // Науковедческие исследования / отв. ред. А.И. Ракитов. М.: РАН ИНИОН, 2012. С. 161–215.
- Гиндилис Н.Л. Становление науковедения в СССР (середина 60-х годов XX в.) // Науковедческие исследования / отв. ред. А.И. Ракитов. М.: РАН ИНИОН, 2011. С. 217–272.
- Есаков В.Д. Идея науки у А.С. Лаппо-Данилевского // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 17–54.
- Есаков В.Д. Неосуществленный проект Академии наук // Вестник РАН. – М. 1997. – Т. 67, №12. – С. 1129–1139.
- Ив Жэнгра. Социология науки / пер. с фр. С.А. Гашкова; под. ред. О.И. Кирчик; М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 111 с.
- Илизаров С.С. А.С. Лаппо-Данилевский-историк науки / Архив истории науки и техники/ Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М.: Наука, 1995. Вып. V(XIV). М.: «Янус-К», 2015. С. 63–102.
- Илизаров С.С. О доминантах российской историографии науки // Принципы историографического естествознания: XX в. СПб, 2001, С. 353–363.

⁷ Цит. по: Мягков Г.П. 2009. С.31.

⁸ Ив Жэнгра 2017. С. 21.

- Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.П. Золотарева. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1990. 384 с.
- Корзун В.П. Концепция истории науки в работе А.С. Лаппо-Данилевского "Development of Russian sciens and Learning" // Вестник Челябинского университета. История. № 6 (361), 2015. С. 124-131.
- Корзун В.П. Невостребованное наследие: (Материалы по истории науки в архиве Лаппо-Данилевского) // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 255-263.
- Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX-XX вв. Екатеринбург; Омск, 2000. С.135-150.
- Лаппо-Данилевский А.С. Развитие науки и учености в России (Публикация С.С. Илизарова и М.М. Клавдиевой) / Архив истории науки и техники/ Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М.: Наука, 1995. Вып. V(XIV). М.: «Янус-К».2015. С. 5-61.
- Мягков Г.П. Сложилось ли научное сообщество историков в дореволюционной России? (по материалам подготовки к IV Международному историческому конгрессу) // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. – М.: ИВИ РАН, 2009. С. 29–32.
- Тункина И.В. К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний (1921–1932): Из истории организации историко-научных исследований и Академии наук. Сб. документов. СПб., 2003. С. 637-659;
- Тункина И.В. О проекте многотомного издания по истории русской науки (1916–1930 гг.) // Петербургская Академия в истории академий мира. СПб., 1999. Т. 1. С. 182-194.
- Dmitriev A. La «science nationale» et importations culturelles: Aleksandr Lappo-Danilevskij, le premier Pitirim Sorokin et Mihail Gruševskij, entre histoire et sociologie // Cahiers du Monde russe. Vol. 51. № 4. Octobre-décembre 2010. P. 599-627.
- Lappo-Danillevskyy A.S. Development of Russian science and learning // Russian Realities and Problems / Ed. by J.D. Duff. Cambridge, 1917. 170 p.

REFERENCES

- Basargina E.YU. A.S. Lappo-Danilevskiy – pochetnyiy doktor prava Kembridjskogo universiteta // KLIO: jurnal dlya uchenyih, 2013 № 12. S.57-60;
- Gindilis N.L. Iz istorii sovetskogo naukovedeniya: 80-e godyi // Naukovedcheskie issledovaniya / otv. red. A. I. Rakitov. M.: RAN INION, 2013. S. 171–214.
- Gindilis N. L. Naukovedenie 70-h gg. HH veka // Naukovedcheskie issledovaniya / otv. red. I. Rakitov. M.: RAN INION, 2012. S. 161–215.
- Gindilis N.L. Stanovlenie naukovedeniya v SSSR (seredina 60-h godov HH veka) // Naukovedcheskie issledovaniya / otv. red. A. I. Rakitov. M.: RAN INION, 2011. S. 217–272.
- Esakov V.D. Ideya nauki u A.S. Lappo-Danilevskogo // Nauchnoe soobshchestvo istorikov Rossii: 20 let peremen. M.: AIRO-XXI, 2011. S. 17-54.
- Esakov V.D. Neosuschestvlenyyi proekt Akademii nauk // Vestn. RAN. M. 1997. T. 67, № 12. S. 1129-1139.
- Iv Jengra. Sotsiologiya nauki / per. s fr. S.A. Gashkova; pod. Red. O.I. Kirchik; M.: Izd. Dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2017. 111 s.
- Ilizarov S.S. A.S. Lappo-Danilevskiy-istorik nauki / Arhiv istorii nauki i tehniki/ In-t istorii estestvoznaniya i tehniki im. S.I. Vavilova RAN. M.: Nauka, 1995- Vyip. V(XIV). M.: «YAnus-K», 2015. S. 63-102.
- Ilizarov S.S. O dominantah rossiyskoy istoriografii nauki // Printsipy istoriograficheskogo estestvoznaniya: XX v. SPb, 2001. S. 353-363.
- Kareev N.I. Projitoe i perejitoe. podgot. teksta, vstup. st. [s. 5-45] i komment. V. P. Zolotareva. Leningrad: Izd-vo LGU, 1990. 384 s.
- Korzun V.P. Kontseptsiya istorii nauki v rabote A.S. Lappo-Danilevskogo "Development of Russian sciens and Learning" // Vestnik Chelyabinskogo universiteta. Istoriya. №6 (361), 2015. S. 124-131.

- Korzun V.P. Naukovedcheskaya kontseptsiya Lappo-Danilevskogo: (K istokam kulturologicheskikh issledovaniy nauchnogo znaniya) // Kultura i intelligentsiya Rossii mejdruubejami vekov. – Omsk, 2003. – S.46-50.
- Korzun V.P. Nevostrebovannoe nasledie: (Materialy po istorii nauki v arhive Lappo-Danilevskogo) // Arheograficheskiy ejegodnik za 1994 god. – M., 1996. – S. 255-263.
- Korzun V.P. Obrazy istoricheskoy nauki na rubeje XIX-XX vv. Ekaterinburg: Omsk, 2000, S.135-150.
- Lappo-Danilevskiy A.S. Razvitiye nauki i uchenosti v Rossii (Publikatsiya S.S. Ilizarova i M.M. Klavdievoy) / Arhiv istorii nauki i tehniki/ In-t istorii estestvoznaniya i tehniki im. S.I. Vavilova RAN. M.: Nauka, 1995. Vyp. V(XIV). M.: «YAnus-K». 2015. S. 5- 61.
- Myagkov G.P. Slojilos li nauchnoe soobshchestvo istorikov v dorevolutsionnoy Rossii? (po materialam podgotovki k IV Mejdunarodnomu istoricheskomu kongressu) // Soobshchestvo istorikov vysshey shkoly Rossii: nauchnaya praktika i obrazovatel'naya missiya. – M.: IVI RAN, 2009. – S. 29–32.
- Rostovtsev E.A. Deyatel'nost A.S. Lappo-Danilevskogo v Rossiyskoy akademii nauk // Istokhnik. Istoriik. Istoriya. SPb., 2001. Vyp. 1. S.135-248;
- Tunkina I.V. K istorii sbornika «Russkaya nauka» // Komissiya po istorii znaniy (1921-1932): Iz istorii organizatsii istoriko-nauchnykh issledovaniy i Akademii nauk. Sb. dokumentov. SPb., 2003. S. 637-659.
- Tunkina I.V. O proekte mnogotomnogo izdaniya po istorii russkoy nauki (1916-1930 gg.) // Peterburgskaya Akademiya v istorii akademiy mira. SPb., 1999. T. 1. S. 182-194.
- Dmitriev A. La «science nationale» et importations culturelles: Aleksandr Lappo-Danilevskij, le premier Pitirim Sorokin et Mihail Grusevskij, entre histoire et sociologie // Cahiers du Monde russe. Vol. 51. № 4. Octobre-décembre 2010. P. 599-627.
- Lappo-Danilevskiy A.S. Development of Russian science and learning // Russian Realities and Problems / Ed. by J.D. Duff. Cambridge, 1917. 170 s.

Корзун Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор, кафедра современной отечественной истории и историографии, Омский государственного университета им. Ф.М. Достоевского; korzunv@mail.ru

The intention is not a completed work yet...

Collection of article “Russian science” in the realities of social extreme

Reflection on the book: The fate of the project “Russian Science” 1916-1920 (On the centenary of the Commission for the publication of the collection of “Russian Science”): Articles and documents / Otv.red. Corresponding Member of RAS Yu.M. Baturin; Red.-sost. V.M. Orel, G.I. Smagina. St. Petersburg: M., 2016. 848 p. The published articles and documentary publications make it possible to present one of the first science projects in the Russian science in the context of the development of world science, the extreme conditions of the First World War, the revolutionary and post-revolutionary periods, the intra-scientific processes and practices, and the individual strategies of scientists.

Keywords: history of science, Russian science, commission on the history of knowledge, communication field, scientific community, schools in science, international cooperation

Valentina Korzun, Dr.Sc. (History), Professor, Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky. korzunv@mail.ru

А. В. АШАЕВА

**«СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ АНТИЧНОСТЬ?»
к исследованию рецепции греко-римской античности
в странах Центрально-Восточной Европы***

В статье рецензируются коллективная монография *Classics and Class. Greek and Latin Classics and Communism at School*. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2016 («Классики и класс. Греческие и латинские классики и коммунизм в школе»), а также издание *A Handbook to Classical Reception in Eastern and Central Europe*. Oxford: Wiley-Blackwell Pub., 2017 (Справочник по рецепции античности в Восточной и Центральной Европе), в которых демонстрируется, что проблема рецепции античности становится не только предметом академического интереса, но и актуальной повесткой обсуждения культурной политики, исторической памяти, исторической и культурной идентичности стран Центрально-Восточноевропейского ареала. Этот интерес, в случае с осмыслением античного наследия, оказывается основанным не столько на географических, сколько на социокультурных границах. Под локацию Центрально-Восточноевропейского региона попадают 13 стран (включая помимо Хорватии, Словении, Чехии, Польши, Венгрии, Румынии, Боснии и Герцеговины, Сербии, Черногории, Болгарии, России также Армению и Грузию). Рецензируемые издания, по сути, подводят окончательную черту под вопросом о существовании еще одной самостоятельной традиции обращения к античному прошлому в контексте культурно-исторической специфики региона.

Ключевые слова: греко-римская античность, антиковедение, рецепция античности, Центрально-Восточная Европа, социализм

В знаменитой фултонской речи 1946 г. У. Черчилль впервые обозначил на карте Европы границу, названную впоследствии «железным занавесом», который разделил не только территорию Европы на Западную и Восточную, но и культурно-историческую идентичность, историческое сознание двух сторон – Центрально-Восточной части Европы и Западной. Это способствовало возникновению т.н. социалистического антиковедения. Именно античное наследие, как утверждал Черчилль, позволило Греции не оказаться «по ту сторону занавеса»¹. Став буфером или «пограничьем» между Востоком и Западом, Восточная Европа сформировала свое особое отношение к греко-римскому наследию, развившееся в крайней степени вовлеченности антиковедения в общественно-политическую ситуацию социалистического режима, при котором античность и науки об античности выступали одновременно и элементом научно-образовательной политики коммунистического пра-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-01-00353 «Рецепция античности: современные историографические и социокультурные практики».

¹ См.: Churchill 2004. P. 288.

вительства, и флагманом диссидентской борьбы за свободу. Однако, как оказывается, науки об античности не потеряли своего крайне политизированного статуса и сегодня. После «бархатных революций» в государствах Восточной Европы, науки об античности и само греко-римское наследие становятся элементом идеологизированной оценки роли и места культур Центрально-Восточной и Южной Европы в локусе общеевропейского пространства², но также поводом для переосмысления недавнего прошлого Восточной Европы и поисков антиковедами нового методологического пути. Последнее утверждение можно свести к двум диаметрально противоположным и в то же время неразрывно связанным положениям – уход от традиций «социалистического антиковедения» после 1989 г. и продолжение традиции, обоснованное самим фактом существования проблемы «восточноевропейской античности» и ее политической, в т.ч. современной, оценки.

Предмет исследования в проекте и итоговой публикации – «Классики и класс. Греческие и латинские классики и коммунизм в школе»³ – социалистическая модель классического образования, рассмотренная как институционализация самого процесса обращения через научные и образовательные практики к античной истории и культуре. Неподцензуемое по своим методам и сюжетам обращение к античности возводится в статус «героического» поступка (что в целом характерно для практик конструирования памяти в странах Восточной Европы), а риторика переживания социалистического прошлого как «травмы» приводит авторов к идее написания истории образовательных институтов и

² Об этом свидетельствует ряд проектов последних лет, призванных реабилитировать знание об античности и представить его «антикоммунистическую» сущность: например, специально созданная фокус-группа и серия семинаров в Центральном Европейском университете (Будапешт) – «Gnôthi seauton! Classics and Communism. The History of the Studies on Antiquity in the Context of the Local Classical Tradition in the Socialist Countries 1944/45–1989/90» (<https://www.ceu.edu/event/2013-11-22/classics-and-communism>); лаборатория по изучению рецепции античности в детской литературе «Our Mythical Childhood... Classics and Children's Literature Between East and West» при Варшавском университете <http://www.kamar.domeczek.pl/OMC%20www/Our%20Mythical%20Childhood.html>); группы по изучению рецепции античных образов в театральном искусстве стран Центрально-Восточноевропейского региона в 1945–1989 и после 1989 г., отражающие взаимосвязь между коммунистическим режимом и внутренним сопротивлением посредством культурных практик, как единственно возможных и понятных большому количеству людей (Classical Antiquity on Communist Stage in Poland 2015. P. 1-8); аналогичные проекты были осуществлены в Болгарии (<http://arionbg.info/>) и Чехии (<http://www.olympos.cz/>).

³ Classics and Class 2016. См. также: Greek and Roman Classics in the British Struggle for Social Reform 2015. Первым же итогом польско-венгерско-словенского проекта «Классики и коммунизм. Греческий и латынь за железным занавесом 1944/45-1989/90» стала публикация одноименного сборника статей. См. рецензию на это издание: Брагинская 2014. С. 324-342.

традиций, в которых реализовывались исследования и передача знаний об античности. Повествование построено на истории национальной образовательной и культурной традиций, где в меняющихся реалиях послевоенного обустройства новоиспеченного социалистического лагеря античности и преподаванию классических дисциплин отводится гипертрофированная роль «буржуазного» прошлого, которое не входит в картину идеальной коммунистического будущего.

Книга разделена на 5 разделов: в их центре оказываются коммунисты Великобритании; СССР; собственно страны Центрально-Восточной Европы; финансовая и комплементарная помощь и взаимодействие классицистов с западноевропейскими и американскими коллегами; и, наконец, практики адаптации статуса античности к ситуации цензуры и диктата социалистической культуры. Открывает книгу программная статья английских антиковедов Э. Холл и Г. Стида «Между партией и башней из слоновой кости: классики и коммунизм в Британии 1930-х». Согласно авторам, «британская марксистская интеллектуальная традиция, основанная в 1930-е, базировалась меньше на литературе английской, чем на греко-латинской»⁴, и это позволяет рассматривать обращение к античному наследию не только как направление классицизма, связанного с модернистской поэзией, но и как определенную корреляцию с социальными изменениями, которым способствовали «классически образованные люди, увлеченные коммунизмом, создав реальное пространство между Партией и “башней из слоновой кости” где в исследованиях, литературе и культурных практиках можно было встретить как наследие античного Средиземноморского мира, так и борьбу за социальный прогресс» (31). Появление в 1930-е такой группы, куда входили известные антиковеды и популяризаторы античности (Б. Фаррингтон, Дж. де Сент-Круа, Дж. Деруэнт Томсон, Дж. Линдсей и др.) и даже специализированного издания “*Left Review*”, спровоцировало дискуссии о возможностях античной культуры в борьбе за социальные изменения (30). Так доступ к классическому образованию и к античному наследию стал решающим аргументом в борьбе коммунистов Британии за классовое равенство в 1930-е и ранние 1940-е гг.

Иную ситуацию показывает в статье «Изучение истории классических исследований в Советской России» Н.В. Брагинская. Предлагая обозначить понятием «агиографическая парадигма» описание «мифов», которые академическое сообщество создает о самом себе, Брагинская отмечает, что «“агиографический канон” имеет глубокие исторические корни, поскольку ученые девятнадцатого века, в определенной степени, унаследовали образ средневековых ученых, которые были почти исключительно монахами, отсюда и популярный образ суровой эконо-

⁴ Classics and Class 2016. P. 4. Далее страницы указываются в тексте статьи.

мии» (42). Большая часть истории науки и написана не из-за интереса к истории идей, а для «ритуальных целей», поэтому в таких текстах, «как правило, ... нет места не только для критики, но и для анализа или сравнений» (42)⁵. Однако «агиографический канон» используется также и в контексте «мученичества» антиковедов, которое редко проявлялось в своем непосредственном значении. Архетип мученика, по мнению Брагинской, «опасен, поскольку молодые поколения ученых склонны моделировать себя после своих учителей и это в определенном смысле намного проще для человека и даже для целого сообщества – смоделировать себя после мученика, чем после героя и его великих достижений» (43). Сложившаяся после распада СССР тенденция представлять ученых, в частности антиковедов, в роли мучеников и жертв советского/социалистического режима, сохранилась и по сей день, только, как замечает Брагинская, роли в истории мучеников «нелегко определить, поскольку жертвы и палачи время от времени менялись местами» (43). В поле зрения властей и политического контроля чаще попадали исследователи, «которые производят сложные теории о человеческой культуре в целом и не сосредотачиваются на нескольких греческих словах или одной текстовой поправке» (45), и этот несчастный тип ученых в той или иной степени также подвергался воздействиям идеологически верной доктрины. Таким образом, возникает парадоксальная ситуация, при которой, с одной стороны, находятся антиковеды, неизбежно вовлеченные в идеологию и политику как представители интеллигенции, стремящиеся занять позиции авторитета и обладателя образцовым знанием, так или иначе отражающим социокультурную реальность, а с другой стороны – формирующаяся «официальная» наука об античности, рано или поздно меняющая свое амплуа (как это произошло после распада СССР и соцлагеря), когда история развития академического сообщества попадает в сферу не только историографии и филиации идей, но и описания недавнего прошлого страны, политически и идеологически окрашенного новым амплуа «официальности» исследований.

В книге представлены разные сюжеты функционирования центров преподавания и изучения всего комплекса классических дисциплин. Фокусируясь преимущественно на «героически-мученических» эпизодах, в которых трудно различить национальные компоненты (тенденция к сокращению часов и исключению из учебных программ дисциплин классики характерна для всех стран социалистического лагеря), авторы пытаются представить античное наследие и антиковедение как опыт, описание которого позволит лучше осмыслить современное по-

⁵ Однако в публикациях последних лет, посвященных советской историографии античности, авторы стремятся критически осмыслить и индивидуальные симпатии каждого конкретного ученого к марксизму. См.: Ладынин 2016. С. 9-32.

ложение культурных традиций и исторической памяти. Так А. Ясиновский, в статье с говорящим названием «Гуманитарии в эру антигуманности: случай классиков Украины (1945–1991)», утверждает, что антиковеды, «как интеллектуальный авангард украинского общества, были отнесены к врагам народа и преследовались представителями советского тоталитарного режима» (75). Те же, кто оказывался вне очерченных границ изучения античности, был изгнан из официальной науки, но уважаем (вероятно, негласно – А.А.) в интеллектуальных кругах и почитаем после 1991 г. как герой-мученик. Такими личностями, к примеру, стали профессор классической филологии и эллинист А. Билецкий (до момента, когда Украина стала свободной, он «играл лишь вспомогательную роль в Киевском университете»), и С. Лурье, фактически превратившийся, согласно автору, в национального героя украинского антиковедения, и превращение это произошло скорее из-за изгнания Лурье из Ленинградского университета в связи с борьбой против космополитизма, чем по иным, например, профессиональным мотивам. Рассуждая о судьбах антиковедения в Львовском университете (единственном центре антиковедения на Украине, продолжающим традицию с XVIII в.), автор упоминает Лурье в плеяде менее известных фигур украинского антиковедения, называя его назначение в Львовский университет «интеллектуальной инъекцией для местной школы классической филологии, ослабленной после Второй мировой войны» (78–80). Найдя «академическое убежище» в Львовском университете, Лурье действительно проработал здесь до своей смерти в 1964 г., однако контекст статьи и диссидентская риторика не подходят к описанию судьбы С. Лурье – ведь недолгие «гонения» репрессивной системы сменились всесоюзным признанием заслуг и выдающейся роли ученого в советском антиковедении. Это было отражено, в частности, на страницах «Вестника древней истории», где в заметке о предстоящем 70-летнем юбилее ученого отмечается, что Лурье стоит в первых рядах советских исследователей античного мира⁶. Диссидентская риторика перекликается у автора с идеей свободы, которая воплощается в *не-подцензурных* темах антиковедения, а «главной целью преследований была остановка социальных процессов, которые были индикаторами возрождения социальной и культурной жизни Украины в 60-е гг.» (84).

Другая сторона «не-подцензурного» статуса античности может быть найдена в досоциалистической истории преподавания античности в отдельных странах. И хотя признанные пережитком «буржуазного прошлого» системы преподавания и изучения античности канули в лету после 1945 г., воспоминания о них стали ключевой темой сопротивления официальной коммунистической доктрине в науке. Установле-

⁶ См.: Вестник древней истории 1960. С. 196.

ние коммунистического режима и образовательная реформа в Чехословакии (в столице которой в 1346 г. был основан первый в Центральной Европе университет, ознаменовавший собой поворот к латинской, т.е. западной традиции) отрезали интеллигенцию от ее корней, что автор статьи о классической филологии в «коммунистической Чехословакии» сравнивает с процессом коллективизации земли или конфискацией собственности под эгидой национализации (106). «Злодеями» в подобном «лишении корней» признаются члены своего же профессионального сообщества, занимавшие высокие посты и представлявшие национальную науку на протяжении нескольких десятилетий. Остается, однако, остается вопрос – было ли подобное предательство «свободной интеллигенции» под натиском коммунистического режима следствием личных амбиций или же вынужденным актом подчинения для сохранения относительной свободы в профессии? Таков случай «блестяще образованного интеллектуала из “старой школы” и видного чехословацкого профессора Зденека Неедлы» (107), который стал первым коммунистическим министром образования, очень властным, но непопулярным, как отмечает автор, и его трагедия отражает «трагическую судьбу всей интеллигенции – разочарование в собственных стремлениях, предательство принципов и действия против европейской интеллектуальной традиции и ее наследия» (107).

На другом полюсе системы, породившей предательство, находится героизм – судьба антиковедов, до последнего отстаивающих сохранение старых, досоциалистических институтов и центров образования. Статья Д. Морвина посвящена биографиям четырех словенских директоров классических гимназий. Наиболее трагичная из них – судьба директора третьей гимназии Любляны Иосипа Илка. Будучи самым квалифицированным специалистом по латыни в Словении начала XX века, в период нацистской оккупации он стал директором Люблянской гимназии. Факт его сотрудничества с профашистским правительством нивелирован стремлением ученого «спасти здание, занятое вермахтом и попытками организовать уроки в другом месте...» (137), а истинная, по мнению Морвина, причина травли Илка в послевоенное время связана с партийным планом по развалу профессионального сообщества. Илк, «перебрасывался из одной школы в другую и должен был преподавать словенский язык и физику, а также читать лекции на курсах для экспартизан и активистов в рабочей вечерней гимназии, пока он, наконец, не остановился в Третьей гимназии. В 1947 г. он вынужден был пройти курс переподготовки по математике, чтобы сохранить работу» (138).

Случай Боснии и Герцеговины подтверждает политический статус антиковедения. Его уничтожали в социалистической республике как инструмент Римской католической церкви и «гуманистической гражданской элиты», сохраняя «имитацию» досоциалистических учебных

планов, но «изменяя их... для массового воспитания социалистической молодежи» (166). Однако, при «очищении “реакционного элемента” классических языков и традиции, которую они представляли, коммунисты не смогли нейтрализовать этно-национализм, сепаратизм, экономические последствия и многие другие гораздо более опасные угрозы, которые в конечном итоге привели к трагическому финалу» (166).

Куда больше «повезло» странам, территории которых входили в границы античной ойкумены и сохранили следы античной цивилизации, как демонстрирует Н. Панова в статье об отношении к преподаванию античности в Болгарии; или тем, которые участвовали в процессе интерпретации античного прошлого, обнаруживая принадлежность к неолатинской и церковной традиции, что представил автор статьи, посвященной переводу и изданию хорватских латинских писателей в период апогея югославского социализма. В Болгарии античность оказывается в удивительном для восточноевропейского региона положении, получив государственную поддержку и в прямом смысле став орудием пропаганды коммунистического режима. Благодаря активной государственной протекции, фракийское наследие, по большей части сохранившееся в материальных памятниках на территории Болгарии, дало начало «фракийскому мифу», который распространился за пределы страны, став своеобразным символом коммунистической идеологии. Немалую роль в этом сыграла Л. Живкова, дочь генерального секретаря коммунистической партии Болгарии, способствуя созданию новой «антично-коммунистической» идеологии, в основу которой было положено «устремление к коммунизму», где гениальные предвестники античности и эпохи Возрождения, «эстетически создадут нового человека и человека будущего...» (176). Так фракийская культура, преемницей которой является социалистическая Болгария, ставилась в один ряд с греческой и римской традициями, а в некоторых случаях говорилось и о непосредственном влиянии фракийцев на греков и римлян (185). «Болгария как колыбель античной культуры» (181) имела свой центр подготовки кадров в русле обозначенных идей – созданную в 1977 г. Национальную гимназию античных языков и цивилизаций, в которой обучение было сосредоточено сразу на трех важных составляющих – фракийском, старославянском и православном наследии (177). Аналогичное развитие антиковедения претерпело и на территории Хорватии. Вопреки тенденции соседних государств маркировать классическое образование как «продукт элиты, предназначенный для элиты» (194), в Хорватии корпус источников на латинском языке, составляющий национальное литературное наследие хорватской культуры, «пероткрыл» в социалистический период Мирослав Крлежа. Во многом схожее с Болгарией, положение подразумевало актуализацию литературы на латинском языке в общепринятом направлении, провозглашенном

И.Б. Тито, которое можно охарактеризовать как более открытая, чем в СССР, культурная политика (196), что являлось частью «третьего пути» Югославии – новой идеологической парадигмы, в которой Югославия виделась медиатором между Востоком и Западом (197). Созданный Крлежа Институт лексикографии в Загребе стал средоточием не только возрожденной латинской традиции, но и национальных идей. Собрание латиноязычных текстов хорватских авторов претендовало на роль общего югославского наследия, отражая внутренние разногласия в объединенных государствах. Употребление обозначений «наша цивилизация», «наши латинисты», «наша литература», утверждает автор статьи, ставит вопрос о национальных идентичностях и создании «новой наднациональной универсальной культуры, сочетающей индивидуальные “национальные” культуры в мультиэтнической стране» (202). «Восточно-европейские латинисты получили признание во всей Западной Европе...» (203), и посредством латинских писателей «Хорватия станет неотъемлемой и выдающейся частью Европы...» (208).

Интересным завершением рассмотрения восточноевропейского дискурса античности может быть статья о судьбе социалистических схолий к античному наследию и классическим дисциплинам после падения железного занавеса и коммунистической «официальной науки». На примере Польши Г. Четвертинска рассматривает место и роль изучения латинского языка и античной культуры в общем образовании в 1990-е гг. Несмотря на идеалистическую картину «диссидентской античности», после обретения независимости и единения с Западной Европой, преподавание античности уходит на задний план, становясь частью того самого прошлого, которое страны бывшего соцлагеря хотели бы забыть. Отвечая на вопрос, почему латынь в Польше не стала популярнее после 1989 г., автор пишет: бывшая популярность «связана с защитой латыни, притесняемой по политическим мотивам в послевоенный период и охраняемой во имя ценностей, которые выходят далеко за рамки содержания самого предмета. Во времена свободы больше не было необходимости в такой защите» (282).

Итак, возможно, мода на античность и антиковедение в Центрально-Восточной Европе прошла, но память об этом осталась и стала частью новых направлений осмысления прошлого.

Более широкая постановка проблемы рецепции античности в регионе, выгодно отличает второе из рецензируемых изданий⁷. Довлеющий над Восточной Европой опыт тоталитарного социалистического прошлого обнаруживает себя в размышлениях о восприятии богатого культурного наследия этих стран. Так, в культуре и архитектуре Арме-

⁷ A Handbook to Classical Reception 2017. Страницы книги указываются в круглых скобках в тексте статьи.

нии, которая являлась частью античного мира, присутствует особое культивирование античных образов и принципов (513). В XX в. обращение в Армении к классической культуре, «связано с художественным поиском и попытками сохранения армянского национального искусства в соответствии с самыми высокими мировыми стандартами, а не с отражением коммунистической идеологии» (514-515). Именно присутствие античного элемента в национальной армянской культуре не позволило т.н. социалистическому реализму занять лидирующие позиции в Армении. Еще более претенциозно в своем стремлении «возврата к истокам» выглядит Грузия со своими множественными отсылками античной истории и мифологии (541). «Неудивительно, что миф об аргонавтах стал одним из координационных центров культуры. Грузины ссылались на этот миф, чтобы утвердить историю и культурное богатство своей нации, в то время как русские пытались принять на себя роль Ясона, того, кто приносит цивилизацию» (544). Виток грузинского возрождения античности, вызванный желанием «возродить древние связи с Европой», в XXI в. стал политически ангажированным: древняя мифология фигурировала в политической риторике «в качестве свидетельства грузинской европейскости» (545).

Поиск авторами книги новой идентичности в древнем наследии заслуживает внимания не только с позиции переосмысления социалистического опыта, но и с точки зрения истории культуры отдельных стран. Рецепция античности предстает здесь социокультурным феноменом, позволяющим увидеть отнюдь не «классически-европейские» смыслы и образы греко-римской древности. Так, в Румынии измерителем настроений в обществе становится отношение к древнеримскому прошлому, которое менялось в зависимости от провозглашенного правительством курса. Своеобразным барометром был неофициально провозглашен Трофей Траяна – памятник императору Траяну, воздвигнутый в 109 г. н.э. на территории римской провинции Мёзия в честь завоевания Траяном даков. Первые археологические изыскания на месте несохранившегося комплекса начались в конце XIX в., когда многие румыны гордились идеей смешанного дакийского происхождения. «В этот период Трофей был широко известен в качестве памятника власти, как Рима, так и родного дакийского государства, а также эпичного характера войны между ними, в которой берут начало корни румынского народа» (314). В то же время культивировался негативный взгляд на римское и дакийское взаимодействие с акцентом на критику римского военного завоевания свободного населения. И эта перспектива, как показывает автор, вышла на первый план, со времени присоединения Румынии к социалистическому лагерю после Второй мировой войны. История навеяна отчетливо марксистскими сюжетами: римляне стали нежелательными оккупантами, а даки эксплуатируемым низшим клас-

сом. «Согласно наиболее популярному мнению того времени, не было смешивания римлян и автохтонного населения, а румынские предки были чисто даками» (314). Но традиция не стала однородной, а вновь сделала крутой поворот в 1960-е гг., когда на передний план в политическом курсе вышло стремление к большей независимости от СССР, и «многие румыны вернулись к приветствию идеи смешанного Дако-Римского происхождения» (315). В последующие десятилетия наблюдался всплеск интереса к комплексу Трофея Траяна и шквал новых реконструкций, самой известной из которых стала реконструкция 1977 г. В новейшей истории Румынии «памятник служит свидетельством прошлого насилия, даже если оно внушает гордость, указывая на центральное место Румынии в европейской истории» (323)⁸.

Если в Румынии индикатором настроений и отношения к античной истории в обществе служили археологические остатки, то в Венгрии в сферу политических штудий об античности попал римский поэт I в. до н.э. Гораций. На протяжении трех столетий Гораций то становился «венгерским поэтом», то был отчужден вследствие политической нестабильности и подражания его творчеству разных политических сил. Особым отношением был отмечен его неоднозначный поступок – покинуть Рим и эмигрировать на Острова Блаженных (видимо, имеется в виду отрывок из книги «Эподы» – А.А.). Именно этот поступок оказался подходящим для венгерского интеллектуала перед Второй мировой войной. Программа внутренней эмиграции предполагала, что лучшая часть общества должна изолировать себя от худшей. «Либеральный интеллектуал мог интерпретировать это как внутреннюю эмиграцию из политической (протонацистской) реальности, для правого интеллектуала внутренняя эмиграция предполагала уход из либеральной и агностической культурной реальности, а аполитичный интеллектуал внутренне эмигрировал из повседневной действительности, отмеченной политическим конфликтом...» (255).

Другое социокультурное обоснование рецепции предлагает случай Польши. Показателем политического обращения к античному наследию стали литературные памятники Речи Посполитой. Латынь, как главное связующее с античным наследием звено и язык дворянства, стала языком политической нации Польско-Литовской унии: польский с латинскими заимствованиями стал наднациональным языком дворян-

⁸ В «темные» годы Коммунизма (1947–1989) была изобретена новая концепция уникальности румынской культуры. Термин протохронизм служил для сведения к минимуму влияния классической древности на Румынию. Ученые будут конкурировать за возможность продемонстрировать превосходство архаического наследия Дакии над греческой и римской цивилизацией в тот период, с целью доказать, что, если за столом с гигантами Запада румынам нет места, значит, культурная история нуждается в повторной демонстрации былого превосходства (284).

ства (193), а более элитарный язык, латинские вкрапления которого улучшают текст, отсылает к республиканскому Риму, и, таким образом, «дворянин, использующий такую латынь, имел в виду идеальное сообщество прошлого, одновременно объявляя свое особое право на преемственность», что Е. Аксер воспринимает как «действительно “сыновнее отношение к истории”» (194).

Итак, «Восточная Европа заново обретает античность». Новые для читателя сюжеты: от символизма элементов античной традиции в национально-возрожденческом искусстве и архитектуре Праги (133-145) – до социалистического образа Ореста в театре, который, убивая тиранов и узурпаторов власти, олицетворял процесс демократизации и путь к социализму и коммунизму, но сел чувство «тревоги беспомощной игрушки в борьбе анонимных сил» (147), каковым он предстал на театральной сцене Чехословакии после 1968 г.; от советского построения будущего без прошлого (451-456) – до югославского забвения антиковедения как «национал-клерикального» образования классового общества (329-335), – дают представление о том, как Восточная Европа продолжает «изобретать» миф о себе.

Напрасным будет обращаться к данным изданиям с целью формирования представлений о восточно-европейской историографии античности или истории идей, в них практически нет цельных образов и концептов, посвященных историографическим направлениям и поворотам, методологическим концепциям и построениям, объясняющим те или иные аспекты развития и трансформации античной цивилизации и культуры. Однако подобные издания ценны другим. Представленный в них образ античности позволяет положительно ответить на вопрос о существовании «социалистической античности» в Центрально-Восточной Европе, и, хотя социалистический период стал таким же прошлым, как и античность, память о нем, равно как и репрезентация античности, в странах Восточной Европы, оказывается задействованной в построении современного знания об истории.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Брагинская Н. Как изживали классику и как она выживала (Размышления над книгой «Античные авторы и коммунизм») // НЛЮ. 2014. № 5. С. 324-342. [Braginskaya N. Kak izzhivali klassiku i kak ona vyzhivala (Razmyshleniya nad knigoi «Antichnye avtory i kommunizm») // Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. № 5. С. 324-342]
- К 70-летию профессора С.Я. Лурье // Вестник древней истории. 1960. № 4. С. 196-204. [K 70-letiyu professora S.YA. Lur'e // Vestnik drevnej istorii. 1960. № 4. S. 196-204]
- Ладынин И. Особенности ландшафта (Насколько марксистской была «советская древность»?) // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 2 (4). С. 9-32. [Ladynin I. Osobennosti landshafta (Naskol'ko marksistskoj byla «sovetskaya drevnost'») // Vestnik universiteta Dmitriya Pozharskogo. 2016. № 2 (4). S. 9-32]
- A Handbook to Classical Reception in Eastern and Central Europe / ed. by Z.M. Torlone, D.L. Munteanu, D. Dutsch. Oxford: Wiley-Blackwell Pub., 2017. 632 p.

- Churchill W. Never Give In! The Best of Winston Churchill's Speeches. N.Y.: Hachette Books, 2004. 560 p.
- Classical Antiquity on Communist Stage in Poland. Ancient Theatre as an Ideological Medium: A Critical Review / ed. by E. Olechowska. Warsaw: University of Warsaw, Faculty of "Artes Liberales", 2015. 410 p.
- Classics and Class. Greek and Latin Classics and Communism at School / ed. by D. Movrin, E. Olechowska. Warsaw: Wydawnictwo DiG, 2016. 572 p.
- Greek and Roman Classics in the British Struggle for Social Reform / ed. by H. Stead, E. Hall. L.: Bloomsbury Academic, 2015. 384 p.

Ашаева Анастасия Валерьевна, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский федеральный университет; Ashaeva.nv@gmail.com

"Is there a socialist antiquity?": several notes on the reception of Classics in the countries of Central and Eastern Europe

The article reviews the collective monograph «Classics and Class. Greek and Latin Classics and Communism at School. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2016» and «A Handbook to Classical Reception in Eastern and Central Europe. Oxford: Wiley-Blackwell Pub., 2017», which clearly demonstrates that the problem of the reception of Classics is not only a matter of academic interest, but also an urgent agenda for the discussion of cultural policy, historical memory, historical and cultural identity of the countries of the Central-Eastern European area, which, in the case of the comprehension of the ancient heritage, is based not so much on geographical as on sociocultural boundaries. The region of Central and Eastern Europe consist of 13 countries (including in addition to Croatia, Slovenia, Czech Republic, Poland, Hungary, Romania, Bosnia and Herzegovina, Serbia, Montenegro, Bulgaria, Russia, Armenia and Georgia). Peer-reviewed publications, in fact, bring an end to the question of the existence of another independent tradition in connection to the ancient past in the context of the cultural and historical specificity of the region.

Keywords: Greco-Roman antiquity, classical studies, reception of antiquity, Central-Eastern Europe, socialism, Russia, identity, image of the Other, dialogue of cultures

Anastasia Ashaeva, Department of World History, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University; Ashaeva.nv@gmail.com

Ф. В. НИКОЛАИ

«ТРЕТЬЯ ВОЛНА» MEMORY STUDIES КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ МЕЖДУ ОПЫТОМ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЕЙ

Статья посвящена современным исследованиям культурных практик коммеморации. Рассматриваются эффекты роста *новых медиумов* (фотографии, видео, интернет-коммуникаций) и их влияние на историческое знание. Проблематизируется тезис о складывании «третьей волны» *memory studies*, уравнивающей в правах жизненный опыт и медиа-репрезентации за счет гибкого сочетания историографического анализа и аффективной вовлеченности в культурные практики. Культурная память сегодня все чаще понимается как перформативный процесс, затрагивающий одновременно индивидуальную и групповую идентичность, что существенно меняет представление историков о своей дисциплине и активизирует их диалог с *memory studies*. Этот диалог обладает внутренней логикой, однако не исключает «силовых полей» напряжения и нестыковки аналитических позиций. Поэтому тезис о формировании единого пространства «исторической коммеморации» представляется спорным, так как скорее нивелирует важные различия между историей и памятью, чем стремится их проработать.

Ключевые слова: культурная память, историческое сознание, аффект, проблемы репрезентации, политика памяти, мнемоистория

Исследования памяти уже лет тридцать претендуют на статус «новой парадигмы»¹ гуманитарного знания. Список «отцов-основателей», перечень ключевых сюжетов и понятийный аппарат данного направления давно сформировались. Ежегодно выходят десятки исследований, посвященных очередным историческим юбилеям; проблемам сохранения культурного наследия; специфике влияния медиа на историческое сознание; национальным «войнам памяти» и памяти о войнах². На этом фоне тезис о складывании «третьей волны» *memory studies*³ и принципиальном отличии современных исследований культурной памяти от дискуссий о коллективных практиках коммеморации конца XX в. звучит несколько претенциозно. Не претендуя на его опровержение или подтверждение в рамках небольшого историографического обзора,

¹ Васильев 2012; Репина 2013; Репина, Леонтьева 2015.

² Например, см.: Danilova 2015; War and Memory... 2017; Winter 2017; etc.

³ «Первая волна в конце XIX в. была научной и ориентировалась на индивиду. В ее центре лежала психологическая сфера. Вторая волна сформировалась к концу XX в. Она была ближе искусству памяти, но ориентировалась в основном на социальные рамки. Ее основной сферой распространения стала историография. Третья волна распространяется с начала XXI в. и ориентируется на культурные последствия медиа-технологий. В ее центре оказываются исследования коммуникаций». Hutton 2016. P. 177.

обозначим лишь некоторые продолжающегося «мемориального бума» и постараемся проблематизировать их специфику.

Продуктивным началом такого разговора может стать книга профессора университета Джорджа Мейсона Элисон Ландсберг «Овладевая прошлым: массовая культура и производство исторического знания»⁴, посвященная аффективной вовлеченности в прошлое, которую пропагандируют *memory studies*. Поясняя название книги, автор отмечает, что традиционный исторический *нарратив* сменился сегодня *комплексом новых медиумов* – фотографии, видео и интернет-коммуникаций. Историописание XIX века четко разделяло прошлое (скрытое в архивах и текстах, но вполне обозримое благодаря универсальному взгляду незаинтересованного исследователя) и настоящее (с его неизбежной политической ангажированностью). Современные медиа предполагают вовлеченность аудитории, ее активное участие в любой исторической репрезентации / реконструкции, стирающей границы между «тогда» и «сейчас». История оказывается материализованной в форме *наследия* – предельно осязаемых объектов и субъективных практик, не доступных универсальному взгляду.

Эта смена культурных медиумов существенно повлияла не только на рациональные представления о пространстве-времени, но и на структуры неосознанных ощущений (*structures of feeling*, по выражению известного британского теоретика культуры Р. Уильямса). Будучи результатом трансформации *всей* культуры современного общества, она затронула как массовую аудиторию, так и академические исследования. Последние стали испытывать все большее влияние *аффективной* вовлеченности в практики коммеморации⁵. По мнению Ландсберг, аффект стирает различие между актуальным жизненным опытом и медиа-репрезентациями прошлого: они в равной степени могут вызывать отклик, использоваться в создании бриколажей и разного рода гибридных идентичностей: «Когда индивид контактирует с медиа-репрезентациями, его тело откликается. Само присутствие медиа-репрезентаций провоцирует тело к движению и аффективному ответу. Они вызывают живой опыт, не менее реальный, чем какой-либо другой»⁶. Однако подобный аффект не исключает и даже скорее способствует познавательной активности аудитории. Отталкиваясь от известной работы В. Беньямина «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости», Ландсберг утверждает, что современная публика или массо-

⁴ Landsberg 2015.

⁵ «Наше ощущение важности прошлого, его значимости и ценности основывается на популярном нарративе, который нас затрагивает, провоцирует и овладевает нами не только интеллектуально, но и на аффективном уровне». Ibid. P. 2.

⁶ Ibid. P. 20.

вый зритель сами производят монтаж, соединяя между собой не только отдельные образы, но и разные культурные жанры. Потребление оказывается неразрывно связано с *производством* бриколажей, новых аффектов и смыслов. То есть потребительская культура (с ее акцентом на идентификацию) не уничтожает идущую от авангарда традицию «остранения», утопического желания справедливости, политической и культурной критики. Этот тезис автор доказывает в главах, посвященных современным историческим фильмам («Харви Милк» Гаса Ван Сента, «Отель Руанда» Терри Джорджа, «Доброй ночи и удачи» Джорджа Клуни); телевизионным сериалам («Дэдвуд», «Безумцы» и «Рим»); историческим реалити-шоу, виртуальным выставкам и т.д. Аффекты, которые они вызывают у аудитории, могут порождать новые смыслы и ассоциации. Их воздействие не сводимо к развлечению и воспроизведению избитых клише, — они меняют историческое сознание зрителя и его темпоральные представления, оспаривая нерушимость границ между (прошлым) опытом и актуальными репрезентациями.

Сильной стороной книги Ландсберг становится попытка феноменологического описания результатов такого воздействия. При этом она редко использует метафору памяти, сегодня ставшую слишком распространенной. По сути, речь идет о следующем шаге в направлении, заданном *memory studies*, — попытке заменить стрелу хронологического, линейного времени *картой*, напоминающей атлас «Мнемозина» Аби Варбурга. Исследователей все чаще интересуют не отдельные точки («места памяти»), но общая *топология* этого пространства, его движущие силы и динамические эффекты, определяющие растущую пролиферацию культурных практик и смену режимов соотнесения жизненного опыта и медиа-репрезентаций.

Специфика такого подхода к культурной памяти оказывается также в центре внимания Патрика Хаттона, известного российскому читателю благодаря монографии «История как искусство памяти»⁷. В своей новой книге «Феномен памяти в современном историописании» он утверждает, что диалог между историей и памятью привел к формированию своеобразного гибрида — *исторической коммеморации*. «Исследования коллективной памяти предполагали пассивную рефлексию, [современная] историческая коммеморация призывает к активной вовлеченности в мемориальные проекты»⁸. Сравнивая концепции П. Нора и П. Рикера, Д. Мосса и Я. Зерубавель, У. Онга и Я. Ассмана, Г. Спигел и Д. Олика, С. Бойм и П. Фриче, К. Дженкинс и Ф. Анкерсмита, Хаттон прослеживает основные линии полемики, объединяющей предельно

⁷ Хаттон 2003.

⁸ Hutton 2016. P. 67.

разросшееся междисциплинарное поле *memory studies*. В первой главе («Историографические предпосылки феномена памяти») автор разбирает истоки современного «мемориального бума» и интеллектуальный контекст его распространения: кризис национальных и макросоциальных нарративов XIX в.; раскол популярной и элитарной культуры; признание современной историографией своей вовлеченности в социально-культурные процессы; «деколонизацию истории» и т.д. Именно в этом контексте в 1980-е гг. стали набирать силу три ключевых тренда: исследования национальной политики памяти; историко-антропологический анализ трансформации памяти при переходе от устной к письменной культуре; исследования Холокоста и *trauma studies*. Первый из них наиболее подробно прослеживается в книге. В частности, в главе «Политика коммеморации» подробно рассматривается влияние концепций «воображаемого сообщества» Б. Андерсона и «изобретения традиции» Э. Хобсбаума на *memory studies*. При этом автор доказывает, что политика памяти в конце XX в. во многом стала выполнять функции идеологии, точнее, она реструктурировала уровень морального долженствования, сделав основой новой «моральной экономики» именно «долг помнить», весьма амбивалентно оцениваемый сообществом историков.

Впрочем, в 2000-е гг. эта проблематика отошла, по мнению Хаттона, на задний план, уступив свое место «третьей волне» *memory studies* – исследованию *культурных практик* взаимодействия опыта и репрезентации. Возникающее на их стыке пространство «мнемоистории»⁹ формируется в результате рационального и вполне академического *диалога* (а не аффекта или воздействия массовой культуры, как у Э. Ландсберга). Этот диалог обладает внутренней логикой, его язык не аффективен, хотя он и опирается на коллаж из образов и нарративов. Работа памяти при этом понимается не просто как социальный конструкт, но как перформатив – процесс, затрагивающий одновременно индивидуальную и групповую идентичность, что *концептуально* меняет представление историков о своей дисциплине. В результате на смену линейному нарративу приходит широкий спектр мемориальных практик, исследования которых должны учитывать многосторонние процессы их пролиферации, противостояния, вытеснения и т.д.

Таким образом, общим трендом этих очень разных исследований становится внимание к топологии пространства, формирующегося между историей и памятью, аналитике его языка и феноменологии существования гибридных практик «исторической коммеморации». Однако и Ландсберг, и Хаттон, как, возможно, и *memory studies* в целом, склонны недооценивать ряд принципиальных проблем, возникающих

⁹ Ibid. P. 209.

на этом перекрестке. Работая в привычном для себя дисциплинарном поле (первая – в рамках *memory studies*, второй – в области теоретической историографии), они стремятся не обострять существующие разногласия, хотя последние неизбежно возникают, как только речь заходит о *механизмах* взаимосвязи аффективного и рационального уровня, а также об устойчивых стратегиях медиа-репрезентации предельного / травматического опыта. Более того, топографический анализ современного темпорального режима (как и самого понятия «современности»¹⁰), неизбежно предполагает силовое напряжение смыслов. Не абсолютизируя последнее вслед за сторонниками дерридианской деконструкции, отметим огромное различие языков выжившего и наблюдателя (исследователя). «Вовлеченность» Ландсберг и историографическая саморефлексия Хаттона не одинаково направлены, они не могут автоматически «дополнять» друг друга.

Предельно актуальными в этом контексте представляются, во-первых, аналитическое сравнение механизмов *воплощения* памяти, – с одной стороны, интернализации культурных практик и медийных клише, а с другой – экстернализации жизненного опыта. Чаще всего эти модальности оказываются взаимосвязаны, что позволяет поставить вопрос об относительно устойчивых *режимах субъективации*. А во-вторых, исследование практик коммеморации должно быть максимально интегрировано в актуальные социально-культурные процессы, учитывать локальные различия, не подчиняя их глобальным трендам. Без работы в этом направлении и осознания серьезности обозначенных противоречий, *memory studies* рискуют превратиться из источника обновления историографии в болото, «волны» на поверхности которого мало кого интересуют. Современный режим темпоральности обладает массой противоречий (о них много писали Ф. Артог и Р. Козеллек), но его несомненным достоинством представляется как раз интерес к состояниям неопределенности и нежелание сглаживать противоречия. Исследования памяти и трансформаций современной темпоральности по-прежнему требуют серьезных аналитических усилий, а не самодовольного (по)культурного умиротворения.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Danilova N. The Politics of War Commemoration in the UK and Russia (Palgrave Macmillan Memory Studies). N.Y.: Palgrave Macmillan, 2015. 256 p.
- Hutton P.H. The Memory Phenomenon in Contemporary Historical Writing. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. 234 p.

¹⁰ «Последняя, как выясняется, всегда внутренне расколота, инфицирована, всегда не совпадает с собой. Вместо четких – почти естественных – ‘межвременных’ границ мы сталкиваемся с ‘силовыми полями’ (Вальтер Беньямин) темпоральных трансформаций, (пре)вращений и взаимных заражений». *Кобылин* 2016. С. 17.

- Landsberg A.* Engaging the Past: Mass Culture and the Production of Historical Knowledge. N.Y.: Columbia University Press, 2015. 213 p.
- War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus (Palgrave Macmillan Memory Studies) / Ed. by J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, T. Zhurzhenko. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2017. 506 p.
- Winter J.* War Beyond Words. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2017. 234 p.
- Васильев А.Г.* Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. С. 461-480 [Vasiliev A.G. Memory studies: edinstvo paradigmy – mnogoobrazie ob'ektov, in: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2012, No. 5, pp. 461-480].
- Кобылин И.И.* История и топология: взлет и падение анахронизма // Социология власти. 2016. № 2. С. 15-34 [Kobylin I.I. Istoriya i topologiya: vzlet i padenie anahronizma, in: *Sociologiya vlasti*, 2016, No. 2, pp. 15-34].
- Репина Л.П.* Память о прошлом в пространстве культуры // Диалог со временем. 2013. № 43. С. 190-198 [Repina L.P. Pamyat' o proshlom v prostranstve kul'tury, in: *Dialog so vremenem*, 2013, No. 43, pp. 190-198].
- Репина Л.П., Леонтьева О.Б.* Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // Электронный научно-образовательный журнал История. 2015. № 9 (42). С. 5 [Repina L.P., Leontieva O.B. Obrazy proshlogo, memorial'naya paradigma i «istoriografiya pamyati» v sovremennoj Rossii, in: *Elektronnyj nauchno-obrazovatelnyj zhurnal Istoriya*, 2015, No. 9 (42), p. 5].
- Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб: Владимир Даль, 2003. 422 с. [Hutton P. *Istoriya kak iskusstvo pamyati*. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2003, 422 p.]

Николай Федор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; fnik@list.ru

‘Third Wave’ of memory studies: cultural memory between experience and representation

The article is devoted to contemporary studies of cultural commemoration practices. The effects of new mediums (photos, video, Internet communications) and their influence on historical knowledge are considered. Thesis about the "third wave" of memory studies, equalizing the rights of life experience and media representation through a flexible combination of rational analysis and affective involvement in cultural practices, is being questioned. Cultural memory today is increasingly understood as a performative process that affects both individual and group identity. This point of view significantly changes historian's ideas about their discipline and activates their dialogue with memory studies. This dialogue has internal logic, but does not exclude "force fields" of tension and inconsistencies in analytical positions. Therefore, thesis of forming a single space of "historical commemoration" seems controversial, since it rather neutralizes important differences between history and memory, rather than strives to working-through them.

Keywords: cultural memory, historical consciousness, affect, problems of representation, politics of memory, mnemohistory

Feodor Nikolai, PhD in History, Associate Professor, Department of World History, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; fnik@list.ru

А. А. ЛИНЧЕНКО

ПРОШЛОЕ, КОТОРОЕ НЕ УХОДИТ ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ И ХОЛОКОСТЕ В ЛИТВЕ¹

Автор рецензирует монографию Екатерины Махотиной о взаимодействии официальной исторической политики и мемориальных культур в Литве². Е. Махотина стремится преодолеть тезис радикального конструктивизма о тотальной конструируемости исторической памяти, раскрывая важную роль альтернативных культур памяти. Показано, что в историческом сознании современного литовского общества Холокост является «выученной», но не «пережитой памятью», «чужой» историей.

Ключевые слова: Литва, Холокост, память о Второй мировой войне, мемориальная культура, историческое сознание

Крушение коммунистических режимов в Восточной Европе привело не только к появлению новых государств. В Центральной и Восточной Европе начало складываться новое пространство памяти. Однако, негативное отношение к советскому историческому опыту оказалось одной из немногих объединяющих тенденций. Гораздо более явственное проступили многочисленные конфликты памяти, которые до сих пор наблюдаются как на уровне официальной исторической политики, так и на уровне различных культур воспоминаний. Все это создает дополнительные трудности процессам формирования общеевропейской памяти, размывая ее этико-мировоззренческие основания, выявляя новые грани интерпретации исторических событий, которые уже более полувека имеют достаточно однозначную оценку.

Монография Е. Махотиной о литовском опыте трансформации воспоминаний о Второй мировой войне и Холокосте позволяет увидеть сколь сложным и противоречивым может быть вторжение трагического прошлого в современную жизнь. В книге представлены результаты первого фундаментального исследования полувекового взаимодействия официальной исторической политики и различных мемориальных культур в Литве. Конфликты памяти в постсоветской Литве вряд ли могут быть продуктивно изучены вне детального анализа противоречий исторической политики советского периода, ее деградации и девальвации в эпоху обретения независимости. В фокусе внимания автора – история мемориалов и памятников Второй мировой войны, Холокоста, а также музеев как пространств противостояния различных акторов и

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 17-33-01056 а2 «Мифы о прошлом в современной медиа-среде: практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования»

² Makhotina 2017. Ссылки на страницы книги см. в скобках.

мемориальных практик, другими словами – эволюция материальной памяти о Второй мировой войне и ее отражение в коммеморативных практиках Литвы в советское и постсоветское время.

Рост интереса к социальной памяти в последние десятилетия превратил эту тему в объект междисциплинарных исследований и позволил выделить *memory studies* в отдельное направление, находящееся на пересечении философии истории, социологии, социальной психологии, немецкой дидактики истории, интеллектуальной истории и истории повседневности. Е. Махотина очень внимательно отнеслась к современным тенденциям в области теории коллективной памяти и мемориальных культур (*Erinnerungskulturen*). Исследования Алейды Ассман, Джеффри Олика, Мишеля Фуко, Патрика Хаттона, Поля Рикера, Астрид Эрл, Вульфа Карсштайна позволили автору книги выработать продуктивную методологическую стратегию и соотнести ее с огромным фактологическим материалом. Это особенно важно в свете определенных недостатков, присущих современной литературе по коллективной памяти. Как отмечается, одним из них является отсутствие полноценных компаративных исследований, далеких как от предельно общих высказываний, лишаящих коллективную память специфических характеристик, так и от сосредоточенности на частных формах коллективных воспоминаний³. Еще один недостаток – это преувеличенное представление о конструируемости коллективной памяти. «Прошлое в некоторых отношениях и при определенных обстоятельствах упорно сопротивляется попыткам перекроить его»⁴. Книга Махотиной – удачная попытка преодоления этих недостатков.

Прежде всего автор обращается к вопросу об универсальности и гомогенности советского дискурса памяти. В книге показано, что, несмотря на характерные для СССР тенденции к унификации и централизации пространства памяти, литовская партийная элита действовала достаточно независимо, что нашло выражение в стремлении к использованию элементов литовских национальных традиций при создании мемориальных комплексов (S. 120). Стремясь к национальной консолидации и легитимации советской власти, литовская правящая элита пыталась объединить жителей Литвы, в т.ч. на основе памяти о Великой Отечественной войне. Как и повсюду в СССР, в Литве речь шла о героической борьбе литовского народа против немецко-фашистских оккупантов, но здесь, отмечает автор, литовские власти столкнулись с дефицитом героического сопротивления немцам. Ставка была сделана на героический культ советско-литовских коммунистов и партизан. Наиболее ярким подтверждением этой тенденции стало создание музея

³ Брубейкер 2012. С. 291.

⁴ Schudson 1989. P. 107.

Революции, где, например, партизанское движение было представлено как проявление дружбы народов в Литве (S. 151). Особый интерес представляет анализ советских мемориалов, посвященных жертвам и страданиям населения на территории Литвы: мемориал Пирчюпис, девятый форт в Каунасе и мемориал Аблинга. Подчеркивается неоднозначность мемориальной культуры Литвы того времени: «культура памятников о Второй Мировой войне отнюдь не была монолитной или единой. Однако разнообразие эстетических форм военных памятников подтверждает лишь разнообразие среды их создателей. И, хотя идеология чётко проявляла себя в определённых элементах культуры памяти, тот факт, что деревенские скульпторы были допущены к возведению военного памятника, имеет особое значение по двум причинам: во-первых, фигуры из дерева возникли буквально из ствола дерева, т.е. непосредственно в процессе работы и, во-вторых, что скульпторы работали без какого-либо проекта или наброска» (S. 185). Советские военные мемориалы в Литве рассматриваются автором в контексте общеевропейских и советских тенденций строительства мемориалов.

Одним из ключевых противоречий литовской памяти о Второй мировой войне в советский период является память о еврейских жертвах. Современные исследователи⁵ неоднократно подчеркивали, что здесь приходится иметь дело с особым случаем. Нигде в оккупированной нацистами Европе массовые убийства евреев не происходили с такой быстротой и при такой массовой поддержке местного населения. Особость литовского случая состоит также в том, что лишение евреев гражданских прав, геттоизация и их физическое уничтожение происходили не поэтапно, как в других странах Европы, а синхронно. Большинство литовских евреев были убиты в своих домах или неподалеку от родных мест, причем, ключевую роль в этом сыграло литовское население. В литературе отмечается, что в течение 1941–1944 гг. было уничтожено 96% еврейского населения Литвы, около 200 тыс. чел. Основная их масса (более 137 тыс. чел.) была уничтожена уже до декабря 1941 г.⁶ Махотина детально реконструирует возникновение и развитие материальной памяти об уничтожении евреев, трансформацию отношения советских властей, тщетные попытки представителей еврейской общины в мемориализации Холокоста на территории Литвы. Наиболее ярко особенности мемориализации Холокоста в Литве видны на примере советского еврейского музея, просуществовавшего всего четыре года (1945–1949). Музей появился и существовал исключительно на энтузиазме и добровольном труде его сотрудников – бывших узников Вильнюсского гетто и партизан. Он располагался в здании бывшей

⁵ См. подробнее: Porat 1994; Levin 1996.

⁶ Bubnys 2008. P. 42.

тюрьмы гетто, а его коллекция собиралась при поддержке бывших узников: был собран уникальный материал из их личных вещей, рассказов о пережитом. Однако в ходе сталинской антисемитской кампании и репрессий в отношении членов Антифашистского Комитета музеев был ликвидирован. Формально речь шла о его реорганизации в «Вильнюсский краеведческий музей». Часть экспонатов была передана в Историко-Революционный музей и другие музеи республики. В историческом здании тюрьмы был открыт техникум. Автор книги отмечает, что в советское время память о евреях присутствовала в «деформированном» виде. В развитии специфически еврейской памяти советские власти увидели риск развития еврейского исторического сознания. «Иерархическое изображение жертв войны базировалось на ключевой идее советской музейной инсценировки, в соответствии с которой вначале и прежде всего изображались пленные коммунисты. Евреи, как правило, не замалчивались, но из многочисленных групп жертв войны они являлись в дискурсе о жертвах войны лишь его одной группой» (S. 176).

Не менее противоречивой оказалась историческая политика современной Литвы. Постсоветским правительствам Прибалтики было важно показать нелегитимность советской власти. Возложение всей полноты ответственности на коммунистов не могло не найти отражения и в сфере исторической политики. Именно этому посвящена большая часть работы. Автор последовательно разбирает несколько ключевых кейсов: музейные репрезентации Второй мировой войны в Литве после 1990 г., музеализация сталинизма в современной Литве, Еврейский музей и Холокост в практиках памяти после обретения независимости, ритуал 9 мая в Литве как праздник победы и как День Европы.

Одно из наиболее заметных противоречий в литовском ландшафте воспоминаний – отношение к Второй мировой войне. Для Европы это центральное событие XX века, а Холокост – важнейший объединяющий негативный исторический опыт и одна из отправных точек современной общеевропейской исторической идентичности⁷. В современной Литве мы видим несколько иное восприятие войны: события 1941–1944 гг. представляются военными действиями между двумя оккупационными силами – нацистским Третим Рейхом и СССР. В книге отмечается, что война больше не является «предметом визуализации истории в музейной форме». Так, в 2000 г. был закрыт последний музей-мемориал сожженной в 1944 г. деревни Пирчюпис (S. 275). Война, как подчеркивает автор, оказалась в современной Литве «фигурой умолчания». О войне сегодня напоминают лишь военные мемориалы и массовые захоронения, поддержка которых оказалась полностью на плечах русской общины и посольства РФ в Литве.

⁷ Ассман А. 2011. С. 279.

История Литвы оказывается сегодня историей национальной борьбы против целой череды «оккупаций»: Литва в составе Российской империи, польская оккупация Вильнюса после Первой мировой войны, немецкая оккупация и, наконец, советская оккупация. Причем последняя официально именуется «геноцидом», и здесь советский «геноцид» сравнивается с немецким «геноцидом» евреев. Книга демонстрирует проявления теории двух геноцидов в музейной визуализации. В здании музея Девятого Форта Каунаса в 1940–41 гг. была тюрьма НКВД, а в период немецкой оккупации оно стало местом массового уничтожения людей. Сегодня Девятый форт – это «двойной музей-мемориал», который по замыслу его реконструкторов, должен показать как два режима совершали преступления против человечности. Интересно, что полная смена концепции музея не повлияла на состав его сотрудников – работники советского времени просто перешли в «отдел оккупации» и сегодня отвечают за новую выставку. Также примечательно, что репрезентация советского времени в музее построена на тех образах, которые в свое время использовались в выставке «Красный террор», демонстрировавшейся в военном музее Каунаса в период нацистской оккупации в 1942 г. (S. 286). По соседству с этой выставкой, за пределами нового здания музея, в здании бывшей крепости, располагается выставка о Холокосте, подготовленная при участии музейных работников из Израиля.

Однако было бы неправильным сделать вывод, что с крушением советской системы в Литве тема Холокоста получила свое всестороннее и комплексное развитие. В историческом сознании литовского общества Холокост является «выученной», но не пережитой памятью, «чужой» историей, «скорбью погибших соседей» – таков вердикт автора монографии. Так, в отношении мест еврейской памяти отмечается: «Эти места были и остаются значимыми только для оставшихся в живых евреев. В литовском обществе они не наталкиваются на большой интерес <...> национальный дискурс о еврейских жертвах по-прежнему протекает в Литве как дискурс о трагедии, которая касается лишь “соседей”» (S. 364). Здесь обнаруживаем две параллельные истории Литвы, рассказываемые в двух разных отделах единого Государственного Еврейского музея («Зеленый Дом» и Центр толерантности), которые изначально с разных позиций интерпретируют тему взаимоотношения евреев и литовцев. «Зеленый Дом» – это восстановленный в октябре 1989 г. Еврейский музей в Вильнюсе. Его миссия – рассказать об уничтожении евреев в Литве. Музейная экспозиция представлена личными фотографиями, письмами и отрывками из дневников, сохранившихся в архивах музея Революции. Здесь также можно увидеть личные вещи еврейских партизан. Музей репрезентирует, прежде всего, «выстраданную память» уцелевших литовских евреев. Он быстро стал местом встреч спасшихся литваков со всего мира. Автор книги подчеркивает,

что музей выполняет важную историко-политическую функцию – его основание позволяет идентифицировать литовских евреев с шестью миллионами жертв Холокоста, а также служит зримым доказательством всех попыток отрицания Холокоста в Европе. Важно, что музей затрагивает «неудобную» сегодня тему литовского участия в Холокосте. Однако у Государственного Еврейского музея есть еще один филиал, который оказался более востребован в исторической политике современной Литвы. «Центр толерантности» – так был назван этот музей, важнейшей миссией которого является презентация векового добрососедства литовцев и евреев. Еврейская культура в концепции этого музея оказывается как бы «интегрированной» в культурное наследие Литвы. Речь идет о Литве как о «древнем мультикультурном государстве» и взаимном культурном обогащении литовцев и евреев в ходе длительной истории Литовского государства. Автор книги подчеркивает, что дискурс «выстраданного воспоминания», представленного в экспозициях «Зеленого Дома» все больше вытесняется сегодня государственной исторической политикой в «частную сферу» (S. 378-379). В этом случае, музеи Холокоста могут ждать те же проблемы, что и большинство советских музеев Литвы, которым просто урезали или прекратили финансирование. Впрочем, именно тема Холокоста, судя по материалам Екатерины Махотиной, является важнейшим проводником общеевропейских и глобальных тенденций исторической памяти в коммеморативное пространство современной Литвы.

Интернационализация памяти о Холокосте и Второй мировой войне особенно зримо ощущается в Литве в мемориальном музее Понары. Книга позволяет составить достаточно целостное представление и об этом трагическом месте памяти на карте Европы. Понары – место казни 70 тыс. человек. История музея Понары – история советского, а затем и постсоветского отношения и к памяти о Холокосте, и к памяти о Второй мировой войне в Литве. Недолгая история первого еврейского памятника, установленного в 1945 г. (взорван в 1952). До 1962 г. Понары – место встреч и неофициальных воспоминаний евреев со всего мира. В 1962 г. был установлен черный обелиск с лаконичной надписью «Жертвам фашистского террора». В 1985 г. – реконструкция. Еще одна – в 1991 г. Только после обретения независимости здесь появляется стела с надписями на идише, русском и литовском, поясняющая, что среди убитых – 70 тыс. евреев. Екатерина Махотина отмечает, что сегодня это место памяти и памятник – официальное место поминовения жертв Второй Мировой Войны на 8 Мая и на 23 Сентября – день памяти жертв Холокоста в Литве. Здесь проходят Дни Памяти с участием иностранных делегаций, традиционный Марш Живых Израиля. Мемориал в Понарах является не только важным символическим топосом в универсальной, глобальной памяти о Холокосте, но и оставшимся

единственно значимым местом проведения официальных церемоний памяти жертв Второй Мировой войны в Литве. В случае проведения литовским правительством мемориального мероприятия 8 мая в День Памяти и Примирения, оно проходит в Понарах, связывая тем самым память о войне исключительно с трагедией Холокоста. Есть в Понарах и памятники погибшим полякам, расстрелянным евреям. Есть здесь и скромный памятник семи тысячам погибших здесь советских солдат. Каждая группа жертв имеет собственные дни памяти, собственные памятники, у которых она соблюдает свои ритуалы: для литовцев это 20 мая – день памяти об убитых в этот день солдатах Литовской Народной Республики, для поляков – 3 мая и 1 ноября, для русских – 23 февраля, а также 8 и 9 мая. Таким образом, «Понары остаётся сложным и многообразным местом памяти, в котором встречаются и пересекаются самые различные культуры воспоминаний» (S. 386).

Отдельное необходимо сказать о ситуации вокруг празднования 9 мая в Литве. Эта часть книги будет особенно интересна именно для российского читателя. Автор показывает, насколько сложным продолжает оставаться интеграция праздника 9 мая в официальную историческую политику в Литве – в ситуации, когда одна «оккупация» сменилась другой. Описывается отношение к Дню Победы в разных социальных группах литовского общества, имеющих свои культуры воспоминаний, а также на фоне сложной ситуации с юридическим статусом советских военных захоронений. Уже в 1990-е годы, несмотря на важное значение 9 мая для русскоязычных литовцев, правительство начало рассматривать празднование этой памятной даты как форму «непатриотичного отношения» к Литве. Официальная историческая политика была выстроена вокруг даты 8 мая 1945 г., правительственные делегации отказались ехать в Москву на юбилейные торжества Дня Победы. Автор свидетельствует о том, что именно коммеморация Дня Победы оказывается в современной Литве фактором консолидации русскоговорящего населения. В книге описано интересное явление – рост виктимизации среди ветеранов, что является реакцией на анти-советскую историческую политику. Вообще, в современной Литве вокруг 8 и 9 мая можно говорить о формировании нескольких культур воспоминаний: культуры воспоминаний советских ветеранов, культуры воспоминаний ветеранов войск СС, культуры воспоминаний еврейской общины, а также бывших солдат Армии Крайовой.

Исследовательский замысел Екатерины Махотиной в полной мере оказался реализованным в ее книге. Однако значение книги – не только в полноте раскрытия заявленной проблемы. Эта книга – яркий пример того, что прошлое продолжает оставаться «неприрученным», не укладывается в стройные линии исторической политики, официальных конструкций памяти и научных дискурсов. Прошлое возвращается

к нам как альтернативная память, как личностный взгляд на свою биографию и эпоху, как память поколения, которое не может забыть. Такое прошлое чутко реагирует на вызовы современности, образуя с ним живую и неразрывную связь.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 328 с. [Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014]
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с. [Brubejker R. Jetnichnost' bez grupp. M.: Izd. dom Vysšej shkoly jekonomiki, 2012]
- Bubnys A. The Holocaust in Lithuania between 1941-1944. Vilnius: Genocide and Resistance Research Centre of Lithuania, 2008. 52 p.
- Levin D. Lithuania // The World Reacts to the Holocaust. Baltimore 1996. P. 325-352.
- Makhotina E. Erinnerungen an den Krieg – Krieg der Erinnerungen. Litauen und der Zweite Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2017. 478 S.
- Porat D. The Holocaust in Lithuania. Some unique aspects // The final solution. Origins and Implementation / Ed. by David Cesarani. London 1994. P. 159-174.
- Schudson M. The Present in the Past versus the Past in the Present // Communication. 1989. No.11. P. 105-113.

Линченко Андрей Александрович, кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Липецкий филиал Финуниверситета); linchenko1@mail.ru

The past, which does not leave: memory of the War and Holocaust in Lithuania

The article is a review of the monograph by E. Makhotina (Makhotina E. «Erinnerungen an den Krieg – Krieg der Erinnerungen: Litauen und der Zweite Weltkrieg». Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2017. 478 p.). The monograph is the first fundamental study of the holistic context of the interaction of official historical policy and various memorial cultures in Lithuania throughout its half-century history (1945-2015). The author of the book seeks to overcome the thesis of radical constructivism about the total construction of historical memory, showing the important role of alternative versions of historical memory, counter-memory and memorial cultures that do not fit into the space of influence of official historical policy. The idea that the contradictions and conflicts of memory in post-Soviet Lithuania can hardly be productively studied outside of a detailed study of the hidden and obvious contradictions in the historical policy of the Soviet period, its degradation and devaluation in the era of gaining independence, is substantiated. One of the most important conclusions of the monograph is the recognition of the fact that in the historical consciousness of modern Lithuanian society the Holocaust is a "learned", but not experienced memory, an "alien" history, the mourning of the dead neighbours.

Keywords: Lithuania, Holocaust, historical memory of the War, the culture of memory, historical consciousness

Andrei Linchenko, PhD (Philosophy), Researcher at the Federal State Funded Educational Institution of Higher Professional Education "Financial University under the Government of the Russian Federation", Lipetsk branch; linchenko1@mail.ru

М. А. ВЕДЕШКИН

ИСТОРИЧЕСКАЯ РУСИСТИКА В БУДАПЕШТСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Рец. на сб. статей: «Историческая русистика в XXI в.: Материалы десятой международной конференции будапештского Центра русистики от 18–19 мая 2015 г.». Автор рецензии анализирует проблемы исторической русистики, которые обсуждались на десятой международной конференции, организованной и проведенной Будапештским Центром Русистики 18–19 мая 2015 г.

Ключевые слова: *историческая русистика, проблемы русской и российской истории и культуры*

В 2015 г. Центр русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвёша отметил свое двадцатилетие, а если прибавить период деятельности его прямого предшественника – Венгерского института русистики, то и двадцатипятилетие. Юбилейный год был отмечен чередой ярких событий в научной жизни Центра. Наиболее важным из них стала X международная конференция «Историческая русистика в XXI веке», состоявшаяся в Будапеште 18–19 мая 2015 года. Столь значительное событие собрало в стенах Будапештского университета исследователей истории России из трех континентов, семи стран, десятков университетов и академических центров. Участники конференции единодушно отметили высокий научный уровень докладов и значительные успехи, достигнутые исследователями в разработке широчайшей палитры вопросов истории России.

В 2017 г. по итогам прошедшей конференции был выпущен сборник материалов¹. В него вошло более сорока статей, тематически разделенных на четыре раздела. Первый блок посвящен общим вопросам историографии и методологии современной русистики (с. 13-70). Второй раздел включает в себя работы, освещающие различные проблемы истории Средневековья и раннего Нового времени (с. 71-186). Третий – отечественной истории XIX – начала XX в. (с. 187-294), а четвертый – советскому и современному периодам истории России (с. 295-385).

Значительная часть материалов связана с историей контактов представителей венгерского народа с исторически бытовавшими на территории современной России социумами и государственными структурами. В трех из них поднимаются вопросы взаимоотношений мадьяр с народами Восточноевропейской равнины в эпоху *Rax Chazari*-са и существования Древнерусского государства. В статье М.К. Юрасо-

¹ Russian Studies in History in the 21st century... 2017.

ва поднимается проблема датировки первого проникновения печенежских орд в степи Северного Причерноморья. Как известно, именно это переселение спровоцировало начало миграции мадьяр на запад, в итоге приведшей к обретению ими родины на Дунае. Автор приводит убедительные аргументы в пользу раннего (середина IX в.) переселения печенежских племен в Европу и, следовательно, более ранней, чем традиционно считалось в нашей историографии миграции венгерского племенного союза на запад (с. 73-83). В работе Г. Джилони рассматривается ранняя история Киева, происхождение полуполюгендарного основателя города на Днепре – князя Кия, а также отдельные проблемы деятельности князя Аскольда. Исследователь объективно солидаризируется с позицией В.Я. Петрухина², выдвигавшего предположение, что вторжение мадьяр вбило клин между ядром хазарского государства и его северо-западными окраинами и тем самым поспособствовало обретению хазарским Самбатием-Киевом некой автономии или даже независимости от кагана. Интересны (впрочем, не новы) и рассуждения автора о роли Аскольда в становлении Киева в качестве независимого политического центра и распространении там христианства (с. 93-104). Статья М. Фонт посвящена политическим и династическим контактам венгерского королевского дома с галицко-волынскими князьями в первой половине XIII в. Автор относительно подробно рассматривает связи Андраша II и Белы IV с боровшими за галицкий стол князьями Даниилом Романовичем и Романом Михайловичем, освещает участие Венгерского королевства в княжеских усобицах, а также попытки привлечения русских князей к участию в организуемой Белой IV антимоногольской коалиции (с. 112-118).

Статьи С. Шухайды, рассматривающего образ Российской империи в венгерской прессе 1841–1844 гг. (с. 222-230), и Г. Кечкемети, изучающего исторические корни либеральной русофобии в Венгрии (с. 248-255), затрагивают проблемы формирования образа России в венгерском обществе середины – второй половины XIX в. Как убедительно показали авторы, в 1830 – начале 1840-х гг. «русские темы» поднимались образованными слоями венгерского общества преимущественно в контексте обсуждения польского вопроса. Примечательно, что придерживавшиеся различных политических взглядов представители венгерской элиты в равной степени отрицательно относились к подавлению Польского восстания 1830–1831 гг. Вместе с тем, критика действий русских властей в Царстве Польском проводилась с диаметрально противоположных позиций: венгерские либералы осуждали отмену польской Конституции 1815 года, а консерваторы, прежде всего, выступали против антикатолической политики самодержавия. К середине

² Петрухин 2011. С. 216-222.

1840-х гг. упоминания о России и русских чаще всего начали появляться в контексте обострившегося Восточного вопроса и роста панславистских настроений, как в самой России, так и среди славянских народов Дунайской империи и Балканского полуострова. В венгерском обществе тех лет явно ощущалось беспокойство, вызванное национальным пробуждением окружавших Венгрию славянских народов и страхом перед ожидаемой экспансией единственного независимого «славянского государства» – Российской империи. Неприятие подавлявшей любое свободомыслие «деспотичной славянской империи, возглавившей крестовый поход против европейской цивилизации», резко усилилось после участия экспедиционного корпуса Паскевича в подавлении Венгерской революции 1848–1849 гг. Окончательное «оформление» венгерская русофобия получила после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., присовокупившей к неприятию панславизма и политической системы Российской империи основанную на мнимой этнокультурной близости тюрок и мадьяр османофилию.

Две статьи посвящены участию Венгерского Королевства в Великой Отечественной войне. В частности, тема попыток национального самооправдания в современной научной практике была раскрыта в статье одного из крупнейших венгерских специалистов по истории СССР 1920–1950-х гг. XX в. Т. Крауса «Отождествима ли нацистская Германия с СССР? Или как переписывают историю Великой Отечественной войны представители мейнстрима венгерской исторической науки». В ней автор подвергает резкой критике концепции современных венгерских историков, демонизирующих СССР и Красную армию, и ретуширующих преступления хортистских приспешников гитлеровской Германии в угоду все более правоконсервативному, а иногда и откровенно реваншистскому общественному мнению Венгрии. В статье убедительно продемонстрировано, что все попытки представить хортистов в качестве «невинных агнцев», не несущих никакой ответственности за проведение геноцида населения СССР, строятся на откровенной фальсификации или методологической нечистоплотности. Весьма значимым представляется один из выводов автора: у нацизма нет истории вне «криминальности», а у Советского Союза она, несомненно, есть, – достойный ответ всем апологетам отождествления III Рейха и СССР (с. 37–50). Подтверждение тезиса Т. Крауса фактическими данными содержится в работе А. Фориса, посвященной тяжелой судьбе солдат и офицеров РККА, попавших в плен к частям Венгерской Королевской армии. Автор не скрывает военных преступлений хортистов, подробно описывает бесчеловечные условия, в которых оказались советские военнопленные, освещает случаи нарушения чинами венгерской армии международных гуманитарных конвенций (с. 334–341).

Второй блок тематически близких статей посвящен истории Русского зарубежья. В статье Е.И. Самарцевой представлен обстоятельный обзор актуальных проблем истории и историографии «Русского зарубежья». Согласно выводам автора, наибольшее внимание научного сообщества вызывают такие направления, как: 1) Эмиграция из России до 1917 года; 2) Русское зарубежье. «Первая волна»; 3) Литература Русского зарубежья. «Первая волна»; 4) Вторая мировая война и Зарубежная Россия; 5) Русское зарубежье. «Вторая волна»; 6) Вклад учёных-эмигрантов из России в развитие точных и естественных наук; 7) Русское зарубежье. «Третья волна»; 8) Русская Православная Церковь за рубежом; 9) Изучение истории и культуры России в разных странах мира; 10) Современные ракурсы темы «Русское рассеяние» (с. 51-62). Статья М.В. Ковалева посвящена слабо разработанному в отечественной и мировой историографии вопросу научных контактов между венгерскими историками и представителями русской академической эмиграции первой волны (с. 308-315). В работе О.В. Ратушняк рассматривается феномен казачьего зарубежья в XX в., выявляются причины формирования отличных от всех остальных эмигрантских сообществ институтов самоорганизации казачества, поднимается вопрос о причинах длительного сохранения сословного самосознания оказавшихся за рубежом казаков и их потомков (с. 316-323).

Ярко освещена в сборнике остроактуальная полемика российских и украинских исследователей о трактовке ряда фактов и событий общей истории двух стран. Очерк Б. Варги посвящен оценке Переяславской рады 1654 г. в современной российской и украинской историографии (до 2004 г.) – с неутешительным выводом, что исторические школы обеих стран сохраняют оформившиеся еще в XX столетии взаимоисключающие трактовки этого события: «добровольное воссоединение братского украинского народа с Россией» и «гнусный захват независимой Украинской державы агрессивной и экспансионистской Москвой» (с. 129-139). В статье Я. Лазарева «Готова ли украинская историческая наука к диалогу?: размышления о роли национальной памяти в историческом сообществе» поднимается вопрос о самой возможности плодотворного научного взаимодействия и диалога национальных исследовательских школ в условиях радикального расхождения трактовок ряда фактов и процессов общей истории. На примере личного опыта общения с украинскими коллегами автор был вынужден констатировать, что события современной политической жизни накладывают тяжелый отпечаток даже на научные контакты и зачастую заставляют ученых, вольно или невольно оказавшихся разведенными «по разные стороны баррикад», прервать обмен мнениями и многолетнее плодотворное сотрудничество (с. 31-36).

Много важных и актуальных тем было поднято в разделе, посвященном общим вопросам методологии. В статье И.И. Глебовой «О русистике в России» (с. 21–30) ставится проблема институционализации современного русистического знания в качестве новой синтетической дисциплины, в рамках которой возможно проводить комплексные исследования характерных (или уникальных) именно для России социокультурных, социоисторических и социально-экономических явлений. Об актуальности подобного отношения к изучению России, бесспорно, говорит и неспособность большинства модных в 1990-е гг. макроисторических концепций адекватно описать и объяснить российскую реальность. Очерк С. Филиппова посвящен вопросу о применимости и продуктивности цивилизационного подхода при изучении российской истории. С точки зрения автора, представление о России как особой цивилизации, в последнее время ставшее едва ли не официально одобренной властью идеологемой, не обладает сколько-нибудь значительным эвристическим потенциалом. Автор полагает, что понятийный аппарат цивилизационного подхода по-прежнему не разработан, цивилизационная идентичность России не определена, нет консенсуса относительно специфических черт этой цивилизации, как бы она не называлась, наконец, не доказано, что особенности российской истории дают основание говорить об особой цивилизации (с. 63–70).

Помимо названных выше в сборник вошли работы по разнообразным проблемам современной русистики.

В открывающем сборник очерке видного бельгийского слависта Э. Вагеманса, известного российскому читателю по таким трудам, как «Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717)» и «Петр Великий в Бельгии», представлена характеристика основных направлений исследований по русистике в Нидерландах и Бельгии за последние тридцать лет (1985–2015), охватывающих на удивление широкий круг вопросов: от знаменитого посещения Соединенных провинций Петром I до судеб русских путешественников в Бельгийском Конго (с. 15–20).

Несомненный интерес вызывает статья М.С. Петровой. По сути, в ней, на примере уникального для русского Средневековья текста, составленного Дмитрием Герасимовым на основе «*Ars grammatica*» Доната, ставится вопрос о рецепции русской книжностью античной латинской филологической и шире, культурной традиции (с. 119–128). Не менее примечательна и статья А. Клеймолы, в которой рассматривается деятельность сравнительно малоизученного епископа Афанасия Холмогорского – мыслителя-эрудита второй половины XVII столетия, фактически ставшего одним из предвестников петровских преобразований (с. 105–111).

В целом, высокий уровень вошедших в сборник статей свидетельствует о несомненном интересе научной общественности к исторической русистике и демонстрирует рост интенсивности контактов представителей международной академической науки.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Russian Studies in History in the 21st century. Materials of the 10th International Conference at the Centre for Russian Studies in Budapest, May 18 – 19, 2015 / Ed. by G. Szvak; S. Filippov. Budapest: Russica Pannonicana, Aquilo Press, 2017. 392 p.

Петрухин В.Я. «Русь и все языци»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологический аспект. М.: Языки славянских культур, 2011. 384 с. [Petruhin V.Y. «Rus' i vse yazyci»: Aspekty istoricheskikh vzyaimosvyazej: Istoriko-arheologicheskij aspekt. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2011. 384 с.]

Ведешкин Михаил Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИВИ РАН, доцент ИОН РАНХиГС; Balatar@mail.ru

Russian Studies in History in Eötvös Loránd University

The article analyses the problems of Russian Studies in History discussed at the 10th International Conference at the Centre for Russian Studies in Budapest, May 18 – 19, 2015.

Keywords: Russian Studies in History, Hungary, Budapest

Mikhail Vedeshkin, PhD in History, research fellow of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences; associate professor of the School of Public Policy – RANEP; Balatar@mail.ru

НА ПУТИ К КИБЕРНЕТИЧЕСКОЙ «ПРАВИТЕЛЬНОСТИ» интеллектуальная история одного научного сообщества

В статье на примере монографии Эгле Риндзевичуте «Власть систем: как науки об управлении растопили лед холодной войны» рассматривается интегральный подход к изучению интеллектуальной истории позднесоветских научно-технических сообществ. Здесь история научных идей встречается с исторической социологией, культурными исследованиями и даже с историей повседневности. Результатом такой междисциплинарной «сборки» становится новый тип истории науки и научных сообществ. Речь уже идет не об автономной сфере производства чистого знания, а о сетях, связывающих ученых, инженеров, политиков, управленцев, идеологов и сотрудников спецслужб. Более того, эти сети включают в себя и нечеловеческих акторов. Анализируя деятельность Международного института прикладного системного анализа, Риндзевичуте убедительно демонстрирует как западная и советская технауки отражали социокультурные нормы своих обществ, и, сотрудничая, формировали новые представления, институты и материальные практики.

Ключевые слова: интеллектуальная история, (у)правление, науки об управлении, биополитика, советская «модерность», антропоцен

Специфика позднесоветской «модерности» вообще и ее научно-технической составляющей, в частности, вызывает в последнее время все больший интерес у историков. При этом многие работы, выполненные в этой области, вполне могут рассматриваться в качестве блестящих образцов той версии интеллектуальной истории, которая, практикуя интегральный подход, отказывается «от дихотомии “внутреннего” и “внешнего”, содержания и конкретных условий интеллектуальной деятельности»¹. К числу таких работ, безусловно, относится захватывающая монография Эгле Риндзевичуте «Власть систем: как науки об управлении растопили лед холодной войны»². Здесь история идей и научных концепций встречается с исторической социологией, культурными исследованиями, foreign affairs studies и даже с историей повседневности. Такая междисциплинарная «сборка» позволяет наметить контуры принципиально нового варианта истории науки и научных сообществ. Речь уже идет не об автономной сфере производства чистого знания, ни даже о науке, погруженной в экономический, социальный и политический контексты конкретной эпохи. Методологически опираясь на акторно-сетевую теорию Брюно Латура, Риндзевичуте убедительно показывает, как технаучные сети, связывающие ученых и политиков, инженеров и управленцев, «Восток» и «Запад», человеческих

¹ Репина 2008. С. 8.

² См. Rindzeviciute 2016.

и нечеловеческих акторов не только отражают и воплощают социокультурную нормативность контекста, но порождают новые нормы, институты и материальные практики. В случае с «Властью систем» мы сталкиваемся с интеллектуальной историей, которая демонстрирует материальные эффекты, производимые деятельностью интеллектуального сообщества (наделенного не автономией, а своего рода «агентностью») – эффекты, не запланированные политическими «заказчиками».

Обратившись к изучению Международного института прикладного системного анализа (МИПСА), открытого в октябре 1972 г. совместными усилиями американской и советской сторон и объединявшего ученых практически со всех континентов, Риндзевичуте прослеживает в т.ч. и генеалогию собственного метода. Действительно, послевоенный бум кибернетических и системных исследований сделал возможным тот «не-модерный» (в интерпретации Б. Латура), пост-позитивистский, анти-эссенциалистский способ постановки и решения проблем, который характерен для современных аналитических стратегий.

В конспирологических версиях истории холодной войны и распада СССР МИПСА и его филиал ВНИИСИ (ВНИИ системных исследований) часто описываются как структуры, призванные «инфицировать» советскую элиту идеологически чуждыми, либеральными ценностями и сделать ее «спящим» агентом Запада. Риндзевичуте не отрицает, что американские инициаторы проекта во многом опирались на теорию модернизации как основу гегемонистской стратегии США. Но описываемые ею внешнеполитические реалии оказываются несоизмеримо сложнее конспирологического «заражения». Послесталинский СССР сделал серьезную ставку на научно-техническую революцию и очень интересовался новыми – научными – методами управления, которые стали разрабатываться американцами еще до Второй мировой войны. Кибернетика, исследования операций (operations research), корпоративный менеджмент, теория систем, методы автоматизации управления, компьютерное моделирование – все эти управленческие новинки привлекали самое пристальное внимание советского руководства. Особенно важными признавались компьютерные технологии, экспорту которых в СССР и соцстраны препятствовал Координационный комитет по экспортному контролю (КОСКОМ). Это повышало заинтересованность СССР в развитии научных контактов с западными исследовательскими центрами. Риндзевичуте подробно описывает деятельность тандема Косыгин – Гвишиани, сыгравшего ключевую роль как в организации МИПСА, так и в попытке привить системно-кибернетическую «правильность» советской партии вообще³.

³ В 1969 г. Джермен Гвишиани – ученый, организатор науки и зять премьера Косыгина – защитил докторскую диссертацию по философии «Американская тео-

Термин «правительность»⁴, предложенный в свое время Мишелем Фуко, возникает в тексте Риндзевичуте не случайно. Фуко, тематизировавший в конце 1970-х гг. проблему управления и зафиксировавший рождение нового – биополитического – диспозитива организации власти, подробно рассмотрел становление либеральной «правительности». С его точки зрения она ставит под вопрос избыточное суверенное вмешательство в дела управляемых, полицейское регулирование и постоянную регламентацию их активности⁵. Предельно кратко основной тезис управленческой практики либерализма можно сформулировать следующим образом: как научиться управлять, не управляя; или как управлять не процессами, а с помощью процессов. На этом фоне советский тип авторитарного, централизованного и персонализированного правления, с его недоверием ко всякой стихийности и автономности, с его идеологическим диктатом и окостеневшей ритуальностью, выглядит архаичным монстром, пытавшимся произвести кибернетический «апгрейд» техник тотального подавления. В такой картине есть доля правды – первоначально советский интерес к системно-кибернетическим разработкам был обусловлен нуждами военно-промышленного комплекса и общей потребностью в наращивании контроля. Но сама кибернетика оказалась «постпозитивистской» наукой. Здесь старый эпистемологический идеал истины был потеснен прагматическим постулированием важности практического эффекта. Учение о саморегуляции, мультизадачность, самокоррекция на основе обратной связи, возрастание роли неопределенности – все это заставляло пересмотреть (и «либерализовать») принципы управления, унаследованные позднесоветской политической элитой от предшествующей эпохи. Системно-кибернетические исследования, в терминах Риндзевичуте, стали «перформативной интеллектуальной технологией», исподволь сдвигающей цели и задачи участников совместных проектов в рамках МИПСА.

Этот перформативный сдвиг затронул и сам Институт как целое. Сложившееся в ходе работы уникальное интернациональное научное сообщество оказалось в состоянии выйти – во всяком случае, частично – из-под опеки политико-дипломатического мира, стать до некоторой степени самостоятельным актором, способным формулировать и навязывать собственную повестку. Тщательное и нюансированное выстраи-

рия организационного управления». Его воспоминания о МИПСА и работы по теории управления см. Гвишиани 2007.

⁴ Здесь используется перевод фр. *gouvernementalite* и английского аналога *governmentality*, предложенный А. Писаревым и С. Гавриленко в их переводе книги Митчелла Дина «Правительность: власть и правление в современных обществах». См.: Дин 2016.

⁵ См. Фуко 2010, Фуко 2011. В описании Риндзевичуте сам проект Фуко оказывается лишь частью глобальной системно-кибернетической волны.

вание форм сотрудничества требовало быть предельно осторожными в выборе тем исследования – политическая и идеологическая нейтральность были неременным условием существования МИПСА. В результате такого «деполитизирующего» ограничения сотрудники Института смогли очертить возможные границы совершенно иной – транснациональной и трансблоковой – политики, весь спектр потенциальностей которой (и «хороших», и «дурных») мы пока не можем оценить. Конечно, эту самостоятельность не стоит преувеличивать – сложившаяся вокруг МИПСА сеть всегда включала политиков, идеологов, агентов спецслужб. Но редукция подобного рода международных сообществ к фасадам, за которыми разворачивается «настоящая игра», еще менее продуктивна. Фасады, ширмы и побочные эффекты не стоит недооценивать – здесь возможны самые неожиданные превращения.

В числе конкретных разработок Института особое внимание Риндзевичуте уделяет двум проектам, связанным с глобальным моделированием экологических последствий человеческой деятельности. Первый проект – это разработка концепции «ядерной зимы», осуществленная учеными из США, Западной Европы и СССР⁶. Как полагает Риндзевичуте, в современной историографии холодной войны значение этой концепции часто умалется. А между тем ее влияние – и явное, и подспудное – на международную политику сложно переоценить. Конечно, попытки спрогнозировать результаты возможного ядерного столкновения делались уже в конце 1940-х. Но если эти более ранние исследования (проводимые, например, американским центром RAND) предполагали, что, несмотря на потери и серьезный ущерб с обеих сторон, победитель в атомной войне все-таки возможен, то модель «ядерной зимы» наглядно демонстрировала проигрыш всех участников конфликта. Экологическая катастрофа, вызванная ядерными ударами, лишает смысла сам разговор о победе. Предложенный учеными сценарий тотального уничтожения стал своего рода триггером в переосмыслении нашего взаимодействия с природой вообще. Системный анализ и компьютерное моделирование сделали видимой «политику природы» как сложного трансформирующегося целого. «Покорение», «использование» и «контроль», присущие современному типу управления как людьми, так и природными процессами, должны теперь уступить место иной глобальной биополитике, способной учитывать неопределенность и обратную связь. Глубоко неслучайно, что активный инициатор проекта «ядерной зимы» советский математик Никита Моисеев одновре-

⁶ Хотя непосредственная работа велась не на платформе МИПСА, участники проекта были так или иначе связаны с теми сетями, которые установил институт. В случае с советской стороной, речь идет о прямом конкурентном вызове, брошенном монополии Гвишиани.

менно разрабатывал новую коэволюционистскую стратегию мирового развития, опираясь на идеи Вернадского о биосфере и ноосфере. А одним из ключевых западных членов общей команды был голландский атмосферный химик Пол Крутцен – будущий лауреат Нобелевской премии и разработчик (совместно с Юджином Стормером) концепции «антропоцена» как новой геологической эпохи. Хотя глобальное пост-ядерное замерзание вроде бы противоположно глобальному потеплению, беспокоящему Крутцена сегодня, само осознание катастрофичности антропогенных климатических скачков возникло именно в начале 1980-х – во время совместной работы над расчетами «ядерной зимы».

Второй экологический транснациональный проект – уже закрепленный непосредственно за МИПСА – это исследование феномена кислотных дождей. Как показывает Риндзевичуте, работа над ним продвигалась едва ли не тяжелее, чем над прогнозированием общей судьбы после атомных бомбардировок. Действительно, речь здесь шла не о потенциальном будущем, а о разворачивающемся за окном настоящем. Работа над моделями требовала реальных данных, а они – особенно в СССР – часто были засекречены.

Но, полагает Риндзевичуте, несмотря на трудности в совместном достижении поставленных задач, именно тогда и именно в этой среде формируется тот комплекс представлений, который сегодня бросает открытый вызов и нашим практикам историописания.

Так, например, известный исследователь Дипеш Чакрабартти, работающий в рамках *postcolonial* и *subaltern studies*, в небольшой статье «Климат истории» подчеркивает, что теория антропоцена ставит под вопрос традиционное нововременное разделение на естественную историю и человеческую историю⁷. Долгое время природные изменения мыслились как обратимые, замкнутые в модусе «вечного» циклического возвращения, а потому неинтересные для историка. Однако стремительное развитие индустрии, сопровождавшееся освоением новых видов энергии, превратило человечество в геологическую силу. Люди настолько ускорили темп взаимодействия с естественной средой и настолько радикально изменили планету, что необратимость природных трансформаций стала, наконец, очевидной для них самих. Природа обрела историю и даже «субъектность»: из неподвижного, вневременного фона человеческой активности она превратилась в опасного контрагента, способного нас уничтожить. В этом – пронизанном апокалиптическими ожиданиями – контексте, утверждает Чакрабартти, писать отдельные истории капитала, колониальной экспансии или новых режимов власти уже недостаточно. Все эти исторические нарративы яв-

⁷ См. Chakrabarty 2009.

ляются «слишком человеческими». Даже «глубинная» и экологическая истории не отвечают требованиям антропоцена⁸. Необходим новый универсалистский метанарратив, чья задача – синхронизировать геологическое время Земли, биологическое время видов и слишком узко понимаемое до сих пор «историческое» время человеческих сообществ⁹. Этот универсализм должен быть равно далек как от гегельянской истории Духа, так и от марксистской истории капитала. «Скорее речь идет об универсальном, возникающем из сообща разделяемого чувства катастрофы. Это универсальное требует глобального подхода к политике без мифа о глобальной идентичности <...>. Предварительно мы можем назвать это “негативной универсальной историей”»¹⁰.

В 1979 г. Жан-Франсуа Лиотар, описывая постмодернистский мир кибернетического управления и информационных технологий, настаивал на том, что недоверие к метарассказам – главная характеристика этого мира¹¹. Сегодня история сделала очередной круг и неутишаемые экологические прогнозы, серьезность которых была осознана не в последнюю очередь благодаря системно-кибернетическим исследованиям, требуют нового – уже «гео-био-исторического» метанарратива, способного синхронизировать нас со всей планетой и всеми ее обитателями. Перспективы историописания такого рода еще более чем неопределенны. Но тем важнее разобраться в той относительно недавней научной «предыстории», которая делает это новое историописание возможным.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Chakrabarty D. The Climate of History // Critical Inquiry. Winter 2009/ P. 197-222.
 Jordheim H. Introduction: Multiple Times and the Work of Synchronization // History and Theory 53 (December 2014). P. 498-518.
 Rindzeviciute E. The Power of Systems: How Policy Sciences Opened Up the Cold War World. Ithaca; London: Cornell University Press, 2016. 292 p.
 Гвишiani Д.М. Избранные труды по философии, социологии и системному анализу. – М.: «Канон» + РООИ «Реабилитация», 2007. 672 с. [Gvishiani D.M. Izbrannye trudy po filosofii, sociologii i sistemnomu analizu. – М.: «Kanon» + ROOI «Reabilitacija», 2007]
 Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 592 с. [Din M. Pravitel'nost': vlast' i pravlenie v sovremennyh obshhestvah. М.: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2016. 592 s.]
 Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с. [Liotar Zh.-F. Sostojanie postmoderna. – М.: Institut jeksperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejja, 1998. 160 s.]
 Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2008. № 25-1. С. 5-11 [Repina L.P. Konteksty intellektual'noj istorii // Dialog so vremenem. 2008. № 25-1. P. 5-11].

⁸ О непоследовательности экологической истории см. Савицкий 2014.

⁹ См. недавнее перепрочтение понятия «синхронизации»: Jordheim 2014.

¹⁰ Chakrabarty 2009. P. 222.

¹¹ См. Лиотар 1998.

- Савицкий Е. Оберегать природу и защищать общество: о некоторых противоречиях в целях и методологии экологической истории // Новое литературное обозрение. 2014. № 126. URL <http://nlobooks.ru/node/4814>. [Savickij E. Oberegat' prirodu i zash-hishhat' obshhestvo: o nekotoryh protivorechijah v celjah i metodologii jekologicheskoy istorii // Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. № 126]
- Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с. [Fuko M. Rozhdenie biopolitiki. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1978-1979 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2010.]
- Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с. [Fuko M. Bezopasnost', territorija, naselenie. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1977-1978 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2011. 544 s.]

Кобылин Игорь Игоревич, кандидат философских наук, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина; kigor55@mail.ru

On the way to the cybernetic governmentality intellectual history of one scientific community

The article is devoted to the contemporary intellectual history of the late Soviet scientific-technical communities. Using the example of Egle Rindzeviciute's monograph "The Power of Systems: How Policy Sciences Opened Up the Cold War World", the integral approach to research that marks the actual work in this field is considered. Here the history of scientific ideas meets with historical sociology, cultural studies and even the history of everyday life. The result of this interdisciplinary "assembly" is a new type of history of science and scientific communities. This is not about a closed, autonomous sphere of pure knowledge production, but about networks linking scientists, engineers, politicians, managers, ideologists and intelligence officers. Moreover, these networks include not only human, but also non-human actors. Analyzing the activities of the International Institute for Applied Systems Analysis, Rindzeviciute convincingly demonstrates how Western and Soviet techno-sciences simultaneously reflected the sociocultural norms of their societies, and, cooperating, formed new ideas, institutions and material practices.

Keywords: intellectual history, governmentality, policy sciences, biopolitics, soviet modernity, anthropocene

Igor Kobylin, PhD, Associate Professor, Department of World History, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; kigor55@mail.ru

CONTENTS

In memory of Constance Blackwell	5
<i>History and theory</i>	
<i>Irina Savelieva</i>	
History and theory: "Return to the real"	7
<i>Intellectual history today</i>	
<i>Sergey Alexeyev</i>	
The Legend of Tsar Seleucus in Bulgarian medieval literature (an example of the interaction between the written and oral traditions)	27
<i>Anna Seregina</i>	
Aristotelian thought, canon law, and the concealment of truth in the Early Modern Europe	37
<i>Irina Rudkovskaya</i>	
Microstructure of the macrohistories of W. Robertson: development of the British historiographical canon of the late Enlightenment	49
<i>Irina Erlikhson, Svetlana Vassilyeva</i>	
The ideology of conservative alternative to the English criminal justice reform in the 18 th century	61
<i>Tatiana Skorokhodova</i>	
Moralism as the phenomenon in the thought and culture of the Bengal Renaissance..	77
<i>Sergey Buranok</i>	
The Colonial System: Balance and Its Future as Seen in the American Press of 1945	96
<i>In the space of socio-cultural history</i>	
<i>Andrei Smorchkov</i>	
The Roman Gods outside Rome: Native or Foreign Ones?	110
<i>Yulia Obidina</i>	
Socio-mental topography of the underground world of ancient Romans as an example of collective mnemonic tradition	124
<i>Elena Kalmykova</i>	
Churchmen as military leaders: the images of warrior bishops in English historical tradition	134
<i>Alexabder Medyakov</i>	
From peasant to archangel: the image of the German Michael during the First World War	146
<i>Sergey Dukin, Irina Samoilova</i>	
Rock-music in the late-Soviet and post-Soviet cinema	167
<i>From the history of religion and the church</i>	
<i>Anastasia Chibisova, Pavel Yermilov</i>	
Pan-Orthodox Leader: the Lausanne Conference and the Role of the Patriarch of Constantinople in the Orthodox World	186
<i>Dmitry Shmelev</i>	
French Catholics and USSR (on the materials of the weekly "Sept")	200
<i>Alexey Borzov</i>	
"The Wine of the Gospel" and "American Bottles": Attitude of Protestant Elite towards the Post-World War II Revival in the United States	218

History – Personality – Biography

<i>Nodar Mossaki, Dmitry Pirbari</i>	
Jafar-Agha – First general of the Kurdish origin in the Russian Imperial Army.....	234
<i>Anton Soldatov</i>	
“The sauce, I which we are being cooked...”	
Stefan Kieniewicz and Polish historiography in the late 1940s — mid-1950s.....	248

From the history of Soviet society

<i>Alexey Kilin</i>	
Autobiography as means of rehabilitation: on materials of personal records of ‘lishenets’	267
<i>Anzhelika Maslova</i>	
The demonstrative demonstration for a demonstrative trial: the case of ‘Industrial Party’	289
<i>Lyudmila Khakhovskaya</i>	
Chaun cultural base: the Soviet project and its implementation.....	300

Memorable events and dates

<i>Elena Novikova</i>	
Far from Homeland. To the 150 th Anniversary of V.A. Myakotin.....	314
<i>Stanislav Chernyavskiy</i>	
To the 110th anniversary of the Second Hague Peace Conference.....	320

Notulae eruditae

<i>Nadezhda Volkova</i>	
The Problem of Evil in the Contemporary Studies of Plotinus’ Philosophy.....	330
<i>Valery Petroff</i>	
<i>Frater Tertius</i> in Apostle Paul, Peter Abelard and Sigizmund Krzhizhanovsky.....	339

Reading books...

<i>Valentina Korzun</i>	
The intention is not a completed work yet...	
Collection of article “Russian science” in the realities of social extreme.....	347
<i>Anastasia Ashaeva</i>	
“Is there a socialist antiquity?”: several notes on the reception of Classics	
in the countries of Central and Eastern Europe.....	357
<i>Feodor Nikolai</i>	
“Third Wave” of memory studies:	
cultural memory between experience and representation.....	369
<i>Andrei Linchenko</i>	
The past, which does not leave: memory of the War and Holocaust in Lithuania.....	375
<i>Mikhail Vedeshkin</i>	
Russian Studies in History in Eötvös Loránd University.....	383
<i>Igor Kobylin</i>	
On the way to the cybernetic governmentality:	
intellectual history of one scientific community.....	389
CONTENTS.....	396

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Констанс Блэквелл	5
<i>История и теория</i>	
<i>И.М. Савельева</i> История и теория: “Return to the real”.....	7
<i>Интеллектуальная история сегодня</i>	
<i>С.В. Алексеев</i> Легенда о царе Селевке в болгарской средневековой книжности (пример встречи письменной и устной традиции).....	27
<i>А.Ю. Серегина</i> Аристотелевская мысль, каноническое право и сокрытие истины в Европе раннего Нового времени.....	37
<i>И.Е. Рудковская</i> Развитие британского историографического канона позднего Просвещения. I. Микроструктура макроисторий В. Робертсона.....	49
<i>И.М. Эрлихсон, С.А. Васильева</i> Идеология консервативной альтернативы реформы английского уголовного правосудия в XVIII веке.....	61
<i>Т.Г. Скороходова</i> Морализаторство как феномен мысли и культуры Бенгальского Ренессанса.....	77
<i>С.О. Буранок</i> Колониальная система в оценках американской прессы: баланс и перспективы в 1945 г.....	96
<i>В мире социокультурной истории</i>	
<i>А.М. Сморгков</i> Римские боги на чужой территории: свои или чужие боги?.....	110
<i>Ю.С. Обидина</i> Социоментальная топография загробного мира древних Римлян как пример коллективной мнемонической традиции.....	124
<i>Е.В. Калмыкова</i> Пастыри во главе армии: образы воинственных прелатов в английской исторической традиции.....	134
<i>А.С. Медяков</i> От крестьянина до архангела: образ немецкого Михеля в годы Первой мировой войны.....	146
<i>С.Г. Дюкин, И.В. Самойлова</i> Место и роль рок-музыки в позднесоветском и постсоветском кинематографе...	167
<i>Из истории религии и церкви</i>	
<i>А.А. Чибисова, П.В. Ермилов</i> «Всеpravославный лидер»: Лозаннская конференция и роль константинопольского патриархата в православном мире	186
<i>Д.В. Шмелев</i> Французские католики и СССР (по материалам еженедельника «Сет»).....	200
<i>А.В. Борзов</i> «Вино Евангелия» и «американские мехи»: послевоенный ривайвел в США в восприятии протестантской элиты.....	218

История – Личность – Биография*Н.З. Мосаки, Д. Пирбари*«Начальник наших куртин»: Первый генерал
Русской Императорской Армии курдского происхождения – Джафар-Ага..... 234*А.А. Солдатов*

«Соус, в котором нас готовят...»: Стефан Кеневич и польская историческая наука 248

Из истории советского общества*А.П. Килин*Автобиография как средство реабилитации
(на материалах личных дел “лишенцев”)..... 267*А.И. Маслова*

Показательные демонстрации для показательного процесса: «Дело Промпартии» 289

Л.Н. Хаховская

Чаунская культурная база: советский проект и его реализация..... 300

Памятные события и даты*Е.А. Новикова*

Вдали от Родины. К 150-летию В.А. Мякотина..... 314

С.И. Чернявский

К 110-летию Второй Гаагской конференции мира..... 320

Notulae eruditae*Н.П. Волкова*

Проблема зла в современных исследованиях философии Плотина..... 330

В.В. Петров

Frater Tertius у ап. Павла, Петра Абеляра и Сигизмунда Кржижановского..... 339

Читая книги...*В.П. Корзун*

Замысел еще не точка... Сборник «Русская наука» в реалиях социального экстрима 347

А.В. Ашаева«Существует ли социалистическая античность?» К исследованиям рецепции
греко-римской античности в странах Центрально-Восточной Европы..... 357*Ф.В. Николаи*“Третья волна” *memory studies*: культурная память между опытом и репрезентацией 369*А.А. Линченко*

Прошлое, которое не уходит: память о войне и Холокосте в Литве (1945–2015) 375

М.А. Ведешкин

Историческая русистика в Будапештском университете..... 383

И.И. Кобылин

На пути к кибернетической «правительности»: интеллектуальная история одного научного сообщества..... 389

CONTENTS..... 396

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

63 / 2018

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский пр., д. 32А, к. 1423; тел. +7 (495) 938–53–91
<http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm> ; dialogue.time@yandex.ru

Подписано в печать 01. 06. 2018
Формат 60х90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 600.

Отпечатано в типографии Onebook.ru ООО
«Сам Полиграфист». Москва, Волгоградский пр.,
д. 42, стр. 5; info@onebook.ru ; www.onebook.ru ;
тел. +7 (495) 545–37–10

ISSN 2073–7564

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ).
Журнал включен в диссертационный перечень ВАК по специальностям: история,
история философии, филология.
Журнал включен в каталог «Роспечать» (подписной индекс 36030).
Журнал включен в базу данных SCOPUS (с 2016 г.)
Журнал включен в базу данных WoS Core Collection
(Emerging Sources Citation Index [ESCI]) (с декабря 2017 г.)
Полные электронные версии статей представлены на сайте:
<http://roii.ru/publications/dialogue>
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного
наследия (Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.).
Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624.

Дизайн обложки *И.Н. Граве*